

А. В. Майоров

РАДИЦКО-
ВОЛЫНСКАЯ
ПЕСНЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

И. В. Майоров

Выходки социально-политические
вспомогательная и дополнительная литература
Князь, бояре и горькая льнянка

Все издания
издательство И. В. Майоров

А. В. Майоров

ГАЛИЦКО-
ВОЛЫНСКАЯ
УСЬ

Очерки социально-политических
отношений в домонгольский период.

КНЯЗЬ, БОЯРЕ И ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА

Под редакцией
профессора И. Я. Фроянова

Университетская книга
Санкт-Петербург
2001

ББК 63.3
УДК 94/99
М 12

*Издание осуществлено при поддержке
Института региональной экономики
и управления экономического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета;*

*Территориального управления Приморского
административного района
г. Санкт-Петербурга;*

*Государственного автотранспортного
предприятия № 1 г. Нижневартовска.*

Рецензенты:

заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук, профессор
Ю. Г. Алексеев (СПбГУ),
доктор исторических наук
Ю. В. Кривошеев (СПбГУ)

На авантитуле:

Богородица с младенцем. Каменная икона. Галич, XII–XIII вв.
(Ивано-Франковский областной краеведческий музей).

М 12

Майоров А. В.

Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., Университетская книга, 2001. 640 с.

ISBN 5-323-00013-9

В монографии на основе широкого круга русских и иностранных источников рассматривается социально-политическая история Галицко-Волынской Руси XI – XIII вв. Изучаются процессы формирования городских общин Галичины и Волыни, их борьба за независимость от Киева, особенности политического развития, межобщинные противоречия и конфликты. Значительное внимание уделяется социально-политической роли бояр, раскрывающейся во взаимоотношениях с княжеской властью и рядовыми гражданами, формированию и деятельности боярской думы, ее месту в системе государственных институтов. Анализируются внешнеполитические связи Юго-Западной Руси, прежде всего, отношения с Польшей и Венгрией, роль внешнеполитических факторов в развитии региона. Поднимается проблема влияния норм традиционного сознания, религиозно-мифологических стереотипов мышления и поведения, проявляющихся в политической практике общины.

ISBN 5-323-00013-9

9 785323 000135

ББК 63.3

© А. В. Майоров, 2001

© Арт-студии «ENoth.ru», оформление, 2001

Оглавление

Введение. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ. ОБЩИНА И ГОСУДАРСТВО	10
Общинная государственность Древней Руси: из истории и теории вопроса (с. 10). – Основные институты общинного государства. Вече (с. 14). – Князь. Княжеская власть и вечевая община (с. 21). – Княжеская дружина, теория «дружинного государства» (с. 26). – Боярская дума – «третий элемент» общинной государственности (с. 31). – Древнерусская волость: города и «пригороды» (с. 34). – Местное управление (посадник, воевода, тысяцкий) (с. 37). – Древнерусская государственность в мировом историческом процессе (с. 43).	
Глава первая. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ В ИСТОРИОГРАФИИ	46
Начало изучения истории Юго-Западной Руси; Д. И. Зубрицкий и его последователи (с. 46). – Обращение к «внутренней» истории края в трудах М. П. Смирнова, Н. И. Костомарова, Н. П. Дашкевича (с. 51). – Прошлое Галичины и Волыни в исследованиях второй половины XIX в. (с. 56). – Построения М. С. Грушевского и их влияние (с. 60). – Становление марксистской концепции и первые работы советских исследователей (с. 65). – Труды М. Н. Тихомирова, В. Т. Пашуто, И. П. Крипьякевича (с. 71). – Работы советских и украинских зарубежных историков: различие подходов и совпадение результатов (с. 77). – Новые подходы и перспективы исследования (с. 82). – Итоговые замечания (с. 86).	
Глава вторая. СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДСКИХ ОБЩИН И БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ КИЕВА (вторая половина XI – первая половина XII в.)	89
1. К истории формирования внутриобщинных отношений.	
Бояре и община в событиях 80-х годов XI в.....	91
Владимирская община и князь Ярополк: подоплека конфликта (с. 91). – «Злые советники» волынского князя, их влияние в междукняжеских делах и жизни общины (с. 95). – Начало политической самостоятельности Червоной Руси: убийство Ярополка и поиск виновных (с. 101). – Итого-	

вые замечания (с. 108).

2. Генезис боярской думы, ее место и роль в политической жизни общины.....109
 Историк о политическом значении боярской думы (с. 109). – «Три элемента» верховной власти общинного государства: продолжение дискуссии (с. 112). – Первые признаки функционирования боярской думы (с. 116). – Слепление Василька Теребовльского: боярство и земские интересы в междукняжеских отношениях (с. 119). – Положение и функции боярской думы («совета») в структуре внутриобщинных отношений (с. 127).
3. Внутриобщинные отношения и политическая борьба в конце XI в. (в свете фольклорно-этнографических параллелей).....132
 Княжеская усобица или конфликт волостных общин? (с. 132). – Пережитки архаического отношения к личности общественных лидеров: выдача владимирцами бояр Лазаря и Василя (с. 135). – Расправа Ростиславичей со своими врагами: месть или ритуальное убийство? (с. 139). – Внелетописная параллель к сообщению о казни владимирских бояр (с. 144). – Символика ритуального жертвоприношения летописного рассказа (с. 149). – Некоторые филологические наблюдения по поводу участников расправы с боярами (с. 154). – Итоговые замечания (с. 158).
4. Основные черты политического развития городских общин Волыни и Галичины в первой половине XII в.....159
 Княжение Ярослава Святополчича и его борьба с Мономахом (с. 159). – Возьмь под властью киевских правителей (с. 165). – Возвышение Галича и успехи Галицкой земли (с. 168). – К вопросу о местонахождении древнего Галича и пределах городской территории (с. 171). – Несколько замечаний о времени возникновения Галича (с. 179).

Глава третья. УКРЕПЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ВЕЧА И УТВЕРЖДЕНИЕ ПРИНЦИПА ВЕЧЕВОЙ ДЕМОКРАТИИ (середина – вторая половина XII в.).....187

1. «Общинная революция» и начало становления демократического принципа государственного устройства.....190
 К вопросу о значении внешнего фактора в политической эволюции волостных общин Юго-Западной Руси (с. 190). – Внешний фактор в политике Владимирка Володаревича (с. 193). – Выступление галичан 1145 г. и начало борьбы за право «вольности в князьях» (с. 198). – Общины Галича и Киева в XI – XII вв.: черты сходства и особенности (с. 202). – Данные летописной терминологии о составе участников политических выступлений вечевой общины (с. 206). – Итоговые замечания (с. 209).
2. Иван Берладник: Грамота 1134 г., Берладь и берладники.....211
 Источники о «берладском» князе Иване Ростиславиче (с. 211). – Грамота 1134 г.: географический комментарий (с. 214). – Дипломатический и хронологический комментарий (с. 219). – Где находилась летописная Берладь (с. 222). – К вопросу о южной границе Галицкой земли

Оглавление

(с. 228). – «Салтаны» Ярослава Осмомысла в Слове о полку Игореве (с. 232). – Русское население Нижнего Дуная: берладники, «подунайцы», галичские «выгонцы» (с. 237).

3. Бояре и община Галича в княжение Ярослава Осмомысла.....241
Князь Ярослав и «все мужи его»: первые летописные известия о галицких боярах, их оценка исследователями (с. 241). – О военном и политическом значении совета князей с боярами (с. 247). – Бояре и воинские силы общины (с. 251). – Бояре и «галичане» в событиях начала 1170-х годов (с. 254). – К вопросу о боярских «партиях» и их роли в политической жизни общины (с. 259). – Итоговые замечания (с. 263).
 4. Внутриобщинные отношения в событиях 1187-1189 гг.....265
«Собор» 1187 г. и общерусская практика подобных мероприятий (с. 265). – О составе участников древнерусского вече (с. 270). – «Галицкие мужи» и князь Владимир Ярославич (с. 274). – Первое появление на галицком столе венгерского королевича: завоевание или добровольное соглашение? (с. 281). – Еще раз о боярских «партиях» и роли бояр во взаимоотношениях вечевой общины с князьями (с. 284). – Причины неудачи королевича Андрея: межпартийная борьба или выступление всей общины? (с. 287). – Итоговые замечания (с. 294).
 5. Особенности политического развития Волыни во второй половине XII в.....297
Городские общины Волыни в борьбе за обретение внешне- и внутриполитического суверенитета (с. 297). – Военные и политические успехи владимирской общины (с. 301). – Консолидация Волыни под властью Владимира и возобновление наступательной политики в отношении Галичины (с. 306). – Хроника Кадлубка и «История» В. Н. Татищева о борьбе за Берестье в 1182 г. (с. 310). – Городская община Берестья по данным польских и русских источников (с. 315).
- Глава четвертая. ВНУТРИОБЩИННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И МЕЖВОЛОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ. КРИЗИС КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ (первая четверть XIII в.).....320**
1. «Свирепый» Роман и «неверные» бояре: политическая борьба и внутриобщинные отношения на рубеже XII – XIII вв.321
Сведения польских источников о вокняжении в Галиче Романа Мстиславича и отношение к ним в отечественной историографии (с. 321). – Рассказ Кадлубка и данные русских источников (с. 323). – Бояре и галичане во взаимоотношениях с малопольским князем Лешком (с. 328). – Причины неприязни галичан к Роману (с. 331). – Роль бояр в событиях 1199 г. (с. 334). – Данные о расправе Романа с галицкими боярами и практика аналогичных мероприятий в Галичине (с. 340). – Ритуально-символическое значение «злых» казней общественных лидеров (с. 343).
 2. Основные тенденции политического развития Галичины и Волыни в начале XIII в.....348
Взаимоотношения вечевой общины и князя (с. 348). – Эгоистические устремления князей, вмешательство внешних сил (с. 353). – Межволост-

ные противоречия и внутриволостные конфликты (с. 357). – Усиление роли боярства: бояре как военные предводители и наиболее боеспособная часть войска (с. 359). – Внешне- и внутриволостная деятельность бояр (с. 362). – Итоговые замечания (с. 368).

3. Бояре и «галичане» во взаимоотношениях с князьями Игоревичами.....370

Борьба за галицкий стол после смерти Романа (с. 370). – Бояре Кормильчичи и призвание Игоревичей (с. 373). – Галицкие послы на вече во Владимире: бояре как участники вечевых прений (с. 377). – Галицкое княжение Игоревичей: внутренние противоречия и внешние враги (с. 381). – Конфликт князей с общиной и «избиение» пятисот галицких бояр (с. 386). – Казнь Игоревичей: невыясненные и спорные обстоятельства (с. 391). – Обрядовая символика и ритуальный смысл казни преступных князей (с. 396). – Социально-психологические корни традиции расправы с князьями (с. 401). – Итоговые замечания (с. 405).
4. Феномен Володислава Кормильчича.....408

Правление боярина в оценке исследователей (с. 408). – Венгерский король, бояре и галичане в истории вокняжения Володислава (с. 410). – Высокий общественный статус и личный авторитет Кормильчича (с. 415). – О некоторых психологических закономерностях традиционного сознания (с. 420). – Антиномия *свои – чужие* (с. 423). – Патриотическое чувство, понятия *жизнь и душа* (с. 427). – Дочери и «рабы» перемышлян в аспекте внутриволостных отношений (с. 431). – Итоговые замечания (с. 435).
5. Галицкая община в княжение Мстислава Удалого.....437

Историки о галицком княжении Мстислава (с.437). – Отношение галичан к новому князю (с. 441). – Мстислав и галичане после битвы на Калке (с. 447). – Боярский «заговор» или требование всей общины? (с. 453). – Причины неудачи «удалого» князя в Галиче (с. 459). – Мстислав и Даниил: попытка совместного правления (с. 465). – Роль бояр в судьбе княжеского стола (с.471).– Итоговые замечания (с.478).

Глава пятая. **БОРЬБА ЗА ГАЛИЦКИЙ СТОЛ ДАНИИЛА РОМАНОВИЧА: ПРОДОЛЖЕНИЕ МЕЖВОЛОСТНОГО КОНФЛИКТА (конец 20 – 30-е годы XIII в.).....480**

1. К вопросу о венгерском влиянии на социально-политическое развитие Юго-Западной Руси. Золотая булла 1222 г. и договорная практика венгров и галичан.....482

О традиции договорных отношений общины с иноземными претендентами на галицкий стол (с. 482). – «Вольности» сервиентов Золотой буллы (с. 489). – Золотая булла и договорные грамоты новгородцев с великими князьями: опыт сравнительного анализа (с. 491). – Обязательства королевской власти и политическая практика галицкой общины (с. 495). – Итоговые замечания (с. 499).
2. Борьба Даниила Романовича за галицкий стол с венграми в конце 20 – начале 30-х годов. Галицкая община и князь Даниил.....501

Оглавление

Поход Даниила на Галич 1230 г.: галичане и «все бояры Галичкыи» (с. 501). – «Многие мятежь, великия лъсти, бесчисленныя рати»; «вече» 18-ти отроков (с. 506). – Осада венграми Ярослава и решение городского «совета» (с. 513). – Столкновение у Голых Гор; новое вокняжение королевича в Галиче (с. 518). – Поход венгров на Волынь и «ряд» с воеводой Мирославом (с. 522). – Итоговые замечания (с. 525).

3. Борьба за Галич в первой половине 30-х годов. Галицкая община и королевич Андрей527
Перемены венгерской политики в отношении Галича (с. 527). – Выступление королевича Андрея против Даниила в начале 1233 г., его цель и значение (с. 531). – К вопросу об участии галичан в военных предприятиях королевича (поход на Киев и битва под Шумском) (с. 535). – Приграничные столкновения: захват Плеснеска и осада Перемышля (с. 541). – «Галичане» и «большая половина Галича»: о внутривосточных противоречиях в Галицкой земле (с. 546). – Галич и Звенигород (с. 553). – Итоговые замечания (с. 558).
 4. Вмешательство в галицкие дела черниговских князей: Даниил Романович и Михаил Всеволодович560
Черниговский поход 1234–1235 гг.: противоречия источников (с. 560). – Поражение Даниила под Торческом и тайные переговоры галицких бояр (с. 566). – Переход галицкого стола к Михаилу Всеволодовичу: невыясненные и спорные обстоятельства (с. 570). – Новый захват Галича Даниилом в 1238 г.: тенденциозность летописного повествования (с. 574). – Роль епископа Артемия и дворского Григория в обороне Галича (с. 578). – Итоговые замечания (с. 583).
 5. Внешнеполитические факторы в соперничестве Романовичей и Михаила584
Венгерские данные об отношениях Даниила с королем Белой IV (с. 584). – Правители Венгрии, Мазовии и Киева, болоховские князья, торки и половцы в перипетиях борьбы за Галич (с. 590). – Внешнеполитические успехи Романовичей (союз с Австрией и Литвой, победа над добжинскими рыцарями) (с. 595). – Вмешательство в южнорусские дела новгородско-перемышлянского князя Ярослава Всеволодовича: Михаил и Ярослав (с. 599).
- Заключение 607
Список сокращений 614
Указатель имен 617

*Памяти отца
Вячеслава Ивановича
Майорова*

Введение

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
ДРЕВНЕЙ РУСИ.
ОБЩИНА И ГОСУДАРСТВО**

Общинная государственность Древней Руси: из истории и теории вопроса. – Основные институты общинного государства. Вече. – Князь. Княжеская власть и вечевая община. – Княжеская дружина, теория «дружинного государства». – Боярская дума – «третий элемент» общинной государственности. – Древнерусская волость: города и «пригороды». – Местное управление (посадник, воевода, тысяцкий). – Древнерусская государственность в мировом историческом процессе.

Древнерусская государственность, сложившаяся в XI – XIII вв., носила общинный характер. Общество еще не знало сословного и классового разделения, глубоких социальных антагонизмов; подавляющее большинство его членов составляли лично свободные и полноправные граждане, объединявшиеся в городские и сельские общины. Государство являло собой слаженную систему соподчиненных общин, где можно выделить три основных звена: община старшего города, общины подчиненных ей младших городов или «пригородов», сельские общины¹.

Образующаяся на основе этой иерархии территориально-политическая структура в древнерусских источниках именуется «земля» или «волость». Каждая такая земля получает свое название от названия «старшего города»: Киев – Киевская земля, Новгород – Новгородская земля, Смоленск – Смоленская земля и т. д. Такие образования квалифицируются как города-земли или города-государства, обладающие всеми

¹ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980; 3) Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999; Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.

всеми признаками и атрибутами внутреннего и внешнего суверенитета². Ведущая роль в них принадлежит городской общине, общине «старшего города».

Изучение истории городской общины в отечественной науке имеет давнюю традицию³. Крупный вклад в разработку этой проблемы на материале отечественной истории внесли выдающиеся представители русской историко-правовой науки рубежа XIX – XX вв. Логическим завершением предпринятых ими исследований стала концепция «земского государства», которую наиболее последовательно разрабатывал М. Ф. Владимирский-Буданов, оттачивая свои формулировки в полемике с В. И. Сергеевичем и М. А. Дьяконовым. Государственное устройство в Древней Руси, полагал ученый, «состоит не в княжеских отношениях, а в земских (*старших городов к пригородам*), и самое понятие государства приурочивается не к княжениям, к землям...»⁴. В земском государстве «преобладающим элементом служит *территориальный*: государство есть союз общин, старшая община правит другими общинами»⁵.

Современные исследователи отмечают следы существования городской общины в Западной и Южной Европе, странах Азии, Африки, Латинской Америки – практически по всему миру⁶. Что касается общины средневековой Руси, то в советской историографии, как известно, возобладала концепция раннего утверждения феодализма, разделения общества на классы, подчинения князю и дружине основного большинства городских и сельских жителей, лишившихся возможности участвовать в политической жизни, в делах государственной власти

² Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

³ См.: Лаптин П. Ф. Община в русской историографии последней трети XIX – начала XX в. Киев, 1971; Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969.

⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 273-274.

⁵ Там же. С. 274.

⁶ Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X – XV вв. М., 1960. С. 19-20, 38, 147; Фрейденберг М. М. Городская община X – XI вв. в Далмации и ее античный аналог // *Etudes balkaniques*. 1977. № 2; Котельникова Л. А. Городская община в Северной и Средней Италии в VIII – XV вв. // *Страны Средиземноморья в эпоху феодализма*. Горький, 1975; Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958; Община в Африке. Проблемы типологии / Под ред. Д. А. Ольдерогге. М., 1979, и др.

и управления⁷. Тем не менее, вопрос о статусе и функциях древнерусской общины время от времени поднимался: историки отмечали, что, несмотря на постоянно усиливающийся «натиск» со стороны государственных и церковных институтов, а также развивающихся вотчинных отношений, древнерусская община продолжала существовать, хотя сфера ее властных полномочий постепенно сужалась⁸.

Интерес к изучению древнерусской городской общины значительно усилился в последнее время. К выводу о том, что древнерусский город в сущности представлял собой территориальную общину (союз территориальных общин), пришли Ю. Г. Алексеев, М. Х. Алешковский, Л. А. Фадеев, В. В. Карлов, А. В. Куза, Б. А. Тимошук, Л. В. Данилова, В. А. Буров⁹. О высоком политическом значении общины в Древней Руси, члены которой обозначаются в источниках термином «люди», говорят современные специалисты по истории русского права: «Люди принимали активное участие в жизни Древней Руси. Ни одно крупное событие в истории государства, описанное в летописях, не обходится без их участия: военные походы, призвание князей, выборы должностных лиц»¹⁰.

Достижения этих и других историков дают полное основание вслед за Л. В. Даниловой констатировать, что существование древнерусской городской общины и сохранение ею единства как социального орга-

⁷ Советская историография Киевской Руси / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л., 1978; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990. Очерк VI; Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII – XX веков. СПб., 1996. Глава III.

⁸ Шапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. Сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина / Отв. ред. В. Т. Пашуто. М., 1975.

⁹ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота. Л., 1980. С. 25; Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX – XV вв. // СА. 1974. № 3; Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город. Историко-методологический сборник / Под ред. В. Л. Янина. М., 1976; Карлов В. В. О факторах экономического и социального развития русского города в эпоху средневековья // Там же; Куза А. В. 1) Социально-историческая типология древнерусских городов // Русский город. Исследования и материалы. М., 1983. Вып. 6; 2) Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X – XIII вв. // КСИА. 1984. Вып. 179; Тимошук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 190 и след., 239; Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994; Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 16-50.

¹⁰ Древнерусское государство и право / Под ред. Т. Е. Новицкой. М., 1998. С. 14.

низма в новейших исследованиях «неопровержимо доказано»¹¹. Наиболее полно и последовательно этот вывод формулируется в работах И. Я. Фроянова и его учеников. Однако главное в их исследованиях – пересмотр прежних представлений о месте и роли общины в политической жизни: если раньше ей отводилось весьма скромное место где-то на периферии политической системы, то теперь она поставлена в самом ее центре¹².

Трудами названных исследователей установлено, что городская община имела сложную внутреннюю структуру, состоявшую из кончанских и уличанских общин; в нее входила также тысячно-сотенная организация, сохранившая значение со времен родоплеменного строя. Система общинного управления включала князя, посадников, воевод, тысяцких и сотских, при том, что главным ее звеном было вече – собрание свободных общинников, осуществлявшее верховную власть. Тем самым городская община Древней Руси воплощала в себе, прежде всего, государственное начало, являлась носителем государственных отношений и источником власти.

Древнерусская государственность складывается в результате разложения родоплеменных отношений и распада существовавшего на их основе в конце IX – X в. межплеменного восточнославянского «суперсоюза» с центром в Киеве. Эти процессы сопровождаются глубокими социально-политическими изменениями – образованием и укреплением публичной власти, формированием системы налогообложения, наконец, вытеснением и заменой кровнородственных связей территориальными¹³. В восточнославянском обществе был реализован тот хорошо известный современной науке путь политогенеза, когда «внутриобщинные потестарные отношения могли перерасти в политические отношения внутри самой общины, превращая ее в политическую

¹¹ Данилова Л. В. Сельская община... С. 168.

¹² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 216-243; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства...; Дворниченко А. Ю. 1) Городская община средневековой Руси // Историческая этнография / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л., 1985; 2) Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993; Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. СПб., 1999.

¹³ Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Межвуз. сб. / Под ред. Г. Л. Курбатова. Л., 1991; Дворниченко А. Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995.

структуру»¹⁴. Современными исследователями установлено, что «возможность принятия общиной государственной формы содержится уже в восточной общине», которая сама считается древнейшей и наиболее универсальной формой общественной организации при переходе от доклассового к классовому обществу¹⁵.

Важнейшая роль при этом принадлежит городам. В городской среде в первую очередь образовывалась новая система личных связей, основанная на соседской взаимопомощи. В городах «исчезает поглощенность личности родом, ее статус не растворяется в статусе группы в той мере, как в варварском обществе. Уже в ранних городах Новгородско-Киевской Руси общество переживает состояние дезинтеграции. Но при разрушении прежних органических коллективов, в которые включался каждый индивид, общество перестраивается на новой основе. В города, под сень княжеской власти стекаются люди самые разные, и по общественному положению, и по этнической принадлежности. Солидарность и взаимопомощь – неперемнное условие выживания в экстремальных условиях голодовок, эпидемий и вражеских вторжений»¹⁶. И в дальнейшем города остаются главными центрами общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни, средоточием древнерусской государственности, где размещались и действовали ее основополагающие институты.

* * *

Основными институтами государственной власти в Древней Руси являлись вече, князь и боярская дума. Историки и в особенности историки русского права давно сделали вывод о смешанной форме государственной власти в древнерусский период. Эту форму составляли несколько элементов. В. И. Сергеевич полагал, что в образовании верховной власти на Руси «участвуют два элемента, а именно, монархический, в лице князя, и народный, демократический элемент, в лице веча»¹⁷. Но при таком подходе недооценивалось значение боярской думы

¹⁴ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 51.

¹⁵ Зак С. Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки / Отв. ред. Д. А. Ольдерогге, С. А. Маретина. М., 1975. С. 265, 267.

¹⁶ Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X – XIII вв.) // ВИ. 1994. № 10. С. 52.

¹⁷ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 141-142.

как третьего элемента государственной власти, воплощающего аристократическое начало. Первым данный недостаток отметил М. Ф. Владимирский-Буданов: «Формы верховной власти тройственны..., – считал он, – в состав власти входят: князь, боярская дума и народное собрание (вече)»¹⁸.

Вывод о тройственной форме властных институтов Древней Руси в дальнейшем был поддержан многими видными учеными. «Этот последний вывод надо признать более правильным», – считал М. А. Дьяконов¹⁹. О «трех составных частях правительства» говорит в своей известной работе «Киевская Русь» Г. В. Вернадский: «правление русскими землями в киевский период представляло собой смешение этих трех форм (монархической, аристократической и демократической. – А. М.)... В правительстве каждой из русских земель были представлены все три начала, но степень важности того или иного из них в различных случаях варьировалась»²⁰.

Тройственная форма государственной власти Древней Руси является наследием предшествующей эпохи. На последней стадии родоплеменного строя обществом также управляют три основных института – племенное вече, князь и совет старейшин²¹. Преимущество социально-политических институтов, наблюдаемая при переходе от стадии «военной демократии» к городам-государствам, является важнейшей закономерностью процесса генезиса государственности и, по данным современной науки, соответствует одному из наиболее распространенных в мировой истории путей политогенеза архаического общества, осуществляющемуся на основе трансформации протополисной общины в классическую полисную структуру²².

¹⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 36, 44-51.

¹⁹ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 124.

²⁰ Вернадский Г. В. Киевская Русь. Тверь; М., 1996. С. 195.

²¹ Свод этнографических понятий и терминов. [Вып. 1.] Социально-экономические отношения и соционормативная культура / Отв. ред. А. И. Першиц, Д. Трайде. М., 1986. С. 47-48.

²² См.: Штарман Е. М. Античное общество: модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. I; Васильев Л. С. История Востока. М., 1993. Т. I. Гл. 4; Павленко Ю. В. Классообразование: становление и модели развития раннеклассовых обществ // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М., 1991. Ч. II; Коротаев А. В. Некоторые экономические предпосылки классообразования // Там же; Крадин Н. Н. 1) Политогенез // Там же; 2) Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от

Верховным органом власти общинного государства было вече – народное собрание, в котором участвовали все свободные и полноправные граждане из числа жителей города и прилегающей сельской округи. Участвовать в вечевых мероприятиях было не обязанностью, а правом граждан, которым они могли пользоваться по своему усмотрению²³. Этим правом обладали не все свободные жители, а только главы больших семей, «мужи», как их именуют древнерусские источники: на вече они принимали решения за себя и за своих «детей», физически вполне взрослых, но не достигших еще гражданского полноправия²⁴.

Современные исследователи справедливо обращают внимание на общеземский характер древнерусского веча: «вече есть общеземская власть, необходимая для решения земских дел общей волей князя, бояр и народа»²⁵. В этом состоит основное политическое значение веча как высшего органа государственной власти.

Вечевые постановления принимались консенсусом, хотя и достигавшимся нередко в ходе острой борьбы и столкновения различных мнений. Никакого подсчета отдельных голосов, поданных в пользу того или иного решения, не производилось, необходимо было общее согласие веча для того, чтобы решение вступило в силу. Иначе и быть не могло, ведь при характерной для того времени неразвитости аппарата государственного принуждения любое принятое постановление могло быть исполнено лишь при условии согласия с ним и поддержки подавляющего большинства простых граждан²⁶.

Важную роль в ходе вечевых прений играли общинные лидеры – бояре, силой личного авторитета и умением убеждать они доказывали свою правоту и увлекали за собой рядовых вечников, апеллируя к общим интересам земли, в сознании древнерусских людей стоявшим выше любых индивидуальных или групповых интересов²⁷. При этом

первобытности к государственности / Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995. С. 20.

²³ Дьяконов М. А. Очерки... С. 127.

²⁴ Майоров А. В. О составе участников древнерусского веча (по материалам Новгорода и других регионов Древней Руси) // Петербургские чтения – 96. Мат-лы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003» / Ред. совет: Т. А. Славина (пред.) и др. СПб., 1996.

²⁵ Елчев В. А., Васецкий Н. А., Краснов Ю. К. Парламентаризм и народное представительство в России: история и современность. М., 2001. С. 21.

²⁶ Дьяконов М. А. Очерки... С. 127.

²⁷ К выводам такого рода приводит нас, в частности, изучение истории Галицко-Волынской Руси. – См.: Майоров А. В. Бояре и община Юго-Западной Руси в XI – начале XIII в. К проблеме эволюции государственности и социально-политических отношений // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право.

окончательное решение оставалось за рядовыми участниками вечевого собрания, что указывает на демократический характер древнерусского веча. Народ принимал самое непосредственное и деятельное участие как в приглашении князей на княжение, так и в изгнании их из волости.

Решению веча старшего города подчинялись жители «пригородов». На вече в старший город прибывали иногда и делегаты из «пригородов». Компетенция веча ничем не была ограничена, собравшиеся на нем граждане могли рассматривать и принимать решения по любому вопросу, имеющему общественно важное значение. Вече ведало вопросами войны и мира, распоряжалось княжескими столами, финансовыми и земельными ресурсами волости, объявляло денежные сборы с волостного населения, входило в обсуждение законодательства, смещало неугодных представителей назначаемой князьями администрации²⁸.

Нет никаких оснований утверждать, будто в X или XI в. практика вечевых собраний прекращается, что полномочия этого древнего института полностью поглощаются растущим княжеским административно-судебным аппаратом. Наиболее последовательный сторонник такого взгляда среди современных историков М. Б. Свердлов полагает, что «племенное вече – верховный орган самоуправления и суда свободных членов племени – с образованием государства исчезло»²⁹. Но как же быть с многочисленными упоминаниями источников о вечевой деятельности и коллективных решениях жителей древнерусских городов в последующий период? М. Б. Свердлов разделяет эти данные на два разряда: одни будто бы отображают деятельность местных собраний, сельских и кончанских (в крупных городах), которые «трансформировались в феодальный институт местного самоуправления»; в других запечатлелась деятельность некой новой формы «политической активности городского населения», которая лишь в силу традиции сохранила прежнее название; «вопрос о власти, – делает вывод исследова-

Российский междисциплинарный научный журнал. [СПб.; Ижевск]. 1999. № 2. – Более подробно речь об этом пойдет в настоящей книге.

²⁸ Л и м б е р т А. Предметы ведомства «веча» в княжеский период древней России. Варшава, 1877; С е р г е е в и ч В. И. 1) Вече и князь. М., 1867; 2) Древности русского права. СПб., 1908. Т. II; Д ь я к о н о в М. А. Очерки... С. 137-144; В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в М. Ф. Обзор... С. 51-60, 281-283; Д о в н а р - З а п о л ь с к и й М. В. Вече // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., б. г. Т. 1; Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Очерк V; Д а н и л е в с к и й И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). М., 1998. С. 97.

²⁹ С в е р д л о в М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 56.

тель, – в Древнерусском государстве был однозначно решен в пользу господствующего класса»³⁰.

Приведенная концепция по сути дела повторяет взгляды Б. Д. Грекова, отмечавшего в свое время, что «писать о вече можно только с оговоркой по той простой причине, что в Киевском государстве как таковом вече, строго говоря, не функционировало; расцвет вечевой деятельности падает уже на время феодальной раздробленности», но веча этого периода – искусственные образования, связанные лишь с правящей верхушкой³¹. Подобные построения встретили критику уже в советской историографии³², их отвергают и новейшие исследователи³³. Ведь невозможно зачеркнуть или принизить значение многочисленных фактов призвания и изгнания князей, решения других важнейших вопросов внутри- и внешнеполитической жизни, в которых участвовали «все Кияне», «весь Новгород», «вся Галичкая земля», «все людьє», «от мала и до велика».

Не находит достаточного подтверждения и предположение В. Л. Янина о том, что в Новгороде общегородское вече «объединило лишь крупнейших феодалов и было не народным собранием, а собранием класса, стоящего у власти»³⁴; число участников такого собрания будто бы не превышало 300 человек (по 100 представителей от каждого конца) – те самые «300 золотых поясов», о которых говорит немецкая грамота 1331 г., – затем, с образованием пяти концов это число могло возрасти до 500³⁵. В настоящее время исследователь придерживается мнения, что вся городская территория средневекового Новгорода состояла исключительно из боярских усадеб, владельцы которых и осуществляли власть в городе³⁶.

³⁰ Там же.

³¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 353 и след.

³² Епифанов П. П. О древнерусском вече // ВМГУ. Сер. 9. 1963. № 3.

³³ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 180; Данилевский И. Н. Древняя Русь... С. 90-91.

³⁴ Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // ИСССР. 1970. № 1. С. 50-51.

³⁵ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 94.

³⁶ Янин В. Л. 1) Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Мат-лы научн. конф-ции, посвящ. 60-летию археологич. изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения А. В. Арцыховского. Новгород, 28 сент. – 2 окт. 1992 г. / Под ред. В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова. Новгород, 1994; 2) Истоки формирования «социальной традиции» русского города (Новгород как социальная структура) // Город как социокультурное

Подобные построения имеют весьма шаткие основания. В частности, они основаны на неверном определении расположения княжеского двора, места, где проходили вечевые собрания новгородцев. Как показывает анализ многочисленных летописных и иных свидетельств, княжеский двор, именуемый также «Ярославовым», располагался не к западу, а к югу и юго-востоку от Никольского собора («Святого Николы»)³⁷, и на его обширной территории могли свободно разместиться не 300 – 400, а несколько тысяч человек³⁸. Не подтверждаются и другие предположения В. Л. Янина, прежде всего о том, что в пределах городской территории Новгорода вмещалось не более 300 – 400 жилых усадеб. Более тщательный анализ археологических и письменных источников показывает, что эта цифра искусственно занижена, и в действительности число жилых дворов в Новгороде могло достигать нескольких тысяч³⁹.

Одним из главных аргументов, призванных доказать утрату вечем в XI – XII вв. былого политического значения выдвигается тот факт, что термин «вече» не часто встречается в древнерусских источниках: в частности, он не упоминается в законодательных памятниках и актовых материалах, нет его в летописании Новгорода и Северо-Восточной Руси (до XIII в.), всего девять раз этот термин фигурирует в Киевском своде конца XII в. и дважды – в Галицко-Волынской летописи, что упоминания о вече связаны с какими-то чрезвычайными событиями, проявлениями классовой борьбы и проч., их нет в контексте «нормальной» политической жизни⁴⁰.

Однако само по себе отсутствие широкого употребления термина отнюдь не доказывает исчезновение или низкую эффективность обозначаемого им института. Красноречивым примером в данном отношении служит как раз тот факт, который приводится в доказательство обратного, а именно – отсутствие употребления термина «вече» в новгородских летописных известиях за XII столетие. Поскольку едва ли ко-

явление исторического процесса / Отв. ред. Э. В. Сайко. М., 1995; 3) Новгород как социальная структура // Феодалы в городе: Запад и Русь. М., 1996; 4) Основные итоги археологического изучения Новгорода // Славянский средневековый город. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2.

³⁷ Андреев В. Ф. Княжеский двор в древнем Новгороде // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12).

³⁸ Андреев В. Ф. О социальном составе Новгородского веча // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Межвуз. сб. / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1988. С. 73-74.

³⁹ Там же. С. 77-79.

⁴⁰ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 52-53.

му придет в голову отказать Новгороду в существовании веча, то для объяснения молчания о нем источников исследователям приходится прибегать к весьма сомнительным аргументам, демонстрирующим несостоятельность всего построения: «отсутствие упоминаний о вече в новгородском летописании до XIII в., – пишет М. Б. Свердлов, – можно расценивать как обычное для летописей умолчание об органах государственного управления, о которых они сообщают крайне мало»⁴¹. Получается, что упомянутое «умолчание» являлось «обычным» только для новгородских летописей, но каким-то образом его избегали летописцы Киева, Северо-Восточной и Юго-Западной Руси. Если же речь идет об общерусских традициях, то почему летописцы Новгорода и остальной Руси поставлены в столь неравные условия?

Прав был И. Н. Данилевский в своей оценке полемики М. Б. Свердлова с И. Я. Фрояновым, доказывающим повсеместное распространение на Руси вечевых порядков: при соотнесении замечания об обычном молчании новгородских летописцев о вече как хорошо известном явлении политической жизни «с отсутствием прямых упоминаний веча в “нормальной” обстановке в других городах Древней Руси, гипотеза И. Я. Фроянова даже получает, пожалуй, дополнительное обоснование»⁴².

Действительно, очень часто летописцы, ведя рассказ о важнейших политических событиях, специально не употребляют термина «вече», но подразумевают деятельность этого института. В подобных случаях о деятельности веча говорится описательно, но с использованием вполне определенных выражений и во вполне определенном контексте. Деятельность веча подразумевается, когда речь идет о различных проявлениях коллективной воли горожан, их организованных выступлениях и общих требованиях, когда употребляются термины «людые», «гражане», «народ» или в зависимости от места действия – «кияне», «новгородцы», «смолянне», «владимирцы» и проч., которые «собрались», «встали», «сдумали», «послали», «сказали», «урядились», «целовали крест», «посадили» или «прогнали» князя, к которым обращается князь, зовет их в поход, дает обещания и приносит присягу. Многочисленные примеры такого рода были собраны и обработаны еще В. И. Сергеевичем в его знаменитой книге «Вече и князь»⁴³.

⁴¹ Там же. С. 54.

⁴² Данилевский И. Н. Древняя Русь... С. 100.

⁴³ Сергеевич В. И. Вече и князь. С. 3-20.

* * *

Вторым институтом государственной власти в Древней Руси являлся князь. Его общественное положение раскрывается двояко. Князь – представитель знати, в кругу которой он – первый среди равных. Это обстоятельство, разумеется, накладывало свой отпечаток на его правительственную деятельность: князь не был свободен от интересов и запросов социальных верхов⁴⁴. Но бесспорно и другое – в княжеской политике находили выражение нужды простого народа, что объясняется отсутствием антагонистических противоречий, общинным характером социального устройства. «Князь и знать еще не превратились в особое сословие, отгороженное от рядовых общинников. Знатные выступали в качестве лидеров и правителей, но власть они пока получали из рук народа»⁴⁵.

Князь и городская община составляли части единого социально-политического организма. Князь не мог обойтись без общины, как и она без него. Об этом свидетельствуют выполняемые князем общественно необходимые функции. Искони ему принадлежит роль верховного военного предводителя, и в этом качестве его некому заменить, поскольку земское войско, как и любая военная организация, строится на принципе единоначалия, и только князь в глазах простых людей обладает достаточным авторитетом и сакральной силой, чтобы ее возглавить. Достаточно показательны в этой связи слова летописца, объясняющего поражение воинов Изяслава Мстиславича, не сумевших удержать днепровский брод, «зانه не бяше ту князя, а боярина не вси слушают»⁴⁶.

То же самое следует сказать и о других властных функциях князя – законодательной, судебной, административной, дипломатической, столь же необходимых для нормальной жизнедеятельности общественного организма, требовавших постоянного личного участия правителя.

⁴⁴ Данный аспект особенно подчеркивался в советской историографии, воспринимавшей князя как крупнейшего феодала, главного выразителя интересов своего класса. – Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 142, 184-185; Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 307, 308, 368, Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964. С. 149-151; 2) Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 470-474; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII вв. // ИЗ. М., 1972. Т. 89. С. 359-360; Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 194 и след.

⁴⁵ Фроянов И. Я. К истории зарождения... С. 84.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 332.

О законодательных трудах князя свидетельствуют дошедшие до нас памятники права XI – XIII вв. – Правда Ярослава и Правда Ярославичей, Устав Владимира Мономаха, церковные уставы князей, уставные грамоты и проч., scrupulously изученные отечественными историками⁴⁷. Важно подчеркнуть, что составление правд и уставов, по справедливому замечанию И. Я. Фроянова, «не являлось сугубо частным делом князя или его ближайшего окружения». Как явствует из анализа самих памятников, «древнерусское земство через своих представителей тоже имело отношение к созданию судебных сборников»⁴⁸.

Община, «людье» добивались от князя «въ правду судъ судити»⁴⁹; особого уважения заслуживал тот правитель, кто суд судил «истинень и нелицемерень»⁵⁰. В большинстве случаев князь совершал правосудие лично, но при этом он опирался на штат судебных агентов, занимавшихся судебным разбирательством; слушание дела и вынесение приговора проходили в присутствии представителей местных общин⁵¹. Последнее, в частности, подтверждается свидетельством одного из памятников XII в., где говорится о «великой татьбе», участники которой «силну прю съсавать перед князем и перед людьми»⁵².

Такой же прочной и неразрывной была обратная связь князя со своими подданными, городской общиной. Приобретение стола и успех правительственной деятельности князя в первую очередь зависели от поддержки общины, обеспечить которую было его важной заботой. Община принимала князя, заключая с ним «ряд» – договор – «на всей своей воле», нарушение условий такого договора со стороны князя влекло к его изгнанию. Наиболее обстоятельно и полно данный вопрос разрабатывался в дореволюционной исторической и историко-право-

⁴⁷ Тихомиров М. Н. Исследования о Русской Правде. Происхождение текстов. М., Л., 1941; Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П. (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999; Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI – XIV вв. М., 1972.

⁴⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 40-42.

⁴⁹ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 530.

⁵⁰ Там же. Т. I. Стб. 437.

⁵¹ Гейман В. Г. Право и суд // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. II.

⁵² РИБ. СПб., 1880. Т. VI. С. 46.

вой литературе⁵³. Однако и советские исследователи признавали факт значительного увеличения политической силы древнерусских городов, начиная со второй половины XI в. «Летописи пестрят указаниями на вмешательство горожан в политические дела, – пишет М. Н. Тихомиров. – Горожане сажают на княжеский стол своих кандидатов или, наоборот, отказывают некоторым князьям в помощи. На городских площадях разыгрываются бурные сцены, и княжеская власть отступает перед разъяренными народными массами»⁵⁴. К подобным выводам приходили Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин и другие исследователи⁵⁵.

Соотношение сил между княжеской властью и вечевой общиной с течением времени изменялось. На рубеже X – XI вв. в истории Древней Руси происходит болезненный процесс распада родоплеменного строя и связанных с ним политических структур. В это время «повышается общественно-устроительное значение князя и дружины», растет престиж княжеской власти, расширяются ее общественные полномочия, что в конечном счете приводит к «аккумуляции князем и дружиной публичной власти»⁵⁶. Но по мере того, как формируются и утверждаются территориально-административные связи, набирает силу городская община, развиваются и крепнут ее организационные структуры, «городская община стремительно превращается в доминанту политического быта, а вече (народное собрание) – в верховный орган власти, подчинивший себе в конечном счете княжескую власть»⁵⁷.

Такую перемену современные историки называют «общинной революцией», ломающей прежний порядок общественно-политических отношений. Однако, несмотря на всю стремительность, названная перемена не укладывается в рамки одноразовой акции, единичного события. Она происходит постепенно и сопровождается целой чередой рас-

⁵³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 38-40; Дьяконов М. А. Очерки... С. 139-141; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 210 и след.; Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. I // Ключевский В. О. Сочинения: В 8-ми т. М., 1956. Т. I. С. 191-192; Довнар-Запольский М. В. Вече. С. 244-246; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 126; Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 401-404

⁵⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 185.

⁵⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 359, 366-368; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII вв. // ИЗ. 1972. Т. 89. С. 386.

⁵⁶ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 95-96.

⁵⁷ Там же. С. 195.

катов социальной энергии, происходящих один за другим и представляющих собой этап в процессе политического самоопределения городской общины⁵⁸.

Важнейшим ограничением возможного произвола княжеской власти была военная мощь городской общины, земского войска, объединявшего в своих рядах все боеспособное население волости. Без согласия общины, веча, князь не мог провести мобилизацию войска, что делало его бессильным перед лицом внешне- и внутривластных угроз. В Древней Руси действовал и институт общенародного (вечевого) суда над князем: допустившего злоупотребления, а тем более совершившего преступные деяния правителя ожидала расплата, – его могли лишиться власти, заключить под стражу и даже предать смертной казни⁵⁹.

Княжеская дружина, численность которой составляла от нескольких сотен до двух-трех тысяч человек (к XIII в.), в военном отношении не была способна заменить войско и выступить той силой, которая сделала бы князя недосыгаемым для его подданных. Военное и морально-психологическое соотношение между княжеской дружиной и народным войском отмечает В. П. Даркевич: дружинники – «это профессиональные бойцы на боевых конях, прекрасно вооруженные в отличие от “воев”, народного ополчения, на которое ложилась вся тяжесть битвы. Именно простые горожане, а не выступавшая “в чисто поле” дружина, обороняли города при нашествии монголов. Воспитанный в огне и крови характер дружинника был скорее импульсивным, чем расчетливым: повседневному труду, тактическому искусству он предпочитал быстрое обогащение и щедрые траты, т. е. выражение доблести и удачи»⁶⁰.

Как видим, княжеская власть в древнерусский период весьма далека от монархической. Между тем, именно такой она предстает в изображении многих новейших исследователей⁶¹. Более взвешенной представляется позиция Г. Г. Литаврина, изучавшего положение и роль

⁵⁸ Подр. см. третью главу настоящего исследования.

⁵⁹ Факты такого рода рассмотрены нами ниже: см. с. 391-405 настоящей книги.

⁶⁰ Д а р к е в и ч В. П. «Градские люди» Древней Руси XI – XIII вв. // Культура славян и Русь. [К 90-летию акад. Б. А. Рыбакова] / Ред. кол.: Ю. С. Кукушкин (пред.) и др. М., 1998. С. 112-113.

⁶¹ См.: П е т р о в А. В. Княжеская власть на Руси в X – XII вв. в новейшей отечественной историографии (1970 – 1980) // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Межвуз. сб. К 75-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина / Отв. ред. В. А. Ежов, И. Я. Фроянов. Л., 1983.

древнерусского князя в сопоставлении с традициями Византийской империи. Историк отмечает, что древнерусский князь «находил юридически признанное ограничение своего волеизъявления в традиционных правах боярства и дружины, в привилегиях самоуправляющихся городов, в необходимости соблюдать междукняжеские договоры, в развитом иммунитете магнатов, в своих обязательствах сюзерена по отношению к вассалам и т. д.»⁶².

Оценка общественного положения и политической роли князя напрямую зависит от решения вопроса, кто в древнерусский период являлся источником верховной власти. В нашем понимании таковым была сама городская община, осуществлявшая свою власть через вечевые постановления. К подобному выводу отечественная наука пришла еще в XIX в., а в наше время его поддерживают историки Петербургской школы, возглавляемой И. Я. Фрояновым⁶³. При таком подходе князь не монарх, а высший исполнительный орган городской вечевой общины.

Однако следует учитывать, что в реальной жизни именно в руках князя сходились все нити оперативного управления волостью, и это в значительной степени повышало его политическую мобильность и самостоятельность. Вече осуществляло лишь общий контроль над деятельностью князя и его администрации и вмешивалось в подведомственную им сферу только в случае острых конфликтов. Но, даже выражая недовольство делами княжеского управления, вече не берет и не может взять его в свои руки. Сама по себе деятельность веча не могла, по словам А. Е. Преснякова, «создать прочной и внутренне объединенной организации волости». В этом заключался своеобразный дуализм древнерусского политического устройства, противоречие, «которого не разрешила жизнь Киевской Руси, а потому не должны разрешать в истории русского права искусственные юридические конструкции»⁶⁴.

⁶² Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 474. – См. также: Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 208.

⁶³ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории; 2) К истории зарождения...; 3) О возникновении монархии в России // Дом Романовых в истории России / Отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб., 1995; Дворниченко А. Ю. 1) Русские земли Великого княжества Литовского...; 2) К проблеме восточнославянского политогенеза; Кривошеев Ю. В. 1) О средневековой русской государственности (К постановке проблемы). СПб., 1995; 2) Русь и монголы; Пузанов В. В. Народ и власть в городах-государствах Древней Руси // История России: народ и власть / Сост. Ю. А. Сандулов. СПб., 1997; Петров А. В. Вечевой Новгород // Там же.

⁶⁴ Пресняков А. Е. Княжое право... С. 404, 428.

* * *

В своей повседневной деятельности князь опирается на дружину, объединяющую его ближайших сподвижников и слуг. Из числа дружинников князь производит назначения на военные и административные должности руководимого им аппарата государственного управления. Нет оснований считать древнерусскую дружину институтом феодального общества⁶⁵. Возникшая в условиях родоплеменного строя, дружина первоначально никак не нарушала доклассовой социальной структуры⁶⁶. Попытка Н. Ф. Котляра пересмотреть данное положение на том основании, что для содержания дружины «в дофеодальный период у вождей просто не хватало средств»⁶⁷, нам представляется неубедительной. Насколько можно судить, древнейшие дружины формировались на принципах половозрастного разделения, возрастных классов, в данном отношении охватывая собой все общество, еще не разделенное по сословному или классовому признакам. Такое предположение подтверждается существованием в древнерусское время специальной терминологии, отражающей внутреннее устройство дружинного сообщества: «старшая дружина» и «младшая дружина», разделяющаяся в свою очередь на «детских» и «отроков».

Дружина настолько срослась с князем, что стала своего рода «социальной предпосылкой его деятельности». И коль скоро князь у восточных славян и в Киевской Руси олицетворял политический орган, исполнявший определенные общественно полезные функции, то и дружина, теснейшим образом связанная с ним и помогавшая ему во всем, по справедливому замечанию И. Я. Фроянова, «неизбежно должна была усвоить аналогичную роль и конституироваться в институт, обеспечивающий совместно с князем нормальную работу социально-политического механизма восточнославянского, а впоследствии и древнерусского общества»⁶⁸.

Будучи порождением общинной среды, древнерусская дружина сама являлась своеобразной военной общиной, руководимой князем.

⁶⁵ Ср.: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.

⁶⁶ Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 158; Василевский Т. Организация городской дружины и ее роль в формировании славянских государств // Становление раннефеодальных славянских государств / Редкол.: Б. А. Рыбаков и др. Киев, 1972.

⁶⁷ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 63-64.

⁶⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 68.

Как замечает И. Н. Данилевский, от общины к дружине перешли «отношения равенства, находившие внешнее выражение в дружинных пирах, напоминавших крестьянские “братчины”, уравнительный, судя по всему, порядок распределения военной добычи...»⁶⁹. В то же время, дружина получает значение некоего самодовлеющего целого, особой военно-служилой корпорации. «Она, – считал А. Е. Пресняков, – стоит вне городских общин, действуя на них как внешняя, исходящая от князя сила, лишь постепенно выделяя ряд своих элементов земскому обществу, но и втягивая из него личные силы в свои ряды»⁷⁰.

Сказанное, по нашему мнению, справедливо только отчасти. Дружина отделена и противостоит общинной среде ровно настолько, насколько отделена и противостоит ей княжеская власть. Последняя же не может восприниматься как нечто чуждое или инородное по отношению к общине, ведь князь – один из властных институтов общинной государственности, необходимое звено в системе общинного управления. Осуществляемая им власть отделена и противостоит обществу в такой же мере, в какой это можно сказать о публичной власти вообще со времени ее появления. Вот почему между княжеско-дружинной и земско-общинной средой существует столь тесная связь, создающая возможность свободного взаимопроникновения. Как отмечал А. Е. Пресняков, слишком велико было «значение организации, которую деятельность князей вносила в среду населения, слишком много уходило на эту организацию дружинных сил, чтобы дружина могла прочно сложиться в особое, самостоятельное целое, отграниченное от верхних слоев городского населения»⁷¹.

Современные исследователи обращают внимание на социально-психологические особенности княжеско-дружинной среды и устанавливают, что и в этом отношении не существовало глубоких различий между представителями власти и простыми гражданами. «На примере обладавшего реальной властью княжеско-дружинного слоя, – пишет В. П. Даркевич, – особенно наглядна сложность менталитета людей Древней Руси, где сплетались антагонистические начала, добро соседствовало со злом. Отсюда – повышенная эмоциональность, легкая возбудимость, склонность к обиде и склонность к мести, и одновременно – постоянные акты покаяния, приступы исступленной религиозно-

⁶⁹ Данилевский И. Н. Древняя Русь... С. 110.

⁷⁰ Пресняков А. Е. Княжеское право... С. 196.

⁷¹ Там же. С. 225.

сти, обилие слезных плачей в трагических ситуациях...»⁷².

В древнерусских источниках имеются свидетельства, позволяющие говорить о существовании наряду с княжескими местных, земских дружин, с князем не связанных. К такому выводу в свое время пришел Н. М. Карамзин⁷³, а следом и некоторые другие историки⁷⁴. «Эти профессиональные военные дружины, находившиеся на содержании общин, не уступавшие в военном мастерстве и сноровке дружинам княжеским, являлись ударными подразделениями ополчений (“воев”), повышавшими боеспособность народного войска», – считает И. Я. Фроянов⁷⁵. Подобные факты доказывают, с одной стороны, многозначность понятия «дружина», недопустимость применения его в каком-то узком, например, классовом, контексте; с другой стороны, наличие земских дружин лишний раз свидетельствует о тесной связи этого института с общинной средой, его более универсальный (чем это принято считать некоторыми исследователями) характер.

Древнерусская княжеская дружина привлекает наше внимание также в связи с получившей широкое распространение в новейшей литературе теорией так называемого «дружинного государства». Впервые такая теория была намечена в работах Е. А. Мельниковой, посвященных типологии становления государства в Северной и Восточной Европе⁷⁶. По мнению автора, «переход от родоплеменного к классовому (феодальному) обществу в Восточной и Северной Европе... осуществлялся через несколько последующих типов социально-политических систем: вождество, являющееся еще догосударственным образованием, дружинное государство, в котором потестарные структуры представлены военной организацией и раннефеодальное государство»⁷⁷. Опреде-

⁷² Даркевич В. П. «Градские люди»... С. 109.

⁷³ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 3. С. 130.

⁷⁴ Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь // ЧОИДР. 1870. Кн. III. С. 23-25; Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. С. 554-555; Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 91, 116-117.

⁷⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 211.

⁷⁶ Мельникова Е. А. 1) К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 13-15 апреля 1992 г. Тез. докл. / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1992; 2) К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // ДГ. 1992-1993 гг. М., 1995.

⁷⁷ Мельникова Е. А. 1) К типологии становления государства... С. 41; 2) К

ление «дружинное государство» Е. А. Мельникова считает более подходящим, чем «military» («военное»), применяемое рядом англо-американских исследователей, поскольку именно дружине (или аналогичной ей военной организации) отводится основополагающая роль в таком государстве. Дружина, по мнению историка, «определяет особенности политического строя и потестарных структур», а также «весь облик» данного государства⁷⁸.

Взглядам Е. А. Мельниковой, несмотря на их поддержку, высказанную некоторыми другими исследователями⁷⁹, присущ ряд серьезных недостатков, как общеметодологического, так и конкретно-исторического свойства. Прежде всего, совершенно неправомерно вести речь об универсальности «дружинного государства» как «древнейшей формы государства, которую в разное время переживали все народы, образовавшие позднее как рабовладельческие так и феодальные государства»⁸⁰. Как уже отмечалось в литературе, весьма сомнительно, чтобы под категорию «дружинного государства» можно было подвести, например, античные полисы (вообще не знакомые с феноменом дружины в общепринятом значении этого понятия), а также большинство «варварских» государств раннесредневековой Европы⁸¹.

В то же время, едва ли справедливы высказанные в адрес Е. А. Мельниковой упреки в стремление сузить смысл понятия государства, свести общее содержание этого понятия к одной из его составляющих. «Особенно наглядно порочность этого подхода, — пишет А. Н. Тимонин, — проявляется в свете системного видения проблемы. Даже в случае ограничения анализа одним только институциональным

типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 20-23.

⁷⁸ Мельникова Е. А. 1) К типологии становления государства... С. 40; 2) К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 22.

⁷⁹ Например, в недавней работе Н. Ф. Котляра, посвященной становлению и развитию древнерусской государственности, помещен специальный раздел «Дружинное государство». (Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. С. 63-69). Предпринимаются попытки изучения данного феномена и на общеславянском материале (Шинаков Е. А. Формы ранней государственности западных славян IX – XII вв. (вопрос о дружинном государстве) // Право: история, теория, практика. Вып. 4. Брянск, 2000).

⁸⁰ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 22-23.

⁸¹ Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. ст. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. М. Воробьев, А. Ю. Дворниченко. СПб., 1996. С. 161-162; Тимонин А. Н. Проблемы генезиса Древнерусского государства. Уфа, 1997. С. 59.

аспектом, государство теоретически мыслится в виде совокупности определенных институтов. С этой точки зрения любая из подсистем государства, например, военная, выглядит шире, чем у Е. А. Мельниковой. Наряду с княжеской дружиной эта подсистема включает и народное ополчение»⁸².

Считаем необходимым заметить, что определение, предложенное Е. А. Мельниковой, не претендует и не может претендовать на исчерпывающую характеристику явления. Оно принадлежит к числу таких широкоупотребительных определений, в которых фиксируется только одна, но наиболее существенная сторона предмета, от которой зависит его общая оценка. В данной связи определение Е. А. Мельниковой не лучше и не хуже многих ему подобных, которые можно найти в современной литературе, например, «рабовладельческое», «феодалное» или «общинное государство». Главным методологическим недостатком построений Е. А. Мельниковой, как и некоторых других новейших авторов, на наш взгляд, является отсутствие должной определенности в понимании самого исследуемого предмета – государства как такового, – какими должны быть его наиболее универсальные признаки, в чем они проявляются, в какое время и при каких обстоятельствах происходит их формирование, наконец, в чем состоит процесс образования государства.

В нашем понимании образование государства есть процесс постепенного формирования его основополагающих признаков – публичной власти, налогов, территориального деления населения. Говорить о существовании государства в любых его формах и проявлениях можно лишь тогда, когда сформировались и существуют все эти признаки. До наступления такого момента речь может идти только о каких-то переходных к государственным формам и образованиях. Невнимательность к этой, на наш взгляд, наиболее существенной стороне государствоведения выражается у исследователя в априорной и потому совершенно недостаточной посылке, из которой исходит все дальнейшее построение – «как бы ни определять государство, очевидно, что на Руси оно существует в конце IX в., не говоря уже о X в.»⁸³.

Не только с точки зрения методологии, но и в плане интерпретации конкретно-исторического материала концепция «дружинного государ-

⁸² Тимонин А. Н. Проблемы генезиса... С. 59. – См. также: Пузанов В. В. О спорных вопросах... С. 161-162.

⁸³ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 17.

ства» дает сбои, что вынуждены признать даже некоторые ее сторонники. Особенно наглядно это проступает в свете сравнительно-исторического анализа, при проведении параллелей с историей западнославянских государств, показывающих, что параметры «дружинной государственности» плохо применимы к Древней Руси: «Что касается главной особенности “дружинного государства” – использования дружины как основного или даже единственного аппарата управления, то, – по мнению Е. А. Шинакова, – это можно отнести лишь к Польше»; на Руси сохраняли свое значение другие органы власти и управления и, прежде всего, вече⁸⁴.

* * *

Третьим институтом общинной государственности является боярская дума («совет»), приходящая на смену совету старейшин родоплеменной эпохи⁸⁵. Боярская дума не имеет четко зафиксированного статуса в писаном праве, более того, в древнерусских источниках вообще не отмечено случаев упоминания самого этого выражения (оно появляется в памятниках более позднего времени). Однако обычай требовал от князя обязательного согласования своих действий с советниками, «лучшими» и «смыслеными мужами», и таковыми были бояре. «Где бояре думающей, где мужи храборствующей», – восклицает после поражения от половцев северский князь Игорь Святославич⁸⁶. Из этих слов видно, что в представлениях людей XII в. бояре, в отличие от простых воинов – храбрых ратников, воспринимались как мужи «думающие» или «думцы», что, безусловно, связано с их функцией главных княжеских советников.

Памятники показывают, сколь велика была роль боярского совета в политических делах. Юрий Долгорукий хотел передать Киев Вячеславу, но «бояре же размолвиша Дюргя, рекоуче: “Братоу твоему не оудержати Киева; да не боудеть его ни тебе, ни оному”. Дюргеви же послушавшю бояръ»⁸⁷. В совещаниях с князем принимали участие и его дружинники, но значение главных думцев, безусловно, сохранялось

⁸⁴ Шинаков Е. А. Генезис древнерусской государственности (опыт сравнительно-исторического анализа). Докт. дис. Брянск, 2000. С. 683.

⁸⁵ Подр. см.: Майоров А. В. Генезис боярской думы, ее место и роль в политической жизни общины // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Мат-лы Всерос. научн.-практич. конф-ции. Ижевск, 24-26 апр. 2001 г. / Отв. ред. В. В. Пузанов. Ижевск, 2001.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 643.

⁸⁷ Там же. Стб. 394.

за боярами. Во время борьбы Изяслава и Ростислава с Юрием и его союзниками отмечен такой эпизод: «И то оуслышавша Изяславъ и Ростиславъ... и начаста доумати с моужи своими и с дружиною и с Черными Клобоуки»⁸⁸. Позднее о тех же князьях сказано: «сзваша бояры свое и всю дружиною свою, и нача доумати с ними»⁸⁹. Отказ или пренебрежение князя «думой» с боярами вредил нормальной жизни общины: в подобных случаях говорилось, что «людем не доходити княже правды»⁹⁰. Вот почему такой князь вызывал резкое раздражение и осуждение общины и запросто мог поплатиться своим княжеским столом, как, например, галицкий князь Владимир Ярославич, изгнанный горожанами за то, что был «любезнивъ питию многому, и доумы не любяшеть с моужми своими»⁹¹.

Трудно согласиться с В. И. Сергеевичем, отказывавшимся признать в думе постоянно действующий орган управления и видевшим в ней «только акт думания, действие советывания князя с людьми, которым он доверяет», к которым он обращается только когда считает это для себя необходимым, и совет которых не имеет для него никакой обязательной силы. Однако даже при таком понимании думы ученый признавал, что князь не может обойтись без совещаний с «думцами» и должен убеждать их «в целесообразности своих намерений», а при несогласии «думцев» «князю приходилось отказываться от задуманного им действия»⁹².

В. О. Ключевский, автор единственного в отечественной историографии обобщающего труда о боярской думе Древней Руси, полагал, что последняя являлась постоянно действующим учреждением. Несмотря на то, что «князю принадлежит выбор советников; он мог изменять состав своего совета, но не считал возможным остаться совсем без советников, мог разойтись с лицами, но не мог обойтись без учреждения». На вопрос о политическом статусе боярской думы ученый дает весьма уклончивый ответ, который, по его словам, «легче почувствовать, чем формулировать»: «Думаем, что не может быть и речи ни о совещательном, ни об обязательном голосе (бояр-советников. — А. М.)... Совещание с боярами было не политическим правом бояр или обязанностью князя, а практическим удобством для обеих сторон... Из совокупности условий вытекала для князя и практиче-

⁸⁸ Там же. Стб. 357-358.

⁸⁹ Там же. Стб. 380.

⁹⁰ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 142.

⁹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 659-660.

⁹² Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1908. Т. II. С. 381-384.

ская необходимость совещаться с боярами и возможность не принять их мнение в ином случае. Смешивать политическую обязательность с практической необходимостью значит рисковать утратить самое понятие о праве... Обязательность – понятие из области права, а необходимость – простой факт»⁹³.

Формулировка В. О. Ключевского только затемняет вопрос, поскольку в ней совершенно неправомерно противопоставляется факт повседневной жизни и правовая норма как нечто совершенно противоположное и несовместимое. В сфере обычного права, справедливо полагает М. А. Дьяконов: «факт и право не только не могут быть противоположаемы, но нередко не могут быть и разграничены: право рождается из фактов, в фактах, т. е. в практике, выражается и практикой поддерживается. Явления, порождаемые практической необходимостью, служат самой благоприятной почвой для создания господствующей практики, т. е. для зарождения и укрепления обычного правила»⁹⁴.

Закономерным итогом развития взглядов отечественных ученых на боярскую думу Древней Руси стал вывод о том, что этот постоянно действующий орган являлся необходимым институтом государственной власти и управления, «третьим элементом» древнерусской государственности, воплощавшим «аристократическое начало», так как думу составляли «лучшие люди земли» – княжие мужи и бояре. Практика показывает, что князья обязаны были совещаться с боярами, неисполнение этого правила влекло за собой весьма тяжелые последствия для князя, а также нарушало нормальную политическую жизнь земли»⁹⁵.

В советской историографии интерес к боярской думе в значительной степени был утрачен. Ее стали рассматривать как социально-политический институт феодального общества. Признавая за думой (советом) статус постоянно действующего учреждения, историки констатировали и его тесную связь с князем, не только в политическом, но и в классовом отношении. В итоге боярская дума вновь стала восприниматься как политически несамостоятельный орган, как совет при князе, состоящий лишь из княжеских дружинников, мнение которых не

⁹³ Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М., 1994. С. 70-73.

⁹⁴ Дьяконов М. А. Очерки... С. 172.

⁹⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 36, 44-51; Малиновский И. А. Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской Думой древней России. Ч. 1. Боярская Дума древней России. Томск, 1903; Дьяконов М. А. Очерки... С. 173 и след.

имело никакой обязательной силы⁹⁶.

В нашем понимании значение боярской думы в древнерусском обществе было иным. Она приходит на смену совету старейшин родоплеменной эпохи, существовавшему у восточных славян в период так называемой «военной демократии» и во многом наследует его высокий общественный статус. Становясь «третьим элементом» формирующейся общинной государственности, дума занимает место в ряду главных институтов государственной власти. Справедливость наших слов подтверждается выводом ученых о том, что древнерусское боярство, сменяющее родовую аристократию, наследует социальный статус и функции старой знати – лидеров, управляющих обществом⁹⁷. Именно из таких наиболее влиятельных представителей городской общины, земских бояр формируется основной состав боярской думы. Вот почему так часто боярские «советы» совпадают с принимаемыми следом вечевыми решениями, а князь, не нашедший поддержки бояр, как правило, не находит ее и на вече⁹⁸.

* * *

В целом политический строй Древней Руси можно характеризовать как демократический. Города-земли домонгольского периода – это вечевые республики, где в делах государственной власти и управления участвовали самые широкие общественные силы. Древнерусская демократия не знает представительных форм и носит непосредственный характер. Вече – верховный орган власти – не являлось парламентом, состоящим из наделенных соответствующими полномочиями народных представителей. Каждый полноправный гражданин, свободный общинник имел право и возможность непосредственно участвовать в политической жизни и своим голосом на вече оказывать влияние на все важнейшие государственные решения. Последнее, впрочем, нуждается

⁹⁶ См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 340-345; Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П. (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 14-20; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства // Изв. 1972. Т. 89. С. 379-381; Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 61-64; Буганов В. И. Боярская Дума // Отечественная история: Энциклопедия в 5-ти томах / Гл. ред. В. Л. Янин. М., 1994. Т. I. С. 281-282.

⁹⁷ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 80-81; 2) Древняя Русь. С. 315.

⁹⁸ Примеры см.: Майоров А. В. Бояре и община Галича в событиях 50–70-х годов XII в. // ВСПбГУ. Сер. 2. 1995. Вып. 4. С. 5-7.

в некотором уточнении.

Особенностью древнерусской государственности являлся тот факт, что носителем публичной власти выступала община старшего города, в ее руках концентрировалась принудительная власть по отношению к жителям «пригородов» и волости в целом. Решение столичной вечевой общины было обязательным для всех волошан, – такой порядок распространялся на все важнейшие сферы общественной жизни – политическую, административную, судебную, финансовую, военную. «Новгородци бо изначала и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на веча сходятся; на что же старейшии сдумают, на томь же пригороди стануть», – читаем в летописи⁹⁹.

Приведенный текст неоднократно становился предметом самого тщательного исследования. Странники раннего утверждения на Руси феодально-монархического строя доказывали, что в данном известии речь идет лишь о представителях знати – князьях и боярах Новгорода, Киева, Смоленска и других городов, которые одни собираются на думу или вечевой совет и все решают за простых людей¹⁰⁰. Высказывалось мнение, будто в источнике говорится об уже отживших свой век порядках, и что во времена летописца население старших городов складывалось в основном из феодальной знати и потому противостояло «пригородам», населенным простым ремесленным и торговым людом¹⁰¹.

Неосновательность подобных интерпретаций убедительно показал И. Я. Фроянов. Выражение «власти», употребляемое летописцем, в данном случае есть всего лишь неполногласная форма выражения «волости» («вся власти» = «все волости»), это доказывает свободная взаимозаменяемость обеих форм в древнерусских текстах; обе они соответствуют одному и тому же понятию – *волость*, т. е. *земля, область, территориальная единица*¹⁰². Общая оценка летописного сообщения о вече старших городов и «пригородов» может сводиться к следующему: веча являются думой волости, созываются на Руси всюду; вечевой приговор старших городов принимается к исполнению «пригородами»¹⁰³.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377-378.

¹⁰⁰ Юшков С. В. Очерки... С. 198-199.

¹⁰¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 367; Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П. (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 45.

¹⁰² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 156-157.

¹⁰³ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. 2. С. 1;

Что касается «изначальности» вечевых сходов, то летописец говорит о ней «не в общей и отвлеченной форме, а в непосредственном соотношении с жизнью старших городов и пригородов. Его исторический взор значительно короче, чем может показаться при беглом знакомстве с летописью. Он обрывается за порогом социально-политической системы, обозначаемой понятиями “волость”, “старший город”, “пригород”. Вот почему летописное «изначала» не старше волостного быта, запечатленного памятниками XII в.»¹⁰⁴

Следы этого быта мы находим на протяжении всего домонгольского периода. Мысль о второстепенном значении «пригорода» звучит в словах князя Мстислава Мстиславича по поводу захвата другим князем Ярославом Всеволодовичем новгородского «пригорода» Торжка: «Да не будет Новьи Торгъ над Новымгородомъ, ни Новьгород под Торжькомъ»¹⁰⁵. Еще резче оттенен рассказ летописца о столкновении ростовцев и суздальцев с владимирцами; в уста жителей старших городов Ростова и Суздаля летопись влагает следующие слова: «Како намъ любо, такоже створимъ, Володимерь есть пригородъ нашъ»¹⁰⁶. В дальнейшем, когда страсти разгораются с большей силой, ростовцы и суздальцы решают сурово наказать непокорный «пригород» и его жителей: «Пожьжемъ и, паки ли посадника в немъ посадимъ; то суть наши холопи каменъници»¹⁰⁷. «Хотя эти речи, — справедливо замечает М. А. Дьяконов, — сам летописец называет величавыми, внушенными высокоумием, но они все же показывают, как позволяли себе правящие силы старших городов смотреть на свои пригороды»¹⁰⁸.

Неравноправие общин и отношения зависимости внутри отдельных этнополитических образований складывалось еще в догосударственную эпоху. Как известно, появление социального неравенства внутри родовых общин, родов, племен и других объединений, связанных кровнородственными отношениями, было затруднено, поэтому оно возникало прежде всего во взаимоотношениях отдельных общностей. Господство общины «старшего города» над подвластной территорией —

Дьяконов М. А. Очерки... С. 118-119; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. С. 82; Вернадский Г. В. Киевская Русь. С. 203-204, 217 и след.; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 158.

¹⁰⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 159.

¹⁰⁵ НПЛ. С. 55, 254.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 374.

¹⁰⁷ Там же. Стб. 378.

¹⁰⁸ Дьяконов М. А. Очерки... С. 75.

одно из главных условий существования общинной государственности, общинной формы социальной организации. Наличие общих политических задач консолидировало общину, сглаживало внутренние противоречия; необходимость сохранения и укрепления своего положения в земле поддерживала дух коллективизма и солидарности, гражданской сплоченности.

Можно согласиться с Л. В. Даниловой, отмечавшей: «Несмотря на происходивший процесс социально-классовой дифференциации, городская община длительно сохраняла определенное единство, поддерживаемая ее властью над прилегающей округой (а если это община главного города, то и над пригородами), причастностью к управлению сельскими общинами, к организации общего военного ополчения, праву на получение доли от даней, полюдья и других поборов, а также наличием коллективного общинного землевладения и т. д. Оформление классического типа средневекового города на Руси с четким расчленением детинца и посада, делением населения не только по территориальному, но и по социально-профессиональному признаку относится ко времени не ранее XIV – XV вв. До этого городская организация строилась, по наблюдению почти всех исследователей раннесредневекового русского города, на основе принципа общинности, что очень важно для понимания природы ранней государственности»¹⁰⁹.

* * *

Подчиненное положение «пригородов» и их административная зависимость от старшего города выражались в том, что последним приходилось принимать от первого посадников. Чаще всего это происходило, когда менялась власть в старшем городе: новый князь начинал свою деятельность с того, что рассылал по волости новых посадников¹¹⁰. Но то была не только единоличная воля князя. Управлять «пригородами» через своих посадников считалось привилегией всей общины старшего города, ревниво ею оберегаемой. «Пожжемъ и паки ли [а] посадника в немъ посадим», – решают ростовцы и суздальцы, чтобы вернуть под свою власть мятежный «пригород» Владимир¹¹¹.

Посадников мы встречаем повсюду на Руси. Известен посадник галицкого князя в Перемышле¹¹², новгородский посадник в Ладогe¹¹³, по-

¹⁰⁹ Данилова Л. В. Сельская община... С. 98-99.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 370, 427.

¹¹¹ Там же. Стб. 374.

¹¹² Там же. Т. II. Стб. 748.

¹¹³ НШ. С. 20, 204.

садники, сидевшие в Смоленской земле¹¹⁴. Все они принадлежат к числу высших должностных лиц государства, обладавших широким кругом полномочий. Помимо распорядительных функций, они, судя по всему, выполняли еще определенные полицейские обязанности¹¹⁵. Являясь людьми пришлыми и не будучи подотчетными местному населению, посадники нередко допускали злоупотребления, произвол и насилие¹¹⁶. Доведенные до крайности жители сурово расправлялись с такими правителями¹¹⁷, что в свою очередь приводило к обострению отношений «пригорода» со старшим городом.

Высшими должностными лицами были также тысяцкий и воевода. Их связь с земской общиной гораздо прочнее. Тысяцкий и воевода не только осуществляют руководство военными силами общины, но и являются выразителями политических интересов земли вне зависимости от того, происходили ли они сами из княжеско-дружинной или земско-общинной среды¹¹⁸. Принадлежность к земской военной организации и опора на ее силы обеспечивает названным деятелям высокую степень самостоятельности и независимости в отношениях с князьями, как в военной, так и в политической сфере. Если община («людь») принимает решение заменить неугодного ей правителя другим, более популярным, то ее лидеры – воевода и тысяцкий, – в конечном счете, действуют в полном соответствии с таким решением.

Подтверждение этому находим в событиях 1146 г. в Киеве, рассказ о которых в летописи содержит важные для нас подробности¹¹⁹. Только что вступивший на киевский стол Игорь Ольгович изо всех сил стремится заручиться поддержкой киевской знати: зазывает на пир «лучших мужей», обещает им и всем киевлянам «любовь и справедливость», особо же старается расположить к себе (оказывает «великую честь») наиболее влиятельных киевских бояр и, прежде всего, тысяцко-го Улеба. Но все усилия князя пропадают даром. Причиной тому – не-

¹¹⁴ ДКУ. М., 1976. С. 144.

¹¹⁵ Фроянов И. Я. К истории зарождения... С. 86-87.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 305.

¹¹⁷ Там же. Стб. 370.

¹¹⁸ Подр. см.: Майоров А. В. 1) Воевода и земская община Древней Руси в XI – начале XIII вв. // Исторический опыт русского народа и современность: Мавродинские чтения. Мат-лы к докл. 10-12 окт. 1994 г. / Отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб., 1994; 2) Тысяцкий и городская община Древней Руси в XI – начале XIII в. (по материалам Новгорода и других регионов) // Петербургские чтения – 97. Петербург и Россия. Мат-лы Энциклопедич. библиотеки «Санкт-Петербург – 2003» / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб., 1997.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 324-325.

любовь к нему и всей черниговской династии «клян» – простого люда, жителей Киева и Киевской волости, которые считали «своими» князьями только потомков Мономаха и не хотели становиться «наследством» Ольговичей. Тысяцкий Улеб и другие бояре выступают проводниками этих настроений общины, владевших, без сомнения, большинством киевлян. Поведение тысяцкого характеризует его самого как лидера общины, а не княжьего слугу. Тысяцкий собирает вокруг себя киевлян, держит с ними «совет», после чего приступает к выполнению его решений – тайно от князя связывается с его соперником, сообщает ему о симпатиях горожан, призывает к решительным действиям, от имени общины обещает поддержку в нужный момент и лично возглавляет действия по обеспечению такой поддержки¹²⁰..

Положение воеводы и тысяцкого напрямую не зависит от перемен, происходящих на княжеском столе. Вспомним знаменитого воеводу и тысяцкого Яна Вышатича, пережившего многих киевских князей – Святослава, Всеволода и Изяслава Ярославичей и закончившего свой век при Святополке Изяславиче¹²¹. Таким же постоянством отличаются воеводы других русских земель. Смоленский воевода Внезд, выполнявший когда-то поручения Ростислава Мстиславича¹²², остается в своем городе, несмотря на то, что его князь перебирается на более высокий киевский стол; и потом, спустя много лет встречает его у города вместе с другими «лучшими мужами смоленскими»¹²³.

Воевода остается на своем месте даже в тех случаях, когда сменяются князья из враждующих между собой династий при том, что этот воевода мог участвовать в боевых действиях против будущего правителя или его ближайших родственников. Подобные факты мы наблюдаем в период борьбы за Киев в конце 40 – начале 50-х годов XII в. Киевский воевода Жирослав Нажирович сперва выступает как сторонник Юрия Долгорукого и его сыновей, вместе с которыми участвует в боевых действиях против Изяслава Мстиславича, его сыновей и братьев¹²⁴, но и после многократных перемен власти в Киеве по-прежнему исполняет свои обязанности: киевский князь Ростислав Мстиславич посылает его в помощь полоцкому князю Рогволоду Борисовичу во

¹²⁰ Подр. о событиях 1146-1147 гг. в Киеве см.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. Глава 6.

¹²¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 103, 117, 118, 137, 139, 144, 186.

¹²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 496.

¹²³ Там же. Стб. 528.

¹²⁴ Там же. Стб. 359, 389, 479.

главе отряда в шестьсот торков¹²⁵. Другой киевский воевода Шварн много лет поддерживал Изяслава Давыдовича и на его стороне воевал против северских князей, Юрия Долгорукого, Мстислава Изяславича¹²⁶. Но и после гибели своего «патрона» Шварн остается киевским воеводой, хотя власть переходит к противникам погибшего; в последний раз нашего героя упоминает летописец, когда он, попав в плен к половцам, был выкуплен киевлянами¹²⁷.

При всем сходстве статуса и роли тысяцкий и воевода – не одно и то же. Соотношение между ними можно определить так: если каждый тысяцкий – воевода, то не каждый воевода – тысяцкий. Последний обладает целым рядом дополнительных полномочий и в делах общественной жизни приобретает более важное значение. Прежде всего, привлекает внимание чрезвычайно высокое общественное положение тысяцкого, близкое к положению князя. Иногда источники даже называют тысяцкого князем, как, например, ростовского тысяцкого Георгия Шимоновича, распоряжающегося местными боярами, «сущими под ним»¹²⁸.

Имеются также данные о том, что не только бояре, но и непосредственно князья могли «держат тысячу». Так, черниговские князья опаривали друг у друга Сновскую тысячу вместе с другими «отчинами»¹²⁹. При Александре Невском во Владимире «тысячу держал и весь ряд» Роман Михайлович, княживший затем в Брянске¹³⁰. По правлению тысяцких (также как и князей) в ряде случаев ведется счет времени летописцем, связывающим с их именами те или иные события. Так, в Повести временных лет сказано, что освящение Успенского собора Печерского монастыря в Киеве произошло при князе Всеволоде и тысяцком Яне¹³¹.

Наряду с князьями тысяцкие участвуют в выработке законов, по которым живет община. Так, для установления нового закона о размере процента, взимаемого ростовщиками по ссудам, Владимир Мономах, только что начавший княжить в Киеве, привлекает нескольких бояр и среди них трех тысяцких: киевского – Ратибора, белгородского – Прокопия, переяславльского – Станислава. Закон вводится их совместным

¹²⁵ Там же. Стб. 505.

¹²⁶ Там же. Стб. 335-336, 425-426, 518.

¹²⁷ Там же. Стб. 527.

¹²⁸ Абрамович Д. И. Киево-Печерський патерик. Київ, 1991. С. 84.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 384.

¹³⁰ Там же. Т. I. Стб. 473.

¹³¹ ПВЛ. Ч. I. С. 137.

решением, как от имени князя, так и от имени тысяцких и остальных участников совещания (князь «созва» тысяцких, и они «оуоставили...») ¹³². Тысяцкий вместе с князем и посадником участвует также в выработке норм международного соглашения, в котором предусматриваются специальные меры по охране иностранных послов и купцов, в частности, устанавливаются повышенные по сравнению с имеющимися правовыми аналогами размеры штрафов за их убийство или причинение вреда ¹³³.

Тысяцким также принадлежит право суда по некоторым делам. Княживший в Новгороде Всеволод Мстиславич назначает для построенной им церкви Ивана Предтечи трех приходских старост, среди них один – новгородский тысяцкий, – и поручает им, кроме собственно приходских дел, также дела «торговые и гостинные, и суд торговый» ¹³⁴. Суду тысяцкого подлежали, прежде всего, купцы: так, в источнике сказано, что если «не смогут они (купцы. – А. М.) помириться, идти им на суд перед тысяцким и перед новгородцами на двор Святого Ивана Предтечи» ¹³⁵. Данное положение не является специфическим свойством лишь новгородского тысяцкого. Источники ^f свидетельствуют, что и киевский тысяцкий имел некоторое отношение к делам, связанным с коммерческой деятельностью. Так, восставшие киевляне громят двор тысяцкого вместе с дворами евреев-ростовщиков ¹³⁶. По нашему мнению, гнев киевлян был вызван, с одной стороны, чрезмерно высокими процентами ростовщиков, а с другой – бездействием тысяцкого, не воспользовавшегося своими полномочиями для справедливого урегулирования возникших в связи с этим противоречий.

Сторонники взгляда на тысяцкого и воеводу как на чиновников княжеской администрации отмечают факты, когда князь назначает последних (например, поручает «держать тысячу» или отправляет в поход во главе войска), или же когда княжеский летописец именует воеводу и тысяцкого «своими» по отношению к тому или иному князю. В итоге делается вывод, что воеводами и тысяцкими становились одни лишь княжеские дружинники-бояре ¹³⁷. Сразу скажем, что определение «свой» (равно как и другое притяжательное определение – «его») в

¹³² ПРП. М., 1952. Вып. 1. С. 113.

¹³³ Там же. М., 1953. Вып. II. С. 125, 128.

¹³⁴ Там же. С. 175.

¹³⁵ ГВНП. М.; Л., 1949. № 31.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 275.

¹³⁷ С в е р д л о в М. Б. Генезис и структура... С. 219; Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 65-66.

данном контексте совершенно не доказывает принадлежности тысяцкого или боярина к княжеской дружине, так как «своими» по отношению к князю источники постоянно называют и земское войско (полк), которое он возглавляет на войне, и город, и волость, в которых он княжит. Что касается назначения воевод и тысяцких князьями, то и в этом нет никаких признаков монаршего самовластья. Ведь князь Древней Руси – всенародно (на вече) избранный глава общинного управления. Это значит, что община принимает воеводу или тысяцкого от князя постольку, поскольку доверяет князю как правителю¹³⁸.

Речи не идет о том, что община слепо доверяет князю, когда дело касается назначения воеводы и тысяцкого. Факты показывают, что воеводами и особенно тысяцкими могли стать только хорошо известные и авторитетные люди, сведения о которых появляются в источниках, как правило, задолго до их вступления в эти должности и характеризуют их как видных бояр, умелых и удачливых военачальников, иногда представителей прославленных фамилий. При этом для общины совершенно неважно, являлся ли тот или другой тысяцкий и воевода выходцем из княжеско-дружинной или земско-общинной среды, важно другое – чтобы он соответствовал названным условиям.

Можно утверждать, что князь не мог произвольно назначать или смещать тысяцкого вразрез с интересами общины. Мы не знаем ни одного факта, когда бы тысяцкий силой навязывался общине князем. Вместе с тем, имеются сведения о том, что община сама лишает должности неугодного ей тысяцкого. Так, в Киеве был смещен тысяцкий Путята¹³⁹, а в Новгороде – тысяцкие Вячеслав и Борис¹⁴⁰, вызвавшие недовольство народа как правители. Это позволяет нам предполагать в самом назначении тысяцкого действие, согласованное с общиной. Тем более, что без согласия общины князь, судя по всему, был не в праве сместить тысяцкого, когда последний его не устраивал. Так, по данным В. Н. Татищева, киевский князь Всеволод Ольгович «весьма озлобился» однажды на уже известного нам тысяцкого Улеба, но ни сам Всеволод, ни сменивший его Игорь Ольгович ничего не могли с ним поделать¹⁴¹.

Власть воеводы и тысяцкого распространялась и на подчиненные

¹³⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 211.

¹³⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 196.

¹⁴⁰ НПЛ. С. 67, 70, 273, 277-278.

¹⁴¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 161.

старшему городу «пригороды». Во время проведения военных действий, когда земля испытывала непосредственную вражескую угрозу, эта власть приобретала чрезвычайный характер. Столичный воевода своей волей мог отменить решение веча «пригорода», если таковое шло вразрез с интересами общины старшего города и ставило под вопрос территориальную целостность земли¹⁴². Подобно посаднику, воевода и тысяцкий со своей стороны заботятся о сохранении единства земли и всячески пресекают сепаратистские устремления мятежных «пригородов»¹⁴³.

По мере экономического и политического усиления, роста числа жителей, укрепления военной организации «пригороды» начинают тяготиться зависимостью от старших городов. С особой силой этот процесс разворачивается, начиная с середины XII в., когда он получает повсеместное распространение¹⁴⁴. Борьба старших городов с усиливающимися «пригородами» становится главным содержанием внутриволостной жизни, в ней участвуют самые широкие общественные силы, — по сути дела эта борьба носит характер межобщинного столкновения. Результат может быть двояким: либо единая прежде волость делится на несколько новых самостоятельных городов-государств, либо значение старшего города переходит к взявшему верх «пригороду».

* * *

Описанная нами модель государственно-политического устройства не является чем-то особенным, свойственным лишь древнерусскому обществу механизмом. Как показывают новейшие исследования, она довольно часто встречается в мировой истории, возникая в период разложения родоплеменных отношений и в дальнейшем уступая место иным, более многообразным формам государственной организации, складывающимся в соответствии с конкретно-историческими условиями.

Принято выделять несколько форм раннегосударственной организации, последовательно сменяющих друг друга в процессе перехода к зрелым государственным образованиям: «точечные» («города-государства»), «территориальные» («территориальные царства»), «племен-

¹⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

¹⁴³ В сказанном состоит одна из главных задач внутриволостной деятельности бояр вообще и проявляется их статус лидеров общины, защищающих ее интересы. — Подробнее об этом см. с. 365 настоящей работы.

¹⁴⁴ См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства...; Фроянов И. Я. Древняя Русь.

ные княжения» и «ранние империи»¹⁴⁵. Не все фигурирующие в данном ряду категории можно считать бесспорными. Особенно это касается так называемых «племенных княжений», существование которых многими авторами связывается с восточнославянским обществом VIII – IX вв.¹⁴⁶ Кроме того, в ряде случаев нарушается отмеченная в данной схеме последовательность эволюционных форм, что в частности характерно для социально-политического развития кочевых народов¹⁴⁷. Но тем не менее в целом приведенная схема улавливает ряд существенно важных закономерностей процесса государствогенеза.

Одной из таких закономерностей следует считать небольшой (локальный) объем первых государственных образований, строящихся на принципах территориальной общины. «Если на поздней ступени развития первобытного строя, – отмечают И. М. Дьяконов и В. А. Якобсон, – иногда создаются обширные племенные объединения (союзы племен, конфедерации), то первые государства всегда и везде образуются в небольшом объеме, а именно в объеме одной территориальной общины или чаще – нескольких тесно связанных между собой общин»¹⁴⁸.

Характерной чертой первых государственных образований является восходящее к родоплеменной общине и переходным к государству этнополитическим общностям единство города и сельской округи. Как показывают исследования Л. В. Даниловой, древнерусская государственность, реализовавшаяся в форме «территориальных общин-государств», представляла собой одну из разновидностей «всеобщей формы государственности на ранних стадиях вторичной мега-формации», каковой и являлось общинное государство¹⁴⁹. И хотя, с точки зрения формационной теории мирового исторического процесса, вторичная мега-формация предполагает формирование и углубление сословно-классовых общественных различий, на начальном ее этапе возможно существование такой формы социально-политической организации, при которой «растущая имущественная и сословно-классовая дифференциация общинников не разорвала еще общинной оболочки», «представители разных сословий входили в одни и те же общинные органи-

¹⁴⁵ Крадин Н. Н. Политогенез. С. 288-291.

¹⁴⁶ Критику таких взглядов см.: Фроянов И. Я. К истории зарождения... С. 62 и след.

¹⁴⁷ Крадин Н. Н. Политогенез. С. 282-283.

¹⁴⁸ Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 3.

¹⁴⁹ Данилова Л. В. Сельская община... С. 98-100.

зации (уличанские, кончанские, городские)»¹⁵⁰.

Община и государство, таким образом, выступали не как социальные антиподы в том смысле, что последнее развивалось как результат разрушения и подавления первого. Соотношение между ними можно было бы охарактеризовать так: в политическом отношении община и государство представляли собой равнозначные и во многом тождественные явления, при том, что одно не только не отрицало, но, наоборот предполагало и обуславливало второе.

Ближайшими историческими аналогиями древнерусских городов-государств можно считать древнегреческие полисы и древневосточные номы¹⁵¹. Реализуемая в рамках названных сообществ модель государственной организации является достаточно устойчивой и обладает значительным жизненным ресурсом, создавая благоприятные условия для экономического, политического и культурного развития.

Настоящая работа посвящена истории Галицко-Волынской Руси XI – начала XIII вв. Мы предполагаем, прежде всего, изучить процесс становления государственности и ее основных институтов, характер общественно-политических отношений, формирование и развитие волостной структуры. Основное наше внимание будет сосредоточено на том, что можно назвать историей внутриобщинных отношений, где главными действующими лицами выступают рядовые граждане, самостоятельное и политически организованное большинство которых приобретает решающее значение во всех сферах общественной жизни.

Разумеется, общественные отношения в Юго-Западной Руси претерпевали значительную эволюцию, что было связано с достижением внешне- и внутривнутриполитического суверенитета вечевыми общинами главных городов земли, изменением роли князя и его дружины в различные периоды истории общины, повышением политического статуса бояр, приобретающих качества общинных лидеров, «лучших и передних мужей», предводителей земского войска и его ударной силы, а также инициаторов важнейших политических решений в мирное время. Одним словом князь, бояре и городская община – вот главные герои настоящего исследования. В этой, если можно так выразиться, формуле, на наш взгляд, фокусируется основное содержание социально-политических отношений в домонгольский период русской истории.

¹⁵⁰ Там же. С. 168.

¹⁵¹ См.: Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство / Под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л., 1986.

Глава первая.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ В ИСТОРИОГРАФИИ

Начало изучения истории Юго-Западной Руси; Д. И. Зубрицкий и его последователи. – Обращение к «внутренней» истории края в трудах М. П. Смирнова, Н. И. Костомарова, Н. П. Дашкевича. – Прошлое Галичины и Волыни в исследованиях второй половины XIX в. – Построения М. С. Грушевского и их влияние. – Становление марксистской концепции и первые работы советских исследователей. – Труды М. Н. Тихомирова, В. Т. Пашуто, И. П. Крипякевича. – Работы советских и украинских зарубежных историков: различие подходов и совпадение результатов. – Новые подходы и перспективы исследования. – Итоговые замечания.

Первые сочинения по истории Галичины и Волыни появились в конце XVIII в. Они принадлежат перу австрийских историков Л. А. Гебхарда, Й. А. Хоппе, Й. Х. Энгеля¹. Поводом к написанию этих работ стало присоединение Галиции к Австрийской империи в результате первого раздела Польши (1772 г.). Особо выделяются в этом ряду произведения Й. Х. Энгеля: будучи учеником знаменитого А. Л. Шлёцера, он сам внес немалый вклад в развитие исторической науки и, по оценке позднейших исследователей, «был ученым, который стоял в первом ряду историков своего времени»².

¹ Gebhard L. A. Geschichte des Königreiches Galizien, Lodomerien und Rotreussen. Pest, 1778; Hoppe J. A. Geschichte des Königreiches Galizien und Lodomerien. Wien, 1792; Engel J. Ch. 1) Geschichte von Halitsch und Vladimir. Wien, 1792; 2) Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken, wie auch der Königreiches Halitsch und Wladimir. Halle, 1796.

² Давлетов О. Р. З творчої спадщини Дмитра Дорошенка: «І. Х. Енгель як

Главной задачей Энгеля и его ближайших коллег являлось обоснование исторических прав Австрии и Венгрии на западноукраинские земли, и поэтому основное внимание они уделяли доказательству династической принадлежности Галиции венгерским королям, а, следовательно, и Габсбургам.

Работы австрийских историков содержат лишь весьма поверхностный обзор событий политической истории Юго-Западной Руси, основанный на очень неполном материале, взятом почти исключительно из польских источников, использованных не критически³. Только Й. Х. Энгель был до некоторой степени знаком с русскими источниками, но не в подлиннике, а в обработке А. Л. Шлёцера. То же самое можно сказать и о написанном в конце XVIII в. трактате датского историка П. Ф. Сума «Историческое рассуждение о Галиции и Лодомерии», опубликованном в русском переводе более чем полвека спустя⁴. Тогда же в периодической печати стали появляться сочинения краеведческого плана, большей частью анонимные, посвященные истории отдельных червонорусских городов и удельных княжеств⁵. В 1809 г. увидела свет книга, в которой впервые затрагивались вопросы раннесредневековой истории Волыни⁶.

Важной вехой в изучении истории Юго-Западной Руси стало открытие и публикация Ипатьевской летописи – одного из главнейших литературных памятников Древней Руси, заключительная часть которого – Галицко-Волынская летопись – содержит основные сведения по истории Галичины и Волыни за XIII столетие. Открытый Н. М. Карамзиным древнейший список летописи был опубликован им в извлечениях в примечаниях к «Истории Государства Российского», а затем, в 1843 г., полностью – в составе 1-го издания Полного собрания рус-

историк України та козащини» // Південна Україна XVIII – XIX століття. Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету. 1996. № 2.

³ См.: Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860. С. 4-5; Крип'якевич І. П. Галицко-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 9-10.

⁴ Сум П. Ф. Историческое рассуждение о Галиции и Лодомерии // ЧОИДР. 1846. Кн. V.

⁵ Siarczyński F. Dzieje księstwa niegdyś Przemyślskiego // Czasopism naukowy Biblioteki im. Ossolińskich. 1828. № 2/3; Dzieje niegdyś księstwa Belzkiego i miasta Belza // Ibid. 1829. № 2; История бывших княжеств Теребовльского и Звенигородского // ЖМНП. 1838. Июль; О Галицкой и Венгерской Руси // Там же. 1844. Ч. XLI. Отдел 2.

⁶ Руссов С. Волынские записки. СПб., 1809.

ских летописей⁷. Это послужило толчком к созданию новых трудов, рассматривающих историческое прошлое Юго-Западного края как составную часть общерусской истории.

Следующий шаг был сделан в середине XIX в., когда появилось сразу несколько обстоятельных трудов, выполненных профессиональными историками и основанных на критическом использовании всех известных тогда письменных источников, включая вновь вводимые в оборот архивные материалы, а также результаты первых археологических исследований на территории Галичины и Волыни. В этой связи следует отметить работы львовского архивариуса и видного общественного деятеля, члена так называемой «Русской партии», ратовавшей за присоединение к России, Д. И. Зубрицкого⁸, члена Общества истории и древностей российских, а также известного переводчика греческих и римских классиков А. С. Клеванова⁹ и профессора Львовского университета И. И. Шараневича¹⁰.

Монографии этих исследователей и особенно трехтомный труд Д. И. Зубрицкого, написанный под сильным влиянием научного мировоззрения и литературной манеры Н. М. Карамзина, содержат подробный и обстоятельный разбор политической истории, сводимой, главным образом, к междукняжеским отношениям. Проблема общественно-политического строя, значения княжеской власти, роли местного боярства и положения простого народа в них специально не поднимается; высказываются только отдельные замечания и характеристики, в которых, однако, уже просматриваются контуры некоторых будущих историографических построений, в частности, глубоко укоренившегося впоследствии отношения к галицким боярам: «неверные» бояре Галича, находим у названных авторов, преисполнены стремления «к стеснению власти законных государей».

⁷ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II.

⁸ Зубрицкий Д. И. 1) Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси / Пер. О. М. Бодянского. М., 1845; 2) История древнего Галицко-Русского княжества. Львов, 1852 - 1855. Ч. I - III. — Изданию этих трудов предшествовала публикация нескольких работ на польском и немецком языках, в том числе: Z ubrzycki D. 1) Rys do historii narodu ruskiego w Galicji i hierarchii cerkiewnej w temże królestwie (988 - 1340). Lwów, 1837; 2) Kronika miasta Lwowa. Lwów, 1844.

⁹ Клеванов А. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1849; см. также: Клеванов А. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1871.

¹⁰ Шараневич И. И. История Галицко-Володимирской Руси от найдавших времен до року 1453. Львов, 1863.

«История» Д. И. Зубрицкого, доведенная до событий 1337 г.¹¹, и по сей день остается самым содержательным и скрупулезным обзором древней истории Галичины, выполненным с привлечением максимально широкого для своего времени круга разнообразных источников, в том числе фольклорных, которые едва только начали привлекать к себе внимание историков¹². Кроме того, это произведение, написанное на русском языке, имело огромное общественное значение, способствовало подъему национально-освободительного движения в Галиции, имевшего целью, в том числе, распространение русского языка как языка национальной науки и литературы¹³.

Научно-просветительская деятельность Зубрицкого вызвала широкий всплеск общественного интереса к историческому прошлому Юго-Западной Руси не только в самой Галиции, но и в России, что нашло отражение на страницах периодической печати¹⁴. Непосредственным откликом на публикацию в Москве его «Критико-исторической повести...», представлявшей собой в основном сборник отдельных заметок и наблюдений, стала упомянутая выше монография А. С. Клеванова, охватывающая весь период самостоятельного существования Юго-Западной Руси и ставящая целью дать систематическое описание основных событий политической истории края. Особенностью этого сочинения является стремление автора использовать исключительно сведения русских источников, преимущественно Ипатьевской летописи, и полное пренебрежение к иностранным свидетельствам, которые

¹¹ В качестве продолжения «Истории древнего Галицко-Русского княжества» автором были опубликованы еще две работы: Зубрицкий Д. И. 1) Аноним Гнезненский и Иоанн Длугош. Выписки из их сочинений латинских статей, к галицко-владимирским делам относящихся, за период от 1337 по 1387 г., с русским переводом и примечаниями. Львов, 1855; 2) Галицкая Русь в XVI столетии / Пер. А. А. Майкова // ЧОИДР. 1862. Кн. III.

¹² Подр. см.: Левицкий И. Е. Галицко-Русская библиография XIX столетия. Львов, 1888. Т. 1; Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. М., 1916. Т. 1. С. 33-48.

¹³ См.: Гербільський Г. Ю. Передова суспільна думка в Галичині (30 – середина 40-х років XIX століття). Львів, 1959; Пашаева Н. М. Русское движение в Галичине XIX – XX вв. // Славянский альманах. 1998. М., 1999.

¹⁴ Пашаева Н. М., Климова Л. Н. Галицко-русская матица в Львове и ее издательская деятельность // Книга: Исследования и материалы. М., 1977; Стеблій Ф. И., Криль М. М. Галицкая матица во Львове // Славянские матицы. XIX век. М., 1996. Ч. 1; Пашаева Н. М. История Галичины на страницах русской прессы второй половины XIX – начала XX в. // История, историография, библиотечное дело: Мат-лы конф-ции специалистов Государственной публичной исторической библиотеки. Москва, 23-24 марта 1993 г. М., 1994.

он считал «неосновательными и недостойными доверия».

Еще больше продолжателей дела Д. И. Зубрицкого было в самой Галиции. В 60 – 80-е годы XIX в. развернул свою научную деятельность И. И. Шараневич. Помимо упомянутой общей «Истории Галицко-Володимирской Руси» его перу принадлежит еще немало работ по исторической географии региона, происхождению и составу Галицко-Волынской летописи, археологии древнего Галича и других городов земли, написанных на русском, немецком и польском языках¹⁵. Как отмечают современные исследователи, ученый «был одним из первых, кто начал систематически собирать и публиковать материалы по истории княжеского Галича, кто освещал его историю, опираясь на памятники материальной культуры, выявленные в результате собственных археологических раскопок»¹⁶.

Во второй половине XIX в. появилось значительное число работ западноукраинских и польских исследователей, посвященных в основном изучению частных вопросов: истории отдельных городов¹⁷, исторической географии¹⁸, археологических и культурных памятников Галича и Львова¹⁹ и др. Что касается обобщающих работ, каковыми мож-

¹⁵ Шараневич И. И. 1) Стародавний Галич // Зоря Галичкая. Львов, 1860; 2) Исследование на поли отечественной географии и истории. Львов, 1869; 3) Географическо-исторические статьи. Львов, 1875; 4) Die Hupatios-Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichischen Geschichte. Lemberg, 1872; 5) Trzy opisy historyczne staroksiążęcego grodu Halicza w roku 1860, 1880 i 1882 skreślone. Lwów, 1883; 6) Указания в писанных источниках, а особенно в документах и актах до археологических исследований. Львов, 1886; 7) O rezultatach poszukiwań archeologicznych w okolicy Halicza w roku 1884 i 1885. Lwów, 1888, и др.

¹⁶ Кісь Я., Педич В. Професор І. Шараневич – дослідник стародавнього Галича // ГВД. Львів, 1993. С. 89.

¹⁷ Ильницкий В. 1) Стародавний Звенигород. Львов, 1861; 2) Стародавня Теревовля. Львов, 1862; Lewicki A. Obrazki z najdawniejszych dziejów Przemyśla. Przemyśl, 1881.

¹⁸ Головацкий Я. Карпатская Русь // ЖМНП. 1875. Июнь; Д[о б р я н с к и й] А. О западных границах Подкарпатской Руси со времен Св. Володимира // Там же. 1880. Март.

¹⁹ Петрушевич А. 1) Критико-исторические рассуждения о надднестрянском городе Галиче и его достопамятностях. Львов, 1888; 2) О соборной Богородичной церкви в городе Галиче, происходящей из первой половины XIII стол. Львов, 1899-1900. Вып. I-II; 3) Лингвистическо-исторические исследования о начатках города Львова и окрестностей его, с воззрением на предысторические времена переселения словенских и румынских племен из придунайских стран в предкарпатские области. Львов, 1893-1897. Вып. I-III. Czolowski A. 1) O położeniu starego Halicza. Lwów, 1890; 2) Lwów za ruskich czasów // KH. 1891. № 4.

но считать сочинения А. Белёвского²⁰ и А. Левицкого²¹, носящие скорее справочный характер, то, по справедливому замечанию И. П. Крипьякевича, эти работы «не внесли никаких важных дополнений» по отношению к трудам Д. И. Зубрицкого и И. И. Шараневича, «а лишь популяризировали их достижения»²².

* * *

Следующий этап в изучении истории Юго-Западной Руси связан с работами М. П. Смирнова²³, Н. И. Костомарова²⁴, В. Б. Пассека²⁵, Н. П. Дашкевича²⁶. Исчерпав «внешнюю» сторону проблемы, т. е. собрав и описав факты политической истории края, историки все в большей мере начинают углубляться, как тогда говорили, во «внутреннюю» историю – исследовать особенности общественно-политического строя и социально-экономических отношений. В это время в историографии впервые намечается предлагаемый в настоящей работе подход к изучению социально-политической роли боярства с точки зрения его взаимоотношений с общиной, простыми людьми, «гражданами».

«Внимательно соображая все события, – пишет М. П. Смирнов, – мы замечаем, что сила городов была парализована боярами, граждане почти всегда являются только зрителями или играют роль пассивную, исполняют приказания бояр»²⁷. Бояре являются «действителями» «во всех важнейших случаях»: «они призывают князей, они составляют заговоры, захватывают управление земли в свои руки и т. д., а граждане молчат или находятся в страдательной роли приверженцев высшего сословия, исполнителей его предначертаний; то значение, которое сохраняло народонаселение в Киеве... в Галиче всецело перешло к боярам, важным по своему богатству и тому влиянию, которое они посто-

²⁰ Bielowski A. 1) Królestwo Galicji (o starem księstwie Halickiem) // Biblioteka Ossolińskich. 1860. T. 1; 2) Halickowlodzimięskie księstwo // Ibid. T. 4.

²¹ Lewicki A. Ruthenische Teilfürstentümer // Österreichische Monarchie im Wort und Bild: Galizien. Wien, 1894.

²² Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 11.

²³ Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси...

²⁴ Костомаров Н. И. 1) Черты народной южнорусской истории // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989; 2) Начало единодержавия в Древней Руси // Костомаров Н. И. Раскол. Исторические монографии и исследования. М., 1994.

²⁵ Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь // ЧОИДР. 1870. Кн. 3.

²⁶ Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.

²⁷ Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси... С. 117.

янно сохраняли над народом, благодаря своим должностям»²⁸.

При таком соотношении сил в галицком обществе «народ, масса, предоставленная самой себе без средств, без вождя, конечно, должен был разделиться на части и склониться на сторону того или иного боярина»²⁹. Чтобы придать своим построениям надлежащее фактическое обоснование, М. П. Смирнов переосмысливает летописную терминологию, и полученные им решения изменяют саму методику исследователя: «Нечего обращать внимание, — пишет он, — на то, что летописец действующие лица постоянно называет Галичанами; под этим именем в большей части случаев должно разуметь бояр галицких, а не массу граждан»³⁰. Этот прием в дальнейшем был принят на вооружение многими последователями подобных взглядов.

Немало страниц характеристике общественных отношений Червонной Руси посвящает в своих работах Н. И. Костомаров. Причину силы и могущества галицких бояр историк находит в самобытности края, его природных и общественных условий и, в первую очередь, демократическом характере политического устройства, понимая дело так, что «развитие народной свободы необходимо должно было произвести возвышение одних пред другими и образование сильного класса»³¹. В отличие от предшественника, Н. И. Костомаров полагал, что именно Галич, а не Киев являлся оплотом демократических свобод на Руси: «древние начала свободы удержались там (в Галиче. — А. М.) доле и развивались по славянскому образцу, со всеми достоинствами и пороками»³². «Бояре галицкие не составляли в строгом смысле аристократию, замкнутое сословие..., — продолжает ученый. — Под именем бояр, как и вообще в русском мире, в Галиче еще более разумелись люди богатые, владельцы земель; течением обстоятельств, умением ими пользоваться для своего возвышения приобретали они силу и влияние, и так же легко возвышались, как и упали. Народ страдал от их произвола»³³.

В другой работе Н. И. Костомаров иначе решает вопрос о соотношении боярства и общины, аристократического и демократического элементов: «В Галичине везде видно участие Земли, как и в избрании князей, так и в верховном суде над их способом управления. Но там

²⁸ Там же. С. 118-119.

²⁹ Там же. С. 119.

³⁰ Там же. С. 117.

³¹ Костомаров Н. И. Черты... С. 95.

³² Там же. С. 93.

³³ Там же. С. 95-96.

успел развиваться и усилиться аристократический элемент, как нигде на Руси...»³⁴. Свой контроль над политическими судьбами земли бояре установили через вече: «В Галиче бояре... составляли одни вече, простой народ не имел голоса»³⁵. Подчинив общину, бояре попытались распространить свое влияние и на княжескую власть: они «хотели или лучше быть вовсе без князя, или иметь такого, который находился бы у них совершенно в руках»³⁶. Не будучи едины в своих политических интересах, галицкие бояре постоянно делились на враждующие партии, и это в конечном счете привело к кардинальным переменам в расстановке сил: «Бояре потеряли свою силу в междоусобиях; возвысилась народная партия, соединилась вокруг Романова сына Данила и возвела его на княжение»³⁷.

К вопросу о соотношении основных общественных сил, «частей» или «элементов» в Галицком княжестве обращается в своей известной работе «Княжеская и докняжеская Русь» В. Б. Пассек. «Здесь боярство было полно крепости, силы и, господствуя под покровом своих князей над прочими составными частями, страшилось потерять это господство чрез вмешательство постороннего начала... Боярское начало, можно сказать, поработало в Галиче все остальные начала и скопляло себе за счет сих последних несметные сокровища... Бояре со всей мощью поддерживали своих родовых князей и чрез них господствовали над землями Галицкими»³⁸.

В итоге историк делает соответствующий вывод о характере политической власти в Галицком княжестве: «Галицкое княжество по своему внутреннему составу... было по преимуществу княжество аристократическое, боярское»³⁹. Отмеченное положение «обнаруживается» сразу после смерти последнего Ростиславича Владимира⁴⁰. Рассуждая о причинах слабости галицкой общины, горожан, или «среднего элемента общества», В. Б. Пассек указывает на отсутствие единства и сплоченности в рядах противостоящей боярству части общества. Последняя «составляет единое только в цепи своей, а в действительности является

³⁴ Костомаров Н. И. Начало единой державы... С. 163.

³⁵ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Первый отдел // Костомаров Н. И. Русь крещеная. М.; Смоленск, 1996. С. 124.

³⁶ Там же. С. 118.

³⁷ Костомаров Н. И. Начало единой державы... С. 164.

³⁸ Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь. С. 49-50.

³⁹ Там же. С. 51.

⁴⁰ Там же. С. 57.

разрозненной по городам и вступающей в противодействие робко, без мощи, между тем как бояре галицкие образуют собой одно целое и, как отдельное какое-нибудь общество, господствуют в землях Галицких»⁴¹.

Важным достоинством работы Н. П. Дашкевича является стремление автора проследить за развитием общественной жизни в Червонной Руси на протяжении XII – XIII вв., отметить происходящие здесь перемены и создать динамическую картину эволюции внутриобщинных отношений. «Первоначальный склад общественной жизни в Червонной Руси, – пишет историк, – не носил на себе никакого особенного отпечатка. Отношения между общественными элементами: князем, дружиной и общиной были те же, что и в остальной Руси. Бояре составляли непрременную часть дружины, в которой они занимали только высшее место; дружина же едва ли была тесно связана с землей»⁴².

Перемены начинаются в княжение Ярослава Осмомысла. Хотя при князе по-прежнему существует его собственная дружина, входившие в нее бояре, «верхний слой служилого сословия» «не чувствует себя более тесно связанным с князем и представляет нечто совершенно отдельное»⁴³. Бояре приобретают «силу и авторитет» в отношениях с князем, несвойственные дружинникам, начинают «влиять» на князя, заставляя его совершать те или иные поступки. Это влияние подчас чрезвычайно возрастало, но никто на Руси никогда не помышлял об изменении формы правления в пользу боярской аристократии; «не думали о ней и галицкие бояре даже тогда, когда попытались удержать верховную власть в своих руках»⁴⁴.

С другой стороны, «высший класс галицкого служилого сословия» «присвоил себе и начал пользоваться теми правами, которыми в других областях пользовалась община, сам стал распоряжаться за галицкую общину»⁴⁵. В силу того, что с середины и до конца XII в. в Галицкой земле правили князья одной династии, установилось единовластие, и княжеский стол переходил от отца к сыну, дружинники-бояре получили возможность укрепить свою связь с землей посредством получения в управление от князей городов и волостей, в которых они могли пребывать долгое время, так как после смерти князя-отца продолжали служить его сыну. «Вследствие всего этого “княжие мужи” сделались крепкими земле и получили в ней важное значение, ставши не только

⁴¹ Там же. С. 58.

⁴² Д а ш к е в и ч Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 18-19.

⁴³ Там же. С. 34.

⁴⁴ Там же. С. 20.

⁴⁵ Там же. С. 21.

«княжими», но и «Галицкими» мужами»⁴⁶.

Н. П. Дашкевич отвергает распространенное среди историков мнение о влиянии на общественный строй Юго-Западной Руси аристократических порядков соседних стран, Польши и Венгрии, полагая, что галицкое боярство приобрело «особенное положение» «вследствие чисто местных условий»⁴⁷. Продолжая линию взаимоотношений боярства и общины, ученый замечает, что, получив в стране первенствующее положение, дружинники-бояре «пользовались им не как лучшие члены общины, не разрывавшие с ней связи, а независимо от нее и даже в ущерб ей. Не смотря на то, они не встречали от нее сильного сопротивления, потому что она была рано подавлена в Галиче»⁴⁸.

В дальнейшем антагонизмы в отношениях бояр и общины еще больше усиливаются, и бояре становятся причиной бесчисленных бедствий, обрушившихся на простых людей: «Где должна решать что-нибудь сама страна, там всегда выступали на сцену бояре. Изредка только проглядывает в летописи народ как деятельная сила; он заявлял свой голос, когда налицо не было бояр. Бояре же в политике почти всегда действовали вопреки его благосостоянию. Они были виновниками большинства смут в стране... Они наводили иноземцев, которые – были мгновения – посягали даже на народную совесть. Этого мало: сами бояре не особенно церемонились с народом»⁴⁹.

Но полностью подавить и подчинить общину, так же, как и взять под полный контроль княжескую власть бояре были не в силах. «Ни один из состязавшихся элементов не одолевал, и, вследствие этого, борьба тянулась, не имея конца»⁵⁰. Получив очевидные политические преимущества перед простым народом, в юридическом отношении боярство никак не обособилось от основной массы горожан и «не представляло из себя замкнутого сословия, доступ к этому званию не был загражден и простым людям»⁵¹. В полемике с другими историками Н. П. Дашкевич доказывает, что галицкое боярство политически всегда было единым и никогда не делилось на противоборствующие партии, поскольку бояре «постоянно имели в виду интересы целого общественного класса», и, кроме того, «не было никакого разделявшего бояр

⁴⁶ Там же. С. 23.

⁴⁷ Там же. С. 25.

⁴⁸ Там же. С. 24.

⁴⁹ Там же. С. 25-26.

⁵⁰ Там же. С. 35.

⁵¹ Там же. С. 30-31.

элемента»⁵².

* * *

Сложившиеся в 60 – начале 70-х годов представления о боярстве и политическом строе Юго-Западной Руси прочно вошли в отечественную историографию, встретив своих последователей и оппонентов и определив направления дальнейшего поиска.

О «силе и значении» галицкого боярства «по отношению к своему князю и к земле» говорит Д. И. Иловайский⁵³. Причиной тому стали как внутренние, так и внешние факторы. «Вместе с княжим родом и бояре его приобрели прочную оседлость и сделались богатыми землевладельцами»⁵⁴. Стечением благоприятных обстоятельств «боярство галицкое получило все способы образовать из себя не только военную, но и земскую аристократию и выделить некоторые роды, наиболее богатые и влиятельные»⁵⁵.

Согласно В. О. Ключевскому, в Галицком княжестве «боярство сложилось в многочисленный и могущественный класс...», который «стремился стать стеной между князем и народом, “простою чадью”; но народ склонялся более на сторону князя, видя в нем своего “держателя, Богом ему данного”»⁵⁶. «Незаметно, – продолжает В. О. Ключевский, – чтобы бояре были сильны землевладением. Господствующим их интересом и средством влияния было управление»⁵⁷. Боярство Галича резко отличалось от знати других древнерусских городов, в частности Новгорода, тем, что не являлось представителем народа, а хотело править народом в собственных интересах⁵⁸. Боярский класс «вовсе не действовал дружно в одном направлении, а делился на партии»⁵⁹. В итоге у историка сложилось мрачное впечатление «господства боярской анархии», «которой не удалось превратиться в прочный аристократический порядок. Поэтому... это господство не отрази-

⁵² Там же. С. 37 и след.

⁵³ Иловайский Д. И. История России. Становление Руси (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. С. 247.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. С. 68-69.

⁵⁷ Там же. С. 69. – Об экономическом и социально-правовом статусе древнерусского боярства ученый говорит в ряде своих работ: Ключевский В. О. 1) Терминология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: В 8-ми т. М., 1959. Т. VI. С. 145-147; 2) История сословий в России // Там же. С. 318-319.

⁵⁸ Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 69-70.

⁵⁹ Там же. С. 69.

лось заметно на галицкой боярской думе», оставшейся, как и в других землях Руси, лишь совещанием князя с служившими ему боярами⁶⁰.

С принципиально иных позиций решает проблему «особенностей галицко-волынского государственного устройства» М. Ф. Владимирский-Буданов. Признавая, что «здесь берет преобладание боярская власть над князем и вечем», что «бояре присваивают себе право распоряжения княжеским столом», особенно усиливаясь при князе Романе и его сыне Данииле, что «бояре в Галицкой земле владеют пригородами на правах княжеских» и, наконец, что «для борьбы с боярским элементом было призвано народное вече»⁶¹, историк видит в боярах древней Руси, прежде всего, «лучших людей земли», «земскую аристократию», с которой полностью сливается другой компонент боярства – старшие дружинники князя⁶².

Древнерусское боярство «не имело ни сословной корпоративности, ни сословных привилегий. Образованию корпоративности мешал земский характер древних русских государств. Каждая община (город, волость и даже село) имела своих бояр (равно как средних и меньших людей)»⁶³. Бояре неотделимы от своей общины, и в момент борьбы враждующих городских общин бояре и горожане «отождествляются» и «противопоставляются» внешнему миру⁶⁴. Как представители общины бояре входят в боярскую думу – «постоянный совет лучших людей каждой земли, решающий (вместе с князем) высшие земские вопросы» и являющийся, наряду с князем и вечем, основным элементом в «составе государственной власти»⁶⁵.

Критическим пафосом проникнуты высказывания И. П. Филевича, одним из первых попытавшегося проанализировать взгляды предшественников относительно политического строя Юго-Западной Руси, роли и значения бояр в жизни общины. Историк приходит к выводу, что в самом изучаемом явлении, каким оно представлено в научной литературе, «есть какая-то неопределенность, делающая невозможной точную

⁶⁰ Там же. С. 70.

⁶¹ Владимирский - Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. 61-63.

⁶² Там же. С. 25-29.

⁶³ Там же. С. 30.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 44 и след. – Подр. см.: Владимирский - Буданов М.Ф. Новые исследования о Боярской Думе // Сборник государственных знаний. СПб., 1880. Т. VIII.

и ясную формулировку его положения, роли и значения»⁶⁶.

Со своей стороны И. П. Филевич не склонен преувеличивать силу и влияние галицкого боярства и видеть в этом какую-то особенную черту политического строя Галицкой земли в сравнении с другими землями Руси: «Вообще, мнение о роли и значении галицкого боярства мы считаем таким же научным недоразумением, каких немало можно отметить во взглядах на историю Галича. Боярство было в Галиче, как было оно и в других русских землях, и исключительная роль его обнаруживалась только при условиях, какие в других землях отсутствовали (историк не уточняет, о каких условиях идет речь. — А. М.); но при этом надо заметить, что даже угорское соседство и содействие не было в состоянии сообщить этому явлению действительную силу и значение»⁶⁷.

Более традиционно решает вопрос о соотношении боярства и простых людей (городской общины) И. А. Линниченко, автор специального исследования по истории сословий Юго-Западной Руси. «Мы знаем, — пишет он, — то огромное значение, которое имело боярство в Галицкой Руси — *de facto* не только в эпохи междукняжия или малолетства князей, но и при взрослых князьях судьбы Червонной Руси находились в руках всемогущего боярства... Ни Роману, ни Даниилу не удалось вполне сломить силу боярства»⁶⁸. Такая же в сущности картина наблюдалась и на Волыни: «боярство с его стремлениями не исчезло и в Волынской земле, его сдерживала лишь сила и популярность Владимира Васильковича»⁶⁹.

Историк касается вопроса о значении боярской думы в Галицкой Руси, находя в ней узкосословный политический орган при князе: «Как и в остальной Руси, боярство составляло в Галицкой Руси думу при князе. Юридического значения такая дума, конечно, не имела, но политическое значение ее было громадно — оно опиралось на солидарность интересов всего боярства»⁷⁰. «Сила, какую приобрело в Галицкой Руси боярство, убила здесь самостоятельность городской общины. Не она, а

⁶⁶ Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб., 1890. С. 182-183.

⁶⁷ Там же. С. 183-184.

⁶⁸ Линниченко И. А. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV — XV вв. М., 1894. С. 12.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. — Взгляды историков на боярскую думу Юго-Западной Руси развивались в русле полемики В. И. Сергеевича, В. О. Ключевского и М. Ф. Владимирского-Буданова (См. об этом: Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 170-173) и несут на себе ее отпечаток.

боярство, является здесь решителем судеб земли. Боярство, а не вече, приглашает и изгоняет князей, с боярами, а не с горожанами, сносятся разные, как русские, так и иноземные претенденты на княжеский стол...» и т. д.⁷¹

Во второй половине XIX в. появляется ряд работ, специально посвященных истории Волынской земли, освещающие ее древнерусский период⁷². Особо следует отметить сочинения выпускников Киевского университета А. М. Андрияшева и П. А. Иванова, удостоившиеся соответственно золотой и серебряной медалей на университетском конкурсе 1886 г.⁷³ А. М. Андрияшев, как и многие его предшественники, прежде всего, отдает должное галицкому боярству: «Первенствующую роль в Галицкой земле играло боярство, преследовавшее вообще свои сословные цели и очень мало заботившееся об общем благе»⁷⁴. Волынские же бояре шли, по словам историка, «по следам галицкого боярства» и желали «расширить свои права»⁷⁵. Из отдельных разрозненных высказываний автора складывается примерно следующая картина. Уже в начале XII в. на Волыни начинает активно действовать «боярская партия», и от нее зависит судьба владимирского князя⁷⁶. После же гибели Романа бояре не только вершат судьбу княжеского стола, но и подчиняют своему влиянию вече⁷⁷.

Если А. М. Андрияшев в своем исследовании главное внимание уделял междукняжеским отношениям – военным походам, коалициям, борьбе за уделы, – а также отношениям Волыни с соседними землями и государствами, т. е., как тогда говорили, «внешней стороне» истории земли, сетуя, что о «событиях внутренней жизни страны... мы не име-

⁷¹ Линниченко И. А. Черты из истории сословий... С. 210.

⁷² Stecki J. T. Wolyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym. Lwów, 1864; Крушинский Л. Исторический очерк Волыни // Труды Волынского губернского статистического комитета на 1867 год. Житомир, 1867. Вып. I; Лонгинов А. В. Червенские грады. Исторический очерк, в связи с этнографией и топографией Червонной Руси. Варшава, 1885; Крижановский Л. Забужская Русь. СПб., 1885; Петров Н. И. 1) Холмская Русь. СПб., 1887; 2) Волынь. СПб., 1888; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895.

⁷³ КУИ. Год XXVII. Киев, 1887. № 1 Январь. Ч. I. Официальная. С. 13. – Обе работы получили высокую оценку В. Б. Антоновича. – Там же. С. 9-10.

⁷⁴ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 153.

⁷⁵ Там же. С. 155.

⁷⁶ Там же. С. 117.

⁷⁷ Там же. С. 155.

ем почти никаких известий»⁷⁸, то П. А. Иванов нашел возможным снабдить свой труд специальным очерком внутриволынской жизни Волыни, содержащем характеристику общественного положения местного боярства и других общественных «элементов».

Историк числит бояр исключительно среди княжеских дружинников, возвысившихся благодаря службе князю и обогатившихся за счет его доходов⁷⁹. Поскольку авторитет князя в XIII – XIV вв. сильно возрастает, повышается роль и значение бояр. Все начинается с быстрого роста доходов и богатства, увеличения земельной собственности. «Громадная экономическая сила, которой обладали бояре, помимо других причин, была причиной того, что бояре приобрели мало помалу и огромное политическое значение. В их руках в XIII – XIV вв. находились высшие должности, как то воеводы, посадника, тысяцкого, тиуна, посла. Помимо занятия названных должностей, бояре в это время вместе с епископом были членами верховного совета»⁸⁰.

* * *

На рубеже XIX – XX вв. увидели свет первые тома многотомного труда М. С. Грушевского «История Украины – Руси», вмещающие подробные очерки истории всех южнорусских земель, в том числе Галичины и Волыни, а также характеристику общественно-политических отношений в домонгольский период. Во взглядах ученого на общественный строй, положение и значение боярства, его отношения с общиной и княжеской властью в Галиче достигает крайних позиций известный тезис о необыкновенном могуществе, экономической и политической силе галицких бояр. Автор не ограничивается повторением аргументов и выводов предшественников, выдвигая ряд собственных соображений, развивая и уточняя уже существующие представления, достигая их более четкого и систематического изложения⁸¹.

Под пером М. С. Грушевского галицкие бояре становятся поистине всемогущими и вездесущими, стремятся и добиваются полного господства над общиной и князем. «В общественном укладе Галичины наиболее характерное явление – это необычайный, нигде на Украине неслыханный размах боярской силы и влияния. Он наложил свою печать на

⁷⁸ Там же. С. 199 и др.

⁷⁹ Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли... С. 267-271.

⁸⁰ Там же. С. 271-272.

⁸¹ Грушевський М. С. 1) Галицке боярство XII – XIII вв. // ЗНТШ. Львів, 1897. Т. XX; 2) Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II; 3) Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. III.

политические отношения земли: его последствия проявились здесь в подчиненном положении общины в отношении боярства, а временами политические стремления боярства парализовали княжескую власть до полной беспомощности»⁸². Боярство в Галицкой земле «сложилось в такую крепко консолидированную массу, какая могла развернуть борьбу на два фронта: имея против себя общину, бороться с князем»⁸³. «Взявшись за руки, замкнувшись в своем кругу, куда не легко было пролезть новому человеку..., удерживая в зависимости от себя меньшее боярство, опершись одной ногой на военную силу своих полков, другой на широко развитую земельную собственность, галицкое боярство в конце XII в. было действительно так сильно, что могло побиться с княжеской властью и, вопреки отчуждению от общины, иметь в этой борьбе перевес»⁸⁴.

При этом сама община в Галиче «вовсе не отличалась особой апатией в политических делах» и стремилась проводить, в частности, самостоятельную династическую политику, поддерживая или, наоборот, отвергая тех или иных князей⁸⁵. Репрессии, которым подвергали князя своенравных галичан, рано ослабили общину (середина XII в.) и, с другой стороны, усилили боярство, так как князь искал его поддержки в конфликтах с общиной⁸⁶. В итоге были порождены глубокие антагонизмы между общиной и князем, общиной и боярством, и такое положение сохранялось на протяжении всей второй половины XII в.: «ни князь, ни боярство не сблизилось с общиной»⁸⁷.

Ситуация изменилась с появлением в Галиче новой княжеской династии – Мстиславичей, в традиции которой были добрые отношения с общиной. «Безоглядная борьба с боярством», которую повел Роман Мстиславич, став галицким князем, «увеличила популярность Романа в общине» и способствовала в дальнейшем приверженности галичан к его сыну Даниилу⁸⁸. Историк указывает на «отчетливую антипатию общины к боярству» как на коренную черту взаимоотношений бояр и

⁸² Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 473.

⁸³ Там же. С. 478.

⁸⁴ Там же. С. 479.

⁸⁵ Там же. С. 473-474.

⁸⁶ Там же. С. 478.

⁸⁷ Там же. С. 474.

⁸⁸ Там же. С. 475. – Бояре в ответ выработали целую программу политических мер, чтобы удерживать под своим контролем княжескую власть (С. 481). Историк приходится оговариваться, что в этой «программе» искусственно сведены к общему знаменателю разноречивые стремления боярства, постоянно рассыпавшегося на враждующие партии.

простых людей. Причина непопулярности бояр – их «грабительства земли», ведь галицкое боярство «было, прежде всего, правительственным сословием, которое смотрело на землю и население как на источник дохода, как на “корм”... А к тому же прибавилась ненависть к боярству как к сословию капиталистов, земельных магнатов...»⁸⁹. Впрочем, эта ненависть и сопротивление общины боярам были слабыми и нерешительными: «община выступала изредка, по случаю, инициативы не проявляла, да и силы ее, кажется, не были велики». Кроме того, боярство «могло в значительной мере нейтрализовать стремления общины. Боярские клиенты тысячами нитей вязали вокруг себя людей из мещанства и крестьянства»⁹⁰.

В отношении общественного положения волынского боярства картина, написанная М. С. Грушевским, выглядит не столь масштабно, – ученый вслед за другими авторами сетует на недостаток фактических данных⁹¹. Тем не менее, анализ источников позволил М. С. Грушевскому «уразуметь значительную политическую роль волынского боярства», хотя оно и «не имело такой силы, как боярство галицкое»: «...при отсутствии всякой стабильности в политических отношениях Волыни, при частых сменах династий, здесь не могло выработаться такого влиятельного и консолидированного боярства как в Галичине»⁹².

В то же время, «дружинно-боярское сословие на Волыни достигло значительного развития. О его экономической силе можно судить только из позднейшего: из необыкновенного размаха боярского и княжеского землевладения (княжеское сословие здесь слилось с боярским). Бесспорно, эта большая боярская земельная собственность имела свое начало в древнерусское время»⁹³. Политическая же сила волынского боярства проявилась уже в конце XI в., когда боярским влиянием определялась политика местных князей. Эта сила значительно возрастает после смерти Романа Мстиславича⁹⁴. Но подлинного могущества боярство Волыни достигает лишь к концу XIII – середине XIV в. «Наивысшей точкой в развитии силы и значения волынского боярства надо признать третье и четвертое десятилетия XIV века», когда оно «должно было принять кормило державы на какое-то время в свои руки»⁹⁵.

⁸⁹ Там же. С. 476-477.

⁹⁰ Там же. С. 477-478.

⁹¹ Там же. С. 400.

⁹² Там же. С. 401.

⁹³ Там же. С. 400.

⁹⁴ Там же. С. 400-401.

⁹⁵ Там же. С. 402.

Развернутую картину общественно-политических отношений в Галицком княжестве XI – XIII вв., содержащую обстоятельные характеристики социального положения и политических интересов каждого из сословий (общественных слоев), составлявших галицкое общество, предложил М. Кордуба, один из учеников М. С. Грушевского, работа которого в целом получила высокую оценку последнего⁹⁶. Вслед за учителем М. Кордуба отмечает экономическую силу бояр, ставшую основой их претензий на политическое управление и борьбы против князя, которая «заполняет всю внутреннюю историю княжества»⁹⁷. «Отношения бояр к низшему слою народа были... весьма неприязненными..., простой люд имел иные симпатии, нежели привилегированный слой..., интересы обоих классов расходились довольно сильно»⁹⁸.

Вместе с тем М. Кордуба вносит некоторые существенные коррективы в сложившиеся представления о взаимоотношениях бояр и простых людей, в частности, тезис о полном господстве бояр над ними: «Тезис о полном господстве бояр над низшими слоями населения правдив, только если прилагать его к одной части, то есть к сельскому населению. Крестьяне ограничены в своих правах уже с самого начала галицкой истории. На ход политических дел они не имеют никакого влияния»⁹⁹. Напротив того, мещане «ведут беспрестанную борьбу с боярством против его преобладания и своим влиянием иногда решают политические дела»¹⁰⁰.

Бояре составляли княжеский «совет» или «думу», которая хотя и «не была никакой официальной институцией и имела лишь личное значение для князя, считалось крайне необходимым, чтобы князь во всех важных случаях просил у нее совета»¹⁰¹. В среде самого боярства постоянно «создаются партии, неизбежные всюду, где начинается какая-нибудь политическая жизнь»¹⁰².

Очевидно, в немалой степени под влиянием работ М. С. Грушевского, его учеников и последователей в историографии начала

⁹⁶ Там же. С. 403, прим. 1. – Хотя М. С. Грушевский возражал против отдельных положений работы М. Кордубы. – См.: К о р д у б а М. Суспільні верстви і політичні партії в Галицькім князівстві до половини XIII ст. // ЗНТШ. Львів, 1899. Т. XXXI - XXXII. С. I, прим. ред.

⁹⁷ Там же. С. 3.

⁹⁸ Там же. С. 10.

⁹⁹ Там же. С. 28.

¹⁰⁰ Там же. С. 29.

¹⁰¹ Там же. С. 7-8.

¹⁰² Там же. С. 12.

XX в. возобладал взгляд на галицкое и отчасти волынское боярство как на исключительный феномен, не имевший себе равного в других русских землях и в экономическом, и в политическом отношениях, как на могущественное сословие, способное подчинить себе и общину (вече), и княжескую власть, и самостоятельно управлять судьбами земли. Суждения такого рода встречаем в различных научных и научно-популярных сочинениях по русской и украинской истории и этнографии¹⁰³, университетских лекционных курсах и пособиях к ним¹⁰⁴, в научной и учебной литературе по истории русского права¹⁰⁵ и т. п.

Впрочем, некоторое разномыслие возникало в вопросе о причинах боярского могущества. Часть исследователей объясняла его, исходя из сформулированной С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским теории очередного порядка княжеского владения рода Рюриковичей: окраинное Галицкое княжество рано выделилось из круга земель, где действовал очередной порядок и происходило постоянное перемещение князей с их дружинами и боярами с одного стола на другой, поэтому местное боярство имело возможность прочно осесть на землю, обзавестись богатством, в том числе земельной собственностью, и распространить свое влияние в общественных делах. Другие историки находили, что корень боярского господства лежал в малочисленности династии галицких князей, вследствие чего управление отдавалось не княжеским

¹⁰³ Ляскоронский В. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII стол. Киев, 1903. С. 369 и др.; Ефименко А. Я. История украинского народа. Киев, 1990. С. 75 и след.; Аркас М. Історія України – Руси. Київ, 1991. С. 90-91; Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., б. г. Т. 1. С. 300 и след.; Вишняков Е. И., Пичета В. И. Русская история. М., 1908. С. 72-73; Украинский народ в его прошлом и настоящем / Под ред. Ф. К. Волкова, М. С. Грушевского, М. М. Ковалевского (и др.). СПб., 1914. Т. I. С. 97-100; Rogozinskiy A. M. Древнейшие эпохи в истории Галицкой Руси и их влияние на ее современное состояние. Киев, 1915; Чубатий М. Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганнях до церковної унії // ЗНТШ. Львів, 1917. Т. СХХІІІ - СХХІV. С. 11 и др.

¹⁰⁴ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 155 и след.; Багалея Д. И. Русская история. М., 1914. Т. I. С. 262-266; Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М., 1915. С. 151 и след.; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. I. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 26-27. – Впрочем, большинство этих курсов (исключение составляют Лекции А. Е. Преснякова) очень мало внимания уделяли Юго-Западной Руси, как бы выпадавшей из общего контекста русской истории.

¹⁰⁵ См.: Филиппов А. Н. Учебник истории русского права (Пособие к лекциям). Юрьев, 1914. Ч. I. С. 204 и след.

сыновьям (как это было в других землях), а попадало в руки бояр, принося им власть и богатства¹⁰⁶. Наконец, были попытки объединить первые два объяснения как естественным образом дополняющие друг друга¹⁰⁷.

* * *

В советской историографии 20 – 30-х годов постепенно утверждаются марксистско-ленинские теоретические принципы в практике исторического исследования. Существенно изменились взгляды и представления о начальных этапах русской истории. В ходе напряженных научных дискуссий 30-х годов возобладала выдвинутая Б. Д. Грековым и другими концепция феодального строя Киевской Руси, возникшего непосредственно в процессе разложения первобытнообщинных отношений у восточных славян¹⁰⁸. Основными признаками феодализма в древнерусском обществе считались: крупное феодальное землевладение (поскольку сельское хозяйство и в особенности земледелие, составлявшее основу феодального способа производства, представляло собой главную отрасль хозяйства Древней Руси), наличие различных категорий феодально зависимого населения, антифеодальный характер классовой борьбы¹⁰⁹.

Боярство теперь воспринималось как верхушка класса феодалов, основной интерес которой заключался в том, чтобы оформить свое правовое положение и обеспечить тем самым для себя ряд привилегий. Первейшая среди них – «сеньориальное право владения землей, в содержание которого входило право суда и управления над феодально зависимым населением»¹¹⁰. Было отвергнуто мнение дореволюционных историков о том, что древнерусское боярство не являлось сословием в западноевропейском средневековом понимании, а представляло собой юридически неопределенную совокупность людей («общественный

¹⁰⁶ См., напр.: Багалей Д. И. Русская история. Т. 1. С. 262-263.

¹⁰⁷ См.: Ефименко А. Я. История украинского народа. С. 75-76.

¹⁰⁸ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 231-258. Ср.: Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII - XX вв. СПб., 1996. С. 191-223.

¹⁰⁹ Греков Б. Д. 1) Очерки по истории феодализма в России: Система господства и подчинения в феодальной деревне. М.; Л., 1934; 2) Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1935; 3) Киевская Русь. М.; Л., 1939; 4) Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.; Л., 1940.

¹¹⁰ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 158, 160. См. также: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952. Кн. 1. С. 257.

класс»), достигших выдающегося экономического и политического положения¹¹¹, как не соответствующее ленинскому положению: «классы рабовладельческого и феодального (а также и крепостнического) общества были также и особыми сословиями»¹¹².

Ненужными оказались и разработки дореволюционных ученых вопроса об общественно-политическом статусе боярской думы. «Старый спор Ключевского, Сергеевича и Владимирского-Буданова о том, обязан ли был князь совещаться с подручной ему знатью, отпадает сам собой как совершенно бесплодный. Князь не мог действовать один, поскольку он осуществлял, прежде всего, интересы растущего класса бояр», – утверждает Б. Д. Греков¹¹³. Далее ученый уточняет свою позицию важным в методологическом отношении положением: «Выросшее экономическое и политическое значение знати позволило ей занять в Древнерусском государстве самостоятельную, независимую от центральной власти позицию и, в конце концов, выступить против этой власти и тем самым подготовить раздробление государства на отдельные феодальные княжества, во главе которых стали свои собственные князья»¹¹⁴.

В строгом соответствии с новой концепцией советскими историками изучалась история отдельных регионов Древней Руси, в том числе Галичины и Волыни. Общественное положение и политическая роль местного боярства в работах советских авторов характеризовались следующими чертами. Бояре Галича и Волыни – это крупные феодаль-землевладельцы, преследующие собственные узкокорпоративные интересы, расходящиеся как с интересами центральной (княжеской) власти, так и с интересами простого народа. Бояре выступают за ограничение власти князей и расширение собственных феодальных привилегий: сперва их борьба направлена против киевского, а затем и против местных князей – галицкого и владимирского. По отношению к простому народу бояре выступают главным классовым врагом: они эксплуатируют крестьянское население («смердов»), так как завладели

¹¹¹ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. I. С. 381; Липниченко И. А. Черты из истории сословий... С. 58; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 26; Дьяконов М. А. Очерки... С. 94; Ключевский В. О. История сословий... С. 276-278, 318; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1904. Т. II. С. 223.

¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 97, прим.

¹¹³ Греков Б. Д. Киевская Русь // Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1959. Т. II. С. 447.

¹¹⁴ Там же. С. 477.

почти всей землей в княжестве, грабят и разоряют поборами горожан, так как присвоили себе все должности городского и местного управления.

В конце 1930-х годов появились первые работы, специально посвященные социально-политическим отношениям в Юго-Западной Руси, формулирующие и развивающие приведенные выше положения. Это статьи А. А. Савича «Борьба феодалов в Галицко-Волынской Руси»¹¹⁵ и В. В. Мавродина «О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве XII – XIII вв.»¹¹⁶.

«Господствующим классом в Галицкой земле, – пишет А. А. Савич, – было сильное и крупное боярство», которое «несколько отличалось» от киевского, ибо галицкие бояре «прежде всего, сосредоточивали в своих руках крупные земельные владения»¹¹⁷. Вслед за М. С. Грушевским А. А. Савич признает необоснованным суждение, что эти земельные владения раздавались боярам князьями за службу. «Это были, скорее, фольварки, обрабатываемые руками несвободных работников»¹¹⁸. Владетельные бояре могли играть главную роль в составе княжеской дружины, но могли и свободно обходиться без такой княжеской милости. Экономическое могущество позволяло боярам вести активную политическую борьбу с князем: лишать стола неугодных князей и призывать более подходящих и добиваться всей полноты реальной власти в княжестве¹¹⁹.

Доминирующему положению галицкого боярства способствовало влияние «польского и венгерского шляхетства», «игравшего у себя большую политическую роль». Это влияние сказалось и в том, что боярская дума (совет) стала в Юго-Западной Руси «непременным участником княжеского управления»¹²⁰. «Местное сильное боярство, естественно, подавило самостоятельность городских общин». «Мужичья Галицкая», которые действуют в важнейших эпизодах политической жизни на страницах летописи – «это, несомненно, галицкие бояре». Торгово-

¹¹⁵ Савич А. А. Борьба феодалов в Галицко-Волынской Руси // УЗ МГПИ. Серия история. 1937. Т. II. Вып. 1.

¹¹⁶ Мавродин В. В. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве XII – XIII вв. // УЗ ЛГУ. Серия ист. наук. 1939. Вып. 5.

¹¹⁷ Савич А. А. Борьба феодалов... С. 72-73.

¹¹⁸ Доказательству этого положения посвящена основная часть статьи, где анализируются важнейшие события внутриполитической жизни Юго-Западной Руси XII – XIII вв.

¹¹⁹ Там же. С. 74.

¹²⁰ Там же.

ремесленное же население галицко-волынских городов «большой роли, по-видимому, не играло»¹²¹. Этому способствовало и то, что «высшие административные функции в городе выполняли тысяцкие», которые, вопреки утверждениям И. А. Линниченко, отнюдь не обязательно были «княжими мужами», а, скорее всего, являлись представителями все того же «земского боярства»¹²².

Как бы с другой, противоположной стороны рассматривает положение галицко-волынских бояр В. В. Мавродин, изучая его на фоне народных движений XII – XIII вв., являвшихся выражением «стихийного недовольства народных масс установившимися феодальными формами господства и подчинения»¹²³. Ученый выявляет взаимосвязь народных движений и политического положения бояр в Галицко-Волынском княжестве: «Эти движения, вернее, их неудача, в значительной мере повлияли на создание специфических форм государственного устройства Галицко-Волынского княжества, характерных, прежде всего, той исключительной политической ролью, которую играло в управлении княжеством галицкое боярство».

Как городское, так и сельское население более всего страдало от боярского гнета и именно в боярах видело своего главного классового врага: «Бояре “грабятче, расхищая”: их усобицы били по ремеслу и торговле; благодаря им угры и ляхи “пустошили” Галицкое княжество, они предавали русскую землю, “наводили” на нее иноземцев, торговали интересами Галича», – таким, по мнению В. В. Мавродина было отношение к боярам горожан, прежде всего жителей самого Галича¹²⁴. Но еще больше, чем горожане от «боярского гнета» страдали «смерды» – сельский люд. Его ответом были новые восстания («мятежи») против бояр¹²⁵.

Как видим, уже в первых работах, посвященных Юго-Западной Руси советские историки стремились указать отличительные особенности ее социально-политического строя, предопределившие положение и значение местного боярства.

Более основательно и систематически подошел к этой задаче С. В. Юшков, посвятивший Галицко-Волынской Руси специальный

¹²¹ Там же. С. 74-75.

¹²² Мавродин В. В. О народных движениях... С. 3.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же. С. 13.

¹²⁵ Там же. С. 14. – См. также: Мавродин В. В. 1) Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 179-189; 2) Народные восстания в древней Руси. М., 1961. С. 91-109.

раздел в своих работах по истории общественно-политических отношений в Древней Руси. Ученый отмечает раннее разложение в Галиции родоплеменного строя и более интенсивное, нежели в других землях, развитие феодализма¹²⁶. Как и Северо-Восточная Русь, Галиция была местом «оживленной колонизации», сюда перетекало население Приднепровья и оседало «в уже сложившихся боярских сеньориях и, таким образом, усиливало экономическую и социальную базу местных бояр».

Поскольку Галиция «вошла позднее всех других земель в состав Киевского государства и позднее других получила особого князя (с 1097 г.)», то «процесс феодализации в Галиции вначале протекал без влияния на него князей организующей силы»¹²⁷. С другой стороны, «в Галиции не было крупных торговых центров», городов с сильными вечевыми традициями¹²⁸. Все это привело к тому, что бояре «сумели захватить в свои руки основную часть Галицкой земли» и стали играть «крупнейшую роль в политической жизни страны». Они распоряжались княжеским столом и играли исключительную роль «в организации местного управления» – бояре «присвоили себе право раздать волости и города»¹²⁹.

Князья, не обладавшие «широкой экономической и социальной базой», «искали в вече поддержку в борьбе с боярством». Но все было тщетно: «вече из граждан Галича не имело особого влияния», а боярство отличалось исключительной сплоченностью и консолидацией, каких «мы ни в одной земле не наблюдали»¹³⁰. «Такая исключительная сплоченность галицкого боярства заставляет предполагать возникновение здесь каких-то органов, в которых реализовалось политическое влияние бояр, но о которых молчат источники», – заключает С. В. Юшков¹³¹.

В конце 1930-х годов была написана работа А. В. Эммаусского, увидевшая свет только спустя более полувека¹³². Опираясь наложе-

¹²⁶ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма... С. 247. – Впервые свой взгляд на особенности феодализации Юго-Западной Руси ученый высказал в работе 1925 г.: Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси // УЗ СГУ. 1925. Т. III. Вып. 4. С. 97.

¹²⁷ Юшков С. В. Очерки... С. 247-248.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 249.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. – См. также: Юшков С. В. Общественно-политический строй... С. 401-403.

¹³² Эммаусский А. В. Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров, 1998.

ние советских историков-медиевистов о том, что «основой ячейкой феодального общества... являлось феодальное поместье, которое самодовлеет не только экономически, но и политически, потому что каждое поместье есть в то же самое время и своего рода государство (сеньория)»¹³³, А. В. Эммаусский отвергает предложенные в дореволюционной историографии объяснения причины высокого общественного положения галицких бояр, полагая, что на самом деле такая причина кроется «в самой феодальной системе Древнерусского государства. При феодализме ранней эпохи князья и бояре, прежде всего, были крупными землевладельцами, независимыми друг от друга экономически и стремившимися стать независимыми и политически»¹³⁴.

Оживление научного интереса к историческому прошлому юго-западного региона Восточной Европы в нашей стране вызвало важнейшее политическое событие – включение в состав СССР Западной Украины и Западной Белорусии осенью 1939 г. В печати появился ряд специальных работ ведущих советских историков, прослеживающих начальные этапы истории Галиции и Волыни¹³⁵.

Одна из них принадлежала перу Б. Д. Грекова¹³⁶, в ней историк изложил основные положения своей концепции генезиса феодализма применительно к Юго-Западной Руси. Был затронут и вопрос об общественном положении галицко-волынского боярства: «Высший слой населения этого края – бояре-землевладельцы. Им как классу экономически наиболее сильному принадлежала власть»¹³⁷. Но значение этой власти нельзя преувеличивать: «здесь бояре не смогли сделать того, чего достигли бояре в Новгороде». Все же галицкий летописец, сторонник сильной княжеской власти, «не без основания отмечает, что бояре только называли своих князей князьями, а фактически сами держали всю землю»¹³⁸.

¹³³ История средних веков / Под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского, О. Л. Вайнштейна. М., 1938. С. 155.

¹³⁴ Эммаусский А. В. Мстислав Удалой. С. 21.

¹³⁵ Греков Б. Д. Древнейшие судьбы Западной Украины // Греков Б. Д. Избранные труды. Т. II; Готье Ю. В. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белорусии // ИЖ. 1940. № 3; Пичета В. И. 1) Конец вековому расчленению украинского и белорусского народов // ИЗ. 1939. Т. 6; 2) Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белорусии // Историк-марксист. 1939. № 5-6; 3) Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белорусии. М., 1940. Глава 1.

¹³⁶ Греков Б. Д. Древнейшие судьбы...

¹³⁷ Там же. С. 484.

¹³⁸ Там же.

Отношения бояр и простых людей приобретали характер господства и подчинения: «Сила бояр была в их земельных владениях, а земля обрабатывалась руками смердов. Зависимость смердов от землевладельцев при этих условиях неизбежна»¹³⁹. Ответом был рост классовых противоречий, проявления которых в Юго-Западной Руси имели свою особую специфику: «Классовые противоречия, нараставшие вместе с успехами феодального общества, совершенно те же, что и в других частях Руси, но здесь они проявляются в более резкой форме, поскольку для обогащения бояр и купцов условия тут были особенно благоприятны»¹⁴⁰.

Другой исследователь вопроса, В. И. Пичета отмечает: «Галицкое княжество – территория крупного феодального землевладения»¹⁴¹. На фоне могущества местной феодальной знати, бояр, княжеская власть проявляла бессилие ввиду отсутствия у князей «социальной базы, на которую они могли бы опереться», поскольку и городское население «еще не было настолько мощным экономически, чтобы стать опорой князей в их борьбе с “феодальным беспорядком”», и «закрепощаемое сельское население» также «не могло стать опорой в борьбе князей с боярами»¹⁴². Господствующее положение галицко-волинских бояр, таким образом, было непоколебимым; ни князь, ни горожане, ни тем более крестьяне не в силах были что-либо изменить. И главной причиной такого положения было то, что «города еще не превратились в ту общественную силу, опираясь на которую князья могли начать борьбу с “феодальным беспорядком”»¹⁴³.

* * *

Исследования М. Н. Тихомирова поставили под сомнение распространенное мнение о политическом бессилии городов Галицко-Волинской земли, где утратили значение демократические институты власти, а население сперва было обескровлено княжескими репрессиями, а затем попало под гнет бояр-правителей. Собрав и проанализировав многочисленные летописные данные, ученый приходит к следующему выводу: «Особый характер Галицко-Волинской летописи, все

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 485. – Подобные взгляды в более сжатом виде были изложены Б. Д. Грековым ранее, в совместной работе с А. Ю. Якубовским: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда. Л., 1937. С. 146.

¹⁴¹ Пичета В. И. Конец вековому расчленению... С. 4.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Пичета В. И. Основные моменты в исторических судьбах народов... С. 75.

еще мало изученной как исторический источник, мешает нам приглядеться к внутренней истории Галича, но и то, что известно, позволяет думать о развитии в нем вечевых порядков. И это не было особенностью Галича, а и других городов Галицко-Волынской земли»¹⁴⁴.

Как и в других русских землях, в Галичине и на Волыни происходит движение горожан за «городские привилегии»; используя благоприятный момент (междоусобия князей), горожане оказывают влияние на судьбу княжеского стола, с оружием в руках защищают свою землю от врагов, откликаясь на призыв князя, оказывают ему помощь в борьбе с боярами¹⁴⁵.

Выводы М. Н. Тихомирова поддержал В. Т. Пашуто: «М. Н. Тихомиров вполне прав, когда предполагает, что города юго-западной Руси играли важную роль в ее истории»¹⁴⁶. Что же касается боярства, то, по В. Т. Пашуто, оно не было столь единым и консолидированным и потому всесильным. «По определению летописца, все бояре и мелкие князья “служат” великому князю (галицкому или волынскому. – А. М.) и “держат” полученные от него города и волости... На бояр и других князей юго-западной Руси великий князь смотрит как на своих слуг»¹⁴⁷.

Но с XII в. возникает заметная разница между боярами-«княжими мужами» и боярами-«мужами галицкими». Последние «неоднократно выступали против княжеской власти, ослабленной подавлением городских движений». В XIII в. с ростом городов постепенно возрастает значение княжеской власти, и она «принимает суровые меры по ограничению боярского самовластья»¹⁴⁸. В экономическом отношении борьба бояр с великокняжеской властью означала «борьбу за перераспределение ренты»¹⁴⁹.

Какими же были взаимоотношения бояр и простого народа? В. Т. Пашуто отмечает: «... летописец сознает важное место бояр в общественной жизни. Грубо говоря, в его глазах общество делилось на

¹⁴⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 210.

¹⁴⁵ Там же. С. 208-211.

¹⁴⁶ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 14, 161.

¹⁴⁷ Там же. С. 139. – Впервые свои взгляды на общественно-политический строй и, в частности, боярско-княжеские отношения и классовые противоречия в Юго-Западной Руси автор обнаружил еще в студенческие годы: Пашуто В. Т. Галицко-Волынское княжество времен Даниила Романовича // УЗ. ЛГУ. Серия ист. наук. 1941. Вып. 7.

¹⁴⁸ Пашуто В. Т. Очерки... С. 142.

¹⁴⁹ Там же. С. 155-156.

«бояр» и на «простых людей»¹⁵⁰. Бояре выполняют «важнейшие функции в государственном управлении»¹⁵¹. Им принадлежит ключевая роль в военном строительстве: «Бояре сами предводительствовали войсками и были одеты в доспехи. Они же составляли военный совет князя»¹⁵². Вполне сложились взаимоотношения бояр с сельским населением и крестьянской общиной: «Вместе с ростом крупного землевладения община попадает под власть землевладельцев, и прежде свободные члены общины делаются подданными»; галицкое крестьянство «в большей части сидело уже на землях, давно освоенных боярством». «Смерды-пешцы» являлись «основным родом войск» в составе военных ополчений, собираемых боярством¹⁵³.

В то же время рост крупного землевладения и развитие вотчины-сеньории сопровождались «вспышками открытой классовой борьбы крестьянства»¹⁵⁴. В городах также росло недовольство засильем феодальной знати: «...горожане и особенно городская и торгово-ремесленная верхушка стремились освободить город из-под власти крупных бояр или мелкого князя и включить его под юрисдикцию какого-либо крупного князя»¹⁵⁵. Но этим дело не ограничивалось: «Среди населения городов, конечно, шла постоянная борьба между низами городского населения – городским плебсом, и их верхами – торгово-ремесленными «мужами градскими» и землевладельческой знатью. Последняя не раз, по мере своего усиления, пыталась прибрать к рукам аппарат власти в городах»¹⁵⁶.

Несмотря на все противоречия городской верхушки (купечества и бюргерства – «мужей градских») и низов (городской бедноты – «меньших людей»), последние находились в полном подчинении первых, которые в случае нужды формировали из простых горожан «городовые полки». «Наличие полков «граждан-пешцев» делало правящую знать городов («мужей градских») серьезной силой, которую и стремились использовать в своих интересах великие князья, борясь против непокорного сеньориального боярства и мелкого князя»¹⁵⁷.

¹⁵⁰ Там же. С. 146-147.

¹⁵¹ Там же. С. 142.

¹⁵² Там же. С. 145.

¹⁵³ Там же. С. 153.

¹⁵⁴ Там же. С. 191.

¹⁵⁵ Там же. С. 161.

¹⁵⁶ Там же. С. 177-178.

¹⁵⁷ Там же. С. 175. – См. также: Пашуто В. Т. 1) Галицко-Волинское княжество // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX - XV вв. / Отв. ред. Б. Д. Греков.

К проблеме социально-политического строя и классовой борьбы в Галицко-Волынской земле еще раз обращается М. Н. Тихомиров в работе «Крестьянские и городские восстания на Руси XI – XIII вв.». Рассмотрение вопроса, правда, историк ограничивает только XII в., по сути дела двумя эпизодами истории Галича, связанными с деятельностью Ивана Берладника¹⁵⁸. «Развитие феодальной собственности в Галицко-Волынской Руси, – пишет он, – происходило одновременно с усилением крепостнического гнета. Именно здесь находим яркое противоположение смердов – боярам, причем в особой, презрительной по отношению к смердам форме»¹⁵⁹.

М. Н. Тихомиров присоединяется к словам Б. Д. Грекова о том, что смердов «сильно придавило разросшееся и разбогатевшее могущественное боярство», которое «тучную землю давно расхватало», так что «независимые смерды едва ли вообще могли уцелеть»¹⁶⁰. В сказанном заключается причина «мощных крестьянских движений», которые в Галицкой земле «были связаны с движением горожан»¹⁶¹. Другой отличительной чертой народных выступлений было то, что все они «имели разрозненный (в отношении друг друга. – А. М.) характер, типичный в особенности для времени феодальной раздробленности, но они отражали собой протест крестьян и горожан против феодального гнета, против князей и бояр, епископов и монахов, бессовестно пользовавшихся чужим трудом для собственного благополучия»¹⁶².

Известным достижением советской историографии явилось создание специального монографического исследования, изучающего общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI – XIII вв.¹⁶³ Его автор, К. А. Софроненко прослеживает развитие феодального землевладения в Галиции и на Волыни, формирование классов-сословий феодального общества, становление и функционирование государственно-политических институтов – княжеской власти, совета бояр, веча,

М., 1953. Ч. I; 2) Очерки истории СССР. XII – XIII вв. М., 1960. С. 54–66.

¹⁵⁸ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI – XIII вв. // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 179–183.

¹⁵⁹ Там же. С. 180.

¹⁶⁰ Там же. – См.: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси... Кн. I. С. 298.

¹⁶¹ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... С. 180.

¹⁶² Там же. С. 183.

¹⁶³ Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI – XIII вв. М., 1955. – Впервые эта работа (в сокращенном виде) была опубликована в 1948 г. (Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI – XIII вв. // Материалы по истории государства и права СССР / Под ред. С. А. Покровского. М., 1948. Вып. I).

феодалных съездов, органов центрального и местного управления.

Вслед за С. В. Юшковым К. А. Софроненко считает, что основным типом феодальных владений в Галицкой земле была боярская вотчина-сенъория¹⁶⁴. Боярское землевладение возникало здесь вне зависимости от княжеских пожалований и «по своей хозяйственной мощности не уступало княжескому домену»¹⁶⁵. По сему процесс «образования крупного землевладения в Галиции характеризуется резким обособлением вотчин друг от друга, приведшим к децентрализации земельных владений»¹⁶⁶. Иначе обстояло дело в Волынской земле, где «домен князя, объединив вокруг себя боярское землевладение, образовал единую феодальную поземельную систему, что и создавало основу мощной политической власти князей»¹⁶⁷.

Достаточно традиционно К. А. Софроненко решает вопрос о взаимоотношениях бояр-землевладельцев с другими сословиями галицко-волынского общества – крестьянами и горожанами. «Развитие феодальной поземельной собственности сопровождалось захватом крестьянских общинных земель боярами»¹⁶⁸. Крестьяне становились феодально зависимыми смердами и выполняли многочисленные повинности в пользу своих хозяев. «Усиление эксплуатации смердов местной феодальной знатью было так велико, что они неоднократно выступали против феодалов, применяя различные формы борьбы... Ожесточенная классовая борьба часто проявлялась в больших народных восстаниях против угнетателей – феодалов и купеческо-ростовщической верхушки»¹⁶⁹. Последнее характеризует положение в городах, где также зрели классовые антагонизмы¹⁷⁰. Господствующее положение знати укрепляло присвоение ею руководящих функций в государственном аппарате управления, как центральном, так и местном¹⁷¹.

В предложенной К. А. Софроненко характеристике общественно-политического положения боярства заслуживает внимания также тезис о том, что «боярство не являлось замкнутым сословием, а пополнялось за счет других слоев населения» и при этом всегда сохраняло единство

¹⁶⁴ Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI – XIII вв. М., 1955. С. 23.

¹⁶⁵ Там же. С. 26.

¹⁶⁶ Там же. С. 23.

¹⁶⁷ Там же. С. 40.

¹⁶⁸ Там же. С. 63.

¹⁶⁹ Там же. С. 68-69.

¹⁷⁰ Там же. С. 71-75.

¹⁷¹ Там же. Глава IV. §§ 5-6.

политических интересов: «Нельзя согласиться с мнением... о коренном отличии галицких бояр от бояр других княжеств по признаку постоянного деления первых на партии. Боярских партий в Галицкой Руси не было, а имели место лишь разногласия между отдельными группами бояр, основная же линия всех бояр была едина – сделать свое господство несокрушимым»¹⁷².

В 1958 г. была завершена работа И. П. Крипякевича «Галицко-Волинское княжество», опубликованная только спустя четверть века¹⁷³. Работа охватывает всю историю княжества – с древнейших времен до середины XIV в. и сочетает в себе принятую советской историографией марксистскую методологию исторического исследования и созданную на ее основе концепцию феодального строя Древней Руси с приемами дореволюционных исследователей, уделявших первоочередное внимание анализу источников и конкретных фактов и придерживавшихся иных теоретических воззрений.

Историк представляет предельно четкую картину социальных отношений: «Население княжества делилось на две основные группы: эксплуатируемые массы, в состав которых входило большинство крестьян, трудящиеся низы городского населения, мелкое боярство, низшее духовенство и феодальную верхушку, к которой принадлежали князья, великие бояре, городская знать, высшее духовенство. Существовали также промежуточные социальные прослойки»¹⁷⁴. Таким образом, боярство в социальном плане оказалось разделенным надвое и принадлежало частью к «эксплуатируемым массам», а частью к «феодальной верхушке».

В каждой земле «были “великие” бояре, которые возглавляли все боярство... Они владели большими землями и другим имуществом... “Великие” бояре имели особое положение при князе, составляли княжескую “старшую” дружину, а боярские сыновья занимали должности “дворских слуг” на княжеском дворе»¹⁷⁵. «Великие» бояре имели «пожалованное князем право на управление какой-нибудь территорией» и «раздавали от княжеского имени некоторые земли мелким боярам»¹⁷⁶.

От бояр непосредственно зависела часть крестьян-смердов (хотя преобладающая часть их была лично свободными людьми). Указанная зависимость «видна из того, что крестьяне массово принимали участие

¹⁷² Там же. С. 54.

¹⁷³ Крипякевич И. П. Галицко-Волинське князівство. Київ, 1984.

¹⁷⁴ Там же. С. 47.

¹⁷⁵ Там же. С. 51-52.

¹⁷⁶ Там же. С. 51.

в военных походах вместе с боярами и мещанами. Из крестьян в войске формировалась пехота»¹⁷⁷. Зависимые крестьяне и городская беднота несли многочисленные повинности и подвергались разного рода эксплуатации со стороны феодальной знати. Ответом был рост массовых выступлений городского и крестьянского населения, недовольного «княжеско-боярским режимом». Однако, полагает И. П. Крипьякевич, эти движения «нельзя считать действительно народными восстаниями», поскольку руководство ими «осуществляли боярские группы, которые вели между собой борьбу за власть. Массы были лишь участниками выступлений, а иногда расплачивались за их неудачи»¹⁷⁸. Получается, что всеобъемлющее господство бояр над простыми людьми проявлялось даже в такой сфере жизнедеятельности масс, как классовая борьба с угнетателями.

* * *

Как видим, в работах советских историков конца 30 – 50-х годов общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси предстает как феодальный, общество разделено на антагонистические классы, государство носит эксплуататорский характер. Местные бояре являются крупными феодалами-землевладельцами, захватившими почти все обрабатываемые земли в Галицком и Владимиро-Волынском княжествах, причем сделано это было не за счет княжеских пожалований (как в большинстве других регионов Древней Руси), а главным образом при опоре на собственные возможности, экономические, прежде всего.

Эти взгляды нашли продолжение в работах последующего времени, в частности у Б. А. Рыбакова¹⁷⁹, П. П. Толочко¹⁸⁰, Н. Ф. Котляра¹⁸¹.

Согласно Б. А. Рыбакову, начиная с середины XII в. вся «история Галицко-Волыньских земель представляет собой борьбу центроостремительного начала с центробежным. Первое олицетворяли князья Владимира-Волынского и Галича, а второе – удельные князья и богатое, при-

¹⁷⁷ Там же. С. 47.

¹⁷⁸ Там же. С. 54.

¹⁷⁹ Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964. С. 210-222; 2) Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 508-518.

¹⁸⁰ Толочко П. П. 1) Русь в период феодальной раздробленности (XII – первая половина XIII в.) // История Украинской ССР: В 10-ти т. Т. I / Отв. ред. И. И. Артеменко. Киев, 1984. С. 400-411; 2) Древняя Русь. Киев, 1987. С. 151, 154-157, 228 и др.; 3) Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 171-172 и др.

¹⁸¹ Котляр М. Ф. 1) Данило Галицкий. Київ, 1979; 2) Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985; 3) Галицко-Волинська Русь. Київ, 1998.

выкшее к самостоятельности боярство»¹⁸². «Галицкие земельные магнаты держались как князья»¹⁸³. В борьбе с ними князья «опирались на широкие слои горожан и на выращенные ими самими резервы мелких феодалов (“отроки”, “детские”, “милостники”)...»¹⁸⁴.

«Начиная с заключительного этапа княжения Ярослава Осмомысла, — пишет П. П. Толочко, — и вплоть до нашествия орд Батыея политическое развитие Галича характеризовалось постоянным противоборством княжеской и боярской власти. Вспыхивали и крупные социальные конфликты, в результате которых имелись жертвы с обеих сторон»¹⁸⁵. «Галицкие бояре, пытаясь поставить себя над княжеской властью, втянули княжество в глубокий социально-политический кризис... Княжеством расплачивались бояре со своими иностранными союзниками за соучастие в борьбе с князьями... Земельные магнаты не останавливались даже и перед угрозой полной потери западнорусскими землями политической и национальной самостоятельности»¹⁸⁶. Так же вероломно феодальная знать вела себя и в отношениях с простым народом, попирая его законные права, в том числе право принятия политических решений на вече: «Известия источников о вечевой деятельности в Галицкой земле также указывают на преимущественное участие в ней мужей “градских”, т. е. знати»¹⁸⁷.

Как считает Н. Ф. Котляр, в Юго-Западной Руси со «времени активизации боярства как политической силы», произошедшей в первые годы княжения Ярослава Осмомысла, можно вести отсчет существования крупного боярского землевладения: «Не приходится доказывать, что это (активизация. — А. М.) могло произойти лишь тогда, когда эти феодалы стали крупными земельными собственниками, накопили богатства, обзавелись собственными отрядами вооруженных людей»¹⁸⁸. Другим источником обогащения бояр была система «кормлений» — взимания доходов с территории, пожалованной сюзереном. Кормленщики и их люди самолично взимали корма, тем самым эксплуатируя местное население¹⁸⁹.

¹⁸² Рыбаков Б. А. 1) Первые века... С. 213; 2) Киевская Русь... С. 512.

¹⁸³ Рыбаков Б. А. 1) Первые века... С. 219; 2) Киевская Русь... С. 517.

¹⁸⁴ Рыбаков Б. А. 1) Первые века... С. 217-218; 2) Киевская Русь... С. 516.

¹⁸⁵ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. С. 171-172.

¹⁸⁶ Толочко П. П. 1) Древняя Русь. С. 157; 2) Древнерусский феодальный город. С. 172.

¹⁸⁷ Толочко П. П. Древняя Русь. С. 228.

¹⁸⁸ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 125.

¹⁸⁹ Там же. С. 127.

При этом основная часть галицкого боярства представляла собой переросшую в феодальную знать племенную аристократию, которая «сохранила и приумножила затем свои земли за счет княжеских пожалований, купли и захвата общинных земель»¹⁹⁰. Центрами крупных боярских сеньорий были феодальные замки, «откуда осуществлялось внеэкономическое порабощение зависимых крестьян и ремесленников», и которые также были «местами сбора и обитания их (бояр. – А. М.) дружин, а также арсеналами»¹⁹¹.

Подобные представления прочно вошли в советскую историографию, их можно встретить во многих работах 60 – 80-х годов¹⁹², они довлеют и над авторами новейших исторических сочинений¹⁹³. В последнее десятилетие отмечается значительное оживление научного интереса к проблемам истории Галицко-Волынской Руси. Увидели свет сборники научных трудов «Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції» (1993), «Галич і Галицька земля» (1998). В 1998 г. на Украине официально отмечалось 1100-летие Галича, чему была посвящена международная научная конференция, обширная издательская программа и другие культурные мероприятия¹⁹⁴.

Если вернуться к вопросу о характере общественно-политических отношений, то в новейших работах украинских исследователей мы встречаем вполне традиционные построения, унаследованные от советской историографии. В частности, это касается галицкого боярства: «Галицкие бояре, – полагает Б. П. Томенчук, – были наследниками ро-

¹⁹⁰ Там же. С. 129. – Автор опирается при этом на мнение Б. А. Рыбакова (См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 472).

¹⁹¹ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 134.

¹⁹² См.: Ратич О. О., Нудьга Г. Л. Західноукраїнські землі в епоху Київської Русі та в період феодальної роздробленості // Торжество історичної справедливості: Закономірність воз'єднання західноукраїнських земель в єдиній Українській Радянській державі. Львів, 1968; Ісаєвич Я. Д. Загарбання земель Галицько-Волинського князівства іноземними державами // Там же; Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 201; Головко А. Б. Объединительные процессы на Руси в первой половине XIII в. (на примере Волыни и Галичины) // Вопросы истории СССР. Киев, 1983. Вып. 28; Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России XI – XVIII вв. М., 1986. С. 34 и след.

¹⁹³ См., например: Войтович Л. Удільні князівства Рюриковичів і Геди́миновичів у XII – XVI ст. Львів, 1996; Александров Д. Н. Галицко-Волынская земля в XIII – первой четверти XIV вв. М., 1997; Грабовський В. Нарис історії Галича. Галич, 1997.

¹⁹⁴ Толочко П. П. Галичу – 1100 років // ГТЗ. Київ; Галич, 1998; Баран В. Д. Галичу 1100 років // Археологія. 1999. № 1.

доплеменной знати Хорватии... Галич стал местом концентрации большей части, если не всего галицкого (всей земли) боярства. Такая концентрация тут многочисленной боярской олигархии предполагала и обуславливала их чрезвычайное политико-экономическое могущество в системе как самого Галича, так и всего Галицкого княжества»¹⁹⁵. Местом концентрации бояр, считает исследователь, являлся галицкий подол – «боярский посад», противостоявший княжеской «горе» – Крыло-су. «Так в летописном Галиче существовали два центра, две зоны: княжеская и боярская, пришлая и местная, которые постоянно находились в противостоянии как политическом, так и экономическом, а также религиозном, что привело в середине XIII в. к общему кризису города-столицы, а затем, в середине XIV в., к утрате государственной независимости»¹⁹⁶.

Легко заметить, что приведенные взгляды, особенно в части, касающейся взаимоотношений боярства и княжеской власти, чрезвычайно близки, если не сказать воспроизводят построения В. Л. Янина, изучающего социальную топографию древнего Новгорода¹⁹⁷. Наиболее уязвимым звеном подобных концепций является то, что их авторами совершенно игнорируется роль и само существование простых горожан, рядовых граждан, основного большинства населения древнерусского города, которому попросту не остается места в реконструируемом исследователями сообществе.

Отличительной особенностью развития историографии Юго-Западной Руси является зачастую полное совпадение оценок социально-политического строя, положения и роли местного боярства советскими исследователями и представителями украинской зарубежной историографии, уделявшей повышенное внимание «Галицко-Волынской державе» как первому чисто украинскому национальному государству¹⁹⁸.

Между тем, советские и украинские историки видели друг в друге непримиримых идейно-теоретических оппонентов, отказывали порой

¹⁹⁵ Томенчук Б. П. Три періоди розвитку історичної топографії давнього Галича // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н. е. Зб. наук. праць / Відп. ред. Р. В. Терпиловський. Київ, Львів, 1999. С. 304.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Из последних работ см.: Янин В. Л. 1) Истоки формирования «социальной традиции» русского города (Новгород как социальная структура) // Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э. В. Сайко. М., 1995; 2) Новгород как социальная структура // Феодалы в городе: Запад и Русь. М., 1996, и др.

¹⁹⁸ Томашівський Ст. Історія України. Старинні віки і середні віки. Мюнхен, 1948. С. 78.

даже в признании научности работ представителей противоположного лагеря¹⁹⁹. Тем не менее, налицо совпадение взглядов по целому ряду важнейших признаков социально-экономического и политического статуса бояр, их взаимоотношений с княжеской властью и простыми людьми.

Отвергая принцип формационного подхода к изучению исторического процесса и в целом не принимая концепцию феодального строя Древней Руси, украинские историки-«националисты», также как и их советские коллеги признавали в галицко-волыньских боярах крупных землевладельцев, «которые по образу западноевропейских феодалов жили в укрепленных замках и имели сильные дружины»²⁰⁰. Бояре играли главную роль в политической жизни земли, распоряжаясь судьбой княжеского стола²⁰¹, «претендовали на участие во власти, добивались, чтобы князь ничего не делал без боярской думы (совета), захватывали высшие должности»²⁰². Для достижения своих целей бояре постоянно прибегали к помощи иноземцев, ставя под угрозу независимость и благополучие родной земли.

Это происходило потому, что «галицкие бояре проводили, прежде всего, свою сословную политику и не считались с интересами всего населения»²⁰³. «Могущественные вельможи с насмешкой встречали приказания князя, сами делили между собой государственные доходы и грабили население»²⁰⁴. По этой причине население Юго-Западной Руси и, прежде всего, горожане выступали как антагонисты бояр, что дало возможность княжеской власти (в лице Романа и Даниила) повести борьбу с сепаратизмом бояр, опираясь на поддержку городов²⁰⁵.

Близость взглядов советских и украинских зарубежных историков

¹⁹⁹ См., например: Полонська - Василенко Н. Д. Історія України. Київ, 1992. Т. I. С. 29-31; Критика буржуазных фальсификаций развития культуры Украинской ССР. Киев, 1984 и др.

²⁰⁰ Полонська - Василенко Н. Д. Історія України. Т. I. С. 164.

²⁰¹ Томашівський Ст. Історія України. С. 69-76 и др.; Коструба Т. Нарис історії України. Княжа доба (IX – XIV стол.) // Коструба Т. Вибрані твори. Т. 2. Торонто, 1961. С. 255 и след.; Велика історія України від найдавніших часів / Зладив М. Голубець. Київ, 1993. Т. I. С. 206 и след.; Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1991. С. 62 и след.

²⁰² Дорошенко Д. І. Нарис історії України. Львів, 1991. С. 86.

²⁰³ Крип'якевич І. П. Історія України. Львів, 1990. С. 77.

²⁰⁴ Дорошенко Д. І. Нарис історії України. С. 86.

²⁰⁵ Томашівський Ст. Історія України. С. 80 и след.; Дорошенко Д. І. Нарис... С. 87 и след.; Полонська - Василенко Н. Д. Історія України. Т. I. С. 192 и след.; Субтельний О. Україна. Історія. С. 65-67.

по существу рассматриваемого вопроса, разумеется, не является простой случайностью. Эти взгляды, несомненно, имеют общие историографические корни. Истоки подобных представлений восходят к широко распространенной в отечественной науке начала XX в. концепции М. С. Грушевского, к его пониманию своеобразия общественно-политического строя Галицко-Волынской земли и роли в этом местного боярства.

Конкретно-исторические построения школы М. С. Грушевского, развиваемые украинскими немарксистскими историками, оказались вполне приемлемыми и для советской историографии, доказывающей наличие в Юго-Западной Руси крупного феодального землевладения как базиса политического господства боярской знати, классово антагонистический характер общественных отношений, антифеодальную (главным образом антибоярскую) направленность народных движений.

* * *

В отечественной историографии существует и другая традиция изучения общественно-политического строя Древней Руси и Галицко-Волынской земли в частности. Для нее свойственно понимание общественного и политического устройства древнерусских земель-волостей XI – начала XIII вв. как демократических, основанных на общинных (земских, – по традиционной терминологии) отношениях государственных образований, лишенных сословной розни и непримиримых классовых противоречий.

В настоящее время эта традиция приобрела новое теоретическое обоснование и развитие в трудах И. Я. Фроянова и историков его школы²⁰⁶, в том числе специально посвященных прошлому Галицкой и Во-

²⁰⁶ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980; 3) Киевская Русь. Очерки отечественной историографии; 4) Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992; 5) Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995; 6) Рабство и данничество у восточных славян (VI – X вв.). СПб., 1996; 7) Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999; 8) Начала русской истории. Избранное. М., 2001; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997; Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993; Кришошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. СПб., 1999; Пузанов В. В. Княжеское и государственное хозяйство

Глава первая

лыннской земель²⁰⁷. В рамках формационного подхода к изучению исторического процесса общественно-политический строй Древней Руси характеризуется И. Я. Фрояновым как переходный от первобытнообщинного к феодальному, основу которого составляла «община без первобытности», социально однородная по своему составу, хотя и стратифицированная в имущественном и ранговом отношениях²⁰⁸.

Бояре в такой системе предстают «как лидеры, управляющие обществом, т. е. выполняющие известные общеполезные функции»²⁰⁹.

на Руси X – XII вв. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. Ижевск, 1995.

²⁰⁷ Фроянов И. Я., Майоров А. В. Князь, бояре и городская община Галича в правление Мстислава Удалого // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию чл.-корр. РАН А. Н. Сахарова / Ред. кол.: А. Н. Боханов (и др.). М., 2000; Майоров А. В. 1) Бояре и община Галича в событиях 50 – 70-х годов XII в. // ВСПбГУ. Сер. 2. 1995. Вып. 4; 2) Бояре и община Юго-Западной Руси в событиях 1187 – 1190 гг. (к проблеме внутриобщинных отношений в домонгольский период) // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. ст. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. М. Воробьев, А. Ю. Дворниченко. СПб., 1996; 3) Внутриобщинные отношения и политическая борьба в Юго-Западной Руси в конце XI в. (в свете фольклорно-этнографических параллелей) // ВСПбГУ. Сер. 2. 1997. Вып. 3; 4) Борьба Даниила Романовича за галицкий стол с венграми в конце 20 – начале 30-х годов XIII в. Ч. 1. Галицкая община и князь Даниил // Там же. 1999. Вып. 3; 5) Борьба Даниила Романовича за галицкий стол с венграми в конце 20 – начале 30-х годов XIII в. Ч. 2. Галицкая община и королевич Андрей // Там же. 2000. Вып. 2; 6) Городские общины Галицко-Волынской Руси в первой половине XII в. Основные тенденции политического развития // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. Российский междисциплинарный научный журнал. [СПб.; Ижевск]. 1999. № 3-4; 7) О некоторых психологических закономерностях традиционного сознания в Древней Руси (боярин Володислав Кормильчич, князья Игоревичи и городская община Перемышля в коллизиях начала XIII в.) // Историческая психология и ментальность. Эпохи. Социумы. Этноссы. Люди / Ред. кол.: Л. М. Шипицына (пред.) и др. СПб., 1999; 8) Даниил Романович и галичане в канун татаро-монгольского нашествия // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. В. Пузанов. СПб.; Ижевск, 2001; Паши и н С. С. Червонорусские акты XIV – XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича. Тюмень, 1996; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дисс. Л., 1990 и др.

²⁰⁸ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 44, 80-81; 2) Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. С. 29, 317; 3) К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г. Л. Курбатова. Л., 1991. С. 83-84, 92-93; 4) Древняя Русь. С. 698-701; 5) Рабство и данничество... С. 44, 159-163; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 265-268.

²⁰⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 80.

Политическая роль бояр, прежде всего, включает правительственный аспект, состоит в руководстве и управлении общиной через существующий аппарат государственной власти и управления: «...именно должностная, служебная роль бояр, возглавлявших древнерусское общество в качестве руководящей силы, являлась главным признаком, свойственным этой социальной категории»²¹⁰.

Что касается бояр Юго-Западной Руси, то в социальном и политическом отношении они мало чем отличались от древнерусского боярства вообще²¹¹. Прежде всего, здесь отсутствовали экономические основания для социально-политического возвышения бояр и противопоставления их общине – крупная феодальная земельная собственность²¹². «Источники рисуют совсем другой статус боярства, – считают авторы монографии «Города-государства Древней Руси». – Одна из их функций связана с деятельностью дружины: бояре выступают старшими дружинниками, окружают князя, и в такой роли Галицко-Волынская летопись знает их на протяжении XII – XIII вв. Но чаще всего они играли роль лидеров в городской общине, возглавляя партии, ведущие между собой борьбу..., бояре, враждуя друг с другом, увлекали за собой остальную люд, раскалывая общество на борющиеся группировки»²¹³.

«Отсутствие единства среди бояр, участие в их затеях рядового населения говорит о том, что галицкое боярство не консолидировалось в замкнутое сословие и было пока достаточно размытой социальной категорией»²¹⁴. Но сколь не велика была роль бояр в жизни общины, не следует «преувеличивать политическую значимость боярства, ибо в Галиче, как и в других землях, последнее слово преимущественно оставалось за городской общиной в целом»²¹⁵. Вместе с тем, спецификой Юго-Западной Руси было «активное участие Польши и Венгрии во внутренней политической жизни Владимирской и Галицкой волостей», что оказывало «заметное влияние на статус бояр»: поддержка, предос-

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 154.

²¹² Там же. С. 150-153. – См. также: Пашин С. С. 1) Галицкое боярство XII – XIII вв. // ВЛГУ. Сер. 2. 1985. Вып. 4. С. 16; 2) Червонорусские акты... Глава I; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... Глава 3.

²¹³ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 150-151.

²¹⁴ Там же. С. 151.

²¹⁵ Там же. – В другой работе И. Я. Фроянов выражает эту же мысль в более категоричной форме: «Последнее слово в решении всех проблем местной жизни принадлежало вечевой общине». – Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 575.

тавляемая время от времени галицким и волынским боярам иноземцами, порождала «известную их (бояр. – А. М.) независимость от собственных общин»²¹⁶.

Нет оснований преувеличивать политическую силу бояр и во взаимоотношениях с княжеской властью, права которой они бы пытались свести к минимуму и как-либо изменить существующую форму правления. Бояре «боролись не против княжеской власти, а против отдельных князей. В противном случае не понять, почему некоторые бояре стремились вокняжиться в Галиче»²¹⁷. Галицко-волынское боярство не превратилось во всемогущую олигархию, благодаря политической самостоятельности народных масс: через вече и свою военную организацию «люди» всегда могли заставить любого политического лидера считаться с интересами всей общины или же избавиться от него²¹⁸. В итоге И. Я. Фроянов приходит к выводу, что факты, почерпнутые из источников, не согласуются с распространенными представлениями об общественном положении галицко-волынского боярства: «Всесилие бояр, подмявших якобы под себя и народ, и князя, – миф старой историографии, повторяемый современными авторами»²¹⁹.

Принципы, сформулированные в работах И. Я. Фроянова и его последователей, получающие растущее признание в современной науке, открывают широкие перспективы для новых исследований в области общественных отношений и государственного строя средневековой Руси, преодоления многих неоправданных стереотипов и устаревших представлений. Являясь, с одной стороны, продолжением традиционной для русской историографии общинной концепции древнерусской цивилизации, они в то же время опираются на опыт советских исследователей, не отрицая возможностей формационного подхода в изучении исторического прошлого. В сочетании этих двух методологических приемов – цивилизационного и формационного, – на наш взгляд, состоит основная перспектива дальнейшего научного поиска и осмысления особенностей общественно-политической истории русского средневековья.

* * *

Таким образом, при изучении социально-политического строя

²¹⁶ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 154.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. С. 154-156; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 170-171.

²¹⁹ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 575.

Юго-Западной Руси главным вопросом, вызывавшим наибольшее внимание исследователей, оказался вопрос об общественном положении и политической роли галицко-волынского боярства. Он был в центре внимания большинства исторических сочинений, так или иначе касающихся Галичины и Волыни, и от его решения зависела общая оценка общественно-политических отношений, значения института княжеской власти, политических возможностей городской общины. Суждения, высказанные по этому центральному вопросу, многообразны и разноречивы и, с одной стороны, свидетельствуют о глубокой и разносторонней разработке проблемы, выявлении ее различных аспектов, а, с другой – отражают широкий спектр конкретных исследовательских решений.

Во многих случаях ученые делали противоположные и даже взаимоисключающие выводы, причем разногласия касались наиболее принципиальных черт, характеризующих общественно-политический статус бояр. Одни исследователи настаивали на исключительном положении галицкого боярства по сравнению с боярами других земель, другие напрочь отвергали подобные утверждения. Одни видели в боярах Юго-Западной Руси замкнутое само в себе сословие, противостоящее как княжеской власти, так и простому люду, защищающее исключительно собственные эгоистические интересы; другие же настаивали, что доступ к боярскому званию был открыт для выходцев из различных слоев населения, что бояре вовсе не стремились к изменению сложившегося политического строя и формы правления и не утратили связи с простым народом, городской и волостной общиной в силу земского характера древнерусской государственности.

Историки, говорившие о подчиненном положении народа по отношению к боярам, встречали возражение, что сказанное справедливо только применительно к политически пассивному крестьянскому населению, городские же жители проявляли большую самостоятельность и независимость в политических делах. Подвергался сомнению и принятый многими учеными тезис о господстве в Галицкой земле крупного боярского землевладения, ставшего будто бы основой политического могущества бояр. Велась споры по поводу причастности бояр к княжеской дружине и их зависимости от княжеских пожалований и прочих «милостей». Это в свою очередь определяло разницу во взглядах на политический и правовой статус боярской думы, либо как личного совета доверенных слуг князя, целиком зависящего от его инициативы и доброй воли, либо как государственного органа управления, состоящего из «лучших людей земли», с которыми обязан был советоваться

князь.

Наконец, различными были решения вопроса о роли бояр на вече, о соотношении сил боярства и простых людей в сфере верховной власти и управления, а, по сути дела, о характере политического строя Галицко-Волынской земли. Если одни считали, что единственно бояре составляли вече, вытеснив оттуда простой народ, и в политическом строе земли тем самым получил преобладание аристократический элемент, то другие отстаивали демократический характер веча, полагая, что аристократическое начало при всем своем развитии не являлось господствующим.

В советской историографии сложилась новая концепция общественно-политического строя Юго-Западной Руси, отвечающая, в том числе на вопрос о социально-экономическом и политическом положении местного боярства. В общих чертах (опуская некоторые частные расхождения) это положение сводилось к следующему. Бояре являлись крупными феодалами-землевладельцами, захватившими почти все обрабатываемые земли в Галицком и Владимиро-Волынском княжествах, причем сделано это было не за счет княжеских пожалований (как в большинстве других регионов Древней Руси), а главным образом при опоре на собственные возможности, экономические, прежде всего.

Данное обстоятельство делало галицких и отчасти волынских бояр политически независимыми в отношениях с князьями, позволяло с успехом вести борьбу за расширение своих социальных привилегий и добиваться политической власти. В глазах простых людей и особенно феодально-зависимого крестьянства, проживающего на территории боярских сеньорий, бояре представляли собой главного классового врага, нещадного угнетателя и эксплуататора, воплощающего к тому же антипатриотическое начало, ибо по вине бояр земля терпела постоянные разорения от иностранцев, используемых боярскими группировками в борьбе за власть.

Угнетенное положение народных масс усугублялось еще и тем, что бояре монополизировали все структуры управления, центрального и местного, перекрыв доступ к власти простому народу, а также свели до минимума политическое значение веча. И только наметившаяся в начале XIII в. тенденция политического сотрудничества княжеской власти и жителей больших городов позволила начать решительную борьбу за обуздание боярской анархии, продолжавшуюся до самого монголо-татарского нашествия.

Схожие построения можно найти в работах украинских зарубежных историков, выступавших с иных методологических позиций, но,

Глава первая

так же как и их советские коллеги видевших в боярах, прежде всего, крупных землевладельцев, напоминающих западноевропейских феодалов. Бояре господствовали в политической жизни, распоряжались судьбой княжеского стола и грабили простой народ, став тем самым врагами одновременно и князей, и народа. И только, когда княжеская власть в лице Романа и Даниила смогла объединить усилия с простыми жителями земли, прежде всего городскими, ей удалось начать борьбу с произволом бояр.

В 70 – 80-е годы сформировалось новое направление в изучении общественно-политической истории Древней Руси. В трудах И. Я. Фроянова и историков его школы древнерусское общество предстает еще не знающим классовых антагонизмов, основанным на общинных отношениях, где абсолютное большинство населения составляют свободные и полноправные граждане, непосредственно участвующие в политической жизни. В таком обществе бояре, как и князья, выступают в роли главных общественных предводителей, выполняющих широкий круг общепольных функций и руководящих политическими делами общины посредством существующих институтов власти и управления, демократических в своей основе. Представления о необыкновенной силе и могуществе бояр Галицко-Волынской Руси не имеют достаточных фактических оснований, являясь в значительной степени наследием давней историографической традиции.

Глава вторая.
СТАНОВЛЕНИЕ
ГОРОДСКИХ ОБЩИН
И БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
ОТ КИЕВА
(вторая половина XI – первая половина XII в.)

Во второй половине XI в. в Юго-Западной Руси происходит процесс формирования собственной волостной организации, непосредственным результатом чего является начинающаяся борьба местных общин за выход из-под власти «матери городов русских». Таков путь, по которому так или иначе проходят в своем политическом развитии все регионы Древней Руси, прежде чем стать городами-государствами со всеми атрибутами внутреннего и внешнего суверенитета.

Развитие внутриобщинных отношений, складывание структур общинного управления, формирование и укрепление нового слоя общинных лидеров, наследующих статус и полномочия родоплеменной знати, напрямую связывалось с развитием внешнеполитических процессов, вызванных взаимодействием с киевским центром и центрами соседних формирующихся территориальных общин. Эта связь носила характер взаимного влияния, когда успехи внутреннего строительства стимулировали движение общины к политической самостоятельности, и, наоборот, борьба за политическую самостоятельность консолидировала общину, укрепляла ее внутреннюю организацию.

Первыми реальными проявлениями тенденции к политической самостоятельности Владимира, ставшего к середине XI в. ведущим городским центром Юго-Западной Руси, стали: учреждение владимирской епископии, упоминание Владимира в «завещании» Ярослава

Мудрого, где он фигурирует в одном ряду с Киевом, Черниговом, Переяславом и Смоленском (т. е. в числе городов, где княжили братья Ярославичи после смерти отца), а также напряженные усилия киевских правителей второй половины XI в., направленные на удержание Владимира в составе «русской волости» и встречавшие растущее сопротивление местного населения¹.

В перипетиях этой борьбы вскрываются первые факты участия князей, бояр и простых людей в политической жизни земли, формируются характерные черты внутриобщинных отношений, создаются основы общинной государственности.

¹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 111-114.

1.
**К истории формирования
внутриобщинных отношений.
Бояре и община
в событиях 80-х годов XI в.**

Владимирская община и князь Ярополк: подоплека конфликта. – «Злые советники» волынского князя, их влияние в междукняжеских делах и жизни общины. – Начало политической самостоятельности «Червонной Руси»: убийство Ярополка и поиск виновных. – Итоговые замечания.

Насколько можно судить, впервые самостоятельная политическая позиция владимирской общины, расходящаяся с позицией князя, проявляется в событиях середины 80-х годов XI в., изложенных в Повести временных лет и кратко упомянутых в Поучении Владимира Мономаха. В 1084 г. владимирский князь Ярополк Изяславич, получивший свой стол из рук киевского князя Всеволода, был согнан с него князьями-изгоями братьями Ростиславичами¹.

Издавна историки задаются вопросом: «как могли безземельные князья выгнать Ярополка из его волости?»², «кто им помогал, какими силами они оперировали?»³ Верное, на наш взгляд, замечание сделал по этому поводу еще С. М. Соловьев, писавший: «...ясно..., что Ростиславичи не могли выгнать Ярополка, не приобретя себе многочисленных и сильных приверженцев во Владимире»⁴. Мнение маститого ученого получило поддержку современных историков⁵. В пользу него, как

¹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 135.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения в 18-ти книгах. М., 1988. Кн. I. С. 353. – О том, что упомянутые Ростиславичи не имели своих волостей и жили при Ярополке, узнаем из слов летописи: «выбегоста Ростиславича 2 от Ярополка» (ПВЛ. Ч. I. С. 135).

³ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 408.

⁴ Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 353.

⁵ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 135; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Горо-

представляется, свидетельствует важная деталь летописного повествования: вернуть владимирский стол Ярополк сумел только при помощи киевского князя, снарядившего для этой цели войско во главе со своим сыном Владимиром Мономахом, тогда как Ростиславичи согнали Ярополка с владимирского стола без всякого постороннего участия⁶.

Кроме того, водворение Ярополка во Владимире силами киевских полков столкнулось со значительными трудностями, объяснить которые можно единственно как следствие сопротивления местной общины. Как свидетельствует Владимир Мономах в своем Поучении, ему пришлось дважды ходить на Волынь помогать Ярополку бороться с Ростиславичами: «И паки по Изяславичихъ (ходихом. – А. М.) за Микулинъ, и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкупляться на Броды... И на ту зиму идохом къ Ярополку совкуплятися на Броды, и любовь велику створихом»⁷.

По мнению С. М. Соловьева, принятому большинством исследователей, вместо «Изяславичихъ» здесь следует читать «Ростиславичихъ», после чего все становится на свои места⁸. Выражение «идохом къ Ярополку совкуплятися на Броды» обычно переводится как «ходили к Ярополку на совет в Броды»⁹. Однако, такое прочтение нельзя, на наш взгляд, признать удовлетворительным. Основное смысловое значение глагола «совкуплятися» в древнерусском языке было другим – ‘собираться’, «совкупляти» – ‘собирать’ (напр., полки, дружину и пр.)¹⁰. Для передачи сведений о личном свидании или совете в древнерусских памятниках употребляются специальные выражения: «видети (ся)», «съвещати (ся)»¹¹. Поэтому целью похода к Бродам, на наш взгляд, было соединение воинских сил союзных князей для последующего со-

да-государства... С. 114.

⁶ См.: ПВЛ. Ч. I. С. 135.

⁷ Там же. С. 159, 160.

⁸ Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 675, прим. 78; Грушевский М. С. История Украины – Руси. Т. II. С. 74; Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901. Ч. I. С. 170-171; Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946. С. 142; Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. II. С. 444.

⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 361. – Впоследствии Д. С. Лихачев переводил эти слова иначе: «... к Ярополку на сбор в Броды...» (ПВДР. Начало русской литературы. XI – начало XII в. / Сост. и общ. ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М., 1978. С. 405.

¹⁰ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. III. Ч. I. Стб. 668; Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах... Ч. I. С. 173.

¹¹ Срезневский И. И. Словарь... М., 1989. Т. I. Ч. I. Стб. 257; Т. III. Ч. I. Стб. 684-685; СЛРЯ XI – XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 174-175.

вместного выступления.

Таким образом, водворение Ярополка во Владимире, растянувшееся почти на год¹², потребовало совместных усилий киевского войска и дружины Ярополка¹³, пользовавшегося, возможно, также военной помощью из Польши¹⁴.

В чем была причина разлада Ярополка с владимирцами? На наш взгляд, община была недовольна зависимостью этого князя от Киева. Рассказу о выступлении Ростиславичей против Ярополка непосредственно предшествует в летописи сообщение о поездке последнего в Киев: «Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день»¹⁵. Связь между этими событиями в источнике не раскрывается. Тем не менее, существование ее достаточно очевидно.

Историки не раз пытались связать эти два события, прибегая к разного рода допущениям. По В. Н. Татищеву, «Ярополк Изяславич приезжал ко стрюю своему Всеволоду в Киев в день Пасхи и жаловался, что Давыд Игоревич с Володарем и Васильком Ростиславичами, пришед, выгнали его из Владимира»¹⁶. Высказывалось также предположение, что Ярополк поехал в Киев, взяв с собой Ростиславичей, бежавших от него по дороге¹⁷. Однако, подобные осмысления летописных известий в той или иной степени противоречат версии событий самого летописца, у которого поездка Ярополка в Киев предшествует побегу Ростиславичей, и волынский князь отправляется к киевскому князю один¹⁸.

О цели этой поездки, ставшей толчком к открытому выступлению против Ярополка владимирской общины, можно догадываться, сопоставив данные источников, относящиеся к схожим ситуациям, близким по времени к рассматриваемому эпизоду. Например, в 1078 г. на Пас-

¹² С весны 1084 до зимы 1084/85 гг. – И в а к и н И. М. Князь Владимир Мономах... Ч. I. С. 172-173; Л и х а ч е в Д. С. Комментарии. С. 444-445.

¹³ См.: К р и п ' я к е в и ч И. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 68.

¹⁴ См.: С а х а р о в А. Н. Владимир Мономах. М., 1989. С. 181-182.

¹⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 135.

¹⁶ Т а т и щ е в В. Н. История Российская. Ч. 2 // Т а т и щ е в В. Н. Собрание сочинений в 8-ми томах. М., 1995. Т. II-III. С. 94.

¹⁷ А н д р и я ш е в А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 111.

¹⁸ Ближе к истине был Н. В. Шляков, писавший: «Св. Ярополк приходил, очевидно, для того, чтобы засвидетельствовать свои дружественные чувства уважения великому князю» (Ш л я к о в Н. О Поучении Владимира Мономаха // ЖМНП. 1900. Ч. CCCXXIX. Май. Отдел наук. С. 109).

ху¹⁹ к Всеволоду приезжают его племянник Олег Святославич, «из Володимеря выведенъ», и сын Владимир Мономах, прибывший из Смоленска²⁰. При этом Мономах «вдахъ отцю 300 гривен золота»²¹, которые составляли причитавшуюся Киеву дань от Смоленской волости, получившей себе князя из рук великого князя киевского²².

Поездка Ярополка к Всеволоду в 1084 г. также приходится на Пасху («Великъ день»), что, по-видимому, не было простой случайностью. И хотя нам ничего не известно о том, платила ли Волынь, подобно Смоленщине, дань Киеву при Ярополке, мы точно знаем, что Ярополк исправно выплачивал церковную десятину киевской митрополии, о чем говорится в его летописном некрологе: «...десятину дая святей Богородици от всего своего имения по вся лета»²³. Церковную десятину в Киев или местные епархиальные центры должны были платить все те князья, которые не имели у себя в волостях отдельных епархий²⁴. Однако, и это важно подчеркнуть, подобным образом поступали далеко не все князья²⁵, видимо, в силу политического значения церковной десятины²⁶.

Таким образом, у нас есть достаточные основания, чтобы согласиться с А. Н. Насоновым, уподобившим положение Ярополка Изяславича во Владимире по степени зависимости от киевского князя положению молодого Ярослава Мудрого в Новгороде (до его конфликта с отцом)²⁷. Замечено, что владимирцы и в дальнейшем воспринимали князей из династии Изяславичей, не раз пытавшихся вновь обосноваться на Волыни, как «чужих» князей²⁸, связывая с их появлением утрату

¹⁹ Дата этого события, упомянутого Мономахом, установлена исследователями на основе сопоставления данных Поучения и Повести временных лет. – И в а к и н И. М. Князь Владимир Мономах... Ч. I. С. 159; Л и х а ч е в Д. С. Комментарии. С. 442.

²⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 159.

²¹ Там же.

²² И в а к и н И. М. Князь Владимир Мономах... Ч. I. С. 162; Р о м а н о в Б. А. Комментарии // ПВЛ. Ч. II. С. 442; А л е к с е е в Л. В. Смоленская земля в IX – XIII вв. М., 1980. С. 196.

²³ ПВЛ. Ч. I. С. 136.

²⁴ П р и с е л к о в М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X – XII вв. СПб., 1913. С. 49; Щ а п о в Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X – XIII вв. М., 1989. С. 77.

²⁵ П р и с е л к о в М. Д. Очерки... С. 151.

²⁶ См.: Ф р о я н о в И. Я. Начало христианства на Руси // К у р б а т о в Г. Л., Ф р о л о в Э. Д., Ф р о я н о в И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988.

²⁷ Н а с о н о в А. Н. «Русская земля»... С. 135.

²⁸ Г р у ш е в с ь к и й М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 395-396.

«политической особности» своей земли²⁹. Поддержка, оказанная горожанами братьям Ростиславичам, определенно свидетельствует, что община предпочитала видеть у себя на княжеском столе тех, кто был заведомо враждебен киевским князьям. О непримиримой вражде с последними обделенных ими князей-изгоев можно судить по словам одного из них, Бориса Вячеславича, обращенным к старшим родственникам и, в первую очередь, к киевскому князю Изяславу Ярославичу: «...азь имь противеньь всемь!». С этими словами Борис бросается в неравный бой, в котором гибнут и он сам, и киевский князь Изяслав³⁰.

* * *

С большим трудом, после целого года борьбы вернув себе владимирский стол и, таким образом, изведав сполна его цену, Ярополк должен был кардинально пересмотреть свои отношения с владимирцами, после чего, как показывают события, свое отношение к этому князю изменила и владимирская община. Это в полной мере проявилось, когда киевский князь Всеволод Ярославич, стремясь утихомирить обделенных старшими родичами князей-изгоев – братьев Ростиславичей и Давыда Игоревича, – отдал первым Перемышль и Теребовль, а второму – Дорогобуж³¹. Большинство историков видят в действиях Всеволода прямое посягательство на княжеские права Ярополка, пострадавшие ввиду уменьшения размеров его волости³², и единственно этим обстоятельством объясняют возникшую затем ссору между киевским и

²⁹ Там же. С. 396.

³⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 133.

³¹ Там же. С. 135, 171. – См. также: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 363-364; Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 536. – Существует также мнение, основанное на показаниях польских источников (Я. Длугоша), что Перемышль и Теребовль были отвоеваны Ростиславичами у поляков. – Крип'якевич І. П. Галицко-Волинське князівство. С. 68-69.

³² Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 354; Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. Чернигов, 1865. Отдел III. Мес.: сентябрь-декабрь. С. 366; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 111; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. С. 121; Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 49; Приселков М. Д. Очерки... С. 154; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 46; Шайкин А. А. «Се повести времяных лет...»: От Кия до Мономаха. М., 1989. С. 172.

владимирским князьями³³, будучи, как, например, М. С. Грушевский, уверенными в том, что «другую причину этой ссоры трудно придумать»³⁴.

И это действительно так, если сводить все дело лишь к междукняжеским отношениям. Однако если принять в расчет тот очевидный факт, что к исходу XI – началу XII в. набирающие силу земские общины уже властно вмешиваются в княжеские дела, существенно сокращая и ограничивая политические полномочия князей³⁵, то действия киевского князя Всеволода приобретут значение, скорее, как посягательство не столько на княжеские права Ярополка, сколько на территориальную целостность владимирской волостной общины³⁶, в состав которой в то время входили и Перемышль, и Теребовль, и Дорогобуж³⁷. Последующие события показывают, что владимирская община политически уже вполне созрела до понимания исходящей из Киева угрозы единству и целостности подчиненных Владимиру территорий (Волини и будущей Галичины) и необходимости активно противодействовать этому. И когда Ярополк узнал, что Всеволод «вда» Дорогобуж Давыду Игоревичу, то «хотяще ити на Всеволода, послушавъ злых советникъ»³⁸.

Последняя фраза источника заслуживает особого внимания. Из сказанного здесь вытекает, что инициатором конфликта с Киевом являлся не столько сам Ярополк, не отличавшийся, по наблюдениям ис-

³³ Лашнюков И. В. Владимир Мономах и его время // Лашнюков И. В. Пособие к изучению русской истории критическим методом. Киев, 1874. Вып. II. С. 8; Ляскоронский В. Г. Владимир Мономах и его заботы о благе Русской земли. Исторический очерк. Киев, 1892. С. 14; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 364; Коструба Т. Нарис історії України. Княжа доба // Коструба Т. Вибрані твори. Торонто, 1961. Т. 2. С. 187; Будовниц И. У. Владимир Мономах и его военная доктрина // ИЗ. М., 1947. Т. 22. С. 66; Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 93.

³⁴ Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 92.

³⁵ Фроянов И. Я. 1) К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г. Л. Курбатова. Л., 1991. С. 84-85; 2) О возникновении монархии в России // Дом Романовых в истории России / Отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб., 1995. С. 30-31; 3) Древняя Русь. С. 700.

³⁶ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 536-537.

³⁷ Смирнов М. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860. С. 22; Лонгинов А. В. Червенские города. Варшава, 1887. С. 98; Андрияшев А. М. Очерк истории Волинской земли... С. 111; Иванов П. А. Исторические судьбы... С. 121; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 321-322, 324; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 537.

³⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 135.

следователей, решительностью характера³⁹, сколько стоявшие за ним некие «злые советники», толкавшие князя к войне со Всеволодом⁴⁰. Кто же скрывается в летописи за упомянутыми «злодеями»? Ключ к разгадке дает сам летописец, называя их «советниками».

Советниками князя в подобных ситуациях могли быть, прежде всего, бояре. Именно боярин, как установлено еще классиками отечественной исторической и историко-правовой науки, «получал специальное значение советника, постоянного княжего “думцы” или “думника”»⁴¹; быть «непременным членом думы» («совета») – исключительная привилегия боярства, «именно в этом состояло его боярское отличие»⁴²; всякий раз, «прежде чем приступить к какому-либо действию», князю «необходимо было заручиться» согласием «думцев»⁴³, поэтому «советы» или «думы» князей с боярами «составляли повседневное явление политической жизни древней Руси»⁴⁴. Резюмировать сказанное можно так: в политической жизни Древней Руси «старая традиция думы князя с дружиной была основополагающей в отношениях князя с боярством»⁴⁵.

Среди предметов, обсуждаемых князьями со своими «советниками», главенствовали вопросы внешней политики, войны и мира и, в особенности, защиты своей земли от внешней угрозы⁴⁶, причем в делах войны и мира зависимость князя от своих «советников» была настолько значительной, что он, по словам В. И. Сергеевича, не мог «ничего предпринимать без их согласия»⁴⁷. Таким образом, «злые советники» Ярополка – это, прежде всего, владимирские бояре, потребовавшие от князя стать на защиту интересов своей общины с оружием в руках.

³⁹ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 111; Иванов П. А. Исторические судьбы... С. 121; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 47; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 537.

⁴⁰ Сам Ярополк, как следует из характеристики, данной ему летописцем, был слабым и робким (ЛВЛ. Ч. I. С. 136).

⁴¹ Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М., 1994. С. 55-56.

⁴² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.: Киев, 1915. С. 45.

⁴³ Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867. С. 360.

⁴⁴ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 167.

⁴⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 81.

⁴⁶ Сергеевич В. И. Вече и князь. С. 361; Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 63; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 51.

⁴⁷ Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1908. Т. II. С. 383.

Некоторые исследователи пытаются относить «советников» Ярополка к числу его собственных дружинников⁴⁸ или же усматривают причину, «побудившую владимирского князя восстать на сильного дядю» в том, что «злые советники объяснили своему князю, что он имеет более права на Киев, чем его дядя»⁴⁹. Помимо генеалогических прав Ярополк также имел благословение римского папы: в булле от 17 апреля 1075 г. папа Григорий VII сообщал, что он передает власть в Киеве Ярополку (последний незадолго перед тем принял католичество)⁵⁰.

Подобные трактовки, однако, грешат известной односторонностью, недооценивая причастности к княжеским распрям широких масс населения городских волостей, в данном случае в лице своих лидеров, бояр, недооценивая политическую силу и влияние земских структур вообще. Рассматривать междукняжеские отношения в отрыве от отношений и противоречий, возникающих в ходе взаимодействия возглавляемых этими князьями волостных общин, – значит не учитывать основной движущей силы событий, определяющей характер и результаты политики князей⁵¹. События 1085 г. с полной ясностью показывают, что именно политической волей владимирской общины определяется поведение Ярополка в момент его пребывания на владимирском столе.

Основываясь на данных Поучения Мономаха и Повести временных лет, с учетом сведений В. Н. Татищева⁵², исследователи восстанавливают картину происходящих на Волыни событий в промежутке от выступления против Ярополка братьев Ростиславичей до выступления самого Ярополка против киевского князя Всеволода. Более других преуспел в этом деле М. С. Грушевский, с выводами которого в целом можно согласиться: «... в начале 1084 года, – пишет ученый, – Ярополк выбрался в Киев и еще перед Пасхой мог узнать, что Ростиславичи бежали из Владимира с враждебными намерениями. Всеволод тотчас выслал Мономаха ловить Ростиславичей, но догнать их не удалось... После того – либо по окончании погони непосредственно, либо по воз-

⁴⁸ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 111.

⁴⁹ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. II. С. 268.

⁵⁰ Щавелева Н. И. Князь Ярополк Изяславич и христианская церковь XI в. // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 15-17 апр. 1998 г. Мат-лы к конф-ции / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 1998. С. 133-135.

⁵¹ См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства...; Фроянов И. Я. Древняя Русь.

⁵² ПВД. Ч. I. С. 135, 159-160; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. С. 94-95.

вращении в Киев заново – Мономах пошел помогать Ярополку и соединился с ним около Брод, может быть, отогнав Ростиславичей. Только потом, возможно, Ростиславичи овладели Владимиром, и Мономах вновь был послан в помощь Ярополку; он снова соединился с ним около Брод, выгнал Ростиславичей, но при этом потребовал от Ярополка наделить Ростиславичей и сумел прийти к взаимопониманию в этом вопросе»⁵³.

Действительно, князья пришли тогда к полному взаимопониманию, о чем прямо говорит Мономах в своем Поучении как о главном результате предпринятых им усилий на Волыни: «... и любовь велику створи-хом»⁵⁴. Творить «великую любовь» Мономаху с Ярополком, казалось, не было никакой нужды, – они и без того были союзниками и воевали на одной стороне. Видимо, слова Мономаха следует отнести, прежде всего, на счет отношений Ярополка с Ростиславичами, которых Мономах, надо думать, примирил с Ярополком, вследствие чего последний сумел, наконец, вернуться во Владимир, а Ростиславичи получили столы в Перемышле и Теревовле⁵⁵.

Но этим дело не ограничивалось. Условием «великой любви», о которой говорит Мономах, судя по всему, было также согласие Ярополка с решением киевского князя Всеволода отдать Дорогобуж Давыду Игоревичу⁵⁶, поскольку этот город (так же, как и Перемышль с Теревовлем) прежде составлял волость Ярополка⁵⁷. Слабый и нерешительный Ярополк принял условия Мономаха, продиктованные Всеволодом. Но тут в дело властно вмешалась владимирская община, и княжеская «великая любовь» «разлетелась как дым».

Едва Мономах успел покинуть Волынь, как Ярополк уже «хотяще ити на Всеволода, послушавъ злых советникъ». Дело, конечно, не в советниках самих по себе, а в том, что этими советниками были «влиятельные владимирцы, озабоченные судьбой своей волости»⁵⁸, владимирские бояре, которые, стремясь «отделиться от киевской земли»,

⁵³ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 74. – Ср.: Ив-кин И. М. Князь Владимир Мономах... Ч. I. С. 171-173.

⁵⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 160.

⁵⁵ Все это произошло на исходе того же 1084 г. – Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 111; Иванов П. А. Исторические судьбы... С. 121; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 75; Кося-труба Т. Нарис історії України. С. 187.

⁵⁶ Это событие приходится также на 1084 г. – ПВЛ. Ч. I. С. 135.

⁵⁷ См. прим. 32 настоящей главы.

⁵⁸ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 537.

«давно уже поднимали против Киева» Ярополка⁵⁹. И вслед за их «советом» вся владимирская община приходит в движение. По свидетельству, приведенному В. Н. Татищевым, Ярополк «начал войско собирать, с которым хотел к Киеву идти»⁶⁰. Иначе говоря, во Владимире начинаются активные военные приготовления, в том числе и сбор земского войска⁶¹. Об этом же говорят ответные меры киевского князя: «Се уедавъ, Всеволодъ посла противу ему (против Ярополка. – А. М.) сына своего Владимира»⁶².

Трусливый Ярополк не нашел в себе сил сразиться с Мономахом и бежал от него в Польшу⁶³, что породило у некоторых историков сомнения насчет серьезности его намерений бороться с Киевом. «Как видно, – писал, например, И. В. Лашнюков, – Ярополк только негодовал на самоуправство Всеволода, но не приготовился к войне, иначе зачем бы он бежал в Польшу без боя?»⁶⁴ Как нам кажется, причина бегства Ярополка заключается не в отсутствии готовности к войне, тем более, если иметь в виду решимость владимирцев защищать свой суверенитет. Есть некоторые основания полагать, что строя планы «йти на Всеволода», Ярополк рассчитывал на определенные симпатии к себе части киевлян⁶⁵. Тем очевиднее представляется участие в конфликте владимирцев, которые, как и киевляне, имели и отстаивали собственные политические интересы, поддерживая тех или иных князей. Все дело, видимо, в личных качествах самого Ярополка, значение которых нельзя сбрасывать со счетов. Его малодушный поступок деморализовал владимирцев, которые, оставшись без князя, не могли оказывать сопротивления.

Важное значение для рассматриваемой нами проблемы имеют события следующего 1086 года, являющиеся прямым продолжением коллизии, завязавшейся на Волыни в истекшем году. Летопись говорит об этом предельно кратко, порождая немало вопросов у исследователей: «Приде Ярополкъ из Ляховъ, и створи миръ с Володимеромъ, и иди Володимеръ вспять Чернигову»⁶⁶. Заметим, что Ярополк пришел не «с

⁵⁹ Сахаров А. Н. Владимир Мономах. С. 182.

⁶⁰ Татищев В. Н. История Российская... Ч. 2. С. 94.

⁶¹ Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 354; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 538.

⁶² ПВЛ. Ч. I. С. 135.

⁶³ Там же. С. 135-136.

⁶⁴ Лашнюков И. В. Владимир Мономах... С. 8.

⁶⁵ Линниченко И. А. Вече в Киевской области. Киев, 1881. С. 23.

⁶⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 136.

Ляхами», а «из Ляховъ», и, значит, говорить, что с ним на Волынь пришли польские войска⁶⁷, нет основания. О польской помощи Ярополку говорится у Я. Длугоша⁶⁸. Но это и подобные ему известия вызывает обоснованные сомнения исследователей⁶⁹ и не согласуется или прямо противоречит данным русских источников. Так, по свидетельству, приведенному В. Н. Татищевым, Ярополк не смог получить помощи от поляков и вернулся на Волынь ни с чем⁷⁰.

Тем не менее, как справедливо отметил А. Н. Насонов, Мономаху «пришлось все же договариваться с Ярополком, пойти, видимо, на уступки»⁷¹. Ясно, что при таких обстоятельствах здесь не обошлось без твердой поддержки, оказанной последнему владимирцами и их недоброжелателя Мономахом, хозяйничавшим на Волыни. Этим и объясняются «задержка Владимира здесь с войском и его податливость к миру с Ярополком»⁷².

* * *

В свете сказанного открывается логика дальнейших действий Ярополка. Сразу же по возвращении во Владимир он, «пересидев мало дней, иде Звенигороду»⁷³. В Звенигороде (бывшем «пригороде» Владимира) в тот момент уже княжили Ростиславичи, получившие его от Всеволода вместе с Перемышлем и Теробовлем⁷⁴. И вследствие этого, как пишет О. М. Рапов, «земли, которыми владел Ярополк в княжение Всеволода, постоянно испытывали угрозу как с севера, так и с юга»⁷⁵, — тем самым исследователь отдает должное земским интересам и предпочтениям в политике князей. Но дело не только в «угрозе с юга».

⁶⁷ Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 59.

⁶⁸ Русские известия Длугоша до 1386 г. (по изданию 1711 г.) // ЛЗАК. 1865-1866. СПб., 1868. Вып. IV. С. 140-141.

⁶⁹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II-III. С. 247, прим. 148; Иванов П. А. Исторические судьбы... С. 122, прим.; Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. II. С. 112, прим. 1.

⁷⁰ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. С. 95

⁷¹ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 135.

⁷² Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 538.

⁷³ ПВЛ. Ч. I. С. 136.

⁷⁴ Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 355; Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. II. С. 77; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 538.

⁷⁵ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 83.

Вступление Ярополка в войну с Ростиславичами⁷⁶, прежде всего, свидетельствует о стремлении владимирской общины восстановить суверенитет над своими недавними «пригородами».

По степени политической зрелости общины червоннорусских городов – Перемышля, Теробовля и Звенигорода – к концу XI в. уже мало в чем уступали владимирской общине. Сказанное в первую очередь относится к общине Перемышля, лидировавшего тогда в регионе. «То немногое, что известно о Перемышле XI в., – пишет А. Н. Насонов, – склоняет к мысли, что в Перемышле также существовала местная правящая среда, местная знать, заинтересованная в том, чтобы получить своего князя, в сохранении целостности своей территории, заинтересованная в том, чтобы Перемышль не попал в положение киевской волости», поэтому Ростиславичи «нашли поддержку в Перемышле»⁷⁷.

Следует добавить, что свои князья были необходимы общинам будущей Галицкой земли также для того, чтобы успешно противостоять Владимиру, «унаследовавшему от древнего Воляня претензии на главенство в юго-западном регионе восточно-славянского мира»⁷⁸. Именно на этом фоне возникает в Червенской земле упомянутая «правящая среда», «местная знать», выражающая интересы возглавляемых ею общин, стремящихся к достижению полного суверенитета. Без консолидации простого люда и боярской верхушки вокруг общих политических интересов не могло быть и речи об успешном выполнении тех исторических задач, которые в конце XI в. стояли перед общинами Перемышля, Теробовля и Звенигорода. Все это – соображения общего порядка, вытекающие из общих представлений о ходе исторического процесса на Руси XI – XII вв. Но политическая деятельность правящей верхушки Перемышля имела и более конкретные проявления, отразившиеся в интересующих нас событиях.

Когда владимирский князь Ярополк Изяславич уже подступал с войском к Звенигороду, его убил какой-то Нерадец, подкравшийся к

⁷⁶ Выражение «иде Звенигороду» историки воспринимают как свидетельство о военном походе (Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 355; Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 62; Андрияшев А. М. Очерк истории Волянской земли... С. 112; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 77; Головки А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 59.

⁷⁷ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 135-136. – О призвании Ростиславичей свободолюбивыми жителями Червонной Руси писал Н. И. Костомаров (Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории. С. 89-90).

⁷⁸ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 115.

княжеской повозке и пронзивший отдыхающего князя саблей⁷⁹. Истинными виновниками этого убийства летописец называет неких «злых людей», толкнувших Нерадца на преступление⁸⁰, не давая более никаких пояснений. К кому же ведут следы этого преступления? Большинство историков склонны полагать, что инициаторами убийства являются князья, сводившие с Ярополком личные счеты – либо Ростиславичи, так как Нерадец, совершив свое дело, «бежа... Перемышлю к Рюрикови»⁸¹, либо Давыд Игоревич, известный своим коварством⁸², либо и те и другой вместе⁸³. Высказывалось также мнение, что убийство Ярополка, равно как и другие крупные события внутриполитической жизни Руси последних десятилетий XI в. «делались главным образом руками Владимира Мономаха»⁸⁴.

Однако ни одно из таких решений вопроса нельзя признать полным, так как они отражают лишь одну из сторон происходящего – конфликт князей из-за волостей – и полностью «выводят за скобки» другого участника конфликта – возглавляемые данными князьями волостные общины, которые в рассматриваемое время уже достигли высокой степени политической зрелости, достаточной для того, чтобы сформировать и отстаивать собственную политическую позицию, отвечающую государственным интересам своей земли.

Вместе с тем, в литературе высказывались и более взвешенные соображения, учитывающие более широкий спектр отношений. По мысли С. М. Соловьева, «злыми людьми», иницировавшими убийство Ярополка, могли быть владимирские приверженцы Ростиславичей, с

⁷⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 136.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Филарет (Гумилевский). Русские святые... С. 367; Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев. 1884. Ч. I. С. 131; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 112; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 77; Лихачев Д. С. Комментарии. С. 414; Пашуто В. Т. Галицко-Волынское княжество // Очерки истории СССР. Период феодализма IX – XV вв. В 2-х частях / Отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1953. Ч. I. С. 364; Крип'якевич І. П. Галицко-Волинське князівство. С. 68; Щавелева Н. И. Князь Ярополк Изяславич... С. 135.

⁸² [Тюрин А. Ф.] Смерть Ярополка Изяславича (в 1086 году) // Современник. 1849. Т. XVI. С. 32; Зубрицкий Д. И. История древнего Галицко-Русского Княжества. Львов, 1852. Ч. II. С. 27.

⁸³ Лашинюков И. В. Владимир Мономах... С. 8; Иванов П. А. Исторические судьбы... С. 123-124; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 47; Шайкин А. А. «Се повести времяных лет...». С. 173.

⁸⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 456.

помощью которых братья овладели городом в 1084 г.: эти люди, «желавшие прежде его (Ярополка. — А. М.) изгнания, теперь не могли охотно видеть его восстановления», — замечает ученый⁸⁵. И. А. Линниченко предполагал, что убийца Ярополка был подослан из Звенигорода Галицкого⁸⁶.

Заслуживают внимания соображения А. Ф. Тюриня, автора остроумного «расследования» обстоятельств гибели Ярополка, опубликованного в 1849 г.⁸⁷ Ученый приходит к следующему заключению: «... современники и не думали приписывать убийство Ярополка кому-либо из князей»⁸⁸. Среди его аргументов наиболее интересным является такой: «... ясно говоря о побеге Нерадца к Рюрику, летописец обвиняет не этого князя, но дьявола и каких-то злых человек. Ясно, что современники не подозревали Рюрика в убийстве Ярополка...»⁸⁹. Вспомним, что еще Н. М. Карамзин определял подозрение, лежащее на Ростиславичах, как «более несчастное, чем справедливое»⁹⁰. К этим словам историков нужно прислушаться.

Действительно, невозможно объяснить, почему бегство в Перемышль убийцы Ярополка не стало для современников доказательством вины Ростиславичей, если подходить к данной коллизии лишь как к делу рук враждующих друг с другом князей. В то же время, летописец определенно указывает на «злых человек» как на главных виновников случившегося, направлявших руку злодея. И хотя источник не сообщает никаких сведений об этих людях, ясно, что ими не могут быть ни князя, ни их дружинники. Убедиться в этом помогут следующие терминологические наблюдения.

По мнению исследователей, термин «человек» в летописном рассказе об убийстве Ярополка соотносится с термином «мужь» в значении «взрослый человек, мужчина»⁹¹. Это подтверждается также сопоставлением летописного свидетельства об убийце Ярополка с аналогичным по содержанию сообщением о зачинщиках ослепления Василька Тербовльского; в обоих случаях используется близкая по значению

⁸⁵ Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 354-355.

⁸⁶ Линниченко И. А. Вече в Киевской области. С. 23.

⁸⁷ Статья А. Ф. Тюриня «Смерть Ярополка Изяславича (в 1086 г.)» опубликована без подписи. Автора работы называет М. С. Грушевский (Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. II. С. 77, прим. 1).

⁸⁸ [Тюрин А. Ф.] Смерть Ярополка Изяславича... С. 18.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. II-III. С. 62.

⁹¹ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 222-223.

лексика: Нерадец был «от дьяволя наученъ и от злыхъ человекъ», а Давыда Игоревича «намолили» на ослепление Василька «некоторые мужи», которым «влезе сотона в сердце»⁹². Как видим, слова «мужъ» и «человекъ» в приведенном контексте выступают как равнозначные термины, взаимозаменяющие друг друга. Летописец последовательно различает термины «князь», «княжь», «княжий» и термины «человекъ», «мужъ», «людье» и производные от них⁹³, исключение составляют лишь те риторические обороты, в которых князья соотносятся со всем родом человеческим⁹⁴. Свое подтверждение находит и непричастность к убийству княжеских дружинников, поскольку «между дружиной и князем в то время еще существовало неразрывное единство, и за содеянное “ближними мужами” князь отвечал, как за собственные поступки»⁹⁵.

Для современников же сказанное в летописи значило куда больше: вопрос об истинных виновниках трагедии тогда вообще не стоял, поскольку было известно, что убийца бежал в Перемышль и, таким образом, выяснилось, кто должен нести ответственность за случившееся. На Руси издревле существовал обычай «гнать по следу» преступника, что, возможно, и было проделано в случае с Нерадцем. Согласно этому обычаю, зафиксированному в Русской Правде⁹⁶, та община («вервь»), куда приводили следы преступника, должна была выдать его или участвовать в его дальнейшем розыске⁹⁷. Правовой обычай «гонения («сочения») следа» существовал в Галичине до XV – XVIII вв. как процессуальная норма уголовного права, действовавшая на межобщинном уровне. В «гонении следа» в качестве истца участвовала вся община в полном составе под руководством своих выборных «урядов» («князья», «тивуна», «ватамана»). Община-ответчик должна была либо «отвести след» от себя, либо выдать преступника, либо нести за него коллективную ответственность в установленном порядке. В «гонении следа» участвовали не только сельские, но и городские общины⁹⁸.

⁹² ПВЛ. Ч. I. С. 171, 177

⁹³ См.: ПВЛ. Ч. I. С. 35, 41, 53, 56, 80-81, 84, 115, 157-158 и др.

⁹⁴ См.: там же. С. 75, 155 и др.

⁹⁵ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 541.

⁹⁶ Пр. Т. I. М.; Л., 1940. С. 436-437

⁹⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 620;

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 103.

⁹⁸ Инкин В. Ф. «Гонение следа» в галицкой общинной практике XV – XVIII вв. (Материал для объяснения 77-ой статьи Пространшой Правды) // ДГ. 1985 г. М., 1986.

Убийство Ярополка вызвало на Руси большой резонанс, особенно значительный в церковных кругах. «Будучи верным сыном христианской церкви, свободно ориентируясь в политике европейских стран, на равных общаясь с правителями Европы не только благодаря родственным связям и всесторонней образованности, но прежде всего благодаря высокому авторитету Древнерусского государства, князь Ярополк-Петр оставил о себе добрую славу в светских и церковных памятниках католического Запада и православной Руси», – отмечает Н. И. Щавелева⁹⁹.

Не соответствует действительности утверждение некоторых историков о том, что это убийство осталось безнаказанным¹⁰⁰. По сообщению Ипатьевской летописи, сразу же после похорон Ярополка на Перемышль выступил походом киевский князь Всеволод: «В се же лето ходи Всеволодь к Перемышлю»¹⁰¹. Летопись не говорит здесь ни о Ростиславичах, ни о каких-либо других (кроме Перемышля) городах, входивших в состав предоставленной им волости. Это значит, что целью похода была не война с Ростиславичами и не возвращение под власть Киева червоннорусских городов, а наказание убийц – исполнителя и его вдохновителей, с чем Ростиславичи волей-неволей должны были согласиться.

Подобные случаи не были редкостью. Схожая ситуация через несколько лет повторилась во Владимире-Волынском. В 1098 г. город осадили перемышльский и теребовльский князья, все те же Володарь и Василько Ростиславичи и потребовали выдачи трех главных зачинщиков ослепления Василька: «И посласта к володимерцем, глаголюще: “Ве не приидохове на град ваш, ни на вас, но на врагы своя, на Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тех есть послушаль Давыдь и створиль се зло”»¹⁰². Владимирцы и их князь Давыд Игоревич должны были выполнить это требование¹⁰³.

Подводя итог сделанным наблюдениям, мы можем вслед за И. Я. Фрояновым констатировать, что «кружок “злых человек”, подговоривших Нерадца убить Ярополка», составляли «деятели перемышльского земства», что заговор против Ярополка «сплела перемышльская

⁹⁹ Щавелева Н. И. Князь Ярополк Изяславич... С. 136.

¹⁰⁰ Иловайский Д. И. История России. Становление Руси (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. С. 109.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 199.

¹⁰² ПВЛ. Ч. I. С. 177.

¹⁰³ Там же.

община, не желающая подчиняться городу Владимиру»¹⁰⁴. «Злыми людьми», организовавшими заговор и руководившими его осуществлением, едва ли могли быть рядовые члены перемышльской общины. С этим не согласуется как масштаб осуществленного ими замысла, так и та роль, которая им принадлежала. Как говорит летописец, Нерадец был «научен» от «злых человек».

Обратимся к семантике летописных терминов. Выражение «научити» (на кого, на что) в древнерусском языке означало *'подучить, подговорить, подстрекнуть'*¹⁰⁵; ср.: «научение» – *'указание, наставление, руководство, внушение, совет, наушение, подговор, подстрекательство'*¹⁰⁶. Когда же речь шла просто о передаче сведений от одного лица к другому, обмене информацией, обычных переговорах и т. п., в древнерусских памятниках употреблялись соответствующие выражения, например: «глаголати», «молвити», «поведати», «речи(щи)», «сказати» и др., означавшие: *'говорить, (рас)сказать, сообщить, передать сведения'*¹⁰⁷. Значение же термина «научити» в основном сводится к активному руководящему воздействию на субъект со стороны некоего объекта. Этому соответствует и страдательная форма (*был*) *научен* в словах летописи о поступке Нерадца. Близкое по значению выражение «намолвити» (*'подговорить, склонить к чему-либо'*¹⁰⁸) встречаем в уже цитированном сообщении источника о требовании братьев Ростиславичей к владимирцам выдать на расправу Туряка, Лазаря и Василя, которые «суть намолвили Давыда» ослепить Василька Ростиславича.

Названные лица, как показывает внимательный разбор свидетельств источника, не были рядовыми представителями своей общины, а, наоборот, являлись ее видными лидерами¹⁰⁹. То же самое, на наш взгляд, наблюдается и в случае с Нерадцем и его безымянными, но влиятельными «учителями». Иницированное ими убийство Ярополка отвечало интересам всей перемышльской общины, так как имело целью покончить с претензиями Владимира на роль «старшего города».

¹⁰⁴ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 541.

¹⁰⁵ СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 10. С. 296; Срезневский И. И. Словарь... Т. II. Ч. 1. Стб. 346.

¹⁰⁶ СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 10. С. 296; Срезневский И. И. Словарь... Т. II. Ч. 1. Стб. 346.

¹⁰⁷ СлРЯ XI – XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 25-26; М., 1982. Вып. 9. С. 240; М., 1989. Вып. 15. С. 141-142.

¹⁰⁸ СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 10. С. 153; Срезневский И. И. Словарь... Т. II. Ч. 1. Стб. 299.

¹⁰⁹ См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 117-118; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 541-542.

Несомненно, что заговорщики пользовались широкой поддержкой своей общины. Вот почему киевскому князю пришлось «ходить» к Перемышлю, то есть использовать военную силу для наказания виновников убийства.

* * *

Таким образом, в событиях 80-х годов XI в. в Юго-Западной Руси мы отмечаем первые факты участия бояр в политической жизни своих общин, что свидетельствует о завершении в целом процесса формирования местного боярства как нового слоя общественных лидеров, сменившего собой старую родоплеменную знать вследствие перестройки общества на территориальных началах. С первых шагов бояре проявляют себя как выразители основных политических интересов общины и руководители усилий, направленных на реализацию этих интересов. Бояре, как и простые общинники, обеспокоены достижением и сохранением своей общиной государственного суверенитета, обеспечением ее территориальной целостности, являясь инициаторами соответствующих мер (вплоть до убийства князя враждебной общины).

«Совет» бояр оказывает решающее воздействие на поведение князя, послушаться его – значит рисковать лишиться поддержки общины, и, в конечном счете, потерять княжеский стол. «Совет» бояр многое решает и для рядовых общинников: инициированное владимирскими боярами, советниками князя решение воевать с Киевом встречает полную поддержку простых владимирцев, ответивших сбором земского войска. Это происходит вследствие неразрывной общности политических интересов бояр и простых людей, являющейся необходимым условием успешного выполнения общиной стоящих перед ней исторических задач.

2. Генезис боярской думы, ее место и роль в политической жизни общины

Историки о политическом значении боярской думы. — «Три элемента» верховной власти общинного государства: продолжение дискуссии. — Первые признаки функционирования боярской думы. — Ослепление Василька Теребовльского: боярство и земские интересы в междукняжеских отношениях. — Положение и функции боярской думы («совета») в структуре внутриобщинных отношений.

В литературе немало сказано о важном значении боярской думы как постоянно действующем совете при каждом князе, существующем в каждой земле, с которым князь обязан был согласовывать свои планы и решения и без участия и поддержки которого намерения князя не могли быть осуществлены¹. Впрочем, высказывались и иные мнения. Например, В. И. Сергеевич отказывался признать в думе постоянно действующий орган управления, а видел в ней «только акт думания, действие советывания князя с людьми, которым он доверяет»; тем не менее, ученый признавал, что князь не может обойтись без совещаний с «думцами» и должен убеждать их «в целесообразности своих намерений», и при несогласии «думцев» «князю при-

¹Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1865. Кн. I. С. 213-214; Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. I. С. 210 и след.; Блов А. Е. Об историческом значении русского боярства до конца XVII в. СПб., 1 С. 1-21; Загоскин Н. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875. С. 28-44; Ключевский В. О. Боярство Древней Руси. М., 1994. Гл. 2; Грушевський М. С. Історія України. Київ, 1993. Т. III. С. 227-231; Довнар-Запольський М. В. Князь і боярство // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Запольского. М., б. г. Т. I. С. 252-260; Филиппов А. Н. Учебник истории государственного права. Юрьев, 1914. Ч. I. С. 194-201; Корф С. А. История русского боярства. СПб., 1908. Т. I. С. 122-123; Багалей Д. И. Русская история. СПб., 1908. Т. I. С. 286; Грибовский В. М. Древнерусское право. Пг. 1917. С. 73.

ходило отказываться от задуманного им действия»². В советской историографии утвердился взгляд на боярскую думу (княжеский совет) как на социально-политический институт феодального общества; признавая его постоянный статус, историки констатируют и его тесную связь с князем, не только в политическом, но и в классовом отношении³.

Крупный вклад в разработку научных представлений о боярской думе Древней Руси внесли историки и историки права, доказывавшие общинный характер древнерусской государственности, признававшие преобладающее значение в ней демократического начала и ведущую роль веча в системе органов государственного управления, но вместе с тем придававшие должное значение боярскому совету (думе), видя в нем один из основных институтов общинной государственности.

Одним из первых в отечественной историографии подобное понимание проблемы сформулировал А. И. Никитский на основе изучения общественно-политического строя древнего Новгорода и Пскова. При «господстве демократического начала» историк констатирует «наличность особого аристократического учреждения», именуемого «советом бояр» в иностранных известиях XIII – XIV вв. Зародышем этого «совета» служит «родовой совет эпохи родового быта»; в «эпоху Рюрика дома» родовой совет заменяется княжеским. Княжеский (боярский) совет, по мнению А. И. Никитского, не является исключительной принадлежностью древнерусской жизни и широко встречается в истории других славянских народов⁴.

Изучение проблемы продолжил М. Ф. Владимирский-Буданов. Согласно выводам ученого, боярская дума являлась «высшим земским советом» и в таком качестве была необходимым элементом структуры государственной власти в каждой земле; сама же эта структура была тройственной по форме и состояла из князя, боярской думы и народно-

² Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1908. Т. II. С. 381-384.

³ См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 340-345; Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П. (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 14-20; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства // Изв. 1972. Т. 89. С. 379-381; Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 61-64; Буганов В. И. Боярская Дума // Отечественная история: Энциклопедия в 5-ти томах / Гл. ред. В. Л. Янин. М., 1994. Т. I. С. 281-282.

⁴ Никитский А. И. 1) О правительственном совете в древнем Новгороде // ЖМНП. 1869. Октябрь; 2) Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 39 и след., 141 и след.

го собрания⁵. Эта концепция получила признание в науке. Большую работу по ее дополнительному теоретическому обоснованию и фактической аргументации провел И. А. Малиновский, согласно которому тройственная форма государственного устройства, сочетающая в себе монархический, аристократический и демократический элементы, была характерна не только для Древней Руси, но также встречается в истории многих других древних народов; эта форма сохраняется и в более позднее время и характерна, в частности, для государственного устройства Великого княжества Литовского⁶.

Выводы М. Ф. Владимирского-Буданова полностью поддержал М. А. Дьяконов. «Ученой заслугой проф. В.-Буданова, — пишет он, — является окончательное выяснение политического значения княжеской думы: он признал ее необходимым элементом в составе государственной власти каждой земли. Этот третий элемент в составе государственной власти является элементом аристократическим, так как думцами князя были лучшие люди земли — княжие мужи и бояре»⁷.

Традиция подобного подхода к пониманию сущности древнерусской государственности и политического значения боярской думы, прерванная в советской историографии, была продолжена русскими историками-эмигрантами. Один из виднейших представителей этой плеяды Г. В. Вернадский в известной работе «Киевская Русь» говорит о «трех составных частях правительства»: «правление русскими землями в киевский период представляло собой смешение этих трех форм (монархической, аристократической и демократической. — А. М.). Исторически, как мы знаем, древнерусское правление сочетало в себе город-государство и власть князя. Поскольку сила князя зависела от его дружины, последняя вскоре сама стала влиятельным политическим фактором. Можно сказать, что князь представлял монархическое начало в Киевской Руси, дружина — аристократическое, а вече — демократическое. В правительстве каждой из русских земель были представлены все три начала, но степень важности того или иного из них в различных случаях варьировалась»⁸. Подобные взгляды получили широкое рас-

⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 36, 44-51.

⁶ Малиновский И. А. Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской Думой древней России. Ч. 1. Боярская Дума древней России. Томск, 1903.

⁷ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 173.

⁸ Вернадский Г. В. Киевская Русь. Тверь; М., 1996. С. 195.

пространение в западной немарксистской историографии⁹.

Справедливости ради необходимо отметить, что не все историки признавали и признают за боярской думой Древней Руси статус особого политического учреждения и разделяют мысль о тройственности верховной власти. Будучи приверженцами концепции общинной природы древнерусской государственности, многие ученые тем не менее склонны усматривать лишь «два начала» в основе древнерусского государственного строя – демократическое (вече) и монархическое (князь)¹⁰. Последнее заставляет нас более внимательно остановиться на данной проблеме и рассмотреть ее в более широком историческом контексте.

* * *

Возвращаясь к собранным выше суждениям о тройственности форм организации государственной власти и управления в древнерусский период, важно отметить, что подобные суждения и оценки не являются достоянием исключительно исследователей древнерусской истории и права. К совершенно аналогичным результатам приходят ученые, изучавшие историю древних обществ, в частности, на материале античности и раннесредневековой Европы.

«Рассматривая организацию государственной власти в первый период истории греков и римлян до установления аристократических правлений, – пишет Н. И. Кареев, – мы везде находим три отдельные политические силы, действующие всегда вместе во всех важных вопросах народной жизни. Эти три политические силы – единый глава государства, совет старейшин и общее собрание всего народа. Подобного рода устройство ранних государств мы наблюдаем также и у древних германцев, как их описывает Тацит, и у древних славян, как о том свидетельствуют многие известия, касающиеся отдельных народов»¹¹.

Таких же взглядов придерживались крупнейшие западноевропей-

⁹ См.: Чубатий М. Історія джерел українського права. Львів, 1921. Т. 1. С. 89; Stählin K. Geschichte Russlands von der Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin; Leipzig, 1923. Bd. 1. S. 71; Ignatieff L. Rights and obligation in Russia and the West // CSP. Toronto, 1957. Vol. II. P. 26; Wittfogel K. A. Oriental despotism: a comparative study of total powers. New Haven, 1957. P. 202.

¹⁰ Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867; Ключевский В. О. Боярская Дума...; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

¹¹ Кареев Н. И. Государство-город античного мира. СПб., 1905. С. 34.

ские ученые, создатели классических трудов по политической истории древних обществ, в частности Э. Фримен, Н. Д. Фюстель де Куланж, Г. Бруннер¹². Э. Фримен, изучавший в сравнительном плане политический строй древних греков, римлян и германцев, говорит о зачатках монархии, аристократии и демократии, характерных для государственного строя «арийских наций» Европы: «Везде мы находим, хотя и в грубой форме, государя или другого главу государства, совет старшин и лучших людей и общее народное собрание; существование этих трех элементов мы находим повсюду»¹³.

Аналогичная картина открывается взорам исследователей, изучающих историю южных и западных славян в эпоху раннего средневековья, в том числе по законодательным памятникам древней Польши и Далмации¹⁴. К сожалению, в советской историографии многое из достигнутого в предшествовавший период оказалось не востребуемым, поскольку возобладало мнение, что в славянских государствах раннего средневековья община и ее основные институты оказались полностью подчиненными княжеской власти, лишившись всякого политического значения¹⁵.

¹² Фриман Э. Сравнительная политика. СПб., 1880; Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община. М., 1895; Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Lpz., 1887. Bd. I.

¹³ Фриман Э. Сравнительная политика. С. 49.

¹⁴ См.: Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменения их государственного устройства в XIV – XV веках. Варшава, 1882. С. 24; Котляревский А. А. Сочинения. СПб., 1891. Т. III. С. 438-440; Гильфердинг А. Ф. Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Изд. Н. В. Калачовым. СПб., 1857. Кн. III. С. 7; Бобржинский М. Очерк истории Польши. СПб., 1888. Т. I. С. 55; Смирнов И. 1) Очерк культурной истории южных славян // Учен. записки Казанского ун-та. Год LXVII. Кн. 5-6; 2) Городекие общины Далмации в X – XI в. // ЖМНП. 1881. Апрель. С. 294-298; Леонтович Ф. И. 1) Древнее хорвато-далматское законодательство // Записки Новороссийского ун-та. Год II. Т. I. Вып. 3-4. С. 18-20, 76-82; 2) Государственное устройство старого Дубровника // ЖМНП. 1867. Декабрь. С. 806-817; Владимирский-Буданов М. Ф. Неизданные законы юго-западных славян // ЖМНП. 1881. Март. С. 117-123.

¹⁵ См.: Греков Б. Д. 1) Винодол // Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1957. Т. I. С. 74-86; 2) Полица // Там же. С. 200-228; 3) Польская Правда // Там же. С. 349-367; Королюк В. Д. Древнепольское государство. М., 1957; Пашуто В. Т., Шталь И. В. Корчула. М., 1976. Гл. VII; Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980. С. 65-72; Фрейденберг М. М., Чернышев А. В. Коммунальный строй далматинских городов XII – XIV вв. Калинин, 1983.

Однако, новейшие исследования подтверждают справедливость прежних, высказанных более столетия назад взглядов, сообщив им новое теоретическое обоснование. Согласно Ю. В. Андрееву, система общинного управления города-государства, «включавшая в себя, как правило, три основных элемента: народное собрание, совет старейшин и общинных магистратов и вождей», была унаследована «от эпохи так называемой “военной” или “примитивной демократии”» и «в равной мере характерна для городов как Запада, так и Востока на наиболее ранних этапах их развития»¹⁶. О существовании политических институтов «военной демократии» и длительном сохранении общинных традиций в политическом строе варварских и раннефеодальных государств Западной Европы говорят современные медиевисты¹⁷.

Преимственность социально-политических институтов, наблюдаемая при переходе от стадии «военной демократии» к городам-государствам, является важнейшей закономерностью процесса генезиса государственности и, по данным современной науки, соответствует одному из наиболее распространенных в мировой истории путей политогенеза архаического общества, осуществляющемуся на основе трансформации протополисной общины в классическую полисную структуру¹⁸.

Есть все основания полагать, что в истории восточных славян реализуется тот же путь социально-политической эволюции. Не вызывает сомнения существование в восточно-славянском обществе, достигшем высшей стадии родоплеменных отношений, трех основных элементов в структуре власти и управления, соответствующих социально-политической организации периода «военной демократии» – народного соб-

¹⁶ Андреев Ю. В. Английский полис и восточные города-государства // Английский полис. Межвуз. сб. / Отв. ред. Э. Д. Фролов. Л., 1979. С. 9. – См. также: Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 128 и след.

¹⁷ Хачатурян Н. А. Эволюция государства в средневековой Европе до конца XV в. // История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8-ми т. Т. II. Средневековая Европа / Отв. ред. Е. В. Гутнова. М., 1992. С. 487-495.

¹⁸ См.: Штаерман Е. М. Античное общество: модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. I; Васильев Л. С. История Востока. М., 1993. Т. I. Гл. 4; Павленко Ю. В. Классообразование: становление и модели развития раннеклассовых обществ // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М., 1991. Ч. II; Коротяев А. В. Некоторые экономические предпосылки классообразования // Там же; Крадин Н. Н. 1) Политогенез // Там же; 2) Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995. С. 20.

рания, военного вождя и совета старейшин¹⁹. Эти три элемента в силу общих закономерностей генезиса потестарно-политических структур древних обществ возрождаются к жизни в новых исторических условиях в форме трех основных институтов общинной государственности полисного типа – веча, князя и боярской думы (совета), составляющих три главных компонента ее политической системы, формирующихся по мере роста и укрепления государства. В отношении последнего из них справедливость наших слов подтверждается выводом ученых о том, что древнерусское боярство приходит на смену родовой аристократии в результате разложения родоплеменного строя и образования территориально-административной структуры переходного общества, бояре наследуют социальный статус и функции родоплеменной знати – лидеров, управляющих обществом²⁰.

Не случайно появление третьего компонента – боярской думы – в Юго-Западной Руси совпадает по времени с моментом, когда «складывание городских волостей (городов-государств) на Руси... приняло рельефные формы»²¹. Аналогичные явления можно наблюдать в истории других земель Древней Руси. В конце XI в. в полный голос заявляют о себе бояре-«советники» в Чернигове, решающим образом воздействуя на политику черниговского князя. Под 1096 годом летопись сообщает, что в ответ на требование Святополка и Мономаха явиться в Киев и стать «пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отец наших, и пред людми градскими» черниговский князь Олег Святославич «въсприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: “Несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом”. И не въсхоте ити к братома своима, послушавъ злых советникъ»²². Историки справедливо отмечали, что «ответ Олега не является лишь проявлением его личного характера, за ним стояли определенные социальные силы, кото-

¹⁹ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. 1) «Старцы градские» на Руси X в. // Культура средневековой Руси. Посв. 70-летию М. К. Каргера / Отв. ред. А. Н. Кирпичников и П. А. Раппопорт. Л., 1974; 2) Об общественном строе восточных славян VIII – IX вв. в свете археологических данных // Проблемы археологии. Вып. 2. Сб. статей в память М. И. Артамонова / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л., 1978; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 11-33, 79-81, 160-164.

²⁰ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 80-81; 2) Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 315.

²¹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 115.

²² ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 150.

рые и продиктовали ответ»²³; этой силой были черниговские бояре, лидеры местного общества, за которыми «стояло население всей черниговской волости»²⁴.

Примечательно, что черниговская волостная община, как и общины Юго-Западной Руси, в конце XI в. была в числе тех, кто более всего претендовал на полное отделение и независимость от Киева, что нашло свое отражение в постановлениях Любечского съезда князей²⁵. Таким образом, появление в источниках сведений о существовании в какой-либо земле-волости собственных бояр и боярской думы, на наш взгляд, может свидетельствовать о становлении государственности в такой же мере, как и известия о наличии князя и функционировании веча.

* * *

Любечский съезд князей (1097 г.) является важной вехой в истории Древней Руси. Он констатировал отделение от Киева ранее подчинявшихся ему земель Южной и Юго-Западной Руси, что свидетельствует о сложившейся на их территории самостоятельной волостной организации, городов-государств, достигших (в большей или меньшей степени) полного суверенитета²⁶. Кроме того, княжеский съезд в Любече является важным свидетельством утверждения демократического строя как политической основы государственной организации волостных общин, представленных на съезде своими князьями. Земские интересы преобладали в политике князей, которые должны были строить свою деятельность (в том числе и отношения друг с другом) согласно с требованиями общины, в соответствии с ее основными политическими интересами. Не случайно первым делом на съезде звучат слова: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? А половци землю нашу несут розно, и рады суть, оже межко нами рати. Да ноне отселе имемся в едино сердце, и блюдем Русьские земли»²⁷. За этими словами князей явственно слышен голос общины: «Почто вы распря имата межко собою? А погании губять землю Русьскую! Последи ся уладита, а ноне поидита противу поганым любо с миромъ, любо ратью»²⁸, — так говорят князьям «смыслении мужи» — авторитетные общинные лиде-

²³ Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). Л., 1940. С. 205.

²⁴ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 89.

²⁵ Там же. С. 92-93.

²⁶ Там же. С. 90-92.

²⁷ ПВЛ, ч. I. С. 170.

²⁸ Там же. С. 143.

ры, и князя выполняют их требование: прекращают взаимные распри и действуют сообща по защите русских земель от внешних врагов.

Дальнейшие события не только подтверждают сделанные наблюдения новыми фактическими данными, но и дают твердое основание заключить, что общинные интересы и противоречия (а отнюдь не только властные амбиции и личное честолюбие) решающим образом влияют на поступки князей в сфере междукняжеских отношений, заставляют их нарушать данные друг другу обязательства и даже идти на преступление против своих сородичей.

Не успели князья, целовавшие друг друга на съезде, разъехаться по домам, как между ними началась новая кровавая «катора». «И приде Святополкъ с Давыдомъ Киеву, и ради быша людье вси; но токмо дьяволь печалень бяше о любви сей. И влезе сотона в сердце некоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимерь сложился есть с Василком на Святополка и на тя». Давыдъ же, емь веру лживым словесомъ...»²⁹

Нарисованная летописцем картина заговора против Василька Ростиславича живо напоминает недавние события в Червенской земле, связанные с убийством другого князя — Ярополка Изяславича (1086 г.)³⁰. Сходство мотивов и обстоятельств в действиях заговорщиков выразилось в практически дословном совпадении летописной фразеологии в их описании. Убийца Ярополка Нерадец, связанный с Рюриком Ростиславичем и перемышльской общиной, был «от дьяволя научень и от злыхъ человекъ»³¹, а Давыда Игоревича «намолвили» на ослепление Василька «некоторые мужи», которым «влезе сотона в сердце»³². Как видно, и в одном, и в другом случае главными инициаторами преступлений, к которым прямо или косвенно причастны князья³³, выступают некие мужи, обуреваемые дьяволом. Попробуем присмотреться к ним внимательнее.

Инициаторов ослепления Василька летописец в дальнейшем называет по именам, это — Лазарь, Туряк и Василь³⁴. С. М. Соловьев относит их к числу дружинников Давыда, сопровождавших князя на съез-

²⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 171.

³⁰ Там же. С. 135-136. — Подробнее об этом речь шла в предыдущем разделе настоящей работы.

³¹ ПВЛ. Ч. I. С. 136.

³² Там же. С. 171, 177.

³³ О причастности к убийству Ярополка Ростиславичей прямо говорит владимирский князь Давыд Игоревич (там же. С. 171).

³⁴ Там же. С. 177.

де³⁵. Однако ряд обстоятельств летописного повествования заставляет усомниться в этом³⁶. Сам летописец нигде не смешивает этих мужей с дружинниками Давыда и нигде не называет их «давыдовыми» мужами, хотя давыдова дружина и княжеские отроки не раз фигурируют в рассказе об ослеплении Василька³⁷. Нет упомянутых мужей и среди княжеских слуг, непосредственно совершающих ослепление³⁸.

Лазарь, Туряк и Василь – не простые исполнители княжеской воли, и их роль в рассматриваемом эпизоде не укладывается в рамки поведения княжеских дружинников. По своему значению она не меньше роли самого владимирского князя. Поэтому и столь высока мера ответственности, понесенной этими мужами впоследствии. За действия же своей дружины, «ближних мужей» князь отвечал сам, как за собственные поступки³⁹. В нашем случае это – непосредственные исполнители злодеяния – Сновид Изечевич, конюх Святополка, Дмитр, конюх Давыда, торчин Беренди и другие, не названные по именам⁴⁰. За них, как за своих дружинников, отвечают князья – Святополк и Давыд.

На наш взгляд, ближе к истине те историки, кто видел в Лазаре, Туряке и Василе влиятельных владимирских бояр, поддерживавших и в известном смысле направлявших политику своего князя⁴¹. Участие бояр в рассматриваемом эпизоде тем более очевидно, что во всех, подобных Любечскому съезду, судьбоносных для общины делах, когда принимаются политические решения, непосредственно затрагивающие интересы волостных общин, князей окружают не только их личные дружины, но и обязательно видные представители земщины, «смысленные мужи», – бояре⁴².

³⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения в 18-ти кн. М., 1988. Кн. I. С. 372.

³⁶ См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 117-118; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 542.

³⁷ ПВЛ. Ч. I. С. 173, 175.

³⁸ Там же. С. 173.

³⁹ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 541.

⁴⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 173.

⁴¹ Грушевский М. С. 1) Волинский вопрос 1097-1102 г. Киев, 1891. С. 12 и след.; 2) Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 91, 94, 96, 395, 400; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 117-118; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дисс. Л., 1990. С. 45.

⁴² Сергеевич В. И. Вече и князь. С. 356-357, 360-361; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 44-51; Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 38-73; Дьяконов М. А. Очерки... С. 164-174; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 77-85.

Все это прямо указывает на типичную для Древней Руси ситуацию «совета» или «думы» князя со своими боярами, на котором обсуждаются и решаются важнейшие политические вопросы. Анализируя сообщения источников конца XI – начала XII вв., можно сделать два принципиальных вывода.

Во-первых, совещания князей с боярами и сама боярская дума как политический институт, приходящий на смену совету родоплеменной знати, существует теперь уже не только в Киеве, но и в ряде местных городских центров, стремящихся к политической самостоятельности и независимости от «матери городов русских». Помимо Владимира и Перемышля – политических центров Волынской и будущей Галицкой земель – «совет» князя с боярами можно наблюдать и в Черниговской земле⁴³. Недаром именно эти земли тогда более всего претендовали на отделение от Киева, что и выразилось в постановлениях Любечского съезда⁴⁴.

Во-вторых, «советы», даваемые князьям боярами, в первую очередь обусловлены политическими интересами общины и нацелены на их осуществление. Данное утверждение справедливо даже в тех случаях, когда речь идет, на первый взгляд, о сугубо княжеских делах, их личных счетах и родовых отношениях. Подходящим примером здесь должна стать упомянутая выше история заговора Давыда Игоревича и владимирских бояр против Василька Ростиславича.

* * *

Летопись, к сожалению, не сохранила никаких деталей относительно переговоров Давыда с владимирскими боярами, обвинившими Василька. Однако суть обвинений достаточно определенно просматривается в ряде обстоятельств дальнейшего повествования. Это, прежде всего, речи Давыда, обращенные к Святополку, в которых несомненно звучат и те самые «лживые словеса», какие услышал волынский князь от своих бояр. Историки обычно передают эти свидетельства упрощенно, полагая их несущественными, имеющими скорее чисто литературное значение, что не дает возможности составить полную картину происходящего в действительности. Поэтому мы приводим их полностью.

«Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а ныне мыслить на мя и на тя, и сложилъ есть с Володимером? – спрашивает Давыд. – Да промышляй о своей голове» [...] «Аще не имове Василка, то ни тебе кня-

⁴³ ПВЛ. Ч. I. С. 150.

⁴⁴ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 90-92.

женья Киеве, ни мне в Володимери» [...] «Видиши ли, не помнишь тебе (Василько. – А. М.), ходя в твою руку. Аще ти отыдеть в свою волость, самъ узриши, аще ти не займешь град твоихъ Турова и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешь мене. Но призвавъ ныне и, емъ и дажь мне» [...] «Аще ли сего (ослепления Василька. – А. М.) не створишь, апустишь и, то ни тебе княжити, ни мне»⁴⁵.

Таким образом, мы можем видеть, что обвинение было высказано не одно, а сразу несколько, как минимум, они сводятся к трем пунктам: 1) заговор Василька и Мономаха против Святополка и Давыда⁴⁶, 2) намерение Василька лишить Давыда владимирского стола и 3) отнять у Киева пограничные территории – Погорынье и Туровскую волость⁴⁷.

Такие намерения волновали не одних только князей, ибо они напрямую затрагивали политические интересы возглавляемых упомянутыми князьями общин – владимирской и киевской. Поэтому Святополк (как прежде него Давыд) собирает на совет киевских бояр, а вслед за тем устраивает вече. Бояре и «людье», узнав о кознях врагов своего князя, говорят ему: «Тобе, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыдъ, да принять Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да принять мечь от бога и отвечает пред богомъ»⁴⁸.

Нельзя согласиться с М. С. Грушевским, полагавшим, что киевляне на вече заняли позицию невмешательства: «...дело это ваше, решайте как знаете – такой, – по мнению историка, – в сущности, смысл имеют слова, влагаемые в уста вече Сказанием: население не настолько дорожило личностью Святополка, чтобы связывать себя в его интересах какими-либо обязательствами»⁴⁹. Данная точка зрения могла быть приня-

⁴⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 171-173.

⁴⁶ Насчет обоснованности этого обвинения в науке высказывались разноречивые, порой противоположные мнения. – См.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 94; Пресняков А. Е. Княжеское право в древней Руси // Пресняков А. Е. Княжеское право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 55; Сергеевич В. И. Вече и князь. С. 275; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII – XIII вв. М., 1993. С. 460.

⁴⁷ ПВЛ. Ч. I. С. 174. – См.: Грушевський М. С. 1) Волинский вопрос... С. 12; 2) Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 14-15; Михайлова И. Б. Городские общины Погорынья в XI – середине XIII в. // ВСПбГУ. Серия 2. 1994. Вып. 4.

⁴⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 172.

⁴⁹ Грушевський М. С. Волинский вопрос... С. 14. – Впоследствии историк несколько изменил свою позицию (Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 92-93).

та, если бы дело заключалось только в личности Святополка и только в личных претензиях князей друг к другу. Однако речь шла о покушении теребовльского князя на часть земель и городов, подчиненных Киеву. Об этом, ссылаясь на Давыда, прямо говорит Святополк сперва киевлянам, а затем Мономаху и Святославичам⁵⁰. Кроме того, киевляне, вопреки М. С. Грушевскому, весьма дорожат личностью своего князя и первым делом говорят ему на вече: «Тобе, княже, достоить блюсти головы своее». Дальнейшие их слова следует понимать так, что община готова поддержать своего князя как в выступлении против Василька, если Давыд сказал о нем правду, так и против самого Давыда, если тот солгал.

Последующие события показывают, что киевляне поступают именно так, как обещали князю на вече, — летопись говорит о «множестве вой», с которыми Святополк пришел на Вольты⁵¹. И сам Святополк прямо ссылается на поддержку киевлян в споре с Мономахом и его союзниками, когда в ответ на обвинение в преступлении против княжеского рода («Что се зло створиль еси в Русьстей земли, и ввергль еси ножь в ны?») уверенно заявляет: «А неволя ми своее головы блюсти»⁵². Эта фраза, как видим, дословно повторяет приведенную выше формулировку приговора киевского веча: «Тобе, княже, достоить блюсти головы своее».

Твердая поддержка, недвусмысленно заявленная киевлянами, заставляет Мономаха и его союзников отказаться от намерения лишить Святополка волости. Кроме того, вмешательство в княжеский спор киевской общины приводит к тому, что со Святополка и вовсе снимаются обвинения⁵³. Причем из рассказа источника явствует, что сам Святополк не смог оправдаться перед «братией», но вмешательство представителей киевского земства — митрополита, вдовы князя Всеволода Ярославича и бояр⁵⁴ кардинально меняет позицию князей: виновником преступления признается Давыд Игоревич, а Святополку поручается наказать его: «Се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и»⁵⁵. Нетрудно заметить, что и это решение в

⁵⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 172, 174.

⁵¹ Там же. С. 178.

⁵² Там же. С. 174.

⁵³ Там же. С. 175.

⁵⁴ Судя по летописному рассказу, сперва на переговорах с Мономахом киевскую общину представляют митрополит и вдова князя Всеволода, но затем за дело берутся бояре («мужи»). — ПВЛ. Ч. I. С. 174-175.

⁵⁵ Там же. С. 175.

сущности совпадает с приговором киевского веча, выразившего поддержку Святополку.

М. С. Грушевский недоумевает по поводу «очень странного», по его мнению, «образа действий князей» – Мономаха и его союзников. Объяснение этому он находит в субъективизме и политической пристрастности летописца, скрывшего истинный смысл событий. Последний, по мнению историка, заключается в том, что «Мономах погубил Святополка и расстроил угрожавший ему союз: подав надежду на Волынь, он обратил Святополка против его недавнего союзника – Давыда»⁵⁶. Подобная точка зрения не может быть принята, так как полностью игнорирует факт участия земских сил в княжеском конфликте.

Другим обстоятельством, проливающим свет на подоплеку княжеской «которы», служат признания второго участника драмы – Василька Ростиславича, когда он, уже ослепленный, узнав о намерении Давыда выдать его полякам, исповедуется священнику Василию⁵⁷, автору летописной Повести об ослеплении Василька⁵⁸. Князь признается в наличии у него далекоидущих честолюбивых планов, которым теперь не суждено было осуществиться: «И аще мя вдасть ляхом (Давыд. – А. М.), не боюся смерти; но се поведаю ти по истине, яко на мя богъ наведе за мое възвышенье: яко приде ми весть, яко идуть къ мне берендичи, и печенези, и торци, реку брату своему Володареву и Давыдови: дайта ми дружину свою молотшюю, а сама пийта и веселитася. И помыслих: на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лето и возму землю Лядскую, и мьщю Русьскую землю. И посем хотель есмъ переяти болгары дунайские и посадити я у собе. И посем хотехъ проситися у Святополка и у Володимера ити на половци, да любо налезу собе славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю. Инь помышленье в сердци моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И се кленуся богомъ и его пришествием, яко не помыслиль есмъ зла братьи своей ни в чем же...»⁵⁹.

⁵⁶ Грушевский М. С. Волынский вопрос... С. 19-20.

⁵⁷ О нем как о предполагаемом авторе Повести см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 91-92.

⁵⁸ О происхождении, первоначальном составе, идейной направленности памятника, а также его источниках, художественных достоинствах и обстоятельствах использования составителем Повести временных лет см.: Приселков М. Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб., 1996. С. 283-289.

⁵⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 176. – Источники подтверждают слова Василька о намерении воевать с Польшей, говоря об активной антипольской политике Ростиславичей в конце XI – начале XII вв., выступавших в союзе с половцами и другими кочевниками. – ПВЛ.

Основной пафос этой речи, как видим, – в стремлении Василька доказать свою полную невиновность перед покаравшими его князьями, Святополком и Давыдом. Василько уверяет, что он не собирался скрывать свои планы воевать с Польшей от русских князей, в частности от волынского князя Давыда Игоревича⁶⁰. Более того, последнего теревовльский князь даже считал своим союзником и хотел предложить ему участвовать в походе на ляхов. Значит, личные отношения теревовльского и владимирского князей были добрыми, «приятельскими». Ростиславичи и Давыд и прежде были добрыми союзниками, сообща добивавшимися общих целей: так, в 1081 г. Володарь Ростиславич и Давыд совместно выступили против старших родичей, лишив их уделов, захватили Тмутаракань и затем попали в плен к Олегу Святославичу⁶¹. Неудивительно, что и теперь, готовясь к новой войне, Василько рассчитывал на военную помощь Давыда как на помощь собственного брата Володаря.

Но ставка на личные связи и старые добрые отношения в княжеской среде на этот раз жестоко подвела теревовльского князя. Причиной тому стало вмешательство в планы князей владимирской общины, занявшей бескомпромиссную позицию по отношению к военным затеям соседа. Обширные военные приготовления, особенно же использование степняков (берендеев, печенегов и торков), давних врагов Руси, которые, по признанию самого Василька, уже шли к нему на помощь, взбудоражило владимирцев и, безусловно, было истолковано ими как действие, представляющее непосредственную угрозу. Ведь еще не был забыт недавний конфликт Владимира с отколовшимися «пригородами» – Перемышлем, Теревовлем и Звенигородом, стоивший жизни тогдашнему владимирскому князю Ярополку Изяславичу, а соперничество Волыни и Галичины за лидерство в регионе еще не раз давало о себе знать впоследствии.

Похоже, что и сам Василько, хотя и отвергает все выдвинутые против него обвинения, тем не менее, не считает себя полностью невиновным. Как можно судить из текста источника, отбросив христианскую

Ч. I. С. 141; *Magistri Vincentii Chronicon Polonorum* / Ed. A. Bielowski // МРН. Lwow, 1872. Т. II. P. 351-353; *Herbordi Vita Ottonis episcopi Babenbergensis* / Wyd. A. Bielowski // *Ibid.* P. 74. См. также: Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев, 1988. С. 60-62.

⁶⁰ Согласно В. Н. Татищеву, с аналогичными предложениями Василько собирался обратиться также к Святополку и Мономаху (Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 115).

⁶¹ ПВД. Ч. I. С. 135.

риторику и морализаторство автора Повести, Василько раскаивается именно в том, что ради выполнения своих планов он привел на Русь кочевников. «Възвышенье», за которое бог наказал князя, как следует из его собственных слов, было вызвано известием, что «идуть къ мне берендичи, и печенези, и торци»; в конце своей исповеди князь вновь возвращается к этой мысли и прямо заявляет: «... за мое възнесенъе иже поидоша берендичи ко мне, и веселяся сердце мое и възвеселися умъ мой, низложи мя богъ и смири»⁶².

Как известно, подобная практика всегда осуждалась и порицалась и, прежде всего, общиной, «людьми», особенно, когда это делалось ради достижения эгоистических, честолюбивых целей, далеких от настоящих интересов общины или представляло угрозу миру и спокойствию в русской земле⁶³. И на этот раз община не могла оставаться в стороне. Это в первую очередь касается владимирцев, ближайших соседей беспокойного Василька. Их участие в рассматриваемых событиях реально засвидетельствовано в источниках. Это – и «совет» владимирских бояр, которому должен следовать Давыд, и целый ряд других характерных деталей летописного повествования, отмеченных исследователями⁶⁴. Конечно, в рассматриваемых событиях действовал и субъективный фактор – политические амбиции, личная энергия, моральные принципы князей. Но, рассуждая об этом, историки, как правило, исходят из самых общих представлений о характере и личных качествах Святополка, Давыда, Ростиславичей и т.д.⁶⁵, о человеческой природе вообще⁶⁶, или из гипотетических выкладок о характере междукняже-

⁶² ПВЛ. Ч. I. С. 176.

⁶³ См.: ПВЛ. Ч. I. С. 48, 143, 174-175 и др. – Наоборот, всячески приветствовались совместные действия русских князей против «поганых» – главных врагов всей Русской земли. – См.: Гребенюк В. П. Приятие христианства и эволюция героико-патриотического сознания в русской литературе XI – XII вв. // ГДРЛ. Сборник 8 / Отв. ред. О. В. Гладкова, Е. Б. Рогачевская. М., 1995.

⁶⁴ См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 542; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 118.

⁶⁵ Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 372-378; Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. I // Ключевский В. О. Сочинения: В 8-ми т. М., 1956. Т. 1. С. 278; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 92-98; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 112-113; Иванов П. А. Исторические судьбы... С. 124-126; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 69-70; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 48.

⁶⁶ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II-III. С. 75-79; Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. II. С. 268-269; Иловайский Д. И. Становление

ских отношений, родовых счетах, отчинных правах и т.д.⁶⁷

Захватив в плен ослепленного Василька, Давыд с наступлением весны 1098 г. выступил в поход на Теребовль с вполне очевидной целью: «хотя переяти Василкову волость»⁶⁸. Причем Давыд считает себя законным теребовльским князем еще до этого похода и предлагает плененному Васильку в награду за услугу (посредничество в переговорах с Мономахом и Святополком) на выбор один из трех волыньских городов – Всеволож, Шеполь или Перемиль⁶⁹. На это Васильку с негодованием отвечает: «...сему ми дивно, дает ми городь свой, а мой Теребовль, моя власть и ныне и пождавше»⁷⁰. В данном эпизоде, как показывают исследования княжеских отношений, раскрывается древнее право князей «добывания» («подыскивания») волости, согласно которому победитель, изгнавший, убивший или захвативший в плен поверженного соперника, присваивал его власть и все княжеские права, становился князем в его волости⁷¹.

Однако в отличие от предшествующего времени, когда это право осуществлялось практически беспрепятственно (X – начало XI вв.)⁷², теперь для его осуществления требуется выполнение обязательного условия – обеспечить князю-претенденту поддержку местной общины. Земские силы уже не только в Киеве⁷³, но и в периферийных волостных центрах властно вмешиваются в политику князей, разрушая их самые амбициозные планы, если они идут вразрез с политическими интересами общины⁷⁴. Подтверждением тому являются неудачи, постигшие волыньского князя Давыда Игоревича, пытавшегося овладеть Теребовлем, а затем и киевского князя Святополка Изяславича, когда тот «нача ду-

Руси. (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. С. 110-113.

⁶⁷ Пресняков А. Е. Княжое право... С. 53-56.

⁶⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 176.

⁶⁹ Там же. С. 175-176.

⁷⁰ Там же. С. 176.

⁷¹ Сергеевич В. И. 1) Вече и князь. С. 273-302; 2) Древности русского права. СПб., 1908. Т. II. С. 261-262; 3) Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 142 и след.

⁷² См.: Фроянов И. Я. 1) Исторические реалии в летописном сказании о призывании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 11-13; 2) Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 102-105.

⁷³ Киевская община добивается права распоряжаться судьбой княжеского стола в событиях 1068 г., называемых исследователями «общинной революцией» (Фроянов И. Я. Древняя Русь. Гл. 4).

⁷⁴ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 164-184.

мати на Володаря и на Василка, глаголя, яко «Се есть волость отца моего и брата»; и поиде на ня»⁷⁵.

В обоих случаях решающее слово остается за воинскими силами Червенской земли. Так, когда Давыд попытался «перейти Василкову волость», против него вышел Володарь Ростиславич, «собрав войска сколько мог»⁷⁶. Этим сил оказалось достаточно, чтобы Давыд, который тоже «пошел с войском»⁷⁷, «не сме... стати противу Василкову брату» и должен был отказаться от своих намерений⁷⁸. Точно так же вышло со Святополком, который, «надеяся на множество вой», начал войну с Ростиславичами и был жестоко разбит перемышльскими и теребовльскими полками, позорно бежав с поля боя⁷⁹. Здесь мы впервые видим победную силу воинства Червонной (Галицкой) Руси, способного сокрушить столь грозных противников. Впоследствии галицкие полки достигают еще больших успехов, зарекомендовав себя как одни из самых боеспособных на Руси⁸⁰. Не последняя роль в этом принадлежит земским военным предводителям – воеводам, действующим на войне самостоятельно (без участия князя), а также «лучшим» и «передним мужам» – боярам, наиболее боеспособным и удачливым воинам⁸¹.

Высокую политическую активность земской общины, возглавляемой своими лидерами боярами, мы наблюдаем и на Волыни. Летописные известия последних десятилетий XI в. демонстрируют любопытную закономерность: князья, какой бы ни была их прежняя судьба и отношения друг с другом, оказавшись на владимирском столе, проводят одну и ту же внешнюю политику. И Ярополк Изяславич, и Давыд, и Святополк, заняв княжеский стол во Владимире, тотчас начинают попытки подчинить Червенские города, ничуть не смущаясь необходимостью идти на разрыв добрых союзнических отношений с перемышльским и теребовльским князьями⁸², или прямо нарушать договорные обязательства, скрепленные крестным целованием⁸³. Трехкратное повторение в течение нескольких лет одной и той же ситуации, конечно,

⁷⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 178.

⁷⁶ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. С. 116.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 176-177.

⁷⁹ Там же. С. 178-179.

⁸⁰ См. с. 251-253 настоящей работы.

⁸¹ См. с. 253-254 настоящей работы.

⁸² Так поступает Давыд Игоревич в отношении Ростиславичей, не смотря на старые личные связи с ними и общие дела в прошлом (см.: ПВЛ. Ч. I. С. 135).

⁸³ Так поступает в отношении Ростиславичей Святополк Изяславич (там же. С. 178).

не может быть лишь случайным совпадением. И хотя летописец, а вслед за ним некоторые историки по традиции все сводят к личной инициативе князей, руководствующихся исключительно собственными эгоистическими побуждениями, необходимо признать, что отмеченное постоянство в действиях столь различных князей может быть объяснено только постоянным и настойчивым стремлением владимирцев вернуть под свой суверенитет отколовшиеся «пригороды». Неудачи, которые терпят в своих попытках владимирцы, приводят лишь к смене князей, но неизменными остаются политические интересы общины.

* * *

Как же выражает община свои политические интересы? Каков механизм их воздействия на поведение князей? Важнейшим средством здесь является «совет» бояр, «смысленых мужей», которых «слушает» князь. Недаром летописец, ведя рассказ о волынских делах, всякий раз оговаривается, что князь, будь то Ярополк или Давид, принимает то или иное важное решение, «послушавъ злыхъ советникъ» («некоторых мужей») ⁸⁴. Видимо, не обошлось без такого «совета» и в третьем из рассматриваемых аналогичных случаев, когда против Ростиславичей выступил Святополк. На эту мысль, кроме прочего, наводит и летописная фразеология, звучащая в описании события: Святополк сперва «нача думати на Володаря и Василка» ⁸⁵, а затем объявил им, что Перемышль и Теревовль «есть волость отца моего и брата» ⁸⁶.

Вспомним, что именно такие слова нередко говорит князю община, «людье», побуждая его вступить или занять «свою отчину», «столь отень и дедень» ⁸⁷. В любом случае, владимирская община не стояла в стороне от происходящего, и среди «множества вой», сопровождавших Святополка в походе на Ростиславичей, несомненно, были и владимирцы ⁸⁸. Мощная поддержка и в известном смысле давление общины (а не только личные побуждения) заставляют Святополка точно так же, как прежде Давида и Ярополка, забыть про клятвенные обязательства пе-

⁸⁴ Там же. С. 135, 171. — В данном контексте эти термины равнозначны по смыслу (см. прим. 92 настоящей главы).

⁸⁵ Термин «думати» в древнерусских памятниках выступает, прежде всего, в значении «совещаться, советовать, советоваться» и употребляется в описаниях совещаний князей с боярами, дружиной (СлРЯ XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 373-374).

⁸⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 178.

⁸⁷ См.: там же. С. 48, 116, 196.

⁸⁸ См.: Фроянов И. Я., Дворищенко А. Ю. Города-государства... С. 117.

ред Ростиславичами «имети (с ними. – А. М.) миръ и любовь», равно как и обязательства перед Мономахом и его союзниками ограничиться лишь наказанием Давыда⁸⁹.

«Совет» бояр, таким образом, в последние десятилетия XI в. становится постоянным явлением политической жизни Юго-Западной Руси. Дополнительным подтверждением сказанному служит и то, что летописец не воспринимает боярский «совет» во Владимире и Перемышле как нечто особенное, как заслуживающее внимания и описания событие. Точнее говоря, его интересует не «совет» сам по себе, а лишь связанные с ним некоторые чрезвычайные обстоятельства, что характеризует отношение к «совету» как к обычному, повседневому явлению⁹⁰. Вспоминает о «совете» или, вернее, об участвующих в нем лицах – «советниках» («мужах») – летописец только тогда, когда последние совершают предосудительные («злые»), с его точки зрения, деяния – подстрекают своего князя к войне с Киевом, или к убийству и ослеплению князя соседней волости.

Регулярно повторяющиеся в летописях, в тех случаях, когда известия о волынских и галицких делах достаточно подробны и полны (будучи, по-видимому, заимствованы составителями Повести временных лет непосредственно из местных источников⁹¹), упоминания о княжеских «советниках», действующих при схожих политических обстоятельствах, свидетельствуют о сложившейся практике подобных мероприятий и о надлежащем оформлении соответствующих отношений⁹².

⁸⁹ См.: ПВЛ. Ч. I. С. 175-178.

⁹⁰ Таковым, по мнению исследователей, и являлся боярский «совет» («дума») в Древней Руси, подобно всем учреждениям древности не имевший писанного регламента и действовавший на основании обычного права (см.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 44-45; Дьяконов М. А. Очерки... С. 170-173).

⁹¹ См. об этом: Шахматов А. А. 1) Нестор летописец // ЗНТШ. 1914. Т. СХVII-СХVIII. С. 35-41; 2) Повесть временных лет: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. XXXI-XXXVI; Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Т. XXI. Кн. 1. Л., 1926. С. 93-95; Приселков М. Д. История русского летописания... С. 283-289; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 217-219; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. 1948. Т. 15. С. 318-321.

⁹² Как установлено исследователями, правовой обычай складывается именно из повседневной практики и отвечает условиям повседневной жизни. О существовании обычая говорят сами факты повседневной жизни, в которых раскрывается и реализуется правовое сознание. Основным критерием отличия правового обычая от простой практики и случайного факта служит распространенность и повторяемость тождественных явлений, их устойчивый характер (См.: Сергеевич В. И. Лекции и ис-

Пристрастное отношение киевского летописца к боярским «советам» («думам») на Вольни и Галичине (как и вообще к проявлениям политической самостоятельности подвластных Киеву регионов), опосредованное через негативное восприятие их участников, затрудняет возможность объективной и полной оценки политической роли и значения этого института в конце XI в. И тем не менее, имеющиеся данные позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся наиболее существенных, на наш взгляд, черт, характеризующих положение и функции боярского «совета» («думы») в системе внутриобщинных отношений.

Первое. Высокая степень влияния «советников» на поступки князя, который «слушает» и принимает ответственные решения, будучи «научен» («намолвлен») «советниками», требует более внимательного анализа и, несмотря на уже проделанную историками работу, по-прежнему нуждается в объяснении. На наш взгляд, нельзя, как это делают некоторые исследователи, сводить все только к личностям «советников» – их индивидуальным качествам, энергии, знаниям и опыту и проч.⁹³, хотя этот фактор, несомненно, играл важную роль. Тем более недостаточно объяснять влияние «советников» на князя их личной преданностью последнему⁹⁴, хотя такие случаи и могли иметь место. Чтобы правильно объяснить и оценить феномен княжеского «совета» («думы»), необходимо сконцентрировать внимание на политическом содержании тех рекомендаций, которые дают князю его «думцы».

Второе. Во всех отмеченных выше случаях, там, где прямо фигурируют в тексте источников «мужи» – «советники» или их присутствие угадывается по косвенным признакам, их советы носят исключительно политический характер. Об этом можно судить, в частности, по решениям, которые принимаются князьями в результате совета с боярами. Они выражаются в попытках тем или иным образом разрешить насущные политические проблемы, наиболее остро стоящие перед возглавляемой данным князем общиной. В первую очередь сказанное касается внешнеполитических отношений и связано будь то с необходимостью противодействовать враждебным посягательствам Киева или с отражением агрессии соседней волостной общины. С этой точки зрения мож-

следования... С. 5-45; Леонтович Ф. И. Старый земский обычай // Труды VI Археологического съезда. Одесса, 1889. Т. IV. С. 127-135; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 45 (прим.), 86-89; Дьяконов М. А. Очерки... С. 8-15, 172).

⁹³ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. II. Вып. 2. С. 345-346.

⁹⁴ Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 56 и др.

но говорить об известной стабильности проводимой «советниками» политической линии, о ее независимости от временных колебаний политической конъюнктуры, позиции и личных интересов возглавлявших общину князей (которые на Волыни в конце XI в. чрезвычайно быстро сменяют друг друга) и, наоборот, ее обусловленности государственно-политическими интересами земли.

Третье. Сказанное согласуется с готовностью общины активно поддерживать решения, принятые на «совете» князя с «думцами», в том числе участвовать в военных действиях, требующих мобилизации земского войска, материальных и людских жертв. Наоборот, имеющиеся данные свидетельствуют, что если князь действует в обход бояр-«советников», не получает их поддержки, он остается и без поддержки общины и вынужден довольствоваться исключительно собственными возможностями⁹⁵. Во многих случаях, особенно когда речь идет о мобилизации войска, вече принимает ту же позицию и то же решение, за которое высказываются «думцы»⁹⁶. В итоге можно говорить, что позиции бояр-«советников» в том, что касается политических интересов общины, полностью совпадают с позицией «воев»⁹⁷ – решающей силы в любых политических конфликтах⁹⁸.

Четвертое. Община, таким образом, в такой же мере, что и князь доверяет своим «думцам», выражающим ее политические интересы. В практических делах, когда требуется принятие конкретных решений, рядовые общинники полагаются на опытность и удачу своих «смысленных» мужей, наделяемых, видимо, известными сакральными качествами, несвойственными простым людям⁹⁹. Князь же доверяет своим «советникам» и действует по их совету, прежде всего, полагаясь на авторитет и поддержку, какими пользуются они в общине. Недаром князь дорожит добрыми отношениями с «советниками» и даже похвально этим перед другими князьями¹⁰⁰, ибо это знак добрых отношений князя с общиной, прочности его положения на княжеском столе. Но стоит разувериться князю в своих «советниках», как он бежит из волости,

⁹⁵ См. с. 248-250 настоящей работы.

⁹⁶ См.: Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 43 и след.

⁹⁷ Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 45.

⁹⁸ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 200-215.

⁹⁹ См. с. 137-139 настоящей работы.

¹⁰⁰ См.: Dlugossii J. Historiac Polonicae libri XII / Ed. A. Przewdziezki. T. 1. Cracoviae, 1873. P. 368.

«имея всех советников и воинов на подозрении»¹⁰¹. В свою очередь, община ревностно следит, чтобы князя окружали достойные люди, пользующиеся должным уважением и доверием. И если князь выбирает себе советников произвольно, исходя только из собственных симпатий (как это случилось, к примеру, в последние годы княжения в Киеве Всеволода Ярославича, который «нача любити смыслъ уных, светъ творя с ними; си же начаша заводити и, негодовати дружины своея первыя»¹⁰²), то в результате «людем не доходити княжеи правды», что тотчас вызывает резкое недовольство общины¹⁰³.

Пятое. «Советы» бояр сводятся к предложению конкретных практических мер, направленных на достижение определенных политических целей. Соображения политической целесообразности зачастую преобладают в выборе этих мер над требованиями морали, что в целом отражает накал борьбы общин Юго-Западной Руси в конце XI в. Готовность сторон использовать крайние средства усугубляет конфликт, вносит в него элемент непредсказуемости, поскольку не только провоцирует к адекватным действиям соперника, но и становится поводом для вмешательства в конфликт третьей силы в лице киевского князя (имеем в виду походы Всеволода на Перемышль в 1086 г. и Святополка на Владимир в 1098 г.). Все это способно обернуться тяжелыми негативными последствиями для одной или другой стороны. Прямая ответственность за это ложится на непосредственных инициаторов мероприятия, обернувшегося тяжелой неудачей для общины. Последнее требует особого пояснения. Для этого обратимся к сообщениям источников о расправе Ростиславичей над главными зачинщиками ослепления Василька.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² ПВЛ. Ч. I. С. 142.

¹⁰³ Там же. — См. также: Дьяконов М. А. Очерки... С. 166.

3. Внутриобщинные отношения и политическая борьба в конце XI в. (в свете фольклорно-этнографических параллелей)

Княжеская усобица или конфликт волостных общин? – Пережитки архаического отношения к личности общественных лидеров: выдача владимирцами бояр Лазаря и Василя. – Расправа Ростиславичей со своими врагами: месть или ритуальное убийство? – Внелетописная параллель к сообщению о казни владимирских бояр. – Символика ритуального жертвоприношения летописного рассказа. – Некоторые филологические наблюдения по поводу участников расправы с боярами. – Итоговые замечания.

В конце XI в. в Юго-Западной Руси происходят бурные драматические события, сыгравшие важную роль в дальнейшей судьбе региона и вылившиеся в подлинную трагедию для их участников. В этих событиях личные интересы сплелись в один узел с политическими, отразившими процесс становления на Волыни и будущей Галичине самостоятельных политических образований, городов-государств, каждое из которых добивалось собственных целей. Это неизбежно порождало столкновение интересов и острую борьбу местных общин, в которую постоянно вмешивались киевские князья, стремясь сохранить влияние в регионе «матери градов русских».

Интерес историков к волынским событиям 1097—1099 гг. в небольшой степени обусловлен наличием в их распоряжении подробного и обстоятельного рассказа одного из очевидцев и непосредственных участников этих событий, так называемой Повести об ослеплении Василька, включенной в состав второй и третьей редакций Повести временных лет¹. Мы остановимся на тех деталях и эпизодах, которые, на наш

¹ Словарь княжников и княжности Древней Руси. Вып. I (XI – середина

взгляд, дают возможность судить о некоторых традиционных представлениях древнерусских людей, порожденных еще дохристианским, языческим мировоззрением и проявляющихся как в сфере внутриобщинных отношений, так и в области политической борьбы общин, определяя поведение людей в тех или иных конкретных ситуациях.

После провалившейся попытки силой «неряяти Василкову волюсть» владимирский князь Давыд Игоревич должен был освободить из плена Василька Ростиславича и заключить с ним мир², что на деле означало вынужденный отказ владимирской общины от планов восстановления политического господства над своими бывшими «пригородами» – Теребовлем и другими червоннорусскими городами³. Но военные действия на этом не прекратились. Желая отомстить за свою «обиду», «приде Володарь и Василько на Давыда, и придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери»⁴. Цель этого похода, на первый взгляд, вполне очевидна, на нее указывает и сам летописец – «створить мщенье»⁵, и данное объяснение принимается историками⁶. М. С. Грушевский замечает при этом, что Ростиславичи «не имели в виду, как и позже, во время борьбы со Святополком, территориальных приобретений и ограничились мщением»⁷.

В действительности же дело обстояло не столь однозначно. В начале своего рассказа летописец заявляет, что Ростиславичи пришли «на Давыда», но тотчас затем выясняется, что мщенье братья творят вовсе не над владимирским князем, лично в этой истории никак не пострадавшим: «Онема (Ростиславичи. – А. М.) же ставшима около Всеволожа, и взяста копьем град и зажгоста огнем, и бегоша людье огня. И по-

XIV вв.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 91-92.

² ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 176-177.

³ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 117-118; Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 541-542.

⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 177.

⁵ Там же.

⁶ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II-III. С. 79; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1988. Кн. 1. С. 376-377; Иловайский Д. И. Становление Руси. История России (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. С. 112; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 218; Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. летописи. М., 1963. С. 277; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 226.

⁷ Грушевский М. С. Волынский вопрос 1097-1102 гг. Киев, 1891. С. 21.

веле Василко исечи вся, и створи мщенье на людех неповинных, и проля кровь неповинну»⁸. Мщенье братьев, таким образом, состоялось, но оно пало на головы «людей», жителей владимирской волости. Это, как уже отмечалось историками, красноречиво свидетельствует, что перед нами не столько междукняжеский, сколько межобщинный конфликт⁹. Мстить Давыду – это в то же время значило мстить всей владимирской волостной общине, поддерживавшей своего князя, когда он замыслил «перейти Василкову волость», и теперь изъясвившей готовность «битися» за него. Сам же Давид, как видно из дальнейших слов источника, совершенно перестает интересоваться мстителем: «По-сем же придоста (Ростиславичи. – А. М.) к Володимерю, и затворися Давыдъ в Володимери, и си оступиша град. И посласта к володимерцем, глаголюще: “Ве не приидохове на град ваш, ни на вас, но на врагы своя, на Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тех есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло. Да аще хочете за сих битися, да се мы готови, а любо выдайте врагы наша”»¹⁰.

Итак, требования Ростиславичей сводятся к тому, чтобы в обмен на прекращение осады и избавление от новых тягот войны, к которой владимирцы, судя по всему, оказались не готовы¹¹, владимирская община выдала на расправу трех своих бояр¹², на которых указали братья. Выполнить такое требование означало поступиться своим политическим престижем. Отсюда – острые разногласия среди владимирцев, отразившиеся в летописном свидетельстве о препирательствах горожан с князем, и необходимость рассмотрения этого вопроса на вече. «Гражане же, се (требования Ростиславичей. – А. М.) слышавъ, созваша вече, и река Давыдови людье: “Выдай мужи сия, не бьемся за сихъ, а за тя битися можем. Аще ли, – то отворим врата граду, а сам промышляй о собе”. И неволя бысть выдати и. И рече Давыдъ: “Нету ихъ zde”; бе бо я послалъ Лучьску. Онем же пошедшим Лучьску, Туряк бежа Киеву, а Лазарь и Василь воротистася Турийску»¹³.

⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 177.

⁹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 117, 122.

¹⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 177.

¹¹ Владимирцы, видимо, еще не оправившись от той неудачи, которой закончился их поход на Теребовль.

¹² О социальном статусе Туряка, Лазаря и Василя см.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 117-118; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 541-542.

¹³ ПВЛ. Ч. I. С. 177.

* * *

Обращает на себя внимание следующий факт. Туряк, Лазарь и Василь, судя по всему, заранее знают о том, какая судьба их ждет при известном стечении обстоятельств. Поэтому они при помощи князя пытаются скрыться от владимирцев, стараясь притом запутать следы: отправляясь якобы в Луцк, один из них оказывается в Киеве, а двое других – в Турийске. Из этого следует, что требование Ростиславичей о выдаче зачинщиков преступления не является чем-то небывалым и неожиданным, а скорее, наоборот, оно согласуется с традиционными нормами правового поведения и, видимо, отвечает представлениям о способах разрешения подобных конфликтов. С таких же позиций следует трактовать и готовность владимирцев принять условия Ростиславичей.

Подтверждением сказанному может стать аналогичный случай, отмеченный в Ростово-Суздальской земле двумя десятилетиями раньше и свидетельствующий о распространенности на Руси средства, использованного Ростиславичами. Так, чтобы заставить белозерцев выдать на расправу волхвов, виновников «мятежа», охватившего тогда почти всю «Ростовскую область», киевский боярин Ян Вышатич прибегает к безотказному приему: «Янь же, вшедь в град к белозерцем. рече имь: “Аще не имете волхву сею, не иду от вас и за лето”. Белозерци же шедше яша я, и приведоша я къ Яневи»¹⁴. Белозерцы, надо полагать, одобряли деятельность волхвов, избавлявших общину от колдовских чар «лучших жен», «державших обилье» во время голода¹⁵, подобно тому, как одобряли деятельность волхвов остальные жители Ростовской земли, добровольно отдававшие им своих женщин¹⁶. Поэтому-то белозерцы не хотели выдавать волхвов Яну, иначе последнему не пришлось бы прибегать к угрозам.

Возникает вопрос, что побуждает общину соглашаться с такого рода требованиями, ущемляющими ее суверенитет, и даже заставлять своего князя, вопреки его воле, подчиняться им? Последнее мы видим в осажденном Ростиславичами Владимире-Волынском, жители которого в ответ на нежелание князя выдать истребованных бояр «кликнуша... на Давыда, и рекоша: “Выдай, кого ти хотять. Аще ли, – то пре-

¹⁴ Там же. С. 117.

¹⁵ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 149-151.

¹⁶ Там же. С. 117.

даемься»¹⁷. Нельзя сказать, что владимирцы согласились на выдачу своих бояр, изнемогая от осады и полностью утратив боеспособность¹⁸. Ведь они в то же время заявляют о своей готовности продолжать войну, говоря Давыду: «А за тя битися можем»¹⁹. Значит, в рассматриваемом случае решающее влияние на поведение общины оказывают какие-то иные, скрытые от поверхностного взгляда мотивы и вместе с тем лежащие в сфере традиционных отношений, обусловленных традиционным (архаическим) сознанием.

Исследования особенностей архаического сознания и мышления на обширном этнографическом материале дают результаты, помогающие, как представляется, в решении поставленной нами задачи. «Первобытный человек, — пишет Л. Леви-Брюль, — обычно отказывается расставаться с тем, что ему приносит счастье... Это чувство побуждает его искать общества тех лиц, которых сопровождает удача, и избегать тех, которых постигает неудача или несчастье»²⁰. Это объясняется тем, что случай в понимании древнего человека «внезапно и неопровержимо открывает..., что тот, с кем он приключился, находится под действием одного или нескольких дурных влияний. Еще до случая этот человек был намеченной жертвой этих влияний. Вскоре должны обязательно последовать и другие беды, ибо дурное влияние... не ограничивается первым проявлением своей зловредности. Всякий, кто не устранился возможно скорее от "несчастливого", разделит его несчастье»²¹. Действуя в сфере общественного сознания, данный принцип становится определителем соответствующего общественного поведения, когда община стремится оградить себя от тех людей, которые стали проводниками дурного влияния, вредящего благополучию общины.

В случае с владимирскими боярами, от которых спешат избавиться горожане, мы видим действие той же мировоззренческой установки: эти бояре стали причиной тяжелой неудачи, постигшей общину, так как через них пришла беда — предложенные ими меры по борьбе с

¹⁷ Там же. С. 177.

¹⁸ Примерно так представляют дело поздние летописцы, переосмысливая сообщение древнего автора: «...граждане отъ нужда выдаша имь въ руке, ихъ же хотеша (Лазаря и Василя. — А. М.)», читаем в Густынской летописи (ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 285).

¹⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 177.

²⁰ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 407.

²¹ Там же. С. 409.

внешним врагом не только не достигли своей цели²², но, наоборот, привели в итоге к военному поражению. По представлениям древних, реконструируемым исследователями, если не оградить общество от влияния таких людей, они будут продолжать сеять беду²³. Но дело, очевидно, не только в этом.

В рассматриваемом случае речь идет не о рядовых общинниках, а о представителях знати, общественных лидерах, участвующих в «совете»²⁴. По древней традиции, уходящей корнями еще в первобытную эпоху, архаическое сознание приписывает людям, стоящим во главе общества, особые магические способности, благодаря которым они могут принимать решения по поводу всех важнейших общественных дел²⁵. Древнерусские источники, по-видимому, сохранили в какой-то степени это древнее языческое представление, называя бояр «лучшими», а бояр-«советников» – «смыслеными мужами», тем самым подразумевая наличие у них каких-то особых качеств, несвойственных простым «мужам». Об этом же говорят и данные этимологии, по которым выражение «лучший» имеет тот же корень, что и «случай» ('судьба, жребий, удача') и возникло как форма сравнительной степени от исчезнувшего прилагательного «лукый» – 'полученный по жребию', 'выпавший на долю'²⁶.

На общественных лидеров, которые в традиционных обществах всегда имеют отношение (прямо или косвенно) к общественной магии, ложится бремя ответственности за благополучие своей общины. «Карьера мага, – пишет Дж. Дж. Фрэзер, – сулит мастеру своего дела

²² Целью инициированного Тураком, Лазарем и Василием ослепления тербовольского князя Василька, прежде всего, был захват и подчинение Владимиру Тербовля с «пригородами», что отвечало насущным политическим интересам владимирской общины (Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 541-542).

²³ Левин-Брюль Л. Сверхъестественное... С. 410-411.

²⁴ Роль Лазаря, Турака и Василя в рассматриваемых событиях полностью соответствует роли доверенных советников князя, участников «совета» («думы»). Это следует из характеристики, данной им летописцем: названные лица «намолвили Давыда» совершить расправу с Васильком, «и тех есть послушаль Давыдь и створить се зло» (ПВЛ. Ч. I. С. 177).

²⁵ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1986. С. 85-92.

²⁶ См.: Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 249; Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989. С. 220. – Ср.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 2. С. 538; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1. С. 496.

всякие блага, но она полна западней, в которые всегда может попасть его неумелый или неудачливый собрат по профессии. Положение занимающегося общественной магией действительно очень непрочное: народ твердо уверен, что в его власти вызвать дождь, заставить засиять солнце, созреть плоды. Поэтому естественно, что засуху и недостаток съестных припасов также приписывают его преступной небрежности или злонамеренному упрямству. Он несет за это должное наказание»²⁷.

Действие таких же, языческих по своей природе стереотипов сознания, проявляющихся в периоды общественных катаклизмов, убедительно показал И. Я. Фроянов в своем исследовании по истории социальной и политической борьбы в Древней Руси. Общий вывод, сделанный ученым по данному вопросу, сводится к следующему. Отмеченные источниками случаи расправы над представителями знати («лучшими мужами» и «лучшими женами»), имеющими отношение к управлению общественными делами, происходившие во время общественных бедствий, носили во многом сакральный (магический) характер: на этих людей ложилась ответственность за постигшее общину несчастье, они признавались вольными или невольными тому виновниками. В должном наказании виновных «люди той поры видели средство для восстановления общественного благополучия»²⁸.

Ясно, что ответственность правителей, связываемых языческим сознанием с общественной магией, не может быть только результатом неблагоприятных климатических явлений и вызванных ими бедствий, точно так же, как и сама общественная магия не может ограничиваться только областью природно-климатических явлений²⁹. Кроме того, в нашем распоряжении есть немало фактов конкретно-исторического характера, позволяющих говорить об ответственности перед общиной князей, по вине которых она терпит крупные политические неудачи, например, военные поражения: в таких случаях община («людье») лишает неудачников стола, а также личного имущества³⁰, аналогичные меры принимаются и в отношении поддерживавших их бояр³¹.

Конечно, мы не хотим сказать, что в древнерусский период в полном объеме действовали отмеченные этнографами у первобытных лю-

²⁷ Фр э з е р Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 88.

²⁸ Ф р о я н о в И. Я. Древняя Русь. С. 160.

²⁹ См.: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 5: Религиозные верования / Отв. ред. В. Н. Басилов, И. Винкельман. М., 1993. С. 115-117.

³⁰ Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 130-137.

³¹ См. с. 285-287 настоящей работы.

дей представления о магической силе правителя и связанной с этим ответственностью, но, вместе с тем, наличие такой традиции, как и многих других языческих пережитков в общественном сознании Древней Руси, проявляющихся в сфере социально-политических отношений, совершенно очевидно³². Это и не удивительно, если вспомнить о живучести традиционного отношения к властителям как к людям со сверхъестественными способностями в общественном сознании многих развитых народов Европы, существовавшего вплоть до Нового времени³³.

* * *

Языческими мотивами сплошь пронизано дальнейшее повествование летописи о владимирских событиях 1098 г., в частности, рассказ о расправе Ростиславичей над выданными им боярами Лазарем и Василем. «Давыдъ же, пославъ, приведе Василя и Лазаря, и дасть я. И створиша миръ в неделю. А завтра, по зори, повесиша Василя и Лазаря и растреляша стрелами Василковичи, и идоша от града. Се же 2-е мщенье створи, его же не бяше лепо створити, да бы богъ отместник былъ, и взложити было на бога мщенье свое, яко же рече пророкъ: “И вздам мечь врагом, и ненавиждащим мя вздам, яко кровь сыновъ своих мщати и мстити, и вздасть мечь врагом и ненавиждащим его”. Сим же от града отшедшим, сею же снемше погребоша я»³⁴.

Прежде всего, рассказ о расправе с боярами следует сопоставить с характеристикой, данной в свое время этим боярам летописцем. Туряк, Лазарь и Василь «намовили» своего князя Давыда Игоревича «ство-

³² Об этом красноречиво свидетельствуют новейшие исследования по истории социально-политических отношений в Древней Руси: Фроянов И. Я. 1) Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992; 2) Древняя Русь; 3) Рабство и данничество у восточных славян (VI – X вв.). СПб., 1996; Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Древнерусская церковь и архаические традиции // Язычество восточных славян. Сб. науч. трудов / Отв. ред. И. В. Дубов. Л., 1990; Кривошеев Ю. В. 1) Языческая обрядность и социальная борьба в Верхнем Поволжье в 1071 г. // Историческая этнография. Вып. III. / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л., 1985; 2) Элементы традиционного сознания в социальных противоречиях 1175 г. во Владимирской земле // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры / Отв. ред. И. Я. Фроянов. Л., 1987; Петров А. В. Данные этнографии и возможности исторической реконструкции некоторых моментов истории древнерусского Новгорода // Историческое познание: Традиции и новации. Тез. Международ. теоретич. конф-ции. Ижевск, 26-28 окт. 1993 г. / Сост. и общ. ред. В. В. Иванова, В. В. Пузанова. Ижевск, 1993. Ч. I.

³³ Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 91-92.

³⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 177.

речь зло» (ослепить Василька Ростиславича) неспроста, ибо в дело вмешался сам дьявол (Сатана), который, раздосадованный «братской любовью» князей, «влезе» названным боярам «в сердце», подстрекая их на неправо дело³⁵.

Внешне такая трактовка поведения преступных бояр вполне отвечает идее христианского провиденциализма, которую последовательно проводили летописцы на протяжении всего своего труда³⁶. В то же время, такая трактовка полностью укладывается и в рамки языческого миропонимания и, следовательно, могла родиться и в сознании язычника. Достаточно вспомнить хорошо известное в этнографии языческое представление о вселении (воплощении) в том или ином человеке какой-либо сверхъестественной сущности, божества или духа, начинающего управлять жизнью и поступками своего реципиента. «Такого рода воплощение, – пишет Дж. Дж. Фрэнгер, – является в примитивном обществе обычным делом. Воплощение может быть временным или постоянным. В первом случае воплощение... находит проявление скорее в сверхъестественном знании... Его обычными проявлениями оказываются... пророчества и предсказания»³⁷.

Не таким ли пророчеством и предсказанием могли восприниматься откровения владимирских бояр, обличавших в тайном умысле против киевского и владимирского князей теребовльского князя Василька? Ведь никаких других улик против него не существовало. Между тем, эти обвинения явились достаточным основанием для расправы с Васильком. И хотя летописец смотрит на описанные события иначе, трактуя их суть исключительно с позиций христианского вероучения, можно заметить, что провести свой взгляд до конца ему так и не удастся. Этому препятствует поведение самих героев повествования, участников описываемых событий, поступки которых не вписываются в концепцию летописца, так как были обусловлены иными мотивами. Отсюда – итоговое осуждение автором Повести расправы Ростиславичей с выданными им владимирскими боярами как богопротивного деяния, высказанное, несмотря на явную симпатию автора к ослепленному Ва-

³⁵ Там же. С. 171.

³⁶ См.: Рубинштейн Н. Л. Историческое знание феодальной Руси (XI – XVII вв.). М., 1945; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957. Лекция III; Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. Лекция 2-3; Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 47 и след.

³⁷ Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 95.

силько и Ростиславичам вообще³⁸.

Налицо, таким образом, очевидное противоречие между христианской и традиционной (языческой) нормами поведения, которым следовали летописец – с одной стороны – и его герои – с другой. В то же время заметим, что как христианскому, так и языческому мировоззрению в равной степени свойственно представление о противоборстве двух основных начал мироздания – добра и зла, что сказывается в повседневной жизни людей³⁹. Такое представление своими корнями восходит в глубокую древность к дуалистической картине мира первобытного человека, чрезвычайно широко представленной в этнографических и лингвистических материалах⁴⁰. В свою очередь, вера в сверхъестественные существа, воплощающие идею зла, была свойственна религии древних славян. Одно из них представлено в мифологии и фольклоре почти всех славянских народов в образе черта (беса), ставшего со временем, как полагают исследователи, синонимом христианского дьявола⁴¹. В русском фольклоре вредоносная сущность черта по отношению к людям проявляется, в частности, в том, что «он соблазняет женщин, толкает на самоубийство, провоцирует страшные преступления, охотится за человеческими душами»⁴².

Таким образом, можно полагать, что когда летописец характеризует Турыка, Лазаря и Василя как «злых человек», одержимых дьяволом, он не только не противоречит языческому представлению о воздействии на человека сил зла, но вольно или невольно следует ему. Однако

³⁸ Хрушов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. М., 1878. С. 31 и след.; Грушевский М. С. Вольнский вопрос... С. 4-6; Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I. С. XXXI-XXXVI; Приселков М. Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб., 1996. С. 293 и след.

³⁹ Не случайно, поэтому, христианский образ дьявола (особенно в раннем и средневековом христианстве) усваивает черты традиционных языческих богов и духов, воплощающих вредоносное начало зла (см.: Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом. М., 1991; Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1991. Т. 1. С. 416; Т. 2. С. 412-414).

⁴⁰ См.: Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 430 и след.; Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. Гл. 2-3; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

⁴¹ Токарев С. А. 1) Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX в. Л., 1957. С. 109; 2) Религия в истории народов мира. М., 1976. С. 210.

⁴² Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 122. – См. также: Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989. С. 10-22.

разница христианского и языческого отношения к идее мирового зла проявляется в вопросе о мере противодействия ему человека. Этим и вызвана негативная оценка летописцем убийства Ростиславичами владимирских бояр, отражающая христианскую установку, следуя которой дело справедливого суда и возмездия человек должен целиком возложить на Бога, ибо он «кровь сыновъ своихъ мщаетъ и мститъ, и вздасть месть врагом и ненавидящим его»⁴³.

Такая установка сталкивается с традиционной, языческой по сути концепцией зла и защиты от него, реально существовавшей в обыденном сознании древнерусского человека. Для него, в значительной степени еще сохраняющего первобытный дуализм, было характерно несколько иное восприятие Бога и его противника Сатаны, проявляющееся в более оптимистическом отношении к возможностям борьбы и защиты человека от козней дьявола. «Главою всех сил зла, – пишет Б. А. Рыбаков о дуализме мировоззрения древнерусского человека, – был непобедимый богом Сатанаил с его многочисленным и разветвленным воинством, против которого бог и его ангелы были бессильны. Всеведающий, вездесущий и всемогущий бог не мог уничтожить не только самого Сатану, но и мельчайшего из его слуг. Человек должен был сам праведностью своей жизни и магическими действиями «отгонять бесов»»⁴⁴. Данная мировоззренческая установка, как нам представляется, и обусловила поведение Ростиславичей.

Расправу теребовльского и перемышльского князей со своими врагами Лазарем и Василем летописец преподносит как месть, называя ее вторым мщением братьев владимирцам. Не ставя пока под сомнение данную интерпретацию, мы, тем не менее, должны сказать, что случившееся не может сводиться лишь к акту мщения в обычном смысле. На это указывают некоторые обстоятельства казни виновных, содержащиеся в летописном рассказе и, прежде всего, способ умерщвления, свидетельствующий, что перед нами не обычное наказание преступников, а какой-то древний языческий ритуал (или его пережиток).

Как известно, в традиционном сознании восточных славян и многих других народов люди, преданные смерти через повешение, как и самоубийцы, покончившие с жизнью таким же способом, воспринимались как «заложные покойники», отдавшие душу черту, так как «души заложных покойников с самого часа их смерти находятся в полном

⁴³ ПВЛ. Ч. I. С. 177-178.

⁴⁴ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 558.

распоряжении у нечистой силы»⁴⁵.

Другим характерным обстоятельством казни по летописному сообщению является расстрел «стрелами» повешенных, произведенный «Василковичами». Более подробно говорит об этом В. Н. Татищев, и приводимая им версия выглядит более основательной: «Наутрее в по-недельник Ростиславичи, поставя высокую виселицу перед градом, повесили злодеев тех за ноги и велели разстрелять»⁴⁶. Еще одна версия представлена в Хронике Феодосия Софоновича: «Василко и Володар... казали высоко на деревьях повешати (Лазаря и Василя. – А. М.) и стрелами насмерть постреляли»⁴⁷. В обоих известиях преступники умерщвляются не через повешение, а посредством расстрела. Может быть, так же следует понимать и сообщение Повести временных лет, где Лазаря и Василя «повесиша... и растреляша стрелами Василковичи», тем более, что в некоторых поздних летописях этот текст передается как «завесивше предъ градомъ разстреляша»⁴⁸ или попросту «изсече я»⁴⁹.

Такой способ расправы находит прямое соответствие с широко бытовавшими в народной традиции средневековья представлениями об адских мучениях, которым подвергают дьявол и его помощники души грешников, попадающих в преисподнюю. В памятниках древнерусской письменности и фольклора можно найти подробные описания таких сцен, некоторые детали которых практически совпадают с соответствующими обстоятельствами расправы Ростиславичей над владимирскими боярами. Полную картину адских истязаний представляет древнерусское апокрифическое сочинение «Хождение Богородицы по мукам», известное в списках XII в.⁵⁰ В ряду грешников, терпящих муки в аду, оказываются язычники, поклонявшиеся при жизни своим божествам Трояну, Хорсу, Велесу и Перуну. Среди прочего грешников подвешивают за ноги, руки, языки, уши, сердца, после чего дьявол прободает их железными прутьями и рожнами⁵¹. Те же картины встречаются

⁴⁵ Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 46. – См. также: Гернет М. Н. Смертная казнь М., 1913. С. 109.

⁴⁶ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 117.

⁴⁷ Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. С. 80.

⁴⁸ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II. С. 285.

⁴⁹ Там же. М.; Л., 1959. Т. XXVI. С. 47.

⁵⁰ См.: Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы // Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. I. С. 202; Порфирьев И. Я. Апокрифы новозаветные. СПб., 1890. С. 109-110.

⁵¹ ПЛДР. XII век / Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 170-174.

и в русских духовных стихах, где грешников, повешенных за язык, ребро или ногу, бьют раскаленными прутьями и т. п.⁵²

По замечанию А. Н. Афанасьева, изучавшего народные представления об адских мучениях в русле традиционного мировоззрения славян, «представления эти запечатлены тем материальным характером, который ярко свидетельствует за их глубокую давность; связь их с древнейшими мифами язычества не подлежит сомнению»⁵³. По мнению Н. С. Тихонравова, описываемые в апокрифах истязания есть «необходимые общепризнанные принадлежности ада в европейских легендах», происходящие «из общих индоевропейскому семейству языческих верований и сказаний отдаленной доисторической эпохи»⁵⁴. К подобным выводам приходят и современные исследователи, полагая, что в древнерусских представлениях об адских муках христианские, библейские образы «помещены... в контекст языческой мифологии»⁵⁵.

* * *

Отмеченные совпадения нельзя считать случайными. Летописные мстители, чиня расправу над Лазарем и Василем, поступают, по-видимому, в соответствии с теми же языческими понятиями и нормами, которые отразились и в традиционных представлениях о загробных истязаниях, ожидающих всех, предавшихся дьяволу. И те, и другие обусловлены языческим мировоззрением и, следовательно, имеют общие ритуально-мифологические корни. Таким образом, истязания, которым подвергаются злосчастные владимирские бояре, как и вся процедура умерщвления преступников, носят сакральный характер и связаны с определенным языческим ритуалом. Два главных его элемента, засвидетельствованные в версии В. Н. Татищева, являются ключевыми для решения стоящей перед нами задачи – экспликации символического смысла наблюдаемого ритуала, его мифологической основы.

⁵² Бессонов П. А. Калики переходные. Сборник стихов и исследование. М., 1863. Вып. 5. С. 65-260, № 441-524.

⁵³ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. III. С. 31. – Это мнение было поддержано и другими исследователями – см.: Генерозов Я. К. Русские народные представления о загробной жизни на основании записок, причитаний, духовных стихов и т. п. Саратов, 1883. С. 38-41; Соболев А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям (литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мировоззрения). Сергиев Посад, 1913. С. 179 и след.

⁵⁴ Тихонраов Н. С. Памятники... С. 206.

⁵⁵ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 58.

Ритуальное переворачивание предметов (тел) широко бытует в славянской народной традиции. Такой ритуал, по мнению Н. И. Толстого, «есть действие, включающееся в более широкую семантическую и семиотическую сферу действий преобразования, превращения, метаморфозы, принятия иного обличья, перехода из одного состояния в другое, наконец, в сферу общения “этого света” с “тем светом”»⁵⁶. Дело в том, что для языческого мировоззрения чрезвычайно характерно представление о перевернутости связей потустороннего (загробного) мира, отразившееся в соответствующих верованиях и обрядах, в частности, в похоронных обрядах славян⁵⁷.

Но не менее отчетливо они проявляются в традиционном восточнославянском ритуале наказаний, известном, главным образом, по свидетельствам XV – XVII вв., когда само наказание уже носило во многом символический характер. Не вызывает сомнения его преемственная связь с древним языческим ритуалом. Еретиков или людей, уличенных в каком-то грязном («бесовском») занятии, подвергали публичному поруганию, обряжая в «перевернутое» платье, сажая на лошадь задом наперед и т. п.⁵⁸ Такого рода наказания «были направлены на публичное осмеяние (бесчестье) и в конечном счете на принудительное или разоблачительное приобщение к «кромешному», перевернутому миру, который может осмысляться как потусторонний или же как бесовский; в предельном случае наказание воспринимается как символическая смерть»⁵⁹.

Иными словами, целью ритуального наказания, связанного с переворачиванием, является, во-первых, символическое уподобление наказуемого бесу (дьяволу) и разоблачение в нем бесовского присутствия, бесовской одержимости, во-вторых. В свете сказанного получает новый смысл летописная характеристика владимирских бояр-«злодеев» как «злых советников», которым «влезе сотона в сердце», а также проясняется публичный характер экзекуции, произведенной Ростиславицами «перед градом», т. е. на глазах у всех владимирцев.

Данные языческой обрядовой символики проливают свет и в другом интересующем нас вопросе – «расшифровке» смысла ритуального расстрела осужденных. Летопись уточняет, что расстрел производился

⁵⁶ Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 221.

⁵⁷ Там же. С. 213-223; Успенский Б. А. Анти-поведение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. I. С. 461-466.

⁵⁸ Успенский Б. А. Анти-поведение... С. 467-468.

⁵⁹ Там же. С. 466.

«стрелами», очевидно, пущенными из луков. Как известно, пущенная из лука стрела, равно как и фигурирующие в сценах адских истязаний русских средневековых памятников раскаленные железные прутья, огненные веники и пр – есть распространенные метафоры молнии и громового удара⁶⁰. Кроме того, известно, что в мифологических представлениях стрела воспринимается как оружие, с помощью которого Бог-Громовержец борется со своим Противником⁶¹. В народных молитвах и заговорах славян Бог-Громовержец выступает судьей «окаянному дьяволу и бесам»⁶² и преследует дьявола (черта, беса, злина) молнией и громом, где бы тот не пытался укрыться, пусть даже в живом человеке или другом существе и предмете⁶³.

Таким образом, можно полагать, что использование в ритуальном убийстве орудия, символизирующего собой молнию и гром как выражение божьего правосудия над силами зла, воспринималось как подобающая случаю мера пресечения зла, совершаемого людьми, одержимыми «нечистой силой», как магическое средство, способное покончить с таким злом, победив его. В одном из списков XV в. Мерила Праведного говорится, что «стрелы и топоры громовии» употреблялись с целью изгнания бесов⁶⁴. Возможно также, что стрелы, символизирующие небесный огонь (молнию), воспринимались и как магическое очистительное средство⁶⁵.

В нашем распоряжении имеется еще одно чрезвычайно любопытное свидетельство древнерусского источника, относящееся к событиям, непосредственно связанным с рассматриваемыми перипетиями вольнской драмы конца XI в. В Патерике Киево-Печерского монастыря по-

⁶⁰ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения... М., 1994. Т. I. С. 245, 250-251, 265-266; М., 1994. Т. II. С. 388-395, 422-423, 566; Т. III. С. 444, 457-458, 491-493, 498, 555-556.

⁶¹ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 85-94; Успенский Б. А. Филологические разыскания... С. 12, 28, 35, 78, 86, 93.

⁶² Успенский Б. А. Филологические разыскания... С. 40, прим. 23. – В языческие времена в качестве такового подразумевался Перун (там же).

⁶³ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 423; Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. I. С. 558.

⁶⁴ Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1916. С. 104.

⁶⁵ Об очистительных обрядах с использованием огня (и его символов) см.: Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. Гл. LXIII; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения... Т. II. Гл. XV.

мещен рассказ о мученической смерти преподобных Феодора и Василия, виновником которой стал сын киевского князя Святополка Изяславича Мстислав⁶⁶. Ряд сюжетных деталей и эпизодов этого эмоционального повествования совпадает с описаниями и характеристиками Повести об ослеплении Василька.

Оставленный Святополком в Киеве Мстислав узнает, что один из печерских монахов по имени Феодор нашел в своей пещере несметные сокровища, некогда спрятанные варягами. Князю сообщил об этом «некий человек» из его «советников», именуемый также «боярином». Этого последнего «обрел» «диавол» («бес») и также как «советникам» Давыда Игоревича Туряку, Лазарю и Василию внушил: «Се скоро сего (Феодора. – А. М.) имете, а сокровище возмете...»⁶⁷. Приняв обличие другого печерского монаха Василия, жившего с Феодором в одной пещере, «бес» предстал перед князем Мстиславом и его дружиной, «изглаголавъ» свое «злое совещание», предлагая подвергнуть Феодора лютым пыткам. «Наученный» таким образом дьяволом, Мстислав схватил монаха и начал его истязать, добиваясь признания, где спрятано золото. Среди прочего князь приказал повесить свою жертву вниз головой и развести под ним огонь: «...и таче потом в дыме велице повесити его повеле, и привязати опаки, и огонь взгнетити»⁶⁸.

Ничего не добившись, Святополчич потребовал к себе Василия, и тот стал публично обличать князя в бесовстве. Разгневавшись, последний приказал его «мучити без милости», а затем, «не стерпевъ обличения, шумен быв от вина, възьярився, взял стрелу, уязви Василиа»⁶⁹. Умирая, Василий вытащил стрелу из своего тела и бросил ее князю со словами: «Сею сам уязвен будеши»⁷⁰. Так и случилось. «По малехъ же дньех сам Мьстислав застрелен бысть въ Володимери на забралех, бияся съ Давидом Игоревичем»⁷¹. С ужасом смертельно раненый князь заметил, что в грудь его попала та самая стрела, которой он застрелил Василия. «Якоже умираю, – рече (Мстислав. – А. М.), – днесъ Феодора деля и Василиа»⁷².

Смерть Мстислава Святополчича, застреленного вражеской стре-

⁶⁶ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики / Изд. подготовили Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 64-66.

⁶⁷ Там же. С. 65.

⁶⁸ Там же. С. 66.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 65.

⁷¹ Там же. С. 66.

⁷² Там же. С. 64-65.

лой, когда он в июне 1099 г. возглавлял оборону Владимира-Волынского от войск Давыда Игоревича, подтверждается Повестью временных лет. «И ста Давыдь, оступивъ град, – читаем в летописи, – и часто приступаше. Единою подступиша к граду под вежами, онем же бьющим с града, и стреляющим межи собою, идяху стрелы акы дождь. Мстиславу же хотящу стрелити, внезапно ударенъ бысть подъ пазуху стрелою, на заборолехъ, сквозе дску скважнею, и сведоша и, и на ту ношь умре»⁷³.

Приведенная нами параллель к летописным сообщениям о расправе Ростиславичей с владимирскими боярами свидетельствует, прежде всего, о распространенности на Руси XI в. употребляемого ими способа расправы, где повешение сочеталось с расстрелом. Практикуемое при этом переворачивание тела жертвы, отмеченное только в рассказе В. Н. Татищева, не является позднейшим домыслом, а, напротив, подтверждает подлинность данной версии, более обстоятельной и откровенной по сравнению с кратким известием Повести временных лет.

Безвинные монахи подвергаются адским мучениям по подсказке дьявола, тем самым подтверждается связь этих истязаний с «дьявольским», «бесовским» потусторонним миром, к которому принадлежат и одержимые бесом «злодеи», вроде бояр Турыка, Лазаря и Василя или князя Мстислава Святополчича. В обоих случаях расправа носит публичный характер, что указывает на ее ритуально-разоблачительную сущность. Главным орудием наказания виновников – бояр и князя – является стрела, осмысляемая как традиционный символ божьей кары, настигающей преступников и поражающей вселившуюся в них нечистую силу. Эта кара действует с неотвратимостью и настигает виновного повсюду: князя Мстислава, как сообщает летопись, стрела пронзила, угодив в узкую щель-бойницу городской стены. Наказание, совершенное самим Богом, приветствуется книжником⁷⁴, в отличие от расправы Ростиславичей, вызывающей моральное осуждение.

Поражение пущенной из лука стрелой, воспринимаемое как поражение молнией (громом) в расправе с преступниками могло преследовать ту же ритуально-магическую цель, что и повешение. По верованиям восточных славян, убитый молнией так же, как и висельник становился «заложным покойником» и отдавал свою душу в распоряжение черту (дьяволу)⁷⁵.

⁷³ ПВЛ. Ч. 1. С. 180.

⁷⁴ Киево-Печерский патерик. С. 66.

⁷⁵ Зеленин Д. К. Избранные труды. С. 39-40, 46-48. – В некоторых случаях

* * *

Все сказанное наводит на мысль, что убийство Ростиславичами своих врагов Лазаря и Василя, в котором угадывается ритуал предания преступников в распоряжение дьявола, должно было также иметь значение ритуального жертвоприношения, где жертвами выступают враги/преступники, а адресатом жертвы – божество, семантически связанное с потусторонним (загробным) миром.

Еще одной важной чертой жертвы в данном случае является то, что казненные бояре – это, по сути дела, военнопленные, ставшие добычей Ростиславичей; они также выступают представителями враждебной общины, неоднократно пытавшейся завоевать и подчинить своей власти жителей червоннорусских городов. В связи с этим любопытная параллель вновь возникает с рассказом Киево-Печерского патерика: Мстислав поступает с монахами как с захваченными в плен врагами, а визит его в монастырь сравнивается с походом на войну⁷⁶.

Обычай человеческих жертвоприношений издревле бытовал у восточных славян, известный с самого момента их расселения по Русской равнине. Сведения о нем отражены в Повести временных лет и многих других источниках⁷⁷. Этот обычай – древнейшее наследие человечества. Его универсальный смысл заключался в ритуальном достижении «вселенной гармонии» и проявлялся будь то в обрядах поддержания плодородия полей или обеспечения нормального функционирования космоса в целом⁷⁸. «Жертвами этих обычаев были, как правило, иноплеменники или пленные, иногда – преступники или избранные по жребию жрецами»⁷⁹. Нередко человеческие жертвоприношения были приурочены к началу или окончанию военных действий, и тогда в жертву богам приносились пленные из числа побежденных врагов.

встречается двойственное отношение к погибшим от громового удара: «... не только как к «заложным покойникам», но и как к праведникам, угодным богу (Успенский Б. А. Филологические разыскания... С. 41, прим. 24. – Ср.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 423).

⁷⁶ Киево-Печерский патерик. С. 65.

⁷⁷ ПВЛ. Ч. I. С. 56, 58; ПСРЛ. М., 1995. Т. XLI. С. 22; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I – VI вв.) / Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М., 1994. С. 254, 257, 258; Иларион. Слово о Законе и Благодати / Сост. В. Я. Дерягина. М., 1994. С. 62; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 142-143.

⁷⁸ История первобытного общества. Эпоха классового образования / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1988. С. 441-442.

⁷⁹ Там же.

Интересные соображения по поводу этого обычая высказывал А. Н. Афанасьев: «В глазах язычника враги известного племени были вместе с тем и врагами его прародительских пенатов», поскольку, «вторгаясь в чужие владения, внося в них убийства, грабежи и пожары, они святотатственно нарушали неприкосновенность границ, и потому жертвенное заклятие пленников было приятно мстительному чувству национальных богов. Прибавим к этому, – продолжает ученый, – что боги бурь и гроз представлялись могущественными воинами, которые неустанно сражаются с толпами демонов и поражают их молниеносными стрелами, что тем же богам предки наши приписывали непосредственное участие в своих собственных битвах с враждебными народами; отбитое у врагов оружие и часть военной добычи были приносимы в дар богам-победителям»⁸⁰.

Соответствующим образом ведут себя русские воины под стенами Константинополя во время похода Олега на Византию: «...имаху пленники, овехъ посекаху, друга же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху...»⁸¹. О ритуальной сущности подобных действий узнаем из сообщения византийского историка Льва Диакона о том, что воины Святослава, воевавшие в Болгарии с армией византийского императора, во время погребения своих погибших соратников «совершали кровавую жертву», «заколов при этом по обычаю предков множество пленных мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра»⁸². Повешение (удушение) как способ ритуального убийства у славян засвидетельствован также в ряде арабских источников⁸³.

Иногда в жертвенных обрядах повешение и закалывание сочетались как элементы единого ритуала. Например, в жертвенных обрядах, посвящаемых богу Одину, «человека сначала вздергивали на дереве или на виселице, а потом наносили ему удар копьем»⁸⁴. Как уже отмечалось, повешение и расстрел (а также закалывание в обряде поклонения Одину) как способы ритуального умерщвления характерны для обрядов поклонения хтоническим демонам и божествам, семантически связанным с подземным (загробным) миром. То же самое можно сказать и о ритуальном утоплении, ставшем чрезвычайно распространен-

⁸⁰ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения... Т. II. С. 262.

⁸¹ ПВЛ. Ч. I. С. 24.

⁸² Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко. М., 1988. С. 78.

⁸³ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 113.

⁸⁴ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 333.

ным способом расправы в средневековой Руси⁸⁵.

Таким образом, умерщвление посредством повешения и расстрела, символизирующего поражение небесным громом в сочетании с предсмертными истязаниями, имитирующими загробные муки, чинимые дьяволом, являются элементами единого языческого обряда. Цель его состояла в ритуальном предании врага/преступника в полное распоряжение черта, дьявола, божества преисподней.

Поклонение могущественным и свирепым божествам хаоса, смерти, загробного мира, имеющим множественные ипостаси, символы и атрибуты⁸⁶ – самое обычное и распространенное явление в истории древних народов⁸⁷. Посвящаемые им жертвы, в том числе и человеческие, носят, как правило, умиловительный характер и призваны «насытить кровожадных богов с тем, чтобы те не искали себе новых жертв»⁸⁸. Ведь нередко общественные бедствия и разного рода неудачи воспринимаются как свидетельство божьего гнева, причиной которого явились чьи-либо преступные деяния, раздражающие богов. Именно люди, совершившие такие деяния, должны были стать жертвой, могущей умиловить бога и предотвратить новые беды в будущем.

Подобные представления, как показывают исследования А. Н. Афанасьева, наряду с другими народами были свойственны и славянам. «При различных общественных бедствиях, – пишет ученый, – боги казались раздраженными людскими грехами, карающими какое-нибудь нечестие, и только кровь преступника или его детей и родичей могла отклонить их праведный гнев. Таким образом, умиловительная жертва получила характер казни, следующей за преступлением»⁸⁹. Важно отметить, что в таких случаях адресатом жертвы являются божества и демоны подземного мира, влияющие на жизнь людей через своих слуг – различных чародеев и колдунов⁹⁰. По сведениям западноевропейских средневековых авторов, обычай человеческих жертвоприношений, посвященных Триглаву – божеству, семантически связанному с подземным миром, – существовал у балтийских славян⁹¹.

Возникает вопрос: может ли предполагаемое нами ритуальное зна-

⁸⁵ См.: Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. М., 1995. С. 168-175.

⁸⁶ Голан А. Миф и символ. М., 1993. С. 188-221.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 196.

⁸⁹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения... Т. II. С. 263.

⁹⁰ Там же. С. 264.

⁹¹ Niederle L. Život starých Slovanů. Praha, 1913. Díl. II. S. 237.

чение расправы Ростиславичей со своими врагами соответствовать реалиям древнерусской эпохи, не будучи чрезмерной архаизацией исторической действительности конца XI в.? Думается, что на этот вопрос можно дать в целом положительный ответ.

Исследователями отмечается бытование на Руси еще в XI в. древнего языческого обычая, связанного с ритуалом отправления на «тот свет» (насильственного умерщвления) общиной некоторой части своих членов. Ритуальному умерщвлению подлежали в зависимости от обстоятельств немощные старики, иные физически неполноценные члены коллектива, а также все те, кого подозревали во вредоносных чарах⁹² и, таким образом, считали врагами. Некогда этот обряд «неукоснительно и без всяких ограничений и исключений» соблюдался общиной. Однако в XI в. к нему прибегали лишь в исключительных случаях, во время уже разразившихся бедствий и состоявшихся катастроф в надежде благополучно преодолеть их и ликвидировать угрозу еще больших бедствий⁹³.

Наиболее ярким примером здесь служат известные события в Ростово-Суздальской земле. Упомянутые в Повести временных лет ростовские волхвы, которые во время голода «убивашета многы жены» как виновниц несчастья, на допросе у Яна Вышатича показали, что они служат «Антихресту», который «седить в бездне»⁹⁴. Умиловительные человеческие жертвоприношения, посвящаемые какому-то могущественному и кровожадному хтоническому божеству, по археологическим данным, совершались до середины X в. в Древлянской земле, будучи, как полагают исследователи, реакцией общины на болезни, мор, угрозу войны и пр.⁹⁵

Не желая принимать идею человеческих жертвоприношений, христиан-летописец стремится порой объяснить действия тех или иных исторических персонажей, убивающих своих врагов, иными мотивами, более приемлемыми с этической точки зрения. Излюбленный прием летописца – свести все дело к акту мщения, ведь кровная месть в Древней Руси была законным способом совершения правосудия⁹⁶. Тем са-

⁹² Вслецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 47.

⁹³ Там же. С. 70-71. – См. также: Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 139-162.

⁹⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 118.

⁹⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 220-223..

⁹⁶ ПР. М.; Л., 1940. Т. I. С. 397, 402. – См. также: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 326-328; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства.

мым затушевывалась неблагоприятная языческая подоплека убийства и наказания вообще. Так поступает древний писатель, рассказывая об убийстве киевской княгиней Ольгой древлянских послов / сватов накануне большой войны с древлянами⁹⁷. Под кровную месть летописец подводит и расправу Яна Вышатича с ростовскими волхвами⁹⁸. Возможно, тот же прием имеет место и в рассказе об убийстве Ростиславичами «своих врагов» – владимирских бояр⁹⁹.

Таким образом, в нашем понимании в основе поведения Ростиславичей, убивающих своих врагов, возможно лежит древний языческий ритуал человеческого жертвоприношения. Видимо, поэтому поступок Ростиславичей получил осуждение летописца-христианина, несмотря на явную личную симпатию его к Василько¹⁰⁰. Осуждение летописцем васильковой «мести» как богопротивного дела выглядит тем более странным, что сама по себе месть, совершаемая людьми в отношении своих врагов, не отрицается летописцем вообще, и даже, наоборот, приветствуется в некоторых случаях, воспринимаемая как «отмщение от бога по правде»¹⁰¹. Это противоречие можно объяснить тем, что летописец усматривал в поступке Ростиславичей деяние, фактически расходящееся с идеей мести, превосходящее ее своим значением и по существу связанное с тем, что всегда вызывало его неприятие и осуждение как наследие «поганского» прошлого.

Жертвоприношение Ростиславичей носит умиловительный характер, что соответствует широко представленному в религии многих народов, достигших стадии поздней первобытности, умиловительному (пропициальному) культу¹⁰². Вспомним об обычае древних сла-

М., 1949. С. 486; Гейман В. Г. Право и суд // Культура Древней Руси. Домонгольский период. Т. II. Общественный строй и духовная культура / Под ред. Н. Н. Воронина и М. К. Каргера. М.; Л., 1951. С. 55.

⁹⁷ См.: Фроянов И. Я. 1) О событиях 945-946 гг. в Древлянской земле и Киеве (в свете этнографических данных) // Историческая этнография: Памяти Р. Ф. Итса / Под ред. А. В. Гадло, Р. Ф. Итса. СПб., 1993; 2) Древняя Русь. С. 63-73.

⁹⁸ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 155.

⁹⁹ Впрочем, в данном случае нельзя полностью исключать и мотив мести. Расправившись со своими врагами, Ростиславичи, как следует из летописи, уходят, оставив на всеобщее обозрение их неубранные трупы (ПВЛ. Ч. I. С. 177-178). – Возможно, здесь сказалось «встречающееся обыкновение выставлять трупы или часть трупов подвергшихся кровной мести в знак ее совершения, что содействовало прекращению вражды» (Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Красневские записки. Вып. 4 / Отв. ред. М. Г. Мейерович. Ярославль, 1960. С. 43).

¹⁰⁰ См. прим. 38 настоящего раздела.

¹⁰¹ ПВЛ. Ч. I. С. 119.

¹⁰² Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 5: Религиозные верова-

вян жертвовать богам преступников, рассчитывая тем самым отвратить их гнев, искупив грехи¹⁰³. Не этой ли цели добивался ослепленный Василько, который, по словам летописца, воспринимал случившееся с ним несчастье не иначе, как следствие божьего гнева: «...на мя богъ наведе (несчастье. – А. М.) за мое възвышенье», – сокрушается князь¹⁰⁴, но при этом отнюдь не ограничивается одним только покаянием перед христианским священником, а, получив свободу, действует в духе языческих традиций.

* * *

Характеризуя позицию летописца, старавшегося скрыть языческую подоплеку поведения Ростиславичей, следует обратить внимание на одно важное разночтение в тексте летописной Повести в том месте, где говорится о непосредственных исполнителях убийства владимирских бояр.

В Лаврентьевском и Ипатьевском списках Повести временных лет они названы «Василковичами»: «А заутра, по зори, повесиша Василя и Лазаря и растреляша стрелами Василковичи, и идоша от града»¹⁰⁵. Этот же вариант воспроизводится и большинством других летописей, содержащих Повесть временных лет¹⁰⁶. Между тем, в распоряжении исследователей имеется и другое чтение, содержащееся в Московском великокняжеском своде 1479 г., начальная часть которого, как известно, включает ряд известий, добавленных к Повести временных лет из недошедших до нас древних источников¹⁰⁷. Это чтение представлено в ряде связанных со сводом 1479 г. летописных памятников конца XV – начала XVIII вв. – Московском великокняжеском своде конца XV в., Воскресенской и Ростовской Архивской летописях. Здесь сказано: «И повисивъше их (Лазаря и Василя. – А. М.) отроци Васильковы и растреляша я»¹⁰⁸. Еще один вариант находим в тексте Владимирского ле-

ния. С. 174; Токарев С. А. Ранние формы религии. По указателю.

¹⁰³ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения... Т. II. С. 263.

¹⁰⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 176.

¹⁰⁵ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 268; М., 1998. Т. II. Стб. 242-243.

¹⁰⁶ Там же. Л., 1925. Т. V. Вып. I. С. 156; М., 1965. Т. IX. С. 134; М., 1965. Т. XV. Стб. 186; Л., 1989. Т. XXXVIII. С. 98; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 191.

¹⁰⁷ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М.; Л., 1938. Гл. XXI; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV – XV вв. Л., 1976. С. 152.

¹⁰⁸ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 22; М., 2001. Т. VII. С. 15; Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. II. Прим. 187. – Ростовская Архив-

тописца, составители которого пользовались также сравнительно древними источниками¹⁰⁹. По сообщению Владимирского летописца: «Василко повеле повесити и разстреляти ихъ (Лазаря и Василя. – А. М.)»¹¹⁰.

По своему смысловому содержанию приведенные варианты фактически представляют собой две версии интересующего нас события. В первом случае речь идет о сыновьях Василька Ростиславича (Васильковичах), что соответствует трактовке летописцем расправы над Лазарем и Василем как кровной мести. Во втором же случае говорится о княжих отроках, слугах, дружинниках, и это обстоятельство уже плохо вяжется с концепцией кровной мести, – в памятниках письменности Древней Руси слово «отрок» никогда не употреблялось в прямом значении «сын»¹¹¹. Свидетельство Владимирского летописца, где сам Василько отдает приказание расправиться с боярами, также не соответствует этой концепции, так как здесь ничего не говорится о каких-либо родственниках Василька. Поскольку приведенные версии явно противоречат друг другу, из них надлежит выбрать ту, которая является более достоверной.

На наш взгляд, таковой следует признать версию Московского свода. В пользу этого говорят следующие обстоятельства. Как установлено исследованиями по древнерусской генеалогии, Василько Ростиславич имел всего двух сыновей – Ростислава (Григория) и другого с христианским именем Иван, упоминаемых русскими и польскими источниками¹¹². Разумеется, этот факт не мог быть неизвестен автору летописной Повести об ослеплении Василька, хорошо лично знавшему своего героя¹¹³, и, следовательно, только этих сыновей Василька он мог именовать «Василковичами» в своем рассказе. Однако этому не соот-

ская летопись до настоящего времени остается неопубликованной и нам, к сожалению, не доступна.

¹⁰⁹ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси XIII – XV вв. М., 1983. С. 27; Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 27-30, 36-44.

¹¹⁰ ПСРЛ. М., 1965. Т. XXX. С. 54. – См. также: ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XXIII. С. 27; М.; Л., 1963. Т. XXVIII. С. 24, 179.

¹¹¹ См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. II. Ч. I. Стб. 764-765; СлРЯ. М., 1988. Вып. 14. С. 19-20. – Трудно согласиться и с мнением Н. М. Карамзина, предположившего, что «молодые воины отборной дружины» князя (Василька) могли именоваться как и его сыновья отчеством, взятым от его имени (Васильковичами) (см.: Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. II. Прим. 187).

¹¹² Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurukides russus du Xe au XIIIe siècle // OCh. Roma, 1927. Vol. IX. № 35.

¹¹³ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 91-92.

ветствует грамматическая форма числа подлежащего и сказуемого в тексте первого чтения (версия Лаврентьевской, Ипатьевской летописей и др.) сообщения об убийстве Лазаря и Василя.

Как известно, отличительной особенностью грамматического строя древнерусского языка, характерной для его книжно-письменного типа, являлось устойчивое употребление наряду с единственным и множественным также двойственного числа в системе грамматических числовых противопоставлений¹¹⁴. Поэтому, имея в виду двух сыновей Василька, летописец в своем рассказе о них вместо формы множественного числа – «Василковичи» «повесиша, растреляша, идоша» должен был использовать форму двойственного числа «Василковича» «повеस्ता, растреляста, идоста». На эту закрашивуюся в текст летописи неувязку исследователи почти не обращали внимания. Указавший на нее Л. Е. Махновец остался в недоумении относительно причины данного несоответствия: «...это либо ошибка, либо у Василька было больше сыновей (что очень сомнительно), либо – вероятнее всего – здесь просто речь идет о Васильковых воях»¹¹⁵. Между тем, сомнения рассеются, если мы обратимся к тексту второго чтения сообщения о расправе с боярами (версия Московского свода и др.), где исполнителями убийства названы отроки Василька.

Летописи и другие источники изобилуют примерами того, как именно княжеские слуги, отроки, дружинники являются исполнителями убийства или кровавой расправы, совершаемых по повелению своих хозяев. Приведем только некоторые примеры. По приказу киевской княгини Ольги ее отроки и дружина истребляют древлянских послов во время тризны по Игорю¹¹⁶. Княжескими слугами, выполняющими их волю, являются убийцы Бориса и Глеба¹¹⁷, половецких ханов Итларя и Кытана¹¹⁸, а среди ослепителей Василька летописец отмечает конюхов и овчаря Святополка и Давыда¹¹⁹. Примечателен и тот факт, что убийство и ослепление – это, как правило, дело рук иноплеменников, состоящих на службе у русских князей. Так, свергнутого Владимиром Ярополка лишают жизни два варяга, которые «подъяста и мечьми...

¹¹⁴ См.: Иорданский А. М. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960; Древнерусская грамматика XII – XIII вв. / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1995. С. 264 и след.

¹¹⁵ ЛР. Київ, 1989. С. 152, прим. 16.

¹¹⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 42.

¹¹⁷ Там же. С. 91, 93.

¹¹⁸ Там же. С. 148-149.

¹¹⁹ Там же. С. 173.

подъ пазусе»¹²⁰, другие два варяга по приказанию Святополка Окаянного добивают раненого Бориса: «единъ его извлекъ мечь, пронзе и въ сердцю»¹²¹, его же брата Глеба зарезал повар «именемъ Торчинь»¹²², а ослепление Василька совершил «Торчинь именем Беренди»¹²³.

Княжеские слуги, отроки, дружинники, а также иноплеменники, служащие князьям – это все люди, чуждые общине, не входящие в состав ее членов¹²⁴. Такое положение далеко не случайно. По древней, восходящей к языческим временам традиции, наказание воспринималось на Руси как приобщение к потустороннему миру, что определяло «отношение к палачам как к исполнителям соответствующих обрядов», этим объясняется «ассоциация палачей с колдунами»¹²⁵. По распространенному в народе еще в XIX в. представлению, «палачам не дают причастия, с ними не общались как с “нечистыми” людьми подобно тому, как не общались с иноверцами и еретиками. Показательно вообще, что роль палачей часто отводилась иностранцам (татарам, немцам и т. п.)»¹²⁶.

Все сказанное убеждает в том, что та версия сообщения о расправе с владимирскими боярами, где в качестве исполнителей наказания значатся отроки Василька, не только полностью соответствует исторической реальности, но и, по-видимому, является первичной. Об этом говорит отмеченный выше недостаток в тексте альтернативной версии, приписывающей убийство сыновьям Василька – несоответствие грамматической формы числа фактическому количеству сыновей князя. Очевидно, что подобный недосмотр мог быть допущен лицом, плохо

¹²⁰ Там же. С. 55.

¹²¹ Там же. С. 91; Успенский «сборник XII – XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 50 (Л. 12 г).

¹²² ПВЛ. Ч. I. С. 93; Успенский «сборник... С. 53 (Л. 14 г).

¹²³ ПВЛ. Ч. I. С. 173.

¹²⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 90-98; Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 157. – Добавим к сказанному, что древнерусский термин «отрок» этимологически связывается с понятием «не говорящий», что, по мнению ряда исследователей, первоначально означало «не имеющий права голоса в жизни рода или племени», «не имеющий права говорить (на вече)» (Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь... С. 319; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь... Т. I. С. 611; Цыганенко Г. П. Этимологический словарь... С. 283). – По наблюдениям И. Я. Фроянова, «в древности отроками называли не только детей, но и тех, кто не умел говорить на славянских наречиях – пленников из чужих, неславянских земель» (Фроянов И. Я. Рабство и данничество... С. 92).

¹²⁵ Успенский Б. А. Антиповедение... С. 468.

¹²⁶ Там же. С. 475, прим. 9.

знавшим и самого Василька и вообще далеким от описываемых в Повести событий. Скорее всего, таковым являлся позднейший редактор первоначального текста, скорректировавший смысл авторского сообщения, исходя из собственных соображений идеологического характера, но при этом не слишком удачно справившийся со своей задачей.

* * *

Итак, мы попытались рассмотреть некоторые детали и эпизоды летописного рассказа о волынских событиях 1098 г., в которых отразился их сложный неоднозначный характер.

Внутриобщинные отношения и политическая борьба общин здесь тесно переплетаются с языческой обрядностью и религиозно-мифологическими стереотипами сознания и поведения, что вообще характерно для социально-политических коллизий XI в.¹²⁷ В свете фольклорно-этнографических параллелей удастся выявить скрытый сакральный смысл поступков тех или иных исторических героев, как и поведения всей общины, остающихся непонятными с позиций рационалистического восприятия современного человека.

Религиозно-мифологическими мировоззренческими установками определяется поведение общины, выдающей на расправу врагам своих бояр, ставших причиной постигшей ее неудачи и, таким образом, избавляющейся от их дурного влияния. Языческой обрядовой символикой насыщено сообщение о расправе Ростиславичей с этими боярами, виновниками «зла», причиненного теребовльскому князю Василько. По своему смысловому значению эта акция, с одной стороны, близка к обрядам разоблачения бесовской одержимости и магического искоренения зла, а с другой стороны, может рассматриваться как ритуал человеческого жертвоприношения, одна из форм умиловительного культа.

В любом случае эта акция не укладывается в рамки обычной кровной мести, как то безуспешно пытался сделать позднейший редактор первоначального текста Повести об ослеплении Василька, движимый соображениями христианской этики.

¹²⁷ См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. Гл. 3 и др.

4.

Основные черты политического развития городских общин Волыни и Галичины в первой половине XII в.

Княжение Ярослава Святополчича и его борьба с Мономахом. – Волынь под властью киевских правителей. – Возвышение Галича и успехи Галицкой земли. – К вопросу о местонахождении древнего Галича и пределах городской территории. – Несколько замечаний о времени возникновения Галича.

В первые десятилетия XII в. в истории Юго-Западной Руси завершается период становления внутриобщинных отношений в рамках крепнущей политической организации городов-государств. Источники сохранили несколько важных свидетельств, характеризующих развитие этого процесса и позволяющих также судить о его основных результатах, которые оказались весьма различными для владимирской общины, с одной стороны, перемышльской и тербовльской – с другой.

Новый владимирский князь Ярослав Святополчич после смерти своего отца киевского князя Святополка Изяславича (1113 г.) стал фактически независимым от Киева правителем, и Волынь, таким образом, на некоторое время обрела реальную политическую самостоятельность¹. Это незамедлительно выразилось в самостоятельной и независимой от Киева политике, отвечающей интересам владимирской общины. В 1117 г. владимирский князь предпринимает еще одну (на этот раз последнюю) попытку реализовать то, что так и не удалось сделать его предшественникам в конце XI в. В очередной раз владимирцы, мобили-

¹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 365. – По мнению Б. А. Рыбакова, самостоятельную политику по отношению к Киеву проводил уже Давыд Игоревич в конце XI в. (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 510), но в дальнейшем волынский князь вновь оказался под рукой киевского князя (там же. С. 464).

лизовав все силы, под руководством своего князя попытались восстановить суверенитет «старшего города» над бывшими «пригородами». Внешне это выглядело как новая княжеская «котора».

По сообщению В. Н. Татищева: «Ярославец Святополчич, князь владимирский, как был сам человек безпокойный, к тому подусчаем поляки у Владимира область по Горыню отнять, и для того сделал союз с поляки, чтоб, первое, Ростиславичев владения лишить. И всякими способы соседных ему князей стал обидеть, чтоб дать им к войне причину, о чем ко Владимиру многие жалобы приходили. К тому же умыслил с женою своею, Владимировою внукою, без всякой от нея причины развестись. Владимир первее посылал его увесчевать, но он нимало тому не внимал. Потом позвал его на суд пред князей, но Ярославец отрекся. Тогда Владимир, созвав князей, Давида черниговского и тмутороканских, пошел с войски ко Владимирю. Також послал к Ростиславичам Володарю и Васильку, чтоб к нему шли. И те, не умедля собрав войска, приобсчились. И, пришед, град Владимир оступили кругом, что никого ни из града, ни во град не пусчали. И стояли так 60 дней, не чиня приступа, дабы людей русских невинных не губить»².

Достоверность данного известия подтверждается рядом летописных свидетельств. По сообщению Ипатьевской летописи, «...иде Володимерь на Ярослава к Володимерю, и Давыдь Ольгович, и Володарь, и Василко. И оступиша и оу городе Володимери, и стояша днии шестьдесят»³. По сообщению Никоновской летописи, конфликту действительно предшествовало то, что Ярослав стал притеснять свою жену, внучку Мономаха⁴. Польскими источниками подтверждается связь Ярослава с поляками, вызвавшая бурный рост политических амбиций волынского князя и ответную реакцию со стороны Мономаха⁵. Сам Ярослав Святополчич состоял в родственных отношениях с польским князем: по данным русских и западноевропейских источников, сестра Ярослава Сбыслава была замужем за Болеславом III⁶. Таким образом,

² Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 132.

³ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 284.

⁴ Там же. М., 1965. Т. IX. С. 150.

⁵ Długossii J. Historiae Polonicae libri XII / Ed. A. Przewdziezki. T. 1. Cracoviae, 1873. P. 515-516.

⁶ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 183; Galli Anonymi Cronicae et Gesta Ducum sive Principum Polonorum / Wyd., wstep. i kom. opatrzył K. Maleczynski // MPH. NS. Krakow, 1952. T. II. P. 90; Herboldi Vita Ottonis episcopi Babenbergensis / Wyd. A. Bielowski // MPH. Leopoli, 1872. T. II. P. 74. – См. также: Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 71, 72.

татищевские известия о волынских событиях 1117 г. в целом можно считать заслуживающими доверия.

Важно отметить, что в акции Мономаха принимают участие перемышльский и теребовльский князья Володарь и Василько Ростиславичи, пришедшие к Владимиру с «войсками». Это выглядит как ответная реакция на выдвинутые со стороны владимирцев территориальные претензии к бывшим «пригородам» и тем самым подтверждает факт таких претензий, засвидетельствованный татищевским сводом. Последнее обстоятельство придает всему рассматриваемому конфликту традиционный характер межобщинных столкновений, начавшихся в Юго-Западной Руси еще в середине 80-х годов XI в.

С другой стороны, столкновение между киевской и владимирской общинами из-за территории Погорынья – столь же характерное явление взаимоотношений названных общин конца XI – XII вв., возникавшее всякий раз, когда Волынь выходила из подчинения Киеву⁷. Поэтому «заратившиеся» князья фактически лишь олицетворяют воинские силы возглавляемых ими общин, что в полной мере отражено в источнике: усмирять «беспокойного Ярославца» Мономах идет «с войски», Ростиславичи присоединяются к нему, также «собрав войска». Двухмесячная осада Владимира и нежелание союзников штурмовать город в свою очередь красноречиво свидетельствует о твердой поддержке владимирцев, оказываемой своему князю Ярославу.

Но силы, видимо, были не равны. «Ярославец, видя свое безсилие и в харчах великой недостаток, – продолжает В. Н. Татищев, – выслал вельмож своих и просил о просчении. И как Владимир повелел ему самому придти и просить, Ярославец вскоре то учинил. И, пришед, пал пред ноги Владимира, просил его и всех князей, сидящих со Владимиром, о просчении. Владимир же довольно его наказав словами, чтоб жил с протчими князи в согласии, никого не обидел, с женою чтоб имел любовь по закону, и если кто ему обиду учинит, просил суда, а собою управляться не дерзал, когда же он позван будет к суду в Киев,

⁷ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 108; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. С. 75 и след.; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 368, 390-391; Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X – XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 11-12; Рычк В. М. Формирование территории Киевской земли (IX – первая треть XII в.). Киев, 1988. С. 71-72; Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 90-93; Михайлова И. Б. Городские общины Погорынья в XI – середине XIII вв. // ВСПБГУ. 1994. Вып. 4. С. 8-9.

чтоб приходил, не обинуясь. И, взяв от него на том роту, простил и сам со всеми возвратился в Киев, а протчие князи во свои пределы»⁸.

Таким образом, между князьями был заключен мир. Об этом прямо говорится в сообщении Ипатьевской летописи: «И створи миръ съ Ярославомъ. Ярославу покорившюся, вдарившю челомъ передь стриемъ своимъ Володимеромъ. И, наказавъ его, Володимеръ, о всемъ, веля ему к себе приходи: “Когда тя позову”. И тако в мире разоидошася каждо въ свояси»⁹.

Однако условия этого мира, судя по всему, не удовлетворили ни одну, ни другую сторону, так как носили характер вынужденного компромисса. По сообщению Лаврентьевской летописи, после заключения мира со Святополчицем «отиде Володимеръ от него, сваривъся на нь много»¹⁰. С таким же чувством Мономах, как можно судить по его собственному признанию, начинал поход против Ярослава, «не терпяче злобъ его»¹¹. Выходит, усилия киевского князя были потрачены зря. Ярослав, очевидно, также не был удовлетворен договором и не собирался связывать себя его условиями, воспользовавшись для этого подходящим случаем, что незамедлительно привело к возобновлению конфликта. «Ярославецъ Святополчич, – читаем в Московском великокняжеском своде конца XV в., – отсла от себе жену свою, дочь Мъстиславлю, внуку Володимерю. Володимер же, слышав се и совокупивоя, поиде на нь»¹².

Повторения ситуации минувшего года, когда войска Мономаха и его союзников в бесплодной осаде два месяца держали вольнскую столицу, на этот раз не произошло. Ярослав Святополчич не смог оказать никакого сопротивления и «бежа... из Володимера в Ляхы»¹³. По версии Ипатьевской летописи, он бежал в Венгрию¹⁴. Этой последней отдают предпочтение современные исследователи¹⁵. Нетрудно понять причину этого поступка. В некоторых источниках она недвусмысленно читается в фразе, прибавленной к сообщению о бегстве князя: «...и

⁸ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. С. 132.

⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284-285.

¹⁰ Там же. М., 1997. Т. I. Стб. 191.

¹¹ ПВЛ. Ч. I. С. 162.

¹² ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 28. – См. также: ПСРЛ. М., 2001. Т. VII. С. 24; М., 2000. Т. XV. С. 191.

¹³ Там же. Т. I. Стб. 292.

¹⁴ Там же. Т. II. Стб. 285.

¹⁵ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 151; Голубко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 67.

бояре его и отступиша от него»¹⁶. Новым владимирским князем стал Роман Владимирович, один из сыновей Мономаха¹⁷.

Историки справедливо обращают внимание на свидетельство летописи об отступничестве бояр, связывая с этим немаловажным событием бегство Ярослава¹⁸. Некоторые авторы характеризуют поведение бояр как «измену» своему князю¹⁹ или как «боярский мятеж», начавшийся, «видимо, не без влияния Мономаха»²⁰. Следовать такой интерпретации значило бы неизбежно сводить конфликт лишь к княжеско-боярским отношениям, что неправомерно сужает его социальную основу. В Волынских событиях 1117 – 1118 гг. наряду с княжескими интересами столкнулись политические интересы общин – владимирской, киевской и др. Это наложило свой отпечаток и на характер летописных известий. В Никоновской летописи вместо бояр, отшатнувшихся от Ярослава, значатся вои: «...а воя его (Ярослава. – А. М.) отступиша от него»²¹. Правы те исследователи, кто видит в этом свидетельство участия в конфликте более широких социальных сил, нежели только княжеско-боярские круги²². Поэтому, гораздо более соответствует исторической действительности вывод о том, что Ярослав был вынужден бежать в чужую страну, «лишившись поддержки владимирской общины»²³.

Перемена в отношении владимирцев к своему князю Ярославу – от полной поддержки и совместных действий в условиях вражеской осады до фактического изгнания и лишения княжеского стола – не представляет собой ничего необычного. Подобные случаи здесь уже имели место в недалеком прошлом и были обусловлены непосредственной ре-

¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 285.

¹⁷ Там же. Т. I. Стб. 292.

¹⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1988. Кн. I. С. 392; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 116; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 112; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 56.

¹⁹ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 151. – Ср.: Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 103.

²⁰ Головки А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 67.

²¹ ПСРЛ. Т. IX. С. 150.

²² Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 124; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дисс. Л., 1990. С. 44.

²³ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 546.

акцией общины на то, насколько тот или иной князь в понимании «людей» по своим личным качествам соответствовал основным политическим задачам, стоящим перед общиной, насколько успешно он с ними справлялся. В аналогичной ситуации оказался в свое время Давыд Игоревич: пользуясь поначалу доверием и поддержкой владимирцев, он затем лишился этого и должен был бежать из города. «Причина такого нерасположения, – пишет И. Я. Фроянов, – крылась в неумении Давыда Игоревича княжить, принося благо Владимирской волости. Владимирцы, возглавляемые этим князем, не только не восстановили свою власть над Перемышлем и Теребовлем, но и попали в более тесную зависимость от Киева»²⁴. С тем же основанием сказанное можно было бы отнести и в адрес Ярослава Святополчича.

Поддержка общиной князя естественным образом означала поддержку и сотрудничество с ним бояр, общинных лидеров, и наоборот. Данное обстоятельство хорошо просматривается в источниках применительно к описываемому нами эпизоду. Когда владимирские бояре («вельможи», по выражению В. Н. Татищева) выступают посредниками на переговорах своего князя с Мономахом и его союзниками, Ярославу удается сохранить за собой владимирский стол²⁵, что, видимо, и вызвало досаду Мономаха. О важной и подчас решающей роли бояр, выражающих волю общины в урегулировании княжеских конфликтов, красноречиво свидетельствует уже отмечавшийся нами случай, когда вмешательство киевского духовенства и бояр заставляет Мономаха и его союзников отказаться от намерения лишить Святополка Изяславича киевского стола и пойти на примирение с ним²⁶.

Совсем иное положение сложилось на Волыни в 1118 г. Община была недовольна внешнеполитическими неудачами Ярослава. Предпринятые им меры по восстановлению суверенитета Владимира над территориями Погорынья и будущей Галичины закончились полным провалом и стоили многих жертв. Такой князь не мог больше пользоваться доверием общины. Поэтому от него и отступились бояре – общинные лидеры. Таким образом, поддержка боярами своего князя обусловлена и свидетельствует о поддержке князя со стороны всей общины, «людей», а во время войны – «воев». И, наоборот, отступничество бояр или «советников» дает основание князю быть уверенным, что он не получит поддержки и «воев». Вот почему князь, как сообщает

²⁴ Там же. С. 544.

²⁵ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. С. 132.

²⁶ См.: ПВЛ. Ч. 1. С. 174-175.

Я. Длугош о предшественнике Ярослава на владимирском столе Ярополке Изяславиче, получив предупреждение: «...не хвались советниками и воинами... ибо все с врагом твоим Всеволодом думают и предадут тебя», бежит из своей земли, «имея всех советников и воинов на подозрении»²⁷.

С Ярославом, по-видимому, произошла та же история. Можно предположить, что владимирцы предпочли этому явно неудачливому и потому непопулярному князю другого. Негативное же отношение к Ярославу выразилось, в частности, в прибавлении к его имени суффикса *-ец* – Ярославец, – что несло в себе достаточно определенный уничижительный смысл²⁸. Новым владимирским князем, как мы уже видели, стал сын Мономаха Роман. И хотя при таком правителе Волынь вновь попадала в зависимость от Киева (что, впрочем, и без того до известной степени уже стало свершившимся фактом вследствие военных неудач Ярослава), надо учесть, что Роман, будучи женат на дочери перемышльского князя Володаря Ростиславича²⁹, мог тем самым способствовать урегулированию отношений между владимирской и перемышльской общинами и в дальнейшем соединить оба княжеских стола. Такой прием, как показывают события последующей истории Юго-Западной Руси, владимирская община и владимирские князья будут использовать (с различным успехом) еще не раз³⁰.

* * *

Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий конца XI – начала XII вв. мы наблюдаем ряд острых политических коллизий, происходящих на юго-западной окраине Руси. Их основное содержание раскрывается двояко. С одной стороны – это борьба местных общин за выход из подчинения Киеву и ответные меры, предпринимаемые под руководством киевских князей по восстановлению политического влияния в регионе «матери градов русских». С другой стороны, это – столкновение политических интересов местных общин, прежде всего, владимирской, перемышльской и теребовльской, когда владимирцы изо всех сил старались удержать свой прежний политический статус «старшего города», а их бывшие «пригороды» – добиться полной самостоятельности.

²⁷ Dlugossii J. *Historiae Polonicae*... Т. I. P. 368.

²⁸ См.: Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901. Ч. I. С. 265; Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. II. С. 450.

²⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 197.

³⁰ См. с. 277 настоящей работы.

Эта борьба стоила немалых жертв. Особенно большие потери несла Волынская земля. В конце XI – первой половине XII вв. территория Волыни неоднократно становилась ареной ожесточенных боевых действий, подвергалась опустошительным нашествиям врагов³¹. Неоднократно попадали в осаду жители волынской столицы, города Владимира, терпя при этом «великую нужду»³², страдали и владимирские «пригороды», сохранявшие верность «старшему городу», подвергаясь нередко захвату и разорению³³. Это вело к быстрым сменам князей во Владимире, но никому из них так и не удавалось добиться решения тех задач, которые все острее вставали перед общиной.

В результате силы владимирской общины были подорваны, и это крайне негативно сказалось на ее последующей судьбе. Не выдержав борьбы на два фронта – против Киева и своих мятежных «пригородов» Перемышля и Тереволья – владимирцы были вынуждены уступить политическим притязаниям днепровской столицы в надежде, что киевские князья и киевская община, привыкшие смотреть на Владимир, Перемышль и Тереволья как на города «Русской земли», т. е. подчиненные непосредственно Киеву³⁴, не допустят полного отделения последних и тем самым помогут Владимиру удержать первенство среди остальных городов Юго-Западной Руси³⁵.

Вследствие этого Волынь надолго оказалась под властью Киева, и каждый новый киевский князь «сажал» своих сыновей или других ближайших родичей на владимирский стол. Так, после внезапной смерти Романа владимирским князем стал другой сын Мономаха Андрей (1119 г.)³⁶. Киевский князь Ярополк заменил его другим своим «сыновцем» Изяславом (1136 г.)³⁷. Сменивший Ярополка в Киеве Всеволод Ольгович добился перемены и во Владимире, заменив Изяслава собственным сыном Святославом (1142 г.)³⁸. А когда Изяслав Мстиславич сам занял киевский стол, то тотчас заставил Святослава Всево-

³¹ ПВЛ. Ч. I. С. 135-136, 159, 160, 162, 177-180, 202; ПСРЛ. Т. II. Стб. 284, 287, 304-305, 306.

³² ПВЛ. Ч. I. С. 162, 177, 178, 180, 202; ПСРЛ. Т. II. Стб. 284, 287.

³³ ПВЛ. Ч. I. С. 177, 180; ПСРЛ. Т. II. Стб. 286, 391.

³⁴ Это наглядно проявилось на княжеском съезде в Витичеве (1100), когда киевский князь и его союзники пытались распорядиться Теревольской волостью как частью «Русской земли» (ПВЛ. Ч. I. С. 181).

³⁵ См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 118-119.

³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 285.

³⁷ Там же. Стб. 297.

³⁸ Там же. Стб. 313.

лодовича покинуть Владимир³⁹ и «посадил» там своего младшего брата Владимира⁴⁰.

Хозяйничанье на Волыни киевских князей проявилось также в вольном распоряжении ими владимирскими «пригородами» так, будто дело шло о «пригородах» самого Киева⁴¹. При этом нередко оказывалось, что Владимир и некоторые из его «пригородов» попадали в руки князей, представлявших различные династические линии и даже враждовавших друг с другом. Так, киевский князь Всеволод Ольгович отдает Владимир Изяславу Мстиславичу⁴², а владимирские «пригороды» Берестье, Дорогичин и Черторыйск – своим братьям, черниговским Ольговичам и Давыдовичам⁴³, а затем, посадив во Владимире своего сына Святослава, Всеволод Ольгович отдает Берестье и Дорогичин Владимиру и Изяславу Давыдовичам в знак примирения с ними⁴⁴. Все это не могло не сказаться самым отрицательным образом на развитии волостной структуры Волынской земли, подрывая волостное единство и стимулируя центробежные тенденции.

Таким образом, тяжелым последствием военных неудач конца XI – начала XII вв. и установления тесной зависимости от Киева было для Волыни дальнейшее политическое ослабление. Это выразилось в утрате Владимиром контроля над своими «пригородами» и стремительном разрушении прежней волостной структуры.

Первым среди владимирских «пригородов» встал на путь самостоятельности Луцк, что к середине XII в. уже стало свершившимся фактом⁴⁵. Следом собственными княжениями обзавелись еще несколько волыньских городов, бывших «пригородов» Владимира. Среди них – Берестье, Червен, Белз, Бужск, Черторыйск, Дорогичин⁴⁶. Возникновение княжений в упомянутых городах рассматривается исследователями «как этап на пути приобретения самостоятельности и как проявление заметно продвинувшейся вперед консолидации местных общественных

³⁹ Там же. Стб. 330.

⁴⁰ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 123.

⁴¹ См.: Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 129.

⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 310.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Стб. 312, 313.

⁴⁵ См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 125-127. – См. также: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 366-367, 384-385.

⁴⁶ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 366-368, 375, 380, 387, 388; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 69.

союзов»⁴⁷. К сказанному следует добавить, что подобные факты местной консолидации и стремления к самостоятельности в то же время являются свидетельством слабости общего консолидирующего начала, упадка общего политического центра земли.

* * *

Контрастным фоном политического распада Волынской земли и упадка Владимира выглядит стремительная консолидация и усиление Галичины под властью своего нового политического центра – Галича, который к середине XII в. «выдвинулся вперед, оставив позади бывшие волостные центры – Перемышль и Теребовль»⁴⁸. И когда перемышльский князь Владимирко Володаревич перенес свою резиденцию в Галич (1141 г.)⁴⁹, это явилось свидетельством того, что галицкая община подчинила себе Перемышль, как прежде Теребовль, умножив свои силы перед внешним врагом⁵⁰.

Причинами политического усиления Галича было отмечаемое исследователями его более выгодное географическое и стратегическое положение⁵¹, близость к международному торговому пути, связывавшему Киевскую Русь со странами Западной Европы⁵². Расположенный в центральной части формирующейся Галицкой земли, на большой реке и в плодородной местности, Галич, – по словам Н. Ф. Котляра, – «развивался особенно быстрыми темпами и довольно скоро оттеснил на второй план находившийся в горах, вдали от ядра складывавшейся новой земли Перемышль и так и не ставший крупным феодальным городом и вскоре захиревший Теребовль»⁵³.

Немаловажную роль в развитии города сыграл контроль над находившимися поблизости залежами соли, дававший Галичу важные преимущества экономического порядка⁵⁴. Доходами от продажи соли, по мнению И. П. Крипякевича, активно пользовались галицкие князья для

⁴⁷ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 128.

⁴⁸ Там же. С. 129-130.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 308.

⁵⁰ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 133.

⁵¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 329; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 81.

⁵² См.: Аулик В. В. Историческая топография древнего Галича // Славянские древности. Киев, 1980. С. 145.

⁵³ Котляр Н. Ф. 1) Формирование территории... С. 79; 2) Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 118.

⁵⁴ Крипякевич І. П. Історія України. Львів, 1990. С. 71.

целей своей политики, подкупая наиболее опасных противников⁵⁵. Галицкая соль шла на продажу в другие земли: в Киево-Печерском патерике говорится, что когда во время войны Святополка Изяславича с Володарем и Васильком Ростиславичами в конце XI в. прекратился подвоз в Киев галицкой соли, так как «не пустиша гостей из Галича и лодий с Перемышля», то «соли не бысть во всей Русьской земли»⁵⁶. Это красноречиво свидетельствует о масштабах соляной торговли Галича⁵⁷.

Характерной чертой галицкой общины, всегда выделявшей ее среди прочих городских общин Юго-Западной Руси, была исключительная мощь ее военной организации, галицкого войска, полка, сформировавшегося и с большим успехом проявившего себя еще до появления в Галиче собственного княжения⁵⁸. По сообщению Я. Длугоша, относящемуся к началу XII в., когда перемышльский князь Володарь Ростиславич потерпел тяжелое поражение от польского короля, он бежал в Галич, собрал там новое войско, чем и спас положение⁵⁹. По свидетельству В. Н. Татищева, в 1126 г., когда «заратились» друг на друга перемышльский князь Ростислав и звенигородский Владимирко, судьбу осажденного Звенигорода, брошенного своим князем, решили «Владимирков воевода с тремя тысячами венгров и галичан». Им удалось даже совершить вылазку из города и нанести поражение противнику⁶⁰. В 1138 г. мы видим, как галицкое ополчение идет вместе с киевским князем Ярополком, а также с владимирцами, ростовцами, полочанами, смолянками, переяславцами, туровцами и киянами к Чернигову⁶¹. В отличие от всех других городов, чьи войска участвовали в данной коалиции, Галич не имел своего княжеского стола, и, значит, галицкое

⁵⁵ Там же. С. 72.

⁵⁶ Абрамович Д. И. Киево-Печерський патерик. Київ, 1991. С. 151-152.

⁵⁷ См.: Перхавко В. Б. Киево-Печерський Патерик о торговле солью в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18-20 апр. 1990. Тез. докл. / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1990.

⁵⁸ Самое раннее известие о наличии в Галиче княжеского стола и пребывании князя помещено в источнике под 1140 г. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 304, 306). – По мнению некоторых исследователей, галицкое княжение могло возникнуть после смерти Василька Ростиславича и достаться одному из двух его сыновей (Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 417; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 72).

⁵⁹ Русские известия Длугоша... С. 184.

⁶⁰ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. С. 138.

⁶¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 305-306.

войско управлялось собственными военными предводителями, с успехом заменяющими князя⁶².

Все сказанное свидетельствует о значительном потенциале социально-экономического и политического развития Галича, о том, что здешний «очаг социального развития оказался значительно мощнее», чем в Тереховле, Перемышле и остальных центрах бассейна Днестра и Сана⁶³. Возвышение Галича исследователи связывают также с отмеченным М. Н. Тихомировым масштабным усилением процесса градобразования, происходившим в 40-х годах XII в. и охватившим все древнерусские земли⁶⁴. Это явление, – считает Н. Ф. Котляр, – «в полной мере дало себя знать в западнорусском регионе. Все без исключения города, родившиеся в Галицкой земле в XII в., называются летописью лишь с 40-х годов: Голые Горы, Микулин, Тысьмяница, Ушица (1144), Санок (1150), Болшево, Ярослав (1152), Кучелмин (1159) и т.д.»⁶⁵.

С другой стороны, общие внешнеполитические задачи и совместная борьба с Киевом и Владимиром сплачивали общины старых и новых городских центров Червонной Руси – Перемышля, Тереховля, Звенигорода и Галича. В конце XI – первой половине XII вв. это не раз проявлялось в совместных выступлениях перемышлян и тереховлян под руководством своих князей против общих врагов⁶⁶, что, по видимому, в немалой степени способствовало успеху предпринятых усилий.

Важную роль в политическом усилении Галичины, несомненно, играла суверенная власть местных князей, сравнительно рано сумевших освободиться от политического влияния внешних сил и отстоять свою самостоятельность, последовательно защищая при этом интересы своей земли, которые, таким образом, объективно во многом совпадали с их личными интересами. Это, в частности, проявилось во внешнеполитических мероприятиях Ростиславичей 10 – 20-х годов XII в. Выступив сперва (1117 г.) против владимирского князя Ярослава Святопол-

⁶² В дальнейшем это становится постоянной практикой: возглавляемое собственными воеводами галицкое войско активно участвует в военных действиях далеко за пределами своей земли (Подр. см.: М а й о р о в А. В. Бояре и община Галича в 50 – 70-х годах XII в. // ВСПБГУ. Сер. 2. 1995. Вып. 4. С. 7-8).

⁶³ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 133.

⁶⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 36 и след.

⁶⁵ Котляр Н. Ф. 1) Формирование территории... С. 80; 2) Галицко-Волинська Русь. С. 118.

⁶⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 171, 176-179, 181-182, 202; ПСРЛ. Т. II. Стб. 284, 287.

чича в союзе с Мономахом (что, как мы видели, было ответом на враждебные посягательства Владимира в отношении Перемышля и Теребовля)⁶⁷, они впоследствии оказали ему военную помощь, способствуя тем самым возвращению Ярослава на владимирский стол (1123 г.)⁶⁸. Такая внешне противоречивая политика (если оценивать ее лишь с позиции личных отношений князей) находит объяснение при условии учета именно волостных интересов. В Перемышле и Теребовле больше всего опасались политической связи Волыни и Киева под властью князей одной династической линии, ибо тогда для волостей Приднестровья складывалась крайне опасная расстановка внешнеполитических сил⁶⁹.

Свою роль в политическом развитии Галичины играло и местное боярство. Правда, в событиях начала XII в. оно оказалось несколько в тени, возможно, в силу краткости и отрывочности дошедших до нас известий. Тем не менее, участие бояр в делах своих общин очевидно и подтверждается некоторыми прямыми свидетельствами источников. Во время конфликта перемышльского и звенигородского князей, Ростислава и Владимирка Володаревичей (1126 г.), местное боярство, по свидетельству Я. Длугоша, использовавшего в данном случае какой-то древнерусский письменный источник⁷⁰, приняло активное участие в мирных переговорах, представляя свои общины на съезде в г. Щирце⁷¹. Бояре не смогли договориться о мире, оставшись каждый при своих интересах, и тогда в дело вступили войска⁷². Как уже не раз бывало в подобных случаях, решимость бояр стоять за своего князя и защищать интересы своей общины, заявляемая на переговорах с противниками, подкреплялась мощью воинских сил всей общины.

* * *

Древний Галич давно стал объектом историко-археологического

⁶⁷ См. с. 159-165 настоящей работы.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 287.

⁶⁹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 413; Т. III. С. 42; Пресняков А. В. Княжое право... С. 66; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 57; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 125.

⁷⁰ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 573-574. – Частично данное известие отражено также в татищевском своде (Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. С. 138).

⁷¹ Dlugossii J. Historiae Polonicae... Т. 1. P. 536-537.

⁷² См.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 418-419; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 72.

изучения, раскопки на территории города и в его окрестностях ведутся уже более столетия⁷³. Началом этого изучения стала оживленная дискуссия о местонахождении летописного Галича, разгоревшаяся во второй половине XIX в. и занимавшая многих исследователей⁷⁴. Дело в том, что некогда славный город, столица земли, сильно пострадал во время татаро-монгольского нашествия и постепенно пришел в упадок, в XIV в. он переместился на новое место (на 4 км. вниз по течению р. Луквы)⁷⁵. Здесь, у самого слияния Луквы и Днестра, город существует до нашего времени⁷⁶.

Историки прошлого искали следы древнего Галича в различных местах на пространстве, ограниченном течением Днестра и двух его притоков Луквы и Ломницы. Одни доказывали расположение городища на территории современного города⁷⁷, другие помещали его в окрестностях села Залуквы, где были обнаружены фундаменты нескольких монументальных сооружений древнерусского времени⁷⁸. Однако обе эти версии имели один существенный недостаток – отсутствие каких-либо признаков городских укреплений, а между тем таковые не могли исчезнуть совершенно бесследно. Наконец, в 1890 г. было выдвинуто предположение, что древний Галич располагался на месте другого пригородного села Крылоса (в 4–5 км. к югу от современного города).

Сформулировавший его А. Чоловский указывал, что здесь, на Крылосской горе, сохранились остатки значительных укреплений (тройные земляные валы с юго-запада и пр.), и, кроме того, сама местность обладала естественными защитными свойствами, возвышаясь на 60–70 м.

⁷³ См.: Джеджора О. Формування топографічної структури княжого Галича (історія досліджень) // ГВД. Львів, 1993.

⁷⁴ См.: Ауліх В. В. Концепції про містознаходження давнього Галича в світлі археологічних досліджень // Матеріали звітної наукової сесії Інституту суспільних наук АН УРСР 1971 р. Київ, 1971.

⁷⁵ Ауліх В. В. Историческая топография древнего Галича // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Сб. науч. трудов / Отв. ред. В. Д. Корольюк. Киев, 1980. С. 133.

⁷⁶ Ныне Галич – районный центр Ивано-Франковской области Украины.

⁷⁷ Петрушевич А. Критико-исторические рассуждения о надднестрянском городе Галиче и его достопамятностях // Вестник Народного дома. Львов, 1882–1888. (и отд. – Львов, 1888); Иловайский Д. И. Город Галич на Днестре // Иловайский Д. И. Мелкие сочинения. М., 1880.

⁷⁸ Шараневич И. 1) Стародавній Галич // Зоря Галицька, яко альбум на р. 1860. Львов, 1860; 2) Trzy opisy historyczne staroksiążęcego grodu Halicza w roku 1860, 1880 i 1882 skreślone. Lwów, 1883; 3) O rezultatach poszukiwań archeologicznych w okolicy Halicza w roku 1884 i 1885. Lwów, 1888; Лаврецкий Л. Раскопки под Галичем // Зоря. Львов, 1882. Ч. 9. и др.

над уровнем реки; поселение занимало более компактную территорию и, главное, четко разделялось двойным земляным валом на детинец («город днешний») и предградье⁷⁹. Однако А. Чоловскому не удалось отыскать главного доказательства правоты своей версии – фундаментов упоминающегося в летописи Успенского собора Галича, и поэтому построения историка не получили полного признания. В 1905 г. М. С. Грушевский, подводя итог многолетним поискам, вынужден был констатировать, что «этот вопрос (о местонахождении древнего Галича. – А. М.) все еще остается открытым, и любые категорические высказывания были бы преждевременными»⁸⁰.

Прорыв наступил в результате успешных раскопок экспедиции Музея Научного общества им. Т. Г. Шевченко, проведенных в 1936 г. под руководством Я. Пастернака, когда фундаменты собора были обнаружены⁸¹. Это открытие, подтвержденное дальнейшими исследованиями, привело к тому, что ныне вопрос о локализации Галича практически единогласно решается в пользу Крылосского городища⁸². Установлено, что древний город имел не двухчастную, а трехчастную территориальную структуру: княжеская усадьба, занимающая северную оконечность Крылосской горы, именуемую Золотым Током, «епископская часть», в центре которой располагаются фундаменты Успенского собора XII в., и «окольный город», к которому примыкал расположенный у подножья горы неукрепленный подол⁸³.

⁷⁹ Czolowski A. O położeniu starego Halicza. Lwów, 1890.

⁸⁰ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 468.

⁸¹ См.: Пастернак Я. Галицька катедра у Крилосі (Тимчасове зніомлення з розкопів у 1936 і 1937 р.) // ЗНТШ. Львів, 1937. Т. CLIV. С. I-XXI. – См. также: Пастернак Я. Старий Галич. Краків; Львів, 1944.

⁸² См.: Гончаров В. К. 1) Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. // АП УРСР. 1955. Т. 5; 2) Древній Галич // ВАН УРСР. 1956. № 1; 3) Галич // Археологія Української РСР. Київ, 1975. Т. 3; Ратич О. О. Древнеруські археологічні пам'ятки на території Західних областей УРСР. Київ, 1955. С. 48; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 36-37; Каргер М. К. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. // КСИА АН СССР. 1960. Вып. 81; Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X – XIV вв. // МИА. 1967. № 140. С. 26; Ауліх В. В. 1) З історії доітописного Галича // Дослідження з слов'янонурської археології. Київ, 1976; 2) Историческая топография...; 3) Древнерусский Галич в свете новых исследований // Древнерусское государство и славяне. Мат-лы симпозиума, посвящен. 1500-летию Киева / Ред. кол.: Л. Д. Поболь (и др.). Минск, 1983; 4) Галич // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3; Котляр Н. Ф. 1) Формирование территории... С. 79; 2) Галицько-Волинська Русь. С. 118.

⁸³ Гончаров В. К. Археологічні дослідження... С. 22-23; Каргер М. К.

В науке существует и другой подход к решению проблемы местоположения летописного Галича. Его сторонники полагают, что древний город занимал все то пространство, на котором обнаружены все известные ныне памятники древнерусского времени. Наиболее аргументированно это «широкое» понимание городской территории Галича представлено Б. А. Тимощуком, который считает спор о местонахождении древнерусского Галича слишком затянувшимся оттого, что «исследователи придерживались узкого понимания территории города, без учета его предместий»⁸⁴. «Достаточно познакомиться, – продолжает Б. А. Тимошук, – с планом расположения древнерусских каменных храмов, которые в XII – первой половине XIII в. могли быть построены лишь на территории города, чтобы убедиться в том, что столица Галицкой Руси простиралась от Днестра вдоль берегов рек Луквы и Ломницы более чем на 10 км. На этом пространстве располагаются и современный Галич, и с. Крылос, и другие памятники (например, церковь Пантелеймона), которые исследователями разного направления принимаются за остатки древнерусского Галича»⁸⁵.

Подобного взгляда придерживался еще М. С. Грушевский, насколько можно судить по его осторожным высказываниям. Рассмотрев накопленный исследователями материал, ученый приходит к собственному заключению: «нет ничего невозможного в том, что Галич со своими предместьями (разбросанными, видимо, не плотной массой) занимал с определенными перерывами все пространство от Ломницы до Крылоса и теперешнего Галича»⁸⁶. На основании анализа летописных свидетельств ученый отказался признать местом расположения галицкого детинца Крылосскую гору: «здесь галицкий замок XII – XIII в. стоять не мог – этому совершенно противоречат те летописные указания, которые я привел выше. Здешние замки служили тогда разве что фортификациями города, оборонявшими его с юга»⁸⁷.

Так же, исходя из летописных свидетельств, решал проблему локализации Галича М. Н. Тихомиров. Взгляды ученого с течением време-

Основные итоги... С. 61-69; Аулих В. В. 1) Историческая топография... С. 140-143; 2) О детинце древнего Галича // Древнерусский город. Мат-лы Всесоюзной археологич. конф-ции, посвященной 1500-летию города Киева / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1984.

⁸⁴ Тимошук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 121.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 468.

⁸⁷ Там же. С. 467

ни претерпели значительную эволюцию. Во втором издании своей книги о древнерусских городах автор сообщает читателю, что вопрос о расположении Галича «казался мне разрешенным удачными раскопками, установившими нахождение древних зданий в районе Крилоса... Так я и писал в первом издании своей книги, пока лично не познакомился с местоположением древнего Галича. Теперь мне ясно, что на Крилосе находилась галицкая епископия – “старая кафедра”, а не древний город, так как летопись непосредственно связывает город с рекой Днестром»⁸⁸. Поэтому наиболее вероятной М. Н. Тихомиров считал давно уже высказанную версию, что в древности Галич располагался там же, где и сейчас – при впадении Луквы в Днестр⁸⁹.

Мнение М. Н. Тихомирова вызвало резкое неприятие у новейших исследователей-археологов. Как считает В. В. Аулих, это мнение «объясняется недостаточным ознакомлением ученого с памятником» и потому не может быть принято⁹⁰. Нам представляется, что в данном случае имеет место какое-то недоразумение, возникшее, видимо, еще в самом начале изучения проблемы и приведшее к неоправданному противопоставлению археологических памятников летописным известиям. Нельзя сбрасывать со счетов того факта, что на Крылосской горе открыты не только фундаменты Успенского собора, но и остатки деревянного княжеского дворца, также упоминающегося в летописи⁹¹. В то же самое время, летописный рассказ об обороне Галича в 1230 г. дает основания заключить, что городская территория, защищаемая горожанами во время вражеской осады, начиналась непосредственно от берега Днестра, и река Днестр являлась первым рубежом обороны.

В летописи сообщается об очередной попытке Даниила Романовича силой захватить Галич, улучив благоприятный момент, когда значительная часть галицкого войска во главе с Судиславом Бернатовичем находилась в походе и воевала с мятежным Понизьем⁹². «Данилови же приехавшоу ко Галичю, Галичь бо бе ся затвориль, Даниль же взя

⁸⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 330.

⁸⁹ Там же. С. 330-331.

⁹⁰ Аулих В. В. Историческая топография... С. 136-137.

⁹¹ Пастернак Я. Старый Галич. С. 77-78; Гончаров В. К. Древний Галич. С. 64. – Этот дворец, насколько можно судить о нем по краткому летописному описанию, «ближайшим образом напоминает несколько более поздний дворцовый ансамбль, созданный князем Андреем в Боголюбовском замке» (Воропин Н. Н., Каргер М. К. Архитектура // История культуры древней Руси. М.; Л., 1951. Т. II. С. 281-282).

⁹² Подробнее эти события рассмотрены нами в главе пятой.

дворъ Соудиславль»⁹³. Двор Судислава – одно из поселений, расположенных за пределами городских стен, каких немало обнаружено в окрестностях Галича⁹⁴. Мы не разделяем распространенного мнения, что этот и подобные ему дворы являлись лишь личными усадьбами богатых галицких бояр, их частными загородными владениями⁹⁵. Из дальнейшего летописного сообщения следует, что «дворъ Соудиславль», скорее, представлял собой хорошо укрепленный городской форпост, рассчитанный на длительную оборону. Поэтому здесь были приготовлены значительные запасы оружия и провианта, так что когда двором овладели войска Даниила, то немало удивились тому, сколько тут «корма, и копии, и стрель»⁹⁶. Характер захваченных трофеев, как нам представляется, в гораздо большей степени отвечает военно-оборонительному предназначению двора именно как одного из городских укреплений, подготовленного к размещению большого гарнизона на случай опасности, и плохо соответствует статусу частной загородной усадьбы, пусть даже и принадлежавшей одному из самых влиятельных в городе бояр.

В приведенном известии нам важно обратить внимание на еще одну ценную деталь. «Дворъ Соудиславль», хотя и был расположен за пределами городских стен, видимо где-то поблизости от берега Днестра (так как разграбившие двор войска Даниила сразу же отступили за Днестр), тем не менее, воспринимался не как отдельное поселение, а как часть самого Галича, включался в состав общегородской территории, обороняемой галичанами. Когда летописец говорит, что при виде неприятельского войска «Галичь бо бе ся затвориль», это значит, что «затворился» и приготовился воевать не только городской центр, расположенный на Крылосе, но и все его предместья и пригородные укрепления, являвшиеся в данном отношении единым целым.

В то же время в летописном описании осады Галича понятие «город» выступает и в более узком смысле. После того, как Даниилом был захвачен и разграблен двор Судислава, волынский князь, «видивъ люди своя, яко испилися (исполнилися, по Хлебн. и Погод. сп. – А. М.), не хоте стати въ города, но иде на иноу стороноу Днестра»⁹⁷. В данном случае, надо полагать, «город» – это укрепленный центр Галича, куда

⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 758.

⁹⁴ Довженок В. И. Селища и городища в окрестностях древнего Галича // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4.

⁹⁵ Тимошук Б. А. Восточные славяне... С. 120.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 758.

⁹⁷ Там же.

той же ночью сумел «вбежать» вместе с войском вернувшийся из Познзя Судислав⁹⁸. Романович не решился осаждать главную галицкую твердыню и даже был вынужден отступить на безопасное расстояние (за Днестр). Однако оборона Галича продолжалась, и ее передним рубежом являлось течение реки: «Выехавшимъ же Галичаномъ и Оугромъ и стреляшася на ледоу. Вечероу же бывшоу и ледомъ воставшимъ и реце наводнившись, зажгоша мость на Днестре бизаконьныи лихыи Семьюнько...»⁹⁹.

Получив значительные подкрепления и вновь преодолев Днестр, Даниил начинает новый приступ, «сташа по берегуу Днестра». Как видим, в понимании летописца, городская территория начинается сразу же за берегом реки, отсюда на следующее утро Даниил принимается объезжать город и готовить войска к бою¹⁰⁰. В дальнейшем летописец делает еще одну важную для нас оговорку. Свои многочисленные рати, сосредоточенные под Галичем, волынский князь делит на четыре части («ста на четыре части окресь его»)¹⁰¹. Последнее как бы содержит намек на то, что городские укрепления Галича не представляли собой единого целого, точнее говоря, это не была сплошная непрерывная линия, а, скорее, состоящая из нескольких частей сложная оборонительная система.

О более значительном, чем Крылосское городище, размере городской территории Галича говорят остатки многочисленных каменных сооружений XII – XIII вв., прежде всего церковных, разбросанные на значительном удалении друг от друга¹⁰². Все эти храмы в древности и в последующие века, несомненно, относились к Галичу, а не к какому-либо иному городу или поселению, и в настоящее время все они исследуются как памятники архитектуры древнего Галича¹⁰³. В летописи мы находим подтверждение такому, так сказать, широкому пониманию городской территории днестровской столицы. В 1187 г. перед смертью

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. Стб. 759.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Л. Е. Махновец переводит это известие так: подойдя к Галичу, Даниил «стал, [разделившись] на четыре части, вокруг него». – ЛР. С. 386.

¹⁰² См.: Peleński J. Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej. Kraków, 1914; Раппопорт П. А. Русская архитектура X – XIII вв. // САИ. Вып. Е 1-47. Л., 1982. С. 108-111.

¹⁰³ См., напр.: Иоаннисян О. М. Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство: Художественная культура X – первой половины XIII вв. М., 1988; Лукомський Ю. Архітектурна спадщина давнього Галича. Галич, 1991.

галицкий князь Ярослав Осмомысл, чтобы передать стол любимому сыну Олегу, «созва моужа своя и всю Галичкоую землю, позва же и зборы вся, и монастыря, и нищяя, и силныя, и хоудыя...»¹⁰⁴. Отсюда можно сделать вывод, что в Галиче, кроме расположенного на Крылосе кафедрального Успенского собора, были и другие соборы, а также монастыри, служители которых участвовали в общегородских мероприятиях. Подобное могло быть только при условии широкого понимания городской территории, включая и то пространство, на котором расположены все известные ныне древние памятники.

Таким образом, при решении вопроса о территориальной локализации древнего Галича необходимо учитывать, что в представлении летописца понятие *город Галич* выступает как в узком, так и в широком значении. Первое, судя по археологическим данным, связывалось с крылосскими укреплениями, где располагался центр административного и церковного управления, и где обнаружены следы более ранних поселений. Но в XII – XIII вв., в период расцвета, город значительно превысил свои первоначальные пределы, оброс многочисленными предместьями и форпостами, и в результате возникло новое, широкое понимание городской территории, простиравшейся от Крылоса до самого Днестра.

В данном отношении Галич не представляет собой исключения. Такую же картину наблюдают исследователи древнего Киева, где многочисленные пригородные села, слободы, дворы, княжеские резиденции и монастыри, удаленные от основного городского ядра на 3 - 6, иногда 12 км, составляли с ним единое социальное целое¹⁰⁵. Значительные отложения культурного слоя XI – XIII вв. обнаружены в окрестностях Суздаля (за пределами городских укреплений) вблизи пригородных церквей и монастырей, где вскрыты следы не только отдельных жилых построек, но и целых улиц¹⁰⁶. Древний Теребовль, по мнению исследователей, наряду с ближним и дальним посадами включает в свою структуру также обширное предградье с речной пристанью, селищами и несколькими монастырями¹⁰⁷.

Обобщая приведенные данные, можно согласиться с Б. А. Тимощуком, что социально-топографическая структура древнерусского города, вопреки распространенному мнению, не ограничивалась укреп-

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 656.

¹⁰⁵ См.: Мовчан І. І. Давньокіівська околиця. Київ, 1993.

¹⁰⁶ Седова М. В. Суздаль в X – XV веках. М., 1997. С. 137-145.

¹⁰⁷ Тимощук Б. О. Теребовль – місто Галицької землі // ПТЗ. Київ; Галич, 1998.

ленными поселениями: крепостью-детинцем и посадом-общиной, что вместе с этими двумя составляющими в понятие город включалась и третья, которую формировали разного рода поселения-спутники, монастыри и слободы, расположенные вокруг укрепленной части города¹⁰⁸. И хотя, как нам представляется, подобное определение едва ли можно относить ко всем городам Древней Руси, однако оно вполне уместно применительно к крупнейшим городским центрам, наиболее развитым в социальном и политическом отношениях, к числу которых, несомненно, относился и Галич XII – XIII вв.

* * *

Спорным остается еще один не менее важный вопрос – о времени возникновения Галича. Острая дискуссия по этому поводу разгорелась в последнее время. Решение вопроса затруднено ввиду недостатка упоминаний о существовании города в аутентичных источниках. На страницах летописи Галич появляется очень поздно, впервые город упоминается под 1141 годом в связи с сообщением о смерти князя Ивана Васильковича и переходом власти в Галиче к Владимирко Володаревичу¹⁰⁹. Встречаются и более ранние упоминания Галича, сохранившиеся в ряде письменных источников, однако достоверность их вызывает сомнения у исследователей¹¹⁰. Среди таких упоминаний – уже отмеченный нами рассказ Киево-Печерского патерика о событиях конца XI в.¹¹¹

Недостаток письменных свидетельств в известной степени может быть компенсирован археологическими данными. В результате большой работы, систематически проводившейся на протяжении последних лет, было установлено, что город Галич берет начало от славянского поселения VIII, возможно, даже VII вв.¹¹², о чем свидетельствуют разнообразные находки и, в частности, Крылосский клад серебряных предметов византийского происхождения, датируемый VI – VII вв.¹¹³ Древнее городище располагалось на неприступной Крылосской горе, с течением времени площадь его укреплений постоянно росла, достигнув

¹⁰⁸ Тимошук Б. А. Восточные славяне... С. 118-119.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 308.

¹¹⁰ См.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 465, прим. 4.

¹¹¹ Абрамович Д. І. Києво-Печерський патерик. С. 151-152.

¹¹² См.: Ауліх В. В. З історії долітописного Галича.

¹¹³ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972. С. 196-197.

наибольших размеров в XII – XIII вв. – ок. 50 га¹¹⁴. Сделанные открытия позволили исследователям говорить о существовании длительного «долетописного славянского периода» в истории Галича¹¹⁵, а также ставить проблему изучения истории Галицкой земли в V – X вв.¹¹⁶

С резкой критикой попыток «удревнить» Галич, «доказать, что он возник гораздо раньше первого упоминания о нем в авторитетном источнике – Киевском летописном своде» выступает Н. Ф. Котляр. Главным методологическим просчетом своих оппонентов исследователь считает то, что у них «почему-то оставался в тени ключевой вопрос о времени превращения сельского поселения в подлинный городской центр, т. е. о действительном возникновении города Галича»¹¹⁷. Однако, вопреки ожиданиям, сам Н. Ф. Котляр ответить на поставленный им вопрос не может, поскольку никакими новыми сведениями на этот счет не располагает. Историк ограничивается лишь общими замечаниями, не подкрепленными соответствующими фактическими данными: «...хотя нет оснований сомневаться в том, что поселение на Крылосской горе существовало с VIII – IX вв., вряд ли оно было укреплено (один из определяющих признаков феодального города!) ранее конца XI – начала XII вв.»¹¹⁸.

Новейшие археологические открытия опровергают подобные утверждения. Раскопками 1993–1996 гг. на территории главного оборонительного вала Крылосского городища выявлены три фазы строительства укреплений: X в., XII – XIII вв. и XVI – XVIII вв. Возведение древнейших из них датируется серединой X в. Это был мощный земляной вал высотой до 3 и шириной до 14 м., на вершине которого находилась оборонительная срубная стена шириной 3–3,5 м, дополнительно укреп-

¹¹⁴ А ули х В. В. Историческая топография...; Д ж е д ж о р а О. Проблеми історичної топографії давнього Галича // ЗНТШ. Львів, 1991. Т. ССХХІІ.

¹¹⁵ Т о м е н ч у к Б. П. 1) Три періоди розвитку Галича // Еволюція розвитку слов'янських градів VIII – XIV ст. у передгір'ї Карпат і Татр. Тези доп. Міжнарод. археологічн. конф-ції. Львів, 1994; 2) Три періоди розвитку Галича в світлі нових археологічних досліджень // Тези доповідей української делегації на VI Міжнарод. конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.). Київ, 1996; 3) Три періоди розвитку історичної топографії давнього Галича // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н. е. 36. наук. праць / Відп. ред. Р. В. Терпиловський. Київ, Львів, 1999.

¹¹⁶ А ули х В. В. Населення південно-західного пограниччя Київської Русі. (З історії Галицької землі V—X ст.) // Київська Русь: культура, традиції. 36. наук. праць / Відп. ред. Я. Д. Ісаєвич. Київ, 1982.

¹¹⁷ К о т л я р Н. Ф. Формирование территории... С. 75.

¹¹⁸ Там же. – См. также: К о т л я р М. Ф. Галицько-Волинська Русь. С. 114.

ленная с внутренней стороны системой пустотелых срубов. В середине XII в. на месте этих первоначальных укреплений, пострадавших от сильного пожара, построена новая, более мощная оборонительная система¹¹⁹.

К настоящему времени на территории Крылосского городища открыто свыше 20 жилищно-хозяйственных комплексов середины X – XI вв., что также дает основание говорить о существовании здесь в указанные столетия значительного городского центра. Подобная ситуация отмечается исследователями в связи с развитием других славянских городищ Галицкого Прикарпатья, где в середине X в. возникает группа значительных по площади и сложных по планировке укрепленных поселений типа Крылосского¹²⁰. Некоторые из них являлись «княжескими центрами этих земель», однако в целом они «были славянскими городами-полисами крупного государственного образования хорватов, которое именно в это время достигло наивысшего политического развития»¹²¹.

О древности Галича говорит и расположенная неподалеку Галичина могила, упоминающаяся в летописи под 1206 г.¹²² Там же помещено и интригующее обещание летописца еще раз вернуться к рассказу об этой могиле и о начале Галича, которое, однако, так и осталось не выполненным. Но и того, что сказано летописцем, достаточно, чтобы сделать вывод: в древности Галичину могилу связывали с началом города. «Очевидно, – полагал М. С. Грушевский, – это должна была быть могила какого-то (или какой-то) Галицы – основателя-эпонима города, от которого он будто бы назывался, как Киев от Кия, а отсюда явствует, что начало Галича переносилось в какое-то далекое время»¹²³. Аналогичным образом рассуждал М. Н. Тихомиров: «Название “Галичина могила” указывает на некоего Галича, основателя города, жившего еще в языческие времена, судя по характеру его погребения в виде насыпной могилы»¹²⁴.

¹¹⁹ Баран В., Томенчук Б. Підсумки досліджень Галицької археологічної експедиції в 1991-1996 рр. // ІГЗ. Київ; Галич, 1998. С. 14-15.

¹²⁰ Корчинський О. Про один тип городищ IX – початку XI ст. у Верхньому Подністров'ї // Населення Прутсько-Дністровського межиріччя та суміжних територій. Тези Міжнарод. іст.-арх. семінару. Чернівці, 1994. С. 26-27; Филипчук М. Слов'янський період в історії Пліснеська // ГВД. С. 21-23.

¹²¹ Томенчук Б. П. Три періоди розвитку історичної топографії... С. 300-301.

¹²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 722.

¹²³ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 466.

¹²⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 329.

В результате многолетних поисков исследователи пришли к выводу, что Галичина могила – реально существующий объект, отдельно стоящий курган, расположенный в урочище Качкив в южной части Крылосского городища. В 1883, 1911 и 1934 гг. могила подвергалась археологическим исследованиям, не выявившим, однако, остатков древнего захоронения¹²⁵. Настоящей сенсацией завершилась четвертая по счету попытка проникнуть в тайну знаменитой могилы, предпринятая в 1991–1992 гг. экспедицией под руководством В. Д. Барана и Б. П. Томенчука. В центральной части кургана на глубине ок. 2 м. учеными обнаружены следы древнего погребения – остатки деревянного челна, в носовой части которого найден комплекс предметов – снаряжение знатного воина. Следов человеческого захоронения по-прежнему не выявлено, что сегодня может быть объяснено двояко: либо Галичина могила представляла собой кенотаф, либо урна с человеческими останками была утрачена во время строительства блиндажей периода Первой мировой войны, значительно повредивших древнюю насыпь кургана¹²⁶.

По времени обнаруженное захоронение исследователи относят примерно к середине X в., что совпадает с хронологией первоначальных оборонительных сооружений на Крылосе и дает веские основания заключить: «захоронение в челне и сооружение такого большого кургана диаметром 26 м. в наивысшей точке древнего Галича, а также его название и упоминание в летописи указывают на то, что он мог быть сооружен в честь князя – основателя города»¹²⁷. Это тем более вероятно, если учитывать широко распространенную у восточных и западных славян идущую с дохристианских времен традицию почитания могил князей-родоначальников или основателей-эпонимов, подобных Краку в Кракове, Сальверегину в Сандомире, князю Черну (Черному) и княжне Черне в Чернигове и проч.¹²⁸

О существовании галицкого князя, как и самого Галича, еще во времена переселения венгерских племен под предводительством Аль-

¹²⁵ Свистун Ф. И. Галичина могила // Научно-литературный сборник Галицко-Русской матицы. Львов, 1901; Пастернак Я. Старый Галич. С. 51-52.

¹²⁶ Баран В., Томенчук Б. 1) Галичина могила // ГВД. С. 50-52; 2) Підсумки досліджень... С. 11-14.

¹²⁷ Баран В., Томенчук Б. Підсумки досліджень... С. 13.

¹²⁸ Толочко О. П. До питання про сакральні чинники становлення князівської влади на Русі у IX – X ст. // Археологія. 1990. № 1. С. 58; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 215; Шавелев А. С., Шавелев С. П. Черная могила // ВИ. 2001. № 2.

моша в Паннонию (конец IX в.) сообщает средневековый венгерский источник – хроника анонимного нотариуса короля Белы III (1173–1196) «Деяния венгров (Anonymi Gesta Hungarorum)». В одиннадцатой главе памятника, носящей название «О городах Владимире и Галиче (De civitatibus Lodomer et Galicia)» читаем, что из-под Киева Альмош привел венгров к Владимиру (Волынскому), здешний князь откупился от них многими дарами и предоставил заложников. Всего под стенами города венгерские кочевники провели три недели. «А на четвертой неделе вождь Альмош со своими [спутниками] пришел в Галицкую землю (in Galiciam) и здесь выбрал себе и своим [спутникам] место для отдыха. Когда об этом услышал князь Галицкой земли, он вышел навстречу вождю Альмошу босиком со всеми своими вельможами и предоставил в пользование (ad usum) вождя Альмоша различные дары; открыв ворота города Галича, он оказал ему гостеприимство, словно своему господину, отдав ему в заложники единственного своего сына вместе с сыновьями вельмож своего королевства; кроме того, он подарил как вождю, так и его воинам десять наилучших скакунов (fagisii) и триста лошадей с седлами и удилами, три тысячи марок серебра и двести марок золота, а также прекраснейшие одежды. После того, как вождь Альмош пробыл на месте своего отдыха в течение одного месяца в Галицкой земле, ее князь и другие его сотоварищи (consocii) начали просить вождя Альмоша и его знатных [приближенных] (nobiles), чтобы они ушли на запад за [лес] Ховош, на землю Паннонии»¹²⁹.

Хроника венгерского Анонима, сведениями которой мы воспользовались, составлена на рубеже XII – XIII вв. и одной из своих задач имела историческое обоснование претензий венгерских королей на Галицию и Волынь; отсюда ее крайняя тенденциозность в изложении сюжетов русско-венгерских отношений, перенесение реалий более позднего времени на предшествующую эпоху¹³⁰. Достаточно сказать, что упоминающийся в рассказе Анонима Владимир-Волынский, как известно, был основан только в конце X в.¹³¹ и во время описываемых событий

¹²⁹ Цит. по: Ш у ш а р и н В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. Сб. ст. / Ред. кол.: А. А. Зимин, В. Т. Папуто. М., 1961. С. 142-144.

¹³⁰ Ш у ш а р и н В. П. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках // Новосельцев А. П. (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 441-442.

¹³¹ К у ч и н к о М. М. Древний город Владимир на Волыни // Древнерусский город. Мат-лы Всесоюз. научн. конф-ции, посвящ. 1500-летию города Киева / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1984; Толочко П. П. Древнерусский феодальный го-

еще не мог существовать. Вместе с тем, ясно, что в основе сообщения Анонима лежало какое-то древнее народное предание о прохождении венгерских племен через земли Руси, которое «содержало описание столкновения венгров с русским войском с упоминанием их побед над русскими и русских над венграми». В предании сообщалось и об установлении в итоге мирных отношений: «Условиями этого мира были уход венгров с русской земли в Паннонию и предоставление русскими их бывшим противникам помощи продовольствием и другими предметами первой необходимости»¹³².

В 1935 г. в районе Крылоса, на расстоянии ок. 1 км. от древних городских укреплений в лесу Диброва Я. Пастернаком были открыты два венгерских погребения. Это были могилы знатных воинов, захороненных вместе с лошадьми при очень богатом погребальном инвентаре, среди которого выделяются золотые и серебряные украшения, датированные концом IX – началом X вв.¹³³ Открытие Я. Пастернака, безусловно, является важнейшим подтверждением достоверности сообщения хроники Анонима о более-менее длительном пребывании венгерских переселенцев в окрестностях Галича.

Мирно миновав русские земли, венгры должны были стать союзниками русских князей в их внешнеполитических делах, что также находит некоторое подтверждение в источниках¹³⁴. О таком союзе говорит и наличие устойчивых русско-венгерских торговых связей, начиная со времен киевского князя Олега¹³⁵. Видимо, не случайно история перемещения венгров через русские земли и, в частности, мимо Киева, нашла отражение в Повести временных лет, наряду с целым рядом других известий о происхождении и ранней истории Венгерского государства, составленных в доброжелательном и даже дружественном духе¹³⁶.

род. Киев, 1989. С. 64.

¹³² Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения... С. 170-171.

¹³³ Pasternak J. A krylosi (Galicia) magyar sirleletek // АН. Вр., 1937. Vol. 21. 141 о.

¹³⁴ Перени Й. Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами // SSASH. Вр., 1956. Т. II. Vol. 1-4; Пашуто В. Т. Древняя Русь и Венгрия // Славяне и Русь. К 60-летию акад. Б. А. Рыбакова / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1968. С. 346.

¹³⁵ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. Внешняя торговля Древней Руси // ИСССР. 1967. № 3. С. 85-87. – См. также: Петегрич В. М. Из истории экономических и культурных связей Галицко-Волынской Руси в X – XIII вв. (по археологическим данным) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Д. Королук. Киев, 1980.

¹³⁶ См.: Иглои Э. Повесть временных лет о венграх // Slavica. Debrecen, 1963.

Русская летопись датирует поход венгров «мимо Киева горою, еже ся зовет ныне Угорьское» 898 годом¹³⁷.

Последняя дата ныне принимается как дата основания Галича, в связи с чем в 1998 г. были проведены официальные торжества по случаю 1100-летия города¹³⁸. Между тем, совершенно очевидно, что эта дата, как и вся хронология начальной части Повести временных лет, носит условный характер и может считаться лишь весьма приближительной. Известно, что еще за десять лет до этого, в 889 г., потерпев поражение от печенегов, венгры покинули пределы Поднестровья и перебрались к Нижнему Дунаю, к границам Болгарии, а в 895–896 гг., потерпев новое поражение от объединенных болгаро-византийских сил, осуществили свою последнюю миграцию, переселившись в Паннонию¹³⁹. Следовательно, пребывание их на территории, занятой восточнославянскими племенами, в том числе перемещение мимо Киева и, соответственно, мимо Галича нужно датировать более ранним временем¹⁴⁰.

В этой связи не лишены основания выглядят сомнения Н. Ф. Котляра, писавшего: «празднование 1100-летнего юбилея Галича, инициированное местной властью, представляется нелогичным. Основание города следует устанавливать либо по данным археологических источников (как это было сделано в случае с Киевом), и тогда зарождение Галича отстоит от нашего времени на 12, а то и на 13 веков, либо по первому упоминанию в аутентичном источнике, а это 1140-й год»¹⁴¹. Впрочем, и сам Н. Ф. Котляр не достаточно последователен в данном вопросе. Предлагая устанавливать возраст Галича по археологическим источникам (в данном случае этот путь приходится признать единственно правильным), исследователь почему-то забывает им же сформулированное ранее положение, что одним из определяющих при-

Т. III.

¹³⁷ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 21.

¹³⁸ Толочко П. П. Галичу – 1100 років // ІГЗ. Київ; Галич, 1998; Б а р а н В. Д. Галичу 1100 років // Археологія. 1999. № 1.

¹³⁹ Ю р а с о в М. К. Внешнеполитические акции венгров в Центральной Европе во второй половине IX века // Славяне и их соседи. Средние века – раннее новое время. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1999. С. 52–53.

¹⁴⁰ Подр. о начальных этапах истории венгров и, в частности, о так называемом периоде «обретения новой родины» (т. е. времени переселения на запад, в Паннонию) см. в последней работе В. П. Шушарина. – Ш у ш а р и н В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997.

¹⁴¹ К о т л я р М. Ф. Галицько-Волинська Русь. С. 118.

знаков города является наличие укреплений¹⁴².

Действительно, наличие укреплений – один из главных и общепризнанных археологических критериев городского поселения, начиная со времени появления первых административных и оборонительных центров племенных общин¹⁴³. Наиболее ранние укрепления, открытые археологами на Крылосском городище датируются, как уже говорилось, серединой X в. Следовательно, основание Галича как городского поселения мы в праве относить ко времени не ранее указанного рубежа.

¹⁴² Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 75.

¹⁴³ Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М., 1985; Тимощук Б. А. Восточные славяне...

Глава третья.
**УКРЕПЛЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ВЕЧА
И УТВЕРЖДЕНИЕ ПРИНЦИПА
ВЕЧЕВОЙ ДЕМОКРАТИИ
(середина – вторая половина XII в.)**

Известный знаток истории древнерусских городов М. Н. Тихомиров, поднимая проблему борьбы горожан за «городские вольности» в XII – XIII вв., писал: «Историк Древней Руси сталкивается с одним в высокой степени замечательным фактом – несомненным усилением политической роли городов и городского населения. Летописи пестрят указаниями на вмешательство горожан в политические дела. Горожане сажают на княжеский стол своих кандидатов или, наоборот, отказывают некоторым князьям в помощи. На городских площадях разыгрываются бурные сцены, и княжеская власть отступает перед разъяренными народными массами. Это усилившееся значение городского населения в политических делах с наибольшей отчетливостью заметно в крупных городских центрах, подобных Киеву и Новгороду»¹.

Бурный рост вечевого активнoсти в крупнейших городах Древней Руси во второй половине XI – XII вв. отмечал Б. Д. Греков. Этот факт, по мысли ученого, был обусловлен падением значения Киева и ростом местных политических центров, выразившимся в подъеме «политического значения крупных городов». «В этих городах вырастает значение вечевых собраний, с которыми приходится считаться и пригородам и князьям». Последние не только должны были прислушиваться к голосу

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 185.

вечников, но и порой идти им на уступки². Сходные суждения высказывали и другие советские историки старшего поколения, в частности, М. Н. Покровский и П. И. Лященко³, их можно встретить и в работах Л. В. Черепнина⁴.

Наблюдения этих авторов во многом сохраняют свою научную актуальность. Как установлено новейшими исследованиями, в истории Древней Руси, как и любого другого общества, наступает такой период, когда в силу объективных причин, вытекающих из общих закономерностей социально-политического развития, «повышается общественно-устроительное значение князя и дружины», растет престиж княжеской власти, расширяются ее общественные полномочия, что в конечном счете приводит к «аккумуляции князем и дружиной публичной власти»⁵. Причинами, вызывающими подобные изменения, являются интенсивный распад родоплеменных отношений и отмирание прежних социально-политических структур, функционировавших в родоплеменную эпоху, что неизбежно порождало глубокий общественный кризис, столь зримо проявившийся в киевском обществе на рубеже X – XI в.⁶

Но по мере того, как формируются и утверждаются территориально-административные связи, набирает силу городская община, развиваются и крепнут ее организационные структуры, «городская община стремительно превращается в доминанту политического быта, а вече (народное собрание) – в верховный орган власти, подчинивший себе в конечном счете княжескую власть»⁷. Вече, таким образом, в политическом плане начинает играть примерно ту же роль, какая принадлежала народному собранию в период так называемой «военной демократии», т. е. еще в родоплеменную эпоху – верховного органа власти, решающего все главные вопросы политической жизни общины⁸. Отсюда и возникло у некоторых историков представление о возрождении веча в

² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 359, 366-368.

³ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. I. // Покровский М. Н. Избранные произведения в 6-ти кн. М., 1966. Кн. I. С. 147-149; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. Докапиталистические формации. Б. м., 1950. С. 104-105.

⁴ Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII вв. // Изв. 1972. Т. 89. С. 386.

⁵ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 95-96.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 195.

⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 159-160.

конце XI – XII вв. и о его временном замирании в X – начале XI вв.⁹

Первой среди городских общин Древней Руси достигает главенства в политических делах, выразившегося в приоритете веча перед князем, община Киева. В событиях 1068 г., названных И. Я. Фрояновым «общинной революцией», горожане добиваются того, что киевское вече отныне «вводилось в круг высших институтов, направлявших течение общественной жизни» и брало в свои руки дело изгнания и призвания князей, утверждая тем самым «верховенство общины над князем»¹⁰. В полной мере этот принцип реализуется киевлянами три четверти века спустя в событиях 1146 г., когда претендент на киевский стол, чтобы получить его, должен был «целовать крест» «на всей воле» киевлян, т. е. клятвенно обязывался соблюдать все условия, выдвинутые общиной¹¹.

Обязанность князей вступать в договорные отношения с общиной, принимая на себя определенные обязательства, несоблюдение которых влекло за собой лишение стола и изгнание из города – таков результат, к которому тем или иным путем приходит развитие отношений князя и городской общины Древней Руси¹². Можно также сказать, что право «вольности в князьях», реализуемое городскими общинами Киева, Новгорода, Переяславля, Смоленска, Полоцка, Владимира, Ростова, Суздаля и др. в XII – начале XIII вв.¹³ – один из главных итогов политического развития общины в домонгольский период.

⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 361-362; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 222; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме... С. 386.

¹⁰ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 194-195.

¹¹ Там же. С. 271-272.

¹² С середины XII в. такая практика получает повсеместное распространение. – См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 38-40; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 139-141; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 210 и след.; Ключевский В. О. 1) Курс русской истории. Ч. I // Ключевский В. О. Сочинения в 8-ми т. М., 1956. Т. I. С. 191-192; 2) Терминология русской истории // Там же. М., 1959. Т. VI. С. 185-186; Довнар-Запольский М. В. Вече // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., б. г. Т. I. С. 244-246; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 126; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Киевская Русь // Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 401-404; Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М., 1991. С. 49 и след.

¹³ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 130-137.

1.
**«Общинная революция»
и начало становления
демократического принципа
государственного устройства.**

К вопросу о значении внешнего фактора в политической эволюции волостных общин Юго-Западной Руси. – Внешний фактор в политике Владимирка Володаревича. – Выступление галичан 1145 г. и начало борьбы за право «вольности в князьях». – Общины Галича и Киева в XI – XII вв.: черты сходства и особенности. – Данные летописной терминологии о составе участников политических выступлений вечевой общины. – Итоговые замечания.

Уже в конце XI в. становится очевидным фактом рост вечевой активности во Владимире-Волынском. Владимирское вече в ряде случаев «предстает на страницах летописи как сложившийся и устоявшийся политический институт, как основной элемент социально-политической структуры владимирской волости-земли»¹. Рассматривая события 1098 – 1099 гг. в аспекте развития отношений князя и городской общины, князя и веча, можно вслед за Т. В. Беликовой признать, что «положение князя, его судьба зависели от желания “вечников” “биться” за него»². Однако, дело не в одном только желании. Необходимо учитывать, что как в случае с Давыдом Игоревичем, так затем и в случае с Ярославом Святополчицем (1117 – 1118 гг.), решающее влияние на внутриобщинные отношения и, в частности, на отношения общины с князем оказывал внешний фактор.

Волынская земля тогда была в центре крупных межволостных конфликтов, вела напряженную борьбу со своими внешнеполитическими противниками, а жители волынской столицы Владимира испы-

¹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 120.

² Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дис. Л., 1990. С. 42.

тывали непосредственную угрозу военного поражения и захвата города³. Поэтому неприемлемы однозначные трактовки отношения владимирцев к своим князьям, в частности, к Давыду Игоревичу, как только негативного⁴ или, наоборот, исключительно позитивного⁵. Правильнее было бы говорить, что владимирцы в силу крайне сложной и в целом неблагоприятной внешнеполитической обстановки были вынуждены лавировать между различными силами и для решения собственных политических задач, главной из которых было удержание первенства среди остальных городов Юго-Западной Руси, прибегать к помощи сильнейшего⁶. Иногда помощь сильнейшего покупалась даже ценой собственной независимости.

Видная роль в деле политического самоопределения общины принадлежит боярам. Об этом весьма красноречиво свидетельствует случай с владимирским князем Ярославом Святополчицем, от которого в решительный момент «отступиша» «бояре его»⁷. Это событие не есть лишь частный поступок каких-то лиц боярского сословия, «боярской партии», с которой не поладил князь⁸. В данном случае нужно говорить об акции, предпринятой всей общиной в отношении князя, не оправдавшего ее надежд⁹. Недаром в некоторых источниках говорится об изменении отношения к князю «воев», т. е. всего населения¹⁰. Инициаторами его были бояре, общинные лидеры, а простые «люди», ставшие во время войны «воями», последовали за своими «передними мужами», выражая недоверие князю и отказывая ему в поддержке, что при создавшемся положении было равносильно изгнанию.

Нельзя не заметить, что произошедшая тогда перемена далеко вы-

³ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 177-180, 202; ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 284-285.

⁴ П. А. Иванов полагал, что владимирцы вообще никогда не дорожили Давыдом, и что «земля была сама по себе, а князья сами по себе» (Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. С. 107, 128, 130).

⁵ Как пользующегося постоянной поддержкой населения Волынской земли представляет Давыда М. С. Грушевский (Грушевский М. С. История Украины – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 395).

⁶ Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1908. Т. II. С. 5.

⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 285.

⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения в 18-ти кн. М., 1988. Кн. I. С. 392; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 116-117.

⁹ См. с. 164-165 настоящей работы.

¹⁰ ПСРЛ. М., 2000. Т. IX. С. 150. – См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 124.

ходит за рамки простой замены одного князя другим. По сути дела, речь тогда шла не столько о судьбе княжеского стола, сколько о политическом будущем самой владимирской общины. Ведь на смену Ярославу Святополчичу, проводившему, пусть не совсем удачно, самостоятельную политику, когда Волынь фактически приобрела независимость от Киева¹¹, пришел сын киевского князя Владимира Мономаха¹². В итоге владимирская община надолго оказалась под тяжелой рукой киевских правителей, и эта зависимость крайне негативно сказалась на последующем политическом развитии Волыни¹³.

В таких условиях вообще стало невозможным нормальное внутриполитическое развитие общины, основным содержанием которого было постепенное утверждение приоритета веча как высшего органа власти земли, свободно распоряжающегося княжеским столом. Необходимой предпосылкой для этого должна была стать политическая независимость, полный суверенитет перед внешним миром. Убедительное подтверждение этому представляет история ближайшей соседки Волыни – Галичины, сумевшей отстоять независимость как перед Киевом, так и перед Владимиром и встать на путь самостоятельного развития.

Важное значение в этой связи имеют события 1145 г. в Галиче, нередко называемые историками народным восстанием, бунтом, антифеодальным движением городских низов¹⁴. Не вдаваясь здесь в анализ социальной природы конфликта¹⁵, мы должны подчеркнуть, что для объективной оценки случившегося необходимо внимательно рассмот-

¹¹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 365.

¹² ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 292.

¹³ См. с. 166-168 настоящей работы.

¹⁴ Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 19; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 420; Мавродин В. В. 1) О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве XII – XIII вв. // УЗ ЛГУ. Серия исторических наук. 1939. Вып. 5. С. 3; 2) Народные восстания в древней Руси XI – XIII вв. М., 1961. С. 98, 99; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 178; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI – XIII вв. // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 180-181; Крип'якевич І. П. Галицко-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 53; Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России XI – XVIII вв. М., 1986. С. 34. – Ср.: Толочко П. П. Историчні портрети. Із історії давньоруської і європейської політики X – XII ст. Київ, 1990. С. 203.

¹⁵ Об этом см.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 547-551; Пашин С. С. Червонорусские акты XIV – XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича. Тюмень, 1996. С. 13-15; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 30-35.

реть не только сами эти события, но и сделать это на более широком фоне основных политических процессов, развивавшихся в юго-западном регионе в середине XII в. По верному замечанию М. Н. Тихомирова, «как и в других русских землях, движение галицких горожан начинает развиваться в тесной связи с княжескими усобицами. Борьба между князьями открыла возможности для попыток горожан оказать влияние на выбор князей»¹⁶.

Добавим к этому, что и сами княжеские усобицы, и борьба между князьями зачастую были отражением, внешним проявлением политической борьбы возглавляемых ими городских общин, исход которой во многом мог зависеть и от личных качеств князя, его связей и положения в княжеской среде. Таким образом, внешнеполитический фактор – противоречия и столкновения межволостных интересов и личных амбиций князей – оказывал воздействие на развитие внутриобщинных отношений, в частности, отношений общины с князем, стимулируя или, наоборот, разрушая его основные тенденции. Выше мы говорили о влиянии внешнего фактора на политические судьбы Волынской земли в первой половине XII в.¹⁷ Теперь попытаемся раскрыть и обосновать его влияние на внутриволостное развитие галицкой общины.

* * *

Новый галицкий князь Владимирко Володаревич продолжал политику предшественников, одной из главных целей которой, как справедливо отмечают исследователи, было не допустить усиления основного соперника Галичины – Волыни, что неизбежно создало бы реальную угрозу независимости «Червонной Руси»¹⁸. Подтверждение находим в сообщении Ипатьевской летописи о «котре» Владимирка с киевским князем Всеволодом Ольговичем: «В то же лето роскаторостася Всеволодь с Володимеркомъ про сына, – оже седе сынъ его (Всеволода, Святослав. – А. М.) Володимири, – и почаста на ся искати вины, и Володимерко възверже емоу грамотоу хрестьноюу. Всеволодь же с братею иде на нь»¹⁹. Соединение Волыни и Киевщины под властью одного князя, произошедшее после того, как в 1142 г. Всеволод Ольгович посадил во Владимире своего сына²⁰, было тем более опасным, что киевский князь

¹⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 208.

¹⁷ См. с. 165-168 настоящей работы.

¹⁸ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 423; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 125, 137.

¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 314-315.

²⁰ Там же. Стб. 313.

имел тогда крепкие союзнические связи с Польшей²¹. Все это «создавало очень грозную для Галичины силу» и принудило Владимира к ответным мерам²². Но сказанным нельзя ограничиться в рассмотрении данного вопроса.

Другой не менее важной целью политики галицких князей, как и вообще князей Древней Руси, заставлявшей решать трудные внешнеполитические задачи, было недопущение «разорения» и «погубления» своей земли врагами. Это правило непосредственно вытекает из основного исконного предназначения князя – оберегать землю, обеспечивать ее внешнюю безопасность²³. Князя, успешно справлявшегося с этой задачей, высоко ценили и почитали на Руси. Примером здесь может стать другой галицкий князь Ярослав Осмомысл, «замкнувший на замок» свои рубежи и «славень полкы»²⁴. Обеспечить внешнюю безопасность земли, прежде всего, значило не допустить вторжения превосходящих вражеских сил и крупномасштабных боевых действий на своей территории, неизбежно влекущих за собой тяжелые материальные и людские потери²⁵.

Для этого галицким князьям необходимо было постоянно учитывать расстановку основных внешнеполитических сил, поддерживая, в зависимости от меняющихся обстоятельств, союзнические отношения то с киевским²⁶, то с владими́ро-волы́нским князем²⁷ и, кроме того, принимать активное участие в вооруженных конфликтах за пределами своей земли на стороне сильнейшего²⁸. Давно замечено, что участие в делах такого рода было средством и возможностью легкого обогащения²⁹. Но это было также верным средством военного и политического

²¹ См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С.153-155; Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 73-77.

²² Грушевский М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 423.

²³ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 8-47.

²⁴ См.: Котляр Н. Ф. Ярослав Владимирович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 5.

²⁵ Как известно, в междоусобных столкновениях «князья неуклонно преследовали стратегическую цель, сводившуюся к опустошению земли-волости противника с тем, чтобы подорвать его экономические возможности, ослабить военную мощь и в конечном счете – сломить» (Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 63-64).

²⁶ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 137.

²⁷ Грушевский М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 423.

²⁸ См. с. 252-254 настоящей работы.

²⁹ Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1909. Т. I. С. 613. – По-

усиления. Как показывают новейшие исследования, посредничество и военная «помочь» третьей стороны, помимо очевидных значительных материальных приобретений (военная добыча), нередко вознаграждалась передачей городов и целых волостей, а также другими важными политическими уступками³⁰.

Не вызывает сомнения, что такая политика князя полностью отвечает интересам общины и является важным свидетельством ее внешнеполитического суверенитета. Подтверждением тому является проводимая Галичем с середины XII в. независимая политика в отношении иностранных государств, в частности Византии, что способствовало быстрому росту международного авторитета новой днестровской столицы и ее князей³¹. Говоря о результатах этой политики, надо заметить, что помимо укрепления воинских сил земли и роста ее политического престижа перед внешним миром, создавалась возможность стабильного внутреннего развития, накопления материальных и людских ресурсов, благополучия и процветания. Неудивительно, что всякий успех князя, достигнутый на данном поприще – это и успех общины. Вот почему так высоко ценили в Галиче и вообще на Руси князя Ярослава Осмомысла именно за то, что он «честень в земляхъ, и славень полкы, где бо башеть емоу обида, самъ не ходяшеть полкы своими, [но посылал полки с вое]водами. Бе бо ростроиль землю свою...»³².

Более подробно и точно говорит об этом В. Н. Татищев: «Сей князь (Ярослав Осмомысл. – А. М.) был честен и славен во всех землях. Сам на войну не ходил, но войска его посылал в помочь другим, яко венгром, поляком и русским князем с воеводами. Со всеми князи жил в любви и совете, паче прилежал о устроении земли, и тако всем соседем был страшен. Никто не смел на него нападать, зане воеводы, непрестанно греком, венгром и чехом помогая, искусны в воинстве и храбры в битве были. Земля же его во всем изобиловала, процветала и множилася в людех, зане ученые хитрецы и ремесленники от всех стран к не-

добная практика получила самое широкое распространение и в Галичине. – См. Паши и н С. С. Холопы в Галицкой (Червоной) Руси в XI – XV вв. // Спорные вопросы отечественной истории XI – XVIII вв. Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13-18 мая 1990 г. / Отв. ред. Ю. Н. Афанасьев, А. П. Новосельцев. М., 1990. Ч. II. С. 216.

³⁰ См.: Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 26-27.

³¹ См.: Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская Русь и Византия в XII – XIII вв. (связи реальные и вымышленные) // Южная Русь и Византия. Сборник научн. трудов (к XVIII конгрессу византинистов) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1991.

³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 656.

му приходили и грады населяли, которыми обогосчалась земля Галицкая во всем»³³.

Владимирко Володаревич, конечно, не мог еще иметь таких результатов, как его сын Ярослав. Но он ставил и пытался решать те же задачи: поддерживать союзнические отношения с сильнейшими русскими князьями, участвовать в военных действиях на чужой территории, оказывая «помочь» союзникам, противодействовать соединению Киева и Волыни под властью князей одной династической линии, чревату опасным изменением внешнеполитической конъюнктуры. По свидетельству В. Н. Татищева, «Владимирко галицкий, умирися с братом Ростиславом, обсче с братаничи, Васильковыми детьми, воевались с болгары и греки. И обладав всеми грады до Дуная, мир с греки и болгары учинил»³⁴. Это настолько укрепило силу и авторитет галицкого князя в Червенской земле, что никто из обойденных им младших сородичей уже «не могши силе его противиться»³⁵.

Вполне закономерно, что деятельность Владимирка в целом получила высокую оценку исследователей: «Владимирко много сделал для усиления своего княжества, – пишет А. Я. Ефименко. – Оно расширило свои границы, главным образом вниз по течению Днестра, Прута и Серета до берегов Дуная и Черного моря. Русь прокладывает себе новый путь в Византию взамен старого днепровского, заложенного степными хищниками. Таким образом, Галицкое княжение стало расширять свои торговые сношения, что дало толчок к развитию экономической деятельности и внутри страны, а вместе с тем к увеличению богатства, служащего опорой и для политического могущества»³⁶.

Внешнеполитические задачи галицкого князя и руководимой им общины носили разноплановый характер, в них сочетались подчас противоречивые интересы. Этим и объясняется внешне противоречивая и непоследовательная линия поведения Владимирка в сложной обстановке 40-х годов XII в. Так, в 1140 г. Владимирко, тогда еще перемышльский князь, вместе с княжившим в Галиче Иваном Васильковичем с полной готовностью принимает участие в походе киевского князя Всеволода Ольговича на Волынь, где княжил тогда Изяслав Мстисла-

³³ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений в 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 143.

³⁴ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. // Татищев В. Н. Собрание сочинений в 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 158.

³⁵ Там же.

³⁶ Ефименко А. Я. История украинского народа. Киев, 1990. С. 78-79.

вич³⁷, но затем меняет ориентацию, «привабиша к собе» Изяслава³⁸. В 1142 г. Владимирко по поручению Всеволода вместе с другими князьями идет с войском в Польшу в «помочь» князю Владиславу, родственнику киевского князя; войска возвращаются из похода, «боле вземше мирных Ляховъ, нежели ратных»³⁹. О союзнических отношениях Владимирка со Всеволодом свидетельствует и «хрестьяная грамота», которую галицкий князь «възверже емоу»⁴⁰. Все это, однако, не помешало Владимирко пойти на полный разрыв отношений с Киевом, что, по сути дела, было равносильно объявлению войны⁴¹.

Совершив этот шаг, галицкий князь, видимо, переоценил свои силы, что обернулось большой бедой. Осенью 1144 г. многочисленное войско противника, собранное Всеволодом со всей «Русской земли», к которому присоединились волынский, туровский и смоленский полки, а также половцы и ляхи, вторглось в пределы Галицкой земли⁴². Силы сторон были явно не равны⁴³, и все же галицкое войско сумело оказать сопротивление. Целую неделю галичане сдерживали продвижение войск противника, не позволяя им переправиться через р. Серет, и после того Владимирко, занимая более выгодные позиции, не давал Всеволоду использовать свой численный перевес⁴⁴. В решительный момент дрогнули «галичане» – жители собственно Галича, – бывшие в войске Владимирка: узнав, что противник заходит с тыла и начинает угрожать их городу, галичане «съчнуше рекуче: “Мы сде стоимы, а онамо жены наша возмут!”»⁴⁵ После этого Владимирко был вынужден покориться Всеволоду и заплатить значительную денежную контрибуцию⁴⁶.

³⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 304.

³⁸ Там же. Стб. 306. – См. также: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 423.

³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 310.

⁴⁰ Там же. Т. II. Стб. 314-315.

⁴¹ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 546.

⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 315; Т. I. Стб. 311.

⁴³ У галицкого князя в этом конфликте был только один союзник – «угры», посланные королем Гейзой II (ПСРЛ. Т. I. Стб. 311).

⁴⁴ См.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 424.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 315-316.

⁴⁶ По свидетельству Лаврентьевской летописи, сумма выплаты составила 1200 гривен серебра (ПСРЛ. Т. I. Стб. 312), в Ипатьевской летописи говорится о 1400 гривнах (там же. Т. II. Стб. 316).

* * *

Говоря о неудаче Владимирка, историки не без основания замечают, что «галичане» оказались «не слишком стойки»⁴⁷, что во время распри со Всеволодом проявилось «недовольство галичан своим князем»⁴⁸, что галичане фактически принудили князя заключить мир⁴⁹. Недовольство галичан поведением своего князя, руководившего борьбой с противником, проявилось еще в момент битвы со Всеволодом и в дальнейшем вылилось в открытый конфликт. Нам представляется, что это недовольство, как и недостаток стойкости в решающей битве, были вызваны теми же причинами, что и последовавшие за окончанием войны вооруженное выступление галицких жителей против Владимирка и попытка заменить его другим князем.

Дело в том, что Владимирко Володаревич во время войны повел себя совсем не так, как подобало галицкому князю, т. е. князю, имевшему свой стол в Галиче и, следовательно, считавшему этот город «главным» городом, столицей земли. Вместо того, чтобы употребить все силы на защиту Галича и самому оставаться в «старшем городе», до последнего защищая его от врагов, как в подобных обстоятельствах должны были поступать князья Древней Руси, Владимирко ушел защищать «пригороды» — Теревовль и Звенигород⁵⁰.

Мы, конечно, не хотим сказать, что древнерусские князья в случае нападения врагов ограничивались лишь «сидением» в «старшем городе», оставляя волость беззащитной. Имеется немало фактов, когда князья со всеми силами земли встречали врагов на своих внешних границах («рубезах»)⁵¹. Однако это никогда не делалось за счет безопасности столицы, которая, безусловно, стояла выше безопасности «пригородов». Владимирко же не только сам ушел защищать Теревовль и Звенигород, но еще и увел с собой из Галича часть местного войска («галичан»)⁵². Это было явным ущемлением прерогатив новой столицы «Червоной Руси», фактически брошенной князем на произвол судьбы, ведь обычно в таких случаях, наоборот, «пригороды» оказывали воен-

⁴⁷ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 180.

⁴⁸ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... С. 180.

⁴⁹ Буганов В. И. Очерки... С. 34.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 314-315.

⁵¹ См.: ПВЛ. Ч. I. С. 112, 143-144; ПСРЛ. Т. I. Стб. 403-404; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 40, 44.

⁵² ПСРЛ. Т. II. Стб. 314-315.

ную помощь «старшему городу»⁵³ и даже приносились в жертву ради его спасения⁵⁴.

В Галицкой земле все вышло иначе. Видимо, Галич еще не успел в должной мере укрепить свое положение стольного города. К тому же, большой политический вес сохраняли старые городские центры, как, например, Звенигород, который в рассматриваемое время «сам был уже городом с сильными вечевыми традициями», а его жители «не хотели отвечать за главную городскую общину»⁵⁵.

То же можно сказать и о Перемышле, вблизи которого по-прежнему находилась княжеская резиденция, где Владимирко хранил свои богатства⁵⁶. О выдающейся политической роли Перемышля говорит существование здесь (с конца XI в.) собственного летописания⁵⁷, а также раннее учреждение перемышльской епископии (упоминается Я. Длугошем под 1104 г.; по свидетельству В. Н. Татищева, учрежденная в Перемышле епископия затем была перенесена в Галич)⁵⁸. Все это позволяет согласиться с И. П. Крипякевичем, полагавшим, что в конце XI – первой половине XII в. Перемышль «был, очевидно, важнейшим городом» среди городов Поднестровья и Прикарпатья⁵⁹. Неудивительно, что когда в 1152 г. Галицкая земля вновь подверглась вражескому нашествию, галицкий князь двинул войска на защиту Перемышля, лично возглавив оборону города⁶⁰. Можно согласиться с Т. В. Беликовой, полагающей, что «перемещение столицы из Перемышля в Галич еще не означало полного поражения Перемышля в его соперниче-

⁵³ См.: Сергеевич В. И. 1) Вече и князь. М., 1867. С. 86-97; 2) Древности русского права. Т. II. С. 107-108; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 73-76; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории: С. 240 и др.; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства...

⁵⁴ См.: ПВЛ. Ч. I. С. 177; ПСРЛ. Т. II. Стб. 358-359; НПЛ. С. 32 и др.

⁵⁵ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 135.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 448.

⁵⁷ Перфецкий Е. Перемышльский летописный кодекс первой редакции в складі Хроніки Яна Длугоца // ЗНТШ. Львів, 1928. Т. СХLIX; Львів, 1931. Т. СLII; Исаевич Я. Д. Из истории культурных связей Галицко-Волынской Руси с западными славянами в XII – XIV в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII – XIV вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1974. С. 266; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 101.

⁵⁸ См.: Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X – XIII вв. М., 1989. С. 40-41.

⁵⁹ Крипякевич И. П. Галицко-Волыньське князівство. С. 17.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 448.

стве с Галичем за первенство в земле и несло в себе, в первое время, распространение влияния перемышльской общины на галичан через князя Владимира Володаревича»⁶¹.

Недовольство галичан политической ориентацией своего князя, приведшее к открытому вооруженному выступлению против него, безусловно, не могло обойтись без последствий для отношений общины с князем. Галичане, судя по всему, заставили Владимирка пойти на определенные уступки. И когда в начале 1146 г. киевский князь Всеволод Ольгович во главе огромного войска всех своих союзников вторично вторгся в пределы Галицкой земли и подошел к Звенигороду, Владимирко Володаревич ограничился лишь тем, что направил в помощь звенигородцам воеводу Ивана Халдеевича⁶², а сам с главными силами, как видно, остался в Галиче.

Конечно, нельзя исключать и того, что неприязнь галичан к Владимирко подогревалась его дипломатическими и военными неудачами, приведшими в итоге к фактическому поражению от киевского князя⁶³ и выплате значительной денежной суммы⁶⁴. Однако, и военное поражение, и даже унижающая общину выплата контрибуции врагу сами по себе совсем не обязательно должны были стать причиной для изгнания князя. Вспомним, к примеру, случаи, имевшие место в соседнем Владимире-Волинском с княжившими там Давыдом Игоревичем (1098 г.) и Ярославом Святополчицем (1117 г.). Потерпев крупные военные поражения, стоившие больших жертв земле, князья не были немедленно лишены столов; для этого по их вине должны были произойти еще известные события, усугубляющие ответственность князей⁶⁵. То же можно сказать и о выступлении киевлян против Изяслава Ярославича в 1068 г.: изгнание князя было ответом общины не столько на поражение возглавляемого им войска, сколько на отказ князя продолжить борьбу с половцами, раздав киевлянам оружие из княжеского арсенала⁶⁶. Поэтому, на наш взгляд, нельзя ограничиваться указанием на военную неудачу как на непосредственную причину изгнания.

⁶¹ Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 33.

⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

⁶³ Мавродин В. В. 1) О народных движениях... С. 3; 2) Народные восстания... С. 98; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 546.

⁶⁴ Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 90; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. С. 181.

⁶⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 177-178; ПСРЛ. Т. II. Стб. 284-285.

⁶⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 112, 114-115.

Поводом для выступления стал отъезд Владимирка из Галича на охоту. Воспользовавшись моментом, «послашася Галичане по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ и въведоша к себе в Галичь. Володимиръ же, слышавъ, съвокупи дружиноу, и прииде на нь к Галичю, и ста около города. И, выездяче из города, бяхоуся крепко, и мнози падахоу от обоихъ, и бишася оль 3 недели. В неделю же мясопоусноую, на ночь, выстоупи на не Иванъ с Галичаны, и много бишася. И побиха оу Ивана дружины много, и застоупиша и от града, и нелзе бяше възвратитися емоу оу градъ. И пробеже сквозе полкъ к Доунаю, и оттоуда полемъ прибеже ко Всеволодоу Киевоу. Галичане же всю неделю бишася по Иване с Володимиром, и ноужею отворишася в неделю маслопосноую. Володимеръ же, вшедъ в Галичь, многы люди исече, а иныя по[казни] казньо злою»⁶⁷.

В последнее время историки отказываются от прежних оценок галицких событий 1145 г., отличавшихся, надо сказать, широким разнообразием суждений, порой диаметрально противоположных – от народного восстания «угнетенных простых людей»⁶⁸ до дворцового боярского переворота⁶⁹, – и сходятся на том, что в Галиче имело место вечевое собрание, постановившее заменить проштрафившегося Владимирка другим князем⁷⁰. Тем самым «галицкое вече реализовало свое право изгнания и призвания князей, свойственное вечевым собраниям волостных центров Древней Руси»⁷¹.

К сказанному нам остается добавить, что то был первый случай такого рода в Галицкой земле, первая попытка галицкого веча взять в свои руки дело распоряжения судьбой княжеского стола. В этом мы видим закономерный итог политического развития суверенной галицкой общины, вступившей в середине XII в. в этап постепенного утверждения приоритета веча как высшего органа власти земли. Указанный процесс протекает в форме напряженной политической борьбы, в острых внутриобщинных столкновениях.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 316-317.

⁶⁸ Крип'якевич И. П. Галицко-Волинське князівство. С. 53.

⁶⁹ Савич А. А. Борьба феодалов в Галицко-Волинской Руси // УЗМГПИ. Серия история. 1937. Вып. I. С. 77. – См. также: Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 178.

⁷⁰ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волинской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 137; Пашин С. С. Боярство и зависимое население Галицкой (Червоной) Руси в XI – XV вв.: Канд. дисс. Л., 1986. С. 38; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 135; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 32.

⁷¹ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 549.

За выступлением 1145 г. последовали известные события 1159 г., когда галичане вторично призвали Ивана Берладника на галицкий стол, занятый тогда Ярославом Осмомыслом⁷². По сообщению летописи, галичане прислали к Берладнику послов, «веляче ему всести на коне, и темь словомь поошивають его к собе, рекуче: “Толико явишь стягы, и мы отступимь от Ярослава”»⁷³. Показательно, что община обращается к Берладнику, невзирая на то, что последний только что вместе с половцами и берладниками «повоевал» южное порубежье Галицкой земли⁷⁴. При обычных условиях такой поступок полностью бы отвратил от него галичан. На деле же произошло обратное. Это выдает настойчивое стремление земских сил, использующих всякий удобный случай, добиться права распоряжения княжеским столом и через это возможности влиять на политику своего князя.

Но княжеская власть на первых порах еще достаточно сильна и оказывает решительное сопротивление. С другой стороны, простые общинники, «людье» еще должны приобрести необходимый опыт организованной политической борьбы, преодолеть некоторые стереотипы сознания, определяющие взаимоотношения общины с князем, сложившиеся в период распада родоплеменного строя и становления территориально-административных общественных связей. Поэтому утверждение главенствующей роли веча – длительный и постепенный процесс.

* * *

Подтверждением этому является опыт политического развития киевской общины, история которой гораздо лучше обеспечена источниками. Исследования И. Я. Фроянова, А. Ю. Дворниченко и др. создают необходимую теоретическую основу для сопоставления и сравнительного анализа однотипных социально-политических организмов, какими являлись города-государства Древней Руси⁷⁵.

Нам представляется, что галицкие события 1145 г., рассматривае-

⁷² Подр. см.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 551-557.

⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 498-499.

⁷⁴ Там же. Стб. 497.

⁷⁵ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории; 2) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории; 3) Древняя Русь; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства...; Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993; Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. СПб., 1999.

мые с точки зрения эволюции внутриобщинных отношений, тождественны киевским событиям 1068 г. и открывают собой тот же этап политического развития, в который киевская община вступила на три четверти столетия раньше галицкой⁷⁶. Как в Киеве, так и в Галиче решение веча о замене князя выглядит как непосредственная реакция общины на военные неудачи, постигшие князей⁷⁷. В то же время причины недовольства были глубже и серьезнее. Киевляне смотрели на Изяслава Ярославича как на клятвopеcтyпника, греховность которого стала вредить благополучию общины и была несовместима с занимаемым положением⁷⁸. Галичане же не могли простить Владимирко Володаревичу, что тот в момент смертельной опасности бросил Галич на произвол судьбы, направив все силы на защиту его «пригородов», а по сути основных политических конкурентов – Звенигорода и Теробовля.

И в первом, и во втором случае князь не подчинился решению веча, и вечникам пришлось с оружием в руках отстаивать свою правоту⁷⁹. Княжеская сторона в итоге взяла верх – Изяслав и Владимирко вернули себе киевский и галицкий столы⁸⁰. Сказался, видимо, известный недостаток политической зрелости вечевой общины, решимости до конца отстаивать свои интересы перед князем. Это в полной мере проявилось в колебаниях киевлян в оценке содеянного: «Мы уже зло створили есмь, князя своего прогнавше»⁸¹. Но победа князей не означала полного поражения общины, поскольку и в Киеве, и в Галиче «людьe» добились от князя важных политических уступок: В Киеве это выразилось в переводе городского веча на новое место вблизи Софийского собора и княжеской резиденции⁸², что символизировало вхождение веча «в круг высших институтов, направляющих течение общественной жизни»⁸³. Галицкое вече также, несомненно, упрочило свой политический статус, заставив князя считаться прежде всего с интересами галицкой общины. И когда через год последовало новое вторжение врагов в пределы Галицкой земли, Владимирко Володаревич не рискнул более испытывать

⁷⁶ Детальный анализ киевских событий 1068-1069 гг. и их оценка с точки зрения влияния на дальнейшее социально-политическое развитие киевской общины даны И. Я. Фрояновым (Фроянов И. Я. Древняя Русь. Гл. 4).

⁷⁷ ПВЛ. Ч. I. С. 112, 114; ПСРЛ. Т. II. Стб. 315-316.

⁷⁸ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 184.

⁷⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 114-115; ПСРЛ. Т. II. Стб. 316-317.

⁸⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 116; ПСРЛ. Т. II. Стб. 317.

⁸¹ ПВЛ. Ч. I. С. 116. – См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 195.

⁸² ПВЛ. Ч. I. С. 116.

⁸³ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 194.

судьбу и остался с главными силами защищать Галич⁸⁴, укрепляя тем самым его значение как стольного города.

При всей очевидной схожести киевских и галицких событий, обусловленной общими для всех земель Древней Руси тенденциями политического развития и примерно одинаковым уровнем зрелости вечевой традиции Киева второй половины XI в. и Галича середины XII в., налицо также явные черты различия, отражающие специфику развития регионов. Остановимся на одной из них, на наш взгляд, особенно примечательной.

Изяславу Ярославичу, чтобы вернуть себе киевский стол, понадобилось искать военной помощи извне, так как никто в «Русской земле» такой помощи ему не оказал; только силами польского короля Изяслав смог добиться своего⁸⁵, что дало повод историкам обвинить его в национальной измене⁸⁶. Галицкий же князь Владимирко при аналогичных обстоятельствах сумел обойтись, по сообщению летописи, силами собственной «дружиньы»⁸⁷. Мы полностью разделяем мнение тех историков, кто видит в ней не просто отряд княжеских слуг, его ближайшее окружение⁸⁸, а войско, которое князь собрал по городам Галицкой земли, не желавшим подчиняться вечевому решению «старшего города», иначе говоря, — признавать старшинство Галича⁸⁹. В отличие от Киевской земли, где административно-территориальная структура во второй половине XI в. уже прочно сложилась⁹⁰, а сам Киев опирался на многовековую традицию главного политического центра⁹¹, «Червонная Русь» в середине XII в. переживала болезненный процесс перестройки старых

⁸⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

⁸⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 115-116.

⁸⁶ Костомаров Н. И. Черты... С. 54-58.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 316-317.

⁸⁸ Ср.: Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 19; Мавродин В. В. 1) О народных движениях... С. 3; 2) Народные восстания... С. 98; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 181; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 134-135.

⁸⁹ Пашин С. С. Боярство и зависимое население... С. 38; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 32-33; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 555.

⁹⁰ См.: Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст. Київ, 1991. С. 8-47, 312-315 и др.; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 46 и след.; Рычка В. М. Формирование территории Киевской земли (IX – первая треть XII в.). Киев, 1988. Гл. 2.

⁹¹ См.: Брайчевский М. Ю. Когда и как возник Киев? Киев, 1964; Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 29-62; Михайлова И. Б. Племенные центры Киевского Поднепровья // ВСПБГУ. Сер. 2. 1993. Вып. 1.

административных связей: Галич, бывший теребовльский «пригород», постепенно получал значение «старшего города» земли, подчиняя своему влиянию и Теребовль, и Перемышль, и Звенигород⁹².

Историки, давая оценку выступлению галичан против Владимирка и попытке поменять его на Ивана Берладника, высказывали различные предположения по поводу существовавших тогда отношений между галицким князем и горожанами, так или иначе сопоставляя положение дел в данной сфере, сложившееся в основных политических центрах Руси⁹³. Согласно В. В. Мавродину, в Галиче произошло «восстание горожан, стремившихся отделаться от непопулярного и деспотического князя и пригласить на “стол” другого, связанного определенным договором, “рядом” и обязанного, по-видимому, править, прислушиваясь к голосу горожан, купечества в первую очередь»⁹⁴. В. Т. Пашуто полагал, что галичане «въведоша» к себе Ивана Ростиславича как князя, «видимо полностью принявшего условия горожан»⁹⁵.

Подобные предположения не имеют никакой опоры в источниках и, надо думать, вытекают из достаточно распространенного среди историков представления о равнозначности в социально-политическом отношении галицких событий 1145 г. и известных киевских событий 1146 г.⁹⁶, в ходе которых «кияне» добиваются права принимать князя на киевский стол «на всей своей воле»⁹⁷, т. е. ставить перед князем-претендентом свои условия, обязательные для последнего⁹⁸. Но то был результат длительной борьбы вечевой общины за право «вольности в князьях», итог длительного пути ее политического самоутверждения, занявшего почти столетие⁹⁹. То же самое можно сказать и о вечевых общинах других волостных центров Древней Руси, в частности Новгород¹⁰⁰.

⁹² Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 133.

⁹³ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 178-180; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... С. 180.

⁹⁴ Мавродин В. В. 1) О народных движениях... С. 5; 2) Народные восстания... С. 99.

⁹⁵ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 181.

⁹⁶ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 180; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... С. 180; Пашин С. С. Червонорусские акты... С. 15.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 321-322.

⁹⁸ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 167-171; 2) Древняя Русь. С. 255-306.

⁹⁹ См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. Гл. 4-6.

¹⁰⁰ См.: Фроянов И. Я. 1) Мятёжный Новгород. Очерки истории государств-

Лишь на первый взгляд может показаться уместным сближение галицкой и киевской общины середины XII в., отождествление положения Ивана Берладника в Галиче и Игоря Ольговича в Киеве. Киевляне не захотели быть у Ольговичей, «акы в задничю», – и никто, и ничто не смогло принудить их к этому¹⁰¹. Галичане же, как ни стремились отделаться от «непопулярного и деспотического» Владимирка, как ни хотели иметь у себя «популярного в народе» Берладника¹⁰², ничего не смогли добиться. Должно было пройти еще не одно десятилетие, прежде чем галицкая община смогла политически усилиться и организационно окрепнуть настолько, чтобы воплотить в жизнь свое стремление свободно распоряжаться судьбой княжеского стола, научиться защищать и отстаивать свою волю¹⁰³. Пока же мы имеем все основания говорить о несомненных чертах сходства галицкой общины 40-х годов XII в. и киевской 60-х годов XI в., что и проявилось в рассматриваемых нами событиях.

* * *

Еще одним обстоятельством, роднящим в социальном плане выступление галичан против Владимирка и киевлян против Изяслава, является общий в обоих случаях характер летописных известий. Киевляне и галичане выступают на страницах летописей единой недифференцированной в социальном и ранговом отношениях массой. Это – «кыяне», «галичане», «людые»¹⁰⁴. Рассуждения историков о могущественных боярах и боярских партиях, манипулирующих простыми людьми в собственных узкокорпоративных интересах¹⁰⁵, в данном случае лише-

венности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. Очерк 5; 2) Древняя Русь. Гл. 7.

¹⁰¹ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 322-323.

¹⁰² Мавродин В. В. 1) О народных движениях... С. 5; 2) Народные восстания... С. 98-99.

¹⁰³ Эта цель была достигнута галичанами в событиях 1187 – 1190 гг. – См.: Майоров А. В. Бояре и община Юго-Западной Руси в событиях 1187 – 1190 гг. (к проблеме внутриобщинных отношений в домонгольский период) // Средневековая и новая Россия. Сборник науч. статей. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. М. Воробьев, А. Ю. Дворниченко. СПб., 1996.

¹⁰⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 114-116; ПСРЛ. Т. II. Стб. 316-317.

¹⁰⁵ См.: Костомаров Н. И. Черты... С. 54, 90-91; Савич А. А. Борьба феодалов... С. 77; Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 26; Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX – XIII вв. М., 1966. С. 244-248; Толочко П. П. 1) Древняя Русь. Киев, 1987. С. 87-89; 2) Древнерусский феодальный город. С. 178.

ны достаточного основания¹⁰⁶. Из массы горожан, выступивших тогда против князей, очень трудно вычленил кто-либо и представить особо, в частности, проследить за действиями общинных лидеров, бояр, кто должен был стать в авангарде движения, будучи инициатором тех или иных мер, того или иного решения общины.

Между тем, с течением времени картина начинает меняться. В сообщениях летописей о киевских событиях 1113 и 1146 годов, равно как и галицких 1170 (1173) и 1187-1190 годов община, по-прежнему сохраняя социально-политическое единство¹⁰⁷, представлена уже более широким набором социальных терминов, свидетельствующим о формировании определенных ранговых различий среди ее членов. Наряду с прежними терминами: «кыяне», «галичане», «людье» появляются новые: «мужи», «лепшие мужи» и «бояре»¹⁰⁸, фиксируются имена наиболее видных деятелей общины¹⁰⁹. Все это есть свидетельство дальнейшего развития общины, развития и укрепления ее внутренней организации, что выразилось в росте политической мобильности городских жителей, в стремительном превращении веча в доминанту политической жизни.

Возвращаясь к киевским событиям 1068 г. и галицким 1145 г., мы можем только угадывать по некоторым косвенным признакам участие в них людей, выполнявших роль, объективно соответствующую роли бояр – лидеров общины, инициаторов веча, решения о замене прощтрафившихся князей и затем, после поражения общины, расплатившихся жизнью за содеянное всей общиной. Сын Изяслава Мстислав, войдя в Киев, «исече кыяны, иже беша высекли Всеслава числом 70 чади, а другыя слепиша, другыя же без вины погуби, не испытывавъ»¹¹⁰. Конечно, нельзя согласиться с мнением П. П. Толочко, что «под термином “чадь” или “нарочитая чадь” в летописи всегда имеется в виду дружина или вооруженная личная охрана князя, боярина»¹¹¹. В данном

¹⁰⁶ См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 180-185, 546-551.

¹⁰⁷ Это является основополагающим принципом бытия суверенной городской общины, сохраняющимся все время, пока существует сама община (Фроянов И. Я. Древняя Русь). – Социальное единство в домонгольский период сохраняет также сельская община (Данилова Л. В. Сельская община средневековой Руси. М., 1994).

¹⁰⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 196; ПСРЛ. Т. II. Стб. 321-323, 564.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 325, 564.

¹¹⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 116.

¹¹¹ Толочко П. П. Вече и народные движения в Киеве // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья: Киевская Русь и ее славянские соседи / Отв. ред. В. Д. Корольук. М., 1972. С. 134. – Критику взгляда П. П. Толочко см.: Брайчевский М. Ю. Повстання 1068-1069 рр. у Києві //

случае термин «чадь» употребляется по отношению к «киянам»: «исече кияны числом 70 чади».

Сам этот термин, неоднократно встречающийся в памятниках старославянского и древнерусского языка, был весьма многозначен и мог означать людей вообще или какую-то группу людей (друзей, детей, младших родственников, слуг), состоявших под чьей-либо властью, опекой, покровительством в широком смысле (как частный случай из этого – княжескую или боярскую дружину)¹¹². Называя казненных киевлян «чадью» (подразумевая, очевидно, принадлежность этой «чади» к Изяславу), летописец, видимо, имеет в виду то, что киевляне выразили вернувшемуся из Польши князю свою полную покорность: «Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклоном, и приша князь свой кыяне»¹¹³.

В Галиче наблюдается такое же положение. Владимирко, силой оружия заставивший галичан покориться, «многы люди исече, а иныя по[казни] казнью злою»¹¹⁴. Термины «люди» и «чадь» в приведенных текстах не дают представления об общественном положении казненных, так как относятся к горожанам вообще и могут быть применимы к любой группе и части свободных общинников (за исключением, разве что, княжеской дружины)¹¹⁵. Политическая же роль этих людей достаточно ясна – они лидеры набирающей силу вечевой общины, наиболее активные участники и предводители или, как говорит летописец, «начальники» веча.

В этом убеждаемся из сообщения летописей о звенигородском вече 1146 г. Не желая сражаться за галицкого князя Владимирка и тем признавать старшинство Галича, звенигородцы принимают решение на вече сдать город киевскому князю Всеволоду¹¹⁶. Но, как и в рассмотренных только что случаях с киевлянами и галичанами, звенигородцы в итоге пасуют перед княжеской властью, представленной в лице галиц-

УДЖ. 1979. № 1. С. 82; Фроянов И. Я. 1) Вече в Киеве 1068-1069 гг. // Из истории феодальной России. Статьи и очерки. К 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина / Отв ред. В. А. Ежов, И. Я. Фроянов. Л., 1978. С. 40; 2) Древняя Русь. С. 190.

¹¹² Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. III. Ч. 2. Стб. 1469-1470; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 231-233; Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков) / Под ред. Р. М. Дейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 789.

¹¹³ ПВЛ. Ч. I. С. 116.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 317.

¹¹⁵ См.: Фроянов И. Я. 1) Вече в Киеве... С. 40; 2) Древняя Русь. С. 190.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

кого воеводы Ивана Халдеевича, который «изоима оу нихъ моужа 3, и оуби я, и когождо ихъ, перетень наполю, поверже я изъ града. Темь и загрози имь, и начаша ся Звенигородьци оттоле бити безъ лъсти»¹¹⁷. Некоторые летописи уточняют, что репрессиям подверглись «мужи», «иже беша началници вechю тому»¹¹⁸. Как видим, упомянутые «мужи» были инициаторами вечаевого решения о сдаче города, а по существу выступления против галицкого князя. Простые «люди» пошли за ними на вече как за своими вожаками. Это позволяет историкам заключить, что то были «не простолюдинь»¹¹⁹, что то были местные бояре¹²⁰. С такими выводами можно согласиться.

* * *

Таким образом, то, что современные историки называют «общинной революцией», ломающей прежний порядок общественно-политических отношений, не укладывается в рамки одноразовой акции, единичного события, а является целой чередой раскатов социальной энергии, происходящих один за другим и представляющих собой этап в процессе политического самоопределения городской общины¹²¹.

В различных регионах это происходит в разные сроки. Сравнивая политическое развитие городских общин Галича и Киева, мы видим, что в Киеве потенциал «общинной революции» реализуется на несколько десятилетий раньше, зато в Галиче этот процесс протекает гораздо интенсивнее и укладывается в значительно меньший промежуток времени. Иные результаты дает сравнение исторического пути галицкой и владими́ро-волинской общин. Не сумев в свое время добиться политической самостоятельности, владими́рцы надолго оказались под властью Киева, что сделало невозможным нормальное внутривполитическое развитие общины, далеко отодвинуло перспективы демократических преобразований.

Важным результатом демократических завоеваний, осуществляе-

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ ПСРЛ. М., 1949. Т. XXV. С. 36.

¹¹⁹ Пашуто В. Т. Черты... С. 28.

¹²⁰ Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волинской Руси XI – XIII вв. М., 1955. С. 112.

¹²¹ Этот процесс начинается с момента, когда завершается становление городских волостей (городов-государств) и на первом этапе проходит под знаком борьбы за независимость от Киева. – См. разделы «К истории формирования внутриобщинных отношений. Бояре и община в событиях 80-х годов XI в.» и «Внутриобщинные отношения и политическая борьба в конце XI в. (в свете фольклорно-этнографических параллелей)» второй главы настоящей книги.

мых посредством «общинной революции», становится усиление и рост политического значения боярства. Все более четко определяется роль бояр как лидеров общины, непосредственно связанных с простыми людьми общностью коренных политических интересов. Этим единством сильна община. Оно находит множество проявлений и в военных, и в гражданских делах, направленных на достижение как внутри-, так и внешнеполитических целей¹²². В итоге княжеская власть вынуждена полностью пересмотреть и перестроить свои отношения с общиной. Демократическое начало в государственном строе Древней Руси берет верх над монархическим.

¹²² Подр. см.: Майоров А. В. 1) Бояре и община Галича...; 2) Бояре и община Юго-Западной Руси...

2.

Иван Берладник: Грамота 1134 г., Берладь и берладники

Источники о «берладском князе» Иване Ростиславиче. – Грамота 1134 г.: географический комментарий. – Дипломатический и хронологический комментарий. – Где находилась летописная Берладь. – К вопросу о южной границе Галицкой земли. – «Салтаны» Ярослава Осмомысла в Слове о полку Игореве. – Русское население Нижнего Дуная: берладники, «подунайцы», галицкие «выгонцы».

В течение без малого двух десятилетий на страницах летописей неоднократно встречаются упоминания «берладского князя» Ивана Ростиславича¹. Впервые летопись говорит о нем в известии под 1144 г., когда галичане призвали Ивана, княжившего тогда в Звенигороде, на княжение в Галич, но тот не сумел отстоять галицкий стол в борьбе с Владимирком Володаревичем и бежал на Дунай, а затем в Киев². В 1146 г. покровительствовавший Ростиславичу киевский князь Всеволод Ольгович попытался вернуть ему звенигородский стол, но безуспешно³. Вскоре Всеволод умер, и в жизни Ивана Ростиславича началась новая полоса, когда он превратился в служилого князя, легко и часто меняющего хозяев и свободно перемещающегося по русским землям, не только южным, но и северным. Такая деятельность сделала князя широко известным и прочно закрепила за ним прозвище «Берладник», видимо, потому, что Ивана повсюду сопровож-

¹ Наиболее полные биографические данные о Иване Берладнике см.: Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 102-106; Толочко П. П. Историчні портрети: Із історії давньоруської та європейської політики X – XII ст. Київ, 1990. С. 185-238; Перхавко В. Б. Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1996.

² ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 316-317.

³ Там же. Стб. 329.

ждала боевая дружина, набранная им из числа своевольных подунайских берладников.

В 1146 г. мы видим Берладника на службе у новгород-северского князя Святослава Ольговича⁴, но уже в следующем 1147 г. Иван Ростиславич перебрался к смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу⁵, а в 1148 г. «берладский князь» был уже в Суздале на службе у Юрия Долгорукого⁶. Насколько можно судить, став князем-наемником, Иван Ростиславич не отличался особой верностью своим хозяевам. Когда приютивший его Святослав Ольгович стал терпеть неудачи в войне с Изяславом Мстиславичем, Берладник бросил его, силой отняв при этом 12 гривен золота и 200 гривен серебра под видом платы, причитавшейся за службу⁷.

Наиболее длительные отношения Ивана Берладника связывали с Юрием Долгоруком, однако их пришлось прекратить, когда Юрий стал киевским князем. По просьбе своего зятя, галицкого князя Ярослава Осмомысла, злейшего врага Берладника, Долгорукий согласился выдать Ивана. В цепях его доставили из Суздаля в Киев, однако здесь за него решительно вступилось духовенство во главе с митрополитом, под давлением которого Юрий отменил свое решение и распорядился везти Берладника обратно в Суздаль. По дороге Ивана отбил и увез к себе черниговский князь Изяслав Давыдович⁸.

После смерти Юрия Долгорукого киевским столом завладел новый покровитель Берладника Изяслав Давыдович. Чтобы принудить его выдать Ивана, Ярослав Осмомысл в 1159 г. собрал для похода на Киев целую коалицию с участием поляков и венгров. Не дожидаясь развязки, Берладник бежал к половцам и затем прибыл на Дунай («ста в городехъ Подунаиских»). Отсюда, с Дуная, собрав шеститысячное войско берладников и дождавшись прихода половцев, Иван Ростиславич начал поход на Галич, но не сумел продвинуться дальше пограничных городов Кучелмина и Ушицы⁹. После этой неудачи Берладник возвратился в Киев, и в том же 1159 г. его покровитель киевский князь Изяслав Давыдович совершил новый поход на Галицкую землю, «ища во-

⁴ Там же. Стб. 334.

⁵ Там же. Стб. 338.

⁶ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 28, 215.

⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 338; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 169-170.

⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 488.

⁹ Там же. Стб. 496-497.

лости» Ивану¹⁰. Все это в итоге привело к настоящей войне между Киевом и Галичем, в которой Изяслав Давыдович погиб, а на киевском столе обосновался недруг Берладника Ростислав Мстиславич.

Неудачи не сломили Ивана Ростиславича, и он продолжил борьбу теперь уже и с киевским князем. В 1160 г. берладники напали на расположенный в низовьях Днепра киевский порт Олешье. В погоню за ними киевский князь направил воевод Георгия Нестеровича и Якуна «в насадехъ», и те, «постигше я оу Дциня, избиша я и полонь взяша»¹¹. Последнее известие летописи об Иване Берладнике помещено под 1162 г.: в нем сообщается о трагической гибели князя, находившегося тогда в Фессалониках, отравленного, вероятно, людьми Ярослава Осмомысла¹².

Фигура Ивана Ростиславича Берладника во многих отношениях весьма примечательна. Она привлекала внимание еще наших поздних летописцев, пытавшихся установить происхождение князя, носившего столь странное прозвище¹³. Оценивая наполненный разнообразными приключениями и тяжелыми испытаниями жизненный путь этого необыкновенного героя, современные исследователи отмечают: «Едва ли в истории Древней Руси можно отыскать еще одного такого незадачливого претендента на княжеский стол, такого князя-изгоя, такого князя-авантюриста, такого князя-кондотьера, такого князя – народного вожака, словом, такого колоритнейшего представителя Рюриковичей как Иван Ростиславич Берладник»¹⁴.

Память об Иване Берладнике сохранилась не только в летописях. Образ его, проникнутый сочувствием и симпатией, встречается в некоторых произведениях фольклора. Об этом можно судить по одной украинской колядке, исследованной М. П. Драгомановым, где в поэтической форме отразилась реальная судьба героя. Сперва Берладник гуляет «на лугах, на барз широких», где «горить терновой огник», однако затем его выслеживают и хватают панские слуги¹⁵. Как отмечает

¹⁰ Там же. Стб. 498.

¹¹ Там же. Стб. 505.

¹² Там же. Стб. 519.

¹³ Там же. М., 2000. Т. IX. С. 171. – Источниковедческий анализ этого известия Никоновской летописи проведен В. А. Кучкиным. – Кучкин В. А. Статья 1146/47 г. Никоновской летописи и ее источники // У источника. М., 1997. Вып. 1. Ч. 1.

¹⁴ Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. С. 70.

¹⁵ Драгоманов М. П. Малороссия в ее словесности // Драгоманов М. П. Вибране («...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні»).

М. П. Драгоманов, имя Ивана Берладника – единственное собственное имя, сохранившееся в южнорусских исторических преданиях и песнях «великокняжеских времен»¹⁶.

* * *

Личность Берладника столь же героическая, сколь и загадочная. С его именем связана так называемая Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника, датированная 1134 г. Со времени первой публикации грамоты (1860 г.)¹⁷ она оказалась в центре повышенного внимания исследователей, ей посвящена весьма обширная литература. «Происхождение этого документа, – отмечал в докладе на VIII Археологическом съезде (1890 г.) А. И. Соболевский, – покрыто сказочным туманом»¹⁸. С тех пор прошло уже достаточно много времени, но мало что прояснилось в истории памятника. Одни исследователи отвергают его как безыскусную подделку¹⁹, другие, напротив, доказывают подлинность грамоты и принимают содержащиеся в ней сведения как исторически достоверные²⁰.

Київ, 1991. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 15.

¹⁷ Об истории открытия и публикации грамоты, известной в двух несколько отличающихся друг от друга вариантах, см.: Дашкевич Н. П. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / Под ред. М. Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 366-369.

¹⁸ Соболевский А. И. Грамота кн. Ивапка Берладника 1134 г. // Труды VIII Археологического Съезда. М., 1895. Т. II. С. 173-174.

¹⁹ Соболевский А. И. Грамота...; Богдан И. И. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Труды VIII Археологического Съезда. М., 1897. Т. IV; Panaitescu P. P. Diploma bărlădeană din 1134 și hrisovul lui Iurg Koriatovici din 1347 // RIR. 1932. Т. II. V. 1; Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 82-83; Котляр М. Ф. 1) Русь на Дунаї // УІЖ. 1969. № 9. С. 20-22; 2) Формирование территории... С. 100-106; Spinei V. 1) Zur Geschichte der mittelalterlichen Siedlung Birlad (Südmoldau) im 10. – 14. Jahrhundert // Dacoromania. München, 1977-1978. Bd. 4. S. 67-69; 2) Moldova in secolele XI – XIV. Chisinau, 1994. P. 21; Павлов П. За русского присельствие на Долни Дунав и българо-русские връзки през XI – XII в. // Добруджа. 1986. Сб. 3. С. 12-13; Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X – XVI вв. М., 1996. С. 71-72; Перхавко В. Б. Князь Иван Берладник...; Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь... С. 75-78.

²⁰ Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX – XIII вв. Киев, 1884. С. 207; Дашкевич Н. П. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г.; Пашуто В. Т. 1) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 169-171; 2) Внешняя политика... С. 194;

Приведем текст памятника в том виде, в каком его обычно рассматривают исследователи: «У име отца и сына [и святого духа]: аз, Иванко Ростиславович от стола Галичского, кнезь Берладськы сведчюу купцем [меси]бриськьм да не платет мыт у граде нашем [у Ма]лом у Галичи на изклад, разве у Берлади и у Текучом и о[у г]радох наших. А на исъвоз розным товаром тутошным и угрьським и руським и чес[кым], а то да платет николи жь разви у Малом у Галичи. А кажить воевода. А на том обет. [В лето] от рожьства Христова, тисещу и сть и тридесять и четыре лет месяца мае 20 день»²¹.

По своему языку и орфографии грамота, как было установлено еще А. И. Соболевским и поддержано большинством исследователей, чрезвычайно близка молдавским грамотам XIV – XV вв., испытывающим сильное влияние среднеболгарского языка. Это дает основание думать, что памятник возник или был переписан и отредактирован именно в данное время, поскольку в документах предшествующей эпохи подобные языковые особенности не встречаются. Однако сами по себе приведенные замечания не могут быть доказательством фальсификации. В свое время по этому поводу вполне определенно высказался Д. И. Иловайский: «Что касается языка, то вопрос: какую историю прошла грамота, пока дошла до нас? Очень может быть, что она несколько раз переписывалась, искажалась и подвергалась различным влияниям. Если бы мы имели дело с подлинником, тогда мы судили бы по языку и орфографии»²².

Но даже если признать грамоту позднейшей подделкой, нельзя не видеть, что в основе своей документ отражает реалии той эпохи, к которой он приурочен. Более того, мы можем утверждать, что в нем нет ничего такого, чтобы противоречило нашим представлениям об исто-

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 143; Зимин А. А. Историко-правовой обзор. Грамота Ивана Ростиславовича Берладника // ПРП. Вып. II. С. 30-31; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 437-438; Флоровский А. В. Чешско-русские торговые отношения X – XII вв. // Международные связи России до XVII в. / Ред. кол.: А. А. Зимин, В. Т. Пашуто. М., 1961. С. 75; Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X – XIII вв. Л., 1968. С. 228-229; Брайтчевский М. Ю. Географічні межі Галицького князівства близько 1185 р. (з коментарів до «Слова о полку Ігоревім») // ГГЗ. Київ; Галич, 1998. С. 26-27; Рабинович Р. А. Призрачная Берладь. О достоверности одной фальсификации // Stratum plus. Археологический журнал. [СПб.; Кишинев; Одесса]. 1999. № 5.

²¹ ПРП. М., 1953. Вып. II. С. 26.

²² Протоколы заседания отделения VI: Памятники славяно-русского языка и письма // Труды VIII Археологического съезда. М., 1897. Т. IV. С. 103.

рии Галицкой земли XII в, почерпнутым из достоверных источников или могло быть с их помощью убедительно опровергнуто. Это и не удивительно, ведь подделка (если таковая имела место в XIV – XV вв.) могла возникнуть, скорее всего, с целью подтвердить историческим прецедентом торговые льготы дунайских купцов и поэтому должна была содержать достоверную, не вызывающую сомнений информацию, не могла допускать существенных искажений и модернизаций картины не столь уж далекого и забытого прошлого.

Начнем с реалий. Таковыми в грамоте являются личность князя Ивана Берладника, факт русского присутствия на Нижнем Дунае, международных торговых связей данного региона, названия населенных пунктов. Впрочем, последнее требует дополнительного комментария. Некоторые исследователи отвергают грамоту именно за то, что упоминающиеся в ней города в XII в. еще не существовали. К числу таковых Н. А. Мохов относит Месемврию и Малый Галич²³, Н. Ф. Котляр – Малый Галич и Текучий²⁴, а В. Б. Перхавко прибавляет еще и Берладь²⁵.

Сразу скажем, что сомнения насчет существования в XII в. болгарского города Месемврии (совр. Несебр) лишены всякого основания. Этот город упоминает еще Константин Багрянородный (сер. X в.) в своем описании пути, по которому в империю прибывают «росы»: «...они достигают области Месеврии – тех мест, где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание»²⁶. Как полагают исследователи, в Месемврии оставалась большая часть торговых судов, а также большинство гребцов и воинов, ожидая пока из Константинополя вернуться те послы и купцы, которые имели право проживать и торговать в столице²⁷. Таким образом, еще в X в. Месемврия был крупным и хорошо известным торговым центром. Об этом городе имеются упоминания и в византийских источниках XI в.²⁸

Несколько сложнее обстоит дело в отношении Малого Галича, отождествляемого с современным румынским городом Галацем на Ду-

²³ Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. С. 83.

²⁴ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 101.

²⁵ Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь... С. 76.

²⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 51.

²⁷ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 118 и след.

²⁸ Цанкова-Петкова Г. Съдбата на Българския град под византийско владичество // Средновековният Български град. София, 1980. С. 64.

нае. Но как бы то ни было, нельзя категорически отрицать существование этого города в XII в. В нашем распоряжении имеется свидетельство арабского географа ал-Идриси, автора хорошо известного в средние века произведения «Нузхат ал-муштак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), датируемого 1154 г., в котором, как отмечают современные специалисты, содержится немало ценной информации, в частности, о городах Нижнего Подунавья и Юго-Западной Руси²⁹. Правда, специфика названного источника такова, что работа с ним требует особой осторожности и критического отношения.

Города Юго-Западной Руси упоминаются ал-Идриси в четвертой секции шестого климата «Развлечения...», в первый раз – при характеристике маршрута, ведущего из Польши в Поднестровье: «От Ратислаба (Вроцлава) до Сармали сто миль. От Сармали до Зака двенадцать переходов. От Зака до Бармуни сто восемьдесят миль. От Бармуни до Галисийа двести миль. Бармуни и Галисийа принадлежат к стране ар-Русийа». Далее автор еще раз возвращается к упомянутым городам, уточняя их местоположение и русскую принадлежность: «Из ее (Руси. – А. М.) городов к этой секции относятся Сармали, Зака, Бармуни и Галисийа. Что касается города Сармали, то он стоит к северу от реки Данаст. Эта река течет на восток, пока не достигнет города Зака, между ними двенадцать переходов. От города Зака, который расположен на упомянутой реке, до города Бармуни девять переходов. От Бармуни до [города] Галисийа двести миль». Сармали, Зака, Бармуни и Галисийа являются «наиболее отдаленными» городами Руси, и на всех картах четвертой и пятой секций шестого климата они помещены на левом берегу Днестра, начиная с его верховьев³⁰.

Все исследователи отмечают несоответствие текстового описания и картографических данных ал-Идриси³¹, что крайне затрудняет возможность локализации упоминаемых им объектов. Ясно, что четверку названных в источнике «наиболее отдаленных» русских городов (Сармали, Зака, Бармуни и Галисийа) невозможно полностью разместить по течению Днестра, не входя в противоречие с цифровыми данными о

²⁹ См.: Коновалова И. Г. 1) Арабские источники XII – XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // ДГ. 1990 г. М., 1991. С. 53-57; 2) Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 133-143.

³⁰ Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 133-143.

³¹ Miller K. *Mapae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten*. Stuttgart, 1926. Bd. II. S. 150; Stuttgart, 1927. Bd. VI. Taf. 54-55; Рыбаков Б. А. Русские земли на карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 43; Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь... С. 164, 168.

расстояниях между ними.

Детальное изучение сочинения ал-Идриси показывает, что автору было знакомо только верхнее и среднее течение Днестра, где он и поместил (на карте) известные ему четыре окраинных города Руси; с землями, расположенными южнее, вплоть до Дуная и Черного моря, он не был детально знаком, хотя знал, что они также принадлежали Руси³². Из маршрутного описания следует, что только первые два города, Сармали и Зака, имели непосредственное отношение к Днестру, располагаясь, один «к северу от реки», а другой «на упомянутой реке». Но где могли находиться два других города? И. Г. Коновалова отмечает, что относительно Бармуни и Галисийа ал-Идриси «располагал очень ограниченной информацией, зная лишь, что они являются русскими, причем пограничными населенными пунктами. Поэтому на карте оба города оказались на левом берегу Днестра – там, где для ал-Идриси начиналась русская земля, хотя реально маршрут мог иметь и другое направление»³³.

Это другое направление простирается на юг от Среднего Поднестровья, в область нижнего течения Дуная. Еще в 1865 г. известный знаток галицкой старины А. Петрушевич выдвинул предположение о том, что у ал-Идриси имеется в виду не Галич на Днестре, а Галич на Дунае, о котором говорится в Грамоте Берладника³⁴. Такая интерпретация в дальнейшем была отвергнута, но единственно по причине сомнений в подлинности грамоты³⁵. Неосновательность подобного решения недавно аргументированно показал Р. А. Рабинович: историки отказываются от подтверждения сведений Грамоты Берладника данными независимого источника из-за сомнений в подлинности грамоты³⁶. Налицо явное противоречие с принципами исторического исследования.

Между тем, подтверждение локализации Галисийа именно на Нижнем Дунае можно найти у самого ал-Идриси. В сокращенной редакции его труда, так называемом «Малом Идриси» города Зака (Зана),

³² Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь... С. 167-168.

³³ Там же. С. 168.

³⁴ Петрушевич А. Были ли два Галичи, княжеские города, один в Угорско-Словацкой области, а другой по сю сторону Карпат над Днестром, или нет? // Научный сборник, издаваемый Литературным обществом Галицко-Русской матицы. Львов, 1865. Вып. 1. С. 37-38.

³⁵ Lewicki T. Polska i kraje sąsiednie w świetle «Księgi Rogera» geografа arabskiego z XII w. al-Idrisi'ego. Warszawa, 1954. Czesc. 2. P. 196-197; Недков Б. България и съседните ѝ земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960. С. 105.

³⁶ Рабинович Р. А. Призрачная Берладь. С. 366-367.

Бармуни (Бармунийя) и Галисийя дополнительно упоминаются в пятой секции седьмого климата. Причем о них говорится при описании маршрута, проходящего в районе Нижнего Дуная, и сами они расположены относительно городов, находящихся на Дунае и к югу от него – в Добрудже и Болгарии. В качестве центра, куда сходились торговые пути из Зана, Бармунийя и Галисийя выделяется Преславец на Дунае (Барасклафиса)³⁷. На основании приведенных данных И. Г. Коновалова приходит к выводу, что «маршрут, описанный в 4 секции VI климата “Нузхат ал-муштак”, будет целиком относиться к городам Галицко-Волынской Руси и к входившей в сферу ее влияния территории до Дуная. Сармали и Зака в соответствии с текстом следует искать в районе верховий Днестра – это... Перемышль и, по всей вероятности, Звенигород... От Зака маршрут пойдет на юг, где по Сирету, Пруту и другим рекам пролегал торговый путь из Галицко-Волынской Руси на Дунай и в Византию»³⁸.

* * *

Историки обращают внимание на необыкновенную формулу княжеского титула Ивана Ростиславича – «от стола Галицкого князь Берладськы» – и, не находя этому титулу должного объяснения, относят его на счет несуразностей позднейшего фальсификатора. По мнению одного из наиболее решительных критиков Грамоты И. И. Богдана, данное выражение, «неясное само по себе и не находящее объяснение в дипломатических нормах», может быть истолковано либо «в смысле происхождения», либо «в смысле зависимости». Однако, продолжает исследователь, «по происхождению Иван Ростиславич не имел никаких прав на Галич, а в зависимости от него не мог состоять, потому что: 1) он был непримиримым врагом галицких князей, сначала Владимирка, потом Ярослава Осмомысла и уж, конечно, не мог получить от них удела “Берладского”; 2) в 1134 г. соединенное Червонно-Русское княжество еще не существовало: оно создано только в 1144 г.»³⁹.

³⁷ Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь... С. 168-169.

³⁸ Там же. С. 169. – Сама И. Г. Коновалова, впрочем, оставляет вопрос о локализации Галисийя без окончательного решения, но из тех данных, которые ею приводятся и общего направления построений исследователя можно заключить, что города Бармуни и Галисийя должны были располагаться к югу от среднего течения Днестра, и крайним южным пунктом всей названной у ал-Идриси четверки является Галисийя, наиболее подходящим местом нахождения которого может быть только нижнее течение Дуная – южный предел политического влияния Руси.

³⁹ Богдан И. И. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г.

Утверждение о том, что Иван Ростиславич не имел никаких прав на галицкий стол, выглядит чересчур поспешным. Правда, вопрос о происхождении Берладника весьма запутан, чему немало поспособствовали еще наши поздние летописцы, считавшие его сыном смоленского князя Ростислава Мстиславича⁴⁰, а также некоторые исследователи, специалисты по генеалогии, видевшие в Берладнике (без особых оснований) то сына перемышльского князя Ростислава Владимировича (ум. 1126 г.)⁴¹, то сына Ростислава Васильковича, внука Василька Теребовльского⁴². Тем не менее, большинство исследователей приходят к вполне определенному выводу, что отцом Берладника был княживший в Перемышле Ростислав Володаревич, умерший предположительно ок. 1143 г.⁴³ Ростислав являлся старшим среди сыновей Володаря Ростиславича. Это обстоятельство давало Берладнику важные преимущества перед другими князьями, претендовавшими на галицкий стол, в особенности перед Ярославом Осмомыслом (не случайно борьба двух последних носила столь ожесточенный и бескомпромиссный характер). Права Берладника на галицкий стол признавали и сами галичане, не раз призывавшие его к себе на княжение, а затем, спустя несколько десятилетий после смерти Берладника вспомнившие о его сыне, которого в Галиче так и именовали «Берладничич», приглашая занять княжеский стол⁴⁴.

Впрочем, как нам представляется, формула Грамоты 1134 г. «от стола Галичского кнезь Берладськы» могла иметь в виду вовсе не тот Галич, о котором обычно принято думать. Днестровский город Галич в это время еще не стал столицей, т. е. главным городом объединенной Галицкой земли. Свой князь в этом городе впервые упоминается толь-

С. 163-164.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. IX. С. 171.

⁴¹ Головин Н. Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М., 1851. С. 15, № 141; Коган В. М. История рода Рюриковичей (Опыт историко-генеалогического исследования). СПб., 1993. С. 195.

⁴² Войтович Л. В. Генеалогія династії Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ, 1992. С. 34-35.

⁴³ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. М., 1855. Т. VI. С. 186; Баумгартен Н. А. Родословные отрывки // ЛИРО. М., 1908. Вып. 4 (16). С. 12, 14; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 75; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 78-79; Korpela J. Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomach. Jyväskylä, 1995. S. 195; Рабинович М. А. Призрачная Берладь. С. 363.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 663.

ко под 1140 г., и таковым был не Иван Берладник, а его тезка, Иван Василькович⁴⁵. Говорить о существовании в Галиче княжеского стола до этого времени проблематично. С другой стороны, в тексте грамоты упоминается еще один город с тем же названием. Речь идет о располагавшемся на Нижнем Дунае русском городе Малый Галич, в котором, собственно говоря, и княжил Берладник, именующий его «градом нашим». Малый Галич фигурирует первым в списке городов, где дунайские купцы могли пользоваться торговыми льготами. Его первенствующее положение специально подчеркивается в грамоте: Малый Галич отдельно назван князем «градом нашим», в то время как все прочие города, куда распространялась власть Берладника, именуются собирательно («и о[u] градох наших»). В Малом Галиче купцы получали право беспошлинно держать оптовый склад («изклад»), но зато должны были платить особую пошлину за пользование причалом для выгрузки судов («исъвоз»), что свидетельствует о значении этого города как ведущего торгового центра в регионе.

Недоумения и разного рода критические замечания вызывает у исследователей датировка Грамоты Берладника. Если использованную при этом христианскую эру (счет лет от Рождества Христова) можно считать результатом пересчета, произведенного в XIV – XV вв., когда документ подвергся переписыванию и редактированию, то сама дата издания грамоты – 1134 г. – состоит в некотором противоречии с фактами жизни и деятельности Берладника, известными по летописям. До 1144 г., указывают критики грамоты, Иван Ростиславич правил в Звенигороде, его деятельность в Подунавье и Галиче началась только после 1144 г.⁴⁶ Чтобы объяснить подобное несоответствие, делались различные предположения о возможной ошибке при пересчете даты, допущенной позднейшим переписчиком: документ предлагали датировать 1144 г. (ошибка на 10 лет)⁴⁷ или даже 1154 г. (переписчик мог перепутать внешне похожие буквы, использованные в оригинале для числовых обозначений)⁴⁸.

Необходимость в подобных допущениях и искусственной привязке грамоты к летописным известиям о появлении Берладника на галицком столе в 1144 г. отпадает сама собой, если мы согласимся признать, что

⁴⁵ Там же. Стб. 304, 306-308.

⁴⁶ Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. С. 83; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 101.

⁴⁷ Зимин А. А. Историко-правовой обзор. Грамота Ивана Ростиславовича Берладника. С. 31; Рабинович Р. А. Призрачная Берладь. С. 366.

⁴⁸ Брайчевський М. Ю. Географічні межі Галицького князівства... С. 27.

титул «князь Берладский от стола Галицкого» имеет в виду не днестровскую столицу, с которой Берладник до 1144 г., действительно, никак не был связан, а дунайский город Галич, более известный в русских источниках под именем Малого Галича, а в сочинении ал-Идриси именуемый Галисийа.

Летописные известия, которым, разумеется, принадлежит приоритет перед свидетельством грамоты Берладника, не только не опровергают последнюю, но, наоборот, содержат достаточно ощутимое подтверждение ее данных. Сказанное, прежде всего, касается связей Берладника с южными окраинами Галицкой земли, причем эти связи возникли задолго до первого появления Берладника на столе в Галиче и характеризуют его как правителя и военного предводителя, пользовавшегося широкой поддержкой приграничного населения. Так, потерпев поражение от Владимирка Володаревича, Иван Берладник из-под Галича бежит не к своему главному покровителю, киевскому князю Всеволоду Ольговичу, на помощь которого он мог рассчитывать, а отправляется на Дунай и уже оттуда через «поле» прибывает в Киев⁴⁹.

Бежать на Дунай князь мог только с одной целью, — той целью, которая затем привела его в Киев — искать военной помощи для продолжения борьбы. Значит, на Дунае были силы, которые такую помощь могли предоставить, пойти за Берладником в военный поход. А это в свою очередь означает, что Берладник прибыл сюда не впервые, он был здесь достаточно хорошо известен и имел какую-то опору среди местного населения. Дополнительное подтверждение этому находим в летописном сообщении о событиях 1159 г., когда Берладник, собираясь в новый поход на Галич, вербует себе сторонников на Дунае, собрав в итоге шеститысячное войско берладников⁵⁰. Следовательно, существующая датировка Грамоты Берладника (1134 г.), вопреки утверждениям некоторые исследователей, не противоречит и не расходится с данными более надежных источников и потому не нуждается в пересмотре или уточнении.

* * *

Значительные затруднения и разницу во взглядах вызывают у исследователей вопросы о местонахождении и времени возникновения легендарной Берлады, реальности Берладского княжества, происхождении, этническом составе и социальном статусе берладников. Послед-

⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 316-317.

⁵⁰ Там же. Стб. 496-497.

ним особенно много внимания уделяла советская историография, пытавшаяся также решить вопрос о политическом статусе Берлады. Со времен М. Н. Тихомирова ее стали считать «особым княжеством, принадлежащим боковой линии галицких князей»⁵¹. Прямым предшественником Молдавского государства называл Берладь Н. А. Мохов⁵². Кульминации эта тенденция достигает у И. П. Русановой и Б. А. Тимощука, представивших Берладское княжество фактически как особое государство с определенными границами, территориальной и этносоциальной структурой⁵³. В то же время существует и совершенно противоположное отношение к рассматриваемой проблеме. «Долгое время, — пишет И. О. Князький, — некоторые историки полагали, что в южной части Днестровско-Карпатских земель в XII в. существовало Берладское княжество с центром на месте современного города Бырлада. Углубленное изучение письменных источников и привлечение археологических материалов показало, что это мнение не соответствует истине»⁵⁴.

В последнее время интерес к Берлады и берладникам вновь ожил: предложены новые данные насчет ее возможной локализации, содержащие неожиданное свидетельство в пользу достоверности Грамоты Ивана Ростиславича. Вопреки общепринятому мнению, отождествляющему летописную Берладь с расположенным на берегу одноименной реки (левого притока Серета) современным румынским городом Бырладом, упоминающимся в источниках только с XV в.⁵⁵, находит подтверждение высказанное еще в XIX в. предположение о том, что древняя столица берладников находилась в Добрудже, на правом берегу Дуная, недалеко от румынского города Чернаводы, на месте не-

⁵¹ Тихомиров М. Н. 1) Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947. С. 154; 2) Древнерусские города. С. 209; 3) Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 121.

⁵² Мохов Н. А. 1) Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX века). Кишинев, 1961. С. 18-19; 2) Молдавия эпохи феодализма. С. 49-52.

⁵³ Русанова И. П., Тимошук Б. А. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1981. С. 84-89.

⁵⁴ История Молдавской ССР: В 6-ти т. Кишинев, 1987. Т. 1. С. 254-255.

⁵⁵ АЗР. СПб., 1846. Т. 1. № 21. С. 31; СМЛ. М., 1976. С. 25. — О средневековом Бырладе и других городах, упоминающихся в грамоте 1134 г. см.: Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII — XV вв. Кишинев, 1979. С. 63-64; Бирня П. П. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV — начало XVI в.). Кишинев, 1984. С. 53-63.

существующего ныне села с характерным названием Эски-Бырлат (Старый Бырлат)⁵⁶. Расположенный непосредственно в пределах византийских владений, этот анклав, притягивавший беглое русское население, был под пристальным вниманием правительства империи, стремившегося, безусловно, поставить под надежный контроль дунайскую вольницу. Не удивительно, что неугомонный предводитель берладников Иван Ростиславич закончил свою жизнь в византийском плену в Фессалониках⁵⁷; «ини тако молвяхуть, яко съ отравы бе ему смерть», – говорит по этому поводу летопись⁵⁸.

Как показывают исследования Р. А. Рабиновича, имеющиеся в распоряжении современной науки археологические, топонимические и лингвистические данные, а также сообщения письменных источников дают гораздо больше оснований для локализации летописной Берлады именно в Добрудже, а не на юге Запрутской Молдавии⁵⁹. Есть немало исторических свидетельств того, как византийские императоры жаловали русским князьям волости в Нижнем Подунавье, как, например, сыновьям умершего в Киеве Юрия Долгорукого: «Идоста Гюргевица Царюгороду Мьстиславъ и Василко съ матерью, и Всеволода молодого пояша со собою, третьего брата; и дасть царь Василкови в Дунаи 4 гор(од)ы, а Мьстиславу дасть волость Отскалана»⁶⁰. Видимо, не является лишь совпадением тот факт, что новые пожалования русские князья получили сразу же после гибели Берладника: оба эти известия летопись помещает под одним годом – 6670 (1162).

Впрочем, и новые правители нижнедунайских городов продержались там недолго. Об этом можно судить по известию византийского историка Иоанна Киннама, относящемуся к 1165 г. Рассказывая о приготовлениях к войне с венграми императора Мануила I Комнина, историк сообщает: «В то же время и Владислав, один из династов в Тавроскифской стране (т. е. русских князей. – А. М.), с детьми, женой и всеми своими людьми добровольно перешел к ромеям. Ему была отдана земля у Истра, которую некогда василевс дал пришедшему Василику, сыну Георгия, который среди филархов Тавроскифской страны обладал

⁵⁶ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 115; Bogdan I. Scrieri alese. Buc., 1968. P. 104.

⁵⁷ Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь... С. 74.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 519.

⁵⁹ Рабинович Р. А. 1) Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII в. (Историко-археологическое исследование): Автореф. канд. дис. СПб., 1997. С. 7; 2) Призрачная Берладь. С. 363-376.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 521.

старшинством»⁶¹. В. Б. Перхавко справедливо связывает приведенное известие с цитированным выше сообщением Ипатьевской летописи, полагая, что в обоих источниках говорится об одних и тех же русских князьях, и эти сведения имеют отношение к общему развитию ситуации на Нижнем Дунае 60-х годов XII в.⁶²

Чем объяснить подобную политику византийского правительства в отношении русских князей и выходцев из Руси вообще? Ответ на этот вопрос можно почерпнуть из материалов исследований В. Г. Васильевского, посвященных отношениям империи с печенегами второй половины XI в. Начиная с указанного времени, византийские власти усиленно поощряли переселение на правый берег Дуная оседлого населения, убегающего от разных жизненных невзгод. Эти меры были продиктованы необходимостью создать на собственной границе более или менее надежную опору в борьбе с вышедшими из-под контроля кочевниками, – прежде всего, печенегами, переселившимися на территорию, подвластную Византии еще в конце 1040-х годов⁶³.

На Руси, надо сказать, хорошо знали об усилиях византийцев по обустройству дунайского пограничья и с готовностью относились к возможному переселению «в Греческую землю». Именно так, как представляется, следует понимать слова киевлян, адресованные возвращавшемуся в 1069 г. с польскими войсками Изяславу Ярославичу, намеревавшемуся расправиться с виновниками своего изгнания: горожане предупреждают князя, что, если он не откажется от своих намерений, то «зажегше град свой, ступим въ Гречьску землю»⁶⁴. С этим известием следует сопоставить пророчество некоего волхва, помещенное в Повести временных лет под 1071 годом: «В си же времена приде волхвъ, прелщень бесомъ; пришедь бо Киеву глаголаше, сице поведая людемъ, яко на пятое лето Днепру потещи вспять и землямъ преступати на ина места, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскей на Гречьской, и прочимъ землямъ изменитися»⁶⁵.

⁶¹ Бибииков М. В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 1998. С. 67. – Личность упоминаемого здесь Владислава не вполне ясна (Фрейденберг М. М. Труд Иоанна Киннама как исторический источник // ВВ. 1959. Т. XVI. С. 42; Левченко М. В. Очерки... С. 485).

⁶² Перхавко В. Б. Князь Иван Берладник... С. 73-74.

⁶³ Васильевский В. Византия и печенеги (1048 – 1094) // ЖМНП. Ч. CLXIV. 1872. Ноябрь, Декабрь.

⁶⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 116.

⁶⁵ Там же.

Глава третья

Нижнее Подунавье, куда грозились перебраться киевляне, воспринималось на Руси как «Греческая земля», на месте которой, по предсказанию волхва, должна «стать» «Русская земля», т. е. поселиться русские люди. Приходится признать, что это пророчество доморощенного оракула исполнилось, если, конечно, согласиться с локализацией летописной Берлады на Нижнем Дунае, а в берладниках видеть переселенцев из русских земель. Важным доказательством последнего служат слова владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского, которые он велел передать опальным Ростиславичам в 1174 г.: «"Не ходите в мое воли. Ты же, Рюриче, поиди въ Смолньскъ къ брату, во свою отчиноу". А Давиду рци: "А ты поиди въ Берладь, а в Руськои земли не велю ти быти"»⁶⁶.

Как видим, Берладь, в понимании владимирского князя, лежала за пределами Русской земли. В то же время, хорошо известно свидетельство Слова о полку Игореве, дважды подчеркивающего, что во времена княжения Ярослава Осмомысла (т. е. во времена самого Ивана Берладника) Галицкая земля простиралась вплоть до Дуная: Ярослав княжил, «затворивъ Дунаю ворота», «суды рядя до Дуная»⁶⁷. Следовательно, и пределы Русской земли на Юго-Западе ограничивались нижним течением Дуная. Земли берладников, не подвластные русским князьям, где находили пристанище разного рода беглецы и изгнанники, «выгонцы», как выражается несколько позднее Галицко-Волынская летопись⁶⁸, должны были лежать южнее, скорее всего, за противоположным дунайским берегом.

Объяснить наличие топонимов, созвучных названию Берладь в районе современного румынского города Бырлада, который по археологическим данным мог возникнуть только в золотоордынское время, не ранее второй половины XIII в.⁶⁹, можно, учитывая весьма распространенный в средневековье феномен переноса городов. Явления такого рода, когда в силу определенных причин один средневековый город приходил в упадок и полностью забрасывался жителями, а затем на новом месте возникал другой город, но с тем же названием, встречаются, например, в истории Молдавии (город Старый Орхей)⁷⁰. «Именно последнее наблюдение, – по признанию Р. А. Рабиновича, – подсказало

⁶⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 573.

⁶⁷ БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 262.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 742.

⁶⁹ Spinei V. Zur Geschichte der mittelalterlichen Siedlung Birlad... S. 65-84.

⁷⁰ Бырня П. П. Из истории исследования Старого Орхея (1946–1958 гг.) // Археологические исследования в Старом Орхее. Кишинев, 1991. С. 5.

мысль, что современный город Бырлад мог и не входить в летописную Берладь, а связан названием с прежним, другим местом локализации данного формирования»⁷¹. Другие исследователи, в принципе признавая возможность переноса названий старых, заброшенных пунктов на новые поселения, отказываются допустить подобное в отношении Берлади: «... в данном случае эта версия не может быть принята на веру, так как у Бырлада, Галаца и Текуча не обнаружено никаких более древних предшественников»⁷².

Разрешение вопроса, как видим, требует новых аргументов. Мы не располагаем прямыми археологическими доказательствами существования древнего предшественника Бырлада, но твердо знаем (из сообщений древнерусских летописей) о существовании Берлади и берладников в середине XII в., причем летописная Берладь и ее обитатели помещались именно на Дунае, где находил пристанище и откуда начинал свой поход на Галич в 1159 г. «берладский князь» Иван Ростиславич. Что же касается феномена переноса городов, то подобные явления имели место не только в сопредельной Молдавии, они отмечаются и непосредственно на территории Галицкой земли. Речь идет о тех самых городах, которые фигурируют в летописи в связи с упомянутым походом Берладника на Галич – Ушице и Кучелмине.

Древнерусский город Ушица находился на месте современного села Старая Ушица Каменец-Подольского района Хмельницкой обл., впоследствии город был перенесен на новое место⁷³. Аналогичной участи, как представляется, подвергся и Кучелмин, о чем свидетельствует наличие нескольких населенных пунктов с созвучными названиями (с. Куча близ Ушицы, с. Кучурмик возле г. Снятин Ивано-Франковской обл.)⁷⁴, расположенных в стороне от древнерусского городища⁷⁵. Главной причиной изменения местоположения Ушицы и Кучелмина следует признать их пограничное положение, близость к степи и связанные с этим опасности. Примерно в таком же положении пребывала и расположенная на Нижнем Дунае летописная Берладь, отдаленный русских анклав, вопрос о принадлежности которого к Галицкой земле требует

⁷¹ Рабинович Р. А. Призрачная Берладь. С. 368.

⁷² Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь... С. 77.

⁷³ Кучера М. П., Горишний П. А. Исследования летописной Ушицы // Тезисы докладов XVII научн. конф-ции Института археологии АН УССР. Ужгород, 1978.

⁷⁴ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 287; Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 138.

⁷⁵ Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина. С. 84-85.

отдельного рассмотрения.

* * *

Обратимся теперь к вопросу о южной границе Галицкой земли, также привлекающему повышенное внимание исследователей и дающему немало поводов для дискуссии. Для его решения одного свидетельства поэтического памятника, разумеется, недостаточно, хотя оно имеет важное значение для характеристики власти галицкого князя времен Ярослава Осмомысла. Опираясь на это свидетельство, большинство исследователей приходят к однозначному мнению, что южная граница Галицкой земли, по крайней мере, в 80-е годы XII в. достигала Нижнего Дуная⁷⁶. Главным основанием здесь является выражение Слова «суды ряда до Дуная» в обращении к Осмомыслу: «Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своемъ златокованнемъ столе, подперь горы Угорскыи своими железными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть, отворяеши Киеву врата, стреляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрелей, господине, Кончака, поганого кошея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святославлича!».

Смысл фразы «суды ряда» не вызывает никаких сомнений: «суды рядити», как и подобные ему выражения «ряды правити» и «ряды рядити» в древнерусском языке имеет вполне определенное значение и указывает на правительственную, в частности, судебно-административную деятельность⁷⁷. Слово дает возможность судить и о пределах подвластной Осмомыслу территории – «до Дуная». «Нельзя сводить вопрос лишь к обладанию галицкими князьями территорией по

⁷⁶ Беляев И. О северном берегу Черного моря и прилежащих к нему степях // ЗООИД. 1853. Т. III. С. 36; Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранцам известиям. Киев, 1873. С. 73; Лонгинов А. В. Червенские города. Варшава, 1885. С. 160; Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916. С. 129; Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948. С. 125; Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. II. С. 483; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 169; Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964. С. 211; 2) Киевская Русь и русские княжества XII - XIII вв. М., 1993. С. 508; Литаврин Г. Г. Русь и Византия в XII в. // ВИ. 1972. № 7. С. 43-44; Аулих В. З історичної географії Галицької землі // ГВД. Львів, 1993. С. 32, 33; Брайчевський М. Ю. Географічні межі Галицького князівства... С. 25, 28.

⁷⁷ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве / Сост. В. Л. Виноградова. Л., 1978. Вып. 5. С. 252.

нижнему Дунаю, – возражает своим оппонентам Н. Ф. Котляр: в этом случае было бы “на Дунае”, а не “до Дуная”. Отсюда следует, что южная граница Галицкой Руси в 80-х годах XII в. проходила, по меньшей мере, по левому берегу нижнего Дуная⁷⁸. Однако исследователь при этом сам допускает неточность, не замечая другого указания памятника, что Ярослав правит в Галиче, «затворивъ Дунаю ворота». Естественно всего было бы полагать, что галицкий князь, хотя и не имел власти над всем течением Нижнего Дуная, приобрел какие-то опорные пункты в его устье, дунайской дельте. Таким пунктом, как представляется, вполне мог быть город Канарка или какой-то другой, расположенный поблизости, из числа тех, о которых говорится в Списке русских городов – своеобразном документе, дошедшем в составе нескольких летописей в качестве особого дополнения к основным летописным известиям⁷⁹.

Скептически настроенный к свидетельству Слова о полку Игореве, как и других памятников, сообщающих о русском присутствии в Подунавье (Грамота Ивана Ростиславича и Список русских городов), Н. Ф. Котляр отказывается признать возможность вхождения в состав Галицкой земли территории между средним течением Днестра и нижним течением Дуная. Такого же взгляда придерживается румынская историография, вообще отрицая какое-либо влияние Руси в районе Нижнего Подунавья в XII в. и отводя доминирующую роль в жизни данного региона половцам и Византии⁸⁰.

Подробно и обстоятельно рассмотрев вопрос о южном пограничье Галицкой земли конца XII – начала XIII в., Н. Ф. Котляр приходит к выводу, что названная граница не проходила далее Среднего Поднестровья, южнее которого лежало «дикое поле», «ничья земля»⁸¹. Однако на деле, как нам представляется, все усилия Н. Ф. Котляра сводятся лишь к доказательству того, что крайними южными городами Галицкой земли XII – XIII в. были Кучелмин, Ушица, Микулин, Онут, Васи-

⁷⁸ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 99-100.

⁷⁹ Брайтчевський М. Ю. Географічні межі Галицького князівства... С. 28.

⁸⁰ Bănescu N. La domination byzantine sur les régions du Bas-Danube // Bull. de la sect. hist. de l'Académie Roumaine. 1927. T. 13. P. 10-22; Giurescu C. C. Țiguri sau orașe și cetăți moldovene din secolul al X-lea pînă la mijlocul secolului al XVI-lea. Buc., 1967. P. 31-32; Diaconu P. Despre situația politică la Dunărea de Jos în secolul al XII-lea // SCIVA. Buc., 1976. T. 27. V. 3. P. 293-307; Spinei V. Realități etnice și politice în Moldova meridională în secolele X – XIII: Români și turanici. Iași, 1985. P. 79-80.

⁸¹ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 112.

лев, Бакота⁸². Этот факт, действительно, можно считать вполне доказанным и причем задолго до исследований Н. Ф. Котляра, сперва на основании письменных источников⁸³, а затем и археологических⁸⁴. Но едва ли этого будет достаточно для решения вопроса о южной границе земли.

Отсутствие населенных пунктов к югу от линии Василев – Онут – Бакота – Ушица – Кучелмин – Калиус отнюдь не доказывает, что данная территория являлась ничейной пустыней, и что в ее пределах не было никакого населения. Как раз наоборот, из самого исследования Н. Ф. Котляра явствует, что означенные земли были обитаемы: здесь проживали половцы («команы» византийских источников), а также восточные романцы – волохи⁸⁵. А если так, то, значит, существовало население, которое и могло попасть, пусть на время, под власть галицкого князя, платить дань и даже подчиняться княжескому суду.

Недавно археологами сделаны новые интересные открытия, способные внести важные коррективы в наши представления о южных рубежах Галицкой земли. На севере современной Молдавии у с. Мерешовка Окницкого района на правом берегу Днестра обнаружено хорошо укрепленное древнее городище XII – XIII вв. Вещевой материал и особенно керамика с городища находят полное соответствие с материальными памятниками Галицкой Руси домонгольского времени. Изучавшие вновь открытое поселение исследователи приходят к выводу, что «южные рубежи Галицкой Руси располагались значительно южнее от городищ, традиционно считавшихся южными пределами Галицкой Руси»⁸⁶. Возможно, городище Мерешовка, как считают И. Власенко и Н. Тельнов, является остатками летописного города Кучелмина, считающегося самым южным укрепленным пунктом Галицкой земли, местоположение которого вызывает значительные разногласия у исследователей⁸⁷.

⁸² Там же. С. 106-109.

⁸³ Грушевський М. С. Історія України - Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 460-461; Середонин С. М. Историческая география. С. 129.

⁸⁴ Тимошук Б. О. Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 138-140, 181 и др.

⁸⁵ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 112-115. – См. также: Князький Й. О. Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатських земель (конец IX – середина XIII в.). Коломна, 1997.

⁸⁶ Власенко И., Тельнов Н. Новые данные о южной границе Галицкой земли // ГВД. С. 33-35.

⁸⁷ См.: Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 287; Молчановский Н. В. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885. С. 86; Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 138; Тимошук Б. О.

Установить суверенитет над землями между Днестром и Дунаем для русских князей было тем более естественно, что данная территория издревле была заселена восточными славянами – племенами уличей и тиверцев: «А Улучи и Тиверьци седаху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество их; седаху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне», – читаем в Повести временных лет⁸⁸. О многочисленном народе Unlizi, имевшем 318 городов, говорит Баварский географ, источник середины IX в.⁸⁹ Впоследствии, под натиском печенегов славяне вынуждены были уйти на север⁹⁰. Однако с тех пор русские князья не оставляли попыток вновь утвердиться на Нижнем Дунае и, соответственно, в днестровско-дунайском междуречье. Вспомним хотя бы успешные действия Владимира Мономаха, который в 1116 г. «посажает посадники по Дунаю»⁹¹. Возможно, что и вновь открытое городище Мерешовка являлось одним из опорных пунктов власти галицких князей в указанном регионе.

Нет никаких оснований, чтобы опровергнуть свидетельство Слова о полку Игореве о распространении власти Ярослава Осмомысла вплоть до Дуная. Более того, в нашем распоряжении имеются и другие свидетельства, содержащие ту же информацию. Так, в Истории В. Н. Татищева, во времена которого Слово не было известно, говорится о том, что еще отец Осмомысла, Владимирко Володаревич, «обладал всеми грады до Дуная, мир с греки и болгары учинил»⁹². В другом месте читаем, что, готовясь к войне с киевским князем Изяславом Мстиславичем, Владимирко «велел немедленно всем своим войскам от Дуная и сея страны Днестра к Галичу собираться»⁹³. Ярослав же Осмомысл, согласно татищевским известиям, «по Дунаю грады укрепил,

Давньоруська Буковина. С. 84-85; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 107.

⁸⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 14.

⁸⁹ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX – XI вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 12-13, 26-28. – Ср.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия: IX – первая половина XII в. / Сост., пер., коммент. М. Б. Свердлова. М.; Л., 1989. С. 18 и след.

⁹⁰ Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 171-173; Седов В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 40-41.

⁹¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 201. – Подр. об этом эпизоде см.: Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь... С. 44-45.

⁹² Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. С. 158.

⁹³ Там же. Ч. 2. Главы 19-39. С. 37.

купцами населил»⁹⁴.

О владениях Руси, достигавших в XII в. Дуная и Черного моря, свидетельствуют иностранные источники. В уже рассматривавшемся нами сочинении арабского географа ал-Идриси, во вводной части к пятой секции шестого климата находим авторское перечисление стран, расположенных вдоль черноморского побережья: «На южном берегу этого моря, там, где он соприкасается с западным, лежит страна Хараклия (Гераклея Понтийская), затем [следуют] страна ал-Калат (Галатия), страна ал-Бунтим (Понт), страна ал-Хазарийа, страна ал-Куманийа, [страна] ар-Русийа и земля бурджан (дунайских болгар)»⁹⁵. Владения Руси помещены здесь между Половецкой землей (Куманией), простиравшейся, согласно карте ал-Идриси до Днепра, и Дунайской Болгарией, северной границей которой являлся Нижний Дунай. Другой арабский ученый Ибн Халдун (вторая половина XIV – начало XV в.), оставивший в одном из своих сочинений описание карты ал-Идриси, дважды подчеркивает, что Русь и Болгария лежат на побережье Черного моря и имеют общую протяженную границу: «Русь окружает страну бурджан» с запада, севера и востока⁹⁶.

* * *

Слово о полку Игореве говорит об установлении власти Ярослава Осмомысла «до Дуная» в контексте других громких успехов князя. Привлекает внимание фраза: «стреляши съ отня злата стола салтани за землями». Как установили востоковеды, употребляющаяся здесь редкая форма *салтани* (винит. падеж множ. числа от *салтан*) восходит к арабскому титулу *sultan* через промежуточную форму **soltan*⁹⁷. Еще Д. Н. Дубенский предположил, что автор Слова имеет в виду возможное участие галицких полков в третьем крестовом походе 1189–1192 гг. против султана Саладина⁹⁸. Косвенным подтверждением может служить тот факт, что русские воины участвовали в первом крестовом походе, после чего в Иерусалиме возникло постоянное поселение русских

⁹⁴ Там же. С. 143.

⁹⁵ Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь... С. 167.

⁹⁶ Там же. С. 168.

⁹⁷ Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 128-129; Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 156-157.

⁹⁸ Дубенский Д. Слово о полку Игореве Святъслава пестворца старого времени // РД. М., 1844. Ч. III. С. 158-160.

монахов⁹⁹.

Тем не менее, указанное предположение нельзя признать корректным, ведь, согласно летописи, Ярослав умер 1 октября 1187 г.¹⁰⁰, и поэт, обращавшийся к нему как к живому, разумеется, не мог говорить о событии, которое состоялось только после смерти князя. Поэтому принимающие данное предположение исследователи вынуждены делать разного рода оговорки, прибегать к новым и новым допущениям; в итоге само участие галичан в крестовом походе становится, скорее, эвентуальным, нежели реальным¹⁰¹. Своеобразным усовершенствованием версии Д. Н. Дубенского выглядит попытка увязать упоминание о «салтанах» с иконийским султаном Килидж-Арсланом II, предводителем сельджуков, в трагической для Византии битве при Мириакефалоне 17 сентября 1176 г., в которой, возможно, участвовали галичане¹⁰². Однако все это – не более чем догадка, не имеющая ни малейшей опоры в источниках.

Употребляемая в Слове множественная форма *салтани* наводит на мысль, что в данном случае едва ли имеется в виду какой-то конкретный правитель с титулом султана. В то же время, выражение «за землями» («стреляеши... салтани за землями») совсем не обязательно понимать как указание на далекие заморские страны. С. А. Плетнева предлагает, на наш взгляд, более простое и убедительное решение. В составленном в начале XIV в. в одном из крымских городов Половецком словаре (Codex Cumanicus)¹⁰³ помещена любопытная номенклатура титулов половецкой знати. Верховному титулу *хан* здесь соответствует латинское *imperator* и персидское *шах*. А следующим по старшинству значится титул *солтан*, соответствующий латинскому *rex*. «Этот титул, – поясняет С. А. Плетнева, – большинству исследователей пред-

⁹⁹ Lozinskij G. La Russie dans la littérature française du Moyen Age // RESE: Paris, 1929: T. IX: P. 256; Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 140-141.

¹⁰⁰ ИСРЛ. Т. II. Стб. 656.

¹⁰¹ Лихачев Д. С. Комментарий // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.: Л., 1950. С. 443-444; Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарий // Слово о полку Игореве / Сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов. Л., 1985. С. 471; Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992. С. 254; Брайчевський М. Ю. Географічні межі Галицького князівства... С. 26.

¹⁰² Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков. М., 2001. С. 636, прим. 5.

¹⁰³ Характеристику источника см.: Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 120-122.

ставляется поздним, возникшим в золотоордынское время... Однако в конце XII в. в «Слове о полку Игореве» этот титул упоминается в обращении киевского князя к Ярославу Осмомыслу... Мне кажется, что факт упоминания этого титула в двух источниках, имеющих прямое отношение к половцам, позволяет нам все же говорить о существовании его у половцев»¹⁰⁴. К аналогичному решению приходит Б. А. Рыбаков, указывающий, что слово «солтан» в значении знатного человека вплоть до нашего времени сохраняется в крымско-татарском языке¹⁰⁵.

Дополнительным подтверждением в пользу версии С. А. Плетневой выступают данные топонимики В XIX в. на берегу Северского Донца (т. е. в местах обитания донецких половцев) было известно городище Салтановское, отмеченное в историко-статистическом описании Харьковской епархии 1857 г.¹⁰⁶ «Солтанами» могли именоваться главы отдельных половецких орд, которых летописи иногда называют «лепшими князьями»¹⁰⁷. Следовательно, врагами Ярослава Осмомысла, в которых он стрелял со своего стола, скорее всего, были те самые половецкие князья, с которыми постоянно воевали и Ярослав, и другие герои Слова. Упоминание именно этих «салтанов» логически увязывается с непосредственно следующим затем призывом стрелять в поганого Кончака, за землю Русскую, за раны Игоревы.

Заметим, что среди половецких князей, с которыми воевал Осмомысл, были и «салтаны за землями», достичь их кочевий можно было, только совершив далекий поход в глубь степей. И такие походы не раз совершали галицкие полки, посылаемые Ярославом. Ближайший пример – организованный киевскими князьями-соправителями Святославом Всеволодовичем и Рюриком Ростиславичем поход 1184 г., закончившийся славной победой русских воинов на реке Орели; среди уча-

¹⁰⁴ Там же. С. 131.

¹⁰⁵ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 129

¹⁰⁶ Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Харьков, 1857. Отд. IV. С. 277, 280. – См. также: Бобров А. Г. Салтан // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 4. С. 263.

¹⁰⁷ Следующим, согласно Словарю, в половецкой иерархии числился титул *бег* (лат. *princeps*), принадлежавший главам крупных кошей и соответствующий летописному «князь» или «унийший князь»; наконец, низшим аристократическим титулом считался *бей* (лат. *baron*), соответствующий летописному наименованию «добрые мужи». – Плетнева С. А. Половцы. С. 131-132.

стников похода летопись отмечает «из Галича от Ярослава помощь»¹⁰⁸. Источники содержат еще немало примеров того, как волыньские и галицкие князья во главе своих полков воюют со степняками и, добившись победы, захватывают значительную военную добычу¹⁰⁹. В 1160 г. «Володимерь Андреевич, и Ярославъ Изяславичъ, и Галичане избиша Половци межи Мунаревомъ и Ярополчемъ и много душъ ополониша, иже бяхуть взяли Половци»¹¹⁰. А в другой раз «толико взяша полона множество, яко же всимъ Рускимъ воемъ наполнитися до избылья: и колодники, и чагами, и детми ихъ, и челядью, и скоты, и конми»¹¹¹.

В числе враждебных галицкому князю половецких солтанов, в кого он должен был стрелять, были, разумеется, и те, что стремились захватить кочевья в богатых степях междуречья Днестра и Дуная, т. е. на тех землях, которые в Галиче считали своим Подолом или Понизьем¹¹². Новейшие исследования показывают, что понятие Понизье имеет более узкое и специальное значение, употребляемое преимущественно в отношении Галицкой земли; в историко-этнографическом и историко-географическом плане Понизье включает земли в среднем и нижнем течении Днестра – Прута – Дуная¹¹³.

На вопрос, имели ли галицкие князья постоянный контроль над этими землями, при всей неполноте и неоднозначности имеющихся у нас сведений, думается, следовало бы дать, скорее, отрицательный ответ. Но бесспорно другое: Галич постоянно стремился взять эту территорию под свой контроль, поскольку считал Понизье своим, галицким. Особого уважения в глазах галичан заслуживали те князья, кто мог удержать понизовские земли, поскольку это, не говоря уже о политиче-

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 631.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 481, 505, 538-540, 541 и др.

¹¹⁰ Там же. Стб. 506-507.

¹¹¹ Там же. Стб. 540.

¹¹² О соотношении понятий «Подол» и «Понизье» см.: Гумениюк С. К. Як складалась територія Поділля // Тези доповідей Подільської історико-краєзнавчої конф-ції. Хмельницький, 1965; Да ш к е в и ч Я. Р. Поділля: виникнення і значення назви // VIII Подільська історико-краєзнавча конф-ція. Тези доповідей. Секція історії дожовтневого періода. Кам'янець-Подільський, 1990.

¹¹³ Толочко П. П. Историчні портрети. С. 194 (карта); Махновець Л. С. Географічно-археологічно-етнографічний показчик // ЛР. Київ, 1989. С. 565; Войтович Л. В. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII – XVI ст. Львів, 1996. С. 58; Чекин Л. С. О географических терминах «Понизье», «верх» и «низ» в древнейших восточнославянских летописях // Язык. Культура. Взаимопонимание. Мат-лы Международ. конф-ции. Львов, 1997; Винокур І. С. Південне пограниччя Галицького князівства і Пониззя // ГТЗ. С. 34.

ских выгодах, давало важные преимущества для торговли и рыболовства¹¹⁴.

Впрочем, Понизье нередко мыслилось и как отдельная от Галича земля, где даже могли быть свои князья. Вспомним, как Мстислав Удалой, уступая галицкий стол венгерскому королевичу, мечтал себе «взять» Понизье¹¹⁵, а затем просил Понизье у Даниила, предлагая взамен помощь в борьбе за Галич¹¹⁶. В летописи находим и такое известие: в 1241 г. боярин Доброслав Судыч, попов внук, войдя в город Бакоту, все Понизье забрал без княжеского повеления¹¹⁷. На обособленный статус галицкого Понизья указывает наличие там собственной столицы, в качестве которой в XIII в. стал восприниматься город Бакота¹¹⁸. Но, с другой стороны, является очевидным фактом настойчивое стремление галичан восстановить власть днестровской столицы над мятежным Понизьем. С этой целью в свое время отправлялся в поход боярин Судислав Бернатович, фактический правитель города при королевиче Андрее¹¹⁹. Князья, которые не могли удержать власть в Понизье, лишались доверия галичан и теряли власть в самом Галиче, как это случилось, к примеру, с Мстиславом Удалым¹²⁰.

Подводя итог нашим наблюдениям, следует признать, что вопрос о южной границе Галицкой земли не может иметь однозначного решения. В период политического подъема Галича во второй половине XII в. власть его князей распространялась вплоть до нижнего течения Дуная, однако в пору лихолетья начала XIII в. эта власть сжималась, утрачивая контроль над окраинными территориями, каковыми являлись Понизье или, скажем, «горная страна Перемышльская». Властвовать в понизовских землях для Галича было не просто, ведь в большинстве своем то были необжитые русскими людьми степи, на которые претендовали соседние народы, прежде всего, кочевники, и куда из самого Галича и, видимо, других русских земель бежал или изгонялся разного рода люд, объединенный враждебным настроением к своим гони-

¹¹⁴ О размахе и значении галицкой торговли по Дунаю см.: Пашуто В. Т. Очерки... С. 171 и след.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 750.

¹¹⁶ Там же. Стб. 752.

¹¹⁷ Там же. Стб. 789.

¹¹⁸ См.: Винокур І. С., Горішній П. А. Бакота. Столиця давньоруського Пониззя. Кам'янець-Подільський, 1994.

¹¹⁹ См. с. 502-503 настоящей работы.

¹²⁰ См.: Фроянов И. Я., Майоров А. В. Князь, бояре и городская община Галича в правление Мстислава Удалого // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию чл.-корр. РАН. А. Н. Сахарова. М., 2000. С. 88.

телям. И, тем не менее, восстановление власти в Понизье воспринималось в Галиче как важнейшая стратегическая задача, и для ее решения было потрачено немало усилий.

* * *

В заключение остается рассмотреть еще один вопрос – об этническом составе населения Берлады, тех, кого принято называть берладниками, а позднее «подунайцами» и «галицкими выгонцами». Как нам представляется, едва ли есть основания смешивать их с известными по летописным данным XII – XIII вв. другими обитателями южнорусских степных окраин – бродниками¹²¹. Как показывают новейшие исследования, бродники в целом имели иное этническое происхождение и, так сказать, более древнюю этническую историю, являясь потомками ираноязычного скифо-сарматского населения¹²². Ранее высказывались мнения о том, что бродники или, по крайней мере, та их часть, которая обитала к востоку от Днепра, являлись остатками населения Хазарского каганата¹²³, либо чрезвычайно пестрым в этническом плане конгломератом, который составляли аланы, болгары, половцы, а также русские изгои¹²⁴. Так или иначе, мы видим, что исследователи, обращав-

¹²¹ Именно так зачастую решается вопрос об этнической природе берладников в научной литературе. – См.: Дашкевич Н. П. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. С. 373; Волынкин Н. М. Предшественники казачества – бродники // ВЛГУ. 1949. № 8; Мавродин В. В. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955. С. 102-108; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI – XIII вв. // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 181; Левченко М. В. Очерки... С. 438; Котляр М. Ф. Кто такі бродники // УЖ. 1969. № 5; Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 120, 163; Шушарин В. П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья в первой половине XIII в. // ИСССР. 1978. № 2. С. 39-43; Павлов П. Древнеруските бродники в българската история (XII – XIII в.) // Българо-украински връзки през вековете. София, 1983; Козловский А. О. Историко-культурный розвиток Південного Подніпров'я в IX – XIV ст. Київ, 1992. С. 164-171; Князький И. О. Славяне, волюхи и кочевники... С. 197-211; Коновалова И. Г., Перхавко В. Б. Древняя Русь... С. 79.

¹²² Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII в.). Киев, 1997. С. 125-137.

¹²³ Гумилев Л. Н. 1) Открытие Хазарии. М., 1966. С. 175-178; 2) Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 213-214.

¹²⁴ Плетнева С. А. 1) О юго-восточной окраине древнерусских земель в домонгольское время // КСИА АН СССР. 1964. Вып. 99. С. 31-32; 2) Половецкая земля // Древнерусские княжества X – XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 281; 3) Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 221.

шиеся к вопросу об этнической природе бродников, находили в них, целиком или по большей части, неславянское население, ведущее свое происхождение от кочевых этносов, в разное время обитавших в восточноевропейских степях.

Берладники же и «выгонцы» – русские люди. Об этом, помимо прочего, свидетельствуют приведенные в летописи имена их предводителей: Юрий Домажирич и Держикрай Володиславич¹²⁵, а также многочисленные археологические материалы русского происхождения и характерные для русского быта, в изобилии представленные на правом берегу Нижнего Дуная¹²⁶. Русское присутствие в этих землях продолжалось и после гибели Ивана Берладника, когда само название «берладники» по каким-то причинам вышло из употребления. Ему на смену в конце XII в. пришло другое – «подунайцы». Под 1190 годом Ипатьевская летопись сообщает, что в Торческ к Ростиславу Рюриковичу прибыли «лепшие мужи» черных клобуков со словами: «Се Половце сее зымы воюють ны часто. А не ведаемъ, Подоунаици ли есмь, что ли?!»¹²⁷.

Чтобы уяснить смысл этих слов, нужно вспомнить, как несколько ранее в летописи сообщалось о совместном походе русских князей и черных клобуков против днепровских половцев в тот момент, когда последние «бяхоуть шли в Доунаи, и не бе ихъ дома в вежахъ своихъ»¹²⁸. Приведенные известия не оставляют сомнений в том, что «подунайцы» мыслились как особое этнополитическое образование, которое нельзя смешивать ни с половцами, ни с черными клобуками: и первые, и вторые противопоставляют себя «подунайцам»; одни видели в них добычу, другие – какой-то чуждый, далекий народ, участь которого они не желали бы разделять («Подоунаици ли есмь, что ли?!»). И только русские князья проявляли иногда заботу о далеких «подунайцах», приходя к ним на помощь в трудную минуту. Так, видимо, было во время половецкого нашествия на Дунай зимой 1188/89 г., когда по приказу русских князей черные клобуки атаковали половцев с тыла. И в дальнейшем нападении половцев на Нижний Дунай вызывали ответ-

¹²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 742.

¹²⁶ Комша М. Изделия древнерусских городов на территориях к юго-западу от Киевской Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18-25 сент. 1985 г. М., 1987. Т. III. Вып. 1а.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 670.

¹²⁸ Там же. Стб. 659. – Летопись помещает это известие под 1187 г., но на самом деле описываемые события происходили позднее, зимой 1188/89 г. (ЛР. Київ, 1989. С. 346).

ные меры со стороны русских князей, по своему характеру напоминающие акции возмездия. Под 1192 г. летопись вновь рассказывает, что русские князья получили известия от черных клобуков о нападении половцев на Дунай; в поход отправились два молодых князя Святослав и Ростислав Владимировичи, однако дело тогда закончилось ничем из-за предательства черных клобуков¹²⁹.

«Скифами», т. е. русскими, считали подунайских жителей византийские авторы конца XII в. О «поистрийских скифах», поддержавших освободительное восстание болгар, говорит в своей речи секретарь византийского императора Исаака Ангела Сергей Колива¹³⁰. Их более подробную характеристику находим у Никиты Хониата: «... те из Вордоны, презирающие смерть, ветвь тавроскифов [т. е. русских], народ, любезный [богу войны] Арею, помогавший варварам на Беме [Балканах], склонились вместе с ними непобежденными и погибли»¹³¹. Нам представляется, нет достаточных оснований толковать упоминающуюся в источнике некую «Вордону» как указание на бродников¹³². Такое отождествление возможно лишь на основании весьма отдаленного созвучия. Кроме того, из приведенного отрывка видно, что упомянутая Вордона является, скорее, географическим понятием, названием того места, откуда пришел народ тавроскифов помогать врагам империи на Балканах. Это название отнюдь не отождествляется в источнике с этником «ветвь тавроскифов», поскольку обозначает явление иного смыслового порядка.

Известия русских летописей не оставляют никакого сомнения в том, что бродники и русское население Подунавья (берладники, галицкие «выгонцы») – в этническом (этнополитическом) отношении разные категории. Бродники упоминаются в летописях, когда речь идет о каких-то контактах с кочевниками, половцами или татарами. В 1146 г. близ Дедославля многие «Бродничичи и Половци придоша» к Святославу Ольговичу¹³³. Вместе с половцами бродники («Cumani et Brodnici») неоднократно отмечены также венгерскими источниками вблизи границ королевства в первой половине XIII в., а Нижнее Подунавье в венгер-

¹²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 673-674.

¹³⁰ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI – XII вв. М., 1960. С. 453.

¹³¹ Слово Никиты Хониата (1190 г.) // Успенский Ф. И. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879. Приложения. С. 35-36.

¹³² Левченко М. В. Очерки... С. 495; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... С. 181.

¹³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 342.

ских документах часто именуется «Cumania et Brodinia terra»¹³⁴.

В печально известной битве на Калке бродникам, выступившим на стороне татар, суждено было сыграть поистине роковую роль. Их предводитель по имени Плоскыня, нарушил клятву, данную русским князьям, что стоило жизни тысячам русских воинов¹³⁵. Ярким контрастом выглядит поведение галицких «выгонцев», также принявших участие в битве на Калке. Однако в отличие от бродников, «выгонцы» сражались на стороне русских князей, будучи частью отряда, который привел галицкий князь Мстислав Удалой¹³⁶.

Как видим, именно в вопросе об отношении к кочевникам, с одной стороны, и к Руси – с другой, между бродниками и населением Нижнего Подунавья проходит глубокий водораздел. Первые охотно шли на союз с кочевниками и, более того, зачастую воспринимались почти как одно целое с ними. Другие, напротив, скорее, противостояли кочевникам (в этом качестве они были полезны и Византии), часто становились объектом их агрессии и в политическом отношении гораздо ближе были к интересам Руси, пользуясь к тому же ее ответной поддержкой как раз в моменты усиления натиска степняков. Единственный известный нам случай совместных действий половцев и подунайцев – берладников несколько не колеблет нашего вывода. Тогда, в 1159 г. для похода на Галич, как мы помним, Иван Ростиславич собрал шесть тысяч берладников и союзных половцев; но эта совместная акция провалилась из-за того, что последние начали разорять русских – жителей Галичины¹³⁷.

¹³⁴ Шушарин В. П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии...

¹³⁵ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 63.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 742.

¹³⁷ Там же. Стб. 497-498.

3. Бояре и община Галича в княжение Ярослава Осмомысла

Князь Ярослав и «все мужи его»: первые летописные известия о галицких боярах, их оценка исследователями. – О военном и политическом значении совета князей с боярами. – Бояре и воинские силы общины. – Бояре и «галичане» в событиях начала 1170-х годов. – К вопросу о боярских «партиях» и их роли в политической жизни общины. – Итоговые замечания.

Общественное положение и роль галицкого боярства с большей ясностью и полнотой раскрывается в событиях 50 – 70-х годов XII в., ставших важным этапом политического развития галицкой общины. Начиная с этого времени, галицкое боярство привлекает повышенное внимание исследователей, выдвигающих самые различные объяснения и оценки социально-политического значения бояр. Много споров в науке ведется, в частности, относительно источников влияния бояр на ход общественных дел, их высокого социального статуса вообще¹. Решение проблемы, как представляется в свете новейших исследований общественно-политического строя Древней Руси², коренится во взаимоотношениях боярства и простых членов об-

¹ Подр. см.: Пашин С. С. Галицкое боярство XII – XIII вв. // ВЛГУ. Сер. 2. 1985. Вып. 4; Беликова Т. В. Княжеская власть в Галиче времен Ярослава Осмомысла // Там же. 1990. Вып. 3.

² Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980; 2) Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992; 3) Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995; 4) Рабство и данничество у восточных славян (IV – X вв.). СПб., 1996; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993; Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994; Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XIV –

щины города, земли. Поэтому мы полагаем целесообразным специальное обращение к данной теме, пока еще недостаточно разработанной в научной литературе³.

В то же время историками немало сказано о необыкновенной роли галицкого боярства, проявлявшейся по отношению к местным князьям. «Это край, – пишет о Галицко-Волынской земле В. В. Мавродин, – богатого и влиятельного боярства, привыкшего смотреть на “Червенские города”, на Прикарпатье, Понизье, на “горную страну Перемышльскую” как на свою собственную землю, где лишь формально существует верховная власть князя»⁴. «Нигде престиж княжеской власти не падал так низко, как в Галицко-Волынской Руси, нигде боярское своеволие не достигало таких границ», – замечает М. Н. Тихомиров⁵.

При этом ученые по-разному решают вопрос, когда складывается данная особенность политического строя Галицкой земли и региона в целом. Одни считают, что уже ко времени присоединения к Руси Червенских городов в конце X в. местное боярство было настолько сильным и своевольным, что «присылавшиеся в Галицию князья удерживались с большим трудом»⁶. Другие начинают отсчет «боярской оппозиции» в Галичине с событий 40-х годов XII в.⁷ Но большинство исследователей сходится на том, что начало обострения в отношениях боярства и князей приходится на время княжения в Галиче Ярослава Осмомысла⁸.

XV вв. СПб., 1999.

³ Взаимоотношения княжеской власти и боярства Юго-Западной Руси в домонгольский период недавно были обстоятельно изучены Т. В. Беликовой (Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дис. Л., 1990). Полученные автором результаты создают возможность для расширения предмета исследования внутриобщинных отношений, чтобы сосредоточить усилия на выявлении и характеристике связей бояр и простых общинников.

⁴ Мавродин В. В. Народные восстания в древней Руси. М., 1961. С. 97.

⁵ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI – XIII вв. // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 179. – Данная точка зрения восходит к соответствующим высказываниям крупнейших дореволюционных историков: С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и особенно М. С. Грушевского (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1988. Кн. 1. С. 545; Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. М., 1994. С. 68-70; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 473, 480-481).

⁶ Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI – XIII вв. М., 1955. С. 25-26.

⁷ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 178.

⁸ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 442; Томашів-

Данная точка зрения в наиболее развернутом виде представлена новейшим исследователем Юго-Западной Руси Н. Ф. Котляром. Он отмечает факт внезапного всплеска политической активности галицкого боярства, совпадающего по времени с вокняжением Ярослава. Если его отец, князь Владимирко Володаревич, «все вопросы внутренней и внешней политики... решал единолично», то с вокняжением Ярослава «положение изменяется и, судя по летописи, как бы внезапно». Отныне галицкое боярство «неизмеримо более активно, чем волынское, вмешивается в политическую жизнь своей земли и княжества в целом»⁹.

Основание для такого заключения исследователь находит в рассказе летописи, как киевский посланник к галицкому князю Петр Борисович, возвращенный в Галич новым князем Ярославом, находит последнего сидящим на княжеском столе в окружении «всех мужей его»¹⁰. Другим основанием является сообщение о том, как галицкие «мужи» говорят своему молодому князю перед битвой: «Ты еси молодъ, а поеди прочь и нас позоруй...»¹¹. За этими известиями (а других известий на сей счет не существует) Н. Ф. Котляр в итоге усматривает тенденцию к захвату боярами всей полноты власти в княжестве: «Эти мужи, — пишет он, — чрезвычайно быстро захватывают власть в княжестве и берут верх над Ярославом»¹². Поэтому мы остановимся подробнее на приведенных им свидетельствах источников и на возможном прочтении этих свидетельств.

Итак, в феврале 1153 г. киевский посланник Петр, выехавший из Галича после провала переговоров с князем Владимирком, неожиданно был вновь призван к галицкому князю: «Петръ же поеха въ градъ (Галич. — А. М.) и приеха на княжь дворъ. И ту свидоша противу ему съ сенеи слугы княжи, вси в черних мятлих. И, видивъ се, Петръ и подивися: “Что се есть?” И яже взиди на сени, и види Ярослава, сидяща на

ський С. Історія України. Старинні віки і середні віки. Мюнхен, 1948. С. 74-75; Коструба Т. Вибрані твори. Торонто, 1961. Т. 2. С. 243; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 123; Полонська-Василенко Н. Д. Історія України. Київ, 1992. Т. 1. С. 165; Пашуто В. Т. Очерки истории СССР. XII — XIII вв. М., 1960. С. 58; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. М., 1993. С. 515-516; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX — XIII вв. Киев, 1985. С. 125; Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 81.

⁹ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 125.

¹⁰ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 464.

¹¹ Там же. Стб. 466.

¹² Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 125.

отни месте в черни мятли и въ клобуце, тако же и вси мужи его»¹³. Привлеченный текст, на наш взгляд, совершенно определено показывает, что удивление Петра вызвано вовсе не тем, на чем концентрирует свое внимание Н. Ф. Котляр. Киевский посланник, только накануне с позором покинувший Галич и теперь не ждавший ничего хорошего от этого нового визита¹⁴, прибыв на княжий двор, удивляется, видя траурные одежды встречавших его слуг, а затем увидев на княжеском столе вместо Владимирка его сына Ярослава, также одетого в траур, как и бывшие при нем галицкие «мужи». Именно эти перемены, действительно произошедшие внезапно, удивили и поразили Петра.

Что же касается присутствия возле князя «мужей», то, в отличие от Н. Ф. Котляра, ни сам Петр, ни летописец не придают этому факту ни малейшего значения. И дело здесь отнюдь не в какой-то особой проницательности новейшего исследователя, сумевшего разглядеть то, что ускользнуло от взоров современников событий. По нашему убеждению, для того, чтобы понять подлинный смысл летописного повествования, необходимо смотреть на описываемые события по возможности именно глазами их современников. Реализовать такой подход в наши дни можно путем учета научных данных о том, насколько то или иное явление социальной и политической действительности было характерным для своего времени, насколько часто оно встречалось в общественной практике и какое значение имело¹⁵.

Возвращаясь к наблюдаемой Петром картине (галицкий князь сидит на столе в окружении всех своих «мужей»), мы должны отметить, что речь здесь идет о боярах: «боярами» именуется их Лаврентьевская летопись¹⁶, в качестве бояр воспринимают этих мужей современные

¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 463-464.

¹⁴ Летописец так говорит об этом: «Петръ же темь печалень бяше велми, оже ему бяше опять в городъ поехати, творяшеться прияти муку пуще того» (там же. Стб. 463).

¹⁵ Отечественной наукой накоплен богатый опыт обобщающих исследований в области общественно-политических, правовых, идеологических отношений Древней Руси, дающий широкие возможности на этот счет; наиболее ценными среди них, на наш взгляд, являются: Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1908-1911. Т. I-III; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910; Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993; Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. М.; Л., 1966; Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980; 2) Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.

¹⁶ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 340.

исследователи¹⁷. «Мужи»-бояре всегда и повсюду неперенные спутники князей, их постоянное окружение. «Летописи, – пишет И. Я. Фроянов, обобщая соответствующий фактический материал, – пестрят рассказами о князьях, находящихся в боярской компании при самых различных жизненных ситуациях, общественных и бытовых»¹⁸. Это и не удивительно, ведь бояре – советники князя и его ближайшая опора, и такое положение является нормальным, обычным¹⁹. В нем не содержится ни намека на какие бы то ни было попытки бояр подчинить себе князя и взять в свои руки всю полноту власти в княжестве. То, что киевский посланник застал в тереме галицкого князя бояр, было для него столь же обычным делом, как и то, что он застал там самого князя. Не присутствие при новом галицком князе «мужей»-бояр, а траурные одежды на них вызвали недоумение киевлянина, ничего не знавшего о смерти прежнего князя²⁰. Таков подлинный смысл данного эпизода.

Из дальнейших сообщений летописи видно, что эти самые «мужи», окружающие Ярослава во время визита Петра, достались новому галицкому князю от отца вместе с княжеским столом, и свои отношения с новым князем они хотели бы строить на тех же основаниях, что и с его предшественником. «Како ны будеть отецъ твой кормиль и любиль, – говорят они Ярославу, – а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити»²¹. Все это также не дает никакого повода заподозрить бояр в стремлении узурпировать верховную власть в княжестве.

Когда же в феврале следующего 1154 г., во время похода на Галич киевского князя Изяслава Мстиславича, бояре предлагают своему молодому князю не участвовать в опасной битве, это вовсе не означает покушения на права князя как военачальника. Трудно согласиться с Б. А. Рыбаковым, считавшим, что этим предложением «галицкие бояре нанесли неслыханное оскорбление своему князю»²². Свою просьбу, высказанную в самых лояльных выражениях, бояре мотивируют так: «Ты

¹⁷ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 125-126.

¹⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 81.

¹⁹ Там же. С. 81-82.

²⁰ Эту смерть намеренно от Петра скрывали (ПСРЛ. Т. II. Стб. 463).

²¹ Там же. Стб. 466-467; см. также: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 479.

²² Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 119.

еси оу нас князь одинь, оже ся тебе што оучинить, то што нам деяти»²³. Бояре, следовательно, заинтересованы в благополучии своего князя и стремятся не избавиться от него, чтобы присвоить княжескую власть, а обеспечить князю относительную безопасность как гаранту независимости и благополучия всей Галицкой земли.

Вместе с тем «мужи»-бояре не просто отсылают князя с поля боя, чтобы он отсиделся за стенами города²⁴. На самом деле, как нам представляется, бояре предлагают князю свой план предстоящей боевой операции, в котором князю отводится весьма важная роль именно как военачальнику, решающему ответственную боевую задачу. Бояре формулируют ее так: «А поеди, княже, к городу (Теребовлю. – А. М.), ать мы ся бьемъ сами съ Изяславомъ, а кто нас будетъ живъ, а прибегнетъ к тебе»²⁵. Отправляя князя в Теребовль, бояре говорят: «... а поеди прочь и нас позоруи»²⁶. Значит, князь должен был не прятаться за стенами города, а внимательно следить за ходом битвы с тем, чтобы держать общую ситуацию под своим контролем, как и подобает главному военачальнику. После «злой» битвы галичане, сдержав натиск превосходящего численностью противника и нанеся ему ощутимый урон, «въбегоша... в городъ свои Теребовель»²⁷. Следовательно, задача князя, согласно плану галицких «мужей», состояла в том, чтобы он, заняв город, не только бы своевременно защитил его от наступавшего противника²⁸, но тем самым обеспечил бы надежный тыл основному галицкому войску²⁹.

Таким образом, вырисовывается еще одно смысловое значение всего разбираемого эпизода. Перед нами совет князя с боярами нака-

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 467.

²⁴ В таком ключе осмысливается летописный рассказ позднейшими хронистами XVII в. Например, у Ф. Софоновича читаем: «... просили его (Ярослава. – А. М.) галичане, жебы пошел в Галичъ для безпечности своего здоровья, шлюбуючи ему, же будуть щире сами за его здорове и за отчизну битися» (С о ф о н о в и ч Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. С. 98).

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 467.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Здесь уместно вспомнить эпизод 1144 г., когда вторгшимся в пределы Галичины войскам Всеволода Ольговича удалось зайти в тыл войску галичан, что вызвало панику среди них и привело к поражению (там же. Стб. 315; см. также: Г р у ш е в с ь к и й М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 424).

²⁹ Своевременное занятие Ярославом города Теребовля обеспечило галицкому войску важные позиционные преимущества перед неприятелем. В силу этого обстоятельства Изяслав Мстиславич отказывается продолжать борьбу и выводит войска из Галичины.

нуне решающего сражения, на котором распределяются обязанности между руководителями войска (князем и «мужами»-боярами) на время проведения боевых действий.

* * *

Ничего необыкновенного в такой ситуации нет. Князь запросто обращается за советом к своим боярам, «смысленным мужам», равно как и «мужи» не упускают случая высказаться перед князем по поводу тех или иных решений и планов. Если же князь пренебрегал советом с боярами или действовал вопреки их мнению, то это оборачивалось для него, как правило, крайне неблагоприятными последствиями³⁰. Тем более нуждался князь в совете с боярами в напряженной обстановке предстоящего сражения, требовавшей принятия ответственного решения.

Интересную аналогию находим в событиях 1093 г.³¹ Тогда русские полки во главе с киевским князем Святополком выступили к Треполю для отражения нашествия половцев. Когда оба войска приблизились друг к другу, дойдя до р. Стугны, «Святополкъ же, и Володимеръ, и Ростиславъ созваша дружину свою на совет, хотяче поступити чересь реку, и нача думати. И глаголаше Володимеръ, яко “Сде стояче чересь реку, в грозе сеи, створимъ миръ с ними”. И пристояху совету сему смыслении мужи, Янь и прочийи»³². «Смысленых мужей» данного эпизода историки справедливо отождествляют с боярами³³. На этом аналогия заканчивается, ибо киевляне – основная сила, участвующая в походе, – «не всхотеша совета сего», а «взлюбюбиша» другой «съвет» – переправляться через Стугну навстречу половцам³⁴. Причина такого поведения киевлян, на наш взгляд, в том, что предложение стоять на своем берегу до заключения мира с половцами, исходившее не от киевского

³⁰ Сергеевич В. И. Древности... Т. II. С. 381-384; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 44-51; Дьяконов М. А. Очерки... С. 164-170; Пресняков А. Е. Княжое право... С. 201-203; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 81.

³¹ Аналогия в событиях 1153 и 1093 гг. прослеживается по следующим признакам: 1) как в одном, так и в другом случае речь идет об отражении внешней агрессии всеми силами местных общин; 2) в обоих случаях руководят войсками князь, только что заступившие на княжение, и 3) совет с боярами князь ведут непосредственно перед сражением, и предметом обсуждения является сложная оперативная обстановка.

³² ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 144.

³³ Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 45-46; Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 101.

³⁴ ПВЛ. Ч. I. С. 144.

князя или бояр (его высказал Мономах), не нашло должной поддержки ни у киевского князя, ни у бояр³⁵, поэтому вполне закономерно неприятие его и киевлянами.

Можно с уверенностью говорить, что перед нами не единичный факт (результат случайного совпадения позиций «думцев»-бояр и остальной общины), а одно из многочисленных проявлений глубоко укоренившегося в общественной практике правила: советы бояр князьям (когда дело касается общины) всегда учитывают интересы и настроения общины и никогда открыто не противоречат им.

Приведем только несколько примеров, хронологически относящихся к интересующему нас времени. В 1147 г. Изяслав Мстиславич собрал «бояры своя, и всю дружину свою, Кияне», объявив о намерении воевать с Юрием Долгоруким. Киевляне наотрез отказались поддержать князя: «Не можем на Володимере племя роуки вздаяти»³⁶. Бояре и дружина на страницах летописи безмолвствуют³⁷, но за них отвечает община («кияне»), бояре здесь растворяются в единой массе киевлян, их молчание свидетельствует о согласии с мнением всей общины.

Еще более показательно известие 1151 г. наступление на Киев войск Юрия Долгорукого заставило его противников – Изяслава, Вячеслава и Ростислава – «думати» об ответных мерах. Если Изяслав с братией настаивал на решительных действиях против Юрия («хотяшеть противу имъ бится»), то «дружина Вячеславля, и Изяславля, и Ростиславля, и всих князии оустягывахоуть от того, и Кияне, наипаче же Чернии Клобуци, от того оустягоша». После обмена мнениями князь «послоушавше дружины своея, и Киян, и Черных Клобоуковъ»³⁸.

Имея в виду прежде всего интересы общины (киевских «людей»), «мужи»-бояре говорят на совете новому киевскому князю Ростиславу, собравшемуся воевать с черниговским князем Изяславом (1154 г.): «Се Богъ поляь стрья твоего Вячеслава, а ты ся еси еще с людьми Киеве не

³⁵ Киевский князь и бояре с самого начала были настроены «поступити чересь реку», инициативу Мономаха среди них поддержали только «смыслении мужи», т. е. наиболее опытные и знающие воины.

³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 343-344.

³⁷ Молчание бояр в этом эпизоде В.О.Ключевский расценил как знак их согласия с предложением князя (К л ю ч е в с к и й В. О. Боярская Дума... С. 45). Считаем такую трактовку ошибочной. Источник ясно дает понять, что «поити на Дюргя» Изяслав «сдоума» не с боярами и дружиной, а со своими тогдашними союзниками – черниговскими князьями, а бояре и дружина, как и все «кияне», были поставлены Изяславом перед уже свершившимся фактом и никакого содействия, хотя бы и молчаливого, ему не оказывали.

³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 426-427.

оутвердиль. А поеди лепле в Киевъ же с людьми оутвердися»³⁹. Бояре как бы дают князю понять, что пока он не «утвердился» с общиной, он не может заниматься своими политическими делами, не рискуя при этом остаться без поддержки общины. Отвергая этот совет бояр, Ростислав должен действовать исключительно на свой страх и риск, лишаясь поддержки общины. Потерпев неудачу, он не может вернуться в Киев и вынужден бесславно распрощаться с киевским столом⁴⁰. Видимо, община не прощает князю пренебрежения ее интересами в угоду личным амбициям.

В 1167 г. княживший в Котельнице Владимир Мстиславич в очередной раз задумал выступить против киевского князя Мстислава Изяславича. С намерением привлечь силы общины Владимир «посла к Рагуилови Добрыничю, и къ Михалеви, и къ Завидови, являя имь думу свою»⁴¹. Но на сей раз бояре отказались поддержать князя: «А собе еси, княже, замыслиль, а не едемъ по тебе, мы того не ведали»⁴². Получив отказ бояр, князь остался и без поддержки военных сил общины (войска, полка) и должен был искать союзников среди берендеев, что привело его к полному краху. «А я оуже погинуль и душею, и жизнью», — с горечью констатирует князь. После провала своей затеи Владимир, как и Ростислав в предыдущем примере, и не помышляет о том, чтобы вернуться в свою волость, и долго потом скитается по Руси в поисках приюта⁴³. Порывая с местным боярством, князь тем самым непоправимо расстраивает свои отношения с общиной в целом.

Пренебрег советом с «лепшими мужами» и также лишился поддержки общины княживший в Киеве Святослав Всеволодович (1180 г.). Составив заговор против Давыда Ростиславича и скрыв свои намерения от киевских бояр, Святослав, как и Владимир в 1167 г., мог действовать, опираясь только на силы собственной дружины. Потерпев неуда-

³⁹ Там же. Стб. 474-475.

⁴⁰ Перечень примеров, когда мнение бояр полностью соответствует мнению остальной общины, и наоборот, можно продолжать (ПВЛ. Ч. I. С. 172; ПСРЛ. Т. I. Стб. 373-385; Т. II. Стб. 347-349, 358, 412 и др.).

⁴¹ Перечисленные лица не раз встречаются в летописи как добрые союзники Владимира (ПСРЛ. Т. I. Стб. 317, 318; Т. II. Стб. 349, 352, 535).

⁴² Бояре мотивируют отказ тем, что князь «замыслил» свой план сам, а не на совете с ними. В подобных случаях без поддержки бояр и, следовательно, общины князь вообще не мог ничего предпринять. «Тобе безъ насъ того нельзя было замыслити, ни сотворити», — говорят бояре князю Мстиславу, ложно обвиняемому своими врагами в заговоре против князей Давыда и Рюрика, и этим полностью опровергают обвинение как несостоятельное (там же. Т. II. Стб. 542).

⁴³ Там же. Стб. 536-537.

чу и сознавая, что поступал без одобрения киевлян, Святослав не может рассчитывать и на их поддержку в дальнейшем. Непрочность своего положения, ставшая следствием разлада с общиной, заставляет князя добровольно покинуть поднепровскую столицу⁴⁴.

Таким образом, бояре – представители общины на совете с князем. Их голос – это, как правило, голос общины, во всяком случае, тогда, когда обсуждаются вопросы, непосредственно затрагивающие ее интересы. «Совет» бояр, нам представляется, мог иметь значение как способ выяснения возможной реакции общины на те или иные начинания князя.

В. И. Сергеевич писал по этому поводу: «Князю надо было убеждать думцев в целесообразности своих намерений. Общее действие возможно было только тогда, когда думцы соглашались с князем. В противном случае князю приходилось отказываться от задуманного им действия»⁴⁵. Полагаем, что убеждать «думцев» в своей правоте имело смысл для князя только при том условии, что через них можно было привлечь к осуществлению своих намерений силы общины, особенно когда дело касалось мобилизации войска. Ближе к истине точка зрения М. С. Грушевского, объяснявшего значение совета с боярами стремлением князя «осведомиться о настроении общины или заручиться помощью влиятельных членов ее для проведения того или иного плана»⁴⁶.

Связующую роль боярского совета в отношениях князя с общиной с некоторыми оговорками признают и советские историки. «При обсуждении дел, касавшихся вольных городов, в которых князь правил по “ряду”, в совете участвовали представители магистратов», – пишет В. Т. Пашуто, подразумевая в последних летописных «мужей градских», являвшихся не княжескими дружинниками, а представителями городской общины⁴⁷. Поэтому для князя так важно, чтобы этот «совет» был достаточно представительным и авторитетным. Прямая и непосредственная зависимость прочности положения князя в земле-волости от его добрых отношений с «думцами»-боярами ясно видится в известном афоризме Даниила Заточника: «С добрым бо думцею князь высока стола додумается, а с лихим думцею думает – и малого стола лишен

⁴⁴ Там же. Стб. 614-615.

⁴⁵ Сергеевич В. И. Древности... Т. II. С. 382.

⁴⁶ Грушевский М. С. Нарис... С. 332.

⁴⁷ Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П. (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 18, 19.

будет»⁴⁸.

Вместе с тем «совет» с боярами выступал как средство обратить внимание князя на те или иные нужды общины, найти эффективные меры для их удовлетворения⁴⁹. Именно поэтому, надо думать, община всегда так болезненно реагирует на любые попытки князя уклониться от совета с «лепшими мужами», «передней», «большей дружиной»⁵⁰, ведь в таких случаях «людем не доходити княже правды»⁵¹. Если князь отвергал «передних мужей», то это воспринималось современниками как стремление к единовластию («хотя самовластец быти») в такой же степени, как и устранение со своего пути князей-соперников⁵².

Наши замечания о значении княжеского совета с боярами, безусловно, касаются и военно-политической сферы, в особенности же тех напряженных моментов, когда решалось политическое будущее общины, как это было под Теребовлем в 1153 г.

* * *

В чем причина столь высокого значения «совета» бояр (по военным делам) для князя? Почему князь обращается к боярам, когда нуждается в военной поддержке общины? Почему князь так внимателен к мнению бояр, когда ведет войско на неприятелей? Наконец, почему отказ бояр поддержать военные начинания князя оборачивается неучастием в них и земского войска? Ответы на эти вопросы мы рассчитываем почерпнуть из событий военной истории Галичины 50 – 70-х годов XII в.

Как уже сказано, в битве под Теребовлем имело место разделение обязанностей между князем и боярами как предводителями земского войска в целях успешного выполнения стоящей перед ним боевой задачи. Основная часть войска галичан остается тогда без князя и успешно сражается с неприятелем (на ее счету решающий вклад в достижение победы), руководимая, следовательно, собственными предводителями, действующими независимо от князя. О том, что это войско не безначальная масса, а упорядоченная, самоуправляющаяся организация, можно судить по факту наличия в нем «лучших мужей»⁵³ – тех же

⁴⁸ ПЛДР. XII век / Сост. и общ. ред Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 394.

⁴⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 50-51.

⁵⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 142, 143; ПСРЛ. Т. II. Стб. 538, 614-615, 659.

⁵¹ ПВЛ. Ч. I. С. 142.

⁵² ПСРЛ. Т. II. Стб. 520.

⁵³ Там же. Стб. 467-468.

бояр и военачальников.

Особое отношение к «лучшим мужам» галичан проявляют их приятели – воины Изяслава Мстиславича⁵⁴, это определенно указывает на особое положение «лучших мужей» в собственном войске. В войске киевлян, вторгшемся в Галичину в 1152 г., также имеются «лучшие мужи» («Кыяны лутшии»); их участие в походе специально отмечается летописцем⁵⁵. Думается, это сделано неспроста. Есть факты, показывающие, что войско, оставшееся без «лучших («добрых») мужей», становится неуправляемым и теряет боеспособность⁵⁶. Особая роль «лучших мужей» в войске, по-видимому, состоит в том, что они являются начальниками первичных войсковых подразделений и вместе с тем наиболее боеспособными воинами. В некоторых эпизодах «лучшие мужи» представляют собой всадников и противопоставляются пешим воинам⁵⁷.

Самостоятельность военных сил галицкой общины прослеживается и в целом ряде других эпизодов. Так, под 1159 г. читаем в летописи: «Мьстиславъ, и Володимиръ, и Ярославъ, и Галичане идутъ Киеву»⁵⁸. Здесь самоуправляющееся галицкое войско представлено как самостоятельный участник антикиевской коалиции (притом, что с этим войском шел в поход и галицкий князь) наравне с войсками, выступавшими под руководством князей. В дальнейшем галицкий князь и вовсе перестает участвовать в военных походах за пределы Галицкой земли, и галицкое войско, таким образом, приобретает полную самостоятельность. В 1160 г. «Володимеръ Андреевичъ, и Ярославъ Изяславичъ, и Галичане избиша Половци межи Мунаревомъ и Ярополчемъ и много душъ ополониша, иже бяхуть взяли Половци»⁵⁹. В 1169 г. «Мьстиславъ же Изяславичъ, съ братомъ съ Ярославомъ, съ Галичаны поиде къ Дорогобужю на Володимира на Андреевича»⁶⁰.

В источниках находим сведения и такого рода: в 1160 г. дважды упоминается «Галичская помочь», оказывавшая содействие Святославу Ольговичу в борьбе с Изяславом Давыдовичем⁶¹. Начиная с этого времени самодеятельная «Галичская помочь» постоянно фигурирует в

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Стб. 446.

⁵⁶ Там же. Стб. 622.

⁵⁷ Там же. Стб. 641-642.

⁵⁸ Там же. Стб. 500.

⁵⁹ Там же. Стб. 506-507.

⁶⁰ Там же. Стб. 546.

⁶¹ Там же. Стб. 506, 507.

летописях как военная сила, равная по значению «войскам» и «полкам», управляемым князьями⁶². Особого внимания заслуживает известие об обстоятельствах вокняжения в Киеве Мстислава Изяславича (1170 г.): «И, вшедь в Киевъ (Мстислав. – А. М.), возьмъ ряды съ братьею, съ Ярославомъ и Володимиромъ Мъстиславичемъ, съ Галичаны, и съ Всеволодковичемъ, и Святополкомъ Гюргевицемъ, и с Кияны»⁶³.

И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко резонно замечают, что «летописец называет галичан и киян “братьею” наравне с князьями, подчеркивая тем самым равенство сторон»⁶⁴. Рассматривая сообщения источников, ученые констатируют: «Галицкая городская община, галицкое ополчение упоминаются часто даже без непосредственных военачальников, она сама доминанта в военной сфере»⁶⁵. Это, разумеется, не значит, что галицкое войско, действительно в некоторых случаях выступающее (на страницах летописи) как бы само по себе, могло обходиться без непосредственных военачальников. Ведь, как известно, любая военная организация обладает четкой структурой и внутренней иерархией и строится, как правило, на принципе единоначалия. В нашем распоряжении имеются также и прямые свидетельства того, что войско галичан управляется собственными предводителями. Некоторых из них мы знаем по именам. Это – воеводы Иван Халдеевич⁶⁶, Тудор Елчи⁶⁷, Константин Серославич⁶⁸, «ведшие» войско и «державшие» в нем «весь наряд»⁶⁹.

В самостоятельности и умелости этих воевод, как военачальников – сила и слава галицкого войска. В летописном некрологе на смерть Ярослава Владимировича сказано: «Бе же князь... славень полкы, где бо бяшетъ емоу обида, самъ не ходяшетъ полкы своими водами»⁷⁰. Последнюю фразу следует понимать так: «...когда бывала ему от кого обида, то он сам не ходил с полками, а посылал воевод»⁷¹.

⁶² Там же. Стб. 509, 548-549, 616 и др.

⁶³ Там же. Стб. 548.

⁶⁴ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 139.

⁶⁵ Там же. С. 138.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

⁶⁷ Там же. Стб. 507, 616.

⁶⁸ Там же. Стб. 509, 548.

⁶⁹ В этом плане галицкие воеводы не отличаются от остальных воевод Древней Руси (Майоров А. В. Воевода и земская община Древней Руси в XI – начале XIII в. // Мавродинские чтения: Исторический опыт русского народа и современность. Мат-лы науч. конф-ции / Отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб., 1994).

⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 656.

⁷¹ Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 546.

В. Н. Татищев дополняет данную характеристику словами не дошедшего до нас источника о том, что никто не смел нападать на Ярослава Галицкого, потому что галицкие воеводы, беспрестанно помогая грекам, чехам и венграм, были умелыми в ратных делах и храбрыми в битве⁷².

Таким образом, галицкие бояре – «лепшие мужи» и воеводы – во всех рассмотренных эпизодах предстают перед нами как руководители воинских сил суверенной общины. Они лично участвуют в боевых действиях. Их гибель, пленение или, наоборот, счастливое спасение от гибели и плена – события, отмечаемые летописью наряду с фактами участия в битвах князей и сведениями об их судьбе. Связь бояр с войском теснее и глубже связи войска с князем. Галицкое войско во множестве случаев свободно обходится без всякого участия князя, но без участия своих бояр – никогда. Бояре осуществляют непосредственное руководство войском (воеводы) и, вероятно, составляют его лучшие, ударные силы («лепшие мужи»). Недаром, поэтому, термин «боярин», как показывают исследования лингвистов, в русском языке производится от корня *бой* в значении 'битва', 'сражение'⁷³.

* * *

Связь бояр с общиной не ослабевает и в мирное время, когда воеводы и «лепшие мужи», возвратившись из похода, возвращаются так же, как и рядовые воины, к делам и заботам мирной жизни. Остается неизменным и характер этой связи: в мирное время бояре по-прежнему непосредственные участники и руководители общины во всех важнейших ее делах.

Примером здесь должны стать бурные события в Галиче начала 1170-х годов, неизменно вызывающие живой интерес исследователей. Рассказ о них помещен под 1173 г.⁷⁴ Источник сообщает: «В том же лете выбеже княгини изъ Галича въ Ляхи сыномъ съ Володимиромъ. И Кстятинъ Серославичъ, и мнози бояре с нею быша тамо 8 месяци. И начаша ся слати к неи Святополкъ и ина дружина, вабаче ю опять: "А

⁷² Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 143.

⁷³ Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка и других славянских языков. СПб., 1887. С. 104; Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910. Т. 1. С. 40; Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1965. Т. 1. Вып. 2. С. 182.

⁷⁴ Летописная датировка данного известия неточна. На самом деле события, изложенные под 6681 г., произошли несколькими годами раньше, скорее всего в 1170 г. (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 159).

князя ти имемь”. Володимеръ же посла ко Святославу къ Мьстислави-
чу, прося оу него Червьна: “Ать ми будеть ту седячи добро слати в Га-
личь, аже ти сяду в Галичи, то Бужьскъ твои возворочю и 3 города
придамъ к тому”. Святославъ же да ему и крестъ къ нему целова пома-
гати ему. И поиде Володимеръ къ Червьну и с матерью, и оустрете и
весть от Святополка из Галича: “Поедь стряпать! Отца ти есмы яли и
приятели его, Чаргову чадь, избиле. А се твои ворогъ – Настаська”. Га-
личани же, накладъше огонь, сожгоша ю, а сына ея в заточение послаша,
а князя водивше ко кресту, яко ему имети княгиню въ правду. И тако
уладивъшеся»⁷⁵.

Первое, что можно вынести из этого рассказа, – княгиню и княжи-
ча, бежавших из Галича, сопровождают «мнози бояре» во главе с Кон-
стантином (Коснятином) Серославицем, неоднократно возглавлявшим
галицкое войско и пользовавшимся большим авторитетом галичан⁷⁶.
Значит, перед нами не семейный конфликт князя с женой и сыном, а
гораздо более широкое в социальном плане движение с явно выражен-
ной политической окраской, цель которого, как верно замечено неко-
торыми исследователями, оградить князя и общину от растущего влия-
ния «чарговой чади» и всех ее «приятелей», олицетворяемого княже-
ской любовницей Настаськой⁷⁷.

Далее. В событиях, изложенных в приведенном летописном отрыв-
ке, от начала и до конца просматривается определенная логическая по-
следовательность. Уход из Галича вместе с княгиней влиятельных бояр
тотчас находит отклик у галицкой общины («иной дружины»⁷⁸), лиде-
ром которой становится некий Святополк. Вдогонку беглецам эта
«дружина» посылает гонца, призывая вернуться обратно и обещая
«имать» князя Ярослава. Вероятно, княгиня Ольга и ее сын Владимир
ответили галичанам согласием, одоблив их намерения в отношении
Ярослава. На это указывают два следующих звена сюжета. После пере-
говоров с Ольгой и ее сыном галичане приступили к активным дейст-

⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 564.

⁷⁶ Там же. Стб. 548-549.

⁷⁷ Б е л и к о в а Т. В. Княжеская власть в Галиче... С. 23.

⁷⁸ Слово «дружина» в древнерусском языке было весьма многозначным и могло означать не только княжескую дружину, но и войско вообще; имело оно и еще более общее значение ‘товарищи, спутники, единомышленники’ (С р е з н е в с к и й И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I. Ч. 1. Стб. 729-731; СлРЯ XI – XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 363). В последнем значении (‘единомышленники’) понятие «дружина» могло употребляться и применительно к земской общине, когда летописец хотел показать единоплеменные общинников в тех или иных делах (ПСРЛ. Т. I. Стб. 371).

виям: они взяли под стражу («яли») князя и перебили ненавистную «Чаргову чадь», сделав все это еще до возвращения в Галич Ольги и Владимира. А Владимир после получения известий из Галича обратился к княжившему в соседнем Владимире-Волынском Святославу Мстиславичу⁷⁹, прося у него Червен для того, чтобы быть поближе к Галичу (Владимир с матерью в это время уже находился в Польше, судя по всему, в Кракове⁸⁰) и иметь возможность своевременно реагировать на разворачивавшиеся там события.

Вызывает недоумение интерпретация данного эпизода В. Т. Пашуто: «Именно из Польши многие бояре во главе с известным воеводой Константином Серославичем добились от Ярослава Осмомысла обещания “иметь княгиню в правду”, а затем сожгли его незаконную жену Настаську, отправили в заточение ее сына Олега и перебили низовскую дружину Ярослава»⁸¹. Получается, что события, происходившие в Галиче, были делом рук бояр, находившихся в Польше, и что именно благодаря пребыванию в Польше, боярам удалось добиться своего от галицкого князя. Гораздо ближе к истине объяснение П. П. Толочко: «Отъезд княгини Ольги с сыном Владимиром и боярами в Польшу произвел на галичан огромное впечатление. В городе вспыхнуло настоящее восстание. Ярослава посадили в собственном дворце под арест; его приятелей Чарговичей изрубили, а любовницу Настаську сожгли на костре...»⁸².

В рассмотренном эпизоде бояре и община Галича действуют вместе и заодно. Их действия, различаясь по способам, по сути направлены на одно и то же. Первыми в дело вступают бояре, и община тотчас следует их примеру. Начальным актом всей этой истории был демонстративный отъезд из Галича влиятельных бояр во главе с Константином Серославичем, который, думается, имел значение своего рода сигнала для остальной общины, побуждающего перейти к решительным действиям против «Чарговичей». Из слов Святополка видно, что община сразу же после отъезда бояр готова начать массовое выступление. Значит, намерения бояр не были для нее новостью, во всяком случае, они полностью совпадали с настроениями галичан. В едином строю против общих врагов выступают и простые жители Галича, и оставшиеся в

⁷⁹ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 176.

⁸⁰ Головки А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 81-82.

⁸¹ Пашуто В. Т. Внешняя политика древней Руси. М., 1968. С. 160.

⁸² Толочко П. П. Историчні портрети. Из історії давньоруської і європейської політики X – XII ст. Київ, 1990. С. 258.

нем бояре (во главе со Святополком), поэтому летописец в своем рассказе употребляет обобщающий термин «галичане», за которым стоит «нерасчлененная масса горожан», т. е. городская община в целом⁸³.

Наши наблюдения можно подтвердить и конкретизировать, проведя параллель между событиями 1170 г. в Галиче и совершенно аналогичным случаем, имевшим место во Владимире-Залесском в 1177 г. Так же, как и галичане, владимирцы были недовольны своим князем Всеволодом за то, что он, как и Ярослав Галицкий, оказывал благоволение лицам, воспринимаемым общиной своими врагами. Как и в Галиче, так и во Владимире первыми в дело вступают бояре. «Всташа бояре и купци, рекуше: “Княже, мы тебе добра хочемъ и за тя головы свое складываемъ, а ты держишь ворогы свое просты. А се ворози твои и наши, Суждалци и Ростовци. Любо и казни, любо слепи, али даи нам”»⁸⁴. Всеволод «людии деля» посадил «ворогов» в поруб. Но эта полумера не удовлетворила общину и вызвала теперь уже всеобщее движение. «По мале же днии всташа опять людье вси и бояре. И придоша на княжь дворъ многое мьножьство съ оружьемъ, рекуше: “Чего ихъ додержати? Хочемъ слепити и!” Князю же Всеволоду печалну бывшу, не могшю оудержати людии, мьножьства ихъ ради»⁸⁵. Бояре и рядовые общинники здесь, как и в Галиче, слиты в одно единое «множьство», но полностью не теряются в нем. Бояре личным примером поднимают простых горожан и затем, когда движение, разгораясь, приобретает массовый размах, они оказываются как бы за спиной простых горожан⁸⁶, но не покидают их до наступления полной развязки.

Бурные события в Галиче 1170 г. не исчерпали конфликта внутри галицкой волостной общины, продолжавшегося в течение всей последней четверти XII в., время от времени обострявшегося с новой силой и все более вовлекавшего в свою орбиту интересы соседней волынской общины.

В 1173 г.⁸⁷ вновь начался разлад между Ярославом Осмомыслом и его сыном Владимиром. На этот раз происходящее в княжеской семье не вызвало со стороны галицкой общины того отклика, как в 1170 г.,

⁸³ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 140.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 385.

⁸⁵ Там же. Стб. 385-386.

⁸⁶ Кривошеев Ю. В. Князь, бояре и община Северо-Восточной Руси в XII – начале XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города / Отв. ред. И. Я. Фроянов. Л., 1988. С. 118.

⁸⁷ Летописная датировка данного известия (1174 г.) не верна и уточняется исследователями. – Б е р е ж к о в Н. Г. Хронология русского летописания. С. 160.

однако неверно было бы думать, что галицкие бояре и вся община оставались при этом совершенно безучастными⁸⁸. Позиция галичан в возобновившемся семейном конфликте князя отчетливо видна из сообщений летописи, хотя прямо и не заявляется. Когда Владимир бежал от отца к луцкому князю Ярославу Изяславичу («бе бо ялься (Ярослав. – А. М.) ему волость искати»), галицкому князю понадобилось прибегнуть к посторонней помощи, чтобы смирить своего строптивого отпрыска и сквитаться с его незадачливым покровителем. «Пославъ Ярославъ Галичкыи, – читаем в летописи, – приведе Ляхи на помочь собе и да имъ 3000 гривень серебра, [съжже] два города и нача слати къ Ярославу: “Пусти сына моего къ мне, аль поиду на тя ратью”. Онъ же оубоявся пожъженья волости своея и пусти Володимира къ Михалькови въ Торьцкыи и съ матерью...»⁸⁹.

Обращение галицкого князя за помощью не к вечу, общине⁹⁰, а приглашение иноземных наемников, свидетельствует, безусловно, об определенной позиции, занятой общиной в этом конфликте⁹¹. Но дело здесь, как нам кажется, не в каких-то особенных симпатиях галичан по отношению к Владимиру⁹², напротив, как показывают дальнейшие события, он, как правитель, пользовался гораздо меньшей популярностью и поддержкой общины, чем его отец, и, начиная новый конфликт с отцом, Владимир рассчитывал, конечно, не на содействие галичан, а на помощь луцкого князя.

Чтобы прояснить роль галичан в событиях 1173 г., нужно провести параллель со сходной по своим предпосылкам и результатам коллизией, возникшей в отношениях князя и общины в Киеве в 1147 г. и рассказанной летописцем с необходимыми подробностями. Князь собрал вече и обратился к нему с такими словами: «Се есмь с братею своею сгадаь, с Володимеромъ и съ Изяславомъ Давыдовичема, и съ Всеволодичемъ Святославомъ: хочемъ поити на Гюргя, на стрыя своего и на

⁸⁸ Ср.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 444.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 571.

⁹⁰ Как то обыкновенно делали князья, готовясь начать боевые действия против своих врагов, поскольку другого способа заручиться поддержкой общины не существовало – только вече принадлежало право окончательного решения вопросов войны и мира. – См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 59; Дьяконов М. А. Очерки... С. 28, 141-142; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 166, 184.

⁹¹ Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 93.

⁹² Ср.: Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 151-153.

Святослава к Соуждалю, занеже прияль врага моего Святослава Олговича...»⁹³. На это вече отвечало: «Княже, ты ся на нас не гневаи, не можемъ на Володимере племя роуки въздяти, она же Олгович – хотя и с детми»⁹⁴.

Как видим, князь обращается к вече с просьбой поддержать его в борьбе со своими «врагами», которых община, руководствуясь собственными интересами, в данном случае расходящимися с интересами князя, врагами не считает, и это становится достаточным основанием, чтобы отказать князю в поддержке. Заметим, что такое решение могло принять только вече, на котором сошлись и «бояре», и «дружина», и «кияне», т. е. вся городская община⁹⁵, при условии единодушия большинства собравшихся – как бояр, так и простых общинников. И хотя летопись ничего не говорит о созыве веча галицким князем, как и вообще умалчивает о каком-либо участии общины в интересующих нас событиях, из действий самого князя видно, что он, как и киевский князь в 1147 г., для достижения своей цели должен обходиться собственными силами. А это, как показывает практика подобных отношений, могло быть только в тех случаях, когда община принимала решение не оказывать князю поддержки⁹⁶.

* * *

Единодушие, с каким община выступает в этих и подобных им эпизодах, исключает возможность говорить о существовании в ее среде в это время каких-то отдельных политических группировок, сколько-нибудь влиятельных «партий», ведущих борьбу друг против друга вразрез с интересами общины. Между тем, существует давняя историографическая традиция рассматривать некоторые случаи обострения социальных отношений в древнерусский период сквозь призму борьбы различных «партий», возглавляемых боярами, стремившимися взять верх над «партиями» соперников и навязать свою волю всей общине. Боярские «партии» историки находят в различных землях Древней Руси⁹⁷, но особенно охотно о них говорят в связи с историей Галицко-

⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 344.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Фроянов И. Я. 1) Вечевые собрания 1146 – 1147 гг. в Киеве // ВЛГУ. Сер. 2. 1977. Вып. 2; 2) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 167-176.

⁹⁶ См. с. 249-250 настоящей работы.

⁹⁷ См.: Сергеевич В. И. Вече и князь М., 1867. С. 64; Градовский А. Д. Государственный строй Древней Руси // ЖМНП. 1868. Ч. СХ. С. 122;

Волынской земли⁹⁸.

Для такого взгляда, как нам кажется, нет ни достаточно твердых фактических оснований, ни должных теоретических предпосылок. Остановимся на этом подробнее.

В свое время о несостоятельности представлений об ожесточенном противоборстве боярских группировок в Галицкой Руси, стремящихся утвердить на княжеском столе своего ставленника и тем самым подчинить себе всю землю, говорил Н. П. Дашкевич. Собрал и детально проанализировав летописные свидетельства, которые чаще всего использовали в своих построениях сторонники «партийности» галицкого боярства, историк сделал вывод, что в большинстве случаев боярство не знало подобного разделения, «и князья были вводимы в Галич или изгоняемы из него не отдельными партиями, но всем боярством»⁹⁹. В те же моменты, «когда мы замечаем отдельные партии, дело шло вовсе не о преобладании одной кучки бояр над другими»¹⁰⁰. То было «просто разногласие, исходившее из того, что одни считали лучшим одного князя, другие другого, но это еще не приводило партии к вооруженной борьбе, и торжество князя одной партии не влекло за собою преследования и бегства другой. Вообще мы видим полное отсутствие явлений,

Грушевський М. С. Нарис... С. 170; Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. С. 221; Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 181; Рожков Н. А. Исторические и социологические очерки. М., 1906. Ч. 2. С. 30-35; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV – XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 269; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 85; Дворниченко А. Ю. О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI – XV вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1985. С. 85-86.

⁹⁸ Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860. С. 119 и др.; Костомаров Н. И. Черты... С. 94 и др.; Шараневич И. И. История Галицко-Володимирской Руси з найдавніших времен до року 1453. Львов, 1863. С. 68, 70, 84 и др.; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 7 и др.; Кордуба М. Суспільні верстви та політичні партії в Галицькім князівстві до половини XIII стол. // ЗНТШ. 1899. Т. XXXI – XXXII; Ефименко А. Я. История украинского народа. Киев, 1990. С. 80; Пашуто В. Т. Очерки... С. 198 и др.; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 79-80, 82; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 143, 150-151; Беликова Т. В. Княжеская власть... С. 66-67.

⁹⁹ Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 38.

¹⁰⁰ Там же. С. 42.

неразлучных с борьбой партий и столь часто упоминаемых в новгородских летописях. Бегая из страны, галицкие бояре ожидали преследования не от своей же братии, а от князей, и не думавших опираться на какую-нибудь боярскую партию... Вообще же все бояре оставались в стране, хотя бы в Галиче садился и такой князь, которому некоторые из них не сочувствовали. Они покорялись необходимости, и мы не видим, чтобы одна партия шла на другую»¹⁰¹.

Большинством исследователей замечания Н. П. Дашкевича не были услышаны. Спустя много лет их поддержала (впрочем, без ссылки на предшественника) К. А. Софроненко. «Нельзя согласиться с мнением многих историков, – пишет она, – о коренном отличие галицких бояр от бояр других княжеств по признаку постоянного деления первых на партии. Боярских партий в Галицкой Руси не было, а имели место лишь разногласия между отдельными группами бояр, основная же линия всех бояр была едина – сделать свое господство несокрушимым»¹⁰².

Не все приведенные здесь положения в равной степени могут быть нами приняты. В частности, это касается утверждения, что только бояре вводили или изгоняли из Галича князей, руководствуясь при этом лишь своими узкокорпоративными задачами. Источник такого взгляда кроется в неверном истолковании летописного термина «галичане», под которыми Н. П. Дашкевич и многие другие исследователи подразумевали исключительно бояр¹⁰³. На самом деле, термин «галичане» как и равное по смыслу выражение «галицкие мужи» относятся ко всей галицкой общине, имея в виду и бояр и простых граждан¹⁰⁴. Тем не менее, наблюдения Н. П. Дашкевича над конкретными фактами политической жизни Галицкой земли конца XII – начала XIII вв., вскрывающие отсутствие реальных признаков межпартийного разобщения и вражды, можно признать заслуживающими доверия.

Одним из главных аргументов доказательства «партийности» населения Галичины и других древнерусских земель принято считать встречающиеся в летописях известия о наличии у того или иного князя неких «приятелей», поддерживающих его, например, при замещении вакантного стола. Еще одним аргументом служат случаи призвания на

¹⁰¹ Там же. С. 43-44.

¹⁰² Софроненко К. А. Общественно-политический строй... С. 54.

¹⁰³ Насколько можно судить, впервые такое толкование термина «галичане» было предложено М. П. Смирновым (Смирнов М. П. Судьбы Червоной или Галицкой Руси... С. 117), а затем получило самое широкое распространение.

¹⁰⁴ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 140-141.

княжеский стол за спиной у здравствующего князя другого кандидата (имеем в виду, прежде всего, историю с сыном Ивана Берладника Ростиславом) или же эпизоды расправы и гонений в отношении некоторых лиц, происходящие в связи с переменами на княжеском столе. Заметим, что все эти и подобные им факты поддаются и совсем иному восприятию.

Прежде всего, в понятие «приятели», действительно, в ряде случаев имеющее политический оттенок, входят приверженцы какого-нибудь князя, не только из числа жителей земли или города, в котором он княжит, но также и князя других земель, союзники данного князя¹⁰⁵. Это понятие, таким образом, имеет весьма общее значение – сторонники, союзники вообще, и, следовательно, в каждом конкретном случае требуется специальная проверка и уточнение его смысла. Далее. Призвание Берладнича, исходившее от неких «галицких мужей» («партии сторонников Берладника»), на деле оказалось, как говорит сам летописец, «лестью», т. е. ложью, обманом¹⁰⁶, что достаточно определенно характеризует саму эту «партию». Наконец, в преследованиях и расправах, совершаемых князьями в отношении каких-либо лиц после приобретения или восстановления княжеского стола, на наш взгляд, гораздо больше оснований видеть не результаты сведения «межпартийных» счетов, а акты мести князя тем, кого он считал виновными в своих «обидях», на ком вымещал свою «досаду», т. е. акции, носившие личный характер.

О том, что подобная практика была весьма распространенным и даже обычным делом, свидетельствует такой факт. Оплакивая смерть смоленского князя Ростислава Мстиславича, его вдова говорит: «Многия досады прия от Смолнянь, и не виде тя, господине, николи же противу ихъ злоу никотораго зла въздающа»¹⁰⁷. Смещение же или призвание князей, как показывают исследования И. Я. Фроянова по истории Новгорода, было делом рук отнюдь не отдельных «партий», возглавляемых всемогущими боярами, а результатом волеизъявления всей городской общины, без чего никакие сколько-нибудь значительные политические изменения попросту невозможны¹⁰⁸.

Мы не можем принять идею о существовании «партий» в древнерусский период и в силу еще одного важного соображения, вскрываю-

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 316.

¹⁰⁶ Там же. Стб. 664.

¹⁰⁷ Там же. Стб. 617.

¹⁰⁸ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. С. 208-234.

щего отсутствие должного теоретического обоснования этой идеи. В нашем понимании в условиях непосредственной демократии, являющейся основополагающим принципом государственно-политического устройства земель-волостей Древней Руси¹⁰⁹, могла существовать только одна-единственная партия – партия большинства. Всякая политическая деятельность, противоречащая воле и интересам большинства, как показывают многочисленные фактические данные, была заранее обречена, поскольку общегородские и общеземские интересы всегда стоят выше интересов отдельных группировок, какими бы они ни были.

Общинный идеал совместного решения всех важнейших внешне- и внутрисполитических дел, особенно же остро стоящих проблем, доминирует в сознании людей древнерусской эпохи, что проявляется в фактах консолидации общины, сплачивавшейся в единое целое перед лицом опасности, когда общим интересам полностью подчиняются любые частные интересы и стремления. В итоге, как представляется, можно говорить только о наличии в определенный момент среди горожан сторонников или противников того или иного князя, того или иного политического решения, появление которых было ответом на вызов конкретных политических обстоятельств, а не следствием социальных противоречий внутри общины.

* * *

Итак, мы попытались проследить в событиях военной и политической истории Галичины 50 – 70-х годов XII в. связь, скреплявшую отношения между боярами и простыми общинниками. Эта связь неизменно обнаруживается во всех важнейших мероприятиях общины: в военных действиях против внешних врагов и в разрешении внутренних неурядиц. Сделанные нами наблюдения на местном материале еще раз подтверждают справедливость и обоснованность общего вывода, что в период Киевской Руси «бояре предстают перед нами прежде всего как лидеры, управляющие обществом, т. е. выполняющие известные общепользные функции»¹¹⁰.

Боярство – существенный и необходимый элемент общинной организации, ее руководящее звено. В этом, на наш взгляд, основной и важнейший источник высокого социального статуса бояр. Бояре непосредственно руководят деятельностью общины в таких ее сферах, как

¹⁰⁹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства...

¹¹⁰ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 80.

осуществление военных мероприятий, будь то отражение внешней агрессии или оказание помощи союзникам за пределами своей территории (здесь бояре полностью и с успехом замещают князя). Авторитет, добытый боярами на полях сражений, где они – предводители войска и его наиболее боеспособные участники, «работает» на них и в мирной обстановке: их мнению доверяется община в такой же степени, как и мнению самого князя («Аще ли не на добро было, не бы сего князь и бояре прияли», – говорят простые люди¹¹¹).

Но если вдруг князь начнет поступать в ущерб интересам общины, бояре первыми заявляют об этом, и община чутко откликается на их голос, готовая делом поддержать своих «лепших мужей». Интересы галицкого боярства в рассматриваемое время не существуют в отрыве от интересов остальной общины, узкокорпоративные связи и отношения не имеют той силы, чтобы отделить и противопоставить бояр и простых горожан в социальном смысле. Глубоко справедливыми представляются замечания Л. В. Даниловой относительно целостности городской общины периода Киевской Руси как единого социального организма, когда «представители разных сословий входили в одни и те же общинные организации», а «растущая имущественная и сословно-классовая дифференциация не разорвала еще общинной оболочки»¹¹². Поэтому, в нашем понимании, сила галицкого боярства, неоднократно отмечаемая исследователями, – это сила самой галицкой общины, действительно значительно окрепшая и возросшая во время княжения Ярослава Владимировича¹¹³. Истоки политического могущества Юго-Западной Руси, столь зримо проявившиеся уже в конце XII в., на наш взгляд, следует искать именно в событиях 50 – 70-х годов, имевших место в Галичине.

¹¹¹ ПВЛ. Ч. I. С. 81.

¹¹² Данилова Л. В. Сельская община... С. 168-169.

¹¹³ Это было очевидным уже для современников Ярослава Владимировича и нашло соответствующее отражение в летописи (ПСРЛ. Т. II. Стб. 656).

4.

Внутриобщинные отношения в событиях 1187 – 1189 годов

«Собор» 1187 г. и общерусская практика подобных мероприятий. – О составе участников древнерусского веча. – «Галицкие мужи» и князь Владимир Ярославич. – Первое появление на галицком столе венгерского королевича: завоевание или добровольное соглашение? – Еще раз о боярских «партиях» и роли бояр во взаимоотношениях вечевого общины с князьями. – Причины неудачи королевича Андрея: межпартийная борьба или выступление всей общины? – Итоговые замечания.

В рассмотренных нами перипетиях 50 – 70-х годов XII в. видна растущая самостоятельность галичан в проведении своих политических интересов, что свидетельствует о зрелой внутренней организации и консолидации общины, в полный голос заявивших о себе в последующем. Особый интерес в этой связи представляют события 1187 – 1189 годов. Наше обращение к ним обусловлено тем, что в рассказе летописца, сохранившем многочисленные детали и обстоятельства происходящего, заимствованные непосредственно из галицкого источника¹, вскрываются важные стороны внутриобщинных отношений второй половины XII в., что придает рассматриваемому сюжету особую значимость.

Почувяв близкую смерть, галицкий князь Ярослав Осмомысл «созва моужа своя и всю Галичкоую землю, позва же и зборы вся, и монастыря, и нищяя, и сильныя, и хоудыя и тако глаголяше, плачяся, ко всемь: “Отци, и братья, и сынове! Се оуже отхожу света сего соуетьнаго и

¹ Грушевський М. С. Історія української літератури. Київ, 1993. Т. III. С. 62; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 156 и след.

иду ко творчю своему. А сгрешихъ паче всихъ, якоже инъ никто же сгреши, отци (и) братья, простите и отдаите!» И тако плакашеться по три дни передо всеми сборки и передо всеми людьми и повеле раздавати имение свое монастыремъ и нищимъ... И се молвяшеть моужемъ своимъ: “Се азъ, одиною хоудою своею головою ходя, оудержалъ всю Галичкою землю. А се приказываю место свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимеру даю Перемышль”. И, оурядивъ ю, и приводит Володимера ко хресту и моужи Галичкыя на семь, яко емоу не искать, подь братомъ Галича...»².

Перед нами в целом вполне типичная ситуация: князь желает передать свой стол любимому сыну в обход других претендентов и должен, как того требует традиция, ставшая с середины XII в. правилом, заручиться согласием общины³. Однако меры, принятые для этого Ярославом, выглядят достаточно нетрадиционно. Чтобы лучше расположить галичан к сыну ненавистой всем Настаськи, князь не ограничивается созывом обычного вечевого собрания, а устраивает какое-то особое мероприятие, в котором наряду с «галицкими мужами» участвует духовенство – черное («монастыря») и белое («зборы»), и даже нищие.

Историки не раз указывали на особый характер этого собрания, как по составу участников, так и по причине созыва⁴. В. Т. Пашуто называет его «собором» и начинает с него отсчет существования на Руси данного учреждения⁵. Нужно заметить, что для полноправного употребления указанного термина не достаёт фактических оснований: в летописном тексте термин «собор» фигурирует для обозначения представителей духовенства⁶. Кроме того, нельзя согласиться с утверждением ис-

² ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 656-657.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 39; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 138-141, 157-158. – Это связано с завершением процесса формирования государственной организации волостных общин.

⁴ Крип'якевич И. П. Галицко-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 122; Рогов В. А. Государственный строй Древней Руси. М., 1984. С. 70; Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X – XIII вв. М., 1989. С. 184; Толочко П. П. Историчні портрети. Из історії давньоруської і європейської політики X – XII ст. Київ, 1990. С. 265.

⁵ Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П. (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11-14. – См. также: Пашуто В. Т. 1) Очерки истории СССР. XII – XIII вв. М., 1960. С. 45; 2) О мнимой соборности Древней Руси // Критика буржуазных концепций периода феодализма / Ред.: В. Т. Пашуто (и др.). М., 1962. С. 167.

⁶ Рыбаков Б. А. Русские летописцы... С. 149; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 141.

торика, будто «собор» имел характер «сословного собрания» и был порожден желанием князя «подкрепить свои действия поддержкой разных групп правящего сословия»⁷, ведь в источнике сказано, что князь созвал «и нищая, и сильные, и хоудья»⁸. Тем не менее, использование данного термина позволяет отличить традиционные вечевые собрания от тех, которые иногда устраивались князьями с конца XII в., чаще всего, в связи с решением вопроса о замещении княжеского стола и имели более широкий состав участников.

Можно привести несколько случаев такого рода. В 1211 г. владими́ро-суздальский князь Всеволод Большое Гнездо, желая передать княжеский стол младшему сыну Юрию в обход старшего Константина, «созва всех бояр своих с городов и с волостей, епископа Иоана и игумены, и попы, и купце, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по собе. И води всех к кресту, и целоваша вси лидие на Юрьи»⁹. Этому собранию историки уделяют повышенное внимание. Еще в XIX в. его стали отличать от обычного веча, именуя «собором»¹⁰. В советской историографии этот «собор» получил новую оценку: его воспринимали как сословно-представительный орган при князе, складывающийся примерно со второй половины XII в. и напоминающий позднейшие земские соборы; новый орган сословного представительства был противоположен старому вечевому строю и тем самым способствовал его угасанию¹¹. Против подобной интерпретации выска-

⁷ Пашуто В. Т. Черты... С. 13.

⁸ В. Т. Пашуто полагает, что упоминаемые в летописи «нищие» и «худые» – «это принятый в Древней Руси литературно-церковный оборот» (там же). Объяснение это выглядит неубедительно. Устраивать «престижные пиры» и раздачи имущества было своего рода моральным долгом древнерусского князя, и присутствующие при этом «нищие» и «убогие» – не литературная фикция, а подлинная реальность, связанная с древней традицией. – См.: Фроянов И. Я. 1) Престижные пиры и дарения в Киевской Руси // СЭ. 1976. № 6; 2) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 137-149.

⁹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 108.

¹⁰ См.: Платонов С. Ф. К истории московских земских соборов // Платонов С. Ф. Сочинения. СПб., 1912. Т. 1. С. 285.

¹¹ См.: Черепнин Л. В. 1) Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII – XIV вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1974. С. 33; 2) Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978. С. 55-56; 398; Кизилев Ю. А. 1) Земли и княжества Северо-Восточной Руси (XIII – XV вв.). Ульяновск, 1982. С. 23-24; 2) Земли и народы России в XIII – XV вв. М., 1984. С. 88; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 562.

зывается Ю. В. Кривошеев: «Собрание 1211 г. не являлось ни феодальным съездом, ни земским собором сословных представителей... Для земских соборов, как для особой политической формы, не настало еще время»; «состоявшееся в 1211 г. во Владимире собрание – это вечевое собрание»¹².

Мы не можем согласиться с отождествлением мероприятий 1211 г. с обычной вечевой сходкой. Даже те исследователи, которые доказывали вечевой характер данного собрания, признавали наличие в нем некоторых отличительных свойств, в частности, более широкий, нежели обычно, состав участников¹³. Нам думается, что указанное мероприятие следует рассматривать с учетом общерусской политической практики. Действительно, если попытаться расширить количество свидетельств, относящихся к проведению аналогичных мероприятий, можно заметить, что в них наряду с традиционными для вечевых сходок участниками – «мужами» или «людьми» – обязательно фигурируют представители различных разрядов духовенства, княжеские дружинники, а также более широкий состав земских сил – «все люди», «вся сторона», «от мала до велика» и т. п. В 1180 г. черниговский князь Святослав Всеволодович для решения вопроса о войне с Киевом и Смоленском «сзва все сыны своя и маложьшюю братью, и совокоупи всю Черниговьскоую стороноу, и дружиноу свою и поча доумати»¹⁴. В 1287 г. во Владимире-Волынском Мстислав Данилович «созва бояры Володимерьския брата своего, и местиче Роусци, и Немце, и повеле передо всеми чести грамотоу братноу о даньи земле и всех городовъ, и столного города Володимера. И слышаша вси от мала и до велика»¹⁵. Необычным выглядит и обращение князя к участникам таких собраний. Собравшихся галичан Ярослав Осмомысл приветствует: «Отци, и братья, и сынове!», в то время как к участникам обычного веча князь обращается: «Братья!»¹⁶.

Три дня князь «плакался» перед этим собранием и одновременно

¹² Кривошеев Ю. В. 1) К вопросу о форме земских учреждений в Северо-Восточной Руси в начале XIII в. // ВСПбГУ. Сер. 2. 1993. Вып. 2. С. 26; 2) Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. СПб., 1999. С. 70.

¹³ Латкин В. Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885. С. 23-24; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 693-694.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 615.

¹⁵ Там же. Стб. 905.

¹⁶ Там же. М., 1997. Т. I. Стб. 316, 317; Т. II. Стб. 348, 351; Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851. С. 110.

раздавал свое имущество нищим и монастырям, совершая тем самым подобающие случаю ритуальные действия¹⁷, воспринимавшиеся всегда с большим одобрением обществом. Но все это является лишь прелюдией к главному мероприятию, последовавшему тотчас по окончании княжеских покаяний и раздач. Круг его участников значительно сужается, в нем остаются лишь «галицкие мужи» (или «свои мужи» галицкого князя)¹⁸, к ним одним обращены дальнейшие слова князя, с ними он «урядился», с них же взял присягу.

Для понимания сути происходящего необходимо выяснить значение летописного термина «галицкие мужи» применительно для данного эпизода. Большинство исследователей в один голос утверждают, что умирающий Ярослав имел дело с боярами¹⁹. Однако такое понимание противоречит общему смысловому значению термина «муж», употреблявшегося (за исключением случаев, когда термин «муж» сопровождается предикатом «княжий») для обозначения свободного человека вообще²⁰, кроме того, оно совершенно не вяжется с другими обстоятельствами разбираемого эпизода. Во-первых, вопрос о наследовании княжеского стола мог быть решен только на вече, – это непреложное правило действовало в древнерусских волостях на протяжении всего домонгольского периода²¹, и Галич в этом смысле не был и не мог быть исключением²². Во-вторых, если мы признаем в «галицких мужах» одних только бояр, то выйдет, что для выражения всенародного предсмертного покаяния князь созвал лишь попов, монахов, нищих и бояр.

¹⁷ О социальной сущности данного обычая см.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 137-148.

¹⁸ Эти понятия равнозначны по смыслу и взаимозаменяемы: так, князь обращается к «моужемъ своимъ», а приводит к кресту «моужи Галичкыя».

¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1988. Кн. 1. С. 544; Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860. С. 116; Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 33; Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. М., 1994. С. 46; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 445; Пашуто В. Т. Очерки истории СССР. XII – XIII вв. М., 1960. С. 58; Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волинской Руси XI – XIII вв. М., 1955. С. 50; Рыбаков Б. А. Русские летописцы... С. 149; Котляр М. Ф. Галицко-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 127.

²⁰ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 140.

²¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 166, 171, 176, 177, 180, 184.

²² См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 103-156.

Такая избирательность сама по себе выглядит более чем странно, и, кроме того, в летописи ясно сказано, что князь созвал «всю Галичкую землю».

Итак, по нашему мнению, галицкий князь Ярослав Осмомысл с целью обеспечить передачу княжеского стола любимому сыну Олегу организовал и провел не одно, а сразу два мероприятия, каждое из которых, таким образом, имело политический смысл²³. Первое мы, вслед за В. Т. Пашуто, условно будем именовать «собором», вторым же было традиционное, обязательное в таких случаях вече. «Собор», конечно, не был вправе принимать решения о престолонаследии, так как это – исключительная прерогатива веча, но покаянные речи и щедрые раздачи князя, думается, должны были оказать соответствующее влияние на умонастроения тех его участников, которым через некоторое время предстояло решать судьбу княжеского стола на вече.

* * *

Так или иначе, высказанные соображения дают ключ к пониманию значения термина «галицкие мужи» применительно к событиям 1187 г. Это – вечники, люди, имевшие право присутствовать на вече и принимать участие в его решениях.

Говоря об участниках вечевых собраний, летописец использует предельно общие термины и выражения: «народ», «граждане», «людье», «мужи» или в зависимости от места собрания – города, земли – «кияне», «новгородцы», «владимирцы», «галичане», «смолянне», либо «киевские мужи (людье)», «галицкие мужи» и пр. Подобная терминология, свидетельствующая о демократическом характере древнерусского веча, о прямом и непосредственном участии в нем широких слоев населения городов-государств Древней Руси, нуждается в расшифровке в части, касающейся определения некоторых характерных признаков древнерусских вечников, отличающих их от остальной массы свободного населения.

В целом ряде случаев, когда сообщения летописей о деятельности вечевых собраний достаточно обстоятельны и полны, мы видим, что

²³ О проведении галицким князем не одного, а сразу двух мероприятий в свое время говорил В. О. Ключевский, доказывавший их аналогию с рассмотренными выше собраниями во Владимире-Суздальском 1211 г. и Владимире-Волынском 1287 г. (Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 46-47). В одном из них ученый находил боярскую думу с участием епископа, значение другого осталось неопределенным: участники его «не составляли всесословного собора или земского веча ни законодательного, ни совещательного» (там же. С. 46).

участники веча принимают решения, затрагивающие не только их самих, но также их детей, не присутствующих на сходке²⁴. Причем, из этих свидетельств явствует, что речь идет не о малолетних, а о вполне взрослых людях, способных носить оружие и участвовать в боевых действиях наравне со своими отцами.

Так, в 1147 г. киевляне говорят на вече своему князю Изяславу Мстиславичу, зовущему их выступить в поход против Юрия Долгорукого: «Княже! Ты ся на насъ не гневай, не можемъ на Володимире племя руки възняти, оня же Ольговичъ хотя и с детми»²⁵. Другой пример: сидевший в Курске Мстислав Изяславич, узнав, что против него идут Глеб Юрьевич и Святослав Ольгович, рассказал об этом курянам и услышал в ответ: «Оже се идуць Ольговичъ ради ся за тя бьемъ и съ детьми, а на Володимире племя, на Гюргевича, не можемъ руки подъяти»²⁶. В 1159 г. лишенный княжеского стола Рогволод Борисович решил сам добывать себе волость и обратился к дручанам, предлагая свою кандидатуру на местный княжеский стол. На это дручане с радостью отвечали: «Поеди, княже, не стряпай, ради есме тебе. Аче ны ся и съ детми бити за тя, а ради ся бьем за тя»²⁷.

Не следует думать, что перед нами всего лишь риторический оборот, гипербола, не имеющая ничего общего с действительностью, что, заявляя о своей готовности идти на войну вместе с детьми, горожане выражали не действительное намерение, а лишь бросали ни к чему не обязывающую фразу. Факты показывают, что вечники не только обещают сражаться за князя вместе с детьми, но и выполняют данное обещание, когда ему приходит срок. Начиная войну с Ольговичами, киевский князь Изяслав Мстиславич напоминает киевскому вечу об обещании поддержать его в этой войне, говоря: «Доспевайте от мала и до велика!». Киевляне же отвечали: «Ради... идемъ по тебе и с детми, якоже хоцещи»²⁸.

О том, что участие «детей» в боевых действиях наравне с «мужами» не фикция, а реальность, свидетельствует и новгородское известие

²⁴ Некоторые из таких известий уже привлекали к себе внимание исследователей — см.: Дьячков В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV вв. Варшава, 1882. С. 92-93; Дьячков М. А. Очерки... С. 128; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 358.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 344.

²⁶ Там же. Стб. 355.

²⁷ Там же. Стб. 493.

²⁸ Там же. Т. I. Стб. 317; Т. II. Стб. 349; Л., 1989. Т. XXXVIII. С. 114.

о событиях 1218 г.: возмущенные поведением посадника Твердислава и князя Святослава «поидоша ониполовици и до детии въ брънехъ, акы на рать, а неревляне такоже», после чего между «ониполовцами» и «неревлянами», с одной стороны, и жителями Людина конца и Прусской улицы, с другой, произошла «сеця у городныхъ воротъ»²⁹.

Собравшиеся на вече «мужи» принимают решения за своих «детей» и по другим вопросам, имеющим важное значение для общины, в частности, при заключении общиной договора с князем и принесении сторонами взаимной присяги. Так, в 1146 г. по решению веча, утвердившего условия договора с новым князем Игорем Ольговичем «целоваше вси Кияне хрестъ и с детми, оже подъ Игоремъ не лъстити, подъ Святославомъ»³⁰.

Отмеченные нами факты вызывают необходимость обратиться к научным данным о порядках, действовавших в сфере семейных отношений и, прежде всего, о форме семейной организации в Древней Руси. Многочисленные свидетельства письменных источников XI – XII вв. говорят о существовании большесемейных коллективов, состоящих не менее чем из трех поколений ближайших родственников. Большая семья или одна из ее переходных форм – неразделенная семья, в которой до смерти отца взрослые сыновья жили вместе со своими родителями, – достаточно зримо и полновесно проявляет себя в памятниках эпохи, как на уровне внутрисемейных отношений, так и во взаимоотношениях с внешним миром³¹. При этом правовое положение детей в древнерусской семье отличается высокой степенью зависимости от родителей, прежде всего от отцов. Такая зависимость распространяется не только на имущественное положение детей, но и касается личности последних, их гражданской свободы и в некоторых случаях даже самой жизни³².

Согласно современным этнографическим данным, у многих народов мира приобретение гражданского полноправия, в том числе права личного участия в деятельности органов общественного управления

²⁹ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 60-61, 259.

³⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 322.

³¹ Фроянов И. Я. 1) Семья и вервь в Киевской Руси (по поводу статьи О. М. Рапова) // СЭ. 1972. № 3; 2) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 26-43; 3) Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 32-72.

³² Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1894. С. 295-304; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 462-467; Юшков С. В. Общественно-политический строй... С. 451-453.

(например, племенного совета), для молодых мужчин не зависело от физического совершеннолетия, а наступало вследствие достижения определенного социального статуса, связываемого со вступлением в брак или прохождением специальных инициаций. Этот обычай восходит к системе возрастных классов – социально-возрастных подразделений, объединявших индивидов определенного возраста, которому соответствовал определенный уровень общественных обязанностей и прав. Система возрастных классов, как утверждают современные ученые, в том или ином виде «существовала некогда у всех земледельческих и скотоводческих народов мира, начиная от эпохи первобытности и до времени ранней государственности включительно», и в сочетании с семейно-клановыми отношениями образовывала единую систему общественных связей³³.

Такая система, несомненно, существовала и у славян. Следы ее закрепились в языке, о чем свидетельствуют данные лингвистического анализа. Так, во всех славянских языках основным значением термина «муж» является *супруг, женатый человек, мужчина в зрелом возрасте*, и в целом ряде случаев к нему добавляется также *воин и гражданин*³⁴. В то же время, для передачи понятия *мальчик-подросток* употребляется слово «отрок» (старшее значение *подросток, юноша, несовершеннолетний*), образованное от корня *-рок/речь* с помощью отрицательной приставки *от-*, которое этимологически связывается с понятием *не говорящий* в смысле «не имеющий речи, права голоса в жизни рода или племени»³⁵.

Неполнота гражданских прав, связываемая с ограничением права участия в деятельности вечевых собраний, была свойственна также отдельным категориям свободного населения городов-государств Древней Руси вне зависимости от семейного или возрастного статуса. Рассмотренный нами выше эпизод 1187 г. в Галиче предоставляет уникальный материал для решения данного вопроса. Из приглашенного князем множества людей на вече остаются только те, кто обладал гражданским полноправием. Таковых летописец именует «галицкими мужами», – только с ними князь вел переговоры о судьбе галицкого стола, с ними он «урядился», их же «водил ко кресту». Из круга участни-

³³ Калиновская К. П., Марков Г. Е. Возрастные отношения в системе традиционно-патриархального сознания в Азии и Африке // ВМГУ. Сер. 8. 1995. № 4. С. 30-31.

³⁴ ЭССЯ. М., 1994. Вып. 20. С. 158-160.

³⁵ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1. С. 611.

ков веча, прежде всего, выпадает духовенство: рядовые священнослужители из числа белого и черного духовенства принадлежали к церковным административно-политическим организациям, управлявшимся епископами³⁶; в работе вечевых совещаний могли участвовать только церковные иерархи. За пределами веча остаются и те, кого летописец именует «нищие» и «худые» при том, что они составляют неотъемлемую часть свободного населения земли и включаются в понятие «вся Галицкая земля».

В итоге мы имеем основания, позволяющие уточнить и конкретизировать значение летописного термина «галицкие мужи», равно как и «мужи» вообще. Нельзя согласиться с широко распространенным мнением, что таковыми являются исключительно бояре, но также нельзя отождествлять их со свободным населением вообще, поскольку не каждый лично свободный житель городов-государств Древней Руси являлся полноправным гражданином и мог участвовать в вечевых собраниях. Таким правом пользовались только главы больших семей, домохозяева и лица, достигшие определенного социально-правового статуса, вышедшие из состояния «детей». Кроме того, из круга вечников исключалось рядовое духовенство, а также нищие, живущие подаянием.

* * *

«Галицкие мужи» остаются главными участниками всех дальнейших событий. «По смерти же Ярославле, – читаем в летописи, – бысть мятежь великъ в Галичкои земли. И сдоумавъ же моужи Галичкыи с Володимеромъ перестоупишетъ хрестъное целование и выгнаша Олга из Галича»³⁷. Если исходить из употребления в приведенном тексте термина «сдумать», характерного для древнерусских летописцев способа передачи сведений о вечевых решениях³⁸, а также из предмета самого принятого тогда решения – изгнания князя, – то перед нами предстает факт нового вечевого собрания, и участниками его являются все те же «галицкие мужи». При этом происходящее трактуется летописцем как «мятежь великъ в Галичкои земли», т. е. движение, охватившее всю Галицкую землю. Значит, решение, принятое «мужами» распространялось на всех жителей земли, в том числе и тех, кто не имел привилегии полноправного гражданина.

³⁶ Щапов Я. Н. Государство и церковь... С. 124.

³⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 657.

³⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 159.

Свергнутый галичанами Олег «Настасьчич» сначала отправился за помощью к киевскому князю Рюрику Ростиславичу: «и бежа Олегъ оттоуду во Вроучи к Рюрикови»³⁹. О дальнейшей судьбе князя со ссылкой на польские источники говорит автор позднейшей Густынской летописи (XVII в.): Олег «пойде в Ляхи ко Казимеру королю, прося его, да поможеть ему на княжение, обещаю ему во всемъ, яко своему королю и отцу, послушным быти»⁴⁰. Одержав победу над Владимиром и галичанами, Казимир «посади» Олега в Галиче, но жители, «понеже не любяху его», все равно избавились от такого князя, «умориша его отравою». Только после этого, как утверждает источник, галичане «призваша себе на княжение» Романа Мстиславича⁴¹.

Рассказ Густынской летописи, как показал М. С. Грушевский, является результатом позднейшей переработки сообщений ряда польских источников о походе Казимира Справедливого на русский город Берестье, восходящих к Хронике магистра Винцентия Кадлубка и Великопольской хронике⁴². Среди историков нет единого мнения в вопросе о времени этого события и его главных участниках с русской стороны⁴³, поскольку польские хроники не содержат на этот счет ясных указаний⁴⁴, а русские летописи (за исключением оперирующей польскими данными Густынской) вообще ничего не знают о таком походе. Тем не менее, данное известие принимается исследователями как заслуживающее доверия⁴⁵. Для нас оно ценно как иллюстрация растущей политической самостоятельности вечевой общины Галича в отношениях с князьями; для достижения своей цели галицкие жители не останавливаются даже перед использованием крайних средств, таких как убийство неугодного и навязанного силой правителя.

³⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 657.

⁴⁰ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II. С. 321.

⁴¹ Там же. – Это сообщение непосредственно основывается на тексте Хроники Мацея Стрыйковского (XVI в.) (Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. I. S. 206).

⁴² Грушевський М. С. Історія України – Русі. Т. II. С. 446, 574-577.

⁴³ См.: Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 127-130.

⁴⁴ См.: Хроника магистра Винцентия Кадлубка // Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 105-106; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. / Пер. Л. М. Поповой. М., 1987. С. 122-123.

⁴⁵ Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 703-704. Прим. 351.; Грушевський М. С. Історія України – Русі. Т. II. С. 446, 574-577; Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь. С. 128.

Между тем, внутреннее положение в Галиче по-прежнему оставалось беспокойным. Выбор «галицких мужей» в пользу Владимира Ярославича оказался не вполне удачным, и поэтому его княжение в Галиче продлилось недолго. Через год обнаружилось, что «моужи Галичкнии не добро живоуть с князем своимъ»⁴⁶. Причин тому, по свидетельству летописи, было несколько: Владимир оказался «любезнивъ питию многому, и доумы не любяшетъ с моужми своими, и поя оу попа женоу и постави собе женоу...», кроме того, князю вменялось в вину, что он, «где оулюбивъ женоу или чью дочь, поимашетъ насильем»⁴⁷.

Исследователи справедливо отмечают, что главным среди перечисленных обвинений было пренебрежение «думой» со «своими мужами»⁴⁸. При этом «думцев»-«мужей» данного эпизода принято относить к числу «земских» галицких бояр⁴⁹. Они, безусловно, также являются участниками «мятежа», как и остальные «галицкие мужи», но не теряются полностью в их общей массе. Так, по сведениям В. Н. Татищева, черпавшего их из недошедшего до нас источника⁵⁰, посланцы «общего совета» галичан говорят Владимиру: «Княже, прислали нас все вельможи и народ земли Галицкой...»⁵¹. О роли боярства в рассматриваемых событиях свидетельствует и главное обвинение, предъявленное галичанами своему князю, инициированное, судя по всему, именно боярами, – обвинение в пренебрежении боярской думой. Такое положение вредит интересам общины в целом, подрывает нормальное функционирование ее руководящих структур, нарушает связь общины

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 660.

⁴⁷ Там же. Стб. 659-660.

⁴⁸ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 447; Софроненко К. А. Общественно-политический строй... С. 95; Котляр Н. Ф. 1) Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волинской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 86; 2) Галицько-Волинська Русь. С. 128; Пашин С. С. Галицкое боярство XII – XIII вв. // ВЛГУ. Сер. 2. 1985. Вып. 4. С. 17.

⁴⁹ Кордуба М. Суспільні верстви і політичні партії в Галицькiм князiвствi до половини XIII ст. // ЗНТШ. Львів, 1899. Т. XXXI-XXXII. С. 13-14; Софроненко К. А. Общественно-политический строй... С. 105; Пашин С. С. Галицкое боярство... С. 17.

⁵⁰ Специальные исследования современных ученых позволяют воспользоваться «Историей» Татищева «как своеобразным летописным сводом», автор которого, имея в распоряжении «значительный фонд рукописей, исчезнувших впоследствии и не дошедших до нас», «добросовестно передает извлечения из летописей с минимумом авторских пояснений» (Рыбаков Б. А. Русские летописцы... С. 196-197).

⁵¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 146.

со своим князем⁵². Боярство же, как это происходило и в других подобных случаях, выступает в авангарде общины⁵³. И пусть даже оно втайне преследует при этом какой-то свой узкокорпоративный эгоистический интерес⁵⁴, но объективно оно защищает и отстаивает интересы всей общины.

Новый поворот событий связан с вовлечением в их орбиту интересов соседней волынской общины. Владимиро-волынский князь Роман Мстиславич сперва выдает дочь за старшего сына галицкого князя, а затем, узнав о неладах в Галицкой земле, начинает «слати без опаса к моужемь Галичкимь, подтыкая ихъ на князя своего, да быша его выгнале изъ отчины своея, а самага быша прияли на княжение»⁵⁵. В действиях Романа сквозит настойчивое стремление тем или иным путем овладеть галицким столом. По данным польских источников, он даже обратился за помощью к своему родственнику малопольскому князю Казимиру Справедливому, и такая помощь ему была оказана⁵⁶. Думается, волынская община не оставалась безучастной к стремлениям своего князя, ведь Галич был прежде «пригородом» Владимира, долгое время боровшимся за независимость со «старшим» городом⁵⁷, и рецидивы этой борьбы в той или иной форме не раз давали о себе знать⁵⁸, что было характерно и для других земель Древней Руси⁵⁹.

Действия Романа увенчались успехом: «Моужи же Галичкыи, приимше светъ Романовъ, совокоупивше полкы своя и оутвердившеся кре-

⁵² Так, когда князь Всеволод Ярославич, состарившись, «нача любити смыслъ уных, светъ творя с ними; си же почаша заводити и, негодовати дружины своея первыя и людем не доходити княже правды» (ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 142).

⁵³ См. с. 256-257 настоящей работы.

⁵⁴ См.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 446-447.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 660.

⁵⁶ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 106. – См. также: «Великая хроника»... С. 123-124. – Польские хроники утверждают, что именно «король» Казимир посадил Романа на галицкий стол, однако это выглядит как явное преувеличение. – Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 84; ср.: Gorski K. Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią. Lwów, 1875. S. 33; Smolka S. Mieszko Stary i wiek jego. Warszawa, 1881. S. 334.

⁵⁷ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 136-145 и др.

⁵⁸ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 574-575.

⁵⁹ Кривошеев Ю. В. Князь, бояре и городская община Северо-Восточной Руси в XII – начале XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1988. С. 117-121.

стомъ, и востаха на князь свои. И не смеша его изымати, ни оубити, зане не вси бяхоуть в доуме тои, бояхоу бо ся приятелевъ Володимиревыхъ»⁶⁰. Приведенный текст еще раз свидетельствует о «галицких мужах» как об участниках вечевого собрания, поскольку вопрос изгнания и замены одного князя другим состоял в исключительной компетенции веча⁶¹. О том, что галичане намеревались сместить Владимира и заменить его другим князем, узнаем со слов В. Н. Татищева, дополняющих рассказ Ипатьевской летописи: посланцы «обсчего совета» говорят Владимиру, чтобы он как того хотел покойный Ярослав Осмомысл, «без пролития крови шел в свой Перемышль»⁶².

Не следует думать, что решение веча об изгнании Владимира было обязательным не для всех галичан, что существовала некая партия сторонников («приятелей») Владимира, на членов которой это решение бы не распространялось, и что галицкая община, таким образом, оказалась расколотой на два противоборствующих лагеря, вследствие чего, как писал М. С. Грушевский, «Владимировы враги не отважились на открытое восстание»⁶³. Источники не дают оснований для суждений такого рода. Наоборот, они ясно показывают, что «галицкие мужи» единодушно решили принять «совет» вольнского князя Романа, т. е. согласились взять его к себе на княжение, прогнав прежнего князя Владимира. И помешать этому никто не смог, да и, судя по летописи, не пытался.

Разногласия среди галичан касались лишь того, взять ли им под стражу («изымати») проштрафившегося князя Владимира или даже убить, либо ограничиться просто изгнанием. Выбрали последнее, и это вечевое решение стало обязательным для всех галичан, в том числе и для тех, кто придерживался противоположного мнения. Так, по свидетельству В. Н. Татищева, «злодеи же его (Владимира. — А. М.) хотя довольно знали и могли его поймать, но, избегая смятения, довольны были его уходом»⁶⁴. Что же касается выражения летописи «не вси бяхоуть в доуме тои», то, как следует из конструкции самого текста источника, сказанное относится не к намерению галичан свергнуть Владимира, а объясняет причину, по которой они не прибегли к более жестким

⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 660.

⁶¹ О том, что это было вече, свидетельствует и термин «сдумавше», используемый летописцем (Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 142).

⁶² Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 146.

⁶³ Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. II. С. 448.

⁶⁴ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 146.

санкциям в отношении князя.

Остается попытаться ответить, кто же были те «приятели» Владимира, которых опасались галичане? Два обстоятельства, как представляется, позволяют приблизиться к решению этого вопроса. То, что «приятели» Владимира в источнике противопоставляются «галицким мужам», участникам веча, и то, что, вопреки обыкновению, никто из «галицких мужей» не разделил судьбу опального князя, позволяет думать, что княжескими «приятелями» в данный момент были лишь его собственные дружинники, так как лишь одна дружина сопровождала князя и его семью, покидающих Галич⁶⁵. Все прочие «приятели», если они и были у князя, оставили его, подчиняясь вечевому приговору.

Представляет интерес свидетельство источника о том, что «галицкие мужи» восстают против князя, «совокоупивше полкы своя». Историки издавна толкуют это место как сбор боярами своих полков против князя, видя в этом доказательство всесилы галицкого боярства и воспринимая выступление общины против князя Владимира исключительно как боярский заговор: «Вероятно, – писал, например, В. О. Ключевский, – как областные правители, они (галицкие бояре. – А. М.) имели при себе «свои» полки, с которыми восставали против князей»⁶⁶. По нашему убеждению, в приведенном летописном известии речь идет не о боярах, точнее, не об одних только боярах, ведь решение о выступлении против князя принимало вече, а термин «галицкие мужи», как было показано выше, предполагает как раз участников вечевого собрания, всех без исключения, и в равной мере относится и к боярам, и к простым «мужам». В нашем понимании общий смысл данного известия заключается в следующем: галицкие «мужи» по решению веча⁶⁷ собрались в ополчение, чтобы выступить против князя.

О силе и самостоятельности галицкого ополчения, руководимого

⁶⁵ В таком употреблении слова «приятели» нет ничего удивительного: этим словом, означавшим сторонников или союзников вообще, летописцы называли, например, союзных друг другу князей (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 316).

⁶⁶ К л ю ч е в с к и й В. О. Боярская Дума Древней Руси. М., 1994. С. 69. – Схожие суждения находим и у многих других историков, как старых, так и современных (См.: З у б р и ц к и й Д. И. История древнего Галицко-Русского Княжества. Львов, 1852. Ч. II. С. 121, прим. 43; Г р у ш е в с к и й М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 448; Б а г а л і й Д. І. Нарис історії України на соціально-економічному ґрунті. Харків, 1928. Т. I. С. 373; П а ш у т о В. Т. Очерки истории СССР. XII – XIII вв. С. 594; С о ф р о н е н к о К. А. Общественно-политический строй... С. 95).

⁶⁷ Ритуал крестного целования был характерной процедурой утверждения вечевого решения, особенно когда дело шло о заключении договоров или соглашений, предусматривавших принятие сторонами взаимных обязательств.

собственными независимыми от князя военачальниками, мы имеем множество красноречивых свидетельств источников⁶⁸. Не случайно в летописном некрологе, посвященном Ярославу Осмомыслу, говорится, что князь сам с полками не ходил, а посылал воевод⁶⁹. Вероятно, организованным и достаточно подготовленным в военном отношении было выступление галичан против князя в 1170 г., о чем можно судить по его результатам: князь был схвачен и взят под стражу, а его «приятели» перебиты⁷⁰. Наконец, слово «полкъ» в древнерусском языке означало, прежде всего, войско и употреблялось летописцами для обозначения народного ополчения в противоположность княжеской дружине⁷¹. Нет никакой нужды приписывать этому слову вовсе не свойственное ему значение каких-то боярских полков, видя в них некую третью силу, вмещающуюся в отношения общины и князя.

В итоге мы приходим к выводу, что «галицкие мужи» – участники веча – являются в то же самое время и участниками народного ополчения, войска. Именно так представляет дело и сам летописец, говоря: «Моужи же Галичкыи, примше светъ Романовъ, совокоупивше полкы своя и оутвердившеся крестомъ, и восташа на князь свои»⁷². Одни и те же «галицкие мужи» сперва сходятся на вече, где решают заменить негодного им князя другим, затем собираются в ополчение и начинают действовать, выполняя принятое решение⁷³. Поэтому вече, в случае необходимости, могло устраиваться прямо во время похода, и участниками веча становились воины, участвующие в походе⁷⁴.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 500, 506-507, 509, 546, 548-549, 616 и др.

⁶⁹ Там же. Стб. 656.

⁷⁰ Там же. Стб. 564.

⁷¹ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. II. Ч. 2. Стб. 1747-1749; СлРЯ XI – XVII вв. М., 1990. Вып. 16. С. 220-221. – См. также: Крип'якевич І., Гнатевич Б., Стефанів З. (та ін.). Історія українського війська (від княжих часів до 20-х років ХХ ст.). Львів, 1992. С. 46; Ледева С. Д. К вопросу о некоторых названиях войсковых соединений в древнерусском языке (по материалам летописей XI – XIII вв.) // ВМГУ. Сер. ист.-фил. 1959. № 4. С. 163-174; Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке. Л., 1970. С. 37-49.

⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 660.

⁷³ Разумеется, ополчение не обходится без участия в нем бояр – воевод (там же. Стб. 320, 507, 509, 548, 616) и «лучших мужей» (там же. Стб. 446, 448, 502, 622, 641-642 и др.; см. также: с. 252-254 настоящей работы), играющих в нем весьма видную роль, так что иногда в рассказе летописца бояре заслоняют собой всех остальных участников войска (ПСРЛ. Т. II. Стб. 717).

⁷⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 208-209.

* * *

Свергнутый галичанами Владимир не собирался признавать поражения. Он поспешил за помощью к венгерскому королю, и тот «со всеми полкы» пошел на Галич. Роман, «не мога стати противоу емоу», бежал из города. «Король же, – продолжает летописец. – не посади в ньмь (в Галиче. – А. М.) Володимера, но дади весь нарядь Галичанамь и посади в ньмь сына своего Андрея. А Володимера поя с собою во Оугры опять ноужею...»⁷⁵. Рассказ Ипатьевской летописи подтверждается данными Хроники Винцентия Кадлубка, являвшегося современником описываемых событий: изгнанный Владимир «умоляет венгерского короля Белу помочь ему вернуться. Король [Бела] тотчас же не столько из-за сострадания к изгнанному, сколько в надежде завладеть королевством прогоняет поставленного короля [Романа], занимает королевство, сажает [там] своего сына; изгнанника же, дабы не чинил препятствия, связав, заключает в Венгрии в темницу»⁷⁶.

Действия венгерского короля некоторые исследователи объясняют его решением «попросту присоединить Галицкую землю к Венгерскому королевству»⁷⁷. С этим нельзя согласиться, как нельзя согласиться с мнением, что вокняжение в Галиче его сына вызвало возмущение горожан⁷⁸. Само появление на галицком столе венгерского королевича отнюдь не свидетельствует о потере Галичем независимости, точно так же, как нельзя сказать о подчинении Галичины соседней Волыни после появления на галицком столе владимирово-волинского князя Романа. Прежде чем вокняжиться в Галиче, Роман, вероятно, по требованию галицкой общины клятвенно навсегда отказался от владимирского стола: «...боле ми того не надобе Володимера»⁷⁹. Что же касается венгер-

⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

⁷⁶ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 106. – См. также: «Великая хроника»... С. 124.

⁷⁷ Котляр Н. Ф. 1) Формирование территории... С. 86; 2) Галицко-Волинська Русь. С. 129. – См. также: Зубрицкий Д. И. История... Ч. II. С. 129; Кордуба М. Суспільні верстви... С. 14; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 180.

⁷⁸ Андрияшев А. М. Очерк истории Волинской земли до конца XIV стол. Киев, 1887. С. 144; Грушевський М. С. Галицьке боярство XII – XIII в. // ЗНТШ. Львів, 1897. Т. XX. С. 13; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 80; Котляр Н. Ф. 1) Формирование территории... С. 86; 2) Галицко-Волинська Русь. С. 129.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

ского короля, то каковы бы ни были его планы в отношении Галича, он не мог не считаться с политической и военной силой галицкой общины.

Прежде чем посадить в Галиче своего сына, король «дади весь нарядъ Галичанамъ». Что кроется за этой загадочной фразой источника? Основным значением выражения «наряд» в древнерусском языке является: «Порядок, устройство, правопорядок; организация»⁸⁰. С таким значением данное слово используется в летописях, начиная с самых ранних известий о призвании варяжских князей и их деятельности по устройению Русской земли⁸¹. Отличительной чертой летописных сообщений, в которых речь идет о «наряде», является их общая смысловая направленность: «наряд», как правило, устанавливается князем и имеет отношение ко всей «земле» или «людям». «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нетъ», – говорят посланцы северорусских племен варягам⁸². «Почя Олегъ города ставити, и дани устави, и весь наряд устави Руской земли»⁸³. «И тако нарядъ створше в собе князи, и дружина, и Чернии Клобуци, и Кияне, и тако не удумаша ити противу имъ полкомъ ити битися, но припустяче е к собе, ту же ся бити с ними»⁸⁴. «И иде Михалко к Суждалю, а изъ Суждаля к Ростову, и створи людем весь наряд, и крестнымъ целованиемъ утвердися с ними»⁸⁵.

Как видим, установление «наряда» или отсутствие такового – это проблема общественной важности, затрагивающая общие интересы самых различных категорий населения, общины в целом. Поэтому мы не можем согласиться с теми исследователями, кто утверждает, будто установления венгерского короля в Галиче касались одних только бояр. «Управу дал галицким боярам», – так квалифицировал действия короля М. С. Грушевский⁸⁶. «Венгерский король Андрей, захватив Галичину, поручил управление боярам», – читаем у И. П. Крипякевича⁸⁷. Еще менее основательно выглядит интерпретация В. Т. Пашуто: венгерский король, захватив Галич, «дал “весь наряд” в управление тем боярам,

⁸⁰ СлРЯ XI – XVII вв. М., 1983. Вып. 10. С. 227.

⁸¹ Подборку см.: там же.

⁸² ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 18.

⁸³ Летописный свод XV в. (по двум спискам). (Подг. текста и вв. ст. А. Н. Насонова) // Материалы по истории СССР. М., 1955. [Вып.] II. С. 284.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 428.

⁸⁵ Там же. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 86.

⁸⁶ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 449.

⁸⁷ Крипякевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 85. – Историк допускает неточность: в 1188 г. «Галичину захватил» король Бела III, а его сын Андрей в то время еще не носил королевского титула.

которые отпустили заложников в Венгрию»⁸⁸.

По нашему убеждению, «весь наряд», о котором говорит летописец, предназначался всей галицкой общине. На это указывает и термин «Галичане», который по смыслу гораздо шире, чем «галицкие бояре», и, как мы уже видели, относится к самым широким слоям свободного населения. Прежде чем посадить в Галиче своего сына, король Бела устанавливает мир и порядок, что должно было найти выражение в договоре со всей вечевой общиной⁸⁹. Точно так же поступают и русские князья, добивавшиеся расположения общины. В уже цитированном нами отрывке Московской летописи говорится, что князь Михалко «створи людем весь наряд, и крестнымъ целованиемъ утвердися с ними»⁹⁰.

Сказанное характеризует венгерского правителя и его сына отнюдь не как завоевателей, а галичан отнюдь не как порабощенную массу. Местная городская община полностью сохранила свою политическую силу и значение, что подтверждается также и последующими событиями. Следовательно, венгерский королевич мог занять галицкий стол не силой оружия, сломив сопротивление горожан, а с обоюдного согласия, в основе которого лежала какая-то договоренность, удовлетворявшая общину. Слова источника о том, что король Бела «дади весь нарядъ Галичанамъ» можно воспринимать как свидетельство предоставления галицкой общине и ее лидерам – боярам – каких-то более широких политических прав в сравнении с существовавшей ранее практикой.

Выбор галичан не покажется странным, если учитывать их негативное отношение в тот момент к Владимиру Ярославичу, только что изгнанному из города и теперь пытавшемуся вернуть себе княжеский стол с помощью иноземцев. Об общем негативном отношении галичан к Владимиру можно судить по приведенным В. Н. Татищевым словам короля Белы, обвинившего Владимира в том, что тот «вел его (на Галич. – А. М.) лестно...»⁹¹. Это, на наш взгляд, было вызвано именно отсутствием среди галичан симпатий к Владимиру, без чего трудно было добиться для него галицкого стола. В то же время условия договора с королевичем Андреем, видимо, были для галичан предпочтительнее условий договора с волынским князем Романом, что также должно бы-

⁸⁸ Пашуто В. Т. Очерки истории СССР. XII – XIII вв. С. 59.

⁸⁹ См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 570.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 86.

⁹¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 146.

ло влиять на выбор общины. Вот почему не противоречит действительному ходу событий сообщение В. Н. Татищева, что прибывший в Галич король Бела был «принят от всех с честью»⁹².

* * *

Но вернемся к обстоятельствам появления на княжеском столе в Галиче венгерского королевича. Приближение венгерских полков, надо думать, стало причиной некоторой перемены в настроениях галичан и способствовало появлению среди них «приятелей» Владимира, о чем можно судить по словам В. Н. Татищева, объясняющим причину бегства из Галича Романа Мстиславича: «Роман, услыша, что король со Владимиром идет, и ведая, что в галичанех еше много Владимиру приятелей, не смея онаго ожидать, но убрался со всеми своими людьми»⁹³. Не стоит преувеличивать роль этих «приятелей»: они сумели лишь напугать Романа, который теперь не рискнул полагаться на поддержку галичан, но они ничего не смогли и, видимо, не слишком-то старались сделать для восстановления своего князя на галицком столе.

Все это, на наш взгляд, объясняется тем, что появление названных «приятелей» было вызвано не деятельностью какой-то постоянной «партии сторонников Владимира»⁹⁴ или же «патриотической партии», державшейся князей из династии Ростиславичей⁹⁵ и собиравшей под свои знамена галичан, а было проявлением непосредственной реакции общины на колебания политической конъюнктуры. Каждый полноправный член общины обладал правом лично принимать любые политические решения, касающиеся всей общины⁹⁶, партии же если и могли возникать и существовать, то лишь в краткие промежутки от одного вечерового решения до другого.

Роман Мстиславич, хотя и бежал из Галича, не думал прекращать борьбы за него. При этом он, как и Владимир Ярославич, сделал ставку на помощь извне, а не на поддержку эфемерных галицких «приятелей». Роман немедленно отправился на Волынь, но здесь его подстерегала неприятная неожиданность: «затворися братъ от него в Володимере Всеволодь»⁹⁷. Ясно, что Всеволода, выступившего против старшего брата, поддерживало население Владимира, местная городская общи-

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 448-449.

⁹⁵ Кордуба М. Суспільні верстви... С. 12-15.

⁹⁶ Дьяконов М. А. Очерки... С. 127.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

на⁹⁸. Причина, по которой владимирцы не хотели иметь дело с Романом, скорее всего, была в том, что, уйдя из Владимира, он нанес тяжелую обиду общине – променял свой «отний и дедний стол» на Галич, бывший владимирский «пригород»⁹⁹. Получив отказ владимирцев, Роман «иде в Ляхы», но и здесь его ждала неудача, и тогда он «иде к Рюрикови ко отю своему в Бельгородъ», где, наконец, смог получить поддержку¹⁰⁰.

Заслуживает серьезного внимания сообщение летописи о том, что вместе с Романом из Галича бежали «Галичаны». В дальнейшем источник поясняет, что то были «мужи», «катории же его ввели бяхоуть в Галичь» и «Галичанъкы», т. е. их жены¹⁰¹. Следовательно, указанные «мужи» бежали из Галича вместе с семьями. Этих людей трудно назвать партией Романа в том смысле, в каком это выражение обычно употребляется историками, поскольку иначе придется признать, что в этой партии наряду с «галицкими мужами» стояли также их жены и дети.

Что же стало причиной бегства этих людей из Галича? Ясно, что эта причина политического свойства. Но она, как нам кажется, вызвана не борьбой различных групп населения внутри общины, а обусловлена реакцией общины на поступки отдельных своих членов, приведшие к нежелательным последствиям для всей общины. Наказывая таких людей, община возлагала на них всю ответственность за эти последствия и таким путем стремилась их преодолеть.

Приведем несколько характерных примеров. Так, в 1098 г. князья Василько и Володарь Ростиславичи осаждают Владимир-Волынский, чтобы отомстить его жителям за ослепление Василька, но удовлетворяются выдачей им лиц, признанных главными виновниками случившегося¹⁰². Исследователями отмечалось, что выданные владимирцами Лазарь и Василь расплачивались за волынского князя Давыда Игоревича¹⁰³. Однако к преступлению против Василька была причастна и владимирская община в лице некоторых видных своих членов, да и выданные на расправу Василь и Лазарь, по всей видимости, были влия-

⁹⁸ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 146.

⁹⁹ Таких поступков община не прощает князьям (см.: ПВЛ. Ч. I. С. 182; ПСРЛ. Т. I. Стб. 382; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 24, 209).

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661-662.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² ПВЛ. Ч. I. С. 177.

¹⁰³ Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дис. Л., 1990. С. 64.

тельными представителями владимирской общины¹⁰⁴.

В 1176 г. суздальцы, стремясь задобрить владимирского князя Михалка, одержавшего в бою верх над прежним суздальским князем Мстиславом, за которого они только что сражались с владимирцами, заявляют о своей невинности, возлагая всю ответственность на своих бояр: «потом же прислашася Михалкови князю Суждалци, рекуще: “Мы, княже, на полку томъ со Мстиславом не были, но были с ним бояре; а на нас лиха сердца не держи, но поеди к нам”»¹⁰⁵. Разумеется, в данном известии речь идет не о всех суздальских боярах, а лишь о тех из них, которые наиболее активно выступали против Михалка¹⁰⁶.

В 1146 г. после въезда в Киев нового князя Изяслава Мстиславича «бояры многы изоимаша – Данила Великаго и Гюргя Прокопчы, Ивора Гюргевича, Мирославля вноука, и инъх изоимаша много в городе Киеве, и тако техъ на искоупе поустиша»¹⁰⁷. Община здесь наказывает тех своих бояр, на которых ложится ответственность за принятие киевлянами на княжеский стол Игоря Ольговича, не сумевшего угодить общине. В 1137 г. из Новгорода вслед за свергнутым и изгнанным князем Всеволодом Мстиславичем «бежа» посадник новгородский Константин «и инех добрых мужь неколико»¹⁰⁸, а после того, как «приде князь Мьстиславецъ Всеволод Пльскову, хотя сести опять на столе своемъ Новегороде, позван отаи новгородьскими и пльсковьскими мужи, приятели его», новгородцы подвергли «приятелей» Всеволода новым санкциям – изгнанию и разграблению¹⁰⁹. Примеры ответственности перед общиной княжеских «приятелей» за поддержку неугодного ей князя можно продолжить¹¹⁰.

Важно подчеркнуть, что во всех названных случаях против лиц, признанных виновниками той или иной неудачи, постигшей общину, выступает вся община, а не какая-то ее часть или какая-то отдельная группировка, и решение о санкциях в отношении их – результат всенародного волеизъявления, выраженного, судя по всему, на вече, во всяком случае, обвиняются и наказываются такие лица о имени всей общины – новгородцев, суздальцев, владимирцев и киевлян. Кроме того, из приведенных примеров видно, что ответственность за действия об-

¹⁰⁴ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 541-542.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 378-379.

¹⁰⁶ Кривошеев Ю. В. Князь, бояре и община... С. 119.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 327.

¹⁰⁸ НПЛ. С. 24, 209.

¹⁰⁹ Там же. С. 24-25, 209-210.

¹¹⁰ Беликова Т. В. Княжеская власть... С. 64.

щины ложится не на рядовых ее членов, а, главным образом, на видных общественных деятелей – бояр и «добрых мужей», и эту ответственность вместе с ними разделяют и члены их семей, о чем, помимо известий о событиях в Галиче, можно судить по свидетельству новгородского летописца о мерах, принятых в отношении бояр, ратовавших, вопреки воле большинства, за князя Всеволода: новгородцы «възяша на разграбление дома их, Къснятин, Нежатин и инех много...»¹¹¹.

Таким образом, в бегстве «галичан», «приятелей» Романа, мы видим проявление ответственности боярства перед своей общиной тех галицких бояр, по вине которых она оказалась ввергнутой в пучину тяжелых испытаний¹¹². Существование института ответственности боярства перед своей общиной и санкции, применявшиеся в отношении виновных, явно не способствовали появлению в его среде постоянных партий из числа сторонников того или иного князя, династии и пр., последовательно проводивших свою линию. Судьба князя, а заодно и его «приятелей» решалась всей общиной посредством прямого участия каждого полноправного ее члена. Столкновения отдельных бояр из-за престижных и доходных должностей, особенно характерные для внутривнутриполитической жизни новгородской общины, как показал И. Я. Фроянов, «проходили при деятельном участии народных масс, решающих в конечном счете исход этих столкновений»¹¹³.

* * *

Положение королевича Андрея в Галиче на первых порах было достаточно прочным: «галицкие мужи» оказывали ему полную поддержку и, как видно, не желали для себя другого князя. Так, когда Роман Мстиславич попытался с помощью киевского князя вернуть Галич, то встретил дружный отпор венгров и галичан. Ему удалось подойти лишь к пограничному Плеснеску, но жители «затворишася», а тем временем главные силы – «Оугре же и Галичане» – напали на воинов Ро-

¹¹¹ НПЛ. С. 24-25, 210.

¹¹² Термин «Галичане», употребляемый летописцем и относящийся в равной мере ко всем членам галицкой общины, не исключает того, что в данном известии речь идет о боярах; как бояр воспринимают этих «галичан» многие историки (Соловьев С. М. История России. Т. 2. С. 548-549; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 144; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 449; Рыбаков Б. А. Русские летописцы... С. 149; Беликова Т. В. Княжеская власть... С. 64).

¹¹³ Фроянов И. Я. Мятельный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 208.

мана с тыла, «инехъ изимаша, а друзии утекоша»¹¹⁴. В итоге незадачливый искатель галицкого стола должен был отказаться от своих планов¹¹⁵.

Не следует думать, будто поддержка галичанами нового правителя была обусловлена лишь тем обстоятельством, что его отец, король Бела III, покидая Галич, увез с собой заложников – сыновей и братьев некоторых «галицких мужей», о чем узнаем из дальнейших слов летописи о разногласиях, возникших среди горожан: «Моужи же Галичкнии не бяхоуть вси во единой мысли, но чии бяхоуть сынове и братьяи оу короля, то ти держахоуться крепко по королевичи»¹¹⁶.

В этой акции нет ничего, что нарушало бы суверенитет галицкой общины и тем более свидетельствовало о подчинении Галичины Венгрии. Подобная практика существовала и на Руси: князья, посылавшие своих младших родственников на княжение в чужие земли по просьбе местных общин, получали от них в качестве гарантов соблюдения договора «талей» – заложников. Так, в 1139 г. новгородцы прислали к киевскому князю Всеволоду Ольговичу «дети свое в тали, рекуще: “Поусти к нам Святослава”. И посла к ним Святослава княжити»¹¹⁷. А в следующем 1140 г., когда новгородцы восстали против Святослава Ольговича, Всеволод решил послать к ним своего сына, но прежде отправил к новгородцам посла, «прося оу нихъ моужь лепшихъ»¹¹⁸. Отмеченные факты относятся к эпохе, начавшейся после событий 1136 г., когда были ликвидированы остатки власти Киева над Новгородом. Следовательно, взятие киевским князем заложников у новгородцев не лишало их независимости, а было способом обеспечения необходимых гарантий со стороны новгородцев ввиду «политической нестабильности» в Новгороде¹¹⁹.

Далее, предоставление заложников совершается на основании договора и с обоюдного согласия сторон: новгородцы посылают за Святославом, «заходивъше роте»¹²⁰, а галичане принимают королевича Андрея, получив от него «весь наряд». Наконец, предоставление заложников не является для общины непреодолимым препятствием на пути к изгнанию или отказу в поддержке неугодного ей князя: так было

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661-662.

¹¹⁵ Там же. Стб. 662.

¹¹⁶ Там же. Стб. 664.

¹¹⁷ Там же. Т. I. Стб. 308.

¹¹⁸ Там же. Т. II. Стб. 307.

¹¹⁹ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород... С. 219.

¹²⁰ НПЛ. С. 25, 211.

в Новгороде в случае со Святославом Ольговичем, а затем со Святославом Всеволодовичем, так же вышло и в Галиче в случае с королевичем Андреем.

Заложниками, представляемыми общиной, становились бояре, «лепшие мужи» или же их дети; трудно допустить, чтобы противоположная сторона могла удовлетвориться в таких случаях рядовыми представителями общины. Заложники лично отвечали за нарушения общиной тех обязательств, гарантами которых они выступали. Так, когда Всеволод Ольгович узнал о восстании новгородцев против своего брата, то «не попусти сына своего Святослава, ни моужии Новгородскихъ, иже то бы привель к собе» и затем, присоединив к ним участников новгородского посольства во главе с епископом, «держа оу собе зимоу же и лето»¹²¹.

Несмотря на первоначальные успехи, княжение Андрея в Галиче было недолгим. Причина тому, как нам видится, не его иноземное происхождение, хотя это обстоятельство также сыграло определенную роль¹²². Чтобы удержаться на галицком столе, Андрею, как и любому другому князю, необходима была постоянная поддержка общины. Пользуясь этой поддержкой в первые месяцы своего княжения, он затем полностью ее утратил, что тотчас привело к конфликту с галичанами, втайне позвавшими на галицкий стол сына популярного в городе Ивана Берладника Ростислава: «Того же лета послашася Галичкнии моужи к Ростиславоу к Берладничичю, зовоуще его в Галичь на княжение»¹²³.

Причина недовольства галичан Андреем и попыток заменить его «русским князем» явственно проступает в рассказе летописи, непосредственно предшествующем сообщению о призвании Ростислава: «В лето 6697 (1189). Присла король ко Святославоу, тако река: “Брате! Пришли сына своего ко мне. Чимъ ти ся есмь обещалъ, то ти исполню, яко ти есмь крестъ целоваль”. Святослав же, оутаився Рюрика, оуохотяся, творяще, яко же дадять, емоу Галичь, и посла сына своего Глеба ко королеви»¹²⁴. Этот красноречивый факт в свое время привлек внимание Д. И. Зубрицкого, резонно предположившего существование

¹²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 307-308.

¹²² Против католика Андрея решительно выступила православная церковь в лице киевского митрополита, побуждавшего русских князей вмешаться в судьбу галицкого стола: «Се иноплемьнници отъяли отчину вашу. А лепо вы бы потрудитися!» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 663).

¹²³ Там же. Стб. 663.

¹²⁴ Там же. Стб. 662.

между королем Белой и киевским князем Святославом Всеволодовичем тайного сговора и каких-то политических обязательств первого перед вторым: «По соображении всех обстоятельств, – писал историк, – можно предполагать, что это случилось минувшего года, когда он (король Бела. – А. М.) присвоил себе Галич, и что обещание состояло в уступке части Галицкого владения, может быть княжества Перемышльского или Теремовльского»¹²⁵.

Реакция галицкой общины была незамедлительной: в Смоленск, где у князя Давыда Ростиславича жил «Берладничич», поспешили послы звать его в Галич. Но эта реакция оказалась слишком спонтанной и, видимо, не вполне согласованной, так как «галицкие мужи», как выяснилось впоследствии, «не бяхоуть вси во одиной мысли», – те, чьи родственники были в заложниках у короля, стояли за королевича¹²⁶. Сложившуюся в Галиче обстановку некоторые историки рассматривали как новый итог межпартийной борьбы. «Между тем, – писал Н. И. Костомаров, – в Галиче образовалась партия, находившая себе выгоду в иноземном владычестве. Явилась другая, призывавшая сына Берладникова, Ростислава»¹²⁷. Мы не можем согласиться с данным мнением, получившим чрезвычайно широкое распространение в литературе¹²⁸. Нам представляется, что в основе происходящего, как и прежде, лежала непосредственная реакция общины, обусловленная поведением князя.

«Галицких мужей», сносившихся с «Берладничичем», нельзя считать кучкой заговорщиков, оторванных от массы горожан. В этом убеждают слова летописи, объясняющие мотивы ответных действий венгров: «Оугры же ведающе лелесть Галичюкою, аже Галичане ищють собе князя Роуского...»¹²⁹; речь здесь, несомненно, идет о движении, охватившем всю общину или, по крайней мере, большинство горожан. Этим же объясняется и чрезвычайный характер и масштаб мероприя-

¹²⁵ Зубрицкий Д. И. История... Ч. II. С. 126-127. – См. также: Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 549, 704; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 150.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 663-664.

¹²⁷ Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 94.

¹²⁸ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. Київ, 1993. С. 7; Кордуба М. Суспільні верстви... С. 12-15; 'Ефименко А. Я. История украинского народа. Киев, 1990. С. 80; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 79-80; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 143, 150-151; Беликова Т. В. Княжеская власть... С. 66-67.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 665.

тий, предпринятых венграми: король Бела прислал на помощь Андрею «полкы Оугорския многи», а сам Андрей стал заново «водити ко кресту» «галицких мужей»¹³⁰.

Те, кто звал Ростислава, несомненно, действовали с учетом и с оглядкой на позицию большинства. Н. В. Молчановский верно подметил, что призвание сына Берладника осуществлялось именно в расчете на симпатии к нему галичан и преследовало цель поднять их на борьбу против «тягостного галицкого режима»¹³¹. Иначе говоря, само появление у городских стен популярного «русского князя» должно было произвести мобилизующий эффект и развеять сомнения у тех, у кого они еще оставались. И действительно, как только стяг «Берладничича» увидели в Галиче, «неколко моужь Галичких», пристали к нему. Однако в этот момент дали о себе знать меры, своевременно предпринятые венграми: основная часть галицкого полка осталась в лагере королевича, а те галичане, кто переметнулся было к Ростиславу, увидев это, тотчас «отстоупиша от него», повинувшись большинству¹³².

Наконец, поведение самого Ростислава, решившего, несмотря ни на что, продолжать борьбу до конца, показывает, что путем такого самопожертвования он хотел вызвать перелом в настроении галичан, рассчитывая не на поддержку какой-то несуществующей партии своих сторонников, полностью от него отступившихся, а полагаясь на непосредственную реакцию всей общины. И когда тяжело раненого князя внесли в город, «Галичани же възмятошася, хотячи и изотяти оу Вѣгорь и прияти собе на княжение». В ответ венгры умертвили Ростислава, «приложивше зелье смертное к ранамъ»¹³³.

Таким же образом, на наш взгляд, решается вопрос о существовании в Галиче «партии» приверженцев королевича Андрея. Летопись поясняет, что на стороне королевича были лишь те, «чии бяхоуть сынове и братья оу короля». Следовательно, этих людей нельзя назвать партией в том смысле, какой вкладывается в данное понятие исследователями, сторонниками идеи партийности населения Галичины, ибо эти люди, как явствует из слов летописи, держались королевича поневоле¹³⁴.

Вероломное убийство Ростислава окончательно испортило отно-

¹³⁰ Там же. Стб. 664.

¹³¹ Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, 1885. С. 82.

¹³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 664.

¹³³ Там же. Стб. 665.

¹³⁴ См.: Да ш к е в и ч Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 43.

шения венгров и галичан. Последние опять начали тайно искать себе нового князя, о чем со временем стало известно венграм, прибегнувшим в ответ к грубой силе. «Оугре же, – говорит летописец, – ведающе лелесть Галичькоюю, аже Галичане ищють себе князя Роуского, и почаша насилье деяти во всемь: и уо моужии Галичкыхъ почаша отимати жены и дщери на постеле к собе, и в божницахъ почаша кони ставляти и в ызбахъ, иная многа насилья деяти»¹³⁵.

Развязка наступила после того, как Владимиру Ярославичу удалось бежать из венгерского плена. Подробности этого дела сохранились и в польских, и в русских источниках, что позволяет довольно полно представить картину происходящего. В Хронике Винцентия Кадлубка читаем: «В конце концов [Владимир], подкупив стражу, совершает тайный побег из темницы и только претерпев многочисленные лишения, с опасностью для самой своей несчастной жизни обретает спасительную гавань там, где опасался мелей»¹³⁶. Русская летопись знает о побеге и «многочисленных лишениях» Владимира больше. Князь бежал «из веже каменое» вместе с женой («попадьею») и двумя детьми; беглецам удалось спуститься по веревкам, «изрезавъ шатерь», поставленный «на вежи»¹³⁷.

В поисках убежища и подмоги Владимир сначала (весна 1189 г.) направился «ко цареви Немецкому», как именует летопись императора Фридриха I Барбароссу (1152–1190)¹³⁸. Русскому князю был оказан доброжелательный прием, что объясняется киевским летописцем его родством с владимиристо-суздальским князем Всеволодом Большое Гнездо (Владимир Ярославич приходился последнему «сестричем», т. е. племянником)¹³⁹. Однако есть основания говорить о существовании давних дружественных отношений Фридриха не только с Суздаlem, но и с Галичем¹⁴⁰. В любом случае обращение Владимира за помощью к германскому императору не было случайным. За эту помощь русский князь даже обещал выплачивать ежегодную дань в 2000 гривен сереб-

¹³⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 665.

¹³⁶ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 106.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 666.

¹³⁸ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 452.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 666.

¹⁴⁰ Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX – середина XIII вв.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Славяно-германские исследования. Т. I-II / Отв. ред. А. А. Гугнин, А. В. Циммерлинг. М., 2000. С. 26-27.

ра¹⁴¹, но император, готовясь в очередной крестовый поход¹⁴², не смог лично участвовать в делах изгнанника, а поручил это своему вассалу – малопольскому князю Казимиру: «Царь... преставя к нему (к Владимиру. – *А. М.*) моужь свои и посла его Казимируу в Ляхи, веля ему доправити Галича по своей воле»¹⁴³.

Без воли императора едва ли польский князь стал помогать Владимиру, поскольку в бытность галицким князем последний, как говорит Кадлубек, «неожиданно напал с разбойниками на земли Казимировы и, похитив жен у знатных [мужей], увозил их по праву добычи в далекие края варваров»¹⁴⁴. Придворный хронист объясняет оказанную Казимиром помощь исключительно его снисходительностью: «Но так как он (Владимир. – *А. М.*) с мольбами отдается во власть благочестивого Казимира, ему удастся добиться снисхождения, на которое он, казалось, не мог надеяться»¹⁴⁵. Краковский князь дает в помощь Владимиру своего палатина Николая, который «выгоняет, хотя это казалось всем на Востоке невозможным, сына короля [Белы] со всей роскошной и могущественной свитой паннонцев, а изгнанника восстанавливает в королевстве»¹⁴⁶.

Русская летопись подтверждает факт польской помощи, говоря: «Казимиръ же, приставя к нему (Владимиру. – *А. М.*) моужь свои Миклая, и посла его в Галичь»¹⁴⁷. Однако, как явствует из дальнейших слов летописца, на Руси, в отличие от всего католического «Востока», не считали изгнание венгерского королевича чем-то невероятным и не робели перед его «роскошной и могущественной свитой». Без особого участия польской помощи, которая, по верному замечанию М. С. Грушевского, едва ли могла быть значительной¹⁴⁸, «Галичкнии моужи сретоша его (Владимира. – *А. М.*) с радостью великою, князя своего и дедича, а королевича прогнаша изъ земля своя. А Володимеръ седе на столе деда своего и отца своего на Спасовъ день»¹⁴⁹.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 666.

¹⁴² Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 162.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 666.

¹⁴⁴ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 106. – См.: Gorski K. Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią. S. 27.

¹⁴⁵ Там же. С. 107.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 666.

¹⁴⁸ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 452.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 666-667. – Летопись датирует возвращение Владимира 6698 (1190) г. (Спасов день – 6 августа); однако практически все современные исследователи относят его к предыдущему 1189 г., поскольку упоминающийся в тексте летописи

По свидетельству В. Н. Татищева, некоторые «вельможи галицкие» «великих награждений ради от короля продавали свое отечество, думая, что таким неправо полученным богатством вовек сами и дети их будут веселиться. Но вскоре потом сами и с именем неправедным погибли»¹⁵⁰. Речь в данном известии идет об отдельных боярах, принявших сторону венгров из корыстных побуждений и оторвавшихся от своей общины. Они нисколько не смогли поколебать решимости галичан избавиться от ставшего ненавистным королевича и вновь посадить у себя на столе Владимира Ярославича. На этих бояр, по-видимому, община возлагает ответственность за принятие на галицкий стол Андрея и все дальнейшие последствия этого шага, когда венгры, стремясь силой подчинить себе галичан, подвергали их жестоким издевательствам. Гибель названных бояр происходит на фоне всеобщего раскаяния галичан («Галичане почаша тоужити велми и много каяшася, прогнавшие князя своего») и «великой радости» при встрече вернувшегося из плена Владимира¹⁵¹, что в известной мере позволяет предполагать сакральный (искупительный) смысл в гибели изменников-бояр, в результате которой между князем и общиной полностью восстанавливаются прежние добрые отношения.

* * *

Итак, анализ событий 1187 – 1189 годов позволяет проследить некоторые важные черты внутриобщинных отношений, сложившиеся в середине – второй половине XII в. В это время галицкие князья для решения сложных политических вопросов, вызывающих неоднозначную реакцию граждан, начинают практиковать новую форму выражения всенародного волеизъявления, получившую также общерусское распространение. Условно ее можно назвать «собором», что подчеркивает более широкий и многообразный характер участвующих в нем сил по сравнению с обычной вечевой сходкой. «Собор», разумеется, не может заменить собой вече, но, тем не менее, как и вече, он приобретает политическое значение. Созываемый по инициативе князя, «собор» способствует формированию благоприятного для него общественного мнения, подготавливая почву для принятия нужного решения. Это про-

третий крестовый поход, в который вскоре после встречи с Владимиром отправился Фридрих Барбаросса, начался 23 апреля 1189 г. (Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 162; Головкин А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 85; ЛР. Київ, 1989. С. 349; Котляр М. Ф. Галицко-Волинська Русь. С. 130).

¹⁵⁰ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 148.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 665, 666-667.

исходит, надо думать, потому, что на «собор» приглашаются те общественные элементы, которые в гораздо большей степени, нежели полноправные граждане, участники веча, испытывают зависимость от княжеской власти: это – и княжеская дружина, и всякого рода княжий служилый люд, и рядовое духовенство, и иноземцы, и, наконец, городской плебс – «нищие» и «убогие».

События 1187 – 1189 годов дают редкую возможность прояснить социальный смысл летописного выражения «галицкие мужи», равно как и «мужи» вообще (по отношению к любой другой русской земле). В них нельзя видеть одних только бояр или, наоборот, все без исключения свободное население древнерусских земель-волостей. Это – особая категория, состоящая из лиц, обладающих гражданским полноправием, в том числе правом личного участия в деятельности вечевых собраний и тем самым в решении важнейших политических вопросов жизни города и земли. Эта категория включает в себя и бояр, и простых «мужей», каковыми являются только главы больших семей, домохозяева.

Важная роль во внутриобщинных делах, в том числе во взаимоотношениях вечаевой общины с князем принадлежит боярам. Прежде всего, бояре проявляют себя, как и в предшествующие десятилетия, в роли общинных лидеров, выступая в авангарде общины против проштрафившегося перед ней князя. Как лидеры общины бояре ответственны перед ней за те или иные действия, предпринятые общиной по их инициативе, которые в дальнейшем оборачивались тяжелыми негативными последствиями, как, например, принятие на княжеский стол кандидата, не сумевшего угодить общине. Ответственность бояр в таких случаях носит персональный характер, о чем говорят приводимые источниками поименные перечни опальных бояр. Обвиняются и наказываются такие бояре от имени всей общины, а не какой-то отдельной группировки или партии. Отдельные бояре, становясь «приятелями» неугодного общине князя и идя наперекор большинству, отрываются от своей общины и полностью утрачивают свою силу и влияние в ней; никакие материальные приобретения не способны восполнить эту потерю. Бояре в случае обострения политической обстановки выступают в качестве гарантов лояльности общины к князю, становятся заложниками, лично отвечающими за выполнение общиной договора с князем.

Мы решительно не согласны с распространенными среди историков представлениями о непрерывной борьбе между боярскими партиями различной политической ориентации, раздирающей общину на враждующие лагеря. Наоборот, во всех рассмотренных эпизодах мы на-

блюдаем политическое единство общины, каждый член которой неукоснительно подчиняется вечевому приговору, даже если первоначально он придерживался противоположного мнения. Характерной чертой летописного рассказа о событиях 1187 – 1189 годов является употребление для обозначения их участников общего выражения «галицкие мужи». Этим летописец как бы подчеркивает политическую консолидацию общины, не допуская возможности противопоставления боярства и простых «мужей».

В этом единстве – источник силы галицкой общины, достигшей важных результатов в своем политическом развитии, ведь в конце 1180-х годов галичане, вслед за киевлянами, новгородцами и пр. утвердили за собой право «по своей воле» распоряжаться галицким княжеским столом. Горожане в нарушение своих прежних обязательств отказывают в поддержке сыну ненавистной всем Настаськи Олегу, изгоняют его, а затем и умерщвляют. Столь же свободно и требовательно они ведут себя в отношении других правителей, занимавших галицкий стол – Владимира Ярославича и королевича Андрея. Даже военное вмешательство извне не может сломить волю галичан, уже ощутивших себя политической силой, осознавших свои суверенные права и необходимость их защищать и отстаивать. Борьба за эти права, начавшаяся с событий 1145 г., на наш взгляд, составляет основную суть галицких «мятежей» и «крамол» второй половины XII в.

5. Особенности политического развития Волыни во второй половине XII в.

Городские общины Волыни в борьбе за обретение внешне- и внутривластного суверенитета. – Военные и политические успехи владимирской общины. – Консолидация Волыни под властью Владимира и возобновление наступательной политики в отношении Галичины. – Хроника Кадлубка и «История» В. Н. Татищева о борьбе за Берестье в 1182 г. – Городская община Берестья по данным польских и русских источников.

Мы рассмотрели основные события галицкой истории середины – второй половины XII в., ярко иллюстрирующие тенденцию политического роста и усиления общины, постепенного утверждения вечевого суверенитета в сфере внутриобщинных отношений. К сожалению, события волынской истории этого периода дошли до нас в виде крайне скудных и беглых известий, не содержащих прямых указаний по интересующим нас вопросам и вообще почти не касающихся состояния внутриобщинных отношений. В частности, ничего не известно о деятельности веча на Волыни, о каких-либо проявлениях самостоятельности горожан во внутривластных делах¹. Данное положение М. С. Грушевский относит исключительно на счет субъективизма летописца, который должен был «кое о чем умалчивать, так как земля переживала слишком важные перемены в своей политической жизни, чтобы оставаться лишь их пассивным свидетелем»². Нам представляется, что здесь были и свои объективные причины.

В первой половине XII в. Волынь, в отличие от Галичины, не сумев отстоять политической независимости, на долгие десятилетия попала

¹ Особенно это касается периода конца 1110 – конца 1140-х годов, но и в дальнейшем положение мало в чем изменилось.

² Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 394.

под власть киевских правителей. В результате, как уже говорилось выше, нормальное внутривластное развитие общины было крайне затруднено, оказались на время утраченными важные завоевания общины. В подтверждение сказанному приведем следующий очевидный факт. Владимирское вече, в полный голос заявившее о себе уже в конце XI в.³, когда горожане заставляют князя подчиниться воле общины⁴, в XII в. практически сходит со страниц летописей, не подавая зримых признаков существования. При таких условиях исследователю, воссоздающему картину внутривластного развития жизни общины, не обойтись без обращения к косвенным данным, не избежать допущений и гипотетических построений, базирующихся на общем понимании процессов развития городских общин в Древней Руси.

Политическая активность владимирской общины, проявляющаяся в стремлении отстаивать собственные интересы, постепенно оживает по мере того, как начинает слабеть и затем полностью прекращается зависимость Волыни от Киева. По мнению исследователей, полную самостоятельность Волынская земля приобретает в середине XII в., в 1150-е годы⁵. Вплоть до этого времени киевским князьям без особых затруднений удавалось держать под контролем княжеский стол во Владимире. Каждая перемена на киевском столе сопровождалась соответствующей переменой на столе владимирском – киевский князь, начиная с Владимира Мономаха, предоставлял его своим сыновьям или другим младшим родственникам, полностью от него зависимым⁶.

³ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 177.

⁴ Именно так оценивают деятельность владимирского веча в конце XI в. большинство исследователей. – Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. II. С. 4; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 395; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 320; Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI – XIII вв. М., 1955. С. 110-111; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 120; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дисс. Л., 1990. С. 42; Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 541-543.

⁵ Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895. С. 144; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 365; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 63; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 128-129. – И. П. Крипякевич относит падение власти Киева над Волынью к 1170 г. (Крипякевич І. П. Галицко-Волынське князівство. Київ, 1984. С. 82).

⁶ См. с. 166-167 настоящей работы.

В 1150 г.⁷ эта традиция была, наконец, прервана. Захвативший Киев Юрий Долгорукий подобно своим предшественникам попытался также подчинить Волынь, куда отступил побежденный Изяслав Мстиславич. «Выжену Изяслава, а волость его всю переиму», – с этими словами Юрий вместе с братом Вячеславом и «съ всеми детьми своими» пошел на Луцк, где тогда княжил брат Изяслава Владимир⁸. Осуществиться намерению Юрия помешало героическое сопротивление лучан, выдержавших шестинедельную осаду превосходящего силами противника, во время которой едва не лишился жизни один из сыновей киевского князя Андрей, будущий Боголюбский⁹. В 1155 г. вновь ставший киевским князем Юрий предпринимает новую попытку подчинить Волынь. К Луцку, где княжил Мстислав Изяславич¹⁰, киевский князь посылает своего «подручника» Юрия Ярославича¹¹. Но и на этот раз планы Юрия разбиваются о стойкое сопротивление лучан¹².

Полтора года спустя, в декабре 1156¹³, Юрий совершает третью попытку вернуть Волынь под власть Киева. Во главе большого войска, в котором участвовал и его давний союзник галицкий князь Ярослав Осмомысл «с Галичаны», Долгорукий осадил Владимира с целью посадить там своего племянника Владимира Андреевича¹⁴. Летописец сообщает об упорном сопротивлении, оказанном владимирцами: «Гюрги же стоя оу Володимеря 10 днии..., и многы крови проливахутся меж ними, друзии же, оуязвляеми, оумираху»¹⁵. Тогда Владимир Андреевич попытался овладеть владимирским «пригородом» Червеном. Подъехал под городские стены, князь «нача молвити: “Я есмь не ратью пришель к вамъ, зане [вы] есте людие, милии отцю моему, а язъ вамъ свои княжичь. А отворитесь!”»¹⁶. В ответ кто-то с городской стены, «потягнувъ стрелою, оудари в горло» незадачливого претендента¹⁷.

И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко видят здесь нежелание жите-

⁷ В Ипатьевской летописи данное известие помещено под 1149 г.

⁸ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 388-389.

⁹ Там же. Стб. 390-391.

¹⁰ Там же. Стб. 479.

¹¹ Его отец Ярослав (Ярославец) Святополчич был в свое время владимирским князем.

¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 479.

¹³ Ипатьевская летопись датирует третий поход Юрия 1157 г.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 486. – Отец его также в свое время княжил во Владимире.

¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 487.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

лей «пригорода» «идти вразрез с политикой главного города»¹⁸. Важным подтверждением этому служит известие, содержащееся в татищевском своде и дополняющее сообщение Ипатьевской летописи: на домогательства Владимира Андреевича червенцы «отвечали с честью: “Когда Владимир обладаешь, тогда мы тебе покорны будем”»¹⁹. Решительный отпор владимирцев и червенцев заставил Юрия и его союзников полностью отказаться от своих планов в отношении Волыни и ни с чем разойтись по домам.

Нельзя не видеть за приведенными фактами самостоятельной политической позиции городских общин Волынской земли – владимирской и луцкой, прежде всего, их неуклонной воли покончить с зависимостью от киевского центра, губительной для интересов и целей суверенного развития. О том, что столкновения 50-х годов на Волыни не есть лишь междукняжеский конфликт, обусловленный борьбой за «отчинные» права нескольких претендентов, определенно говорят указания источников на участие в боевых действиях владимирских и луцких «воев», земского войска, сила и упорство которого решают исход дела.

Другим проявлением растущей политической силы местных общин, свидетельствующим об определенном уровне зрелости внутриобщинных отношений, являются новые попытки (после перерыва, вызванного господством киевских правителей) добиться права решать судьбу княжеского стола «по своей воле». Эта тенденция также просматривается в событиях 50-х годов. Владимирцы, лучане и червенцы решительно отвергают претензии на княжеский стол Юрия Ярославича и Владимира Андреевича, несмотря на то, что оба они являлись законными «отчичами» владимирского стола²⁰. Община не доверяла этим князьям, поддерживаемым киевским князем, отдавая предпочтение тем, кто в ее глазах заслуживал большего доверия.

Еще нагляднее растущую самостоятельность общины во взаимоотношениях с князем демонстрирует случай с Владимиром Мстиславичем, княжившим некоторое время во Владимире-Волынском после смерти своего брата Изяслава (1155–1156 гг.). Владимир Мстиславич

¹⁸ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 127.

¹⁹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 56.

²⁰ Эти факты невозможно объяснить иначе, как растущей политической самостоятельностью общины; здесь, видимо, не обошлось без специального решения вечевой общины «главного города», поддержанного «пригородами», на что указывают согласованный характер и упорство действий жителей волыньских городов, отбивших все притязания неудобных общине князей-претендентов.

обнаружил свою слабость, когда безуспешно пытался подчинить Луцк, отколовшийся от Владимира²¹. Возможно, эта неудача подорвала авторитет князя среди владимирцев. Последствия не замедлили сказаться. В 1156 г. племянник Владимира Мстислав Изяславич, сидевший тогда с братом Ярославом в Луцке, «еха изъездомъ на стрыя своего на Володимира [к] Володимирию, и я жену его и мать его, и, всадивъ я на возы, везе я, [к] Лучьску посла, а стрыи его Володимеръ оутече [к] Перемышлю. А дружину его изограби и товаръ весь отя, иже бе принесла изъ Оугоръ [вдова] Мьстиславляя (мать Владимира Мстиславича. — А. М.)»²².

Все сказанное свидетельствует о непрочном положении Владимира на владимирском столе, об отсутствии поддержки со стороны владимирской общины, что и вынудило князя позорно бежать сперва в соседнюю волость, а затем в Венгрию²³. По сообщению, приведенному В. Н. Татищевым, Мстислав вывез из Владимира в Луцк «такоеж несколько знатных вельмож»²⁴. Грабеж дружины и семьи бежавшего князя, а также высылка из города поддерживавших его бояр — это верные свидетельства недовольства общины своим прежним властителем, принявшего форму организованного выступления, видимо, санкционированного вечем²⁵. Не случайно попытка Владимира Мстиславича силой вернуть себе владимирский стол, когда он, получив помощь венгров, присоединился к войскам Юрия Долгорукого и Ярослава Галицкого, осадившим в декабре 1156 г. Владимир, была встречена ожесточенным сопротивлением горожан, крепко стоявших за своего нового князя Мстислава и вместе с ним предпринявших смелую ночную вылазку из города, в ходе которой союзник Юрия Ярослав Галицкий потерял около половины своих людей²⁶.

* * *

Военные успехи владимирской и луцкой общин, достигнутые во

²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 482.

²² Там же. Стб. 484-485.

²³ Там же. Стб. 485.

²⁴ Т а т и щ е в В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 56.

²⁵ Думать так позволяют аналогичные случаи из истории других земель Руси рассматриваемого времени, в частности, Галицкой (см. с. 285-287 настоящей работы), распространенность самой отмеченной здесь процедуры, которой обставлена перемена на княжеском столе (См.: Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 144-145).

²⁶ Т а т и щ е в В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 56, 58.

время отражения агрессии соседей, говорят об усилении военной организации Волынской земли. Этому в немалой степени способствовала активная внешняя политика Изяслава Мстиславича начала 1150-х годов, когда волынское войско постоянно участвует в военных походах далеко за пределами своей земли, поддерживая князя в его борьбе за Киев²⁷. Эту политику в дальнейшем не без успеха продолжили преемники Изяслава. Успехи в делах такого рода всегда сопровождались значительными политическими и материальными выгодами для общины²⁸. В ходе военных столкновений с Киевом под суверенитет Владимира перешла территория Погорынья²⁹, из-за которой Киевщина и Волынь враждовали еще со второй половины XI в.

В 1152 и 1154 гг. княживший во Владимире Святополк Мстиславич «с полком своим» принимал участие в походах на Галич в составе широкой коалиции, возглавляемой его братом киевским князем Изяславом³⁰. Цель походов не вызывает сомнений, явствуя из слов Изяслава, сказанных в адрес галицкого князя Владимирка: «...самого же имиве, а волость его възмиве»³¹. В другой раз территориальные приращения сулит владимирскому князю Святославу Мстиславичу опальный сын Ярослава Осмомысла Владимир: в обмен на помощь в борьбе с отцом он обещает отдать Бужск и еще три города³². Захватить Галич в 1152 г. союзным князьям помешал венгерский король, подкупленный галицким князем³³. Тем не менее, союзники не остались в накладе. После поражения галичан в битве под Перемышлем «вси вое» Изяслава, Святополка и проч. «наринуша» на богатый загородный княжеский двор, «ту бе товарь в немь много»³⁴.

К обогащению «воев», побеждающих врага в далеких походах, приводили и другие мероприятия волынских князей, которые с середины 1150-х годов постоянно участвуют в межволостных и междукняжеских столкновениях на Руси³⁵, а также водят свои полки против степняков³⁶. Во время одного из походов на половцев, в котором среди

²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 386-388, 395-397, 409-415.

²⁸ Подобные явления отмечаются и в истории Галицкой земли (см. с. 194-195 настоящей работы).

²⁹ См.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 268, 374.

³⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 447, 465-466.

³¹ Там же. Стб. 451.

³² Там же. Стб. 564.

³³ Там же. Стб. 451-452.

³⁴ Там же. Стб. 449.

³⁵ Там же. Стб. 481, 489, 491, 500-501, 510, 517, 519-520, 533, 546, 548, 576-577.

³⁶ Там же. Стб. 481, 505, 538-540, 541.

прочих «воев» «Русской земли» участвовали и волынцы во главе с князьями Ярославом и Ярополком Изяславичами, «толико взяша полонна множество, якоже всимъ Рускимъ воемъ наполнитися до изобилья и колодники, и чагами, и детми ихъ, и челядью, и скоты, и конми»³⁷. В другой раз владимирские и галицкие полки «много душъ отполониша, иже бяхуть взяли Половци»³⁸.

Захват и переселение в свою землю «полонна» – это мера, которая, несомненно, способствовала дальнейшему усилению общины, и князья Юго-Западной Руси рано начали осознавать благотворность такой политики. Вспомним, что еще в конце XI в. теребовльский князь Василько Ростиславич строил планы «перяети болгары дунайские и посадити я у собе»³⁹. А Ярослава Осмомысла современники высоко почитали за то, что земля при нем «множилася в людех, зане ученые хитрицы и ремесленники от всех стран к нему приходили и грады населяли, которыми обогосчалась земля Галицкая во всем»⁴⁰.

Похоже, что и владимирские князья второй половины XII в. достигли немалых успехов на данном поприще. Под 1171 г. летопись сообщает, что в ходе войны с дорогобужским князем Владимиром Андреевичем владими́ро-волынскій князь Мстислав Изяславич, захватив несколько погорыньских городов, «пригородов» Дорогобужа, «взъведе городъ Шюмескъ, и посла Володимерю, посадника Паоука, кормилця Володимиря, тамо же посла»⁴¹. Исследователи переводят эти слова источника так: «И вывел он (Мстислав Изяславич. – А. М.) [жителей] города Шумска, и послал [их] к [городу] Владимиру, [и] посадника Паука, кормильца Владимира [Андреевича], он туда же послал»⁴².

Укрепление воинских сил земли, рост мобильности военной организации, включавшей в древнерусский период, как известно, всех свободных боеспособных общинников⁴³, – важнейшие предпосылки и признаки политического усиления общины. В неразрывной связи с данной тенденцией, как мы видели на примере истории Галицкой земли, стоит повышение политической роли веча, становящегося высшим органом власти земли и утверждающего свой приоритет перед княже-

³⁷ Там же. Стб. 540.

³⁸ Там же. Стб. 505.

³⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 176.

⁴⁰ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 143.

⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 546.

⁴² ЛР. Київ, 1989. С. 296.

⁴³ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 192-215.

ской властью. Ведь вечники – это те же «вои», так как воин в Древней Руси являлся полноправным гражданином и мог реализовать свои гражданские права участием в вечевых собраниях⁴⁴. Неудивительно, поэтому, что вече могло происходить прямо во время военных походов, когда участниками его становились непосредственно участники похода⁴⁵.

Нечто подобное, насколько можно судить, происходило и в волинском войске. Владимирский князь Мстислав Изяславич, в очередной раз захвативший Киев, принимается осаждать Вышгород, где засел его главный противник Давыд Ростиславич⁴⁶. Осада закончилась полным провалом, и Мстиславу пришлось покинуть киевский стол. Виной всему – нежелание «воев», «пособников» Мстислава, среди которых были и волинцы, продолжать этот трудный и опасный поход. Первыми князя покинули «галичане», а когда враги «яша... тысячкого Всеволодковича», «от Мьстислава же бяхоу рощилися вси помочи, изнемогъшеся»⁴⁷.

Свидетельством завершения эволюции внутриобщинных отношений на Волини в направлении утверждения суверенитета вечевой общины во внутривластных делах предстает известие Галицко-Волинской летописи, датированное 1288 годом. Рассказывая о кончине владимирского князя Владимира Васильковича, летописец отмечает всенародную скорбь и плач по усопшему, пользовавшемуся большой популярностью. Примечателен тот факт, что среди массы горожан особо выделяются «лепшие мужи» владимирские: «Наипаче же плакахуся по немь лепшии моужи Володимерьстии, рекоуче: “Добрыи ны, госпо-

⁴⁴ Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867. С. 82, 390; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 59, 85; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 141-142, 191.

⁴⁵ Дьяконов М. А. Очерки... С. 132.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 548-549.

⁴⁷ Там же. Стб. 549. – Совершенно аналогичный случай имел место в войске «смолян», возглавляемом князем Давыдом Ростиславичем и отправившемся на помощь южнорусским князьям против половцев (1185 г.). Войско дошло до Треполя, и здесь «Смолянне почаша вече деяти, рекуще: “Мы пошли до Киева, да же бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иное рати искати, то не можемъ, оуже ся есмы изнемогле”» (там же. Стб. 647). Решению этого вече подчиняется князь и вместе с «воями» возвращается из похода (там же). Отметим, что подобные факты встречаются в источниках второй половины XII в., что согласуется с высказанными нами выше общими представлениями о ходе развития внутриобщинных отношений на Руси в данное время.

дине, с тобою оумрети, створшемоу толикую свободу, якоже и дедь твои Романъ. [Он] свободиль бяшеть от всихъ обидь, ты же бяше, господине, семоу поревноваль и наследиль поуть деда своего. Ныне же, господине, оуже к томоу не можемъ тебе зрети, оуже бо солнче наше заиде, ны и во обиде всех остахомъ". И тако плакавшися над нимъ все множество Володимерчевъ – моужи, и жены, и дети, Немци, и Соурожьце, и Новгородци, и Жидове плакоуся... и нищии, оубо разнии, и чернорисчи, и черничи, бе бо милостивъ на вся нищая»⁴⁸.

Характеризуя «внутреннюю жизнь Владимира» на основе сопоставления приведенного известия с данными других источников, М. С. Грушевский делает вывод о достаточно высоком уровне социально-политической организации владимирской общины: «...уже тогда, в 1280-х гг., во Владимире городская община была организована наподобие немецких городских общин»⁴⁹. Этот вывод поддержал и развил М. Н. Тихомиров. В словах галицко-волынского летописца он видит «намек на существование особых городских пожалований, в первую очередь “лепшим” мужам Владимира – богатейшим горожанам, верхушке купеческого и ремесленного населения»⁵⁰. Ученый справедливо отмечает: «В таких же выражениях говорят летописи о привилегиях Великого Новгорода: “Новгород выложиша вси князи в свободу: где им любо, ту же собе князя поймають”», а «ссылка владимирских горожан на князя Романа Мстиславича ведет нас, по крайней мере, к концу XII – началу XIII в. Начало привилегий владимирских горожан относится к этому времени»⁵¹.

Вызывает возражение стремление М. Н. Тихомирова связать «городские пожалования» преимущественно с верхушкой владимирской общины. Для такого ограничения, на наш взгляд, нет оснований. «Лепшие мужи» в сцене оплакивания Владимира Васильковича произносят свои слова, несомненно, от имени всей общины, ведь правом «вольности в князьях», о котором здесь говорится, пользуются не одни только «лепшие мужи», это – привилегия веча – всенародного собрания граждан. Сам термин «лепшие мужи» относится в первую очередь к боярам⁵², общинным лидерам. В этом качестве они выразители воли

⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 920.

⁴⁹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 376-377.

⁵⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 321.

⁵¹ Там же.

⁵² Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. I. С. 359-373; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 25-27; Дьяконов М. А. Очерки... С. 79-81; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социаль-

и настроений своей общины, а их голос – это голос самой общины⁵³. Поэтому не удивительно, что в сцене оплакивания Владимира, хотя и участвуют «весь город... и бояри вси, стари и молодии»⁵⁴, но говорят за всех только бояре.

* * *

Обретение независимости и успешное продвижение по пути самостоятельного развития способствовали повышению политического престижа Владимира. Так, уже в 1160 г. во Владимире-Волынском было завершено строительство нового кафедрального собора Успения Богородицы, о чем сохранилось краткое упоминание в Никоновской летописи: «Того же лета князь Мстиславъ Изяславичъ подписа святую церковь въ Володимери Волынскомъ, и украси ю дивно святыми и драгими иконами, и книгами, и вещми многими чудными, и священными сосуды златыми и сребряными зъ бисеромъ и съ камениемъ драгимъ»⁵⁵. Собственно говоря, в приведенном известии речь идет о завершении росписи и оснащения храма, построенного, видимо, несколько раньше⁵⁶. «Учитывая, что строительство храма должно было занять 3 - 4 года, – полагает П. А. Раппопорт, – начало его можно отнести приблизительно к 1156 г., т. е. к первому году княжения Мстислава во Владимире»⁵⁷.

Значение этого события состоит в своего рода идеологическом закреплении суверенного статуса общины, а также ее претензий на ведущую роль в юго-западном регионе Руси. Дело в том, что храмовые комплексы в древнем обществе являлись не только религиозно-культурными центрами, но и представляли собой особо важные престижные постройки, выполнявшие роль символов формирующихся городов⁵⁸. Храмы, возвышавшиеся в главных городах Древней Руси и по-

но-политической истории. С. 77-85.

⁵³ Данное положение, встречающееся во множестве случаев, на наш взгляд, можно считать проявлением общего устойчивого представления о роли и значении бояр, глубоко укорененного в общественном сознании и полностью отвечавшего социальным реалиям древнерусской жизни.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 919.

⁵⁵ Там же. Т. IX. С. 229.

⁵⁶ См.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1997. Т. I. 2-я пол. С. 305.

⁵⁷ Раппопорт П. А. Русская архитектура X – XIII вв. Каталог памятников // САИ. Вып. Е 1-47. Л., 1982. С. 105.

⁵⁸ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 182; Павленко Ю. В. Основные закономерности и пути формирования ранне-

читавшиеся жителями всей волости, символизировали суверенитет местных общин⁵⁹. Отсюда – греховная с точки зрения христианства практика разрушения и осквернения святыней врагов, столь часто отмечаемая во время межволостных конфликтов и войн, практика, проникнутая глубоко архаическим стремлением через разрушение храмов лишить врага божьего покровительства⁶⁰.

На это покровительство и рассчитывали владимирцы, посвящая возведенный в городе храм Богородице, в помощь и заступничество которой свято верили на Руси. Так, к примеру, киевский летописец выражает уверенность, что победа в войне с половцами одержана, благодаря помощи «креста честнаго и [церкви] святеи Матери Божии Богородици великое Десятиньней, и яже бяхуть от [ее] волости заяли (половцы людей и добро. – А. М.). Дааще Богъ не дасть въ обиду человека проста, егда начннуть его обидити, аже онъ [даст в обиду] своее Матери дому?»⁶¹. Таким образом, на Руси XII в. считали, что Бог особо покровительствует и защищает от врагов ту волость, где имеется храм в честь Богородицы, и жители такой волости уже не есть «простые» люди, так как с ними всегда помощь Богородицы⁶².

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Успенский собор во Владимире-Волынском был построен в духе архитектурных традиций Киева и внешним видом напоминал главные храмы «матери городов русских» – Успенский и Софийский⁶³. Но при этом собор во Владимире своими внушительными размерами не только достигал, но и превышал киевские: по ширине он равнялся Софийскому собору, а по длине даже превосходил его⁶⁴. Последнее свидетельствует о намерениях владимирцев не просто закрепить и, так сказать, освятить свой суверенный статус, но также обнаруживает стремление в известном смысле встать вровень с Киевом, перенять от Киева роль главного пра-

классовых городов-государств // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 183.

⁵⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 242.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 559.

⁶² Об особом отношении к Богородице и оказываемому ей покровительству, сложившемся в средневековой Руси см.: Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. Гл. 1.

⁶³ См.: Воронин Н. Н., Каргер М. К. Архитектура // История культуры Древней Руси. Домонгольский период / Под ред. Н. Н. Ворониной, М. К. Каргера. М.: Л., 1951. Т. II. С. 276.

⁶⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 317-318.

вительственного центра всей Юго-Западной Руси.

Военно-политические успехи владимирской общины способствовали консолидации городских общин Волыни перед внешним миром: несмотря на наличие во Владимире и Луцке двух особых княжеских столов, сохранялось единство воинских сил Волынской земли в рамках общей военной организации, возглавляемой одним князем. Так, под 1174 годом в летописи читаем: «По сем же приде Ярославъ Лучьскыи на Ростиславиче же со всею Вельньско землею, ища собе старешиньства въ Олговичехъ»⁶⁵. Прийти «со всею землею» – это значит прийти с народным ополчением всей Волыни⁶⁶. Наличие общеземской военной организации, по верному замечанию И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко, – «признак известной налаженности общественного механизма Волынской земли... Волынская земля выступает здесь как самодовлеющее целое, противостоящее Киевской волости»⁶⁷.

Тенденция политической консолидации Волыни упрочилась в период княжения во Владимире Романа Мстиславича (1170 – 1199 гг.), получившего в целом высокую оценку исследователей. По словам И. П. Крипякевича: «В своих политических планах Роман опирался в основном на силы Владимирского княжества. Его братья и племянники, хотя и имели свои уделы, особой политики не вели и во всем подчинялись Роману»⁶⁸.

Закономерным следствием возрождения военно-политического потенциала Волынской земли стало возобновление активной наступательной политики в отношении Галича, проводившейся в конце XI – начале XII в. и закончившейся тогда поражением владимирцев. Уже в середине 1150-х годов владимирские князья в коалиции с союзниками совершают завоевательные походы против южного соседа, их цель – «взяти» Галицкую волость⁶⁹. Полтора десятилетия спустя, в начале 1170-х годов мы становимся свидетелями того, как сперва владимирский, а затем луцкий князья оказывают поддержку опальному сыну галицкого князя Ярослава Осмомысла Владимиру, вставшему на путь

⁶⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 576-577.

⁶⁶ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... Л., 1988. С. 126.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Крипякевич И. П. Галицко-Волынське князівство. С. 83. – См. также: Грушевський М. С. Історія України - Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 2-4; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 192; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 70, 71.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 447-451, 465-466.

вооруженной борьбы с отцом; при этом волынские князья имеют виды если не на всю Галичину, то, по меньшей мере, на часть ее территории⁷⁰.

В дальнейшем любое осложнение внутривластической обстановки в Галиче становится поводом для вмешательства агрессивного соседа. В 1188 г. владимирский князь Роман Мстиславич, узнав о неладах галичан с их новым князем Владимиром Ярославичем, посредством интриги овладел галицким столом, добившись «приязни» «галицких мужей»⁷¹. Однако первое княжение Романа в Галиче оказалось недолгим. Виной всему было безоглядное поведение самого Романа: отправляясь в Галич, он отрекся от своего «отнего и деднего» владимирского стола («крест целова» к брату Всеволоду: «Боле ми того не надобе Володимерь»⁷²). Этим князь лишил себя поддержки владимирской общины⁷³, а «приязнь» к нему галичан была слишком обманчивой. В итоге Роман не только лишился галицкого стола, но и долго потом не мог вернуться во Владимир – горожане не желали принимать князя-отступника⁷⁴.

Галицкие князья и галицкая община не оставались в долгу, решительно отвечая на агрессивные выпады северного соседа. Борьба растянулась на несколько десятилетий, так как ни одна из сторон вплоть до конца XII в. не могла получить решающего перевеса. Со стороны галичан в ход были пущены как политические, так и военные средства. Галицкие князья вступали в союзы с сильнейшими правителями Руси – киевским и владими́ро-суздальским князьями, униженно прося их поддержки и защиты⁷⁵, что было совершенно нехарактерно для предшествовавшего времени (первая половина XII в.), когда Волынь была политически слаба и несамостоятельна. Жесткая конфронтация в отношениях с Волынью проявлялась будь то в угрозе галицкого князя начать войну с использованием наемников и «пожечь» волость противника⁷⁶, будь то в реальном участии галичан в военных походах на Волынь в союзе с киевскими князьями⁷⁷. Последний случай такого рода произошел в 1196 г., когда киевский князь Рюрик Ростиславич привлек к по-

⁷⁰ Там же. Стб. 564, 571.

⁷¹ Там же. Стб. 660.

⁷² Там же. Стб. 661.

⁷³ Община обычно не прощает князьям таких поступков (см. с. 284-285 настоящей работы).

⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661. – Подр. см. с. 284-285 настоящей работы.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 465, 667.

⁷⁶ Там же. Стб. 571.

⁷⁷ Там же. Стб. 486-487.

ходу на Волынь Владимира Галицкого; союзники пожгли окрестности Перемыля и Каменца «и тако, ополонившеса челядью и скотомъ и отместившеса, возвратишася во свояси»⁷⁸. Как видим, целью этого похода (для галичан в том числе) была месть за старые «обиды».

И все же соперничество юго-западных волостей закончилось победой владимирцев. Немалая заслуга в этом принадлежит, как справедливо отмечают историки, самому владимирскому князю Роману, обладавшему незаурядными личными качествами – энергией, решительностью, целеустремленностью, талантом полководца и организатора⁷⁹. Князь в полной мере извлек уроки из своей неудачи конца 80-х годов, и, когда через десять лет вновь представился благоприятный случай овладеть галицким столом, Роман не повторил прежних ошибок и сделал все возможное для осуществления задуманного.

* * *

Значительный интерес для реконструкции внутриобщинных отношений представляет рассказ Винцентия Кадлубка о походе малопольского князя Казимира Справедливого на западноволынский город Берестье. История этого похода до сих пор остается во многом невыясненной. Известия о нем сохранились только в польских источниках, допускающих многочисленные неточности и весьма поверхностно относящихся ко всему, что не связано непосредственно с интересами польского князя. Русские же летописи не сохранили никаких сведений об этом событии. Так что трудно с полной определенностью сказать ни о времени похода, ни о том, кому из русских князей вызвался помогать

⁷⁸ Там же. Стб. 698.

⁷⁹ См.: Дашкевич Н. П. Княжение Данила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 11; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 147; Жданов И. Н. Песни о князе Романа // Жданов И. Н. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. I-V. СПб., 1895; Грушевський М. С. 1) Історія України - Руси. Т. III. С. 2-4; 2) Історія української літератури. Київ, 1993. Т. III. С. 198; Ефименко А. Я. История украинского народа. Киев, 1990. С. 76, 80; Дорошенко Д. І. Нарис історії України. Львів, 1991. С. 87-88; Крип'якевич І. П. Історія України. Львів, 1990. С. 74-75; Лихачев Д. С. Исторические и политические представления автора «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 140-141; Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 95-96; Котляр Н. Ф. 1) Роман Мстиславич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 4; 2) Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 104. – Эти качества списали Роману широкую популярность у современников и потомков.

Казимир. 3011

Хроника Кадлубка сообщает, что, как только временно прекратилась вражда Казимира и великопольского князя Мешко Старого, первый немедленно занялся внешнеполитическими делами: «Вторгшись на Русь, [Казимир] нападает прежде всего на город Берестье, надежно укрепленный как воинами, так и искусными сооружениями и самым местом расположения, и осаждает его со всех сторон»⁸⁰. Далее хронист объясняет причину похода: Казимир решил вернуть Берестье «первородному сыну своей сестры, по ошибке отвергнутому братьями, из-за того, что мать по причинам скрытой ненависти наклеветала, будто он [ей] не сын, а был подложен, [когда] не было надежды на потомство»⁸¹. Далее выясняется, что это неожиданное разоблачение, прежде всего, возмутило горожан, и их всеобщее негодование стало причиной низложения князя: «Посему горожане, считая недостойным, чтобы какой-то незаконнорожденный [отпрыск] главенствовал над другими князьями, решительно взбунтовались, более всего возмущались вожди войска»⁸².

Русским князем, лишившимся стола в Берестье, как говорит Кадлубек, был кто-то из племянников Казимира. Публикатор Хроники в «Памятниках польской истории» А. Белёвский полагал, что здесь имеется в виду старший сын сестры Казимира Юдиты и венгерского королевича Бориса Кальман⁸³. Но эта версия не согласуется с данными византийских источников о том, что Борис был женат на родственнице императора Иоанна II Комнина⁸⁴. По мнению М. С. Грушевского, Кадлубек принимал за племянника Казимира печально известного Олега «Настасьича», внебрачного сына галицкого князя Ярослава Осмомысла, и что по времени эти события следует относить к 1188 г., когда после смерти Ярослава началась борьба между его сыновьями⁸⁵. Такая гипотеза основывается в большей степени на данных Великопольской хроники, которая, дополняя рассказ Кадлубка некоторыми новыми деталями, допускает очевидную путаницу, смешивая воедино два разных

⁸⁰ Хроника магистра Винцентия Кадлубка // Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 105.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ МРН. Lwów, 1872. Т. II. Р. 407-408.

⁸⁴ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 127, прим. 2.

⁸⁵ Грушевский М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 574-577.

события – поход на Берестье, датированный здесь 1182 г., и поход на Галич 1188 г., когда Казимир помогал Роману Мстиславичу⁸⁶.

Более предпочтительно выглядят объяснения О. Бальцера. Ученый на основании анализа широкого круга разнообразных источников – венгерских, польских и русских – приходит к выводу, что поход Казимира на Берестье следует относить к 1182 г., а не названным по имени племянником малопольского князя был сын другой его сестры, Агнешки, выданной в 1151 г. за волынского князя Мстислава Изяславича, – упоминающийся в русских летописях Святослав Мстиславич⁸⁷. Данного решения придерживаются и современные исследователи⁸⁸. Таким образом, свидетельства польских хроник относятся к тому периоду в истории Волыни, который в наименьшей степени обеспечен русскими источниками, – к 70 – 80-м годам XII в. Киевский летописец в эти годы практически не пользуется волынскими известиями, сосредоточившись на событиях в других землях Руси – в основном Владимиро-Суздальской, Черниговской и Киевской⁸⁹. Этим, надо думать, и объясняется отсутствие в летописи данных о походе поляков на Берестье.

Необходимо, однако, признать, что принятое большинством исследователей отождествление упомянутого Кадлубком племянника Казимира с русским князем Святославом Мстиславичем далеко не безупречно. Хронист утверждает, что польский князь принялся помогать «первородному сыну своей сестры, по ошибке отвергнутому братьями» и горожанами, считавшими «недостойным», чтобы незаконнорожденный «главенствовал над другими князьями». «Главенствовать» над своими братьями мог только старший, «первородный», как говорит Винцентий. Однако Святослав не мог быть старшим сыном Мстислава Изяславича, таковым, как известно, являлся Роман, княживший в «старшем» городе Волыни Владимире⁹⁰.

⁸⁶ См.: «Великая хроника» о Польше. Русь и их соседях XI – XIII вв. / Пер. Л. М. Поновой. М., 1987. С. 122-123; см. также: Щавелева Н. И. Комментарии // «Великая хроника»... С. 224-225, прим. 3.

⁸⁷ Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895. S. 171-173.

⁸⁸ Kürbis B. Komentarz // Mistrza Wincentego Kronika Polska / Tłum. K. Abgarowicz i B. Kürbis. Wstęp. i kom. B. Kürbis. Warszawa, 1974. S. 201, prz. 153; Saban W. Polityka północno-wschodnia Kazimierza Sprawiedliwego // RB. Białostok, 1974. T. 12. S. 201; Щавелева Н. И. 1) Польки – жены русских князей // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 57; 2) Польские латиноязычные средневековые источники. С. 128, прим. 2.

⁸⁹ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 139-140; Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь. С. 104.

⁹⁰ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 366; Кот-

Что же касается Святослава, то, насколько можно судить, он, напротив, был младшим среди известных по летописям сыновей Мстислава, и потому после смерти отца ему достался второстепенный стол в Червене⁹¹. Это, пожалуй, наиболее заметная, но не единственная «неувязка» в рассказе Кадлубка. А. В. Горовенко, недавно заново проанализировавший его в сопоставлении с данными других русских и польских источников, с полным основанием мог упрекнуть отставного краковского епископа в том, что тот «совершенно не знает иерархии княжеских столов Западной Волыни и сообщает сведения, не укладывающиеся в хронологию, восстанавливаемую по русским летописям и польским рочникам. Он не только не может назвать по именам всех сыновей родной сестры своего князя, но даже не уверен в том, сколько их вообще было...»⁹².

В распоряжении исследователей есть еще одно свидетельство о берестейских событиях 1182 г., приведенное в «Истории Российской» В. Н. Татищева. Это гораздо более подробное и обстоятельное сообщение, к тому же оперирующее более точными и ясными данными. Здесь также речь идет о вмешательстве поляков в конфликт русских князей из-за стола в Берестье, однако действующими лицами этого конфликта являются совершенно другие князья, вообще не имеющие отношения к династии волыньских Мстиславичей.

Согласно В. Н. Татищеву, дрогичинский князь Василько Ярополчич «поссорился» с минским князем Владимиром Володаревичем, державшим также и берестейский стол. Призвав «поляков и мазовшан в помощь», Василько разбил Владимира в битве на реке Буге и овладел Берестьем, но сам княжить в городе не отважился, оставив здесь «брата жены своей, князя мазовецкого, с поляки»⁹³. Тем временем Владимир Володаревич, собрав новое войско и получив помощь полоцких князей, вернулся к Берестью и «по жестоких приступах чрез девять дней Бересть взял и поляков многих побил, достальных на окуп и в размену за своих отпустил»⁹⁴. Продолжив наступление, Владимир нанес вой-

л я р М. Ф. Галицько-Волинська Русь. С. 104.

⁹¹ Мстислав Изяславич имел четверых сыновей: Романа, Всеволода, Святослава и, вероятно, Владимира (на месте имени последнего во всех списках Ипатьевской летописи читается только «мир»). Владимир рано умер, в год смерти отца (ПСРЛ. Т. II. Стб. 562), и младшим среди братьев остался Святослав.

⁹² Горовенко А. В. Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году // ВИ. 1995. № 8. С. 145.

⁹³ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 127.

⁹⁴ Там же. С. 127-128.

скам Василька новое поражение на реке Нуре под Дрогичином, после которого «едва Василько с малыми людьми к тестю своему Лешку ушел». Последний «тотчас, еше собрав войско, пошел на Владимирка и принудил его, оставя Подляшие, область Василкову, выйти к Брестю за реку Буг»⁹⁵. Однако воспользоваться плодами такой победы дрогичинский князь не смог. «Василко, — продолжает В. Н. Татищев, — не имея чем полякам обещанного заплатить, котораго от него усиленно требовали, пожитки бо его все Владимирко в Дрогичине и Нуре пограбил и города разорил, уступил тестю по себе все свое владение...»⁹⁶.

Насколько достоверно татищевское известие и как соотнести его со сведениями, сообщаемыми польскими хрониками? Этот вопрос занимал многих исследователей, но до сих пор не получил удовлетворительного решения. Н. М. Карамзин отказывался принимать рассказ Татищева, считая его смешанным «с явною ложью»⁹⁷. Подобного взгляда придерживаются и некоторые новейшие авторы: татищевское известие, полагает А. Б. Головко, «не согласуется со сведениями современных событию памятников и в связи с этим не может быть использовано в качестве источника по рассматриваемому вопросу (речь идет о русско-польских отношениях конца XII в. — А. М.)»⁹⁸. Против такого крайнего суждения высказывается А. В. Горовенко, посвятивший анализу татищевских известий специальное исследование⁹⁹. Историк отмечает, что сведения «последнего русского летописца» по своей надежности не уступают путаному и тенденциозному сообщению «современника событий» Винцентия Кадлубка, но поскольку источник их не может быть установлен, весь татищевский рассказ о борьбе за Берестье «приходится все же отнести к числу апокрифов»¹⁰⁰.

Столь же неоднозначным было отношение к сведениям польских хроник. В польской историографии сообщения Кадлубка и его последователей о важных победах Казимира Справедливого над русскими князьями, часть из которых даже признала вассальную зависимость от него, получили полное признание¹⁰¹. Неосновательность такого вывода

⁹⁵ Там же. С. 128.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II-III. С. 551, прим. 87.

⁹⁸ Головко А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 83-84.

⁹⁹ Горовенко А. В. Татищевское известие...

¹⁰⁰ Там же. С. 146.

¹⁰¹ См., например: Gorski K. Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią. Lwów, 1875. S. 13, 22, 27-28; Бобржинский М. Очерк истории Польши.

в свое время доказывал М. С. Грушевский, напротив, весьма скептически оценивавший патриотические реляции Кадлубка¹⁰². Неоднократно предпринимались попытки тем или иным образом «примирить» имеющиеся версии берестейских событий, в частности, допускалось, что эпизод, описанный В. Н. Татищевым, мог произойти раньше похода Казимира¹⁰³.

Видимо, следует признать, что на рубеже 70 – 80-х годов XII в. на берестейский стол претендовали сразу несколько русских князей, в том числе минский и дрогичинский, имевшие на то определенные основания¹⁰⁴. Вместе с сыновьями Мстислава Изяславича, также имевшими виды на Берестье, они постоянно обращались за помощью к своим польским родственникам – юному мазовецкому князю Лешку Болеславичу и его дяде-опекуну Казимиру Справедливому, – используя польские войска при выяснении взаимных претензий¹⁰⁵. Победителем в этой напряженной, длившейся, видимо, не один год борьбе вышел княживший во Владимире-Волынском Роман Мстиславич: «Роман Мстиславич владимирский, – сообщает В. Н. Татищев, – уздав о том, что Василько Подляшине тестю уступил, пошед с войском, Василька и с тестем из Подляшя выгнал и сам всем обладал»¹⁰⁶. В передаче Винцентия Кадлубка приобретение Романом берестейского стола приобретает вид пожалования могущественного польского князя: Казимир, «рассчитывая на повиновение», «отдает» Берестье «князю Владимирии» Роману¹⁰⁷.

* * *

Рассказ Кадлубка, несмотря на всю его тенденциозность и поверхностное отношение к главным участникам событий с русской стороны,

СПб., 1888. Т. I. § 28.

¹⁰² Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 367, прим. 1.

¹⁰³ См.: Balzer O. Genealogia Piastów. S. 188-190; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 46-48; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли... С. 99; Historia polityczna Polski. Kraków, 1920. Cz. I. S. 129.

¹⁰⁴ См.: Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 128-129, прим. 3.

¹⁰⁵ Этот вопрос более широко освещается в современной польской литературе: Mitkowski J. Leszek Bolesławicz // PSB. Kraków, 1972. T. XVII; Włodarski B. Sąsiedztwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawiedliwego // PH. 1969. T. LX. Z. 1. S. 11; Cabań W. Polityka północno-wschodnia Kazimierza Sprawiedliwego w latach 1177-1192 // RB. Warszawa. 1974. T. XII. S. 200.

¹⁰⁶ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 128.

¹⁰⁷ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 106.

ценен, благодаря ряду важных деталей, дающих некоторое представление об участии в происходящем берестейских жителей, городской общины, отнюдь не являвшейся лишь сторонним наблюдателем, безучастно взиравшим на схватки князей и покорно принимавшим любой их исход.

Обращает внимание тот факт, что, по словам Винцентия, берестейский князь лишается стола в результате выступления горожан, «решительно взбунтовавшихся» против незаконнорожденного властителя. Берестяне в данном случае не только сами решают судьбу княжеского стола, но и вмешиваются в междукняжеские отношения, считая недопустимым, чтобы «незаконнорожденный [отпрыск] главенствовал над другими князьями». Речь идет именно о массовом движении, охватившем всю городскую общину. Источник не дает никаких оснований оценивать его как «бунт берестейского боярства»¹⁰⁸, тем самым снижая масштаб и значение происходящего. Роль бояр, именуемых «вождями войска», в рассматриваемом эпизоде оговаривается особо: они, как это часто бывает в подобных ситуациях, являются инициаторами антикняжеского выступления общины, — таков, на наш взгляд, смысл сообщения о «вождях войска», которые «более всего возмущались» по поводу незаконнорожденного князя.

В истории Юго-Западной Руси мы уже видели примеры организованного боярами вмешательства горожан в семейные дела князей, выступления против тех из них, чье происхождение вызывало сомнения, казалось недостойным. В деталях летопись описывает выступление галичан против своего князя Ярослава Осмомысла: горожане силой заставили знаменитого князя жить с законной женой («князя водивше ко кресту, яко ему имети княгиню въ правду») и примириться с законным сыном; а ненавистную княжескую любовницу Настаську «Галичани же, накладъше огонь, сожгоша», репрессии обрушились и на ее сына Олега («а сына ея в заточение послаша»)¹⁰⁹. В происходящем ясно видна организующая и руководящая роль бояр, в частности, известного галицкого воеводы Косятина Серославича, вокруг которого теснятся другие «мнози бояре»¹¹⁰. Однако главными участниками событий являются сами галичане, самостоятельная городская община¹¹¹.

¹⁰⁸ Головки А. Б. Социальная функция городского населения в эпоху феодальной раздробленности (На примере южнорусских городов) // Древнерусский город. Киев, 1984. С. 30.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 564.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Подр. см.: Майоров А. В. Бояре и община Галича в событиях 50 – 70-х

Еще раз галичане столкнулись с сыном сожженной ими Настаськи, презрительно именуемым Олегом «Настасьичем», когда Ярослав Осмомысл перед смертью завещал ему галицкий стол и долго уговаривал «галицких мужей» и «всю Галицкую землю» согласиться с таким решением¹¹². Но как только старого князя не стало, галичане поспешили избавиться от его незаконнорожденного отпрыска и передали стол законному сыну Владимиру. «По смерти же Ярославле, – читаем в летописи, – бысть мятежь великъ в Галичкои земли. И сдоумавъ же моужи Галичкыи с Володимеромъ перестоупишеть хрестъное целование и выгнаша Олга из Галича»¹¹³. Употребляемое в приведенном отрывке выражение «сдумать» является характерным для древнерусских летописцев средством передачи сведений о вечевых решениях¹¹⁴, в пользу этого говорит и само принятое решение – изгнание князя, – что являлось исключительной прерогативой веча. Перед нами, таким образом, еще один акт политического волеизъявления вечевой общины, не терпящей на княжеском столе лиц недостойного происхождения.

Как мы уже знаем, за оклеветанного собственной матерью берестейского князя вступился его могущественный дядя, краковский князь Казимир Справедливый. Его войска выступили в поход. Однако жители Берестья не собирались покоряться иноземным завоевателям, оказывая им самое упорное сопротивление. Недаром Кадлубек именуется поход Казимира «долгой войной», говорит, что в результате действий «немалых вражеских полчищ» поляки попали в тяжелое положение, «оплакивая звезду своей славы как уже угасшую»¹¹⁵. Комментируя витиеватый и откровенно запутанный рассказ польской хроники, современный исследователь пишет: «Большая армия, во главе которой стоял воевода Миколай, во время осады (Берестья. – А. М.) столкнулась со значительным сопротивлением его защитников, что вызвало сначала брожение, а затем открытый бунт среди польских воинов»¹¹⁶. И только ценой огромных усилий полякам удалось взять верх и войти в город. О накале борьбы и ожесточенности сопротивления можно судить по жертвам, которых «поглотил сытый кровью меч»; правда, Винцентий говорит лишь о потерях с русской стороны: поляки «прорываются» к

годов XII в. // ВСПбГУ. Сер. 2. 1995. Вып. 4.

¹¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 656-657.

¹¹³ Там же. Стб. 657.

¹¹⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 159.

¹¹⁵ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 106.

¹¹⁶ Головки А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 83.

цели «сквозь горы трупов»¹¹⁷.

Бороться с агрессором жителям Берестья помогают соседи. На помощь им пришли волынские князья, галичане, а также половцы и ятвяги: «А на помощь городу подходит князь Всеволод Белзский с князьями владимирскими, с галицкими мужами, с отборными наемными войсками, с тысячами партов»¹¹⁸. Весьма примечателен тот факт, что галицкое войско значитесь здесь как самостоятельная военная сила, обходящаяся (в отличие от белзского и владимирского полков) без участия князя. В этом отношении известия Кадлубка полностью соответствуют нашим представлениям о военной организации Галицкой земли, полученным из свидетельств русских летописей. На протяжении многих лет «Галичане», «Галичская помочь» постоянно фигурирует в летописных сводках как самоуправляющаяся боевая единица, действующая наравне с войсками, выступавшими под предводительством князей, но в отличие от них полностью обходящаяся без княжеского участия, возглавляемое собственными (земскими) военачальниками¹¹⁹. Тем самым мы получаем еще одно подтверждение сделанного вывода о высокой мобильности и самостоятельности воинских сил Галичины, намного превосходящих в этом воинства других русских земель.

Одержав победу в трудном бою, Казимир овладел городом и вернул стол своему племяннику. Однако с этим не желали мириться жители Берестья, и поэтому участь навязанного им князя была предreshена. В Хронике Кадлубка читаем: «... после непродолжительного времени [его] (Казимира. — А. М.) ставленник умирает, выпив подсыпанный своими яд»¹²⁰. Если в данном сообщении речь идет действительно о Святославе Мстиславиче, то известие о смерти его около 1182 г. объясняет неожиданное исчезновение упоминаний о нем в русских летописях, знавших о деятельности Святослава в предыдущее десятилетие¹²¹.

Своевольных берестян опасается и другой навязанный силой пра-

¹¹⁷ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 106.

¹¹⁸ Там же. — Исследователи полагают, что «партами» в данном случае источник именует войска ятвягов и половцев (Kürbis B. Komentarz // *Mistrz Wincentego Kronika Polska*. S. 201, prz. 156).

¹¹⁹ См. с. 252-254 настоящей работы.

¹²⁰ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 106.

¹²¹ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 564. — У В. Н. Тагищева приводятся другие сведения о смерти Святослава: князь умер в Берестье в 1172 г. (Тагищев В. Н. История Российской. Ч. 2. Главы 19-39. С. 96). Однако это сообщение недостоверно и возникло в результате явных хронологических и генеалогических ошибок (см.: Горюнов А. В. Тагищевское известие... С. 144).

витель – дрогичинский князь Василько Ярополчич, о котором рассказывает В. Н. Татищев. Захватив город при помощи польских войск, этот князь, несмотря на полное поражение своего соперника, потерявшего «много людей» и ушедшего в другую землю, не рискнул остаться на добытом таким способом столе: «Обаче бояся сам тут быть, оставил в нем (в Берестье. – А. М.) брата жены своей, князя мазовецкого, с поляки, сам возвратился в Дрогичин»¹²². Убийство берестянами одного неугодного правителя и опасения за собственную жизнь другого говорят о растущей политической силе общины, не желавшей подчиняться давлению извне и готовой любыми средствами защитить свой суверенитет.

По такому же пути осуществлялось политическое развитие других общин Юго-Западной Руси, в частности, галицкой. Вспомним, как галичане, недовольные правлением Владимира Ярославича, собирались его убить: «Моужи же Галичкыи..., совокоупивше полкы своя и оутвердившеся крестомъ, и востаха на князь свои. И не смеша его изымати, ни оубити, зане не вси бяхоуть в доуме тои, бояхоу бо ся приятелевъ Володимеревыхъ»¹²³. Тогда дело кончилось изгнанием князя¹²⁴. Однако в дальнейшем галицкая община уже не прощала своих обидчиков и в отношении их действовала гораздо более решительно. В ответ на репрессии, учиненные князьями Игоревичами, когда, согласно летописи, погибло сразу пятьсот галицких бояр¹²⁵, галичане подвергли низложенных правителей смертной казни, предварительно выкупив их из венгерского плена: «Галичаномъ же молящимся имъ, да быша и повесили мьсти ради. Оубежени же бывши Оугре великими дарьми, предани быша на повешение месяца сентября»¹²⁶. Примеры подобного отношения к князьям мы можем видеть и в других землях Руси¹²⁷.

¹²² Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 127.

¹²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 660.

¹²⁴ См. с. 277-280 настоящей работы.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 723-724.

¹²⁶ Там же. Стб. 727.

¹²⁷ См. с. 394 настоящей работы.

Глава четвертая

**ВНУТРИОБЩИННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
И МЕЖВОЛОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ.
КРИЗИС КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ
(первая четверть XIII в.)**

В конце XII – начале XIII в. внутривластическое положение Юго-Западной Руси значительно осложнилось. Обострились старые противоречия между Волынью и Галичиной: владимирская община возобновила претензии на роль политического лидера в регионе, стремясь подчинить своему влиянию галичан. Межволостной конфликт усугублялся постоянным вмешательством внешних сил, прежде всего Венгрии и Польши, преследовавших собственные политические интересы.

С другой стороны, резко обострились внутриобщинные отношения по линии противостояния вечевой общины и князя. Сказанное в первую очередь относится к галицкой общине. В конце XII в. в Галиче пресеклась старая княжеская династия, с которой было связано более ста лет стабильного развития, и галицкий стол начал переходить из рук в руки, от одних правителей к другим, быстрой чередой друг друга сменявшим. Всех их объединяло только одно: будучи в той или иной мере ставленниками внешних сил, они очень мало заботились интересами галицкой общины, стремились силой подавить ее суверенитет, разрушить демократические завоевания предшествовавшего времени.

Еще одним фактором внутривластической жизни Юго-Западной Руси первой трети XIII в. стала усиливающаяся напряженность в отношениях «старших городов» с «пригородами», что представляло собой общее явление древнерусской действительности той поры и, несомненно, также накладывало отпечаток на состояние общественных отношений.

1.

**«Свирепый» Роман и «неверные» бояре:
политическая борьба
и внутривозрастные отношения
на рубеже XII – XIII вв.**

Сведения польских источников о вокняжении в Галиче Романа Мстиславича и отношение к ним в отечественной историографии. – Рассказ Кадлубка и данные русских источников. – Бояре и галичане во взаимоотношениях с малопольским князем Лешком Бельм. – Причины неприязни галичан к Роману. – Роль бояр в событиях 1199 г. – Данные о расправе Романа с галицкими боярами и практика аналогичных мероприятий в Галичине. – Ритуально-символическое значение «злых» казней общественных лидеров.

В 1199 г. в Галиче умер последний князь династии Ростиславичей Владимир¹. На этом, собственно, обрываются известия русских летописей о галицких делах и возобновляются только спустя несколько лет. Сведения о вокняжении Романа в Галиче и его отношениях с галичанами можно получить почти исключительно из польских источников – Хроники магистра Винцентия Кадлубка², Хроники Великопольской³ и позднейших исторических компиляций, прежде всего сочинений Я. Длугоша⁴.

Использование этих источников сопряжено с серьезными трудностями. В отечественной историографии утвердилось крайне критическое отношение к польским известиям по истории Древней Руси, близ-

¹ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II. С. 326. – См.: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 79.

² Хроника магистра Винцентия Кадлубка // Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 95-97, 110-112.

³ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. Перевод и комментарий / Под ред. В. Л. Янина; Сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. М., 1987. С. 134-137.

⁴ Dlugoski J. Historiae Polonicae libri XII / Ed. A. Przewdziecki. Cracoviae, 1873. Т. II. P. 149-152.

кое к полному неприятию. Особенно доставалось Хронике Кадлубка, современника и непосредственного участника многих событий русско-польских отношений конца XII – начала XIII в., включенных в Хронику⁵, к которой так или иначе восходят соответствующие известия позднейших компиляций⁶. Со времен В. Н. Татищева их принято было называть «бесстыдными лжами», «фантастическими баснями», «пристрастным и сомнительным повествованием», «бомбастичным и повним очевидных переборщень оповиданнем»⁷. В итоге к русским известиям польских хроник стали относиться как к сугубо «второстепенному источнику», обращение к которому целесообразно лишь при недостатке соответствующих западноевропейских свидетельств⁸.

Правда, с недавних пор положение стало постепенно меняться. Прежде всего изменился подход к изучению русско-польских отношений домонгольского времени: если раньше среди историков преобладало убеждение об их изначально враждебном характере, то теперь получила признание мысль, что перед лицом растущей опасности со стороны Германии (с середины XI в.) у обеих стран не было заинтересованности в территориальной экспансии в отношении друг друга, а, наоборот, развивалась тенденция к союзническим отношениям⁹. Новей-

⁵ Это касается последней четвертой книги Хроники, охватывающей период с 1173 по 1202 гг. Сведения для нее историк, помимо собственного опыта, черпал из рассказов участников походов, родственников и приближенных краковского князя, и эта книга писалась непосредственно по следам происходящих событий. – См.: Dąbrowski J. Dawne dziejopisarstwo polskie (do roku 1480). Wrocław, 1964. S. 70-83; Kūrbis В. Wstęp do wydania // Mistrza Wincentego Kronika Polska. Warszawa, 1974. S. 5-70; Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 76-85.

⁶ См.: Щавелева Н. И. Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винцентия Кадлубка) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР / Отв. ред. В. Т. Пашуто. М., 1978. С. 154-165; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 89.

⁷ Татищев В. Н. История Российская. Ч. I // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1994. Т. I. С. 307; Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 194-195, 281-282; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. I // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1988. Кн. I. С. 312, прим. 304; Липинченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Ч. I. С. 30; Грушевський М. С. Історія України – Русь. Т. III. С. 5.

⁸ См.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. II. Кн. I. С. 75; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII – XVII вв. М., 1973. С. 96.

⁹ См.: Пашуто В. Т. Русско-польские взаимоотношения (с середины XI в. до

шие исследования также говорят об отсутствии серьезных противоречий и взаимного неприятия между Русью и западнославянскими странами, в том числе Польшей вплоть до XIV в., когда общественный строй стран Центральной Европы сближается с западноевропейским, а Русь развивается по самостоятельному пути, когда на первый план выходит борьба католичества и православия¹⁰.

Результатом этого стало более широкое привлечение польских источников для изучения истории Древней Руси и, в частности, Хроники Кадлубка¹¹, а также новое понимание значения привлекаемых материалов, новое отношение к возможностям их использования. «Подлинная значимость польских латиноязычных памятников X – XIII вв., – пишет Н. И. Щавелева, – обнаруживается при тщательном изучении каждого свидетельства и всего произведения в целом... Тенденциозность автора может быть объяснима в каждом конкретном случае: за гиперболой или умалчиванием усматривается действительная история»¹².

* * *

Обратимся теперь непосредственно к рассказу Кадлубка, дающему немало ценных для нас сведений, и попытаемся, насколько возможно, проверить надежность этого рассказа. Согласно ему, галицкий князь Владимир Ярославич умер, «не оставив ни одного законного наследни-

монгольского нашествия) в связи с политикой Германской империи // Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., 1968; Королюк В. Д. Проблематика истории Польши до середины XIV в. в советской литературе // Материалы научной конференции польских и советских историков по проблемам историографии. М., 1969.

¹⁰ См.: Флорья Б. Н. 1) Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992; 2) У истоков конфессионального раскола славянского мира. Древняя Русь и ее западные соседи в XIII веке // Славянский альманах. 1996. М., 1997; 3) У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век) // Исторический вестник (М.; Воронеж). 1999. № 2-4; Кузьмин А. Н. Образ Польши и поляков в древнерусских источниках (до начала XIV в.) // Древняя Русь и Запад. Научн. конф-ция. Книга резюме / Отв. ред. В. М. Кириллин. М., 1996.

¹¹ См.: Пашуто В. Г. 1) Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. Б. м., 1950; 2) Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; Крип'якевич І. П. Галицко-Волинське князівство. Київ, 1984; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X – XI вв. М., 1964; Котляр П. Ф. Формирование территории...: Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988.

¹² Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 11-12, 15.

ка»¹³. Нет никаких оснований сомневаться в истинности этого известия. Оно подтверждается данными источников русского происхождения¹⁴, а также генеалогическими исследованиями. Законные сыновья Владимира Иван и Василько (рождены от брака с Болеславой, дочерью черниговского князя Святослава Всеволодовича) погибли, по-видимому, в Венгрии в конце 80-х годов, куда были вывезены насильно вместе с отцом королем Белой¹⁵. После смерти Владимира остались только два его незаконных сына, рожденных от пощады¹⁶.

С полным доверием можно относиться и к следующему сообщению Кадлубка: «...русские князья кто силой, кто хитростью, кто тем и другим способом стремились захватить освободившееся княжество. Среди них был князь Роман, который, будучи соседом, имел тем большие надежды [на успех] и, кроме того, был более ловок, [чем прочие], в интригах»¹⁷. С этими утверждениями согласуются данные В. Н. Татищева, непосредственно не обращавшегося к Хронике Кадлубка¹⁸ и черпавшего сведения о галицком княжении Романа из русских источников, возможно, из недошедшей начальной части Галицко-Волинской летописи¹⁹. После похорон Владимира «галичане учинили совет послать к Рюрику и просить его о наставлении, кого князя избрать. Другие желали Романа Мстиславича. Роман, уздав о том, пременя злобу в лесть, послал к тестю своему Рюрику, прося у него прощения, а при том позволения и помочи, чтоб ему получить Галицкое княжение. Но Рюрик, опасаяся сего гордаго и властолюбиваго князя допустить ему так сильное княжение, объявил ему, что он, не учиня о том со всеми князи совета, не может учинить и звал его купно с другими князи на

¹³ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 110; «Великая хроника»... С. 134.

¹⁴ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 165.

¹⁵ Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russus du Xe au XIIIe siècle // OCh. Roma, 1927. Vol. IX. № 35. S. 15-17, tabl. III.

¹⁶ Андрияшев А. М. Очерк истории Волинской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 147.

¹⁷ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 110; «Великая хроника»... С. 134-135.

¹⁸ В данном случае В. Н. Татищев обращается к позднейшим сочинениям (Я. Длугоша и М. Кромера), но в собственном рассказе приводит совершенно иную, оригинальную по содержанию, версию событий. – См.: Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 165, 256, прим. 563.

¹⁹ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 119.

съезд»²⁰. О политической «ловкости» Романа, проведшего большую дипломатическую подготовку завоевания Галича, свидетельствуют многочисленные факты начала и середины 90-х годов XII в., свидетельствующие также о стремлении князя снискать популярность у галичан, добиться признания и славы на Руси вообще²¹.

Решительные возражения вызывает у ряда исследователей известие Кадлубка об обращении Романа за военной помощью к польскому князю Лешку Белому в части, касающейся условий этой помощи. «...понимая, что силы его другим неравны, настойчиво просит [Роман] князя Лешко обязать его вечным подданничеством, с тем чтобы он [Лешко] благодаря его покорности стал господином над всеми русскими князьями и управлял бы через него землями партов (половцев. – А. М.), пусть только он его не князем Галиции, а наместником своим назначит»²².

По мнению М. С. Грушевского, Кадлубек «только с помощью своей фантазии мог сделать из Романа “слугу” польского князя, он вовсе упустил из вида, что Роман был тогда гораздо более сильным и импозантным властителем, нежели молодой Лешко, что так непрочно сидел на своем краковском столе и играл весьма скромную роль в руках своих всевластных баронов... Не могло быть тогда и речи о присоединении Галичины к Польше ни в польских, ни в галицких боярских кругах, и такое представление дел у Кадлубка мы – в лучшем случае – можем истолковать как антиципацию событий по смерти Романа...»²³. «Действительно, – полагает Б. Влодарский, – нельзя верить Винцентию, что Роман, желая привлечь для своих планов краковское княжество, обещал признавать над собой верховенство Лешка и что Лешко посадил его как своего наместника. Только можно принять, что Роман оказался на галицком столе при польской поддержке, чувствуя определенные обязательства перед Лешко за эту помощь»²⁴.

Не все упреки, высказанные здесь в адрес польского хрониста, можно считать в равной степени справедливыми. Признавая факт помощи Роману со стороны Польши, историки полностью отрицают за-

²⁰ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 165.

²¹ См.: Грушевський М. С. Історія України – Русі. Т. III. С. 2-4. 6-7; Котляр Н. Ф. Данило Галицький. Київ, 1979. С. 13-19.

²² Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 110; «Великая хроника»... С. 135.

²³ Грушевський М. С. Історія України – Русі. Т. III. С. 5-6. – См. также: Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 84.

²⁴ Włodarski B. Polska i Rus'. 1194-1340. Warszawa, 1966. S. 21.

висимость, в которую вступал Роман перед 13-летним Лешком²⁵. Но насколько при этом исторически достоверны известия Кадлубка? Думается, что в решении этого вопроса следует учитывать более широкий спектр данных о внешнеполитической деятельности русских князей того периода. Как замечает Н. Ф. Котляр: «В действительности опора Романа Мстиславича на польские силы в занятии галицкого стола была обычным делом в те времена и вовсе не повлекла за собой его зависимости от польских феодалов»²⁶. Более того, и засвидетельствованное у Кадлубка обращение Романа к краковскому князю с просьбой о «вечном данничестве» и обещанием быть его покорным наместником или вассалом²⁷, не являет собой чего-то из ряда вон выходящего в практике междукняжеских отношений, сложившейся тогда на Руси.

Подобные приемы особенно были в ходу у галицких князей, когда они остро нуждались в поддержке извне. Вспомним, как вернувшийся из венгерского плена галицкий князь Владимир Ярославич обращается к могущественному владимиро-суздальскому князю Всеволоду Большое Гнездо с просьбой по сути аналогичного содержания: «Отче, господине! Оудержи Галичъ подо мною, а азъ Божии и твои есмь со всем Галичем, а во твои воле есмь всегда»²⁸. Несколько ранее другой галицкий князь Ярослав Осмомысл просит киевского князя Изяслава Мстиславича: «Ныне, отче, кланяю ти ся. Прими мя. Яко сына своего Мъстислава, якоже и мене. Ать ездить Мъстиславъ подле твои стремень по одиной стороне тебе, а я по другои стороне подле твои стре-

²⁵ Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 164; Головки А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 87; Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 139, прим. 8.

²⁶ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 89.

²⁷ «Вассалом Польши» должен был стать Роман в обмен на полученную от другого польского князя Казимира Справедливого не названную русскую волость (См.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 4, прим. 2). М. С. Грушевський полагал, что то была Галичина, и сообщение Кадлубка, повествующего об этом, соответствует первому вокняжению Романа в Галиче в 1188 г. (Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 574-577). Однако «не названная» русская волость на самом деле у Кадлубка имеет название, это – Берестье (Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 105). Об ожесточенной борьбе за этот город между русскими князьями в 1177 г., в которую вмешиваются поляки, сообщает со ссылкой на так называемую Полоцкую летопись В. Н. Татищев (История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 127-128). Более взвешенным и основательным представляется вывод О. Бальцера, считавшего сведения Кадлубка достоверными и датировавшего поход Казимира и вокняжение Романа в Берестье 1182 г. (Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895. S. 171-173).

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 667.

мень еждю [с] всими своими полкы»²⁹. Наконец, сам Роман Мстиславич, начавший враждовать с киевским князем Рюриком Ростиславичем, рассчитывая на польскую помощь, но потерпевший сокрушительное поражение³⁰, должен был просить прощения у Рюрика и клясться «въ его воле быти и зрети на нь»³¹.

Во всех случаях, разумеется, речь идет о признании галицкими князьями политической (вассальной) зависимости от правителей других земель³², но при этом вовсе не идет речи о присоединении Галичины к Киевской и тем более Владимиро-Суздальской волости. Да и сами вассальные обязательства галицких князей не являлись для них понастоящему обязательными и могли быть легко разорваны или забыты³³.

В русле той же традиции ведет себя по отношению к малопольскому князю Лешко Роман Мстиславич: получив галицкий стол, он действует как полноправный правитель, не связанный никакими обязательствами, ограничивающими его суверенитет³⁴. Все это показывает, каково было истинное значение обещаний Романа, которые, на самом деле, никого тогда не могли обмануть ни на Руси, ни в Польше. В этом причина отказа Роману в помощи его тестя, киевского князя Рюрика Ростиславича, к которому Роман обращался, как пишет В. Н. Татищев, «пременя злобу в лесь»³⁵. «Лесь» распознали в просьбе и обещаниях Романа и советники польского князя Лешко, о чем недвусмысленно дает понять Кадлубек, повествуя об их осторожном и даже скептическом отношении к обещаниям Романа: «Но некоторым показалось слишком вольной эта просьба: и потому, что небезопасно из подчиненного делать себе равного, и потому, что гораздо полезнее самому обла-

²⁹ Там же. Стб. 465.

³⁰ См.: Włodarski В. Polska i Rus. S. 18-19; Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 164; Головки А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 86-87.

³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 697.

³² См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 60-61.

³³ Так поступают и Ярослав Осмомысл в отношении Изяслава Мстиславича (ПСРЛ. Т. II. Стб. 465-468), и Роман Мстиславич в отношении Рюрика Ростиславича (Там же. Стб. 696-697).

³⁴ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 147, прим. 3; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 11; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 192-193; Крип'якевич І. П. Галицко-Волинське князівство. С. 85; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 89.

³⁵ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 165.

дать чем-либо большим и нужным, нежели передать другому; и узы союза чужеземца с чужеземцем редко бывают неразрывны. Поэтому если кто-то и сходится [с чужеземцем] ради выгоды, то терпит его лишь до тех пор, пока выгодно»³⁶.

Нельзя согласиться с М. С. Грушевским, отвергавшим рассказ Кадлубка из-за его мнимой противоречивости в данном пункте: «Тут уже, как видим, рассказ сам себе противоречит: Роман перед тем просит дать ему Галичину как наместнику – *non principem Galicie, sed procuratorem ibi suum constituat*, а теперь выходит, что Галичину он должен получить как вполне самостоятельный князь, равный Лешко. Ниже Роман снова считается только польским наместником: “*In spe – in vestri persona nobis imperare velitis an in substituta*”, – говорят бояре Лешко»³⁷. На самом же деле повествование Винцентия отличается стройной последовательностью и отражает реальное противоречие интересов участвующих в событиях сторон – русского князя Романа Мстиславича и польского князя Лешко с его окружением, – преследовавших собственные политические интересы, стремясь при этом «переиграть» друг друга.

* * *

Дальнейшие известия польских хроник высвечивают роль галицкого боярства в истории вокняжения Романа в Галиче. «Еще не дошли [польские войска] до границ Руси, – говорится у Кадлубка, – как галицкая знать бросается [Лешко] навстречу и склоняет перед ним головы, обещает ему полное повиновение, полную покорность, подчинение всех своих людей, вечную и всяческую гарантию, добровольно избирают его королем и защитником своего спокойствия. “Пусть, говорят, достоинство Вашего суждения удостоит решить, желаете ли Вы нами повелевать лично или через [Вашего] ставленника? Мы же ни о чем другом не просим, как только, чтобы слава вашего имени была над нами, ибо не можем выносить спеси, раздоров и зависти князей земли нашей”»³⁸.

Сопоставим это известие с сообщением Великопольской хроники – памятника, возникшего примерно на столетие позже Хроники Кадлуб-

³⁶ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 110: «Великая хроника... С. 135.

³⁷ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 4, прим. 2. – Как «по обыкновению тенденциозное» отвергал известие Кадлубка А. М. Андрияшев (Андрияшев А. М. Очерк истории Вольнской земли... С. 147, прим. 3).

³⁸ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 111.

ка и в своей первой части (до 1202 г.) основанного на ее данных³⁹: «Храбрый Лешек вторгается во владения Руси. Навстречу ему выходят первые люди Галиции со склоненными выями. Обещают ему свое послушание, свою клиентелу, свое полное подчинение, а также своих [людей] навеки верность и выплату подати. Его выбирают королем и желают [видеть] в нем защитника своего спасения. “Пусть достоинство вашей светлости соблаговолит решить, [будет ли] править нами лично или через установленное лицо. Мы ни о чем другом не просим, только бы слава вашего имени воссияла над нами”»⁴⁰.

Оба источника при всем несомненном стремлении подчеркнуть достоинства польского князя как сильного и славного правителя и приниженное положение галичан, галицкого боярства, признают, что галичане в лице своих «первых людей» «добровольно избирают» Лешко «королем», поскольку русские князья и особенно Роман Мстиславич не удовлетворяют общину по своим личным качествам. Община таким образом реализует свое завоеванное в предыдущий период право «вольности в князьях», распространяя его, как то уже было однажды в конце 80-х годов XII в.⁴¹, не только на русских, но и на иноплеменных правителей.

Об этом же говорит и отношение галичан к новому претенденту. Как и в случае с венгерским королевичем Андреем (1189 г.), давшим галичанам «весь наряд»⁴², так и теперь, в случае с малопольским князем Лешком, галичане не есть лишь безропотно пресмыкающаяся перед чужой силой масса. Их обещания покорности и верности, старательно усиливаемые специальными литературными приемами польскими хронистами⁴³, отнюдь не беспредельны и не безусловны. В этом убеждаемся из свидетельств самих хроник о посольстве галицких бояр, а также из сообщений о дальнейших событиях. Галицкие бояре-послы

³⁹ Вопрос о времени создания Великопольской хроники остается в современной науке открытым: исследователи датируют появление памятника в широком хронологическом промежутке с последней четверти XIII до второй половины XIV в. — См.: L o w m i a ń s k i H. Kiedy powstała Kronika wielkopolska? // PH. 1960. T. 51; D a b - g o w s k i J. Dawne dziejopisarstwo polskie... S. 132, 138, 143-147; K u r b i s B. Wstęp do wydania Kroniki Wielkopolskiej // MPH. NS. Warszawa, 1970. T. VIII. P. XXII, XXVI; Щ а в е л е в а Н. И. Предисловие // «В е л и к а я х р о н и к а»... С. 12-19.

⁴⁰ «В е л и к а я х р о н и к а»... С. 136.

⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 660-661.

⁴² Там же. Стб. 661.

⁴³ Имеем в виду влагаемые Винцентием в уста галицким боярам слова: «Мы же ни о чем другом не просим, как только, чтобы слава Вашего имени была над нами» (Х р о н и к а... С. 11), являющиеся парафразой из Книги пророка Иеремии (14, 9).

обещают «полное повиновение» и «вечную верность» «всех своих людей» при условии, что Лешко станет «защитником» их «спокойствия», «защитником» их «спасения»⁴⁴. Смысл этих слов, как представляется, состоит в том, что новый князь будет править в Галиче, соблюдая и оберегая сложившийся порядок в отношениях горожан и князя. Речь идет здесь, конечно, не о прихоти «избалованного и кичившегося самостоятельностью галицкого боярства», самовольно распорядившегося судьбами земли⁴⁵, а о «вольностях» волостной общины, ее внутреннем и внешнем суверенитете.

Однако договору об избрании Лешко галицким князем не суждено было сбыться. Польская хроника всю вину за это возлагает на галичан: «они (галицкие бояре. — *А. М.*) [говорили] это с хитростью, дабы захватить [поляков] беззаботных и беспечных, но вскоре само дело выдало их хитрости. Ибо первые их города не смиренно сдавались, а сопротивлялись в упорных сражениях. А когда же [войска Лешко], наконец, разорив и покорив их, решают осадить Галич, то находят там скопища врагов, многочисленных как песок»⁴⁶.

Как нам представляется, причина военного столкновения поляков с галичанами с очевидностью явствует из свидетельств самих же польских источников: «их (галичан. — *А. М.*) города и укрепления оказывают сопротивление Лешку и восстают против него»⁴⁷ в ответ на то, что польский князь ввел войска в Галичину и начал боевые действия, т. е. повел себя отнюдь не как «свой» князь, «защитник спокойствия» и «спасения», а как чужой завоеватель и грабитель.

Примечательно, что, списывая всю вину на галичан, поляки обвиняют их в «хитрости», в тайном умысле «захватить беззаботных и беспечных» поляков. Так же точно ведут себя венгры во главе с княжившим в Галиче королевичем Андреем, когда через несколько месяцев относительного благополучия между ними и галичанами возник конфликт, спровоцированный, как мы пытались показать выше, венграми⁴⁸. Венгры тогда обвинили галичан в «лести», потребовали принесе-

⁴⁴ В дальнейшем, терпя неудачи, галичане соглашались принять Лешка на «любых условиях» (*Хроника* — магистра Винцентия Кадлубка. С. 111-112), что свидетельствует о более высоком уровне их первоначальных требований к кандидату.

⁴⁵ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 139, прим. 7.

⁴⁶ *Хроника* — магистра Винцентия Кадлубка. С. 111.

⁴⁷ «Великая хроника»... С. 136.

⁴⁸ См. с. 289-290 настоящей работы.

ния новой присяги и стали прибегать к репрессиям⁴⁹, а когда галичане начали в ответ «искать себе русского князя», венгры ввели в город войска и развязали массовый террор⁵⁰. Теперь, десять лет спустя, галичане действуют таким же образом: когда Лешко открывает военные действия в Галицкой земле, попирая тем самым договоренность с общиной, они обращаются за помощью к русским князьям и всей землей ополчаются на поляков.

Польские хроникеры далее сообщают о битве галичан с поляками у стен Галича, завершившейся поражением его защитников⁵¹. Неудача заставляет галичан, «уже не притворно клянясь жизнью, и с исполненными крайнего смирения молитвами» «еще ниже, чем прежде, склониться к ногам князя Лешко», «поскольку они видят, что силы их князей, на многочисленность которых они полагались, совершенно иссякли»⁵². В. Н. Татищев, отдававший предпочтение русским источникам, представляет дело иначе: «Роман, получив онаго (Лешка. — *А. М.*), пошел к Галичу. А галичане ожидали ведомости от Рюрика, уповая, что им сына своего Ростислава даст, чрез так долгое время отповеди не получили. А уведав, что король венгерский с войски по поступке, принужденной ему от Владимира, готовится и полки его уже в горы пограничные пришли, приняли Романа без отрицания»⁵³. Известия польских хроник, хотя и расходятся с данными татищевского свода в частности, в целом не противоречат им, согласуются и дополняют их в ряде важных моментов. Так, в Хронике Кадлубка читаем: «Стеснили их (галичан. — *А. М.*) отовсюду беды: нет никакой надежды на возобновление войны, так как почти все их помощники ночью бежали...»⁵⁴.

* * *

Таким образом, по сведениям как польских, так и русских источников, галичане соглашались принять Романа, только полностью исчерпав свои возможности к сопротивлению, все военные и дипломатические средства⁵⁵. Возникает вопрос, чем вызвано столь негативное и

⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 664-666.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 111: «В е л и к а я хроника»... С. 136.

⁵² Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 111.

⁵³ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 165.

⁵⁴ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 111.

⁵⁵ Включая союз и военную помощь не названных русских князей («их князей, на многочисленность которых они полагались»).

враждебное отношение галичан к Роману? Историки потратили немало усилий в поисках ответа. Нельзя сказать, чтобы этот князь скомпрометировал себя чем-либо перед галичанами во время своего первого княжения в Галиче. Напротив, он приобрел там немало влиятельных сторонников, последовавших за ним в изгнание⁵⁶. В поисках причины охлаждения галичан к Роману М. С. Грушевский предпринял целое исследование, но так и не смог найти определенного ответа: «число сторонников Романа среди галицкого боярства за это десятилетие, что минуло со времени, когда бояре впервые призвали Романа в Галич, могло уменьшиться, симпатии к нему могли остыть; хотя, с другой стороны, можно думать, что такой изворотливый человек, как Роман, положив глаз на Галичину, мог и постараться для своего дела и удерживать в дальнейшем себе партию среди местного боярства»⁵⁷.

Историки, с большим доверием относящиеся к сообщениям польских хроник, указывают вслед за ними на «деспотизм» Романа, «тиранство» и «коварство» этого чересчур «энергичного» князя⁵⁸, находя тому подтверждения и в других источниках⁵⁹, и этим объясняют возникшую у галичан и, прежде всего, у галицких бояр антипатию к владимирскому князю⁶⁰. Высказывалось также мнение, что «в рассказе Винцентия можно видеть опасение бояр перед Романом, который мог мстить за переход бояр на сторону венгров после того, когда Роман в первый раз овладел Галичем»⁶¹.

Мы не можем считать приведенные соображения в должной мере отвечающими на интересующий нас вопрос. Существо проблемы сводится лишь к княжеско-боярским отношениям, к борьбе боярских партий, поддерживавших или противившихся вокняжению Романа в Галиче. Князю Роману приписывается целенаправленная антибоярская политика, продиктованная стремлением «усилить княжескую власть и перенять государственные доходы, которые захватывали бояре»; в своей борьбе Роман последовательно делал ставку на поддержку город-

⁵⁶ ИСРЛ. Т. II. Стб. 661-662.

⁵⁷ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 4.

⁵⁸ Костомаров Н. И. Князь Данило Романович Галицкий // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев. 1989. С. 240; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 147-148; Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 164.

⁵⁹ Свой крутой нрав Роман показал, еще будучи владимирским князем: Я. Длугош сообщает о его остром конфликте с владимирским епископом (Dlugossii J. Historiae Polonicae. T. II. P. 172-176).

⁶⁰ См.: Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 89-90.

⁶¹ Włodarski B. Polska i Rus'. S. 21.

ских верхов («лепших мужей»)⁶². При этом остается совершенно в стороне другой, более значимый и в данном случае решающий фактор – политическое соперничество галицкой и владимирской общин. Кроме того, предлагаемые решения не учитывают некоторых важных свидетельств источников, имеющихся в распоряжении науки.

Так, согласно данным татищевского свода, игнорировать или отвергать которые нет достаточных оснований⁶³, сторонники Романа в Галиче заявляют о себе сразу после смерти Владимира, выдвигая кандидатуру Романа на княжеский стол⁶⁴. Однако эти сторонники очень быстро исчезают, и галицкая община во главе с боярством единым фронтом поднимается против Романа, о чем, в частности, судим по замечанию Кадлубка, что Роман стал галицким князем, «несмотря на сопротивление всей русской знати»⁶⁵. Значит, перемена в отношении галичан к Роману произошла не вследствие охлаждения симпатий или ослабления поддерживавшей его боярской партии за десятилетие, пока он отсутствовал в Галиче, а в силу обстоятельств ближайшего времени, возникших в период борьбы за Галич, разгоревшейся после смерти последнего представителя династии Ростиславичей.

Объяснение им, по нашему убеждению, следует искать в межволостных отношениях Вольни и Галичины с учетом их развития в предыдущий период и реалий, сложившихся к концу XII в. Как известно, основу этих отношений составляло извечное соперничество двух волостей и борьба за лидерство в регионе⁶⁶, обострившиеся во второй половине XII в., когда Владимиро-Волынская волость, значительно усилившаяся в военно-политическом отношении, возобновляет активную наступательную политику в отношении Галичины⁶⁷. Поэтому галичане с опаской и недоверием относились к стремлениям владимирского князя получить княжение в Галиче и могли согласиться на это только при условии, что претендент прекратит все свои связи с владимирцами и

⁶² Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 85; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 192; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 89-90.

⁶³ Ср.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 5, прим. 1.

⁶⁴ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 165.

⁶⁵ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 112. – «Несмотря на сопротивление русских сановников (přímis) и знатных (přecřpnis) лиц». – «В е л и к а я х р о н и к а»... С. 137.

⁶⁶ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 103-156; Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. Глава 13.

⁶⁷ См. с. 308-309 настоящей работы.

отречется от владимирского стола.

Так ведет себя Роман, когда впервые получает галицкий стол⁶⁸. Видимо, и теперь галичане ожидали от Романа, вновь заявившего о претензиях на Галич, таких же шагов. И сам Роман как будто пытается решить дело миром. Согласно В. Н. Татищеву, он пробует примириться со своим врагом киевским князем Рюриком Ростиславичем⁶⁹, союзником галичан, вместе с которым они участвовали в военных походах, в том числе и на Волынь⁷⁰. В ответ среди галичан раздаются голоса в пользу Романа⁷¹. Однако положение быстро изменилось. Рюрик отказал в помощи и, по словам В. Н. Татищева, предпринял попытку «лишить» Романа «Владимирской области», готовя с этой целью новый съезд князей Руси⁷². Тогда Роман сделал ставку на силовое решение вопроса, прибегнув к помощи союзных ему поляков. Насколько можно судить, Роман опирался при этом и на поддержку владимирской общины⁷³, во всяком случае, на сей раз он не порывал военно-политических связей с владимирцами⁷⁴. И поэтому, как справедливо отмечают авторы монографии «Города-государства Древней Руси»: «Появление владимирского князя на галицком столе было, в известном смысле, успехом владимирцев в соперничестве с галичанами»⁷⁵. Отсюда – столь решительное и единодушное сопротивление галичан, оказанное в итоге Роману⁷⁶.

* * *

В галицких событиях 1199 г. хорошо видна роль местных бояр как лидеров общины в судьбоносный момент ее истории. В этом качестве они проявляют себя в двух отношениях. Они, во-первых, руководители внутриобщинной жизни, которые, по словам М. С. Грушевского, «со

⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

⁶⁹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 165.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 698.

⁷¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 165.

⁷² Там же.

⁷³ См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 147-148; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дисс. Л., 1990. С. 71.

⁷⁴ Об этом свидетельствует целый ряд летописных сообщений, относящихся ко времени пребывания Романа в Галиче и событий, развернувшихся после его смерти. – См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 417; Т. II. Стб. 717, 727, 728; М., 1965. Т. X. С. 50.

⁷⁵ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 147.

⁷⁶ Нельзя исключать того, что сопротивление галичан было вызвано опасением месть со стороны владимирцев за разорение их волости в 1196 г.

смертью Владимира должны были взять в свои руки верховное управление Галичины»⁷⁷, т. е. осуществлять необходимые административные функции в переходный период до избрания нового князя.

Но бояре не узурпаторы верховной власти, как порой считают некоторые историки⁷⁸. В Галиче по-прежнему существует и действует вече как высший политический орган, определяющий судьбу княжеского стола. Это видно из сообщения В. Н. Татищева о том, что «галичане учинили совет» для определения кандидатуры нового князя⁷⁹. Община, как и прежде, не в состоянии долго обходиться без княжеской власти и стремится скорее избрать себе нового князя: галичане сетуют на задержку приезда к ним сына киевского князя Рюрика Ростислава, которого они звали на галицкий стол⁸⁰.

В вопросе выбора кандидата ведущая роль принадлежит боярству. Но его инициатива здесь ограничена интересами и волей общины. Выбор бояр – это выбор общины. По поводу аналогичного случая Н. П. Дашкевич верно заметил, что князь «опирался на избрание с их (бояр. – А. М.) стороны как на один из вошедших тогда в обычай путей к занятию столов и в поступке бояр видел обыкновенный факт самоопределения общины, на которое она имела полное право»⁸¹.

Сказанное в полной мере относится и к рассматриваемому случаю. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что община всячески поддерживает выбор бояр, действует с ними вместе и заодно: простые галичане вслед за боярами идут в бой против поляков, когда те нарушают заключенный с «первыми людьми Галиции» договор⁸² и так же, как их лидеры, отвергают Романа, не выполнившего условий общины. Община поддерживает бояр до самой последней минуты, исчерпав военные средства, прибегает к финансовым: после военного поражения галичане, разделяя позицию своих бояр, не желавших иметь дело с Романом, пробуют откупиться и предлагают польскому князю несметные богатства и «постоянство в выплате податей» в обмен на его

⁷⁷ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 3.

⁷⁸ См.: Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 70, 72.

⁷⁹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 165.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Дашкевич Н. П. Книжение Даниила Галицкого... С. 35. – Нельзя, однако, согласиться с его последующим утверждением: «Только в Галиче это самоопределение земли в сущности простиралось... на один боярский класс, считавший себя представителем ее, чего не было в других землях (там же).

⁸² Хроника магистра Вицентия Кадлубка. С. 111: «Великая хроника»... С. 136.

согласие самому стать князем в Галиче⁸³.

Важно подчеркнуть, что разногласия среди галичан по поводу кандидатуры нового князя, возникшие, по словам В. Н. Татищева, после смерти Владимира Ярославича, исчезают без следа, как только было принято общее решение отвергнуть Романа и поддерживать другого претендента – сначала сына киевского князя Рюрика Ростислава, а затем малопольского князя Лешка. Подобное не могло явиться вследствие межпартийной борьбы или закулисных интриг, расколовших галичан, а должно было стать результатом непосредственной реакции общины на изменения политической обстановки.

Боярство со своей стороны также тесно связано и зависимо от общины в политических делах, где благополучие общины стоит выше корпоративных и личных выгод. Поэтому, заключив договор с князем Лешком, бояре немедленно идут на разрыв с ним, навлекая на себя гнев поляков, после того, как последние стали разорять пограничье Галицкой земли⁸⁴, покушаясь на ее целостность и суверенитет. В решающий момент среди галичан, как и среди галицкого боярства, нет никаких политических разногласий, могущих привести общину к расколу на враждующие лагеря. Галичане единым фронтом ведут борьбу за свои интересы и сообща принимают поражение⁸⁵.

В основе этого единства, особенно наглядно проявляющего себя в отношениях с внешним миром, лежит социально-политическая целостность общины как единого организма. Важным свидетельством тому являются терминологические данные. Используемые в польских латиноязычных источниках термины «первые люди Галиции», «галицкая знать», «русские сановники и знатные» в рассказе о галицких делах свободно заменяются термином «галичане» с тем же смысловым значением⁸⁶, поскольку бояре являются неотъемлемой частью общины, действуют от имени простых людей и вместе с ними. То же самое, как известно, характерно и для терминологии русских летописей, где взаимозаменяются как равнозначные термины «галицкие мужи» и «галича-

⁸³ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 111-112; «Великая хроника»... С. 136-137.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Сперва Кадлубек говорит, что «галицкая знать бросается [Лешко] навстречу и склоняет перед ним головы», а в другом месте «галичане еще ниже, чем прежде, склоняются к ногам князя Лешко» (Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 111. – См. также: «Великая хроника»... С. 136).

не», обозначающие общину в целом – и бояр и простых людей⁸⁷. Концентрация внимания польских хроник на галицких боярах обусловлена их более активным и деятельным участием в политических событиях как лидеров общины и руководителей сопротивления агрессорам, а не всевластных вершителей судеб земли.

Во-вторых, бояре более активно и широко, чем прежде, проявляют себя в сфере внешней политики. Они представляют свою общину во взаимоотношениях с внешним миром, будь то с русскими или с иностранными князьями. Бояре являются непосредственными участниками посольств, ведущих с ними переговоры. Посольство галицких бояр встречает краковского князя на границе Галицкой земли⁸⁸, после чего продвижение польских войск останавливается⁸⁹, и князь Лешко ведет с боярами официальные переговоры как с полномочными представителями галицкой общины. Полномочия бояр на этих переговорах достаточно широки. Они не только предлагают Лешко занять галицкий стол, но и от имени «всех своих людей» «избирают его королем и защитником своего спокойствия», обещая взамен «полное повиновение»⁹⁰, т. е. от имени общины заключают договор с краковским князем об избрании его на галицкий стол, в котором обе стороны – князь и городская община – принимают на себя определенные взаимные обязательства.

Практика договорных отношений вечевой общины с князем, широко распространившаяся на Руси со второй половины XII в., если судить по договорным грамотам Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем (древнейшим из дошедших до нас памятников такого рода), предполагала четкое определение взаимных обязательств, скрепленных взаимной присягой. Причем из формуляра договора (выработанного, как полагают исследователи, уже в середине XII в.) видна особая ритуально-символическая роль общинных руководителей, занимающих ключевые должности государственного управления и земских лидеров вообще («сановников и знатных лиц», по выражению польской хроники) в заключении договора, где они выступают от имени всей общины («всего Новагорода»): со стороны общины договор заключается «от владыки..., и от посадника..., и от тысяцькаго..., и от всех соцьских, и от всех старейших, и от всего Новагорода»⁹¹.

⁸⁷ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 140-141; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 565-566.

⁸⁸ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 111.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ ГРП. М., 1953. Вып. II. С. 131, 133.

Кроме того, бояре, как это бывало и прежде, выступают гарантами соблюдения условий договора со стороны общины, предлагая своему контрагенту «всяческую гарантию» выполнения принимаемых обязательств⁹². Однако, как только заключенный с поляками договор был сорван, галицкие бояре (и, судя по известиям польских хроник, те же самые лица, что участвовали в переговорах с Лешком⁹³) из дипломатических руководителей немедленно превращаются в руководителей военных и возглавляют вооруженное сопротивление галицкого войска, а также «силы их (союзных галичанам. – А. М.) князей, на многочисленность которых они полагались»⁹⁴. Галицкие бояре, следовательно, успели заключить военные союзы и получить помощь также каких-то, видимо, русских князей и выставить против поляков значительное количество воинов, «многочисленных как песок»⁹⁵. Дипломатические функции бояр, таким образом, слиты воедино с их гражданскими и военными функциями, а руководящая роль бояр проявляется во всех основных сферах политической жизни общины.

Влияние бояр в политических делах определяется их взаимоотношениями с простыми общинниками. Разобраться полностью в механизме этих отношений непросто ввиду недостатка соответствующих указаний источников, особенно русских, слишком мало интересовавшихся обыденными и общепринятыми нормами жизни. Некоторую помощь в данном вопросе, насколько можно судить, способны оказать свидетельства иностранных источников. Правда, сведения их несколько переосмыслены в духе западноевропейских социально-политических традиций и облечены в соответствующие термины. Тем не менее, ценность и адекватность их в целом не вызывает у нас сомнений.

В рассказе Великопольской хроники о борьбе за Галич в конце XII в., автор которого не ограничивается простым повторением более раннего текста Кадлубка, но также разъясняет и осмысливает его некоторые места⁹⁶, говорится, что галицкие бояре на переговорах с Лешком

⁹² Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 111.

⁹³ Как следует из рассказа Кадлубка, те, кто обещал Лешко «полное повиновение, полную покорность» впоследствии заявляют: «Сражения, сражения и немедленно!», а затем вновь «просят перемирия», за что и получают обвинение в «хитрости» (Хроника... С. 111).

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ В данном случае самостоятельная творческая работа автора Великопольской хроники, как показывает сравнение текстов, состоит в объяснении посредством сино-

«обещают ему свое послушание, свою клиентелу, свое полное подчинение, а также своих [людей]...»⁹⁷. Иными словами, бояре, не только от собственного имени, но и от имени простых общинников ведущие переговоры и дающие обязательства полякам, воспринимаются последними в качестве «патронов» «своих людей»-«клиентов». Конечно, эти категории, восходящие к древнеримской системе социально-правовых отношений, не могут иметь прямого соответствия в отношении древнерусского боярства и простых людей. Заключать договоры и приносить присягу новому князю на Руси могли только свободные и полноправные граждане, участники веча⁹⁸. Поэтому «клиентелой» галицких бояр, лояльность которой они обещают и гарантируют польскому князю, могли быть исключительно свободные и полноправные общинники.

Поддерживая политические усилия галицкого боярства вообще, они в то же время поддерживали каждого своего «патрона» – боярина, которому прежде всего и более всего доверяли, будучи связанными с ним лично более тесными отношениями. Такие бояре могли быть лидерами кончанских и уличанских общин, главами больших семей и родственных кланов, а во время военных действий – командирами первичных войсковых соединений.

Как установлено исследователями по материалам Древнего Новгорода, кончанская и уличанская организация, объединявшая представителей всех слоев населения – бояр и простой люд, проживавших в пределах ее территории⁹⁹, управлялась уличанскими старостами, избиравшимися, по мнению большинства историков, из числа бояр¹⁰⁰. Проис-

шмов значения певяитного выражения «своих людей», использованного Кадлубком.

⁹⁷ «Велнкая хроника»... С. 136.

⁹⁸ См.: Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867. С. 41-44; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 53-56; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 127-129.

⁹⁹ См.: Гневущев А. М. Господин Великий Новгород // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., б. г. Т. I. С. 379; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 47; Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 36-37.

¹⁰⁰ См.: Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1892. С. 9; Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.; Л., 1928. С. 335; Щапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 20; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы... С. 47.

хождение уличанских старост, как полагает В. А. Буров, приходится на X в.¹⁰¹, а среди их главных общественных функций было представлять свою общину в отношениях с внешним миром – с князьями и вышестоящими общегородскими институциями¹⁰². Современные исследователи отмечают, что кончанско-уличанские корпорации были характерным элементом городской жизни не только Новгорода, но и других регионов Древней Руси¹⁰³.

* * *

Еще одна важная сторона взаимоотношений боярства и простых людей, боярства и общины, открывается в ходе дальнейших событий, последовавших за вступлением Романа в права галицкого князя¹⁰⁴. Из сообщения польских хроник узнаем в подробностях об экзекуции, которой подверглись галицкие бояре – лидеры сопротивления Роману. Сообщения эти, как и весь рассказ о борьбе за Галич, не лишены известной тенденциозности¹⁰⁵, но содержащиеся в них факты находят подтверждение в русских источниках и в целом соответствуют духу времени¹⁰⁶.

«Едва только князь Лешко со своими удалился, – читаем у Кадлубка, – как [Роман] неожиданно хватает галицких сатрапов и знатнейших бояр и казнит: кого в землю живыми закапывает, кого на части разрывает, с других кожу сдирает, многих делает мишенями для стрел, некоторым сначала внутренности вырывает, потом убивает. Испытывает на своих всякого рода казни – став более жестоким врагом для своих гра-

¹⁰¹ Буров В. А. Очерки... С. 44.

¹⁰² Щапов Я. Н. О функциях общины... С. 19; Буров В. А. Очерки... С. 45.

¹⁰³ См.: Щапов Я. Н. О функциях общины...; Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в истории древнейших русских городов // Русский город. Историко-методологический сборник. М., 1976; Петров А. В. К вопросу о внутрисполитической борьбе в Великом Новгороде XII – начала XIII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985; Буров В. А. Очерки... С. 47.

¹⁰⁴ «Назначения» галицким князем, как говорит Кадлубек (Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 112).

¹⁰⁵ Излагая галицкие события конца XII в., Кадлубек преследует цель прославить дела молодого краковского князя Лешка, о чем он прямо заявляет в своих ремарках: «Для наивысшей славы Лешко было уже достаточно одного того только, что, несмотря на свою молодость, он над всеми русскими князьями воссиял, словно солнце» (Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 110).

¹⁰⁶ Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 140, прим. 11.

ждан, нежели для врагов. А тех, кого открыто не мог схватить, потому как почти все в страхе разбежались по чужим землям, вновь вызывает, [приманив] дарами, лестью и всякими измышлениями, на которые он был мастер, обнимает, возвеличивает почестями. Вскоре, придумав какое-либо ложное обвинение, безвинных свергает и приказывает их замучить невыносимыми пытками; либо чтобы имущество у убитых отнять, либо чтобы нагнать страх на соседей или чтобы, уничтожив наиболее могущественных, самому властвовать тем безопаснее. Он часто употреблял присказку: мед удобнее добывать, если пригнетешь пчелиный рой, а не распустишь его; трава не пахнет, если ее не растолочь пестом. Итак, построив на несчастье других свое счастье, он в короткое время вознесся так высоко, что стал полновластно управлять почти всеми русскими землями и князьями»¹⁰⁷.

Сведения польских источников перекликаются с данными русских летописей, сохранивших отзвук расправ Романа с боярами в рассказе о злключениях бояр Кормильчичей – Володислава и его братьев¹⁰⁸. Еще более яркая параллель – приписываемая Роману «присказка» о пчелах и меде, повторяющаяся на страницах Ипатьевской летописи в словах сотника Микулы, обращенных к сыну Романа Даниилу: «Не погнетши пчель, медоу не едаты»¹⁰⁹. Это не единственная аналогия афористических изречений персонажей Галицко-Волынской летописи и Хроники Кадлубка, что подтверждает подлинность самих афоризмов как исторических свидетельств¹¹⁰.

Можно говорить о существовании устойчивой фольклорной традиции, изображающей Романа жестоким тираном, беспощадным по отношению к своим врагам, где поступки героя несут явные следы ритуального поведения. У польского хрониста XVI в. Мацея Стрыйковского сохранилось известие, как Роман, чтобы покончить с бунтами покоренных им литовцев, приказывал запрягать их закованными в плуги и пахать ими вместо волов, перепахивать «старины», корчевать «ляды»¹¹¹. В былинне о войне Романа с литовскими королевичами княже-

¹⁰⁷ Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 112. См. также: «Великая хроника»... С. 137.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 722, 724.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 763.

¹¹⁰ См.: Пауткин А. А. Афористические максимы в Галицко-Волынской летописи и польско-латинская литературная традиция // Древняя Русь и Запад. Науч. конференция. Книга резюме / Отв. ред. В. М. Кириллин. М., 1996.

¹¹¹ Strzykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. I. S. 202.

ская дружина так карает поверженных врагов:

Большему князю глаза выкопали,
А меньшому брату ноги выломали,
И посадили меньшаго на большаго,
И послали к дядюшке...¹¹²

К этой же традиции можно отнести слова летописи о жестоком истреблении Романом половцев, в которых, несомненно, отражено какое-то древнее фольклорное произведение: князь «оустремил бо ся бяше на поганья, яко и левъ, сердить же бысть, яко и рысь, и гоубяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орель, храборъ бо бе, яко и тоурь...»¹¹³. Все это, видимо, расположило исследователей к большому доверию к заключительной части рассказа Кадлубка о вокняжении Романа в Галиче и даже тех, кто сомневался в истинности предшествовавшего изложения¹¹⁴.

Целью жестоких казней, учиненных Романом в Галиче, как можно видеть из самих сообщений источников, была не просто ликвидация своих врагов и сведение личных счетов, а полное подавление сопротивления общины, всего пчелиного роя, как выражается Роман, и в результате укрепление собственного положения на княжеском столе. Примечательно, что жертвами Романа становятся «знатнейшие бояре», т. е. наиболее известные и авторитетные представители галицкой общины, ее признанные лидеры. Убийство именно этих людей посредством лютых истязаний приводит в повиновение галичан, а князя возносит в ранг «полновластного правителя». Прочность положения Романа в Галиче подтверждается многими историческими фактами и признается исследователями¹¹⁵.

Нельзя не заметить противоречия в том, как относились галичане к новому князю до и после его вокняжения. Налицо резкая перемена от полного неприятия и вооруженного сопротивления до твердой и постоянной поддержки, ставшей условием внутренней стабильности¹¹⁶ и

¹¹² Жданов И. Н. Песни о князе Романи. С. 468.

¹¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 716.

¹¹⁴ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 148; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 7-8, 13; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 85; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 90.

¹¹⁵ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 7; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 85.

¹¹⁶ В правление Романа не отмечено ни одного случая каких-либо попыток общины заменить его другим князем, каких-либо выступлений против его политики, что не

грандиозных внешнеполитических успехов¹¹⁷. Указанная перемена, как представляется, находится в прямой причинно-следственной связи с поведением Романа в Галиче и в первую очередь с теми мерами, которые он употребил в отношении знатнейших галицких бояр. Таким образом, казни, проведенные Романом, выходят за рамки простого наказания или мести политическим противникам и в определенном смысле являются ритуально-символическим актом подчинения общины, оказавшим глубокое воздействие на общественное сознание.

В нашем распоряжении имеются факты, свидетельствующие, что и в прежнее время галицкими князьями практиковались подобные меры, принося соответствующие плоды. В 1145 г. Владимирко Володаревич, силой оружия вернувший себе галицкий стол, отданный галичанами Ивану Берладнику, приводит общину к полному повиновению тем, что «многы люди исече, а инья по[казни] казнью злою»¹¹⁸. После этого галицкая община в мире жила со своим князем, и Берладник сумел еще раз реализовать свои претензии на Галич только при новом князе¹¹⁹. Аналогичные по сути события произошли в галицком «пригороде» Звенигороде в 1146 г. Во время вражеской осады звенигородцы, сойдясь на вече, решили сдать город, не желая сражаться за Галич¹²⁰. Однако бывший в Звенигороде галицкий воевода Иван Халдеевич враз переломил ситуацию, предав «лютой казни» трех зачинщиков вечевого решения («начальников вече»), разрубив их тела на куски, «темь и загрози имъ (звенигородцам. – А. М.), и почашася Звенигородьци оттоле бити безъ лъсти»¹²¹.

* * *

Убийство общинных лидеров, произведенное, по всей видимости, публично с использованием особо жестоких («злых») средств, в рассмотренных случаях оказывает какое-то магическое воздействие на общественное сознание, парализует волю к сопротивлению, не только не порождает протеста и ответных действий со стороны общины, но,

раз происходило с предшественниками Романа на галицком столе – Владимирком Володаревичем, Ярославом Осмомыслом и Владимиром Ярославичем.

¹¹⁷ Об этом см.: Грушевский М. С. История Украины – Руси. Т. III. С. 8-12; Пашуто В. Т. 1) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 192-193; 2) Внешняя политика... С. 165-166.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 317.

¹¹⁹ Там же. Стб. 498-499.

¹²⁰ Там же. Стб. 320.

¹²¹ Там же.

наоборот, заставляет полностью повиноваться воле совершающего насилия. Объяснение этому феномену, как представляется, следует искать в сфере религиозно-мифологического сознания, в древнерусскую эпоху еще густо насыщенного языческими пережитками и пронизывающего собой социально-политические отношения, являясь во многих случаях регулятором общественного поведения¹²².

В этой связи ключевое значение для понимания сути проводимых Романом и его предшественниками расправ над боярами приобретают те, отмеченные источниками способы и средства, к которым прибегают князья. Данные славянской этнографии и фольклора, языческой обрядовой символики позволяют выявить заключенный в них ритуально-символический смысл и свидетельствуют, что выбраны они были не случайно, не в припадке слепой ярости, а именно как действенные средства достижения сознательно намеченной цели. В своем месте мы уже касались вопроса символического значения некоторых средств, использованных Романом, в частности, ритуального расстрела¹²³. Магическими свойствами, несомненно, обладают и остальные средства, примененные им к галицким боярам, весьма часто и широко практиковавшиеся в средневековой Руси.

О ритуально-сакраментальном значении таких и подобных способов применения смертной казни, всегда отличавшихся особой жестокостью и включавших «множественные языческие и демонические атрибуты», можно с уверенностью судить по многочисленным материалам Московского государства XV – XVII вв. К таким мерам особенно активно прибегали в экстремальные периоды социально-политической жизни – опричнина, Ливонская война, голод 70-х годов XVI в., Смута, восстание Степана Разина и т. п.¹²⁴ По наблюдениям современных исследователей, такие казни не применялись во время обычных судебных процессов¹²⁵, поскольку носили особую идеологическую нагрузку. На-

¹²² Об этом свидетельствуют новейшие исследования в данной области. – См. с. 139 (прим. 32) настоящей работы.

¹²³ См. с. 145-148 настоящей работы.

¹²⁴ См.: Калмыков П. Д. О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839; Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII в. СПб., 1887; Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892; Викторский С. Н. Смертная казнь в России и современное ее состояние. М., 1912; Гернет Н. М. Смертная казнь. М., 1913; Штамм С. И. Развитие русского уголовного права в XV – первой половине XVII веков // Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986.

¹²⁵ Такое же положение мы наблюдаем в Древней Руси, где основной назначаемой судом санкцией являлся денежный штраф. – См.: Владимирский – Буда-

казание здесь, с одной стороны, «должно было подтверждать несостоятельность действий, политических взглядов, всего духовного мира казнимых», а с другой – «в самом акте казни нужно было сделать все, что обеспечивало политическому противнику неблагоприятные условия существования в потустороннем мире»¹²⁶. Этим целям служили специальные символические средства, особое значение которых определяется тем, что в подобных делах «символ выступал важным фактором влияния на воззрения масс»¹²⁷.

Обычай закапывания в землю живых людей и разрывания на части тел преступников издревле существовал на Руси и применялся к лицам, совершившим особо тяжкие и общественно опасные преступления (колдовство, убийство родственников и проч.). Такие казни всегда производились публично и были призваны (в частности, ритуальное закапывание ведьм и колдунов) исторгнуть из преступника «злого демона» (= нечистую душу) и удалить его из земного мира в мир загробный (= в подземное царство Смерти)¹²⁸, иначе говоря, – развенчать преступника в глазах соплеменников и уничтожить его связи и влияние в земном мире¹²⁹.

Схожие ритуальные цели, насколько можно судить, преследовали и другие «зверства» Романа, в частности, вырывание внутренностей – способ убийства весьма распространенный в древности. По свидетельству скандинавских саг, норвежские конунги и ярлы в борьбе за власть применяли такой характерный для викингов способ, преследуя тем самым определенные ритуально-магические цели. Так, «Сага о Харальде Прекрасноволосом», повествуя о перипетиях борьбы ярла Эйнара с Хальвданом Высоконогим, завершает рассказ сценой расправы победителя над побежденным, аналогичной как по способу, так и по последствиям расправе Романа с галицкими боярами. «Эйнар ярл, – говорит сага, – подошел к Хальвдану и вырезал у него на спине орла, раскроив ему спину мечом, перерубив все ребра сверху и до поясицы и выта-

пов М. Ф. Обзор... С. 326-332; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 120-121, 485-492; Тихомиров М. Н. Посobie для изучения Русской Правды. М., 1953.

¹²⁶ Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в русском государстве XV – XVII вв. М., 1995. С. 169, 174.

¹²⁷ Там же. С. 176.

¹²⁸ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. III. С. 524.

¹²⁹ Такое же сакрально-символическое значение имел среди прочего расстрел «преступников»-бояр Ростиславичами.

шил легкие наружу»¹³⁰. Сделано это было, по словам самого Эйнара, «дабы... столп дружин обрушить», т. е. сломить сопротивление всех сторонников Хальвдана, и «после этого Эйнар ярл снова стал править на Оркнейских островах, как он раньше правил»¹³¹.

Леденящими сценами кровавых расправ с извлечением внутренностей, отсечением головы, переломом позвоночника и расчленением тел пестрят русские былины. Их герои, одержав верх над своими врагами, например, в поединке, обязательно должны завершить дело ритуальным кровопролитием. Они «режут», «порят», «пластают» грудь побежденного, «смотрят сердце», «мешают кровь с печенью» и т. п.¹³² По мнению А. В. Гадло, изучавшего символику таких поединков, «этими мерами достигалось полное уничтожение жизненной силы противника, его души, обеспечивалась безопасность победителя. Через соприкосновение с кровью побежденного победитель принимал от него всю его физическую и духовную мощь. Кровью и внутренностями побежденного он благодарил и своих сверхъестественных покровителей»¹³³.

Кровавая расправа предназначалась не только явному противнику, поверженному в открытом бою, но и тайному коварному врагу, скрывающему свои истинные намерения. В былинах о Добрыне и Маринке, а также об Иване Годиновиче и Настасье герои расправляются со своими женами – злыми колдуньями, прибегая к уже известным нам средствам: Добрыня, к примеру, перед тем, как убить Маринку, отрубает ей руки, ноги, губы, грудь и, наконец, рубит голову¹³⁴. Комментируя эти сцены, В. Я. Пропп делает важное наблюдение о том, что целью совершающего расправу не была личная месть, и что в своих действиях он руководствовался не столько мотивами личного свойства, сколько стремлением к достижению некоего общественного эффекта. «Если рассматривать эту кознь как расправу ревнивого супруга, то она бесчеловечна и бессмысленна... Добрыня избавляет Киев от той нечисти, от той заразы, которая исходит от Маринки. Это не месть и не кара, это акт полного очищения... Казня Маринку, Добрыня освобождает от нее Киев и Русь»¹³⁵.

¹³⁰ Спорри Стурлусон. Круг земной. М., 1995. С. 58, 639, прим. 43.

¹³¹ Там же. С. 58.

¹³² См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. М., 1909. Т. 1 (passim).

¹³³ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X – XIII вв. СПб., 1994. С. 88.

¹³⁴ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные летом 1871 года: В 3-х т. М.: JL, 1949. Т. 1. С. 163.

¹³⁵ Пропп В. Я. Собрание трудов: Русский героический эпос. М., 1999. С. 179.

Таким образом, публичная расправа над лидерами общины, вдохновляющими и возглавляющими широкое общественное движение, их жестокое убийство с использованием специальных ритуально-символических средств оказывает сильное воздействие на общественное сознание. Позорная «злая» казнь разоблачала несостоятельность таких лидеров, ничемность предлагаемого ими пути. Примененные при этом средства умерщвления, несомненно, обусловлены религиозно-мифологическими представлениями и нормами поведения, языческими в своей основе, постоянно проявлявшими себя в сфере политической борьбы и внутриобщинных отношений в периоды острых противоречий и конфликтов. Вспомним, что при сходных обстоятельствах во время массовых волнений в Новгороде и Ростовской земле, возглавляемых волхвами, ставшими в полном смысле лидерами местных общин, именно так поступают князь Глеб Святославич и воевода Ян Вышатич. Чтобы переломить общественное настроение в свою пользу, они подвергают волхвов публичным унижениям и казням (князь Глеб собственноручно зарубил главного волхва пополам), разоблачая их полную несостоятельность, и таким путем добиваются водворения прежнего порядка¹³⁶.

С точки зрения религиозно-мифологических представлений, подобные средства должны были разрушить сакральную связь казнимых с земным миром, уничтожить их силу и влияние, отвратить от них симпатии и доверие соплеменников. Вместе с тем, такие средства призваны были утвердить власть победителя в качестве нового полноправного правителя, полностью подчинить общину его законной власти. Известно, что в языческие времена убийство прежнего правителя открывало его преемнику путь к власти; община при этом воспринимала последнего как законного князя, забывая о его поверженном предшественнике¹³⁷. Такие порядки действовали и на Руси, определяя поведение князей вплоть до начала XI в.¹³⁸

¹³⁶ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 117-121.

¹³⁷ См.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М., 1980. С. 313, 329.

¹³⁸ См.: Фроянов И. Я. 1) Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 11-13; 2) Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 102-106.

2.

Основные тенденции политического развития Галичины и Волыни в начале XIII в.

Взаимоотношения вечевой общины и князя. — Эгоистические устремления князей, вмешательство внешних сил. — Межволостные противоречия и внутриволостные конфликты. — Усиление роли боярства: бояре как военные предводители и наиболее боеспособная часть войска. — Внешне- и внутриволостная деятельность бояр. — Итоговые замечания.

События, развернувшиеся в Галичине и на Волыни в последнее время, особенно в период между 1207 и 1217 годами, излагаются Галицко-Волынской летописью в больших подробностях и отличаются, на первый взгляд, крайней непоследовательностью, противоречивостью и даже хаотичностью. Это впечатление ярко выразил в свое время Д. И. Зубрицкий, писавший: «Мы уверены, что как нам рассказуя, так и читателю внимаюя, кружится голова при сего рода смешании и запутанности дел, происшествий, отношений и лиц... Нет никакой политической системы, никакой постоянности, хаотическое только замешательство, беспорядочное шатание и смутность»¹.

Между тем, именно в данный период, как нам представляется, в наибольшей мере раскрываются основные тенденции политического развития городских общин Юго-Западной Руси, характерные для первой трети XIII в., обусловленные столкновением и борьбой нескольких противоречивых интересов. Мы не можем согласиться с мнением, сложившимся у исследователей еще в прошлом веке, что в основе этой борьбы лежали боярские устремления и боярская политика². По наше-

¹ Зубрицкий Д. И. История древнего Галицко-Русского княжества. Львов, 1855. Ч. III. С. 107.

² Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860. С. 39; Костомаров Н. И. Черты народной южно-

му убеждению, палитра политических интересов, направлявших развитие событий общественной жизни, была шире и многообразнее. Однако деятельность боярства – не из их числа. Она не только не играла здесь основной определяющей роли, но и не стала еще самостоятельным фактором, действующим обособленно и в противовес политическим интересам городской общины, неотъемлемой органической частью которой являлось боярство. Хотя, деятельность бояр как авторитетных лидеров общины, способных влиять на выработку важнейших вечевых решений, в том числе выбор князя и политического курса, чрезвычайно заметна и, кроме того, постоянно подчеркивается летописцем в тех случаях, когда поступки бояр нарушали чаяния и планы горячо поддерживаемых им сыновей Романа Мстиславича.

Действительно определяющее воздействие на политическое развитие Юго-Западной Руси оказывали иные силы, реально существовавшие в рассматриваемый период, обусловленные как внутри- так и внешнеполитическими причинами, характерными как для предшествовавшего времени, так и вновь возникшими. Это, прежде всего, стремление городской общины, возглавляемой своими боярами, добиться от князя проведения такой политики, которая бы в первую очередь отвечала интересам ее суверенного развития и, вместе с тем, стремление поддерживать сильного и энергичного правителя, способного успешно решать сложные внутри- и внешнеполитические задачи, постоянно встававшие перед общиной в трудное время.

Горожане хотят иметь у себя на столе «своего» князя и открывают перед ним ворота, лишая стола его противника. Так, владимирцы впускают в город Александра Всеволодовича, а занимавшего владимирский стол Святослава Игоревича «яша и ведоша и в Ляхь»³. Община стремится сама решать судьбу княжеского стола, пытаясь сохранить независимость в этом деле перед лицом вмешательства извне. Возмущенные поведением во Владимире воинов польских князей Лешка и Конрада, пришедших вместе с Александром и, вопреки обязательствам, ставших грабить горожан, владимирцы говорят: «Аще не был бы срод-

русской истории // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 96-97; Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным источникам. Киев, 1873. С. 25-37; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV стол. Киев, 1887. С. 153; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895. С. 161 и след.; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 17.

³ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 720.

никъ ихъ с ними Олександръ, то не перешли быша ни Боуба (Буга. – А. М.)»⁴.

Община под руководством бояр не приемлет князя, навязанного силой, и твердо стоит за того, кто стал князем по ее воле. Владимирские бояре «не любили» навязанного поляками Ингваря Ярославича⁵, и в результате Александр Всеволодович без труда «прия Володимеръ», уступленный было Ингварю⁶. И в дальнейшем владимирцы твердо стояли на стороне Александра, предпочитая его всем остальным претендентам на владимирский стол, в том числе и сыновьям Романа. С польской помощью последним удалось захватить только владимирские «пригороды» Тихомль и Перемиль, с бессильной завистью «на Володимеръ призирающа»⁷. И лишь когда князь Лешко, закончив свои дела в Галиче, сам пошел «добывать» Даниилу и Василько владимирский стол со всеми своими силами, Романовичи были «посажены» во Владимире (1214 г.)⁸.

Причина этого постоянства и верности выбору ясна. Владимирцы не хотели иметь дело с князьями, зависимыми от внешних, враждебных общине сил и, наоборот, поддерживали того, кто был в их понимании «своим». Причем «свойство» определялось не столько родственными связями с высоко чтимым во Владимире Романом Мстиславичем⁹, сколько способностью проводить результативную политику в интересах общины. Очевидно, Александр Всеволодович более других отвечал этим требованиям, превосходя в данном отношении сыновей Романа, малолетних и несамостоятельных. Будучи владимирским князем, он восстанавливает суверенитет «старшего города» над частью «пригородов», в частности, над Белзом¹⁰ и с «многими воями Володимерстими» неоднократно участвует в походах на Галич¹¹, реализуя тем самым традиционное стремление владимирской общины добиться политического

⁴ Там же.

⁵ Ингварь добился расположения Лешка, выдав за него свою дочь, – в ответ Лешко помог Ингварю получить владимирский стол. – Грушевский М. С. История Украины – Русь. Т. III. С. 24; Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 90.

⁶ ПСРД. Т. II. Стб. 721.

⁷ Там же. Стб. 730.

⁸ Там же. Стб. 731.

⁹ По словам летописей, владимирцы принимают Александра Всеволодовича, говоря: «Се сыновець Романови» (там же. Стб. 720), предпочитая тем самым «сыновця» (племянника) Романа его сыновьям Даниилу и Василько.

¹⁰ ПСРД. Т. II. Стб. 728.

¹¹ Там же. Стб. 725, 729.

подчинения южного соседа.

Ту же линию в отношении князей проводит и суверенная галицкая община. Князьям, не сумевшим наладить добрые отношения с общиной, трудно удержаться на галицком столе. Галичане прогоняют из города сына киевского князя Ростислава Рюриковича и возвращают стол Роману Игоревичу, изгнанному было Ростиславом¹². Причину недовольства раскрывает В. Н. Татищев: «...галичане, не дав Ростиславу долго владеть, опасаясь быть под властью киевскою...»¹³. «Неверные галичане» во главе с боярином Володиславом выгоняют из города мать Даниила Романовича, которая «хотяща бо княжити сама», через голову своего малолетнего сына, а самого Даниила силой заставляют остаться в городе¹⁴. Когда же Анна¹⁵ с помощью венгерского короля вернулась в Галич, горожане поднимают «мятеж» и вновь выгоняют ее уже вместе с сыном¹⁶.

Галичане не церемонятся с князьями, не оправдавшими возлагавшихся на них надежд, подвергая их издевательским насмешкам, и жестоко расправляясь с теми из них, кто намеренно причинил общине «зло», терроризировал горожан репрессиями, тщетно пытаясь утвердить свою власть над ними. Так, не сумевшего справиться с засевающим в Галиче венгерским палатином Бенедиктом пересопницкого князя Мстислава Ярославича Немого галицкий боярин Илья Щепанович, «возведь и на Галициноу могилоу, ослабився, рече емоу: “Княже! Оуже еси на Галицине могыле поседелъ, таки и в Галиче княжилъ еси!” Смяхоу бо ся емоу...»¹⁷. А князей Игоревичей – Романа, Святослава и Ростислава, – которые «съветъ же створиша на бояре Галичкыи, да избьютъ и по прилоучаю» и затем убили многих «великих бояр» «числомъ 500»¹⁸, галичане, выкупив у венгров ценою «великих даров», по-

¹² Там же. СПб., 1856. Т. VII. С. 116-117.

¹³ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 183.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 727.

¹⁵ Таким, по мнению исследователей, было собственное имя вдовы Романа Мстиславича, матери Даниила и Василька Романовичей. В летописи она именуется всегда только описательно: «княгиня Ромаповая», «Данилова мать» и т. п. – Полонська-Василенко Н. Княгиня Ромапова Анна // Визвольний шлях. Лондон, 1954. Кн. 3.

¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 728.

¹⁷ Там же. Стб. 722.

¹⁸ Там же. Стб. 723-724. – Цифра либо преувеличена (см.: Пашин С. С. Галицкое боярство XII – XIII вв. // ВЛГУ. Сер. 2. 1985. Вып. 4. С. 19), либо имеются в виду более широкие социальные круги. Впрочем, возможны и другие толкования (см.

весили «мести ради»¹⁹.

Не найдя подходящей кандидатуры на галицкий стол среди прирожденных русских князей, разочаровавшись в Игоревичах, Романовичах, Рюриковичах, Ярославичах, полностью зависимых от внешних сил или неспособных справиться с выпавшими на них трудными задачами, изведав также прелестей правления чужеземцев²⁰, наконец, брошенные в критический момент князем Мстиславом Ярославичем²¹, галичане совершают беспрецедентный для своего времени шаг – они позволяют «вокняжиться» в Галиче боярину Володиславу Кормильчичу (1213 – 1214 гг.)²², одному из наиболее видных и влиятельных руководителей общины в то время²³. Галичане всеми силами поддерживают своего нового князя²⁴ и вместе с ним успешно отражают попытки русских князей, поддержанных поляками, лишить Володислава стола²⁵ «Воями его» именуется галичан в этот момент летописец²⁶. И только когда польский князь и венгерский король, объединившись, двинули войска на Галич, Володислав был разбит, схвачен и погиб в заточении²⁷.

После этого галичане на несколько лет попали под власть венгерского королевича Коломана, и в город вернулся ненавистный им палатин Бенедикт²⁸. Неудивительно, что галичане пытаются сопротивляться новому режиму: зовут вернуться в Галич Даниила Романовича²⁹, а затем принимают на галицкий стол другого русского князя Мстислава

ниже с. 389-391).

¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 727.

²⁰ Имеем в виду хозяйничанье в Галиче венгерского палатина Бенедикта, который был «томитель бояромъ и гражаномъ, и блоудъ творя, и оскверняхоу жены, и черници, и попадьи», за что был прозван летописцем «антихрестом» (там же. Стб. 722).

²¹ Князь трусливо бежал из города, услышав о приближении венгерской рати (там же. Стб. 729).

²² Там же. – Вокняжение боярина было бы невозможно без поддержки общины (Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 150).

²³ Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дис. Л., 1988. С. 78-81.

²⁴ Среди них нет противников Володислава, нет и тех, кто бы осуждал его поступок. Против Володислава и его детей ополчаются только князья, русские, польские и венгерский король, оскорбленные посягательством боярина на свои священные prerogative (ПСРЛ. Т. II. Стб. 730, 731).

²⁵ Там же. Стб. 730.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Стб. 731.

²⁸ Там же. Стб. 731-732.

²⁹ Там же. Стб. 731.

Мстиславича Удалого (1217 г.), прогнав из города венгров и поддерживавших их бояр³⁰.

* * *

Другим не менее важным фактором социально-политической жизни общин Юго-Западной Руси оставались эгоистические устремления правивших здесь князей, нередко старавшихся политически ослабить общину ради укрепления собственного положения, опираясь при этом на поддержку извне. Особенно это заметно в Галицкой земле, где недавно пресеклась старая, правившая более ста лет княжеская династия, а новые правители преследовали чуждые общине интересы.

Владимир Игоревич, оказавшийся на галицком столе при поддержке своих могущественных родственников черниговских Ольговичей, чтобы ослабить галицкую общину, учреждает в земле еще один княжеский стол – в Звенигороде, одном из «пригородов» и давнем сопернике Галича, посадив там своего младшего брата Романа³¹. В другой раз оказавшись на галицком столе, Владимир вновь отдает Роману Звенигород, а другим своим родственникам Перемышль и Теревовль³². Точно так же ведет себя в Галиче посаженный венграми и поляками королевич Коломан: его отец король Андрей «дает» Перемышль польскому князю Лешко, а другой галицкий «пригород» Любачев – польскому вельможе Пакославу³³.

Чтобы подавить недовольство общины своей политикой, князья Игоревичи убивают в Галиче, по словам летописи, сразу 500 местных бояр³⁴. Если верить сообщаемой источником цифре, то, очевидно, репрессии затронули более широкий в социальном плане круг деятелей общины, лидеров и активных участников сопротивления произволу княжеской власти. Несмотря на потери, община находит в себе силы освободиться от таких правителей: были свергнуты и казнены галичанами князья Игоревичи³⁵, и королевич Коломан не смог усидеть на галицком столе³⁶. Галичане сумели также восстановить политическое единство земли, вернув все «пригороды» под полный суверенитет

³⁰ Там же. Стб. 732.

³¹ См. с. 376-377 настоящей работы.

³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 723.

³³ Там же. Стб. 731.

³⁴ Там же. Стб. 723-724.

³⁵ Там же. Стб. 727.

³⁶ Там же. Стб. 731-732.

«старшего города»³⁷.

На Волини князья зачастую ведут себя подобным же образом. Не считаясь с интересами земли, ради достижения собственных выгод, они используют военную помощь иноземцев, ведут разорительные войны, пытаются заставить общину подчиняться своей воле. С помощью поляков владимирский стол получает Александр Всеволодович, при этом владимирцы терпят насилие и грабежи от незваных пришельцев³⁸. То же самое проделывает другой претендент на владимирский стол Ингварь Ярославич³⁹.

В борьбу за Владимир вступают и подрастающие сыновья Романа, руководимые своей матерью. С помощью поляков они добиваются увеличения своих уделов, вследствие чего владимирская волость оказалась разделенной на части между различными князьями⁴⁰. С помощью тех же поляков Романовичи отнимают еще два владимирских «пригорода»⁴¹. В конце концов польский князь Лешко «сажает» Даниила и Василька на владимирский стол⁴², ломая сопротивление общины, стоявшей на стороне Александра⁴³.

О том же, как вели себя иноземные войска на русской земле, помимо уже отмеченного случая во Владимире, когда «Ляхове поплениша городъ весь», не пощадив и главной городской святыни — Успенского собора⁴⁴, можно судить по случаю в Галицкой земле: не сумев захватить Галич, польский князь Лешко, союзник Даниила Романовича, отступая, «воева около Теробовля, и около Моклекова, и Збыража... И взя пленъ великъ, и воротися в Ляхъ»⁴⁵.

Третьим важнейшим фактором жизни Галичины и Волини, как явствует из предыдущего изложения, становится постоянное вмешательство в их внутренние дела внешних сил и, главным образом, чужеземных государств, воспользовавшихся политическим ослаблением общин Юго-Западной Руси из-за внутренних противоречий. Поводом к вмешательству чаще всего была деятельность местных князей, обращавшихся за помощью к польским и венгерским правителям, что было ха-

³⁷ Там же. Стб. 719-720, 724-726, 731.

³⁸ Там же. Стб. 720.

³⁹ Там же. — См.: Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. III. С. 24.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 721.

⁴¹ Там же. Стб. 730.

⁴² Там же. Стб. 731.

⁴³ См. выше с. 350.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 720.

⁴⁵ Там же. Стб. 730.

рактерно и для предшествовавшего времени, но теперь приобрело чрезвычайно широкий и систематический характер⁴⁶.

Вместе с «уграми» и «ляхами» в галицких делах участвуют также чехи и половцы⁴⁷. Замешательством пользуются и другие враждебные силы. Активизируют экспансию на волынские земли ятвяги и литва. На рубеже XII – XIII вв. возникают первые «союзы литовских земель», ведущие агрессивную политику в отношении Руси, угрожая не только ее владениям в Прибалтике, но и собственно русским землям – Полоцку, Пскову, Новгороду, Смоленску, Чернигову и Волыни, неоднократно подвергавшимся разорительным набегам⁴⁸. Об одном таком набеге подробно говорит летописец: «И повоева же Тоурискъ, и около Комова, оли и до Червена, и бишася оу вороть Червенеских. И застава бе Оуханяхъ, тогда же оубиша Матея, Любова зятя, и Доброгостя, выехавша оу сторожа. Беда бо бе в земле Володимерьстеи от воеванья Литовьского и Ятвяжьскаго»⁴⁹.

Новым явлением на попреще экспансии внешних сил становится объединение и совместные действия основных соперников Юго-Западной Руси – Польши и Венгрии, что было вызвано, с одной стороны, стремлением названных государств непосредственно подчинить Галичину и Волынь, а с другой – усиливающимся сопротивлением местных общин, консолидирующихся перед лицом внешней угрозы вокруг земских лидеров – бояр и русских князей.

Как полагают исследователи, Галичина попала под протекторат Венгрии в результате специальной договоренности, достигнутой в 1205 г. на встрече в Санокке венгерского короля Андрея II и вдовы Романа Анны, регентши при малолетних Данииле и Васильке, а после договора в Сепеше (Спише) короля Андрея и краковского князя Лешка (1214 г.) Галичина была поделена между этими двумя иноземными правителями⁵⁰. Вряд ли прав был М. С. Грушевский, считавший, что до 1214 г. Андрей и Лешко были озабочены только защитой прав своих родственников и подопечных Даниила и Василька и лишь после Спишского договора стали действовать непосредственно в собственных ин-

⁴⁶ Там же. Стб. 719-720 (3 случая), 724, 726, 727, 728, 729-730 (3 случая), 731.

⁴⁷ Там же. Стб. 725, 730.

⁴⁸ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 32, 49-51.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 721.

⁵⁰ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 18, 30; Włodarski В. Polska i Rus'. 1194-1340. Warszawa, 1966. S. 35; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 242, 246; Головки А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 90, 93.

тересах, напрямую подчинив себе Галичину⁵¹. Как известно, прямое подчинение Галичины Венгрии было установлено еще около 1210 г., когда в Галиче начал править палатин венгерского короля Бенедикт⁵². Этот Бенедикт был фактическим правителем Галича и при малолетнем Коломане (1214 – 1217 гг.)⁵³.

Важно обратить внимание на весьма характерную деталь. Непосредственное подчинение Галичины венгерским правителям всегда сопровождалось с их стороны попытками подчинения местной православной епархии римской курии и активной проповедью церковной унии. Так было в княжение Коломана, о чем свидетельствуют послание короля Андрея к папе Иннокентию III⁵⁴, а также летописное сообщение, где под 1214 г. читаем: «Король угорьский посади сына своего в Галиче, а епископа и попы прогна, а свое попы приведе латиньские на службу»⁵⁵. То же происходило и прежде в правление Бенедикта, когда в Галич прибыла папская миссия во главе с кардиналом Григорием⁵⁶. Русская летопись, несомненно, сохранила отголосок именно этих событий в известии о притеснениях, чинимых Бенедиктом православным попам и монахам, в котором сам Бенедикт называется «антихрестом»⁵⁷.

Первый случай скоординированных действий венгерских и польских правителей в отношении Юго-Западной Руси – договор краковского князя и венгерского короля 1207 г. о совместном походе на Галич. Тогда галичане во главе с князем Владимиром Игоревичем «многими дарами» отвратили от себя опасность⁵⁸. Но эта полумера не удовлетворила агрессора. Воспользовавшись новой «смутой» в Галиче, венгерский король, который еще с 1206 г. официально титуловал себя «королем Галичины и Володимирии»⁵⁹, послал войска, захватил княжившего в городе Романа Игоревича и сам начал управлять Галичем через

⁵¹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 30.

⁵² ПСРЛ. Т. II. Стб. 722.

⁵³ Там же. Стб. 732.

⁵⁴ VMH. Romae, 1859. Т. I. № 1. P. 1.

⁵⁵ ПСРЛ. М.: Л., 1949. Т. XXV. С. 110.

⁵⁶ Innocentii P. III litterae Archiepiscopis, Episcopis et universis tam clericis laicis per Rutheniam constitutis // HRM. Petropoli. 1841. Т. I. P. 3-4. – См. также: Свідерський Ю. Ю. Боротьба Південно-Західної Русі против католицької експансії в Х – XIII ст. Київ, 1983. С. 52-53; Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). Глава 4. Русь, ее западные соседи и папство в первой трети XIII века // Исторический вестник. [М.; Воронеж] 2000. № 2.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 722.

⁵⁸ Там же. Т. II. Стб. 719.

⁵⁹ CDH. Budaë, 1829. T. III. P. 31-32.

своего «палатина» Бенедикта (1210 г.)⁶⁰. В ответ галичане «привели на Бенедикта» в 1207 г. «русских князей» – сперва пересопницкого князя Мстислава Ярославича Немого⁶¹, а после его неудачи обратились в Путивль к Владимиру Игоревичу: «Избави ны [от] томителя сего Бенедикта»⁶². Перед ратью Игоревичей, поддержанной галичанами, «томитель» бежал, а к королю из Галича опять был направлен посланец с богатыми дарами⁶³.

Неоднократно в дальнейшем король Андрей с князем Лешком водили войска на Галич, пытаясь сломить сопротивление галичан⁶⁴. В конце концов совместными усилиями названным правителям удалось «посадить» в Галиче Коломана, сына венгерского короля, а территорию Галичины разделить между собой на части⁶⁵. Но правление королевича было недолговечным: сплотившись вокруг «русского князя» Мстислава Удалого, галичане сбросили венгерских правителей⁶⁶. Еще меньше времени продержался территориальный раздел Галичины⁶⁷.

* * *

Еще одним фактором роста противоречий и усиления политического кризиса Юго-Западной Руси было возродившееся после изгнания галичанами наследников Романа Мстиславича стремление владимир-волынской общины вновь утвердить свое влияние в Галиче, возвратить галицкий стол владимирскому князю, поддержанное другими городскими общинами Волыни.

В помощь венграм, пытавшимся «посадить» в Галиче Даниила Романовича, идут княживший во Владимире Александр Всеволодович «со многими воими», из Луцка, Дорогобужа и Шумска прибывают «многи вои» Ингваря Ярославича, а от княжившего в Белзе брата Даниила Василька приходят «великии Вячеславъ Тольстыи, и Мирославъ, и Дьмянь, и Воротиславъ, инии бояре мнозе и вои от Белза»⁶⁸. Волынские князья, каждый «со своими вои», помогают Даниилу овладеть Га-

⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 721-722.

⁶¹ Там же. Стб. 722.

⁶² Там же. Стб. 722-723.

⁶³ Там же. Стб. 723.

⁶⁴ Там же. Стб. 726, 731.

⁶⁵ Там же. Стб. 731.

⁶⁶ Там же. Стб. 732.

⁶⁷ Там же. Стб. 731.

⁶⁸ Там же. Стб. 725.

lichem и в союзе с польским князем Лешком⁶⁹. Неудивительно, что Даниила, как говорит летописец, «посадили» тогда на галицкий стол «бояре Володимерьсти и Галичкыи, и Вячеславъ Володимерьскыи, и вси бояре Володимерьсти и Галичкыи, и воеводы Оугорьскыя»⁷⁰.

Уже из этого перечня видна ведущая роль владимирской общины, представленной своими руководителями, в «посаждении» Даниила в Галиче. Когда же венгерский король еще раз захватил Галич, в «совете», решавшем дальнейшую судьбу галицкого стола, участвовали вдова Романа, «ятровь» короля, как ее называет летописец, и «бояры Володимерьскыи»⁷¹. Галицкие бояре и галицкая община активно противодействуют этому. Узнав о союзе Лешка с Даниилом и волынскими князьями, боярин Володислав Кормильчич, недавно «вокняжившийся» в Галиче, заключает союз с венграми и чехами и, оставив защищать город бояр Ярополка и Яволода, «собравъся с Галичань», выступает против Лешка и волынских князей⁷².

Наконец, последнее. Существенным фактором, дополняющим картину внутриобщинных отношений и политической борьбы Юго-Западной Руси первой трети XIII в., явилась вспыхнувшая с новой силой борьба «пригородов» со «старшими городами».

Обострение ее провоцировалось действиями князей, одержимых далекими от земских интересов эгоистическими стремлениями, особенно характерными для иноземных правителей, о чем уже шла речь выше. В то же время эта борьба отражала объективный исторический процесс – стремление усилившихся «пригородов» освободиться от власти «старшего города», приобрести собственное княжение и встать на путь самостоятельного развития, – в равной мере характерный для всех регионов Древней Руси конца XII – начала XIII в.⁷³, усиленный тяжелым кризисом, переживаемым Галичиной и Волынью – политической нестабильностью, межволостными противоречиями, непрерывными разорительными войнами, вмешательством иноземцев.

Жители Берестья, владимирского «пригорода», в момент, когда владимирский стол переходил из рук в руки, и община «старшего города» переживала острый политический кризис, обращаются к польскому князю Лешку и просят дать им в князья одного из бывших при нем сыновей Романа Мстиславича. Просьба была удовлетворена, и в

⁶⁹ Там же. Стб. 729.

⁷⁰ Там же. Стб. 726.

⁷¹ Там же. Стб. 728.

⁷² Там же. Стб. 730.

⁷³ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства...

Берестье прибыл Василько Романович, берестяне «с великою радостью сретоша и, яко великаго Романа видящи»⁷⁴.

Получив собственного князя, «пригороды» проводят полностью самостоятельную политику в отношении «старшего города» и могут в случае необходимости начать против него вооруженную борьбу, заключать военные союзы с другими странами и добиваться победы. Весьма показательна в этом отношении борьба галичан и звенигородцев. Едва получив собственное княжение, звенигородцы во главе со своим князем Романом Игоревичем начинают воевать с Галичем в союзе с венграми (1207 г.)⁷⁵. В Галиче в то время княжил старший брат Романа Владимир. Выступить против него и победить Роман мог только при условии твердой и решительной поддержки жителей Звенигорода, которые, как мы знаем, имели давние счеты с галичанами.

Своего князя Романа Игоревича звенигородцы твердо поддерживают и в дальнейшем, тесно сплачиваясь вокруг него в минуту опасности. Когда венгры с Даниилом Романовичем осаждают город во время очередного похода на Галич (1211 г.), «Звенигородцемъ же люте боющемся имъ с ними и не поуцающимъ ко градуу, ни ко острожнымъ вратомъ»⁷⁶. Только после того, как Роман Игоревич попал в плен, они прекратили сопротивление⁷⁷. Из стольного же Галича князь тогда бежал без боя⁷⁸, без боя «отворились» и жители другого галицкого «пригорода» Перемышля, выдав своего князя венграм⁷⁹.

* * *

Во всех отмеченных нами сторонах социально-политической жизни общин Юго-Западной Руси прослеживается одна общая черта – руководящая роль местного боярства, укрепляющего и расширяющего свое влияние во внутри- и внешнеполитической сферах общественной жизни. В условиях падения авторитета княжеской власти, представленной слабыми или зависимыми от внешних сил и интересов князьями, проводящими чуждую общине линию, бояре, непосредственно связанные с местным обществом, имевшие общие политические интересы с «людьми», выступают консолидирующим фактором, сплачивая основные общественные силы перед лицом внутренних и внешних угроз,

⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 721.

⁷⁵ Там же. Стб. 719-720.

⁷⁶ Там же. Стб. 725.

⁷⁷ Там же. Стб. 726.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Стб. 724.

выдвигают из своей среды подлинно авторитетных и общепризнанных лидеров, способных возглавить и повести за собой всю общину и в критическую минуту даже принять на себя княжеские полномочия.

Бояре, как и прежде, военные предводители общины. Они руководят отражением внешней агрессии, возглавляют войско и лично принимают участие в боевых действиях. Когда Владимирская волость подверглась грабительскому набегу литвы и ятвягов, врага встретила пограничная «засада», возглавляемая боярами (князя в это время «сидели» в стольных городах – Владимире и Червене), двое из них – Матей, «Любов зять» и Доброгость – погибли, «выехавша оу сторожа». «Беда бо бе в земле Володимерьстеи от воевань Литовьского и Ятвяжьскаго», – завершает свой рассказ летописец⁸⁰.

Весной 1214 г. суровому испытанию подверглась Галицкая земля. Пересопницкий князь Мстислав Ярославич Немой, лишившийся незадолго до этого галицкого стола, в союзе с краковским князем Лешком и в коалиции с другими волынскими князьями начал поход на Галич. Обороной земли в этот момент руководят галицкие бояре. «Вокняжившийся» Володислав Кормильчич собирает войско и ведет его навстречу врагу, вступая с ним в бой у границы земли. Другие два боярина Ярополк и Яволод «затворились» в Галиче. Потерпев поражение в неравном бою, Володислав и «вои его» отступают в Галич, где под руководством бояр горожане успешно отбивают вражеский приступ: «Лестько не можаше прияти Галича... и воротися в Ляхы»⁸¹.

Бояре по-прежнему основная ударная сила в войске, наиболее боеспособные воины, лучше других подготовленные и оснащенные. Это видно из следующего эпизода. Для похода на Галич собираются волынские князья, «когождо ихъ со своими вои» – Александр из Владимира, Всеволод из Белза, Мстислав из Пересопницы и Даниил из Каменца⁸². Каменецкая волость, где княжил Даниил с братом Васильком, была тогда самым маленьким и слабым из волынских княжеских уделов⁸³. Однако «вои» Даниила, как говорит летописец, были «болши и креплеиши» остальных, поскольку «бяхоу бояре велиции отца его вси оу него», что обеспечило малолетнему Даниилу признание со стороны других князей⁸⁴.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 721.

⁸¹ Там же. Стб. 729-730.

⁸² Там же. Стб. 729.

⁸³ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 380; Т. III. С. 24.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 729-730.

Мы не можем согласиться с Н. Ф. Котляром, полагающим, что «все великие бояре его (Даниила. – А. М.) отца привели с собой собственные отряды вооруженных людей. По всей вероятности, эти отряды состояли как из оплачиваемых самими боярами личных дружин, так и из приведенных их вассалами ратников: вассалы держали земли при условии поставлять с них воинов и, конечно, приходиться с оружием самим по первому зову сюзерена»⁸⁵. Летопись ничего не говорит ни о личных оплачиваемых дружинах этих бояр, ни, тем более, о приводимых их вассалами ратных полках. Ближе к истине был В. Т. Пашуто, полагавший, что «бояре представляли собой реальную военную силу» и «в начале феодальной войны волынские бояре являлись главной военной опорой князя Даниила»⁸⁶.

Рассуждения историков о «боярских полках», выполнявших волю своих хозяев и делавших всемогущими галицких бояр – историографическая фикция, весьма далекая от реального соотношения сил в галицкой общине⁸⁷. Говорить же о «личных дружинах» «великих бояр» Галича, а тем более Волыни можно лишь гипотетически. Источники называют только «паробка» и «отроков» галицких бояр Добрыни и Мирослава⁸⁸. Этих данных явно не достаточно, чтобы делать далеко идущие выводы насчет военных возможностей «боярских дружин» Галичины и Волыни. Зато можно с уверенностью говорить, что бояре не располагали такими вооруженными силами, чтобы противопоставить себя общине или князю. Силу и влияние бояре приобретали только при поддержке общины, или получив значительную военную помощь извне⁸⁹.

Что же касается приводимых «боярскими вассалами» ратников, то совершенно неясно, откуда у бежавших вместе с Даниилом из Галича,

⁸⁵ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 132.

⁸⁶ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 145.

⁸⁷ См.: с. 279-280 настоящей работы.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 737, 764.

⁸⁹ Беликова Т. В. События в Галицкой Руси накануне татаро-монгольского нашествия // Историческое познание: традиции и новации. Мат-лы Междунард. теоретич. конф-ции. Ижевск, 26-28 окт. 1993 г. / Сост. и общ. ред. В. В. Иванова и В. В. Пузанова. Ижевск, 1996. Ч. 1. С. 265-266; Пашии С. С. Червонорусские акты XIV – XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича. Тюмень, 1996. С. 26. – Ср.: Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII – XIII вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII – XIV вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1974. С. 194-195.

а затем из Владимира и Белза и оказавшихся в итоге в одном из самых малых владимирских «пригородов» Каменце бояр взялось столько васалов и ратников, что их войско оказалось «больше и крепче» войск владимирского, белзского и пересопницкого князей. Чтобы избежать противоречий, необходимо признать, что летописец сравнивает войска волыньских князей и отдает предпочтение войску Даниила исключительно по числу бывших в нем бояр, которые сами по себе являются главной боевой силой, а, кроме того, опытными и умелыми организаторами и предводителями войска.

* * *

Характерной чертой рассматриваемого времени становится высокая дипломатическая активность боярства. Подобно князьям, виднейшие бояре завязывают политические и военные союзы с правителями соседних государств и в обмен на обязательства личной преданности и службы пользуются предоставляемой ими военной помощью для решения внутривнутриполитических задач на Руси.

Показателен в этом смысле пример галицкого боярина Володислава Кормильчича. Еще до своего вокняжения в Галиче боярин, неоднократно бывая в Венгрии, расположил к себе короля Андрея и, как полагают исследователи, принял перед ним какие-то служебные обязательства, что помогло Володиславу впоследствии занять галицкий стол⁹⁰. В одном из документов венгерского короля, датированном 1218 г., говорится о пожаловании виноградников некоему Ладиславу Русскому⁹¹. В. Т. Пашуто замечает по этому поводу: «Галицкие бояре подолгу жили при венгерском дворе, одни из них (как Володислав) имели в Венгрии пожалованные земли, другие (как Судислав) породнились с венгерской знатью; это давние связи, ибо некоторые бояре носили явно католические отчества – Володислав Витович, Юрий Витанович и др.»⁹².

Все это, безусловно, способствовало успеху предпринимаемых боярами внешнеполитических усилий, в частности, приобретению военной помощи короля. Однако главным условием такого рода деятельности был и оставался политический статус бояр – лидеров своих общин, наделенных соответствующими представительскими полномо-

⁹⁰ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. II-III. С. 446-447, 586-587, прим. 176; Włodarski В. Polska i Ruś. S. 52-53; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 81-82.

⁹¹ CDH. T. III. Vol. I. P. 257.

⁹² Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 244.

чиями. Бежавшие в Венгрию, спасаясь от развязанного Игоревичами террора, галицкие бояре Володислав Кормильчич, Судислав Бернатович и Филипп обращаются к королю Андрею: «Даи намъ отчича Галичу Данила, ать с нимъ приимемъ и от Игоревичевъ»⁹³.

Бояре здесь, как видим, выступают от имени Галича, на что король охотно откликается, отпуская Даниила, «детьска соуща», и давая в помощь огромное войско, возглавляемое семью воеводами, где, по словам летописца, было столько воинов, что «их же не мощно сказати и не писати»⁹⁴. Однако решающую роль в начатом боярами деле играет поддержка, оказываемая им галицкой общиной. Сторону бояр и Даниила сперва принимают жители Перемышля, отворившие город и выдавшие сидевшего там Святослава Игоревича⁹⁵, а затем и сами галичане; княживший в Галиче старший Игоревич Владимир спасся бегством, едва избежав плена⁹⁶.

Через несколько лет боярин Володислав вторично вошел в союз с венгерским королем и вместе с ним начал поход на Галич, где тогда княжил Мстислав Ярославич Немой. На этот раз король предоставляет военную помощь непосредственно боярину, так как никто из русских князей в этом походе участия не принимал⁹⁷. Во время похода случился заговор и мятеж венгерских баронов против своего короля, жертвой которого пала королева Гертруда⁹⁸. Андрей, чудом избежавший смерти, должен был вернуться с дороги⁹⁹. Но это не остановило Володислава, уверенного в симпатиях к нему галичан: «Володиславоу же ехавшую на передь со всеми Галичаны, Мьстиславъ оубо, оуведавъ королевую рать великоюу, избежа из Галича. Володиславъ же воеха в Галичь, и вокняжися, и седе на столе»¹⁰⁰.

Другой видный галицкий боярин Судислав Бернатович получает военную помощь польского князя Лешка и ведет ее на Галич против Игоревичей: из летописного сообщения видно, что речь идет о весьма значительном военном отряде¹⁰¹. Военной помощью венгров, а также

⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. Стб. 726.

⁹⁷ Обойденным оказался и опекаемый королем малолетний Даниил, который тотчас оставил своего «благодетеля» и вместе с матерью отбыл в Польшу, а затем на Бельгию (там же. Стб. 729).

⁹⁸ *С h g o n i c a collecta a Magno presbytero continuatio // MGH SS. T. XVII. P. 526.*

⁹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 729.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. Стб. 725.

чехов пользуется Володислав Кормильчич для отпора вторгшимся в Галицкую землю польскому и волынским князьям¹⁰².

Возрастает активность боярства и во внутривластической сфере. Прежде всего, это происходит во взаимоотношениях общины и князя, когда община недовольна своим правителем, проявившим слабость, эгоизм или зависимость от внешних враждебных сил. Владимирские бояре «не любили» навязанного общине поляками Ингваря Ярославича¹⁰³, симпатии общины были на стороне другого претендента, Александра Всеволодовича¹⁰⁴, и под руководством бояр владимирцы прогоняют Ингваря, вновь принимая Александра; с этой переменой должен был согласиться и зять Ингваря польский князь Лешко¹⁰⁵.

Галичане «Володиславимъ светомъ», т. е. по инициативе боярина Володислава Кормильчича «выгнаша Данилову мать изъ Галича» за то, что та «хотяща бо княжити сама» через голову малолетнего сына, что, разумеется, не устраивало общину¹⁰⁶. В данном случае мы имеем дело с вечевым решением¹⁰⁷, инициированным боярами. Летописный рассказ сохранил важные подробности, свидетельствующие о существовании специального механизма исполнения веча, свидетелем которого является специальный должностной лица, ведающего этим. Когда малолетний Даниил, не желая расставаться с матерью, вопреки решению галицкого веча, последовал за ней из города, путь ему преградил «тивоунъ Шюмавиньскый» по имени Александр и взял за повод княжеского коня. Разгневанный Даниил ударил тиуна мечом и ранил под ним коня. В этот момент к Даниилу подоспела мать и «взема мечь из роукоу, оумолиши его, остави в Галичи, а сама иде в Белзь»¹⁰⁸.

Когда венгерский король, ломая сопротивление галичан, вновь «привел» Анну в Галич, община, возглавляемая боярами, вторично поднялась против нее. Боярин Яволод с братом Ярополком «бежал» в Пересопницу к князю Мстиславу Ярославичу Немому, который тотчас с войском пошел на Галич. Галичане активно поддержали его. Симпатизировавший Анне летописец называет поведение общины «отступлением Галичан», что подразумевает согласованность и всеобщий ха-

¹⁰² Там же. Стб. 730.

¹⁰³ Там же. Стб. 721. – См.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 24; Головка А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 90.

¹⁰⁴ См. с. 349-350 настоящей работы.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 721.

¹⁰⁶ Ср.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 28.

¹⁰⁷ Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 77.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 727.

раक्टर акции. Княгиню извещают об этом бояре Иванко и Збыслав Станиславичи, как бы заявляя ей о позиции общины, после чего Анна, не дожидаясь развязки, бежит из Галича вместе с сыном¹⁰⁹.

Причина неприятия галичанами Анны ясна: она была слишком зависима от внешних враждебных общине сил в лице венгерского короля, а кроме того, вместе с ней в Галич возвращались владимирские бояре Вячеслав Толстый, Мирослав и др.¹¹⁰, претендовавшие на роль правителей в Галиче. Перед лицом внешней угрозы галичане теснее сплачивались вокруг своих лидеров, ибо интересы бояр и всей массы горожан совпадали в главном — отстаивании самостоятельности земли¹¹¹.

И в других важнейших областях политической жизни общины боярам принадлежит видная роль организаторов и руководителей. Деятельность бояр, в частности, направлена на восстановление суверенитета «старшего города» над отколовшимися «пригородами»: бояре действуют при этом как убеждением, так и силой.

Во время похода на Галич против князей Игоревичей, организованного галицкими боярами Володиславом Кормильичем, Судиславом Бернатовичем и Филиппом, союзное венгерское войско осаждает галицкий «пригород» Перемышль. Чтобы избежать кровопролития, боярин Володислав обращается к жителям с речью и убеждает их добровольно выдать княжившего в городе Святослава Игоревича, подчинившись власти нового галицкого князя Даниила¹¹². Затем войска союзников осаждают другой «пригород» Галича, Звенигород, но жители его наотрез отказались подчиниться Даниилу и отступить от Романа Игоревича. Началась осада, в организации которой деятельно участвуют галицкие бояре: Судислав Бернатович приводит сюда «многих поляков» от князя Лешка¹¹³. Общими усилиями звенигородцев принудили сдаться и признать власть Даниила, ставшего галицким князем¹¹⁴.

Под руководством бояр общины Владимира и других городов Волынской земли продолжают свою давнюю борьбу за подчинение Галичины, оказывая военную поддержку владимирским и союзным им князьям, претендовавшим на галицкий стол, прежде всего Даниилу. В помощь ему из Белза, где тогда княжил брат Даниила Василько, прихо-

¹⁰⁹ Там же. Стб. 728.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Б е л и к о в а Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 77.

¹¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

¹¹³ Там же. Стб. 725.

¹¹⁴ Там же. Стб. 726.

дят «великии Вячеславъ Толстыи, и Мирославъ, и Дъмьянъ, и Вороти-славъ, инии бояре мнозе и вои»¹¹⁵. Впоследствии «вси бояре Володимерьстии» во главе с Вячеславом Толстым участвуют в «посажении» Даниила на галицком столе¹¹⁶.

Как и в предшествующее время, во Владимире и Галиче действует боярский «совет» («дума») в качестве одного из основных политических институтов земли, принимающего важнейшие государственные решения, выражающие интересы и настроения общины. Боярский «совет», давно ставший обычным и повседневным делом в Юго-Западной Руси¹¹⁷, очень редко привлекает внимание летописца; это происходит лишь в тех случаях, когда древний книжник усматривал что-либо особенное в деятельности «совета» или старался подчеркнуть негативную роль галицких бояр в судьбе поддерживаемых им сыновей и вдовы Романа Мстиславича. В результате деятельность боярского «совета» в сообщениях летописи ограничивается лишь одним направлением – борьбой общин Волыни и Галичины за политическое лидерство в регионе, стремлением утвердить своего ставленника на княжеском столе соперника.

Так, из сообщения летописи мы узнаем, что «со светомъ Галичкихъ бояръ» Владимир Игоревич потребовал от владимирцев выдать Романовичей, а взамен принять своего брата Святослава¹¹⁸. Галицкие бояре дают такой «совет» неспроста: их «совет», как легко убедиться, выражает волю всей общины, ибо намерение «искоренити племя Романово» изъявляют не только бояре, но и «безбожные галичане», т.е. община в целом¹¹⁹. Владимирская община и владимирские бояре не остаются в долгу. И когда венгерский король Андрей силой «приводит» в Галич Даниила Романовича и его мать Анну, вместе с ними в город являются владимирские бояре, игравшие видную роль в происходящих событиях. Войдя в Галич, «король «светъ створи со ятровью своею и с бояры Володимерьскими», на котором была решена судьба галицкого стола¹²⁰.

В периоды наибольшего обострения политических противоречий – противостояния общины и князя, межобщинных столкновений, вмешательства иностранных правителей – бояре становятся объектом жесто-

¹¹⁵ Там же. Стб. 725.

¹¹⁶ Там же. Стб. 726.

¹¹⁷ См. с. 96-100, 117-119 настоящей работы.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 718.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. Стб. 728-729.

ких репрессий, стоящих им свободы, имущества и даже жизни. Репрессии наступают всякий раз, когда община, руководимая боярами, терпит крупное политическое поражение. Терроризируя бояр, лидеров общины, победившая сторона в лице нового правителя стремится укрепить свою власть, подавить сопротивление и подчинить простых общинников, лишив их предводителей. Поэтому репрессии в отношении бояр — это репрессии против всей общины, не оставляющие ее равнодушной. Такие репрессии неизбежно задевают и простых людей, и община, как правило, не прощает насилия своим правителям, всеми силами старается избавиться от них.

Так, наместник венгерского короля в Галиче палатин Бенедикт был, по словам летописи, «томителем» «бояромъ и гражданомъ»¹²¹, т. е. чинимые им насилия, касавшиеся в первую очередь бояр, затрагивали и простых граждан, общину в целом. Это заставило «галичан» обратиться за помощью к русским князьям и вместе с ними прогнать Бенедикта¹²². Когда венгерский король попытался силой утвердить свояченицу Анну в Галиче в качестве регентши при малолетнем Данииле¹²³, то первым делом велел схватить виднейших галицких бояр Володислава Кормильчича, Судислава Бернатовича и Филиппа, «и моученоу бывшую и»¹²⁴. Судислав, «много злата давъ», откупился, а Володислав в оковах был увезен в Венгрию¹²⁵. Эти меры не оставили галичан безучастными. Под руководством оставшихся на свободе бояр, обратившихся за помощью к пересопницкому князю Мстиславу, «галичане» «отступили» от Анны, что вынудило ее бежать вместе с сыном¹²⁶.

Особое место в ряду подобных событий занимает расправа, учиненная князьями Игоревичами над галицкими боярами и ответные меры со стороны галицкой общины. По данным Галицко-Волынской летописи, Игоревичи, только что призванные галичанами, чтобы освободить общину от засилья венгерского правителя Бенедикта, прогнав иноземцев, «съветъ же створиша... на бояре Галичкыи, да избьютъ и, [и] по прилоучаю избьени быша. И оубьень же бысть Юрьи Витановичь, Илия Щепановичь, инии велиции бояре, оубьено же бысть ихъ

¹²¹ Там же. Стб. 722.

¹²² Там же. Стб. 722-723.

¹²³ Против этого активно выступали «галичане», и уже однажды Анна была изгнана ими из города. — Там же. Стб. 727.

¹²⁴ Там же. Стб. 728.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

числомъ 500, а инии разбегошася»¹²⁷. Можно вспомнить также кровавую расправу с галицкими боярами, учиненную Романом Мстиславичем, напоминающую религиозный ритуал, связанный с языческими представлениями и нормами поведения¹²⁸.

* * *

Таким образом, в первые десятилетия XIII в. мы наблюдаем дальнейшее усиление общественно-политической роли и значения боярства Юго-Западной Руси, достигающего своего апогея. Сказанное, с одной стороны, обусловлено заметным падением авторитета княжеской власти, представленной слабыми или зависимыми от внешних сил и интересов князьями. С другой стороны, перед лицом внешних и внутренних угроз суверенитету и территориальной целостности общины бояре, непосредственно связанные и имеющие общие политические интересы с простыми людьми, выступают консолидирующим фактором, сплачивающим основные общественные силы. Из их среды выдвигаются подлинно авторитетные и общепризнанные лидеры, могущие возглавить и повести за собой общину. При условии поддержки общины эти лидеры способны принять на себя княжеские полномочия, нарушив священные прерогативы прирожденных князей.

Политическая деятельность бояр отличается широким многообразием. Они по-прежнему военные предводители общины, лично участвующие в боевых действиях как главная ударная сила и одновременно военачальники. Важно отметить, что бояре и рядовые «вои» – единое целое, они объединены в рамках одной военной организации и сообща защищают коренные политические интересы земли, одинаково близкие каждому члену общины. Для рассматриваемого времени характерна высокая дипломатическая активность бояр. В обмен на обязательства личной преданности виднейшие бояре, подобно князьям, завязывают политические и военные союзы с правителями соседних государств, пользуются получаемой от них помощью. Однако главным условием такого рода деятельности является политический статус бояр как лидеров своих общин, наделенных соответствующими представительскими полномочиями.

Растет активность бояр и во внутривнутриполитических делах. Когда община недовольна своим князем, проявившим эгоизм или зависимость от внешних враждебных сил, бояре иницируют и руководят его сме-

¹²⁷ Там же. Стб. 723-724.

¹²⁸ См. с. 343-347 настоящей работы.

щением. Боярам принадлежит видная роль организаторов и руководителей в деле восстановления суверенитета «старшего города» над отколовшимися «пригородами». Не утрачивает значения боярский совет (дума), выражающий насущные интересы общины и оказывающий решающее воздействие на принятие политических решений князем. Велика роль бояр как общественных лидеров на вече. Своим личным авторитетом и умением убеждать они способны были влиять на ход вечевых собраний, увлекать за собой большинство в поддержку того или иного решения. Далекая от объективного изложения Галицко-Волынская летопись выдвигает на первый план боярские «крамолы» и «мятежи». Однако до середины XIII в. галицкое боярство еще не сложилось в замкнутое сословие с особыми корпоративными интересами и стремлением к обладанию всей полнотой власти¹²⁹.

В периоды наибольшего обострения политических противоречий, когда община терпит тяжелое поражение в борьбе с врагами (враждебными соседями или пользующимися их поддержкой отвергнутыми князьями), возглавлявшие общину бояре становятся объектом жестких репрессий. Терроризируя бояр, победившая сторона в лице нового правителя стремится укрепить свою власть, подавить сопротивление и подчинить общину, лишив ее предводителей. Таким образом, репрессии в отношении бояр – это репрессии против всей общины, которая, как правило, не прощает насилия своим правителям и может расквитаться с ними тем же способом. Используемые при этом приемы и средства как с одной, так и с другой стороны изобличают ритуальную подоплеку поведения участников конфликта, его связь с религиозно-мифологическим воззрением язычества¹³⁰.

¹²⁹ Пашин С. С. Червонорусские акты... С. 29; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 103.

¹³⁰ Помимо уже рассмотренного нами случая расправы с боярами Романа Мстиславича, к подобному выводу склоняют и некоторые подробности убийства Игоревичами 500 галицких бояр, а также ответные меры со стороны галицкой общины, о чем речь пойдет в следующем разделе.

3.

Бояре и «галичане» во взаимоотношениях с князьями Игоревичами

Борьба за галицкий стол после смерти Романа. – Бояре Кормильчичи и призвание Игоревичей. – Галицкие послы на вече во Владимире: бояре как участники вечевых прений. – Галицкое княжение Игоревичей: внутренние противоречия и внешние враги. – Конфликт князей с общиной и «избиченне» пятисот галицких бояр. – Казнь Игоревичей: невыясненные и спорные обстоятельства. – Обрядовая символика и ритуальный смысл казни преступных князей. – Социально-психологические корни традиции расправы с князьями. – Итоговые замечания.

После смерти Романа Мстиславича (1205 г.)¹ в Юго-Западной Руси начался период напряженной политической борьбы, внутриобщинных и межволостных конфликтов, обостривших старые противоречия и породивших новые. Их содержание, с одной стороны, состояло в борьбе за галицкий княжеский стол сразу нескольких претендентов, ставленников различных внешнеполитических сил, а с другой – в настойчивом стремлении галицкой волостной общины отстоять свой внешний и

¹ Роман погиб во время похода на Польшу в столкновении с польскими князьями Лешком и Конрадом. Существует несколько противоречивых версий этого события – см.: ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 425; М., 1998. Т. II. Стб. 719; *Rocznik Traski* // МРН. Lwów, 1872. Т. II. Р. 836; *Chronica Alberici monachi Trium fontium* // MGH SS. Hannoverae, 1874. Т. XXIII. Р. 885; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. / Пер. Л. М. Поповой. М., 1987. С. 145; *Długossii I Historiae Polonicae*. Т. II. Р. 175-176; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 174. – Их анализ см.: Włodarski B. 1) *Polityka ruska Leszka Białego*. Lwów, 1925. S. 21-26; 2) *Polska i Ruś*. 1194-1340. Warszawa, 1966. S. 25-30; Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa A. *Ze studiów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII – XIII w.* // *Ateneum Wilenskie*. 1937. Т. 3; Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев., 1988. С. 87-88; Пш и к В. Про похід Романа Мстиславича на Польшу 1205 р. // ГВД. Львів, 1993.

внутренний суверенитет. В этих условиях повышается социально-политическая роль бояр, общинных лидеров, растет их влияние во всех сферах общественной жизни, прежде всего это заметно в сфере внешнеполитических отношений, военных столкновений и дипломатических контактов, где в прежнее время в основном доминировала княжеская власть².

Когда после смерти Романа киевский князь Рюрик Ростиславич, собрав «половци и Роуси много», пошел на Галич, то «сретоша и бояре Галичкыи и Володимерьстии оу Микоулина на реце Серете. И бивши-маса има весь день о рекоу Сереть, и мнози язвени быша, и не стерпевше, и възвратишася в Галичъ»³. Некоторые дополнительные подробности сообщает Лаврентьевская летопись. Так, узнаем, что после похорон Романа «Галичане же целоваша крестъ къ сыну его Данилу», а вместе с киевским Рюриком в походе на Галич участвовали и другие соискатели галицкого стола – черниговские Ольговичи, предварительно заключившие друг с другом союз⁴.

Обращает внимание тот факт, что в сообщении летописи на первый план выдвинуты бояре. Они, как и в недавней истории с краковским князем Лешком (1199 г.)⁵, изложенной в польских хрониках, встречают войска неприятеля на границе Галицкой земли – у реки Серет – и, видимо, после безрезультатных переговоров приступают к военным действиям, ведя за собой галицкие полки⁶. В этом и состоит первенствующее значение бояр. Важно отметить, что бояре здесь действуют от имени и по воле общины: отвергая претензии на галицкий стол Рюрика и Ольговичей, они выполняют решения галичан, целовавших (очевидно на вече) крест Даниилу, и вместе с ними сражаются

² Военные и дипломатические отношения, как известно, являлись исконными прерогативами княжеской власти, древнерусские князья были общепризнанными руководителями внешней политики государства. – См.: Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867. С. 348-350; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 43; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 146-150; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 11-47.

³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 717.

⁴ Там же. Т. I. Стб. 425-426.

⁵ См. с. 328, 337 настоящей работы.

⁶ По такому же сценарию развивались события во время упомянутого похода на Галич малопольского князя Лешка. – Хроника магистра Винцентия Кадлубка // Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Текст, перевод, комментарии. М., 1990. С. 111; «Великая хроника»... С. 136.

протів незваных гостей.

Тем временем малолетнему галицкому князю Даниилу предоставил военную помощь его родственник, венгерский король Андрей II⁷. По сообщению Ипатьевской летописи: «... по смерти Романове снимался король со ятровью своею (вдовой Романа, матерью Даниила. — *А. М.*) во Саноце. Прияль бо бе Данила, како милога сына своего, оставил бо бе оу него (в Галиче. — *А. М.*) засадоу — Мокья великаго слепоокого, и Корочюна Вълпта, и сына его Витомира, и Благиню, иньи Оугры многи. И за то не смеша Галичане ничтоже створити, бе бо инехъ много Оугоръ»⁸.

Последние слова источника воспринимаются исследователями как свидетельство недовольства галичан или какой-то их части, влиятельной партии пребыванием в городе Романовичей⁹. В результате венгерская «засада» трактуется не как помощь для отпора наступающим на Галич войскам чернигово-киевской коалиции, а как своего рода личная охрана, призванная уберечь от неминуемой расправы со стороны галичан непопулярных сыновей Романа¹⁰. Нам представляется, что такой взгляд не вполне соответствует подлинной обстановке, сложившейся в Галиче в 1205 г., нарушает действительный ход событий. Отчасти это обусловлено состоянием самих источников.

Нельзя сбрасывать со счетов ряд важных особенностей, определяющих своеобразие нашего основного источника по истории Галицко-Волынской Руси XIII в. — Галицко-Волынской летописи, заключительной части Ипатьевского свода. Ее первой частью является так называемый свод митрополита Кирилла, составленный во Владимире-

⁷ Венгерский король приходился Даниилу и Васильку Романовичам троюродным дядей. — См.: Лопатин А. В. Родственные связи русских князей с угорским королевским домом // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильна, 1893. С. 318; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 347, прим. 1.

⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 717. — См. также: СДН. Т. III. Vol. I. P. 32.

⁹ См.: Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860. С. 39; Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 96-97; Грушевський М. С. Історія України — Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 19; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 88; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX — XIII вв. Киев, 1985. С. 122.

¹⁰ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV стол. Киев, 1887. С. 153, 154; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 148.

Волынском в 40-е годы XIII в. близким соратником князя Даниила Романовича¹¹. Последний весьма далек от беспристрастного отражения событий галицкой истории, так как главной его целью было идеологическое обоснование борьбы за Галич и победы в ней владимирского князя¹². Отличительной чертой этого источника от начала и до конца является обличительный пафос и неприязненное отношение ко всем противникам Даниила, в том числе недоверие и подозрительность к галичанам и галицким боярам, поскольку их политика не раз шла вразрез со стремлениями Даниила¹³.

Мысль о желании галичан немедленно после смерти Романа избавиться от его наследников кажется нам преждевременной, поскольку она плохо вяжется с другими обстоятельствами происходящего и, прежде всего, с поведением самих галичан, дважды сражавшихся за нового князя Даниила с его врагами, киевским и черниговским князьями, проявляя при этом полное единодушие. И когда войска Рюрика и Ольговичей подошли к Галичу, с ними билась не венгерская «засада», а «галичане же бишася с ними оу города», и поэтому «Олговичи же, не оуспевше ничтоже, възвратишася с срамом великимъ в свояси»¹⁴.

* * *

Чтобы сломить волю галичан, в следующем 1206 г. Ольговичи и их союзник Рюрик Ростиславич собрали в поход практически всех князей

¹¹ Пришелков М. Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб., 1996. С. 157-158; Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. 1941. № 12. С. 245-251; Ляхачев Д. С. 1) Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // ТОДРЛ. Л., 1947. Т. V. С. 49-55; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.: Л., 1947. С. 263-267; Ужапков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // ГДРЛ. Сборник 3. М., 1992.

¹² См.: Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 68-92; Генсборский А. Г. Галицко-Волынский летописец. (Процесс складания, редакций и редакторы). Київ, 1958; Ужапков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // ГДРЛ. Сборник 1. М., 1989; Пауткин А. А. Галицкая летопись как памятник литературы Древней Руси. М., 1990; Котляр М. Ф. Галицко-Волынский летописец XIII ст. Київ, 1993. С. 25-111.

¹³ Летописец награждает галичан весьма характерными в этом отношении эпитетами: «безбожные галичане», «неверные галичане» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 718, 727), а их выступления против Даниила именует «беззаконием» и «мятежом» (там же. Стб. 722).

¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 426. – Галицко-Волынская летопись уточняет, что решающее поражение Рюрику и Ольговичам нанесли под стенами Галича «пещцы Галицкие» – городское войско (там же. Т. II. Стб. 717).

Южной Руси, а также половцев, берендеев и поляков¹⁵. Новый поход столь значительных вражеских сил, угроза разорения земли и военного поражения в неравной борьбе напугала галичан и заставила общину в лице ее лидеров бояр вновь полностью взять в свои руки инициативу принятия ответственных внешнеполитических решений. Доверие галичан к своему князю при таких условиях пошатнулось, что и предрешило его дальнейшую судьбу.

В летописи читаем: «Слышав же Галичане с Романовичема, аже идеть рать на ня силна отвсюду, и оубояшася зело, и послашася к королеви, помочи прося оу него»¹⁶. Страх перед вражеской силой пробудил в галичанах недовольство Романовичами, явившимися причиной новых тяжелых напастей. И хотя король Андрей, «совокупяся весь», поспешил на помощь своим родичам, это уже не спасло их, как не спасла и венгерская «засада», находившаяся в Галиче. «Романовича же, видевша мятеж в земли великъ, и оубоястася, и, не дождавже короля, бежаста из Галича в Володимерь, в воотчину свою»¹⁷.

Более осведомленная Галицко-Волынская летопись сообщает некоторые подробности галицкого «мятежа», правда, ничего не говоря о походе на Галич Рюрика и Ольговичей: «Малоу же времени миноувшю, и приведоша Кормиличича, иже бе загналь великий князь Романъ не веры ради, – славяхоу бо Игоревича. Послоушав же ихъ, Галичкый бояре и послаша по нихъ (т. е. за Игоревичами. – А. М.)... Княгини же Романова, вземше детяте свои, и бежа в Володимерь»¹⁸.

Опираясь на приведенные известия, мы можем проследить механику галицкого «мятежа» против Романовичей. Ему предшествует появление в городе бояр Кормильчичей, известных противников Романа Мстиславича, сосланных им из Галича. Судя по термину «кормильчичи», эти бояре были сыновьями княжеского воспитателя, «кормильца». По мнению исследователей, отцом их являлся «кормилец» последнего галицкого князя династии Ростиславичей Владимира Ярославича¹⁹. Галицкие Кормильчичи, Володислав и его братья являлись последовательными сторонниками других претендентов на галицкий стол – князей Игоревичей, состоявших в близких родственных отношениях с династией Ростиславичей²⁰.

¹⁵ Там же. Т. I. Стб. 426.

¹⁶ Там же. Стб. 426-427.

¹⁷ Там же. Стб. 427.

¹⁸ Там же. Т. II. Стб. 718.

¹⁹ Гарданов В. К. «Дядьки» Древней Руси // ИЗ. 1962. № 71. С. 240.

²⁰ Как установлено исследователями, Игоревичи были внуками галицкого князя

Заметим, Кормильчичи возвращаются в Галич не самовольно и не тотчас после смерти своего обидчика Романа. Их «приведоша» в город галичане и именно тогда, когда община стояла перед необходимостью выбора новой кандидатуры на княжеский стол, способной справиться с возникшим кризисом. В подобных ситуациях община, очевидно, остро нуждается в опоре на авторитет своих лидеров, известных бояр, способных инициировать те или иные решения, предложить действенные меры и взять на себя ответственность. И действительно, Кормильчичи, вчерашние изгнанники, становятся вождями галицкой общины, готовой идти по предлагаемому ими пути: Кормильчичей «послушали» галицкие бояре, как говорит Галицко-Волинская летопись, с ними заодно «думали» и галичане, как говорит Лаврентьевская летопись²¹. После этого дальнейшее пребывание в городе Романовичей стало невозможным.

Надо сказать, что в развитие ситуации еще пытался как-то вмешаться венгерский король, располагавший значительной военной силой. По сообщению Лаврентьевской летописи, последний, «с Галичаны здумавъ», послал в Переяславль звать княжившего там Ярослава Всеволодовича на княжение в Галич²². Б. Влодарский усматривал в действиях короля продолжение традиционного галицко-венгерско-суздальского союза²³, так же думал и В. Т. Пашуто²⁴. Однако нельзя в данном случае всю инициативу приписывать королю или видеть в происходящем лишь проявление каких-то личных отношений русских и венгерских правителей. Летопись ясно указывает, что отправке посольства в Переяславль предшествовало совместное решение короля «с Галичаны». Ярослав Всеволодович, так же, как и Игоревичи, был родственником галицких Ростиславичей²⁵, и это обстоятельство привлекало к нему интерес галичан, выбиравших тогда между Романовичами и

Ярослава Осмомысла, детьми его дочери Ефросинии (Ярославны «Слова о полку Игореве»). – См.: Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 25, 41-43, 240, 270; Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». 6. Жена и дети Игоря // ТОДРЛ. 1964. Т. XX. С. 378-382; Творогов О. В. На ком были женаты Игорь и Всеволод Святославичи? // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. XLVIII. С. 48-51.

²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 718; Т. I. Стб. 427.

²² Там же. Т. I. Стб. 427.

²³ Włodarski B. Polityka ruska Leszka Białego. Lwów, 1925. S. 270.

²⁴ Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 242.

²⁵ Ярослав Всеволодович был двоюродным братом последнего галицкого князя династии Ростиславичей Владимира Ярославича. – Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 20, прим. 1.

ближайшими родственниками пресекшейся старой галицкой династии.

Из сообщения татишевского свода узнаем, что галичане, боясь остаться «безглавными», сами обратились к королю с просьбой оставить в городе гарнизон и разрешить призвать в Галич временно другого князя, «доколе Даниил возрастет», на что король, отказав в войске, «велел им принять на княжение Ярослава Всеволодовича переяславскаго»²⁶. Исследователи видят в этом попытку венгров укрепить собственную власть в Галичине²⁷. Но как только галичане увидели короля «идуша прочь», то немедля «здумающе, послашася по Володимера Игоревича отаи»²⁸. По В. Н. Татишеву, галичане прождали Ярослава «две седмицы», но тот не давал о себе никаких вестей; когда же, наконец, он появился у Галича, княжеский стол был уже занят Владимиром Игоревичем²⁹.

Две основные версии галицких событий 1206 г., которыми располагает исследователь – рассказ Ипатьевской и Лаврентьевской летописей – подчас расходятся между собой в весьма важных для понимания сути происходящего деталях. Так, согласно Лаврентьевской летописи, Владимир Игоревич был приглашен и прибыл в Галич один³⁰. По свидетельству же Ипатьевской (Галицко-Волынской) летописи, в Галич были приглашены и прибыли двое Игоревичей – Владимир и Роман, причем первый сел в Галиче, а второй – в Звенигороде³¹, одном из «пригородов» и давнем сопернике Галича³². Видимо, в рассказе Галицко-Волынской летописи, возникшем спустя много лет после описываемых в нем событий³³, нарушена их изначальная последовательность и, как это уже не раз бывало, в цепи их пропущены некоторые звенья³⁴.

Нам представляется, что появление в Галицкой земле еще одного княжеского стола, да еще в Звенигороде, вряд ли было добровольным решением галичан, общины «старшего» города земли, так как это могло поставить под вопрос его политический статус. С 40-х годов XII в. Галицкая земля сохраняла политическое единство под эгидой Галича,

²⁶ Татишев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 175.

²⁷ Włodarski В. Polska i Ruś. S. 35-36.

²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 427.

²⁹ Татишев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 175-176.

³⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 427.

³¹ Там же. Т. II. Стб. 718.

³² О взаимоотношениях Галича и Звенигорода см. с. 554-557 настоящей работы.

³³ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 239-240.

³⁴ См.: Грушевський М. С. Історія України – Русин. Т. III. С. 20-21 (прим. 2), 26, 27.

и попытки князей учредить в земле новый стол наталкивались на решительное сопротивление галичан. Такую попытку предпринял перед смертью галицкий князь Ярослав Осмомысл, «приказав» галицкий стол любимому сыну Олегу, а другому сыну Владимиру «дав» Перемышль³⁵. Ответом на это был «великий мятеж» галичан и восстановление ими прежнего единства земли³⁶.

Скорее всего, учреждение нового княжеского стола в Звенигороде было навязано галичанам силой. Нельзя забывать, что за спиной Игоревичей стоял могущественный клан черниговских Ольговичей, к которому они и сами принадлежали. Войска черниговских князей и их союзника Рюрика Ростиславича стояли всего в двух днях пути от Галича³⁷, противопоставить им было нечего, так как венгерский король уже увел свои полки, а сын владимиристо-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо Ярослав не смог вовремя поспеть в Галич³⁸.

Верным способом укрепить свое положение на галицком столе для нового князя Владимира Игоревича было, как представляется, политически ослабить галицкую общину, добившись учреждения в Галицкой волости еще одного княжеского стола и передать его своему младшему брату Роману. Войска коалиции Ольговичей разошлись по домам, только когда Владимир Игоревич сделал свое дело³⁹.

* * *

Утвердившись в Галиче, Игоревичи ведут активную внешнюю политику, устремив свои взоры на соседнюю Волынь и задавшись целью посадить во Владимире-Волынском своего брата Святослава. Намерение князей вызвало полное одобрение и поддержку галицкой общины — бояр, участников княжеского «совета» и простых горожан, о чем с нескрываемым раздражением говорит симпатизировавший Романовичам летописец: «И еще же хотящю Володимероу (Игоревичу. — *А. М.*) искоренити племя Романово, поспевающимъ же (ему. — *А. М.*) безбожнымъ Галичаномъ»⁴⁰. О «поспешестве» галичан своему князю в подчинении Владимира свидетельствует и сообщение В. Н. Татищева,

³⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 656-657.

³⁶ Там же. Стб. 657.

³⁷ Там же. Т. I. Стб. 427.

³⁸ Там же.

³⁹ М. С. Грушевский полагал, что Игоревичи вокняжились в Галицкой земле вопреки желанию Ольговичей (Грушевский М. С. История Украины — Руси. Т. III. С. 21). Такое утверждение, ничем не обоснованное, кажется нам неубедительным.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 718.

что галицкий князь «пошел с войски ко Владимирю»⁴¹. Галицко-Волынская летопись ничего не говорит об этом походе, сделав акцент на дипломатической стороне дела: «Посла же Володимеръ со светомъ Галичкихъ бояръ наречь е попомъ к Володимерцемъ, реки имъ: “Не имать остатися градъ вашъ, аще ми не выдасте Романовичю, аще не примете брата моего Святослава княжити в Володимере”»⁴².

Речь галицкого посла обращена к владимирцам, собравшимся на вече⁴³; вече должно было решить судьбу княжеского стола и определить направление дальнейших взаимоотношений Владимирской волости с Галичиной. Последующие известия дают ценный материал, иллюстрирующий поведение общинных лидеров на вече, раскрывающий их влияние на ход вечевых собраний. Это позволяет выяснить роль бояр в принятии важнейших вечевых решений, определяющих внутри- и внешнеполитическую жизнь общины.

Заслушав речь галицкого парламентаря, владимирцы вознегодовали и хотели убить его. Но в решительный момент на авансцену выходят трое местных бояр, названных в летописи по именам – Мстибог, Мончук и Микифор – и берут инициативу в свои руки, «реша: “Не подобааетъ намъ оубити посла!”»⁴⁴ Никаких других слов бояр или кого-либо еще из участников веча источник не приводит, ограничившись лишь гневным замечанием в адрес названной троицы: «...имеахоу бо леть во сердце своемъ, яко предати хотяхоу госпоуду свою и градъ»⁴⁵. Однако из дальнейшего видно, что «предати госпоуду (Романову вдову с детьми – А. М.)» вслед за «льстивыми» боярами решили и владимирцы, городская община в целом. Горожане на вече последовали за авторитетным словом своих лидеров, и княжеской стороне нечего было противопоставить этому. «Наоутрея же оуведавши княгини и светъ створи с Мирославомъ и с дядькомъ, и на ночь бежаша в Ляхы...»⁴⁶.

Тот факт, что бежать вдове Романа пришлось «не ведахоу бо камо бежаше, бе бо Романъ оубьень на Ляховъ, а Летьско мира не створиль»⁴⁷, да еще совершать свой побег ночью, воспользовавшись при этом «дырею градною» в сопровождении только дядьки, кормилицы и

⁴¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 176.

⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 718.

⁴³ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 148.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 718.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Стб. 719.

попа⁴⁸, говорит о том, что владимирцы полностью от нее отвернулись. Трудно согласиться с М. С. Грушевским, считавшим, что причиной бегства княгини была лишь ее «урашенная фантазия», а не реальная политическая обстановка, сложившаяся во Владимире⁴⁹. Такое суждение, очевидно, продиктовано уверенностью исследователя, что владимирские жители всегда и во всем поддерживали Романовичей, самых популярных на Волыни князей. Однако из этого правила были и свои исключения⁵⁰. Впрочем, возможно, определенную роль сыграла угроза военной силы, ведь, если верить В. Н. Татищеву, вслед за парламентариями двигались галицкие войска. Вскоре во Владимире обосновался новый князь Святослав Игоревич⁵¹.

Все сказанное наводит на некоторые размышления.

По сути дела и посланник, и владимирские бояре Мстибог с товарищами обращаются к владимирскому вечу с одними и теми же предложениями – отступить от Романовичей и принять другого князя, Игоревича. Однако реакция общины в первом и втором случаях была прямо противоположной. Предложение, звучащее из уст галицкого попа, едва не стоило ему жизни, вызвав бурный и решительный протест, но стоило только поддержать его кому-то из числа самих владимирцев, владимирским боярам, как страсти вечников тотчас остывают, и настроение их кардинально меняется. Отсюда мы можем заключить, что для веча, решающего сложные, противоречивые вопросы, важны не просто те или иные предложения, те или иные инициативы, а важно то, от кого именно они исходят, чем и как они мотивируются.

Вечников, обсуждавших какой-либо спорный политический вопрос и в силу этого имевших несколько различных и не всегда согласующихся между собой мнений, необходимо было убеждать в верности одного-единственного решения, добиваться его всеобщего признания и одобрения. Как известно, вечевое решение в Древней Руси могло состояться лишь при условии, когда против него не было возражений,

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Грушевський М. С. Історія України – Русь, Т. III. С. 21.

⁵⁰ Значительным влиянием, к примеру, пользовался на Волыни белзский князь Александр Всеволодович, долгое время успешно соперничавший с Романовичами, жители Владимира в свое время отдавали предпочтение Александру перед зависимыми от внешних сил сыновьями Романа (см. с. 349-350 настоящей работы).

⁵¹ Летописец специально не отмечает этого события, однако вокняжение Святослава следует из контекста дальнейшего изложения (ПСРЛ. Т. II. Стб. 720). – По В. Н. Татищеву, новым владимирским князем стал Роман Игоревич (Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 176).

когда вечники принимали его единогласно, поскольку государственная власть не располагала тогда достаточно сильным и независимым от народа аппаратом принуждения; для исполнения же решения, получившего всеобщее одобрение, не требовалось никаких особых органов – это было делом самого народа⁵².

Убедить сограждан в правильности предлагаемого решения было под силу только авторитетным общинным лидерам, обличенным подлинным доверием горожан. Их руководящая роль на вече видна и в других подобных случаях. Так, анализируя вечевые события 1146 г. в Киеве, И. Я. Фроянов отмечает: «Мы не только не исключаем, но и предполагаем руководство вечем со стороны “лучших мужей”. На то они и “лучшие”»⁵³. Руководящая роль бояр видна и в киевских вечевых событиях 1113 г.⁵⁴

На первом месте в таких делах стоит сила личного авторитета «лепших» и «смысленных мужей». Но не менее важным было также умение находить наиболее сильные и убедительные аргументы в защиту своей позиции, способность донести свою правоту до сознания собравшихся. Известны случаи, когда уже состоявшиеся вечевые решения отменялись и пересматривались под влиянием агитации одного лица, сумевшего переубедить «людей». Так, постановление белгородского веча было отменено по предложению «одного старца»⁵⁵. Новгородцев, решивших не участвовать в походе своего князя Мстислава Мстиславича Удалого на Киев и даже не явившихся по его зову на вече, переубеждает в обратном посадник Твердислав⁵⁶. Бывали случаи, когда голос одного человека из толпы мог переломить течение вечевого собрания и подвигнуть вечников к принятию такого решения, которое противоречило доводам князя, митрополита и тысяцкого, как это было в Киеве в 1147 г.⁵⁷

Никакая келейно возникшая группа или партия твердых сторонников заранее выбранного решения ничего не сможет добиться, если не сумеет привлечь на свою сторону симпатии подавляющего большинства непосредственно в ходе вечевого собрания. Это не исключает, конечно, того, что среди бояр могли существовать приверженцы того или

⁵² Дьяконов М. А. Очерки... С. 133-134.

⁵³ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 272.

⁵⁴ Там же. С. 210-212.

⁵⁵ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 87.

⁵⁶ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 53, 251-252.

⁵⁷ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 349.

иного князя, например, поддерживавшие князей Игоревичей галицкие бояре Кормильчичи и владимирские – Мстибог, Мончук и Микифор, – «партия Игоревичей», как выражаются некоторые исследователи⁵⁸. Не исключено также, что такие бояре руководствовались в своей деятельности и определенными эгоистическими, корыстными мотивами, например, рассчитывая извлечь личную выгоду из победы поддерживаемого ими кандидата⁵⁹. Однако добиться своего они могли не путем партийных интриг и закулисной борьбы, а единственно посредством победы на вече – общем собрании граждан, где решающий голос принадлежал не боярским партиям, где в конечном счете решение зависело от «людыя» – рядовых свободных жителей города и округа⁶⁰, и где свою правоту нужно было доказывать, апеллируя к высшим государственным интересам земли, очевидным для всех членов общины.

* * *

Краковский князь Лешко оказал прибывшей к нему вдове Романа и ее сыновьям чрезвычайно радушный прием: «Лестко не помяноу вражды, – говорит летопись, – но с великою честью прия ятровь свою и детяте, сожаливь си»⁶¹. Неожиданное расположение малопольского князя к детям своего врага объясняется, по-видимому, тем, что, прикрываясь защитой их интересов, Лешко рассчитывал укрепить собственные позиции на Волини⁶². Для более успешной реализации подобных замыслов он предложил союз венгерскому королю Андрею II, имевшему виды на Галичину (с 1206 г. венгерский король официально титуловал себя «королем Галичины и Володимирии»⁶³). Оставив в Кракове Василька, Лешко отправил Даниила к королевскому двору и передал свои предложения Андрею: «Ныне же идемь и, вземша, пре-

⁵⁸ Андрияшев А. М. Очерк истории Волиньской земли... С. 155; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 19, 21; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 88-89; Пашуто В. Т. Очерки... С. 195.

⁵⁹ По мнению М. С. Грушевского, среди владимирских бояр возникла группа, которая «предпочитала принять князем Игоревича, нежели оставаться с недорослыми сиротами-князьями и действительным регентством чужих бояр и Романовой княгини» (Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 21).

⁶⁰ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 164-184.

⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 719.

⁶² Пашуто В. Т. Очерки... С. 195.

⁶³ CDH. Budae, 1829. Т. III. P. 31-32.

даеве имъ (Романовичам. – А. М.) отчъство ихъ»⁶⁴.

Дипломатические маневры краковского князя не ускользнули от внимания Игоревичей, и они, сыграв на опережение, успели предотвратить надвигающуюся опасность: «Володимерь же многи дары посла королеви и Лестькови»⁶⁵. В результате, по меткому выражению М. С. Грушевского, Андрей и Лешко «ограничились лишь платоническим сочувствием оставшимся у них сиротам»⁶⁶. Возможно, совместному походу помешали старые противоречия, существовавшие между венгерским королем и краковским князем. За год до описываемых событий, когда в походе на Галич вместе с южнорусскими князьями принял участие и краковский князь, венгерский король выступил против и «омирил» польские войска, не пустив их на Волынь⁶⁷.

Внешнеполитические успехи Игоревичей укрепили их положение в Галичине. Это позволило вернуться к проводимой еще Романом Мстиславичем наступательной политике в отношении Киева. В 1207 г. старший из братьев Владимир, по свидетельству Лаврентьевской летописи, принял участие в походе черниговских князей на Киев. В тот момент, когда глава клана Ольговичей Всеволод Чермный, овладев Треполем, «оустремися на Киевъ», «из Галича, – говорит летопись, – приде к нему Володимерь Игоревич»⁶⁸. И это предприятие также увенчалось успехом: совместными усилиями Ольговичи вынудили Рюрика Ростиславича отказаться от киевского стола, после чего Всеволод Чермный, «пришед, седе в Києве»⁶⁹.

Благополучное правление Игоревичей в Галичине и на Волыни продолжалось примерно два года⁷⁰. В 1208 г.⁷¹ начался новый «мятежь». В Галицко-Волынской летописи читаем: «По сем же, долгоу времени миноувшу, мятежь бысть межи братома, и Володимеромъ, и Романомъ. Романъ же еха во Оугры (и поем оугры. – по *Хлебниковскому и Погодинскому стишкам.* – А. М.) и бися с братомъ и, победи, възвз

⁶⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 719.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 23.

⁶⁷ См.: Пашуто В. Т. Очерки... С. 194.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 429.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Свой рассказ о дальнейших событиях летописец предваряет ремаркой: «По сем же долгоу времени миноувшу» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 719), но этот временной промежуток не мог быть слишком долгим (см.: Грушевський М. С. Хронологія подій Галицко-Волинської літописи // ЗНТШ. Львів, 1901. Т. XLI. С. 8-9).

⁷¹ Такая датировка приводится в Воскресенской летописи. – ПСРЛ. М., 2001. Т. VII. С. 116.

Галичь. А Володимеръ бежа во Поутивль»⁷². В Воскресенской летописи это событие передано в несколько ином виде: «Угри тогда прогнаша изъ Галича Володимера Игоревича, а брата его Романа посадиша въ немь»⁷³.

Каковы были причины этой внезапной войны между Игоревичами, стоившей им так дорого, ведь в результате братья в скором времени лишились всех своих завоеваний – сперва на Волыни, а затем и в Галичине. Вслед за летописцем историки относят случившееся на счет нерадивости самих Игоревичей, которые «не имели рассудка даже настолько, чтобы держаться между собой солидарно»⁷⁴. Нам представляется, что дело было не только в этом. За спиной у князей стояли силы, игнорировать значение которых было бы большой ошибкой. Эти силы – местные общины, имевшие свои политические интересы и требования, и от того, насколько успешно князь мог их реализовать, во многом зависел успех всего его княжения.

Как уже не раз отмечалось, Звенигород, подобно другим галицким «пригородам» Перемышлю и Теребовлю, имел непростые отношения со стольным городом, стремился выйти из подчинения галицкой общине и оспорить ее первенствующее значение. Неудивительно, что вскоре после приобретения или, точнее, восстановления собственного княжения, звенигородцы во главе со своим князем Романом начинают с Галичем воевать. В Галиче княжил старший брат Романа Владимир. Выступить против него и победить Роман мог только при условии твердой и решительной поддержки жителей Звенигорода. Конечно, свою роль сыграла и венгерская помощь, но главное, на наш взгляд, – поддержка городской общины, ее воинских сил.

О такой поддержке говорит и особое отношение к Роману Игоревичу жителей Звенигорода, проявившееся впоследствии. Своего князя звенигородцы поддерживали не только во времена побед, но не отступали от него и в минуту испытаний. Когда через несколько лет выступившие против Игоревичей венгерские войска осаждают город, «Звенигородцемъ же люте борющемся имъ с ними и не поущающимъ ко градуу, ни ко острожнымъ вратомъ»⁷⁵. Несмотря на численное превосходство, вражеские войска ничего не могли добиться, и только после того, как Роман попал в плен, звенигородцы были вынуждены прекра-

⁷² Там же. Т. II. Стб. 719-720.

⁷³ Там же. Т. VII. С. 116.

⁷⁴ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 23.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 725.

тить сопротивление⁷⁶. Ни в одном другом городе Юго-Западной Руси Игоревичи не пользовались такой популярностью. Из стольного Галича старший Игоревич, Владимир бежал без боя⁷⁷, без боя «отворились» и жители Перемышля, выдав врагам другого Игоревича, Святослава⁷⁸, который незадолго перед тем был выдворен из Владимира, так как жители его приняли сторону другого претендента⁷⁹.

Обосновавшись в Галиче, Роман благополучно правил там еще два года, удерживая в своих руках власть над всей Галичиной⁸⁰. Считаем преувеличением распространенное мнение, что положение Романа в Галиче было чересчур шатким и непрочным ввиду поднявшихся боярских смут и мятежей⁸¹. Если верить сообщению Московского летописного свода 1479 г., замешательства в Галиче произошли только в 1210 г. и были вызваны не внутренними, а внешними причинами. В галицкие дела вмешался Ростислав Рюрикович, сын враждовавшего с черниговскими князьями Рюрика Ростиславича: «Ростиславъ Рюриковичъ седе въ Галичи, а Романа Игоревича выгнаша»⁸². Это известие повторяется в ряде позднейших летописей – Воскресенской, Никоновской, Ермолинской⁸³. Никоновская летопись уточняет, что описываемое событие произошло «месяца сентября в 4 день»⁸⁴. Однако, не имея поддержки галичан, Ростислав очень скоро лишился княжеского стола: горожане «осени тояже выгнаша изъ Галича Ростислава Рюриковича»⁸⁵. Причину неприятия нового князя раскрывает В. Н. Татищев: «... галичане, не дав Ростиславу долго владеть, опасаясь быть под властью киевскою...»⁸⁶. Избавившись от Ростислава, галичане вернули стол тем, кому более доверяли – «Романа Игоревича посадиша съ бра-

⁷⁶ Там же. Стб. 726.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. Стб. 724.

⁷⁹ Там же. Стб. 720.

⁸⁰ Такое положение, надо думать, вполне устраивало галичан, опасное для них звенигородское княжение было ликвидировано, а недавний звенигородский князь стал восприниматься как галицкий.

⁸¹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 24; Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 243; Фенел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200 – 1304. М., 1989. С. 68.

⁸² ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 108.

⁸³ Там же. Т. VII. С. 116-117; М., 2000. Т. X. С. 37; СПб., 1910. Т. XXIII. С. 61-62.

⁸⁴ Там же. Т. X. С. 37.

⁸⁵ Там же. Т. XXV. С. 108; Т. VII. С. 117; Т. X. С. 37.

⁸⁶ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 183.

томъ»⁸⁷. Отсюда можно заключить, что правление Игоревичей не вызвало в городе опасений насчет потери Галичиной своего суверенитета.

И вновь правление Игоревичей было прервано вмешательством извне. На Галич неожиданно напал палатин венгерского короля Бенедикт (осень 1210 г.). Появление венгерского отряда было столь внезапным, что галичане и их князь оказались застигнутыми врасплох. По сообщению летописи: «Андреи же король, оуведивъ безаконье Галичкое и мятежь, и посла Бенедикта со воими, и я (Бенедикт. – А. М.) Романа, в бани мыюшася, и посла и во Оугры»⁸⁸.

На несколько месяцев в Галиче установился венгерский режим. Палатин Бенедикт вел себя как настоящий завоеватель, «бе бо томитель бояромъ и гражаномъ, и блоудъ творя, и оскверняхоу жены же, и черници, и попадьи»⁸⁹. Галичане не стали мириться с таким угнетением, вновь проявив свою сплоченность и силу. «Приведоша же Галичане, – говорит летопись, – Мьстислава на Бенедикта»⁹⁰. Это был княживший поблизости, в Пересопнице, Мстислав Ярославич Немой, не сумевший, однако, оправдать возлагавшихся на него надежд («не оупевшую емоу ничто же»).

Нерасторопного князя галичане подвергают издевательским насмешкам: боярин Илья Щепанович, «возведъ и (Мстислава. – А. М.) на Галициноу могилу, ослабився, рече емоу: “Княже! Оуже еси на Галицине могыле поседель, таки и в Галиче княжилъ еси!” Смеяхоу бо ся емоу...»⁹¹. Галичина могила, как полагают исследователи, сохраняла символическое значение как «место интронизации первых галицких князей еще задолго до Владимирка»; когда же «этот обычай был изжит или, возможно, запрещен церковью, могила оставалась историческим местом»⁹². Вот почему «сидение» на могиле в словах боярина соотносится с вокняжением в городе, но не в прямом значении, а с ярко выраженным ироническим оттенком.

Еще через некоторое время галичане отправляют посольство в Путивль, вновь призывая к себе Игоревичей (первая половина 1211 г.). Обращаясь к старшему из них Владимиру, галицкие послы говорят:

⁸⁷ ПСРЛ. Т. VII. С. 117.

⁸⁸ Там же. Т. II. Стб. 721-722.

⁸⁹ Там же. Стб. 722.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Пастернак Я. Старий Галич. Краків: Львів, 1944. С. 51-52.

«Избави ны [от] томителя сего Бенедикта»⁹³. Два других Игоревича – Роман и Святослав – к тому времени также находились на Северщине: первый бежал из венгерского плена⁹⁴, а второй, надо думать, освобожден был из польского. Перед ратью Игоревичей, поддержанной галичанами, «томитель» не устоял и бежал в Венгрию, а к королю из Галича опять был направлен посланец с богатыми дарами⁹⁵.

* * *

Трудно сказать, какими были условия возвращения в Галичину северских князей. Ясно, однако, что для галичан обращение к ним было вынужденной мерой, вызванной тяжелым внутренним кризисом, и могло сопровождаться какими-то уступками со стороны общины. Об этом судим по следующим деталям. Галичане обращаются только к старшему Игоревичу, Владимиру и его одного зовут на княжение; Игоревичи же прибывают в Галичину всей своей семьей, приведя с собой множество «пришельцев», своих «служителей» и «приятелей»⁹⁶ и, самое главное, опять делят волость на части, учредив, помимо галицкого, еще три стола: в Звенигороде садится Роман, в Перемышле – Святослав, а в Теробовле – Изяслав – сын старшего из братьев Владимира, севшего в Галиче⁹⁷.

Мы видим разительные перемены во взаимоотношениях Игоревичей и галичан. Только что обосновавшись на своих новых столах, князья подвергают жителей Галицкой земли жестоким репрессиям, еще более массовым и кровавым, нежели свергнутый «томитель» Бенедикт. Возможно, это была месть северских князей галичанам и их предводителям – «великим боярам», сведение каких-то старых счетов, ведь, направляя послов в Путивль, галичане каются перед Игоревичами, говоря: «Сгрешихомъ к вамъ»⁹⁸; и, видимо, памятуя об этих «грехах», не сразу обращаются к ним, а сперва просят помощи у нерадивого Мстислава Немого⁹⁹.

О терроре, развязанном Игоревичами, летописи говорят весьма

⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 722-723.

⁹⁴ Там же. Стб. 723.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. Стб. 724; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 185-186.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 723. – С Владимиром Игоревичем прибыл еще один его сын, Всеволод.

⁹⁸ Там же. Стб. 722.

⁹⁹ Там же.

кратко и, кроме того, содержат противоречивые сведения. По данным нашего основного источника Ипатьевской (Галицко-Волынской) летописи, прогнав иноземцев, князя «свьеть же створиша... на бояре Галичкыи, да избьють и, [и] по прилоучаю избьени быша. И оубьень же бысть Юрьи Витановичь, Илия Щепановичь, инии велиции бояре, оубьено же бысть ихъ числомъ 500, а инии разбегошася»¹⁰⁰. В Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи фраза «числомъ 500» опущена¹⁰¹.

Этот короткий рассказ может быть дополнен сведениями В. Н. Татищева: «Галицкие князи Роман и Владимир, непорядочно живучи, многих жен честных и девиц насилывали и ругались, многих знатных обвиня, дома их разграбили и невинно неколиких знатных казнили... И хотя многие дерзали их увесчевать, но они не токмо презирали и на оных гневались, а советом ласкателей их последовали, дондеже народ весь, не могши более терпеть, разсвирипев, совокупся. Хотели их изгнать, но бояся сродников их, черниговских князей, покушалнсь зелием тайно уморить. Обаче не могли того учинить, понеже служители княжие и приятели, ведая на князей великую ненависть, крепко того наблюдали и некоторых, неопасно дерзнувших, облича казнили»¹⁰². Татищевские известия подтверждаются летописью, – обращаясь к жителям Перемышля, боярин Володислав Кормильчич говорит: «Не сии ли (Игоревичи. – А. М.) избиша отци ваши и братью вашу? А иinei имение ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша. А отчествии вашими владеша инии пришельци»¹⁰³.

Свидетельства источников о репрессиях, чинимых Игоревичами в Галичине, породили у историков немало вопросов, два из которых являются ключевыми для понимания сути случившегося. Во-первых, какую цель преследовали своими действиями Игоревичи, и, во-вторых, каков был реальный масштаб устроенных ими гонений.

Большинство исследователей традиционно рассматривают расправу князей с боярами исключительно как меру борьбы с «боярской оппозицией», посягающей на прерогативы княжеской власти, как решительную попытку последней разом покончить со всеми своими политическими противниками¹⁰⁴. Возмездие, постигшее в скором времени

¹⁰⁰ Там же. Стб. 723-724.

¹⁰¹ Там же. Прим. 33.

¹⁰² Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 185-186.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

¹⁰⁴ Грушевський М. С. Історія України – Русь. Т. III. С. 26; Кордуба М. Суспільні верстви і політичні партії... С. 17. – Согласно мнению М. Кор-

Игоревичей, приводит таких историков в недоумение: если, мол, даже после огромных потерь бояре по-прежнему оставались подлинными хозяевами Галицкой земли, то сколько же их было всего?¹⁰⁵

На наш взгляд, гораздо ближе к истине был Н. М. Карамзин, тонко уловивший подлинный смысл антибоярского террора Игоревичей. «Желая утвердиться на шатком троне Галицком, — пишет ученый, — обвиняя прежнюю слабость свою в излишнем самовольстве тамошних Вельмож, и приписывая блестящее государствование Романа Мстиславича одной его строгости, Игоревичи вздумали казнию *первостепенных Бояр обуздать народ* (выделено нами. — А. М.), и погубили себя невозвратно: без явной, особенной вины, без улики, без суда, исполнители Княжеской воли хватали знатнейших людей, убивали, и произвели всеобщий ужас»¹⁰⁶.

Действительно, Игоревичи употребили для укрепления своей власти в Галичине те же средства, что и Роман¹⁰⁷, который, разумеется, не стремился уничтожить всех галицких бояр¹⁰⁸, ибо не имел перед собой такой цели. Целью Романа, как и впоследствии Игоревичей, было подчинить своей власти общину, «обуздать народ», как говорит Н. М. Карамзин. Для этого достаточно было подвергнуть публичной расправе, имевшей символически-разоблачительный смысл, тех бояр, которые считались вдохновителями и руководителями (реальными или потенциальными) сопротивления общины установившемуся режиму.

Данные татишевского свода подтверждают сделанные наблюдения. Разграбления и казни «многих знатных» не оставили безучастными простых галичан, «весь народ», затронув, таким образом, интересы всей общины. Горожане, «не могли более терпеть, разсвирипев, совокупясь», хотели сначала изгнать тиранов, а затем «покушались зелием тайно уморить». Это общее сопротивление не позволило Игоревичам до конца реализовать свой план, успешно осуществленный несколько лет назад Романом. Возможно, северские князья допустили какой-то серьезный просчет, например, позволив бежать из земли наиболее

дубы, Игоревичи намеревались «вырезать все галицкое боярство», стремясь тем самым «к насильственной смене внутреннего устройства».

¹⁰⁵ См.: Пашии С. С. Червонорусские акты XIV – XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича. Тюмень, 1996, С. 25.

¹⁰⁶ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II-III. С. 427.

¹⁰⁷ См. с. 340-341 настоящей работы.

¹⁰⁸ Масштаб репрессий при Романе Мстиславиче, судя по дошедшим до нас известиям, не был столь значительным, как при Игоревичах.

видным боярам, или же галицкая община, наученная горьким опытом, уже не так легко могла покориться насилию. Дело закончилось новым вмешательством извне, организованным спасшимися боярами Володиславом, Судиславом и Филиппом, имевшими личные связи при дворе венгерского короля¹⁰⁹ и поддержанными волынскими князьями¹¹⁰.

Спорным остается вопрос о реальной численности казненных Иго-ревичами бояр. Сообщаемая летописью цифра (500) вызывает неоднозначное отношение исследователей. Одни совсем отвергают эту цифру как позднейшую приписку к первоначальному тексту¹¹¹. Однако такая версия встретила аргументированный отпор М. С. Грушевского, доказывающего аутентичность данного известия: «Слова *инии* ... числом 500 принадлежат, бесспорно, первоначальному тексту; причиной того, что их не достает в позднейших кодексах, был пропуск: в тексте стояло два раза “*инии*”, и взгляд писца перескочил с первого на второе, таким образом слова, что стояли между этими двумя “*инии*”, выпали, — случай весьма обыкновенный»¹¹². Сам М. С. Грушевский полагал, что, хотя цифру 500 и нельзя считать достоверной (ввиду подозрительно круглого счета), но «во всяком случае число убитых должно быть очень значительным»¹¹³.

Высказывались и другие мнения: например, что число убитых летописью завышено на порядок и едва ли в действительности превышало несколько десятков¹¹⁴. Против подобной интерпретации в свое время решительно возражал М. Кордуба: «... мы не находим здесь никакого преувеличения, так как здесь идет речь о числе лиц, а не семей, а... отдельные боярские семьи были довольно многочисленными. Одна Галицко-Волынская летопись приводит более 70 разных боярских имен, более-менее в одно время, и то лишь наиболее значительных, которые играли выдающуюся роль в политических отношениях княжества. Несомненно, кроме них еще было большое число мелких, менее богатых бояр... Во всяком случае их число в первых десятилетиях XIII

¹⁰⁹ Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 244.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 724-726.

¹¹¹ Костомаров Н. И. Черты... С. 97; Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и зарубежным источникам. Киев, 1873. С. 26.

¹¹² Грушевський М. С. Примітки до тексту Галицко-волинської літописи // ЗНТШ. Львів, 1895. Т. VIII. С. 2.

¹¹³ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 26.

¹¹⁴ Пашин С. С. Червонорусские акты... С. 25. – См. также: Костомаров Н. И. Черты... С. 97; Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 26.

стол. доходило до двух тысяч»¹¹⁵. Видимо, в силу такого рода расчетов в дальнейшем оценки историков изменились. Так, В. Т. Пашуто полагал, что Игоревичами было истреблено «около пятисот одних “великих бояр”»¹¹⁶.

Нам представляется, что цифра 500 в данном известии вполне достоверна, но она имеет не прямое, а символическое значение. Ближайшей смысловой параллелью здесь могут стать новгородские события 1015 г., известные как расправа князя Ярослава с восставшими против его варяжской дружины горожанами. По рассказу Повести временных лет, князь «послав к новгородцем, рече: “Уже мне сих не крести”. И позва к собе нарочитые мужи, иже бяху иссекли варягы, и, обльстив я, исече»¹¹⁷. Новгородская Первая летопись говорит, что Ярославом были истреблены «вои славны тысяща»¹¹⁸.

Исследователи полагают, что «нарочитые мужи» Повести временных лет есть своеобразный перевод выражения «вои славны тысяща» Новгородской Первой летописи¹¹⁹. Оба эти выражения в данном случае тождественны по смыслу, так как указывают на один и тот же предмет. При этом речи не идет о количестве погибших «славных воев» или «нарочитых мужей», измеряемом тысячей человек¹²⁰. По верному наблюдению Л. В. Черепнина, «Слова Новгородской I летописи “исече” “вои славны тысящу” надо понимать, очевидно, не в том смысле, что погибла тысяча славных воинов, а в том, что подверглись избиению знатные военачальники, возглавлявшие подразделения войсковой “тысячи”»¹²¹, или, как считает И. Я. Фроянов, «наиболее видные, прославленные воины из “тысячи”», не обязательно представители знати¹²².

Так или иначе, гибель этих «славных воинов» воспринимается со-

¹¹⁵ Кордуба М. Суспільні верстви і політичні партії... С. 11.

¹¹⁶ Пашуто В. Т. Очерки... С. 143.

¹¹⁷ ПВЛ. Ч. I. С. 95.

¹¹⁸ НПЛ. С. 174.

¹¹⁹ Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. II. С. 361; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 132.

¹²⁰ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 347; Фроянов И. Я. Мятельный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 154-155.

¹²¹ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... С. 132.

¹²² Фроянов И. Я. Мятельный Новгород. С. 155.

временниками как гибель целой «тысячи», т. е. как общественное бедствие глобального масштаба. Недаром большинство русских летописцев говорят, что Ярослав погубил «1000 воев» или «нарочитых мужей»¹²³, и это свидетельство (если не воспринимать его буквально) по существу не противоречит показаниям древнейшего источника, поскольку речь в нем идет вовсе не о численности погибших (их точное число, по видимому, не имело для современников решающего значения), а о масштабе бедствия, постигшего новгородцев, столь значительного по причине того, что погибли предводители местного ополчения, «тысячи», а по сути дела – лидеры местной общины.

Нам представляется, что в Галиче начала XIII в. имел место аналогичный случай, а сообщаемая летописью цифра погибших бояр – 500, – несомненно, имеет прямое отношение к тысячной организации, существовавшей на Руси, в том числе и в Галицкой земле, в течение всего домонгольского периода¹²⁴. Реальное содержание рассматриваемого известия, на наш взгляд, состоит в том, что, во-первых, казненных и ограбленных бояр действительно было достаточно много¹²⁵, и, во-вторых, расправой с боярами был нанесен тяжелый удар всей общине; гибель бояр, таким образом, была не частным, локальным событием, а масштабным, общественным потрясением. Вот почему галичане, «весь народ», столь живо откликнулись на случившееся, «не могли терпеть» насилия и, «совокупяся», пытались изгнать тиранов или отравить.

* * *

Последним актом драматической истории пребывания Игоревичей на Галичине стала их казнь, состоявшаяся в сентябре 1211 г., после того, как в Галич вошли приведенные боярами венгерские войска. Казнь

¹²³ ПСРЛ. Т. IV. С. 106; Т. IX. С. 74; Т. XXV. С. 372; Т. XXVI. С. 32; Т. XXXIII. С. 33; Т. XXXVII. С. 65.

¹²⁴ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 207-211; 2) К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г. Л. Курбатова. Л., 1991. С. 90. – См. также: Майоров А. В. Тысяцкий и городская община Древней Руси в XI – начале XIII в. (по материалам Новгорода и других регионов) // Петербургские чтения – 97. Петербург и Россия. Мат-лы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003» / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб., 1997.

¹²⁵ На это указывают слова Володислава Кормильчича к перемышлянам: «Не сии ли (Игоревичи. – А. М.) избыща огни ваши и братью вашию, а ижеи имение ваше разграбиша...» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 724). Таким образом, репрессии коснулись не только галичан, но и жителей галицких «пригородов», всей Галицкой земли.

князей – событие, безусловно, неординарное, характеризующее накал политических страстей в тот период. Оценка случившегося исследователями остается неоднозначной, споры вызывают и некоторые важные обстоятельства этого дела. Такое положение во многом обусловлено состоянием источников, дающих далеко неполную и противоречивую картину происходящего. Сообщение о казни Игоревичей дошло до нас в составе примерно полутора десятков летописей XV – XVII вв., в «Хронике» Ф. Софоновича и «Истории» В. Н. Татищева, содержащих различные данные, в частности, о количестве и именах казненных¹²⁶.

Ипатьевская летопись сообщает: «Ятым же бывшим княземъ Романоу, Святославоу, Ростиславоу, Оугромъ же хотящемъ е вести королеви. Галичаномъ же молящимся имъ, да быша и повесили мсти ради. Оубежени же бывши Оугре великими даръми, предани быша на повешение месяца сентября»¹²⁷. Воскресенская летопись прибавляет к этому рассказу, изложенному вкратце, несколько любопытных деталей: «Галичане приведоша къ собе Угры отай чрезь горы, и изымаша князи своя Игоревичи 3, Романа съ братама, и, бивше ихъ, повесиша ихъ»¹²⁸.

Более подробно эта версия представлена в татищевском своде: в основных пунктах она полностью соответствует сообщению Воскресенской летописи (за исключением числа казненных князей) и не противоречит показаниям нашего главного источника – Галицко-Волынской летописи. «И послали галичане, – говорится у В. Н. Татищева, – в Венгры к королю тайно просить, чтоб сам пришел и, обиды им тяжкие разсмотря, определение учинил... Венгры пришли немедленно близ Галича так тайно, что князи о том нимало не ведали. Галичане, совокупясь, тотчас князей поимали, били и ругали их с женами и детьми, и потом Романа и Володимира повесили пред градом, служителей же их и лестцев галичане всех побили, а иных, ограбя, отпустили. И взяв от имени их более 1000 гривен серебра, дали венграм, и к королю послали с благодарением»¹²⁹.

¹²⁶ См.: Гушиц О. Вступ чернігівських Ольговичів у боротьбу за галицько-волинську спадщину: трагедія Игоревичів // ГВД. Львів, 1993. – Исследователь выделяет пять групп известных, восходящих к источникам XIII – XIV вв. и приходит к выводу, что «вероятнее всего в сентябре 1211 г. в Галиче были казнены два Игоревича – Роман и Святослав; Владимир успел спастись; Ростислав, который ошибочно был упомянут один раз, не существовал».

¹²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 727.

¹²⁸ Там же. Т. VII. С. 117.

¹²⁹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 186.

Совершенно иную картину представляет сообщение Новгородской Первой летописи, имеющее косвенное отношение к галицким событиям, но раскрывающее такие их обстоятельства, о которых умалчивают другие источники. Согласно новгородскому летописцу, киевский князь Всеволод Святославич Чермный «изъгони... внуку Ростиславле из Руси, тако рекъ: “братью мою есте два князя повесиле вы в Галице, яко злодея, и положили есте укорь на всех; и нету вамъ части в Руской земли”»¹³⁰. Это известие практически дословно повторяется в ряде позднейших источников¹³¹.

Начнем с того, что большинство исследователей оценивают казнь Игоревичей галичанами как совершенно беспрецедентный, «неслыханный», «необычный» и проч. факт в истории Древней Руси¹³². Вряд ли можно согласиться со столь категоричными суждениями. В этой связи стоит обратить внимание на отношение галичан к Игоревичам, сложившееся в результате их правления. Под стенами Перемышля боярин Володислав обращается к горожанам: «Не сии ли (Игоревичи. — А. М.) избиша отци ваши и братью вашу, а инеи имение ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша, а отчъствии вашими владеша нини пришельци»¹³³. Северские князья и их дружинники называются боярином «пришельцами», чинящими «зло» общине¹³⁴, и такая оценка встречает полную поддержку перемышлян и галичан. Схожую характеристику правления Игоревичей дает татищевский свод: князья «в управлении, суде и распорядке не прилежали», полагаясь во всем на своих «служителей»; после казни нерадивых князей «служителей их всех побили, а иных ограбя отпустили»¹³⁵. Таким образом, в Галицкой земле относились к Игоревичам как к «чужим» князьям, «пришельцам», чье правление стало тяжелым испытанием для общины, принеся ей большой вред¹³⁶.

¹³⁰ НПЛ. С. 53, 251.

¹³¹ См.: ПСРЛ. Т. X. С. 66-67; СПб., 1843. Т. II. С. 333; М., 2000. Т. XV. С. 313; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 189.

¹³² Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. III. С. 28; Пашуто В. Т. Очерки... С. 199; Софропенко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI — XIII вв. М., 1955. С. 97.

¹³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

¹³⁴ Тем самым они как бы уподобляются венгерским правителям, захватившим Галич — королевичу Андрею и палатину Бецедикту.

¹³⁵ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 185-186.

¹³⁶ Такого рода коллизии имели место на Руси и раньше, во второй половине XII в., например, во Владимире-Суздальском. — См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 665 и след.

С этой точки зрения поступок галичан для Руси не новость. Аналогичным образом ведут себя владимирцы (община Владимира-Суздальского) в отношении рязанского князя Глеба Ростиславича, его сына Романа и шурина, ростовского князя Мстислава Ростиславича¹³⁷. Новый владимирский князь Всеволод Юрьевич в марте 1177 г. разбил и пленил ростовского и рязанского князей вместе «с дружиной», «всеми вельможами» и «думцами»¹³⁸. Этому предшествовала длительная борьба городских общин Владимира и Ростова за политическое лидерство¹³⁹, в которой первоначально успех сопутствовал ростовцам, и они презрительно называли владимирцев «своими холопами каменщиками»¹⁴⁰. Одержав победу, владимирцы потребовали от своего князя Всеволода казнить или ослепить «врагов своих»¹⁴¹. Всеволод, хотя и не без колебаний, вынужден был удовлетворить это требование: князь Глеб умер в «порубе», а Роман и Мстислав были ослеплены¹⁴².

Уместно будет вспомнить здесь и об убийстве киевлянами своего бывшего князя Игоря Ольговича, годом ранее свергнутого с киевского стола¹⁴³. Когда же за Ольговича попытался вступить находившийся в Киеве Владимир Мстиславич, горожане «яша Володимира и хотеша убити его про Игоря»; только случай спас этого князя: киевляне увидели, что Игорь, воспользовавшись общим замешательством, пустился бежать, бросились за ним, оставив Владимира¹⁴⁴. Еще более близкой аналогией может считаться случай в самом Галиче. По сообщению летописи галичане, лишив стола Владимира Ярославича, собирались его убить, но «не посмели» и в итоге ограничились только изгнанием¹⁴⁵. Показательно, что точно так же, как Игоревичи, Владимир Ярославич вызвал против себя гнев галичан непотребным поведением и нерадением в государственных делах¹⁴⁶.

Данные источников позволяют сомневаться в справедливости дру-

¹³⁷ На связь этих событий, схожих в социально-политическом отношении, обратила внимание Т. В. Беликова (Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дис. Л., 1990. С. 73).

¹³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 385; Т. II. Стб. 605.

¹³⁹ См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 660-672.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 374; Т. II. Стб. 598.

¹⁴¹ Там же. Т. I. Стб. 385-386; Т. II. Стб. 605-606.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же. Т. I. Стб. 317; Т. II. Стб. 349.

¹⁴⁴ Там же. Т. II. Стб. 352; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 176.

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 660.

¹⁴⁶ Там же. Стб. 659-660.

гого весьма распространенного утверждения историков, что расправа с Игоревичами была делом рук исключительно галицких бояр¹⁴⁷. Как явствует из сообщения Новгородской Первой летописи, которому исследователи справедливо отдают приоритет перед известием тенденциозной и сбивчивой Галицко-Волынской летописи¹⁴⁸, к убийству Игоревичей были непосредственно причастны княжившие тогда в Галиче «внуки Ростиславле»¹⁴⁹, с кем впоследствии расквитался родственник погибших киевский князь Всеволод Чермный¹⁵⁰.

Галицко-Волынская летопись молчит об этом. Но в ее рассказе, которым оперируют упомянутые выше историки, ничего не сказано и о боярах. В источнике сказано, что с просьбой о выдаче плененных Игоревичей к венграм обращаются «галичане», они же добиваются своего «великими дарами», т. е. уплачивают венграм большой выкуп и тем «убеждают» их выдать своих обидчиков¹⁵¹. Речь здесь идет именно о выкупе, который платит вся община, поскольку термин «галичане», как известно, имеет в виду всю нерасчлененную в социальном отношении совокупность свободных общинников – и бояр, и простых людей¹⁵². Кроме того, как показывают наблюдения Т. В. Беликовой, выкуп князя в подобных случаях был под силу только всей общине¹⁵³.

Характеру летописных известий полностью соответствуют данные татищевские свода, где «галичане» сами обратились за помощью к венгерскому королю, и, как только его войска подошли к городу, в нем началось общее движение: «галичане, совокупясь, тотчас князей поимали», «били и ругали их с женами и детьми», и затем «повесили пред градом». Эти же «галичане» заплатили королю за помощь из средств, конфискованных у Игоревичей, «взяв от имения их более 1000 гривен серебра». Н. И. Костомаров с полным основанием, на наш

¹⁴⁷ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 28; Пресняков А. Е. Лекції по руській історії. Т. II. Вып. I. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1938. С. 33; Пашуто В. Т. Очерки... С. 198; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 89; Гушин О. Вступ чернігівських Ольговичів... С. 96.

¹⁴⁸ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. Прим. 4.

¹⁴⁹ Речь идет о ком-то из сыновей и племянников Рюрика Ростиславича, княживших в киевских «пригородах» и изгнанных оттуда Всеволодом. – См.: Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст. Київ, 1991. С. 274.

¹⁵⁰ НПЛ. С. 53, 251.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 727.

¹⁵² См. с. 256-257, 261, 269 настоящей работы.

¹⁵³ Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 75.

взгляд, мог говорить, что преступных князей «осудили народным судом» и казнили по приговору этого суда¹⁵⁴, что в Червонной Руси «род князей не считался уже выше обыкновенных родов, и жизнь их подлежала общему суду народному»¹⁵⁵.

Возвращаясь к аналогии с событиями 1177 г. во Владимире-Суздальском, мы должны отметить, что в обоих случаях перед нами не «боярский заговор» и «мятеж», который можно было бы отнести на счет разгулявшейся «боярской анархии»; наоборот, перед нами организованное выступление общины против «чужих», враждебных ей князей и всех тех, кого горожане числили «своими врагами». В обоих случаях наказание осуществляется под руководством князей, находящихся в тот момент у власти. Инициаторами же расправы выступают бояре, увлекающие за собой простых горожан. Во владимирских событиях роль боярства особо отмечается летописцем: «... бысть мятеж велик в граде Володимири, всташа бояре и купци...» [...] «... всташа опять людьє вси и бояре, и придоша на князь двор многое множество с оружием...»¹⁵⁶. Видная роль галицких бояр в судьбе Игоревичей не вызывает сомнений у историков, в большинстве склонных ее абсолютизировать. В нашем понимании эта роль вряд ли шла дальше роли владимирских бояр, действовавших в аналогичных обстоятельствах.

* * *

По сообщению ряда источников, галичане, прежде чем предать князей смерти, «бывше их»¹⁵⁷, или «били и ругали их с женами и детьми» и «повесили пред градом»¹⁵⁸. Повешению, как видим, предшествовали еще какие-то действия, превосходящие идею казни в обычном ее понимании и сообщающие происходящему совершенно иной смысл. Эти действия чрезвычайно напоминают летописное описание убийства киевлянами свергнутого Игоря Ольговича в 1147 г., а также некоторые другие подобные описания, несущие на себе зримую печать архаического ритуала.

¹⁵⁴ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Первый отдел // Костомаров Н. И. Русь крещеная. М.; Смоленск, 1996. С. 112.

¹⁵⁵ Костомаров Н. И. Черты... С. 97. – Подобные оценки были распространены среди русских историков демократического направления второй половины XIX в., см., напр.: Худяков И. А. Древняя Русь. СПб., 1867. С. 18, 25.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 385-386; Т. II. Стб. 605-606.

¹⁵⁷ Там же. Т. VII. С. 117.

¹⁵⁸ Та т и щ е в В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 186.

Подробности убийства киевлянами князя Игоря переданы несколькими источниками, иногда дополняющими друг друга, но нередко содержащими противоречивые сведения. Общая картина представляется следующей. По решению веча киевляне ворвались в монастырь святого Федора, в котором содержался Игорь, и «оустръмишася на нь, яко зверье сверъпни», сорвали с князя монашеские одежды, яростно крича: «Побенте! Побенте! Побенте!». Свою несчастную жертву «людь» подвергли жестоким побоям и надругательствам («ругающесе царьскому и свяшеному телоу»), привязав за ноги веревкой, поволокли через весь город на княжий двор и там «прикончаша» его¹⁵⁹.

Можно вспомнить также историю расправы с Авраамием Смоленским, о которой повествуется в его житии. «Блаженного» Авраамия «яко злодея влачяху, овии ругахуся ему, инии же насмихахуся ему и бесчинная словеса кыдающе, и весь град – и по торгу и по улицам – везде полна народа, и мужи же, глаголю, и жены и дети, и бе позор тяжек видети»¹⁶⁰. Комментируя данное известие, И. Я. Фроянов отмечает: «Перед нами разворачивается настоящее действие, исполненное особого смысла, определяющего высокую степень общественной значимости вины, вменяемой Авраамию. Несчастливого не ведут, а волокут по улицам и торгу, осыпая проклятиями, угрозами и бранью. Возможно, следование по “всему граду и торжищу” осуществлялось в известном порядке, предусмотренном древним обычаем, сохранившимся от языческих времен. Во всяком случае, сцена с хождением и волочением Авраамия живо напоминает то, что мы наблюдали в Киеве середины XII в., когда кияне подвергли аналогичной процедуре князя Игоря Ольговича»¹⁶¹.

Расправу с Игоревичами летописец называет мезтью галичан: «повесили мьсти ради»¹⁶². Это была кровная месть, допускавшаяся, как известно, Русской Правдой¹⁶³. Однако, в отличие от казусов, трактуемых древнерусским судебником, в нашем случае мы имеем дело с публично-правовой акцией. Известно, что практика такого рода также имела место в Древней Руси. Судить о ней можно из сообщений нарративных источников. В случаях, когда кровная месть выходила за рамки

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 450-453. – См. также: ПСРЛ. Т. I. Стб. 317-318; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. С. 176.

¹⁶⁰ Розанов С. П. Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912. С. 10.

¹⁶¹ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 502-503.

¹⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 727.

¹⁶³ ПР. М.; Л., 1940. Т. I. С. 70, 104.

частно-правовых отношений и приобретала значение общественно важного мероприятия, она очень часто выражалась именно в форме казни через повешение, точнее говоря, повешение выступало как один из ее элементов.

В Повести временных лет под 1071 годом рассказано, как по приказу воеводы Яна Вышатича жители Ростовской земли отомстили волхвам, убивавшим во время голода «лучших жен», уличаемых ими в колдовских чарах: ростовцы «поимше» волхвов, «убиша я и повесиша я на дубе»¹⁶⁴. Под 1097 годом сообщается о мести князей Володаря и Василька Ростиславичей за ослепление последнего: выданных по требованию братьев жителями Владимира-Волынского бояр Василя и Лазаря, главных зачинщиков злодеяния, мстители «заутра, по зори, повесиша» и «растреляша стрелами»¹⁶⁵. У В. Н. Татищева есть сведения о том, как Михаил Юрьевич, утвердившись во Владимире Суздальском, мстит убийцам своего брата Андрея Боголюбского: главных виновников – Анбала и Кучковичей – князь велел, «повеся, расстрелять»¹⁶⁶.

Общей чертой всех рассмотренных случаев предания смерти через повешение, особенно, когда таковое сочетается с расстрелом, является несомненная связь данной процедуры с древними языческими обрядами человеческого жертвоприношения¹⁶⁷. Традиционным сознанием наказание преступника осмысливается не просто как восстанавливающий справедливость акт возмездия, но и как ритуальное действие, посвящаемое всевластным богам, требующим людского поклонения. Общественные бедствия и разного рода неудачи воспринимаются как свидетельство божьего гнева, причиной которого явились чьи-либо преступные деяния, раздражающие богов. Именно люди, совершившие такие деяния, должны стать жертвой, могущей умилоствитивить бога и предотвратить новые беды в будущем.

«При различных общественных бедствиях, – пишет А. Н. Афанасьев по поводу подобных стереотипов традиционного мировоззрения славян, – боги казались раздраженными людскими грехами, карающими какое-нибудь нечестие, и только кровь преступника или его детей и родичей могла отклонить их праведный гнев. Таким образом, умилоствительная жертва получила характер казни, следующей за преступ-

¹⁶⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 119.

¹⁶⁵ Там же. С. 177.

¹⁶⁶ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 113.

¹⁶⁷ См.: Майоров А. В. Внутриобщинные отношения и политическая борьба в Юго-Западной Руси в конце XI в. (в свете фольклорно-этнографических параллелей) // ВСПбГУ. Сер. 2. 1997. Вып. 3.

лением»¹⁶⁸. То же самое нужно сказать и о кровной мести, совершения которой требовал древний обычай. Ведь месть в традиционном обществе воспринимается как священный долг, несомненно, связанный с религиозными представлениями, и исполнение его, надо думать, доставляло не просто чувство морального удовлетворения, но также символизировало жертву богам, удовлетворяющую их «раздражение».

Закономерным представляется вывод, к которому приходит И. Я. Фроянов в результате анализа обстоятельств расправы киевлянами с Игорем Ольговичем. Ученый говорит о «ритуальном существе убийства Игоря», выдвигает и обосновывает предположение о том, «что перед нами, собственно, не убийство, а жертвоприношение», вскрывая тем самым «языческую подкладку» рассматриваемого события¹⁶⁹.

Языческими мотивами проникнута не только процедура умерщвления князей-преступников, но и предшествовавшие этому действия – битье и поругание, в котором участвуют все члены общины. Обращает внимание и такая немаловажная деталь: убийство осуществляется вне города, за пределами некоего сакрального пространства. Именно так, на наш взгляд, следует понимать известие, что Игоревичей «повесили пред градом». Эта же идея, хотя и в несколько ином виде (что, на наш взгляд, не меняет существа дела) просматривается в действиях киевлян, расправляющихся с Ольговичем. Убитого на княжем дворе, Игоря везут «на Подолье на торговище и повергоша поруганью»¹⁷⁰. «Что касается собственно перемещения убитого князя из расположенного в черте “старого города” Ярославля двора на Подол, – поясняет рассказ летописи современный исследователь, – то и в нем проглядывает языческий образ действий: отторжение низвергнутого князя от киевских святынь и удаление за пределы общинного сакрального пространства, заключенного в “старом городе” – древнем религиозном средоточии полян»¹⁷¹.

Предсмертное битье и «ругание», несомненно, также несут определенную ритуальную нагрузку, будучи частью единого обрядового комплекса. Исследования этнографов позволяют до известной степени раскрыть их ритуальное предназначение. У различных народов, переживающих архаическую стадию развития, битье (бичевание) выступает

¹⁶⁸ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. II. С. 263.

¹⁶⁹ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 290-296.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 353.

¹⁷¹ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 293.

в качестве одного из обрядов перехода, символизирующих переход из одного общественного состояния в другое или из одной ситуации в другую. Как отмечает А. ван Геннеп, «в некоторых местах... бичевание или удары служат обрядом физического отделения от мира, в котором человек находился прежде. В данном случае ударять равносильно понятиям “отрезать” или “разбить, оторвать, отбить”»¹⁷².

Изучение славянских древностей позволяет сделать вывод, что подобные представления были свойственны традиционному сознанию славянских народов. Битье у славян встречается в различных обрядах – свадебных, календарных, окказиональных – и выступает как «ритуальное магическое действие, имеющее преимущественно продуцирующую и отгонную функции». Очевидна его связь с переходными, пограничными ситуациями, поэтому чаще всего ритуал совершался в местах, имеющих соответствующее символическое значение – на пороге, в воротах, на брачном ложе и пр.¹⁷³ Этнографические данные указывают и на ритуальное предназначение брани, ругани – действия, которым галичане сопровождают избивение обреченных на смерть князей. Брань в народных представлениях наделяется магической силой и может выражать собой, с одной стороны, вербальное оскорбление, унижение, а с другой – содержать пожелание зла, проклятие¹⁷⁴.

Таким образом, битье и ругань, которым подвергаются Игоревичи перед казнью, должны были символизировать ритуальное разоблачение, своего рода переход осужденных из одного состояния в другое, заключающийся в лишении их княжеского достоинства и связанного с этим религиозно-мифологического ореола. Свое отношение к преступным князьям галичане выражают руганью, очевидно, соответствующими бранными словами, усиливающими магический эффект унижения, и, вероятно, содержащими проклятья. Последние в контексте предстоящей казни приобретают значение предсмертных и должны исполниться в новой, загробной жизни.

¹⁷² Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 158.

¹⁷³ Морозов И. А., Толстой Н. И. Бить // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 177.

¹⁷⁴ Жельвис В. И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985; Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. II. – См. также: Санникова О. В. Брань // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 250.

* * *

В заключение остановимся еще на нескольких важных обстоятельствах, связанных с казнью Игоревичей, позволяющих приблизиться к социально-психологической подоплеке народной расправы с преступными князьями, а также с теми, кто почитался врагом общины. Для этого нам необходимо вновь обратиться к приведенным выше аналогичным случаям, имевшим место в Киеве и Смоленске.

Авраамия, как и Игоря Ольговича, судят всенародным, вечевым судом, что признают многие современные исследователи¹⁷⁵. То был суд общины, и поэтому в расправе принимают участие все «люди», «от мала и до велика», «и жены, и дети». То же самое мы видим и в случае с галицкими Игоревичами: горожане «били и ругали их с женами и детьми». Это еще раз доказывает, что нет никаких оснований суживать социальную базу выступления галичан, приписывать казнь Игоревичей одним лишь боярам. Участие в расправе женщин и детей подчеркивает высокую общественную значимость совершаемой процедуры, вовлечение в нее самых широких общественных сил. Экзекуция подобного рода могла быть санкционирована всенародным решением, принимаемым всей вечевой общиной.

В пользу сказанного свидетельствует еще одна весьма характерная деталь. Галичане подвергают разграблению имущество слуг и прищешников свергнутых князей: «... служителей же их и лестцев галичане всех побили, а иных, ограбя, отпустили», взяв «от имения их более 1000 гривен сребра»¹⁷⁶. Подобная мера обозначала публичное действие, направленное против тех, кто наносил вред общине, кару за содеянное в ущерб обществу. Социальная сущность таких грабежей заключается в типичном для доклассовых обществ перераспределении богатств на коллективных началах, «когда развивающаяся частная собственность еще сосуществует и переплетается с отношениями коллективизма в распределении»¹⁷⁷. Как показывают исследования И. Я. Фроянова, аналогичная практика была широко распространена в Древней Руси в домонгольский период¹⁷⁸, ее следы можно видеть повсеместно –

¹⁷⁵ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 492, 526; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 289, 502.

¹⁷⁶ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 186.

¹⁷⁷ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974. С. 266.

¹⁷⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 137-145.

в Киеве, Новгороде, Владимире, Смоленске¹⁷⁹.

Осуждение и наказание, которым подвергаются Игоревичи в Галиче и Игорь Ольгович в Киеве, не случайно имеют так много общего. Связь названных событий обусловлена одинаковыми причинами, их вызвавшими. Преступления, вмененные в вину князьям, в обоих случаях тождественны и совпадают не только по своему характеру (причинение тяжкого вреда общине), но и по составу. Игоревичей, как мы знаем, обвиняли в том, что они убивали и грабили свободных граждан, а также насиловали их жен и дочерей¹⁸⁰. Совершенно аналогичные обвинения звучат и в адрес Ольговичей. Когда Игорь, «видя, что его хотят убить, просил, чтобы ему дали священника исповедоваться», киевляне в ответ кричали: «Когда вы с братом Всеволодом жен и дочерей наших брали на постели и дома грабили, тогда попа не спрашивали, и ныне поп не надобен»¹⁸¹.

Как видим, ответственность за беды, причиненные киевлянам старшим Ольговичем, ложилась и на его младшего брата, расплатившегося за них обоих. В этом – еще одно совпадение с галицкими делами, где ответственность за всю братию несут Роман и Святослав, а старшему Игоревичу, Владимиру, на которого (в силу его старшинства), надо думать, возлагалась главная вина, как и его сыновьям, удается избежать наказания, спасшись бегством. Данное обстоятельство довершает картину полного сходства киевских и галицких событий, что дает нам право для их сравнительного анализа и подкрепляет основательность сделанных наблюдений.

Мы можем говорить о существовании в Древней Руси вполне сложившейся традиции народного суда и расправы с неугодными правителями. Казнь Игоревичей в этом смысле не единичное и не случайное событие. Выше уже отмечались примеры подобного отношения воеводской общины к враждебным и неугодным князьям. Это и расправа киевлян с Игорем Ольговичем, и намерение убить вступившего за него Владимира Мстиславича, это также намерение галичан убить князя Владимира Ярославича за его непотребное поведение и нерадение в государственных делах, это, наконец, требование владимирцев к своему князю Всеволоду убить или ослепить «врагов своих» – ростовского и рязанских князей, – требование, не оставшееся без удовлетворения.

¹⁷⁹ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 336, 504, 652-655.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 724; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 185-186.

¹⁸¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. С. 176.

Приведем еще один весьма показательный пример – историю убийства владимирского князя Андрея Боголюбского. Подробности этого события донесли до нас многочисленные летописные свидетельства, восходящие к особому литературному произведению – так называемой «Повести об убиении Андрея Боголюбского»¹⁸². Как установлено современными исследованиями, за спиной заговорщиков, покончивших с князем, стояли более широкие общественные силы, представляющие всю владимирскую общину, недовольную его правлением¹⁸³. Драматический финал в судьбе прославленного князя, по словам И. Я. Фроянова, «есть в конечном счете результат острых противоречий, возникших между владимирской общиной и княжеской властью. Конечно, различные социальные группы владимирского общества и отдельные лица имели собственные причины для недовольства князем. Но было и общее, что касалось всех: военные неудачи, уронившие престиж местной святыни – чудотворной иконы св. Богородицы, произвол и беззаконие княжеской администрации, жестокие преследования политических противников, выдвижение на влиятельные должности иноверцев. Однако главная, пожалуй, вина Андрея, с точки зрения владимирцев, состояла в том, что он не принес им вожделенную свободу от власти старейших городов – Ростова и Суздаля»¹⁸⁴.

Как видим, владимирцы предъявляли своему проштрафившемуся князю почти те же претензии, что и галичане к Игоревичам – тут и жестокие преследования политических противников, и предоставление должностей чуждым общине лицам («пришельцам»). Не меньшее значение имело и допущенное Игоревичами ослабление внутреннего единства Галицкой земли и влияния «старшего города» ввиду учреждения особых княжеских столов сразу во всех главных галицких «пригородах», давно стремящихся к самостоятельности – в Перемышле, Тербовле и Звенигороде. Так же, как в случае с Игоревичами и их «слу-

¹⁸² Этот памятник привлекает повышенное внимание исследователей, многие вопросы его изучения остаются дискуссионными – см.: Воронин Н. Н. «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» и ее автор // ИСССР. 1963. № 3; Насонов А. Н. История русского летописания XI – XVIII вв. М., 1969. С. 144–167; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 79–131.

¹⁸³ Кривошеев Ю. В. 1) Элементы традиционного сознания в социальных противоречиях 1175 г. во Владимирской земле // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Межвуз. сб. К 80-летию проф. В. В. Мавродина / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1987. С. 86; 2) Социальная борьба и проблема генезиса феодальных отношений в Северо-Восточной Руси XI – начала XIII века // ВИ. 1988. № 8. С. 58–59.

¹⁸⁴ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 647–648.

жителями», владимирцы подвергли грабежу имущество князя, а следом «посадниковъ и тиуновъ дома пограбиша, а самехъ, и детские его и мечники, избиша, а домы ихъ пограбиша»¹⁸⁵.

Расправа галичан с Игоревичами в свое время навела Н. И. Костомарова на глубокие раздумья по поводу судеб княжеской власти и удельного уклада вообще: «в Червонной Руси род князей не считался уже выше обыкновенных родов, и жизнь их подлежала общему суду народному..., княжеское достоинство выступило из Рюрикова рода; этим, казалось, удельный уклад начинал новый поворот, и он возникал, прежде всего, в Галиче – там подавали пример; там стали князей казнить смертью, не обращая внимания на их княжеское достоинство...»¹⁸⁶. Данные современной науки заставляют нас внести необходимые поправки в представления маститого ученого.

Этнографам хорошо известен древний обычай, в том или ином виде существующий практически у всех народов мира, согласно которому наделяемый сверхчеловеческими (божественными) качествами правитель при известных обстоятельствах неизбежно предавался смерти. Чаще всего умерщвление правителя происходило по причине его одряхления и физической немощи или по истечении определенного (установленного свыше) срока правления¹⁸⁷. Среди европейских народов такой обычай отмечается, в частности, у древних греков и скандинавов¹⁸⁸. Некогда он существовал и у славян: «Жители древней Пруссии, – пишет Дж. Дж. Фрэзер, – считали своим верховным властителем человека, правившего ими от имени бога и носившего титул “уста бога”. Когда этот властитель заболел и становился дряхлым, для него насыпали холм из веток кустарника и соломы, и владыка, если он дорожил своим добрым именем, взбирался на него и произносил длинную проповедь, в которой призывал народ почитать богов и обещал заступиться перед ними за соплеменников. Затем он поджигал костер головней от вечного огня, горевшего перед священным дубом, и исчезал в языках пламени»¹⁸⁹.

Среди причин насильственного умерщвления властителя было превышение им своих властных полномочий, вызывавшее всеобщую ненависть народа. В таких случаях вступал в силу обычай суда и казни

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 592.

¹⁸⁶ Костомаров Н. И. Черты... С. 97-98.

¹⁸⁷ См.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Гл. XXIV.

¹⁸⁸ Там же. С. 265-267.

¹⁸⁹ Там же. С. 261-262.

правителя¹⁹⁰. Иногда вместо самого правителя на заклятие отправлялся его «заместитель», которым, как правило, становился осужденный на смерть преступник: с обреченного срывали одежды, били плетьюми и затем вешали или сажали на кол¹⁹¹. Умерщвление правителя воспринималось как своего рода мера предосторожности, призванная уберечь людей от тяжелых бедствий и неудач, проистекающих от появления у него малейших признаков слабости и неспособности к правлению¹⁹².

Разумеется, этот обычай – наследие далекого прошлого. Однако, подобно другим нормам язычества, он не мог исчезнуть бесследно. Нам представляется, что корни традиции народного суда и расправы с князьями, существовавшей в древнерусский период, восходят именно к такому затерянному в веках религиозному представлению о природе власти, которое нашло отражение в исследованиях этнографов. Галичане, предавая суду и казни своих нерадивых князей, не придумали ничего нового, ничего такого, что применялось бы впервые и могло быть поставлено в пример жителям остальных русских земель, вызвав тем самым «новый поворот» в судьбах «удельного уклада». Напротив, в случае с галицкими Игоревичами мы видим проявление старой, коренящейся в глубокой архаике, но еще до конца не изжившей себя практики. Казнь Игоревичей была отнюдь не первым, а, скорее, наоборот, последним событием такого рода в истории Древней Руси.

* * *

Итак, всего около пяти лет продолжалось пребывание Игоревичей в Галицкой земле. Галичане трижды приглашали их на княжение, и все три раза оно заканчивалось неудачей. После смерти Романа Мстиславича община оказалась перед выбором нового правителя между несколькими претендентами, каждый из которых опирался на поддержку извне: малолетними Романовичами и родственниками старой галицкой династии Ростиславичей – северскими Игоревичами и княжившим в Переяславле Ярославом Всеволодовичем. Игоревичи получили перевес, главным образом, благодаря поддержке влиятельных бояр Кормилчичей, сумевших убедить сограждан в преимуществе такого выбора. Однако с первых же шагов новые правители повели себя совсем не так, как того хотела галицкая община. Действуя исключительно в своих интересах, Игоревичи учреждают в земле новый княжеский

¹⁹⁰ Там же. С. 261.

¹⁹¹ Там же. С. 268.

¹⁹² Там же. С. 254 и след.

стол – в Звенигороде, одном из главных соперников Галича, стремясь тем самым ослабить последний и укрепить собственное положение, причем сделано это было при помощи силы – союзных войск чернигово-киевской коалиции.

Обосновавшись в Галичине, Игоревичи ведут активную внешнюю политику, опираясь, по-видимому, на помощь союзников. Их наступление было направлено на соседнюю Волынь, где нашли убежище бежавшие из Галича сыновья и вдова Романа. Такая политика встретила полное одобрение галичан, имевших к своим соседям давние счеты, и, несомненно, прибавила популярности Игоревичам. С помощью сторонников из числа владимирских бояр последние добиваются нового успеха, – владимирский стол достается одному из их братьев. Однако, воспользоваться в полной мере плодами этой победы северским князьям было не суждено. Внезапно между братьями началась война, причину которой, как нам кажется, следует искать во взаимоотношениях Галича со своими мятежными «пригородами», а именно – в соперничестве Звенигорода и Галича. Ослаблением Игоревичей воспользовались внешние враги – киевский князь и венгерский король, направивший в Галич своего палатина. Однако галичане, уже свыкшиеся с сыновьями Игоря как со своими князьями, не хотели признавать власти никого другого; в обоих случаях они помогли братьям вернуть утраченные столы.

Перелом произошел после третьего возвращения Игоревичей, ставшего для них последним. Возвращение в Галич северских князей, по всей видимости, было обусловлено какими-то важными политическими уступками со стороны общины, воспринятыми братьями как проявление слабости и ставшими поводом к ужесточению режима правления. Игоревичи приводят с собой множество «пришельцев», делают волость на части, учреждая столы в мятежных галицких «пригородах», и подвергают репрессиям лидеров галицкой общины, казнив, по словам летописи, пятьсот одних только бояр. Последнее известие, как нам представляется, имеет не прямое, а символическое значение. Здесь не идет речи о реальной численности погибших бояр, измеряемой пятьюстами человек. Цифра 500 имеет отношение к существовавшей в Древней Руси тысячной организации, объединявшей все боеспособное население, и свидетельствует, по-видимому, о том, что репрессии, затронувшие, прежде всего, ее руководителей, воспринимались как масштабное общественное потрясение, гибель половины «тысячи».

Подобными действиями северские князья, очевидно, пытались повторить опыт своего знаменитого предшественника Романа Мстисла-

вича, – террор и жестокие казни общественных лидеров должны были сломить своевольных галичан, заставить их полностью покориться новым властителям. Однако, на этот раз гонения и казни бояр привели к совершенно иным последствиям. Горожане не смирились с насилием, и против Игоревичей в Галиче началось массовое движение: тиранов хотели изгнать и даже покушались тайно отравить. Это общее сопротивление не позволило Игоревичам до конца реализовать свой план. Возможно, они допустили роковой просчет, когда позволили бежать из земли наиболее видным боярам (Володиславу, Судиславу и Филиппу), да и сама галицкая община, наученная горьким опытом, уже не так легко могла покориться насилию. Спасшиеся от гонений бояре обратились за помощью к венгерскому королю, и, как только его войска подошли к городу, в нем началось всеобщее движение против ненавистных правителей. Двух из них, попавших в плен, галичане выкупили у венгерского короля, и по приговору вечевого суда преступные князья были публично казнены через повешение.

Расправу с Игоревичами летописец называет мстью галичан. Практика кровной мести хорошо известна по древнерусским источникам. В случаях, когда эта мсть выходила за рамки частно-правовых отношений и приобретала общественно важное значение, она выражалась именно в форме казни через повешение (точнее, повешение выступало одним из ее элементов). Налицо несомненная связь данной процедуры с древними языческими обрядами человеческого жертвоприношения. Как известно, наказание преступника в традиционном обществе означает не просто акт справедливого возмездия, оно выливается в ритуальное действие, посвящаемое всевластным богам, требующим людского поклонения, жизнь преступника должна была умиловать богов, предотвратить их раздражение и гнев. О ритуальном характере расправы свидетельствуют и предшествующие убийству битье и поругание осужденных, в которых участвуют все члены общины. Такие действия должны были символизировать ритуальное разоблачение, своего рода переход из одного состояния в другое, лишение княжеского достоинства и связанного с этим религиозно-мифологического ореола.

4.

Феномен Володислава Кормильчича

Правление боярина в оценке исследователей. – Венгерский король, бояре и галичане в истории вокняжения Володислава. – Высокий общественный статус и личный авторитет Кормильчича. – О некоторых психологических закономерностях традиционного сознания. – Антиномия *свои – чужие*. – Патриотическое чувство, понятия *жизнь и душа*. – Дочери и «рабы» перемышлян в аспекте внутриволостных отношений. – Итоговые замечания.

Еще в большей мере абсолютизируется исследователями роль боярства в истории с вокняжением в Галиче Володислава Кормильчича, и сам этот факт расценивается как одно из главных доказательств политического всеислия и произвола галицких бояр, по словам В. О. Ключевского, сложившихся «в многочисленный и могущественный класс, который успешно соперничал с князем и не раз решительно торжествовал над ним»¹. «Володиславом Самозванцем» называет боярина Д. И. Зубрицкий: будучи всем известен как «отчаянный кознодей», Володислав, «прискакав в столицу с своими соумышленниками, засел на престоле и, чего в Русском мире, исключая Асколда и Дира, никогда не бывало, он, боярин, частный человек, присвоил себе княжеское достоинство»². Эту же мысль проводит Н. И. Костомаров: в Галиче произошло событие, «небывалое на Руси со времени утверждения Рюрика дома: боярин Володислав, не принадлежавший к княжескому роду, назвался князем...»³. Володислав «сам вокняжился в Галиче», – полагает Д. И. Иловайский, – это было «неслыханное на Руси событие»; самозванец держался у власти «с помо-

¹ Ключевский В. О. Боярская Дума в Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М., 1994. С. 68.

² Зубрицкий Д. И. История древнего Галицко-Русского княжества. Львов, 1855. Ч. III. С. 53-54.

³ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Первый отдел // Костомаров Н. И. Русь крещеная. М.; Смоленск, 1996. С. 113.

шью наемных угров и чехов и, конечно, признавал себя вассалом Угорского короля»⁴.

По мнению М. С. Грушевского, Кормилычич принадлежал к числу наиболее радикальных галицких бояр, целью которых являлся такой общественный порядок, когда «власть князя была номинальной, а действительное управление было в руках боярства, а, если можно, – то и вовсе без князя править землей»⁵. Но как оказалось, для столь радикального шага, каким было занятие княжеского стола боярином, «не был подготовлен грунт, и после несчастного конца Владислава княжения (1214) не нашлось охотников следовать данному примеру»⁶. Сквозь призму межпартийной борьбы рассматривает деятельность Володислава М. Кордуба, подобно другим исследователям полагавший, что вокняжение боярина было происшествием, «которое во всей русской истории нигде не повторяется и наглядно свидетельствует о могуществе и силе оппозиционной партии»⁷.

Как «вдохновителя» «боярского самоуправления», «решившего «княжиться» в Галичине», воспринимает Володислава В. Т. Пашуто. «Пример единственного в русской истории княжения боярина, – продолжает историк, – вновь свидетельствует о большой силе галицких бояр. Но скорое падение Володислава одновременно говорит о том, что боярство не могло править самостоятельно; раздираемое внутренними противоречиями, оно не имело прочной социальной базы, так что переоценивать силу его не приходится»⁸. Подобным образом трактует политическую роль Володислава и галицких бояр К. А. Софроненко: «Боярам уже не нужно было прикрываться княжескими именами, оставалось лишь объявить Володислава правителем Галича... Во время войны с польским князем Лешком и пересопницким князем Мстиславом он встал во главе всех боярских полков. В союзе с боярством выступили венгерские феодалы. Но венгерский король и польский князь, трезво анализируя боярские междоусобицы в Галиче, пришли к выводу, что “не есть лепо боярину княжити в Галичи”»⁹.

⁴ Иловайский Д. И. История России. Становление Руси (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. С. 258-259.

⁵ Грушевський М. С. Історія України - Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 481-482.

⁶ Там же. С. 482.

⁷ Кордуба М. Суспільні верстви і політичні партії в Галицькій князівстві до половини XIII стол. // ЗНТШ. Львів, 1899. Т. XXXI-XXXII. С. 18.

⁸ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 199.

⁹ Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волын-

У И. П. Крипякевича находим в целом ту же интерпретацию: «Ослабленные борьбой бояре признали власть малолетнего Даниила..., но на самом деле задумали держать управление в своих руках. В 1213 г. могущественнейший из бояр Володислав Кормильчич «ввехал в Галич, вокняжился и сел на престоле». Это был единственный известный факт, когда боярин провозгласил себя князем – и он вызвал возмущение князей: “Не пристало боярину княжить в Галиче”»¹⁰. Вокняжение Володислава убедило В. К. Гарданова в том, что для бояр «институт кормильства стал основным орудием политической борьбы с великокняжеской властью»¹¹. Как «неслыханное нарушение феодальной иерархии Древней Руси» оценивает вокняжение Володислава Н. Ф. Котляр; этот случай иллюстрирует «великую силу галицкого боярства, с которым не могло сравниться боярство никакой другой русской земли начала XIII ст., за исключением разве что новгородского»¹². «Узурпация боярином престола» и его «самовластное правление» в Галиче стали поводом для нового вмешательства внешних сил. Соседние князья ополчились против Кормильчича; последний, опиравшийся только на иноземных наемников, не имел никакой опоры среди горожан: «галицкие жители не поддерживали его и не выставили, как бывало в таких случаях, ополчения в помощь князю»¹³.

Суммируя высказанные историками суждения, можно свести их к следующему общему позициям:

- 1) вокняжение Володислава – единственный в русской истории пример княжения боярина;
- 2) вокняжение Володислава было делом рук исключительно бояр, «боярским самоуправством»;
- 3) галицкое боярство было настолько политически сильно, что могло с успехом бороться с княжеской властью, добиваться ее полного подчинения своим интересам;
- 4) самовольно вокняжившийся Володислав не только вызвал возмущение соседних князей, но и не пользовался поддержкой галичан, что и предопределило его скорое падение.

* * *

Начнем по порядку. Утверждение, что «вокняжение» Володислава

ской Руси XI – XIII вв. М., 1955. С. 96-97.

¹⁰ Крипякевич И. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 89.

¹¹ Гарданов В. К. «Дядьки» Древней Руси // Изв. 1962. № 71. С. 250.

¹² Котляр М. Ф. Данило Галицький. Київ, 1979. С. 47.

¹³ Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 172.

является единственным в русской истории фактом княжения боярина, не соответствует действительности. Не говоря уже о всей русской истории, заметим, что и в истории Галичины первой половины XIII в. случай с Володиславом не был единственным. Сразу после Батыева нашествия летописец отмечает, как один из бояр, Доброслав Судыч, «поповъ вноукъ», в отсутствие Даниила Романовича, прятавшегося от татар за границей, «вокняжилъся», по-видимому, в Галиче, после чего, «въшедъ во Бакотоу, все Понизье прия безъ княжа повеления»¹⁴. А другой боярин по имени Григорий Васильевич «собе горною страну Перемышльскоую мышляте одержати»¹⁵. Таким образом, налицо не единичный и нелепый случай, а, можно сказать, тенденция политического развития. Трудно понять логику исследователей, которые, подобно В. Т. Пашуто и И. П. Крипякевичу, противореча сами себе, в одних и тех же работах говорят об исключительности поступка Володислава и вместе с тем прямо указывают на аналогичные факты, имевшие место в скором времени¹⁶.

Обратимся теперь к показаниям источников, непосредственно связанным с вокняжением Кормильчича, датируемым началом осени 1213 г.¹⁷ Наиболее подробный, но, к сожалению, не отражающий всей полноты происходящего рассказ об этом содержит Ипатьевская (Галицко-Волынская) летопись: «Король же поусту Володислава, и собра много вои, и иде на Галичь. Ставшѣ же во монастыре Лелесове, невернии же бояре хотеша его оубити, и оубиша же женоу его (Гертруду. – *А. М.*), а шюринь его, патриархъ Авлескый (Бертольд. – *А. М.*) одва оутече, и мнозии Немци избити быша. И потомъ, королеви обратившюся, мнозе (заговорщики. – *А. М.*) избити быша, а друогия разбегошася. Мятежу же бывшю, королеви не могшю въины оучинити за безаконие ихъ. Володиславоу же ехавшю на передъ со всеми Галичаны, Мьстиславъ оубо, оуведавъ королевоу рать великоую, избежа из Гали-

¹⁴ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 789.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Так, у И. П. Крипякевича в одном месте читаем: «Это (вокняжение Володислава. – *А. М.*) был единственный известный факт, когда боярин провозгласил себя князем...» (К р и п ' я к е в и ч И. П. Галицко-Волинське князівство. С. 89), а в другом: «Володислав некоторое время выступал как независимый князь, не признавая власти Даниила. Так же точно "вокняжился" Доброслав, захватив часть Галицкой земли и Понизье... Так же точно добыл себе власть в Перемышльской земле Григорий Васильевич» (там же. С. 51). – См. также: П а ш у т о В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 149, 199.

¹⁷ Г р у ш е в с ь к и й М. С. Хронологія подій Галицко-Волинської літописи // ЗНТШ. Львів, 1901. Т. ХLI. С. 12.

ча. Володислав же воеха в Галичь, и вокняжися, и седе на столе»¹⁸.

В этом рассказе, как видим, летописцем сделан упор на вероломстве венгерских бояр, поднявших мятеж против своего короля, – тема «боярского беззакония» постоянно волновала нашего писателя, чьи политические симпатии были явно на стороне сильной княжеской власти. Увлечшись изложением перипетий «мятежа» в стане венгров, источник слишком мало и поверхностно говорит о деятельности Володислава, не раскрывает мотивы и обстоятельства его поступка. Остается только догадываться, как боярину удалось освободиться из венгерского плена, и что реально стоит за летописным известием о его вокняжении в Галиче.

Подобные вопросы, судя по всему, волновали уже наших средневековых историков – позднейших летописцев, осмысливавших сообщения первоисточников. Как интерпретация первоначального текста воспринимается исследователями рассказ о вокняжении Володислава Густынской летописи¹⁹. В позднейшем памятнике, являющемся компиляцией XVII в.²⁰, переосмысливается известие Галицко-Волынской летописи с целью придать ему недостающую ясность, найти логическую последовательность в описываемых событиях: «Андрей поиде со Данилом ко Галичу... Сущю же королю на пути, возста некто Володыслав, боярин Галицкий, и со Галичаны хотя убить короля. Король вернулся, а Владыслав, боярин, ввійде в Галич и начать сам княжити»²¹.

К сообщению Густынской летописи нельзя, разумеется, относиться

¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 729. – Обращает внимание хорошее знание летописцем венгерских событий. Исследовавший «венгерские» известия Галицко-Волынской летописи В. П. Шушарин приходит к выводу о несомненном общении «информаторов летописца или его самого с представителями венгерского общества» (Шушарин В. П. «Венгерские» известия Галицко-Волынской летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Папуто. Москва, 19-20 апр. 1990 г. Тез. докл. / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1990. С. 145).

¹⁹ Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дис. Л., 1990. С. 81-82, прим. 43.

²⁰ Ершов А. Коли й хто написав Густинський літопис? // ЗНТШ. Львів, 1930. Т. С. Ч. 2; Рубинштейн Н. Л. Историческое знание феодальной Руси (XI – XVII вв.). М., 1945; Марченко М. У. Українська історіографія (з даних часів до середини XIX стол.). Київ, 1959; Ковальський Н. П., Мыцык Ю. А. Українські літописи // ВИ. 1985. № 10; Толочко О. Де було написано Густинський літопис? // Історія, історіографія, джерелознавство. Історичний збірник. Київ, 1996; Муравьева Л. Л. О русском северо-восточном источнике Густынской летописи // Культура славян и Русь. [К 90-летию акад. Б. А. Рыбакова]. М., 1998.

²¹ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II. С. 332.

с полным доверием. Явно противоречит действительности сообщение о том, что походу Андрея на Галич воспрепятствовал Володислав, поднявший на восстание галичан. На самом деле мятеж произошел непосредственно в стане венгров: правоту Галицко-Волынской летописи здесь подтверждают данные венгерских источников, согласно которым во время похода король получил известие о мятеже придворной знати и о гибели своей супруги Гертруды, которой, уходя, он оставил власть²². Но и показания Густынской летописи опрометчиво было бы считать лишь пустой выдумкой. Почву для подобного истолкования событий создает древняя летопись, где Володислав самостоятельно «вошел в Галич» и «сел» на княжеском столе, тогда как других своих ставленников, и, прежде всего, Даниила, король «сажал» в Галиче²³.

Внимательный анализ источников убеждает исследователей, что Володислав Кормильчич получил свободу и возможность княжить в Галиче неспроста. Дело не обошлось без участия политического интереса венгерского короля, проводником которого должен был стать популярный в Галиче боярин. Еще Н. М. Карамзин предположил наличие тайного сговора Володислава и короля Андрея, когда первый сумел убедить последнего, «что отрок Даниил, сын отца ненавистного народу, не в состоянии мирно управлять Княжением, или, возмужав, не захочет быть данником Венгрии; что Андрей поступит весьма благоразумно, ежели даст Наместника Галичине, не природного Князя и не иноплеменника, но достойнейшего из тамошних Бояр, обязав его в верности клятвою и еще важнейшими узами столь великого благодеяния»²⁴. Несколько иначе решает дело С. М. Соловьев: Володислав «убедил Андрея не давать Галича никому из русских князей, а взять его себе, причем обещал приготовить все в Галиче к новому порядку. Иначе трудно будет объяснить то известие, что король, собираясь идти на Галич, отправил туда в передовых Владислава»²⁵.

В дальнейшем получила поддержку в науке версия Н. М. Карамзина: целую систему аргументов в ее пользу развернул Н. П. Дашкевич²⁶, и его усилия положительно были восприняты другими иссле-

²² Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 245.

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 726-727.

²⁴ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II-III. С. 446.

²⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1988. Кн. I. С. 568.

²⁶ Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 46-47, прим. 7.

дователями²⁷. В настоящее время факт участия венгерского короля в вокняжении Володислава и последующей поддержки боярина в качестве агента своего влияния в Галиче так или иначе признается большинством историков²⁸ и в том числе теми, кто склонен видеть во всем происходящем в Галиче одни лишь «боярские беззакония»²⁹.

Действительно, король не только предоставил свободу Володиславу, но и вместе с ним пошел на Галич против Мстислава Пересопницкого. После вокняжения боярина Андрей, в отличие от других соседних правителей, не пытался лишить его престола, хотя Володислав был главным соперником в борьбе за Галич поддерживаемого венгерским королем Даниила Романовича. Сам Даниил, вместе с матерью и владимирским боярином Вячеславом Толстым пребывавший в Венгрии, тотчас после случившегося «отъиде... в Ляхи, отпросився от короля»³⁰, а брак, намечавшийся между Даниилом и дочерью короля³¹, не состоялся. Венгерский король оказал военную поддержку Володиславу, находившемуся на столе в Галиче: когда против него пошли войска нового покровителя Даниила краковского князя Лешка, поддержанного волинскими князьями, на стороне Володислава сражались «угры» и «чехи»³². Весьма показателен ответ Андрея на вторжение поляков в Галицкую землю: король «поиде на Лестька»³³, это наводит на мысль, что венгерский король воспринимал нападение на Галич как посягательство на свои владения.

Таким образом, необходимо признать, что освобождение Володислава из плена и появление его в Галиче в качестве нового правителя стало возможным, благодаря заинтересованности в этом венгров, было еще одним проявлением вмешательства внешнеполитических сил во внутренние дела галицкой общины. Источники не дают никаких оснований приписывать случившееся «всемогущим» галицким боярам. На

²⁷ Андрияшев А. М. Очерк истории Волинской земли до конца XIV стол. Киев, 1887. С. 158.

²⁸ Włodarski B. Polska i Ruś. 1194-1340. Warszawa, 1966. S. 52-53; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 81.

²⁹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. С. 199; Софроненко К. А. Общественно-политический строй... С. 97; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 89; Котляр М. Ф. 1) Данило Галицький. С. 46; 2) Галицько-Волинська Русь. С. 172.

³⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 729.

³¹ Там же. Стб. 723.

³² Там же. Стб. 730. – Может быть, с этими «уграми» Володислав и вошел в Галич (Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 82).

³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 730.

страницах летописи Володислав «княжится» при поддержке «галичан»; видеть в них «боярские войска» – как это делает В. Т. Пашуто³⁴ – слишком большая натяжка. Ничем не обоснованы и попытки Н. Ф. Котляра поправлять летопись: цитируя сообщение о вокняжении Володислава, исследователь вместо «со всеми Галичаны... воеха в Галичь, и вокняжися...»³⁵ настойчиво и совершенно бездоказательно предлагает читать «с боярами, которые поддерживали его»³⁶.

Противоречит реальному положению дел в галицком обществе и расхожее мнение о том, что местное боярство во главе с Володиславом Кормильчичем вело борьбу с княжеской властью, добываясь сосредоточения в своих руках всей полноты правительственных полномочий. Не вдаваясь здесь подробно в анализ социально-экономических причин, определивших общественный статус и претензии бояр на государственную власть³⁷, и ограничившись только выяснением роли бояр в общественной жизни, мы приходим к такому же выводу, какой был сделан авторами монографии «Города-государства Древней Руси»: «...мысль о всесии галицкого боярства, боровшегося с княжеской властью, должна быть оставлена. Бояре не представляли собой отдельной и самостоятельной группы в галицком обществе. Они боролись не против княжеской власти, а против отдельных князей. В противном случае не понять, почему некоторые бояре стремились вокняжиться в Галиче»³⁸.

* * *

Наконец, остается выяснить, насколько прочным было положение Володислава на княжеском столе с точки зрения отношения к новому князю галичан, галицкой городской общины, и определить действительную причину его падения, проверив справедливость утверждения историков о том, что для вокняжения боярина «не был подготовлен грунт» и его правление «не имело прочной социальной базы».

³⁴ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 199.

³⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 729.

³⁶ Котляр М. Ф. 1) Данило Галицкий. С. 46-47; 2) Галицко-Волинська Русь. С. 172.

³⁷ Об этом см.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 150 и след.; Пашин С. С. 1) Галицкое боярство XII – XIII вв. // ВЛГУ. Сер. 2. 1985. Вып. 4; 2) Боярство и зависимое население Галицкой (Червоной) Руси в XI – XV вв.: Канд. дис. Л., 1986; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... Гл. 3.

³⁸ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 154.

Если под «неготовностью грунта» иметь в виду негативное отношение галичан, простых общинников, к поступку боярина, то в историографии по этому поводу высказывалось и другое мнение, на наш взгляд, заслуживающее серьезного внимания. По мысли Н. И. Костомарова, казнь Игоревичей и вокняжение Володислава знаменуют собой глубокую перемену в общественном сознании галичан и древнерусских людей вообще: «в Червонной Руси род князей не считался уже выше обыкновенных родов, и жизнь их подлежала общему суду народному..., княжеское достоинство выступило из Рюрикова рода; этим, казалось, удельный уклад начинал новый поворот, и он возникал прежде всего в Галиче – там подавали пример; там стали князей казнить смертью, не обращая внимание на их княжеское достоинство; там стали принимать особ не от Рюрикова рода. Почти можно поэтому предвидеть, как бы разыгралась история удельного уклада..., у разных народов в разных землях были бы свои князья, свои веча, не связанные уже единством княжеского рода»³⁹.

Оставляя в стороне прогностические высказывания автора, думается, можно согласиться с ним в том, что авторитет Рюриковичей в Галиче действительно упал, и доверие к представителям этого рода в обществе было подорвано. Такая тенденция наметилась уже в конце XII в., когда на галицком столе впервые появился правитель, не являвшийся Рюриковичем – венгерский королевич Андрей⁴⁰. Она усилилась после пресечения правившей в Галичине более столетия династии Ростиславичей⁴¹ и возобладала после гибели Романа, когда на галицком столе быстро сменяли друг друга слабые и несамостоятельные правители, не способные решать стоящие перед общиной задачи или намеренно причинявшие ей вред ради собственных эгоистических выгод. И более других в этом отношении отличились злополучные Игоревичи⁴². Реакция против них общины может быть объяснена как рецидив языческого

³⁹ Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 97-98.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

⁴¹ Вспомним, что галичане тогда предлагали занять княжеский стол польскому князю Лешку (Хроника магистра Винцентия Кадлубка // Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Текст, перевод, комментарий. М., 1990. С. 111; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. / Пер. Л. М. Поповой. М., 1987. С. 136).

⁴² На их совести не только устроенная в Галиче и других городах земли бойня и гонения на бояр, но и подрыв политического единства Галичины ввиду устройства в галицких «пригородах» особых княжеских столов, что ослабило общину перед внешним миром и породило сепаратистские тенденции внутри нее.

сознания и поведения, для которого характерно соответствующее отношение к нерадивым или проштрафившимся правителям – таких не просто лишают власти, но и предадут ритуальному умерщвлению, имеющему символически-очистительный характер⁴³.

В концепцию дохристианского ритуального поведения укладываются и последующее вокняжение в Галиче Володислава: ведь он был не просто виднейшим деятелем галицкой общины, но и внес решающий вклад в победу над Игоревичами, будучи фактическим руководителем всех выступивших против них сил (и, прежде всего, самих галичан, а также жителей галицких «пригородов»). Как победитель, с точки зрения архаических представлений о преемстве власти, действовавших некогда и на Руси⁴⁴, Володислав должен был наследовать полномочия поверженных врагов⁴⁵. Правда, в XIII в. эти представления уже не действовали в чистом виде, поэтому Кормильчич сперва уступил власть Даниилу: как говорит летопись, Володислав, подобно князьям именуемый «Володиславом Галицким»⁴⁶, а с ним владимиристо-волинский боярин Вячеслав Толстый («Вячеслав Владимирский») «и вси бояре Володимерьсти и Галичкыи, и воеводы Оугорьскыя посадиша князя Данила на столе отца своего великаго князя Романа (разрядка наша. – А. М.)»⁴⁷.

Когда же, спустя несколько лет, Володислав вместе со «всеми галичанами» изгнал из Галича еще одного правителя – Мстислава Немого, – ничто не помешало ему занять княжеский стол. При этом было не столь важно, что боярин не относился к княжескому роду, важно другое – в глазах галичан он выступил избавителем общины от засилья неугодных правителей, и поэтому в Галиче никто не возражал против вокняжения боярина. Ему воспротивились только князья, они же потом мстили детям Володислава и всему его роду: свергнутый боярин, говорит летопись, погиб в заточении, «нашедь зло племени своему и де-

⁴³ См.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986. Главы XXIV-XXVI и др.

⁴⁴ См.: Фроянов И. Я. 1) Исторические реалии в летописном Сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 11-13; 2) Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII стол. СПб., 1992. С. 102-106.

⁴⁵ См.: Фроянов И. Я. 1) О событиях 945-946 гг. в Древлянской земле и Киеве (в свете этнографических данных) // Историческая этнография. Вып. IV. СПб., 1993. С. 102-103; 2) Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. СПб., 1995. С. 56-57.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 726, прим. 73.

⁴⁷ Там же. Стб. 726.

темь своимъ княжения деля, вси бо князи не призряхоу детии его того ради»⁴⁸.

О. П. Лихачева переводит последнюю фразу так: «Из-за этого все князья не поддерживали его детей»⁴⁹. Точнее, на наш взгляд, перевод Л. Е. Махновца: «...из-за этого все князья не пощадили детей его (не зглянулись на дітей його)»⁵⁰. Подобное отношение к детям и другим родственникам Володислава показывает, что род Кормильчичей после вокняжения его главы стал восприниматься как княжеский, имеющий права на галицкий стол. Чтобы не допустить возникновения новой княжеской династии, против него и ополчились «все князья», начавшие преследовать наследников Володислава. Следовательно, и само вокняжение (и последующее правление) Кормильчича воспринималось не как «боярское беззаконие» или узурпация власти самозванцем, непризнанным и отвергнутым галичанами, а, скорее, наоборот, в глазах современников оно было вполне законным и оправданным.

Мы можем уверенно говорить, что галичане оказали своему новому князю полную поддержку. Об этом свидетельствуют сообщения источников: когда против Володислава выступили польский князь Лешко и союзные ему князья, галицкий князь-боярин смело пошел им навстречу, «собрався с Галичаны», т. е. во главе галицкого войска. Но силы оказались неравными, «и одолеша Ляхове и Роусь»⁵¹. Но и после того галичане не отступились от Володислава и сообща отбили вражеский приступ: «потом же Лестько не можаше прияти Галича» и в отместку общине, уходя восвосяи, «воева около Теревовля, и около Моклева, и Збыража, и Быковень... и взя пленъ великъ...»⁵².

Совершенно определенно характеризует отношение галичан к Володиславу как к полноценному князю, пользующемуся доверием и поддержкой, сообщение летописи о неудачной битве галичан с интервентами на реке Боброке: потерпев поражение от объединенных польско-волынских войск, «Володиславъ бежа, [и] мнози [быша] избити от в о и е г о (разрядка наша. – А. М.)»⁵³. Галичане здесь не только называются воинами Володислава (что было возможно только по отношению к подлинному правителю, князю, признанному общиной), но и, насколько можно судить, жертвуют собой ради спасения жизни князя.

⁴⁸ Там же. Стб. 731.

⁴⁹ ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 249; БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 197.

⁵⁰ ЛР. Київ, 1989. С. 374.

⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 730.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

Таким образом, падение Володислава никак нельзя связывать с негативным отношением к нему галичан, поскольку оно не было таковым. Подлинной причиной свержения и гибели Кормильчича стало очередное вмешательство в галицкие дела внешней силы, существенно превосходящей силы галицкой общины. Именно так представляет дело и сам летописец, сомневаться же в истинности его показаний в данном случае нет оснований. Когда король Андрей и князь Лешко пришли к взаимопониманию в отношении Галича, заключили союз, скрепив его династическими узами, дни Володислава были сочтены. Король Андрей «пославъ [вои] и я Володислава в Галичи, заточи и. И в томъ заточеньи [Володислав] оумре»⁵⁴.

В чем причина высокого авторитета Володислава у галичан, какие основания могли выдвинуть его в число ведущих общинных лидеров, способных принять на себе княжеское звание? Прозвище «Кормильчич» указывает, что Володислав и его братья (также упоминающиеся в источниках) являлись сыновьями княжеского воспитателя-кормильца; их отцом, по-видимому, был кормилец последнего галицкого князя династии Ростиславичей Владимира Ярославича⁵⁵. Княжеские воспитатели всегда пользовались исключительно высоким общественным положением, поскольку кормильство в традиционном обществе воспринималось как особая форма кровного родства⁵⁶. Такое положение являлось наследственным, что способствовало возвышению сыновей кормильца – «кормильчичей»⁵⁷. К этому нужно добавить, что Володислав сам по себе обладал яркими качествами харизматического лидера, что позволяло ему на протяжении многих лет быть в центре политической жизни общины.

Впервые Володислав и его братья появляются на страницах летописи как сторонники призвания в Галич князей Игоревичей. Личного авторитета Кормильчичей оказалось достаточно, чтобы их «послушали» галицкие бояре⁵⁸, и с ними заодно «думали» все галичане⁵⁹. По

⁵⁴ Там же. Стб. 731.

⁵⁵ Гарданов В. К. «Дядьки» Древней Руси... С. 240.

⁵⁶ Пресняков А. Е. Кормилец, воевода, тысяцкий // ИОРЯС. СПб., 1909. Т. XIII. Кн. I. С. 154; Гарданов В. К. Кормильство в Древней Руси (К вопросу о пережитках родового строя в феодальной Руси IX – XIII вв.) // СЭ. 1959. № 6. С. 54; Гейштор А. Заметки о центральном управлении в славянских государствах в IX – XI вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 73; Щавелева Н. И. О княжеских воспитателях в Древней Польше // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 130.

⁵⁷ Гарданов В. К. Кормильство в Древней Руси. С. 43-59.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 718.

инициативе Кормильчича («Володиславлим советом», – как выражается летопись) галичане изгоняют не в меру властолюбивую мать княжича Даниила, а его самого силой принуждают остаться в городе⁶⁰. Как один из лидеров общины Володислав становится объектом жестоких преследований со стороны внешних враждебных сил, стремящихся подчинить своей власти галичан: его «мучает», а затем в оковах увозит в плен венгерский король⁶¹; боярин едва успел спастись бегством от кровавой бойни, развязанной некогда поддержанными им Игоревичами⁶².

* * *

Спасшийся от расправы Володислав Кормильчич вместе с другими боярами возглавил борьбу галичан против князей-тиранов, закончившуюся казнью последних. С союзным венгерским войском и княжичем Даниилом Володислав начал поход против Игоревичей летом 1210 г. и подошел к приграничному Перемышлю, прикрывавшему дорогу на Галич⁶³. Перемышльский стол в это время занимал один из князей Игоревичей Святослав, и, казалось, ничто не предвещало Кормильчичу легкой победы. Володислав был выходцем из Галича, авторитетным лидером галицкой общины. Однако до Галича было еще далеко, а жители Перемышля отнюдь не всегда разделяли позицию галичан и едва ли были готовы подчиниться требованиям галицкого боярина.

Галич и Перемышль – давние политические соперники. Княжеский стол в Перемышле (один из важнейших атрибутов суверенитета общины) появился раньше, чем в Галиче, сам Перемышль и перемышльские князья раньше появляются на исторической арене⁶⁴. И когда волею судьбы стольным городом земли стал Галич, перемышляне вовсе не собирались довольствоваться скромной ролью «пригорода». Отсюда – их постоянное стремление восстановить свой особый княжеский стол, реализовавшееся, наконец, с приходом Игоревичей, отсюда же – их оппозиционное отношение и даже враждебность к галичанам вообще⁶⁵. Что же касается галицкого боярина Володислава, то своими действия-

⁵⁹ Там же. М., 1997. Т. I. Стб. 427.

⁶⁰ Там же. Т. II. Стб. 727.

⁶¹ Там же. Стб. 728.

⁶² Там же. Стб. 723-724.

⁶³ Там же. Стб. 724.

⁶⁴ К о т л я р Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 39-40.

⁶⁵ Там же.

ми против Игоревичей он ставил под вопрос существование особого перемышльского стола. Кроме того, перемышляне не мог не настораживать тот факт, что Кормильчич привел с собой иноземные войска, – во всяком случае, это не прибавляло ему симпатий.

Но если искать в происходящем лишь политический смысл в обычном его понимании, дальнейший поворот событий покажется чем-то совершенно невероятным. Вопреки всем политическим резонам и собственной выгоде перемышляне соглашались добровольно выдать своего князя, сдать город и тем самым признать над собой власть Галича. Источники не дают никаких оснований думать, что эта уступка была вырвана у них силой или какими-то угрозами ее применить. Не было ни военных столкновений, никакого кровопролития и никаких ультиматумов. Все решило проникновенное обращение к перемышлянам Володислава Кормильчича, вызвавшее в них необыкновенно живой и непосредственный отклик.

Обращаясь к горожанам, боярин произнес: «Братье! Почто смышляетесь? Не сии ли (Игоревичи. – А. М.) избиша отци ваши и братью вашу? А инеи имение ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша. А отчъствии вашими владеша инии прищельци. То за техъ ли хочете душу свою положити?»⁶⁶ Реакция перемышлян была незамедлительной: «Они же, сжалившиси о бывшихъ, предаша град и. И князя ихъ Святослава яша»⁶⁷.

Мы не можем согласиться с М. С. Грушевским, будто Володислав обращался не столько к перемышлянам, сколько к «местным боярским родам, уговаривая их не стоять за Святослава из-за недавнего преступления Игоревичей»⁶⁸. При этом историку не удастся избежать противоречия, оставленного им без внимания. Получается, что на призыв одного боярина, обращенный к другим боярам, отвечают простые горожане: «перемышляне, “сжалившиси о бывшихъ”, отворили перед ним город и выдали князя Святослава»⁶⁹. Гораздо естественнее и точнее было бы толковать содержание данного известия как обращение боярина к горожанам вообще, в расчете на их общую реакцию, а не к какой-то отдельной группе лиц, имевших личные счёты к Игоревичам.

Терминология, использованная летописцем, и общий смысл сообщения позволяют интерпретировать выступление Володислава как об-

⁶⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Грушевський М. С. Історія України - Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 27. – См. также: Папуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 143.

⁶⁹ Грушевський М. С. Історія України - Руси. Т. III. С. 27.

ращение к вечу, а ответ перемышлян – сдачу города без сопротивления и выдачу князя Игоревича – как решение вечевой общины, получившее всеобщее одобрение. Свою речь боярин начинает обращением: «Братья!» Это – общепринятая в Древней Руси форма обращения к вечникам⁷⁰. О вечевой деятельности свидетельствует и употребленное летописцем выражение «смышляетесь» по отношению к перемышлянам. Не доказывает боярской исключительности упомянутых «братьев» выражение «отчъствии», которыми, по словам Кормильчича, завладели пришельцы⁷¹. Этим выражением обозначалось прежде всего понятие «родное место», «родная земля», «отечество»⁷², и даже если видеть в «отечествах» перемышлян «владения, полученные от предков; вотчинные земли»⁷³, нет никаких оснований утверждать, что в данном случае речь идет о владениях только феодальной знати.

Агитация Кормильчича достигает цели благодаря умелому использованию приемов убеждения, учитывающих особенности общественного сознания. Боярин доказывает преступный характер правления Игоревичей по отношению к перемышлянам. От рук князей незаконно пострадали отцы, и братья, и дочери, а также имущество граждан, унижено достоинство свободных людей перед лицом их рабов. При этом не важно, кем были потерпевшие в социальном отношении – боярами или простыми людьми – гораздо важнее, что они члены одной общины, «свои» для собравшихся на вече, и в их лице пострадала вся община. Искусный оратор противопоставляет Игоревичей перемышлянам как чуждых земле «пришельцев», врагов, завладевших «отечеством». Обличительная диатриба Володислава не могла оставить равнодушными слушателей, потому что благополучие собственной общины, «мира», являлось главной ценностью в понимании древнерусского человека, а защита ее от внешних врагов – долгом каждого гражданина⁷⁴.

Реакцию перемышлян правильно было бы оценивать в ракурсе психологически обусловленных стереотипов общественного поведения

⁷⁰ См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 64, 139, 250; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 74; Майоров А. В. О составе участников древнерусского веча (по материалам Новгорода и других районов) // Петербургские Чтения – 96 / Главн. ред. Т. А. Славина. СПб., 1996.

⁷¹ Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 75.

⁷² См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1902. Т. II. Стб. 883.

⁷³ СЛРЯ XI – XVII вв. М., 1987. Вып. 13. С. 238.

⁷⁴ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. Очерк VI, 2) Древняя Русь; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства...

ния, необходимость изучения которых остро осознается современной наукой⁷⁵. Подобные стереотипы понимаются многими исследователями как архетипы – мировоззренческие установки, возникшие в примитивном мире первобытного человека и живущие в общественном сознании многие века и тысячелетия, сохраняя значение и в наши дни. С точки зрения психологии, они являются «неоспоримым общим наследием всего человечества», существуя в глубине коллективного подсознания и опираясь на «бесконечно архаический и примитивный, а не на актуальный общественный и культурный опыт»⁷⁶. Опираясь на данные психологии в более широком историко-культурном плане, современная теория архетипов предполагает, что «в сознании коллектива и в сознании личности обнаруживается некоторый фонд представлений, которые, опираясь на генетическую память и не соответствуя актуальному эмпирическому опыту или даже прямо противореча ему, в то же время возникают не столько из архаических пластов коллективного бессознательного, сколько как результат примитивно-архаических связей или дополнение к ним, а подчас и вне прямой связи с ними»⁷⁷.

* * *

Так или иначе, одним из признанных архетипов человеческого сознания является фундаментальная и неизгладимая противоположность мировоззренческих категорий «свой» и «чужие», «мы» и «они», укоренившаяся в сфере общественной психологии и реализующаяся, в частности, в установке: «город – всегда община, противостоящая остальному враждебному миру»⁷⁸.

Подобные представления восходят к глубокой древности. По представлениям первобытных людей, чужой есть всегда носитель разрушительных вредоносных сил, он воспринимается как опасный враг, от которого исходит угроза жизни, и поэтому общение с ним требует особых предосторожностей⁷⁹. Причем, в действительности «реальная вражда и

⁷⁵ Данной проблематике посвящены многочисленные публикации в продолжающихся изданиях Российской Академии Наук: «Одиссей. Человек в истории», «Цивилизации» и др. Она широко обсуждается и в современной зарубежной историографии (см.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993).

⁷⁶ Цит. по: Кнабе Г. С. Внутреннее пространство: дом, город, общество // Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э. В. Сайко. М., 1995. С. 225.

⁷⁷ Там же. С. 225-226.

⁷⁸ Там же. С. 226.

⁷⁹ Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 222-226; Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964. С. 81-84, 86-88.

воображаемый вред сплетаются в одном отрицательном чувстве к чужакам»⁸⁰.

Из всего сказанного для нас важно отметить, что негативное отношение к чужому как к потенциально опасному и враждебному – это, прежде всего, эмоционально-чувственная, иррациональная реакция общественного сознания, продиктованная не столько реально существующей угрозой и необходимостью с ней бороться, сколько психически запрограммированным рефлексом страха и отторжения. А раз так, то спровоцировать ее можно искусственно, средствами эмоционально-психического воздействия.

В несколько смягченном виде смысловая оппозиция *свой-чужой* существует и оказывает свое действие в исторически более поздние эпохи. Сказывается она и в русском традиционном сознании с присущим ему негативным, настороженным отношением к инородцам, наделяемым сверхъестественными свойствами – необыкновенными размерами и силой⁸¹.

В представлении древнерусского человека город – это «уже освоенный и организованный микрокосм», отгородившийся от «еще не освоенного, во многом враждебного макрокосма»⁸². Поэтому всякий чужой, посторонний вызывает к себе настороженное и опасливое отношение. Именно так, к примеру, поступают киевляне во главе с княгиней Ольгой по отношению к прибывшим в город древлянским послам. Последним, в частности, не позволяют сойти на землю, заставляя оставаться в ладье; озабоченность собственной безопасностью сквозит в вопросе Ольги: «Добри гости придоша?» и проч.⁸³

Для сознания древнерусских людей чрезвычайно характерно ревностное отношение к чистоте своего жилища в смысле его защищенности от проникновения чужих и потому заведомо враждебных влияний: с этой целью используется целый комплекс предохранительных и очистительных ритуально-магических мероприятий⁸⁴. С языческих времен

⁸⁰ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С. 96.

⁸¹ Мазалова Н. Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. С. 164-166.

⁸² Дворнченко А. Ю. Город в общественном сознании Древней Руси IX – XII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Межвуз. сб. К 80-летию проф. В. В. Мавродина / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1987. С. 21.

⁸³ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 65-67.

⁸⁴ См.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. Гл. X; Байбу-рин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983; Попович М. В. Мировоззрение восточных славян. Киев, 1985.

живет в традиционном сознании русского народа «резкое различие между домовыми своим и чужим. Свой домовой большей частью добр и заботлив... К чужим родам и семьям, у которых свои пенаты и свой культ, домовой почти всегда питает неприязненное чувство, старается повредить их хозяйству и нарушить их мир. Чужой домовой – непременно лихой»⁸⁵.

Мифологические представления подобного рода, очевидно, переносятся и на более широкий уровень общественных отношений своего коллектива, социальной группы, общины с чужим, посторонним миром и его представителями, предопределяя негативное восприятие всякого постороннего человека как потенциально опасного противника, имеющего тайные враждебные намерения, проводника чужого зловредного влияния. Не случайно в русском языке, как и других индоевропейских языках, понятие *враг* соотносится с понятиями *чужой*, *потусторонний*, *находящийся на периферии*⁸⁶. А между понятиями *враг* и *чужой* устанавливается жесткая смысловая зависимость, продиктованная представлением, «согласно которому чужой, чужестранец обязательно враг и, в корреляции к этому, враг – обязательно чужой, чужестранец. Причина этого всегда в том, что “рожденный вне” заведомо враг, что необходимо взаимное обязательство для того, чтобы между ним и моим “Я” установились особые отношения гостеприимства, которые невозможны внутри общины»⁸⁷. Неудивительно поэтому, что в славянских языках слово «гость» долгое время было двузначным и обозначало и *друга* и *недруга*⁸⁸.

Предубеждение против всякого чужого могло распространяться и на своих, покидавших общину и пределы родной земли. В Древней Руси человек, побывавший за рубежом с целью получить там убежище и помощь, дома навсегда оставался под подозрением, поскольку «наши предки полагали, что такой человек не просто *странный*, но *чужой*, хотя бы и немного, но уже не свой»⁸⁹. В античные времена гражданин, покидавший пределы общины, возвращаясь назад, должен был пройти

⁸⁵ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. II. С. 94-95.

⁸⁶ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 87.

⁸⁷ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 236.

⁸⁸ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 65.

⁸⁹ Там же. С. 64. – См. также: Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI – X вв.). СПб., 1996. С. 422-423.

сложный ритуал очищения на границе своего города⁹⁰. Недаром и в Древней Руси над городскими воротами часто возводились церкви, именуемые надвратными⁹¹.

Древнерусские летописи и, в частности, Повесть временных лет «буквально пронизывают», по выражению исследователя, «экспрессивные писательские представления о “своем” и “чужом”»⁹². Противопоставление «свои» – «чужие», «наши» – «не наши» не имело определенной политической или этносоциальной локализации и могло употребляться применительно к любому сплоченному коллективу, противостоящему внешним врагам⁹³. Зачастую в авторской речи летописец использует смысловую оппозицию «свои» – «не свои» как характерный литературный прием, усиливающий художественно-эмоциональное воздействие, при этом «не свои» соответствует понятиям «окольные», «противные», «не добрые»⁹⁴. Не удивительно, что такой прием часто фигурирует и в прямой речи летописных героев в словосочетаниях «чужая земля», «чужой предел», «чужая волость» и, в противоположность, – «наша земля», «наши князья» и т. п.⁹⁵ Заметим, что эти речи имеют, как правило, агитационный, призывный или обличительный характер, отличаются повышенной эмоциональной напряженностью⁹⁶. Отметим также, что как безусловно «чужих» воспринимали всякого рода насильников, угрожающих общине, с которыми необходимо было вести борьбу или искать примирения⁹⁷.

После сделанных наблюдений вновь обратимся к речи боярина Володислава Кормильчича, адресованной к перемышлянам. Можно констатировать, что слова боярина, разоблачающего князей Игоревичей как «чужих», посторонних «пришельцев» и одновременно «насильников», не были простыми словами, обыкновением политическим красноречием или правовой оценкой. Они чувствительно задевали глубокие

⁹⁰ Кнабе Г. С. Внутреннее пространство... С. 232.

⁹¹ Дворниченко А. Ю. Город в общественном сознании Древней Руси... С. 22.

⁹² Демин А. С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 36.

⁹³ Будь то отдельная волость («... в чюжей волости не седи». – ПВЛ. М.: Л., 1950. Ч. 1. С. 169) или даже монастырская община («... намь сущимь по кельямь почивающимь... убиша бо неколико оть бретья нашея». – Там же. С. 151-152).

⁹⁴ Демин А. С. Художественные миры... С. 44-45.

⁹⁵ Там же. С. 43.

⁹⁶ См.: ПВЛ. Ч. 1. С. 18, 48, 116, 122, 168, 169, 178 и др.

⁹⁷ Демин А. С. Художественные миры... С. 44. – Насильником считался также «севший» в чужом месте (там же. С. 41).

струны общественной психологии и были рассчитаны на то, чтобы вызвать отклик непосредственно всей общины, живую эмоциональную реакцию негодования и отчуждения, смятения и страха, свойственную общественному сознанию той эпохи. Об этом же, как представляется, говорит и летопись: перемышляне «сжалившись о бывших, предаша градъ»⁹⁸, – горожан побудили к сдаче эмоционально-чувственные переживания, вызванные проникновенными словами оратора.

Эта реакция не была адекватна реальной политической угрозе, которую представляли Игоревичи для перемышльских жителей⁹⁹. Во всяком случае, предубеждение против «пришельцев» и «насильников» оказалось для них сильнее политических расчетов, в частности, стремления иметь собственного князя в противовес галицкому. Резким контрастом на этом фоне выглядит позиция другого галицкого «пригорода» – Звенигорода, жители которого оказались стойкими приверженцами Игоревичей и не отступились добровольно от своего князя¹⁰⁰. Феномен поведения перемышлян, может быть, обусловлен, скорее, мотивами иррационального свойства.

* * *

В дополнение к сказанному можно предположить, что вместе с реакциями скорби, негодования и отчуждения речь боярина возбуждала патриотические чувства граждан, являвшиеся мощным генератором психической энергии в традиционном обществе. Вспомним, что одно из обвинений, выдвинутых Володиславом против Игоревичей, сводилось к тому, что по злой воле князей «отечествами» перемышлян завладели «иные пришельцы».

Едва ли следует «отечествия» перемышлян (как это предлагается авторами новейшего Словаря древнерусского языка) понимать как некие наследственные владения имущественного характера, как земельную собственность. Об имущественных потерях боярин говорит особо: «...имение ваше разграбиша». Понятие «отечество» выходит за рамки имущественного или какого-либо иного утилитарного смысла. Оно имеет гораздо более общее и возвышенное значение. «*Отечество*, – пишет В. В. Колесов, – поначалу другая в произношении форма слова

⁹⁸ «Жалитися» в древнерусском языке значило 'скорбеть, печалиться' (СлРЯ XI – XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 71).

⁹⁹ Насколько можно судить, репрессии Игоревичей коснулись главным образом галицких бояр и уже во вторую очередь бояр Перемышля и других галицких «пригородов».

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 724-726.

отчество (обе из *отчьство*)... выражает наследование не материального, а скорее духовного плана»¹⁰¹. Семантически оно связывается с понятиями «долг», «завет предков», «патриотизм» и передает сопряженные с ними эмоциональные переживания¹⁰², о значении которых в традиционном обществе позволяют судить сравнительно-исторические материалы.

«Отечеством каждого, – писал о патриотизме древних греков и римлян Н. Д. Фюстель де Куланж, – была та часть земли, которая освящена его семейной или национальной религией, земли, где покоился прах его предков и где жили их души. В малом виде отчество заключалось в небольшом огороженном пространстве земли, где помешались могилы и очаг одного семейства. В большом же виде отчеством была гражданская община с пританеем и героями, с священной оградой в пределах, указанных религией... Государство, гражданство и отчество – эти слова не были отвлеченным понятием, как у новых народов, но они представляли действительно собрание местных божеств с ежедневным служением и верованиями, всеильными над душою»¹⁰³.

По понятиям древности, «все, что человек имел самого дорогого, тесно сливалось для него с отчеством. В нем он находил свое благосостояние, свою безопасность, свою правоспособность, свою веру и своих богов. Лишившись отчества, он вместе с тем лишался всего»¹⁰⁴. Последнее происходило еще и потому, что отчество в глазах человека традиционного общества «не есть только место его пребывания. Вне этих священных стен и за пределами своей родной земли он более не найдет для себя ни другой религии, никакого другого общественного союза. Нигде кроме своего отчества он не принимает никакого участия ни в обыденной, ни в правовой жизни...»¹⁰⁵.

Насколько можно судить, все сказанное в немалой степени отвечало патриотическим идеалам древнерусского человека, нравственному значению понятия «отчество» (иногда выражаемому также термином «отчина»), потеря которого была невосполнимой утратой для человека, жизненной катастрофой. Лишенный отчего стола и изгнанный из Рус-

¹⁰¹ Колесов В. В. Мир человека... С. 246.

¹⁰² Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI – XIII вв. М., 1980. С. 234; Колесов В. В. Мир человека... С. 245.

¹⁰³ Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община. М., 1895. С. 184.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 185.

ской земля князь восклицает: «Мне отчины в Оугрехь нетуть, ни в Ляхохь, токмо в Руской земли!»¹⁰⁶ Другой князь в ответ на приглашение перейти на княжение в Новгород заявляет: «Не могу ити изь отчины своей...», поскольку князь «хотя страдати оть всего сердца за отчину свою... хотя исполнити отечество свое»; вынужденный все же перебраться в Новгород, он с тоской думает о родине: «...то не могу никакже же Руской земле забыти»¹⁰⁷.

Понятие «отечество» («отчина») по своему значению и важности стоит в одном ряду с понятием «жизнь». Лишиться отчин для князя и его дружинников значило лишиться жизнью¹⁰⁸. Такое же смысловое значение заключало в себе понятие «изгой», употребляемое в Древней Руси в отношении покинувших родину иноземцев, а также людей, в силу разных причин отпавших от своего рода, общины или социальной группы¹⁰⁹, т. е. той среды, к которой они принадлежали по рождению. Этимологически термин «изгой» восходит к глаголу *гоить* — 'жить, давать жить, устроить, приютить' и в буквальном смысле означает *лишенный жизни, изжитый*¹¹⁰.

Подобно древним грекам и римлянам, о которых писал Н. Д. Фюстель де Куланж, жители Древней Руси наряду с осознанием общенародного единства и чувством общерусского патриотизма, особенно проявлявшегося в минуты всеобщей опасности, испытывали также острое чувство малой родины, местного патриотизма, связанного с отдельной землей, волостью, городом, местной гражданской общиной. В полной мере подобные представления развились в период политической раздробленности XII – XIII вв., когда само понятие «Русская земля» приобрело узкий, локальный смысл и стало связываться с террито-

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 405.

¹⁰⁷ Там же. Стб. 606-607.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 409.

¹⁰⁹ Обзор мнений исследователей о значении термина «изгой» см.: ПР. Т. II. Комментарии / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1947. С. 48-57. – О социально-правовом статусе изгоев в Древней Руси см.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 136-146; 2) Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 267-282; Майоров А. В. Социологические особенности древнерусского изгойства // Наукові праці Історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. 1. Запоріжжя, 1993.

¹¹⁰ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. I. С. 138; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. II. С. 121-122; Шанский Н. М. (и др.). Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 171; Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989. С. 131.

рией Среднего Поднепровья (Киевская, Черниговская и Переяславская земли)¹¹¹. Исследователи с достаточным основанием отмечают, что в этот период, наполненный непрерывными междоусобными войнами, «патриотическая идеология получила локальный характер»¹¹².

Говоря о преступлениях Игоревичей, боярин Володислав выставляет их еще и как пришельцев из чужой земли, из «Руси», по отношению к которой Галич и Галицкая земля мыслились особо. Более того, между «Русью» и галичанами нередко происходили кровопролитные столкновения, что, разумеется, не могло не вызывать известных опасений и подозрительности последних к «русским» князьям, ведь всего за несколько лет до описываемых событий с половцами и «Русью» ходил войной на Галицкую землю киевский князь Рюрик Ростиславич¹¹³.

Наконец, Кормильчич использует еще одно чрезвычайно действенное средство, до предела нагнетающее атмосферу эмоционально-психического возбуждения. Кульминацией его речи становится вопрос, звучащий подобно набатному призыву: «То за тех ли (Игоревичей. – А. М.) хотите душу свою положить?» Разогретые обличительным пафосом предыдущих слов боярина, перемышляне уже были подготовлены к вполне определенному ответу. Но и сам по себе этот последний прием оратора имеет немаловажное значение.

С языческих времен понятие «душа» у восточных славян имеет значение *'жизнь, дыхание'*¹¹⁴. «Положить душу» – это значило отдать жизнь, т. е. самое дорогое, что есть у человека. И в этом смысле «душа» равноценна понятию «отечество», потеря которого также воспринималась как потеря жизни, жизненного пристанища. Анализ патриотических идеалов древнерусских людей, выраженных в произведениях письменности XI – XV вв., показывает, что идея сражаться за своего князя, за обиду князя, за честь князя, за раны князя была весьма распространенным и обычным явлением¹¹⁵. Однако в системе патриотиче-

¹¹¹ См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951; Робинсон А. Н. «Русская земля» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXXI; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 60–66; Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII вв. // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995.

¹¹² Робинсон А. Н. Литература Древней Руси... С. 234.

¹¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 717.

¹¹⁴ Франчук В. Ю. Отражение языческого мировоззрения славянства в древнерусском летописании // Культура славян и Русь [К 90-летию Б. А. Рыбакова], М., 1998. С. 166.

¹¹⁵ См.: Горский А. А. 1) Идея защиты Отечества в общественной мысли русского средневековья (XI – XV вв.) // Спорные проблемы истории русской общест-

ских ценностей идея защиты отечества («Русской земли» или конкретного города и символизирующего его храма) стоит неизмеримо выше¹¹⁶. «Пришлые» князья Игоревичи покусились на «отечества» перемышлян, и поэтому сражаться за них и «душу свою положить» было немисливо, точно так же, как немисливо и нетерпимо было допустить, чтобы «отечествами» «владеша инии пришельци».

* * *

Среди обвинений, выдвинутых Володиславом против Игоревичей есть и такое: князья повели себя в отношении перемышлян как завоеватели, унижающие достоинство свободных граждан («дщери ваша даша за рабы ваша»). Унижать и бесчестить женщин могли только враги-завоеватели, – подобное поведение являлось своего рода символом порабощения. Вспомним полулегендарный рассказ Повести временных лет о насилиях, чинимых аvaraми («обрами») над женщинами завоеванных ими дулебов¹¹⁷; или требования монгольских завоевателей к rязанским послам отдать сестер и дочерей: «...нача просити у rязанских князей дщерей или сестер себе на ложе»¹¹⁸, в том числе и жену молодого князя Федора, который предпочел расстаться с жизнью, нежели вынести такое унижение¹¹⁹.

Безопасность своих жен и детей в сознании древнерусских людей имела чрезвычайно высокое значение, являлась одним из главных приоритетов. Любая угроза с этой стороны воспринималась с болезненной остротой, ради ее преодоления наши предки готовы были принести в жертву самые важные политические интересы. Подтверждение сказанному можно найти в многочисленных фактах истории Юго-Западной Руси и Галицкой земли в особенности.

Галичане отказываются повиноваться своему князю Владимирко Володаревичу, выведшему их защищать внешние рубежи земли от вражеского вторжения, когда узнают, что неприятельские войска могут обойти их с тыла, создавая тем самым угрозу захвата Галича: «Видивше же то Галичане, съчьноуша, рекоуче: “Мы сде стоимы, а онамо же-

венной мысли (до начала XIX века). Тез. докл. научн. конф-ции. М., 1992; 2) Представления о защите Отечества в средневековой Руси (XI – XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI – XX вв.). М., 1994. С. 6-15.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 14.

¹¹⁸ БЛДР. Т. 5. С. 140.

¹¹⁹ Там же. С. 142.

ны наша возмоуть!»¹²⁰. Всеобщее негодование вызвало в Галиче поведение князя Владимира Ярославича, покушавшегося на честь свободных женщин и незамужних девушек: этот князь «где оулюбовив женоу или чью дочь, поимашеть насильем»¹²¹. Нечто похожее произошло во времена правления в днестровской столице наместника венгерского короля палатина Бенедикта, который был «томитель бояромъ и гражаномъ, и блоудъ творя, и оскверняхоу жены, и черници, и попады»¹²². В обоих случаях реакция горожан оказалась одинаковой: Владимир и Бенедикт были лишены власти и изгнаны из земли¹²³.

Женщина в традиционном обществе воспринималась как символ домашнего очага, хранительница мира и благополучия в доме¹²⁴. Поэтому посягательство на женщин имело важный символический смысл и могло означать покушение на самые основы жизненного уклада, грозившее обернуться тяжелой катастрофой. Еще более усугубляло положение то обстоятельство, что подобное покушение, как в случае, о котором говорит Кормильчич, исходило от рабов, завладевших дочерьми свободных людей, своих прежних хозяев.

Значение случившегося помогает прояснить древнее народное предание, бытовавшее на протяжении многих веков и дошедшее до нас в нескольких вариантах, именуемое Сказанием о холопье войне¹²⁵. Историческая основа Сказания связана с глубокой древностью и в ряде важных моментов затемнена многочисленными позднейшими напластованиями¹²⁶. Многовековая история памятника доказывает, что сюжет его волновал людей в разные исторические эпохи, поскольку в нем затронуты глубинные струны общественной психологии.

Сказание повествует о произошедшем в незапамятные времена восстании новгородских холопов, завладевших женами своих господ. «Таже потом, – читаем в одном из вариантов Сказания, – паки вси древнии холопи, собравшеся воедино, и въздумавше совет свой таков положиша, во еже бы им всем ити на Великий Новгород. И тако утвер-

¹²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 315-316.

¹²¹ Там же. Стб. 659-660.

¹²² Там же. Стб. 722.

¹²³ Там же. Стб. 660, 723.

¹²⁴ См.: Кабакова Г. И. Женщина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2.

¹²⁵ См.: Смирнов П. П. Сказание о холопье войне // УЗМГПИ. М., 1947. Т. II. Кафедра истории СССР. Вып. 2; Вышегородцев В. И. «Холопья война» в летописной традиции // Крестьянство Севера России в XVI в. / Отв. ред. Ю. С. Васильев. Вологда, 1984.

¹²⁶ См.: Фроянов И. Я. Мятный Новгород. С. 47 и след.

дившеся и охрабрившеся, идоша и поплениша весь Великий Новгород, и новгородцкая имения вся побраша себе, и жены их обругаша, и премного зла по всей земле словенстей содеваху, грабяще и убивающе»¹²⁷. Для того, чтобы поправить причиненный холопами урон, необходимо было надлежащим образом наказать последних. Новгородцы, читаем далее, «с холопами своими старыми крепкую брань составиша, и грады их и села начаша разоряти, и самех их из всей области новгородцкия и из иных разных всех мест их, из городков и из сел, начаша вон изгоняти от всея земли своя, не дающе им у себя места нигде же...»¹²⁸.

Можно заметить, что новгородские «холопы» совершают почти те же преступления, что и князья Игоревичи со своими приспешниками в Перемышле:

Новгородские «холопы»:

...и новгородцкая имения вся побраша себе, и жены их обругаша, и премного зла по всей земле словенстей содеваху, грабяще и убивающе

Князья Игоревичи:

...избиша отци ваши и братью вашу..., иней имение ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша

Неудивительно, что и реакция перемышлян оказалась такой же, как у новгородцев: они перестали оказывать поддержку Игоревичам и прогнали своего князя из города, отдав его на верную смерть.

О каких «холопах» повествуется в северорусском сказании? И. Я. Фроянов верно подмечает, что здесь не может идти речи о рабах в обычном понимании, поскольку взбунтовавшихся или беглых рабов наказывают иначе: их возвращают владельцам, а не изгоняют за пределы земли¹²⁹. Целый ряд деталей повествования (в частности, наличие у «холопов» своих сел, городов и крепостей) приводит исследователя к выводу, что в данном случае подразумевается выступление против новгородцев какого-то ранее подвластного им племени, платившего дань и выполнявшего другие повинности, что первоначальной основой Сказания являлись межплеменные или межобщинные столкновения¹³⁰. Таким образом, «холопами», завладевшими имуществом и женщинами новгородцев, скорее всего, могли быть какие-то жители Новгородской

¹²⁷ Смирнов П. П. Сказание о холопей войне. С. 50.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. С. 53.

¹³⁰ Там же. С. 53-54.

земли, пытавшиеся освободиться из-под власти волховской столицы.

Нам представляется, что таких же по сути дела «рабов» («холопов») перемышлян имел в виду обличавший тиранию Игоревичей боярин Володислав. Подобная ситуация, отражающая сложный характер внутриволостных отношений, была типичной для Древней Руси XII – XIII вв. Жители «старшего» города зачастую воспринимали жителей «пригородов» как людей несвободных, находящихся у них в подчинении и распоряжении, как у своих господ. Так повелось еще со времен господства киевской общины над племенными центрами восточных славян: киевляне презрительно именовали новгородцев своими плотниками, удел которых «хоромы рубить» господам¹³¹. Наиболее красноречив в этом ряду пример ростовцев, которые во время конфликта с владимирцами высокомерно заявляют: «Пожжем и попадим град Владимирь весь, и посадим в нем посадника своего; те бо суть холопи наши, каменосечци, и древодели, и орачи, град бо Владимирь пригород наш есть Ростовския области»¹³².

Вспомним теперь о непростой и часто конфликтной внутриволостной ситуации в Галицкой земле. Одной из главных причин тому были взаимоотношения галицкой и перемышльской общин. Перемышль являлся древнейшим городским центром Червонной Руси¹³³, имевшим свое особое княжение еще в конце XI в., задолго до того, как возник галицкий стол¹³⁴. И когда перемышльский князь Владимирко Володаревич перенес свою резиденцию в Галич (1141 г.)¹³⁵, это, как справедливо отмечает Т. В. Беликова, «несло в себе в первое время распространение влияния перемышльской общины на галичан»¹³⁶.

В дальнейшем Перемышль плохо усваивал роль галицкого «пригорода», его жители неоднократно пытались восстановить в городе особое княжение, давали прибежище оппозиционным Галичу силам, и к середине XIII в. «горная страна Перемышльская» фактически стала самостоятельной волостью¹³⁷. Возможно, называя присланного из Галича

¹³¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 96.

¹³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 374.

¹³³ Впервые город упоминается в летописи под 981 г. – ПВЛ. Ч. 1. С. 58.

¹³⁴ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 336-337; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 30-31; Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 85.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 308.

¹³⁶ Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 33.

¹³⁷ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. По указателю; Па-шутю В. Т. Очерки... С. 149; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 40; Беликова Т. В. События в Галицкой Руси накануне татаро-монгольского нашествия.

князя и его людей «рабами» перемышлян, Кормильчич провоцировал еще не изжитое в сознании горожан чувство политического превосходства над галичанами, ущемляемое долгими годами властвования последних. С другой стороны, бесчинства Игоревичей и их приспешников в Перемышле, в частности, надругательство над дочерьми горожан их «рабов», в аспекте внутриволостных противоречий также обнаруживает свой скрытый от поверхностного взгляда смысл: действуя как завоеватели, Игоревичи пытались утвердить в Прикарпатье пошатнувшуюся власть Галича, используя ритуально-символические средства, характерные для традиционного сознания.

* * *

Итак, княжение в Галиче боярина Володислава Кормильчича – случай, во многих отношениях чрезвычайно любопытный, заслуженно привлекающий внимание исследователей. Однако оценки, даваемые ему в литературе, представляются нам по большей части неверными. Нельзя согласиться, что пребывание у власти Кормильчича – единственный случай боярского правления в Галицкой земле, – даже те историки, кто утверждает это, противореча самим себе, признают, что и другие галицкие бояре совершали более или менее успешные попытки придти к власти в обход князей.

Не соответствует действительности распространенное мнение, что вокняжение Володислава было делом рук одних галицких бояр, что самозванный правитель не имел никакой поддержки среди простых горожан и поэтому не смог удержаться на княжеском столе. Источники говорят об обратном. На страницах летописи Володислав въехал в город и «вокняжися» «со всеми Галичаны», т. е. при поддержке всей галицкой общины. Эта поддержка видна и в дальнейшем: когда против нового галицкого правителя ополчились соседи – польский и «русские» князья – князь-боярин «собрався с Галичаны» и вышел им навстречу. Силы были не равны, и Володислав потерпел поражение; но и тогда галичане не отступились от него и сообща отбили вражеский приступ. Павших галицких ратников летописец именует «воями» Володислава, что характеризует отношение к нему как к подлинному правителю, князю, признанному общиной.

Высокий общественный статус и претензии на княжеские полно-

ствия // Историческое познание: традиции и новации. Мат-лы Междунар. теоретич. конф-ции. Ижевск, 26-28 окт. 1993 г. / Сост. и общ. ред. В. В. Иванова и В. В. Пузанова. Ижевск, 1996. Ч. 1. С. 263.

мочия Кормильчича находят свое объяснение с точки зрения архаических представлений о власти, нередко проявлявших себя в древнерусский период. Кормильство в традиционном обществе воспринималось как особая форма кровного родства, что определяло исключительно высокий социальный статус княжеских воспитателей-кормильцев. Такое положение являлось наследственным, способствуя возвышению сыновей кормильца – «кормильчичей». Согласно тем же, существующим с дохристианских времен обычаям, Володислав, как победитель тиранов Игоревичей, мог восприниматься законным преемником их власти, наследующим полномочия своих поверженных противников.

К сказанному следует добавить, что Кормильчич сам по себе обладал выдающимися качествами харизматического лидера, и это позволяло ему на протяжении многих лет быть в центре политической жизни общины. Ярким примером, демонстрирующим силу его личного влияния на умонастроения простых людей, может служить сообщаемый летописью эпизод переговоров боярина с жителями Перемышля.

Речь Володислава, разоблачавшая князей Игоревичей и призывавшая перемышлян отступить от них, по своим целям и задачам явилась, несомненно, важным политическим событием, способствовавшим восстановлению единства Галицкой земли и возвращению галицкого стола Даниилу Романовичу, чем, надо думать, и привлекла к себе внимание летописца. Однако политический эффект был достигнут средствами, так сказать, иного порядка – экспрессивным воздействием на эмоционально-чувственную сторону общественного сознания, вызывающим психологически обусловленные реакции, которые в массовом сознании людей традиционного общества могли пересиливать рациональное отношение к действительности, увлекая людей на поступки, неоправданные с точки зрения прагматического расчета и политической выгоды.

Считаем необходимым подчеркнуть, что добиться такого эффекта можно было только обращаясь непосредственно к массе горожан, собравшихся на вече, полномочном незамедлительно принимать и осуществлять любые политические решения, касающиеся общины. И только тем, кто, подобно Кормильчичу, мог доказывать свою правоту перед лицом всего народа, удавалось стать подлинными общественными лидерами, предводителями общины, на чьей стороне были доверие и поддержка сограждан.

5.

Галицкая община в княжение Мстислава Удалого

Историки о галицком княжении Мстислава. – Отношение галичан к новому князю. – Мстислав и галичане после битвы на Калке. – Боярский «заговор» или требование всей общины? – Причины неудачи «удалого» князя в Галиче. – Мстислав и Даниил: попытка совместного правления. – Роль бояр в судьбе княжеского стола. – Итоговые замечания.

У исследователей, обращавшихся к истории галицкого княжения Мстислава Удалого, сложилось стойкое представление о том, что именно в этот, сравнительно небольшой отрезок времени достигает своего апогея могущество пресловутого галицкого боярства: бояре добиваются полного подчинения княжеской власти и тем самым становятся полновластными хозяевами земли.

Еще Д. И. Зубрицкий отмечал, что перед лицом «своевольных бояр», «обуздать» которых Мстислав был не в силах, «он всегда по прямодушию своему был обольщаем»¹. О «трудном положении» Мстислава в Галиче по причине неповиновения бояр, считавших, что «им лучше быть под влиянием короля угорского..., чем под непосредственным владением предприимчивого русского князя», говорил И. И. Шараневич². «Отважный прямой характер Мстислава Удалого, – читаем у Н. И. Костомарова, – никак не мог сладить с извилистыми кознями бояр»; бояре «не захотели его», и он «сам должен был удалиться из Галича»³. Зависимость князя от бояр подчеркивал А. М. Андрияшев: он «вполне подчинялся их влиянию..., слушал их одних, и

¹ Зубрицкий Д. И. История древнего Галицко-Русского княжества. Львов, 1855. Ч. III. С. 102.

² Шараневич И. И. История Галицко-Володимирской Руси от найдавших времен до року 1453. Львов, 1863. С. 79.

³ Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 99.

они делали что хотели»⁴. Нечто подобное находим у Д. И. Иловайского⁵. Еще дальше в своих оценках пошел М. С. Грушевский: «... в Галичине Мстислав играл достаточно подчиненную роль. В руках боярских политиков этот славный воин был беспомощным орудием, и они без конца плели сеть своих интриг»⁶.

Высказывались и другие, более взвешенные суждения: «Мстислав Удалой – очень типичная фигура своего времени, удельно-вечевой эпохи, – пишет А. Я. Ефименко. – Предприимчивость и беззаветная храбрость, глубокое сознание своей княжеской чести, обязывающей к известному поведению, к верности слову и т. п., наконец, уважение к народной воле – все это привлекло к нему массу, так что он был любимым князем и на Юге, и на Севере... Но... для деятельности правительственной у него не было существеннейшего – прочной связи с землей»⁷.

К сожалению, эти замечания не получили дальнейшего развития. Со временем в литературе полностью возобладала точка зрения М. С. Грушевского. «Метким определением» назвал ее В. Т. Пашуто. Ставя в вину князю, что он, будучи «обязан своим столом поддержке горожан», тем не менее, проводил «политику союза с крупным боярством», историк подводит весьма неутешительный итог всей политической деятельности Мстислава, «служившего своим мечом не укреплению княжеской власти, а боярской феодальной реакции»⁸. «Мстислав боялся бояр, – пишет К. А. Софроненко, – и решил лучше расположить их к себе милостью»; из этого, однако, ничего не вышло: бояре в ответ только беспрерывно интриговали и открыто выступали против князя⁹. Схожие оценки читаем у И. П. Крипякевича¹⁰. «Послушной игрушкой» в боярских руках назвал Мстислава Н. Ф. Котляр, – в его княжение «феодальная анархия захлестнула Галицкую и Волынскую земли»¹¹. В

⁴ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 162.

⁵ Иловайский Д. И. История России. Становление Руси (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. С. 511.

⁶ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 41.

⁷ Ефименко А. Я. История украинского народа. Киев, 1990. С. 81.

⁸ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 203, 205, 207.

⁹ Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI – XIII вв. М., 1955. С. 98.

¹⁰ Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 90 и др.

¹¹ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галиц-

то же время Мстислав «пользовался авторитетом в народе благодаря своей военной деятельности и славе»¹².

Особняком стоит точка зрения А. В. Эммаусского, автора единственного в отечественной историографии монографического исследования, посвященного Мстиславу Удалому. В работе, написанной в конце 1930-х годов, автор в самых ярких красках рисует образ князя-патриота, который «как историческая личность и как политический деятель является одним из лучших героев прошлого нашей страны»¹³. «Видя, что боярское господство сильно ухудшает положение народных масс, что усиление бояр еще больше ослабляет княжескую власть и уничтожает последние остатки военной мощи государства, Мстислав Удалой открыто выступил против своеволия бояр и вел с ними упорную борьбу, особенно будучи князем Галицкой земли...». Князь был «реальным политиком, он учитывал все возможности княжеской власти и, где было необходимо, показывал всю свою силу и власть, чтобы удержать Русь от дальнейшего упадка». «Уже одно то, – продолжает исследователь, – что народные массы ни разу не восставали против Мстислава Удалого, а, напротив, встречали его с удовлетворением и предпочитали его другим князьям, говорит, что он был приемлемым для народа князем...»¹⁴.

Впрочем, взгляды А. В. Эммаусского не отличаются последовательностью. В его книге мы найдем и прямо противоположные оценки: Мстислав «старался удовлетворить боярскую оппозицию, чтобы не возбуждать мятежей, подавлять которые он не имел сил и средств. Поэтому он часто шел на уступки боярской оппозиции, хотя иногда это противоречило не только его собственным интересам, но и интересам населения Галицкой земли»¹⁵.

В основном приведенные высказывания характеризуют внутривнутриполитическую ситуацию в Галиче в трех отношениях. Во-первых, слабостью и даже полной беспомощностью княжеской власти, представленной правителем, удачливым в военных делах, но лишенным государст-

ко-Вольнской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 141, 147. – См. также: Котляр М. Ф., Смолій В. А. Історія в життєписах. Київ, 1994. С. 132-133; Толчок П. П. Київська Русь. Київ, 1996. С. 135.

¹² Котляр Н. Ф. Галицко-Вольнская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // ДГ. 1995 г. М., 1997. С. 94.

¹³ Эммаусский А. В. Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров, 1998. С. 124.

¹⁴ Там же. С. 122-123.

¹⁵ Там же. С. 107.

венных дарований и чересчур простодушным¹⁶. Во-вторых, мощным всплеском боярского своеволия: галицкие бояре, объединившись в оппозиционную княжеской власти партию и опираясь на поддержку венгров, постоянно интриговали против Мстислава и, в конце концов, заставили его отказаться от галицкого стола в пользу боярского ставленника, венгерского королевича. Добиваясь собственных политических целей, бояре также попирали интересы общины, простых галичан, поддерживавших и даже любивших Мстислава, чем порождали рост социальной напряженности и антибоярских настроений в народе¹⁷. В-третьих, историки крайне мало уделяют внимания политической позиции и делам галицкой вечевой общины, фактически отказывая ей в сколько-нибудь заметном участии в жизни земли; община Галича была будто бы рано подавлена княжескими репрессиями, после чего галичане впали в глухую политическую апатию¹⁸.

В итоге полностью игнорируется роль галицкого веча, в частности его право решать судьбу княжеского стола, являвшееся фундаментальным принципом взаимоотношений княжеской власти и городской общины в домонгольский период русской истории¹⁹. В тех редких случа-

¹⁶ Подобные оценки государственных способностей Мстислава восходят к Н. М. Карамзину и С. М. Соловьеву. — Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II-III. С. 456; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти книгах. М., 1988. Кн. 1. С. 606.

¹⁷ Наиболее полно и последовательно теорию боярского полновластия в Галиче формулирует М. С. Грушевский, согласно которому, галицкое боярство превратилось в замкнутую, отделенную от остального общества корпорацию и вело успешную политическую борьбу сразу на два фронта — против княжеской власти и простого народа. — См.: Грушевский М. С. История Украины — Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 476-482.

¹⁸ Суждения такого рода встречаются уже в первых работах по истории Галичины, затрагивающих вопросы социально-политических отношений. — См.: Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860. С. 117; Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 24.

¹⁹ Сергеевич В. И. 1) Вече и князь. М., 1867; 2) Древности русского права. СПб., 1908. Т. II; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 38-40; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 139-141; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 359, 366-368; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 185 и след.; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII вв. // Изв. М., 1972. Т. 89. С. 386; Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 130-137; 2) Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической

ях, когда простой народ все же проступает на страницах исторических сочинений о галицком княжении Мстислава, он является в образе смердов, которых князь оттолкнул от себя заодно с горожанами своей пробоярской политикой²⁰.

В последнее время предприняты попытки по-новому взглянуть на некоторые обстоятельства галицкого княжения Мстислава Удалого, пересмотреть сложившиеся стереотипы²¹. Наметившиеся в новейшей историографии подходы к изучению социально-политической истории Юго-Западной Руси первой половины XIII в. побуждают заново обратиться к многократно исследованным событиям. Серьезного пересмотра требует, прежде всего, тезис о политическом бессилии галицкой воеводской общины, гражданской апатии галичан, полностью лишенных возможности влиять на судьбу земли. Имеющиеся в нашем распоряжении источники дают основания для совершенно иных заключений, в свете которых иначе решаются и другие интересующие нас вопросы – о политической роли галицкого боярства в событиях 1220-х годов и причинах неудачи княжения Мстислава Удалого.

* * *

Политическая мобильность галичан, проявлявшаяся во всех областях внутри- и внешнеполитической жизни общины, в том числе и при выборе кандидатуры на княжеский стол, была неотъемлемой реальностью исторического прошлого Галичины, что особенно ярко проявилось в напряженной обстановке конца XII – начала XIII вв.²² Такое же положение мы наблюдаем и в период, непосредственно предшествующий появлению в Галиче Мстислава. Его вокняжение здесь стало возможным вследствие мощного движения галичан против правления венгерского королевича Коломана, нарушившего принятые на себя обязательства перед галицкой общиной. По «обещанию своему и учи-

борьбы. М.; СПб., 1995. Главы 4-7 и др.; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

²⁰ Пашуто В. Т. Очерки... С. 188.

²¹ Это же можно сказать и о социально-политических отношениях в Галичине накануне татаро-монгольского нашествия в целом. – См.: Пашин С. С. 1) Галицкое боярство XII – XIII вв. // ВЛГУ. Сер. 2. 1985. Вып. 4; 2) Червонорусские акты и грамоты князя Льва Даниловича XIV – XV вв. Тюмень, 1996; Беликова Т. В. События в Галицкой Руси накануне татаро-монгольского нашествия // Историческое познание: традиции и новации. Мат-лы Международ. теоретич. конф-ции. Ижевск, 26-28 окт. 1993 г. / Сост. и общ. ред. В. В. Иванова и В. В. Пузанова. Ижевск, 1996. Ч. 1.

²² См. раздел «Основные тенденции политического развития Галичины и Волыни в начале XIII в.» настоящей работы.

ненному договору» Коломан обязывался «принять закон их (галичан. – *А. М.*), а папешство отвергнуть»²³, однако вскоре он, используя военную силу, начал притеснять галичан, понуждая принимать католичество²⁴. Последние тогда обратились за помощью к русским князьям: «Галицкий народ не только выступил против своего короля (Коломана. – *А. М.*), нарушил присягу, но и, собрав войска от соседних русских, обложил галицкий замок, где пребывал наш сын с малым гарнизоном», – писал венгерский король Андрей II, сам некогда сидевший на галицком столе, римскому папе²⁵.

Мстислав Удалой был одним из тех, кто живо откликнулся на события в Галиче, предприняв в общей сложности до трех попыток овладеть галицким столом. Хронология и число его походов на Галич остаются во многом невыясненными и спорными. Одни исследователи датируют первый поход 1215 г., второй – 1217 или 1219 гг., а третий – 1221 г.²⁶, другие же первый поход и начало борьбы за Галич относят к 1219 г.²⁷ Важно подчеркнуть, что во все это время в происходящем ясно видна активная роль земских сил, городской общины, добивавшейся реализации собственных политических интересов. «Усмотря, что галичане не билися как надлежит», венгерский королевич стал опасаться за свою жизнь, «чтоб галичане, изменя, на него нападения не учинили», и тайно ночью бежал в Венгрию²⁸. А после новой победы Мстислава над польско-венгерскими войсками жители Галича поднялись на остававшегося в городе Коломана, вступив в бой с его воинами, укрывшимися в церкви Св. Богородицы и оттуда «стреляющимъ и камение мешючимъ на гражаны»²⁹.

²³ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах. М., 1995. Т. II-III. С. 188.

²⁴ ПСРЛ. М., 2001. Т. VII. С. 119.

²⁵ MPV. Crakovie, 1914. Т. III. № 3.

²⁶ Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 603-605; Szaranewicz I. Die Hunyadi-Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichischen Geschichte. Lemberg, 1872. S. 46; Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях... С. 90-91, 100-102; Бузескул В. П. О занятии Галича Мстиславом Удалым // ЖМНП. 1881. Март; Эммаусский А. В. Мстислав Удалой. С. 60-62, 82-85.

²⁷ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. II-III. С. 595, прим. 190; Грушевский М. С. История Украины – Руси. Т. III. С. 514-515; Пашуто В. Т. Очерки... С. 201; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 90; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 140; Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200 – 1304. М., 1989. С. 76-77.

²⁸ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 207.

²⁹ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 738.

Хотя «удалой» Мстислав, талантливый полководец и влиятельный на Руси князь, называемый в летописи «старейшим» и даже «великим»³⁰, после долгих усилий добыл-таки галицкий стол, он не был и не сумел стать фаворитом галичан и по этой причине не мог прочно обосноваться в Галиче. Отмеченная черта отличала все его недолгое княжение на берегах Днестра, предопределив трагическую развязку в судьбе славного князя. Не боярские козни и тайные интриги, а открытая, явная нелюбовь к Мстиславу горожан, не признавших в нем «своего» князя и всегда предпочитавших ему кого-нибудь другого — таков лейтмотив взаимоотношений общины и княжеской власти рассматриваемого времени. Посмотрим, насколько согласуется наш взгляд с показаниями источников.

Как свидетельствует летопись, Мстислав пришел в Галич «по совету» польского князя Лешка, своего родственника и союзника³¹, в то время как «все галичане» во главе с боярином Судиславом Бернатовичем «хотели» Даниила и направили к нему послов³². Мстислав тогда оказался проворнее, но это не прибавило ему популярности. И когда союзное венгерско-польское войско двинулось на Галич восстанавливать права Коломана, венгерского королевича, бежавшего от Мстислава, последний заблаговременно покинул город.

Мы не ошибемся, если причиной бегства князя сочтем нежелание галичан за него сражаться. Мстислав во время вражеского нашествия «бе со всеми князьми Роускими и Черниговьскими»³³, иначе говоря, собирал войска союзников. Но идти с ними в Галич так и не решился, а послал туда Даниила, как видно, без какой-либо военной поддержки со своей стороны: «Мьстиславоу же не могшоу биться съ Оугры и просяше зятя своего Данила и Олександра, да быста затвориласта в Галиче. Обещая емоу Даниль и Лександръ ити в Галичь, Даниль же затворися в Галиче, а Олександроу не смевьшоу»³⁴. Галичане не только охотно приняли Даниила, но и успешно вместе с ним отразили вражеский приступ, совершив, по-видимому, настоящий подвиг, так что многочис-

³⁰ Там же. Стб. 741, 752.

³¹ Мстислав и Лешко приходились друг другу двоюродными братьями (Ва-
u m g a r t e n N. *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle* // *OCh. Roma*, 1927. Vol. IX. № 35. Tabl. III), однако родственные связи князей перевесила разница политических интересов, и вскоре Лешко принял участие в походе против Мстислава (ПСРЛ. Т. II. Стб. 733).

³² Там же. Стб. 731.

³³ Там же. Стб. 733.

³⁴ Там же.

ленные войска противника. «не могли стояти» против них и отступили³⁵. Мстислав же, не смотря на все свое воинское искусство, удачу и помощь союзников, не имея поддержки галичан, не смог оказать достойного сопротивления врагу, когда настал его черед взяться за дело, и должен был покинуть пределы Галицкой земли: разбитые под Галичем, венгры «идоша за Рогожиноу, idoша на Мьстислава и прогнаша и земли»³⁶.

Дальнейший поворот событий в Галиче заслуживает особого внимания. Ободренные успехом, галичане не согласились с решением Даниила (в ответ на просьбу Мстислава) уйти из Галича. Когда же Даниил все-таки сделал это, галичане устроили преследование и попытались силой вернуть князя. Именно так, на наш взгляд, следует понимать не вполне вразумительное известие летописи о постоянных столкновениях Романовича и его спутников с некими преследователями, гнавшими за ними до самой границы Галицкой земли. Источник говорит об этом пространно, но, к сожалению, без необходимых пояснений, заботясь только о том, чтобы лишний раз подчеркнуть отвагу и мужество главного героя: «Изиidoша из града (Галича. – *А. М.*) и быша противоу Толмачю, оугони и (Даниила и его спутников. – *А. М.*) невернии Витовичъ Володиславъ. Наворотившесе на нь и прогнаша и, и коня от него отяша... Того же дни бишася весь день олне до ноши... и всю ночь бистася. На оутрея же оугони и Глебъ Василевичъ, оуверьноувше же ся Даниль на нь, и гна нь дале поприща... Данилови же возвратившюся и единомуу едоущю межи ими (противниками. – *А. М.*), онем же не смеюшимъ наехати на нь...»³⁷. Преодолев многочисленные трудности, беглецы добрались, наконец, до галицкого пограничья – городов Онута, Плава и Кучелмина, – и только переправившись через Днестр, почувствовали себя в безопасности³⁸.

Историки недоумевают по поводу того, с кем пришлось сражаться Даниилу, давая на сей счет столь же туманные, как и само летописное известие, пояснения. Одни говорят, что «князь геройски пробивался сквозь неприятельскую силу»³⁹, другие видят здесь некий «вражеский полк», гнавшийся за галицким беглецом, от которого «он отбивался и

³⁵ Там же. Стб. 734.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Стб. 735.

³⁹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отдел первый: Господство дома св. Владимира // Костомаров Н. И. Русь крещеная. М.; Смоленск, 1996. С. 91.

счастливым прибыл к Мстиславу»⁴⁰. Но из кого состояла упомянутая «неприятельская сила», чьим был «вражеский полк», действовавший в пределах Галицкой земли?

А. В. Эммаусский полагал, что Даниил «геройски пробился сквозь польско-венгерские войска»⁴¹. Такого же мнения придерживается Н. Ф. Котляр, предположивший, что отступающего в Понизье князя помимо поляков и венгров преследовали также предатели бояре⁴². С этим, однако, нельзя согласиться. Летопись приводит имена преследователей, с которыми сражается Даниил – это Володислав Витович, Глеб Васильевич и Янец⁴³. Все они – галичане, хорошо известные люди, не нуждавшиеся в каком-либо представлении. Ни о каком участии в погоне и столкновениях с Романовичем венгров или поляков в источнике нет ни слова. Не в пользу версии об иноземцах свидетельствует и сам характер преследования. Увидев решительное сопротивление Даниила, оказываемое лично⁴⁴, преследователи приходят в явное замешательство: «онем же не смеюшимъ наехати на нь», хотя «Данилови... единомуу едоущю межи ими». Наконец, погоня прекращается, когда беглецы достигают границы Галицкой земли, за которой начинается неподконтрольное галичанам Понизье⁴⁵.

Все сказанное убеждает нас в том, что участниками погони за Даниилом были исключительно сами же галичане, возглавляемые боярами-воеводами, и единственной целью их было вернуть Романовича в город, но не в качестве пленника, а как действующего князя, полномочного правителя и военачальника, более других устраивавшего общину. Вспомним, что при схожих обстоятельствах галичане однажды уже заставили своего Даниила подчиниться их воле и остаться в Галиче. Когда князь, еще ребенком, «не хоте оставити матери своеи», покидавшей город по требованию общины, последовал было за ней, путь ему преградил тиун «шюмавиньский» по имени Александр, за что получил от княжича удар мечом, – в итоге Даниил все же остался на

⁴⁰ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 38.

⁴¹ Эммаусский А. В. Мстислав Удалой. С. 62.

⁴² Котляр М. Ф. Данило Галицкий. Київ, 1979. С. 60.

⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 734.

⁴⁴ Летопись говорит, как Даниил обратил в бегство Глеба Васильевича и вместе со своими спутниками схватил Янца, а затем отбился от Володислава Витовича, «показа мужество свое» (там же).

⁴⁵ По данным новейших исследований, Опут, Плав и Кучелмин в первой половине XIII в. являлись пограничными крепостями Галицкой земли, входившими в состав днестровской оборонительной линии. – Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 151.

галицком столе⁴⁶. Значит, подобное обращение с князем для галичан не было внове, но сломать волю Даниила на этот раз им не удалось.

Но вернемся к основному предмету нашего внимания. Ярко характеризует неприязненное отношение галичан к Мстиславу Удалому их неучастие в военных предприятиях князя. В рассказе Ипатьевской летописи о битве русских князей с татарами на реке Калке (1223 г.)⁴⁷ среди главных участников значится и галицкий князь Мстислав. Но в отличие от остальных князей, шедших во главе своих полков – киевлян, черниговцев, смолян и «инех странъ», Мстислав вел за собой не галичан, а галицких «выгонцев». Об этой разнице летописец говорит достаточно выразительно: «А Куряне, и Трубчяне, и Путивлицы, и киждо со своими князми придоша коньми, а выгонци Галичкыя придоша по Днепроу»⁴⁸.

Сообщение о «выгонцах», как полагают исследователи, вошло в состав летописной статьи о Калкском побоище из галицкого или волынского источника, составленного очевидцем событий по их горячим следам, и поэтому заслуживает доверия⁴⁹. Правда, в предыдущем фрагменте той же статьи мы читаем о галичанах и волынцах, присоединившихся вместе со своими князьями к остальным русским полкам после переправы через Днепр⁵⁰. Однако, как устанавливает в своем текстологическом анализе памятника В. К. Романов, сообщение о галичанах и волынцах является позднейшей вставкой, нарушающей первоначальный порядок изложения⁵¹.

«Выгонцами» или «выгнанцами» в Древней Руси называли тех, кто был «изгнан из своей страны»⁵², т. е. людей, отторгнутых своей общи-

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 727. – Такой исход устраивал прежде всего общину, «неверных галичан», как их называет летописец, и вмевавшийся в дело триун являлся лишь исполнителем решения галицкой вечевой общины.

⁴⁷ Исследователи видят в нем самостоятельное произведение – «Повесть о битве на Калке», – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 346-348.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 741-742.

⁴⁹ Эммаусский А. В. Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу // Ученые записки Кировского гос. пед. ин-та. 1958. Вып. 17. Т. 1. С. 72-73; Свердлов М. Б. К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // ВЛГУ. Сер. 2. 1963. Вып. 1. С. 143; Романов В. К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // ЛХ. 1980 г. М., 1981. С. 90-92.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 741.

⁵¹ Романов В. К. Статья 1224 г. ... С. 89-90.

⁵² СлРЯ XI – XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 193, 194.

ной, не являвшихся более ее членами – галичанами в нашем случае. Практика «выгнания» в Галиче была распространена особенно широко. Из летописи известно, что «выгонцами» нередко становились видные галицкие бояре, – например, Кормильчичи или Домажиричи⁵³. Такая же участь, очевидно, подстерегала и простых людей, провинившихся перед общиной или по каким-либо другим причинам порвавших с ней. Галицкие «выгнанцы» оседали в Понизье (нижнее течение Днестра), вели активную торговлю и, как полагает В. Т. Пашуто, даже поставили собственные города – Плав, Кучелмин и др.⁵⁴ В первой половине XIII в. они составляли уже весьма значительную часть населения Понизья и под именем «русских беглецов» были известны в Болгарии и Византии⁵⁵.

Показательно, что поход галицких «выгонцев» 1223 г. возглавляли не галицкий князь или воевода, а собственные предводители⁵⁶. Летопись называет их имена – Юрий Домажирич и Держикрай Володиславич⁵⁷, что дает основание видеть в них представителей тех самых опальных боярских фамилий, что бежали из Галича еще при Романе Мстиславиче⁵⁸. Именно понизовские «выгонцы», прибывшие на «лодеи тысяща» к днепровским порогам, и составили полк галицкого князя Мстислава Удалого, далеко не лучшим образом проявившего себя в битве на Калке.

* * *

В дальнейшем положение Мстислава на галицком столе становилось все более и более шатким. Провалом закончилась его попытка организовать поход на Волынь против Даниила Романовича (в 1224 г.). Поводом к этому стали сведения, полученные от белзского князя Александра Всеволодовича, предупредившего Мстислава: «Зять твои оубити ты хочеть»⁵⁹. Несмотря на столь веские основания, галичане, как можно заключить из летописи, не поддержали своего князя, не дав ему

⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 718. – См.: Пашуто В. Т. Очерки... С. 144.

⁵⁴ Пашуто В. Т. Очерки... С. 169.

⁵⁵ *Акрополитае Georgii Historia* // BSGRT. Lipsiae, 1903. P. 33.

⁵⁶ Это позволяет заключить, что население галицкого Понизья в первой половине XIII в. организовалось уже как самостоятельная община с собственной территориальной структурой, управлением и военной организацией. К подобному выводу склоняет и наличие здесь городов, а также собственное имя одного из местных предводителей – *Держикрай*.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 742.

⁵⁸ Пашуто В. Т. Очерки... С. 144.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 746.

войска. Мстислав так и не смог вступить в пределы Волынской земли и развернуть активные боевые действия. Он неподвижно стоял на занятых позициях, ожидая пока к нему подойдет подмога от Александра Всеволодовича. Романовичи же, получив помощь польского князя Лешка Белого, без труда разбили войска белзского князя и атаковали дружину его союзника. Когда произошло столкновение, «Мьстиславою же не стерпевшую и возвратися в Галичь»⁶⁰.

Для продолжения борьбы не нашедшему поддержки горожан галицкому князю пришлось прибегнуть к помощи союзников – половецкого хана Котяня Сутеевича и киевского князя Владимира Рюриковича. Но и это не помогло: вскоре Мстислав был вынужден пойти на примирение с Даниилом, возложив всю вину за случившееся на белзского князя Александра⁶¹.

Вслед за летописцем, всячески превозносящим и выгораживающим Романовичей, историки также обвиняют во всем Александра, якобы в угоду личным интересам спровоцировавшего конфликт между добрыми союзниками – галицким и владимирским князьями, действуя заодно с «неверными» галицкими боярами, ненавидевшими Даниила⁶². Однако ряд деталей летописного повествования, остающихся без должного внимания или истолкованных превратно, заставляют иначе оценивать происходящее, увидеть в его основе иные движущие силы.

Разлад между Мстиславом и Даниилом, как показывает летопись, произошел еще до разоблачений, сделанных Александром: последний решился на такой поступок, «слышавъ, яко Мьстиславъ не имеет любви к зятю своему князю Данилови». Эти разоблачения нельзя так легко признать напрасной «клеветой», злобным «вымыслом» недружественного князя, поскольку тот представил со своей стороны свидетеля, некоего Яна. Летописец громогласно заявляет, что Мстислав вместе с Романовичами и другими князьями без труда изобличили лжесвидетеля, явившегося к ним на суд: «Познавшимъ же всемъ княземъ Алексан-

⁶⁰ Там же. Стб. 745-746.

⁶¹ Там же. Стб. 746.

⁶² Соловьев С. М. История России... Т. 2. С. 605; Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях... Отдел первый. С. 106; Иловайский Д. И. Русская история. Становление Руси... С. 510; Лонгинов А. В. Червенские города. Варшава, 1885. С. 105; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 162; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 41; Эммануэльский А. В. Мстислав Удалой. С. 109; Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 91. – Иначе мыслит В. Т. Пашуто, полагающий, что зачинщиком конфликта являлся сам Мстислав, который «продолжал традиционную политику галицких князей, стремясь овладеть Волынью» (Пашуто В. Т. Очерки... С. 33).

дровоу клеветоу а Яневоу лжю»⁶³. Но так ли было на самом деле?

Историкам, принимающим на веру крайне тенденциозный и противоречивый рассказ летописца, приходится домысливать за него то, без чего никак не удастся свести концы с концами: «белзский боярин» Ян на суде «очень неловко запутался в показаниях и тем изобличил своего князя», «не смог привести сколько-нибудь правдоподобные доказательства и запутался в своих показаниях»⁶⁴. Но ведь в летописи нет ни слова ни о свидетельских показаниях Яна, ни тем более о путанице в них. Кроме того, вопрос, с которым обращается к свидетелю Мстислав, совершенно не соответствует сути дела – обвинениям в подготовке убийства Мстислава Даниилом Романовичем. К тому же сформулирован он предельно невразумительно: «Мьстиславоу бо рекшю: “Твоя бе речь, Яню, яко Даниль второе всаживаеть Ляхы на мя?”»⁶⁵. Неудивительно, что эту фразу не понимал даже древний переписчик, составитель Ипатьевского списка летописи, записавший ее с ошибкой, искажающей смысл сообщения до абсурда. В более исправных Хлебниковском и Погодинском списках читаем: «... яко Даниль второе сваживает (т. е. подстрекает, подбивает. – А. М.) Ляхы на мя»⁶⁶.

Вопрос о «втором сваживании ляхов» задается вне всякой связи с предыдущим изложением, так что читателю остается только догадываться, о чем именно идет здесь речь. Ясно, что в данном случае мы имеем дело с какой-то недосказанностью, умалчиванием, к которым в очередной раз прибегает придворный летописец с целью затушевать все, что не соответствует положительному образу его героя. Даниил в итоге добился своего – «суд» оправдал его, осудив Александра: «И рекшим же всимъ княземъ: “Прими всю власть его за соромъ свой”»⁶⁷.

Князя ведут речь, несомненно, о «власти» (волости) Александра Всеволодовича – Белзской земле, которой уже давно добивались Романовичи. Но кому предназначалось «принять» упомянутую волость? Историки толкуют это невнятное сообщение по-разному. Одни говорят, что возмещение «за соромъ свой» должен был получить Мстислав⁶⁸,

⁶³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 746.

⁶⁴ Иловайский Д. И. Русская история. Становление Руси... С. 510; Эм-мауеский А. В. Мстислав Удалой. С. 110.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 746.

⁶⁶ Там же. Стб. 746 прим. 58.

⁶⁷ Там же. Стб. 746.

⁶⁸ Иловайский Д. И. Русская история. Становление Руси... С. 510; Эм-мауеский А. В. Мстислав Удалой. С. 110.

другие – Даниил⁶⁹. Но ни тот, ни другой не отважились выполнить постановление «суда», и не по причине недостатка сил, а в виду каких-то иных обстоятельств, которые летопись камуфлирует под «братолюбие». Примечательно, что такой исход вызывает общее одобрение остальных князей: «...и вси похвалиша емоу». Отсюда можно заключить, что пресловутая «вина» белзского князя была отнюдь не столь очевидной, как то преподносит летопись. А значит, сделанные им разоблачения не являлись лишь клеветнической выдумкой, пустым наговором, за ними могли стоять реальные намерения владимирского князя, враждебные по отношению к Мстиславу.

Некоторым подтверждением этому является нападение и разорение Романовичами Галицкой земли: «Данилоу же князю воевавшю с Ляхы землю Галичъкою... Василкоу же князю многы плены приемшю, стада коньска и кобыля»⁷⁰. Подобные действия не были напрямую спровоцированы Мстиславом, ведь он сам не преступал пределов Волынской земли. Прав А. В. Эммаусский, писавший: «Судя по всему, Мстислав не ожидал, что Даниил вторгнется в Галицкую землю, так как это подтверждало бы клевету на него в том, что он стремится отнять у Мстислава Галицию»⁷¹. Историк вслед за летописцем считает белзского князя клеветником, однако, «клевета», получающая подтверждения, не может уже считаться таковой.

а Так или иначе, конфликт Мстислава и Даниила оставляет совершенно безучастными галичан: ни бояре, ни простые граждане никак не проявляют себя в происходящем. В трудную минуту они не оказали своему князю поддержки, и тот должен был сперва просить помощи извне, а затем и вовсе прекратить борьбу и искать примирения с противником: как ни в чем не бывало Мстислав «прия зятя своего любючь, и почестивъ его великими дарми, и да ему конь свои борзыи Актазь якого же в та лета на бысть»⁷².

Похоже, Мстислав не мог опереться на помощь галичан, и когда в Галицкую землю пришли венгры, чтобы вновь посадить на княжеском столе своего королевича. Зимой 1226/27 гг. войска короля Андрея II, в котором присоединился польский отряд воеводы Пакослава, практически без сопротивления взяли Перемышль, прогнав оттуда назначенного Мстиславом тысяцкого Юрия. Продолжая наступление, венгерский ко-

⁶⁹ ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 263; БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 209; ЛР. С. 382.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 746.

⁷¹ Эммаусский А. В. Мстислав Удалой. С. 111.

⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 746.

роль занял Звенигород («ставшю во Звенигороде»), после чего «посла вой свои к Галичю»⁷³.

Настала очередь Мстислава дать ответ своим врагам. Однако никаких ответных действий, пока венгры не подошли к столице, вообще не предпринималось. Когда же королевское войско отделяло от Галича только течение реки, галицкий князь, наконец, вышел навстречу, но опять-таки не для того, чтобы дать агрессору решительный бой, а преследуя какие-то иные цели. Летописец по своему обыкновению утаивает подлинный смысл происходящего, в результате описываемые им события предстают в несколько странном, усеченном виде: «Мъстиславъ же выеха противоу с полкы. Онем же позоровавшимъ нас (на ся, по Хлеби. и Погод. сп. – А. М.), и ехаша Оугры во станы своя»⁷⁴.

Получается, что «удалой» князь вывел свои войска лишь для того, чтобы вместе с ними «позоровати» на венгров. С другой стороны, венгры, посмотрев на полки галицкого князя, «ехаша... во станы своя». Эти странные взаимные смотрины, скорее всего, прикрывают попытку Мстислава вести мирные переговоры с венграми, попытку договориться с ними ценой новых уступок, как это и вышло в конечном итоге. Действительно, в результате предполагаемых переговоров венгры отказались брать Галич и прекратили воевать с Мстиславом. Летописец объясняет такую перемену дурным пророчеством венгерских «волхвов», поведавших своему королю, «яко оузревшоу Галичъ, не быти емоу живоу», а также начавшимся на Днестре весенним половодьем: «Днепроу же (днестроу ж, по Хлеби. и Погод. сп. – А. М.) наводнившоуся, не могоша переити»⁷⁵. Однако весь дальнейший ход событий говорит о другом – галицкий князь Мстислав и венгерский король Андрей пришли к какому-то взаимному соглашению, которое полностью переменяло планы венгров.

Только так мы сможем объяснить, почему король изменил направление своего дальнейшего наступления. Оставив в тылу нетронутый Галич, он двинулся на северо-восток, взял Теробовль, а затем вторгся на Волынь и начал воевать с Романовичами: «Оттоудоу же поиде король ко Теробовлю и взя Теробовль, и поиде к Тихомлю и взя Тихомль. Оттоудоу же приде ко Кремянцю и бися подъ Кремянцем...»⁷⁶. Ясно, что пойти на это венгерский король мог только надежно обезопасив

⁷³ Там же. Стб. 748.

⁷⁴ Там же. Стб. 749.

⁷⁵ Там же. Стб. 748-749.

⁷⁶ Там же. Стб. 749.

собственный тыл, где оставался Мстислав Удалой. А это, в свою очередь, обеспечивалось либо соответствующим соглашением, либо уверенностью, что слабый и беспомощный князь не представляет скольконибудь серьезной опасности.

Беспомощность Мстислава нетрудно будет понять, если учесть, что инициатива венгерского похода, имевшего целью заменить его молодым королевичем Андреем, исходила от одного из видных галицких бояр Семена Черного⁷⁷ и, несомненно, отвечала общему негативному отношению галичан к прежнему князю. Последний был вынужден в очередной раз взывать о помощи к Даниилу: «Не отстоупай от мене!» и только получив его поддержку, — «оному же рекшу: “Имамь правдоу во сердци своемы!”»⁷⁸, — почувствовал себя более уверенно.

Исход борьбы решился тогда на Волыни. Под Кременцом Романовичи нанесли венграм тяжелое поражение, «много Оугорь избиша и раниша». Узнав об этом, Мстислав направил к Даниилу посла, галицкого боярина Судислава Бернатовича, и договорился со своим зятем добивать венгров сообща. И когда остатки королевских ратей, отступая, подошли к Звенигороду, Мстислав внезапно их атаковал: «Мстиславъ же бися с ними и победи я, и гнаша по нихъ до становъ королевыхъ, секоуще и». Не ожидавший такого вероломства король, как говорит летописец, «смятеся оумомъ и поиде и земли (изъ земле, по *Хлебн и Погод. сп. — А. М.*) борзо»⁷⁹.

Нет никакой нужды преувеличивать значение звенигородского боя, говорить о судьбоносной важности добытой Мстиславом победы. Иначе как излишней героизацией образа князя трудно объяснить стремление А. В. Эммаусского придать этому по сути рядовому и ничего не изменившему в судьбах земли и княжеского стола событию чрезвычайный характер: «Воины Мстислава чувствовали, что в этой битве решается судьба их родной земли и что поражение их означает потерю независимости и установление венгерско-польского ига в Галицкой Руси. Поэтому они сражались с удвоенной энергией и, воодушевляемые примером своего старого полководца, беспощадно рубили венгров и поляков... Победа русских была полная. Мстислав Удалой в этом Звенигородском бою в последний раз блеснул военным талантом, при-

⁷⁷ Там же. Стб. 748. — В дальнейшем этот боярин еще не раз проявлял себя как предводитель галичан, то ли оборонявшихся от врагов, то ли выбиравших нового князя (там же. Стб. 759, 771).

⁷⁸ Там же. Стб. 749.

⁷⁹ Там же. Стб. 749-750.

менив свою излюбленную тактику стремительной атаки»⁸⁰. Немудрено было галицкому князю «блеснуть» военным талантом при добивании остатков неприятельских войск, изрядно поредевших после разгрома на Волыни. А что касается иноземного владычества, от которого будто бы спасла галичан победа Мстислава под Звенигородом, то не прошло и нескольких месяцев, как сам этот князь добровольно уступил галицкий стол венгерскому королевичу. Последнее, впрочем, требует отдельного разговора.

* * *

Закономерным итогом правления Мстислава выглядит его решение добровольно оставить Галич и перебраться в Понизье⁸¹, с жителями которого отношения князя складывались куда успешнее. Это решение он принял после переговоров с боярами, от чьего имени в летописи выступает Судислав Бернатович: «Княже! Даи дщерь свою оброченую за королевича и даи емоу Галичь, не можешь бо держати самъ, а бояре не хотять тебе!»⁸². В. Т. Пашуто использовал приведенное известие, чтобы лишний раз подчеркнуть необыкновенную политическую силу галицкого боярства, достигшего всей полноты власти: «Из этой тирады, которой в пору звучать в Великом Новгороде, видно, кому принадлежала власть в Галиче»⁸³. Однако нельзя не видеть и того, что отношение бояр к князю полностью отвечало настроению простых горожан, выражало позицию всей общины, так и не принявшей Мстислава как «своего» князя.

Помимо уже высказанных нами соображений общего характера, к такому выводу приводит и анализ фактов, связанных с уходом Мстислава из Галича. Рассуждая о мотивах данного поступка и роли в этом галицкого боярства, В. Т. Пашуто писал: «Интересна аргументация, приведенная боярами: “еже даси королевичю, когда восхощеши, можеши взяти под ним, даси ли Данилови – в веки не твой будетъ Галичь: галичаномъ бо хотящим Данила”. Мстислав должен был согласиться с этими доводами и в 1227 г., передав и Галич, и дочь королевичу Андрею, уехал в Понизье в Торческ»⁸⁴. Исследователь как бы не замечает, что в данном случае показания источника определенно свидетельствуют о совпадении позиций галицкого боярства и простых горо-

⁸⁰ Эммаусский А. В. Мстислав Удалой. С. 113.

⁸¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 750.

⁸² Там же.

⁸³ Пашуто В. Т. Очерки... С. 206.

⁸⁴ Там же.

жан по отношению к Мстиславу, – не только бояре, но и простые люди отвергали этого князя, раз они «хотели» Даниила. Таким образом, речь здесь надо вести о недовольстве князем общины в целом, и по этой именно причине он «не мог» более «держаться» Галич.

Переговоры бояр с Мстиславом происходят на фоне повышенной политической активности галичан. Летописец говорит: «Галичаномъ бе хотящимъ Данила, оттоудоу же (из Галича. – А. М.) послаша (к Даниилу. – А. М.) въ речи»⁸⁵. Значит, стремление галичан сменить князя имело и практическое выражение, отвечавшее, кстати сказать, традициям древнерусской вечевой общины, – приглашение в город другого, более подходящего князя. Т. В. Беликова даже полагает, что сделано это было на вече⁸⁶. Как бы то ни было, ясно, что бояре на переговорах с Мстиславом заявляют не только свою собственную волю, как может показаться на первый взгляд, а солидарную позицию всех галичан, «не хотевших» Мстислава.

Точно так же в свое время галицкие бояре Иванко и Сбыслав Станиславичи заявили вдове князя Романа Мстиславича Анне, правившей от лица своего малолетнего сына Даниила, что галичане «отступили» от нее и ведут в город другого князя – Мстислава Немого, заставив тем самым Анну бежать из Галича вместе с сыном⁸⁷. Воля бояр в таких случаях – это выраженная воля всей общины, подкрепленная соответствующими практическими действиями. Когда летописец говорит, что владимирские бояре «не любили» князя Ингваря Ярославича⁸⁸, речь не идет об одних только боярах. Вся община не приемлет этого князя, навязанного поляками⁸⁹, и твердо стоит за другого – Александра Всеволодовича, который в результате без труда «прия Володимеръ», уступленный было Ингварю⁹⁰.

В поведении бояр нет ничего похожего на заговор кучки мятежников, пытавшихся келейно заправлять делами всей политической жизни. Думать так – значит необоснованно сужать социальные рамки подобных выступлений, грубо искажая историческую действительность. Нельзя забывать, что у галицкого князя было достаточно сил, чтобы

⁸⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 750.

⁸⁶ Беликова Т. В. События в Галицкой Руси... С. 262.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 728.

⁸⁸ Там же. Стб. 721.

⁸⁹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 24; Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях XI – первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 90.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 721.

справиться с заговорщиками, не имея они за собой поддержки общины. Вспомним хотя бы, как поступали с непокорными боярами предшественники Мстислава Удалого на галицком столе – Роман Мстиславич, который, по словам польской хроники, «хватает галицких сатрапов и знатнейших бояр и казнит», так что бояре «почти все в страхе разбежались по чужим землям»⁹¹; а также черниговские Игоревичи, истребившие, по словам летописи, пятьсот галицких бояр⁹². Да и сам Мстислав показал себя вполне способным обуздать «боярскую вольницу»: достаточно было, чтобы среди бояр распространился всего лишь непроверенный слух, будто князь с помощью половецкого хана Котяня Сутеевича, своего тестя, готовит над ними расправу, как эти бояре, бросив все, в панике бежали в Перемышль и долго потом укрывались в «горах Кавокаських», ведя с князем мирные переговоры⁹³.

Если говорить о действительных разногласиях между галицкими боярами и горожанами в момент отставки Мстислава, то, как ясно следует из сообщения источника, они касались преемника уходящего князя. Среди горожан был популярен Даниил, к нему для переговоров даже было отправлено какое-то посольство. Однако в конечном итоге верх взяло другое решение. Его проводниками явились бояре Судислав Бернатович и Глеб Зеремеевич, которые сумели убедить Мстислава⁹⁴, а вслед за ним и горожан в правильности уступки стола венгерскому королевичу. Летописец приводит лишь «льстивые» речи бояр к Мстиславу, заставившие его отказаться от первоначального намерения передать стол Даниилу⁹⁵. Однако, по нашему убеждению, в данном случае не обошлось без аналогичных действий упомянутых бояр на вече перед собравшимися для принятия окончательного решения горожанами. Нельзя допустить, что бояре могли добиваться своей цели вопреки воле вечевой общины, наперекор всем галичанам⁹⁶. Не выдерживает кри-

⁹¹ Хроника магистра Винцентия Кадлубка // Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 112.

⁹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 723-724.

⁹³ Там же. Стб. 747.

⁹⁴ Бояре находят именно те слова, которые действительно убеждают князя изменить свое мнение в пользу королевича, так как это в большей степени отвечало бы интересам самого Мстислава: «Аще даси королевичю, – когда восхощени, можеши ли взяти под нимь. Даси ли Данилови, – в веки не твои боудеть Галичь». – Там же. Стб. 750.

⁹⁵ Поначалу Мстислав «не хотел» отдавать Галич королевичу, а «наипаче хотящо дати Данилови». – Там же.

⁹⁶ Мы не знаем ни одного подобного случая за всю историю Юго-Западной Руси домонгольского периода.

тики и мнение, будто королевич силой был навязан галичанам при помощи венгерского войска⁹⁷. Об этом нет никаких упоминаний в источниках; кроме того, крайне сомнительно, чтобы такое вообще было под силу тогда венграм, только что потерпевшим целый ряд жестоких поражений в Галичине и, как говорит летописец, «изнемогших» от войны⁹⁸.

Мы имеем немало примеров того, как влиятельные бояре, пользовавшиеся доверием общины, силой личного авторитета и умением убеждать могли радикально повлиять на настроения вечников, изменить первоначальную позицию общины, увлекая людей своей правотой. Сказанное касается, прежде всего, тех случаев, когда дело шло о судьбе княжеского стола, об отношении общины к тому или иному князю. Приведем лишь некоторые из них, хронологически близкие к рассматриваемым событиям и непосредственно относящиеся к юго-западному региону Руси.

Когда в начале 1207 г. во Владимир-Волынский прибыло посольство галицкого князя Владимира Игоревича с предложением принять на владимирский стол другого Игоревича, Святослава, и выдать бежавших из Галича Романовичей, владимирцы, собравшиеся на вече⁹⁹, ответили гневным отказом и даже хотели убить парламентаря¹⁰⁰. Но в эту минуту к согражданам обратились бояре Мстибог, Мончук и Микифор, и в результате настроение вечников круто переменялось. Они не только оставили в неприкосновенности галицкого посла, но и по существу согласились со всеми предложениями галицкого князя – Святослав Игоревич обосновался во Владимире¹⁰¹, а вдова Романа вместе с детьми бежала из города, воспользовавшись «дырою градною»¹⁰². Летописец, к сожалению, не приводит полностью речей, произнесенных на вече боярами, и мы не знаем, какими доводами они смогли убедить владимирцев.

⁹⁷ Нельзя согласиться с Т. В. Беликовой, будто военная сила венгров позволила галицким боярам «помешать осуществлению вечевых постановлений» и заставить галичан сдаться без боя, а призванный вечем Даниил Романович не решился осаждать город, «занятый сильным венгерским войском». – Беликова Т. В. События в Галицкой Руси... С. 265.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 749.

⁹⁹ По ряду характерных признаков это собрание исследователи расценивают как вечевое. – Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 148.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 718.

¹⁰¹ Там же. Стб. 720.

¹⁰² Там же. Стб. 719.

По счастью, не во всех случаях летописец был столь же лаконичен. Когда летом 1210 г. венгерское войско, приведенное галицкими боярами, чтобы изгнать Игоревичей, подошло к Перемышлю, к горожанам, сошедшимся на вече¹⁰³, обратился боярин Володислав Кормильчич, речь которого сохранила летопись: «Братье! Почто смышляетея? Не сии ли (Игоревичи. — А. М.) избиша отци ваше и братью вашу? А иней имене ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша. А отчъствии вашими владеша иней пришелци. То за техъ ли хочете душу свою положити?»¹⁰⁴. Слова боярина оказались намного более действенным оружием, чем военная сила венгров. Выслушав Кормильчича, перемышляне прекратили «смышлятися» и, «сжалившись о бывшихъ, предаша градъ» заодно с князем Святославом Игоревичем¹⁰⁵. Точно так же действовал упомянутый боярин и в Галиче, когда убедил сограждан отступить от малолетних Романовичей и принять на княжение черниговских Игоревичей¹⁰⁶, а через несколько лет «Володиславимъ светомъ», т. е. по инициативе Кормильчича «галичане» выгоняют из города не в меру властолюбивую «Данилову матеръ»¹⁰⁷.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что в лице Судислава Бернатовича и Глеба Зеремеевича мы имеем дело со столь же авторитетными и влиятельными общественными лидерами, предводителями общины, к мнению которых простые граждане прислушивались не меньше, чем князь. На протяжении многих лет имена этих бояр постоянно фигурируют в летописи. Судислава Бернатовича мы знаем как сподвижника Володислава Кормильчича, когда они вместе вели галичан на свержение Игоревичей¹⁰⁸. Судислав был во главе галичан, звавших на княжение Даниила Романовича¹⁰⁹, в числе других бояр возглавлял галицкие полки, деля с ними горечь поражения и плена¹¹⁰. Занявший галицкий стол Мстислав Удалой поручил Судиславу управлять Звенигородом¹¹¹. Глеб Зеремеевич — галицкий воевода, предводитель

¹⁰³ В данном случае также имеется ряд признаков, указывающих на вечевой характер мероприятия. — Б е л и к о в а Т. В. Роль галицкого боярства в событиях 1211-1214 гг. // ВЛГУ. Сер. 2. 1989. Вып. 3. С. 82.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Кормильчича и его братьев «послушали» тогда «галицкие бояре» (там же. Стб. 718), с ними заодно «сдумали» и «галичане» (там же. М., 1997. Т. I. Стб. 427).

¹⁰⁷ Там же. Т. II. Стб. 727.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 724-725.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 731.

¹¹⁰ Там же. Стб. 736.

¹¹¹ Там же. Стб. 738.

галичан в ряде важнейших сражений, решавших судьбу земли¹¹².

Нельзя сказать, что названные бояре служили какому-то определенному князю и благодаря этому занимали высокое общественное положение: мы видим их то с Игоревичами¹¹³, то с венгерским королевичем Коломаном¹¹⁴, то с Даниилом¹¹⁵, то с Мстиславом¹¹⁶, то с другим королевичем Андреем¹¹⁷, наконец, опять с Даниилом¹¹⁸, – т. е. с тем правителем, которого в данный момент поддерживала община. Менялись князья, но на протяжении многих лет неизменным оставалось политическое положение бояр, если таковые сохраняли доверие и поддержку общины.

Было бы большой ошибкой видеть в боярах, подобных Судиславу Бернатовичу и Глебу Зеремеевичу, каких-то изменников, отщепенцев, противопоставивших себя галичанам в стремлении дорваться до власти. Приняв сторону королевича Андрея, они сумели убедить и галичан в необходимости такого выбора, доказав им свою правоту с той же очевидностью, как то было сделано на переговорах с Мстиславом. Иначе нельзя было добиться от горожан поддержки нового князя, не говоря уже о самом принятии его на галицкий стол. Такая поддержка была особенно необходима в условиях, когда на галицкое княжение имелось сразу несколько сильных претендентов. И такая поддержка, несомненно, была реальным фактом: Андрей благополучно княжил в Галиче не один год. Когда же в 1230 г. Даниил Романович, улучив момент, попытался выбить его из города, то встретил вооруженный отпор галичан – «Галич затворился» перед ним, после чего «галичане и угрь» вступили в бой с войском Даниила и вынудили его отступить. И только

¹¹² Там же. Стб. 730, 734.

¹¹³ Спасаясь от их террора, Судислав вместе с другими галицкими боярами бежит в Венгрию (там же. Стб. 724).

¹¹⁴ Во время правления Коломана Судислав участвует в походе венгров и галичан на Вольшь (там же. Стб. 736).

¹¹⁵ Вместе со «всеми галичанами» Судислав звал Даниила на галицкий стол (там же. Стб. 731).

¹¹⁶ Мстислав поручил Судиславу в управление Звенигород (там же. Стб. 738). Со временем Судислав вместе с Глебом Зеремеевичем стал главным советником князя (там же. Стб. 750).

¹¹⁷ При этом Судислав возглавляет галичан, держащих оборону против войск Даниила (там же. Стб. 758-760). И во время второго княжения Андрея в Галиче Судислав и Глеб находятся вместе с ним, помогая в борьбе с Романовичем (там же. Стб. 765-770).

¹¹⁸ После долгой борьбы Глеб вновь принимает сторону Даниила вместе с «большей половиной Галича» (там же. Стб. 771).

получив сильное подкрепление с Волыни и собрав войска мятежных галицких «пригородов», Даниил «обседе в силе тяжьсце» стольный град и таким путем принудил «изнемогих» галичан сдаться¹¹⁹. Не каждый галицкий князь мог рассчитывать на такую поддержку горожан. Предшественник Андрея Мстислав Удалой не имел и малой доли этого и по популярности заведомо проигрывал своим основным конкурентам – Даниилу и Андрею, – вот почему он безропотно уступил последнему галицкий стол.

* * *

Негативное впечатление, невольно возникающее в ходе знакомства с обстоятельствами галицкого княжения Мстислава, исследователи склонны объяснять недружественным отношением к князю летописца, намеренно создававшего его нелицеприятный образ. Так, В. Т. Пашуто писал: «...внимательно просмотрев текст Ипатьевской летописи, относящийся к 1205 – 1229 гг. и выбрав материал, характеризующий деятельность Мстислава Удалого, мы без труда убедимся, что имеем дело с автором (сводчиком), не дружественным галицкому князю»¹²⁰. Н. Ф. Котляр признает таковым летописца Даниила Галицкого, а известия за 1219 – 1228 гг. группирует в особую Повесть о собирании Даниилом волынской отчины¹²¹.

Исследованиями Б. А. Рыбакова такой взгляд поставлен под сомнение, так как в тексте Ипатьевской летописи, относящемся к периоду галицкого княжения Мстислава, сохранились также свидетельства совсем иной политической направленности, которые ученый считает элементами летописания самого Мстислава, оказавшимися в летописании Даниила Галицкого, благодаря родственным отношениям этих князей¹²². К более взвешенному выводу, на наш взгляд, приходит П. П. Толочко: «Анализ статей Галицкой летописи за 1218 – 1228 гг., с их своего рода двойной экспозицией, не оставляет сомнений в том, что перед нами не отдельная и самостоятельная авторская повесть..., а со-

¹¹⁹ Там же. Стб. 758-759. – Пребывание Даниила на галицком столе продлилось тогда недолго и было подобно сидению на вулкане из-за непрерывных «заговоров» и «мятежей» (там же. Стб. 762-763). Только после смерти королевича Андрея Романович смог вновь захватить галицкий стол (там же. Стб. 771).

¹²⁰ Пашуто В. Т. Очерки... С. 31.

¹²¹ Котляр М. Ф. 1) Галицко-Волыньский летопис XIII стол. Київ, 1993. С. 40 и след.; 2) Галицко-Волыньская летопись... С. 88 и след.

¹²² Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 163.

единение двух летописей – Мстислава Удалого и Даниила Галицкого»¹²³. Все это значит, что предвзятость летописи в отношении Мстислава Мстиславича не следует преувеличивать, и его в целом негативная характеристика имела под собой вполне реальную основу, будучи обусловлена объективными обстоятельствами. Главное из них – неприязнь этого князя галичанами, городской общиной.

Причин для неприязни галичан к Мстиславу, по-видимому, было несколько. Этот князь не был призван горожанами, а сам «добыл» галицкий стол. Мстиславу предложил занять его малопольский князь Лешко¹²⁴, до этого он просил город у венгерского короля¹²⁵, затем добивался союза и помощи киевского князя Мстислава Романовича, прибыв к нему из Новгорода¹²⁶, и ходил на Галич вместе со смоленским князем Владимиром Рюриковичем и полоцким князем Васильком Борисовичем¹²⁷. Таким образом, Мстислав в борьбе за галицкий стол делал ставку на помощь внешних сил, а не на поддержку горожан, и во княжившись в Галиче, он занял место, предназначенное горожанами другому князю – Даниилу.

Летописец неоднократно говорит, что «все галичане» «хотели» Даниила и звали его к себе¹²⁸. Но этого никак нельзя сказать о Мстиславе, ведь даже в самую критическую минуту, когда жители днестровской столицы больше «не могли терпеть» притеснений венгров, они обратились не к «удалому» искателю галицкого стола, а послали просить о помощи к киевскому князю¹²⁹. Вот почему Мстислав держался на своем новом столе только благодаря поддержке Даниила, хотя сам сделал все, чтобы не допустить возвращения в Галич своего зятя¹³⁰.

Не могли импонировать галичанам тесные связи Мстислава с понизовскими «выгонцами», предоставлявшими ему военную помощь, – население Понизья издавна было известно оппозиционным отношением к Галичу, чем успешно пользовались враги галичан и их князей. В свое время понизовские жители – берладники – оказывали военную

¹²³ Толочко П. П. Літописи Київської Русі. Київ, 1994. С. 63.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 731.

¹²⁵ Там же. Т. VII. С. 119.

¹²⁶ Там же. М., 2000. Т. XV. Стб. 329.

¹²⁷ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 207.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 731, 750.

¹²⁹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 210.

¹³⁰ Однажды Мстислав вынудил Даниила оставить Галич после того, как последний успешно отбил нападение венгров (ПСРЛ. Т. II. Стб. 734), в другой раз Мстислав передал галицкий стол венгерскому королевичу, пренебрегая правами Даниила (там же. Стб. 750).

помощь одному из главных претендентов на галицкий стол в середине XII в. Ивану Ростиславичу, прозванному за это Берладником¹³¹.

Берладники – русское в своей основе население, жившее в низовьях Дуная, Прута и Днестра, занимавшееся наряду с земледелием, торговлей и различными промыслами еще и грабежом, также ставшим для них своего рода промыслом¹³². Занятые ими земли не входили в состав Галицкой волости¹³³, и поэтому появление берладников в Галицкой земле воспринималось как вражеское вторжение, что заставило галичан отступить от Ивана Ростиславича, прежде пользовавшегося большой популярностью¹³⁴.

Согласно И. П. Крип'якевичу, «галицкие выгонцы» в социальном плане были подобны берладникам, и в целом население Понизья состояло из тех, «кто был недоволен княжеско-боярским режимом и надеялся на вольные условия жизни»¹³⁵, иными словами – из противников существующих в Галичине порядков, врагов правивших в Галиче князей и бояр. Современные исследователи характеризуют население днестровско-дунайского Понизья – бродников, берладников и галицких выгонцев – как единый в социально-политическом плане конгломерат: понизовцы «проживали за государственными рубежами, не подчинялись ни одному из правителей и представляли собой достаточно значительную военную силу»¹³⁶.

Галицкие походы Мстислава Удалого и Ивана Берладника, использовавших половцев и понизовских жителей, объединяет еще одна немаловажная черта – поддержка галицких смердов. На сторону Берладника, подступившего к пограничной Ущице, переметнулись триста смердов, «скачюч чересь заборола»¹³⁷. Посильную помощь оказывали смерды и Мстиславу, воевавшему за Галич с венграми и поляками. Нуждается в уточнении утверждение В. Т. Пашуто, что «боярский характер» политики Мстислава «лишил его вооруженных сил, укомплек-

¹³¹ Там же. Стб. 497.

¹³² Ма в р о д и н В. В. 1) Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 182; 2) Народные восстания в древней Руси XI – XIII вв. М., 1961. С. 100-101; Н а с о н о в А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 138-141; Л е в ч е н к о М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1957. С. 438; К о т л я р Н. Ф. Формирование территории... С. 102.

¹³³ К о т л я р Н. Ф. Формирование территории... С. 102, 105 и след.

¹³⁴ Ф р о я н о в И. Я. Древняя Русь. С. 553-557.

¹³⁵ К р и п ' я к е в и ч И. П. Галицько-Волинське князівство. С. 55.

¹³⁶ К о з л о в с ь к и й А. О. Историко-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX – XIV ст. Київ, 1992. С. 165.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 497.

тованных из горожан и смердов»¹³⁸. Если неучастие галичан в военных делах князя – факт достаточно очевидный, то со смердами дело обстоит совершенно иначе: они оказали Мстиславу самую энергичную поддержку. И этот внешне малоприметный факт не преминул отметить летописец, повествуя о громкой победе князя: «... вси бо Оугре и Ляхове оубьени быша, а инии яти быша, а инии, бегающе по земле, истопоша, друзи же смерды избьени быша (курсив наш. – А. М.)»¹³⁹.

Смердами в Древней Руси называли пленников, посаженных на землю, инородной группой входивших в состав местного населения, плативших дань и несших различные повинности в пользу местной общины¹⁴⁰. Такая практика была издавна распространена и в Юго-Западной Руси. В конце XI в. теребовльский князь Василько Ростиславич вынашивал планы «перейти болгары дунайские и посадити я у собе»¹⁴¹. Как стремление увеличить число смердов-данников расценивают эти замыслы исследователи¹⁴².

Иногда подобной участи подвергались жители враждебной волости, ставшие жертвами межволостных конфликтов. Под 1171 годом Ипатьевская летопись сообщает, что в ходе войны владимировольнского князя Мстислава Изяславича с дорогобужским князем Владимиром Андреевичем первый захватил несколько погорыньских городов – «пригородов» Дорогобужа – и «възведе городъ Шюмескъ и посла Володимерю»¹⁴³. Слова источника следует понимать так, что Мстислав вывел жителей города Шумска и послал их к Владимиру-Вольнскому¹⁴⁴. Территория Погорынья тогда еще не входила в состав Владимирской волости¹⁴⁵, и поэтому жители Шумска воспринимались как военнопленные, выведенные из своей земли и посаженные на новых землях, в чужой для них волости, – фактически они оказались на

¹³⁸ Пашуто В. Т. Очерки... С. 188.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 738.

¹⁴⁰ Фроянов И. Я. 1) Смерды в Киевской Руси // ВЛГУ. Сер. 2. 1966. Вып. 2; 2) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 119-126; 3) Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 210-212.

¹⁴¹ ПВЛ. М.: Л., 1950. Ч. I. С. 176.

¹⁴² Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 136; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 556.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 546.

¹⁴⁴ ЛР. Київ, 1989. С. 296.

¹⁴⁵ До 70-х годов XII в. городские общины Погорынья тяготели к Киеву и только в первой половине XIII в. оказались частью под властью Галича, частью – Владимира-Вольнского. – См.: Михайлова И. Б. Городские общины Погорынья в XI – середине XIII вв. // ВЛГУ. Сер. 2. 1994. Вып. 4.

положении тех же смердов.

Летопись также изобилует примерами того, как волынские и галицкие князья во главе своих полков воюют со степняками и, добившись победы, захватывают значительную военную добычу, в том числе и многочисленных пленников, которых потом увозят к себе¹⁴⁶. Во время одного из таких походов «толико взяша полона множество, яко же всимъ Рускимъ воемъ наполнится до изобилья: и колодники, и чагами, и детми ихъ, и челядью, и скоты, и конми»¹⁴⁷.

Во всех рассмотренных случаях речь идет о пленниках, насильственно переселенных в чужую землю и обращенных в рабство. Среди них могли оказаться и приграничные половцы, и «болгары дунайские», и мятежные обитатели Понизья. Поэтому неудивительно, что галицкие смерды столь живо откликнулись на появление князей, опиравшихся на воинства половцев и понизовцев – Ивана Берладника и Мстислава Удалого. С другой стороны, дружба со смердами претендентов на галицкий стол едва ли могла понравиться самим галичанам, а, скорее, наоборот, должна была посеять в них разочарование и неприязнь, какие имели место в случае с обоими нашими героями.

Свою негативную роль в судьбе Мстислава Удалого сыграли и его военные неудачи. Ушли в прошлое те времена, когда славные галицкие полки под предводительством князя или воевод совершали победоносные походы далеко за пределы своей земли, завоевывая богатые трофеи, пленников и подчиняя Галичу чужие волости и города, как это было при «славном полками» Ярославе Осмомысле и «подобном гепарду» Романе Мстиславиче, подчинившем Киев и ставшем, по словам летописи, «самодержцем всей Руси»¹⁴⁸. Теперь Галичина сама стала ареной кровавых столкновений, терпя при этом неисчислимые бедствия. Постоянные войны, много лет подряд шедшие на территории Галицкой земли, многочисленные вражеские вторжения, разорение и гибель людей – таков печальный след, оставленный в земле «удалым» князем после десяти лет кровавой борьбы за галицкий стол и столь же неблагоприятного княжения¹⁴⁹.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 481, 505, 538-540, 541 и др.

¹⁴⁷ Там же. Стб. 540.

¹⁴⁸ Там же. Стб. 656, 715-716.

¹⁴⁹ За это время Галицкая земля не менее пяти раз подвергалась опустошительным нашествиям врагов, в которых участвовали венгры, поляки, чехи, половцы, а также киевский и волынские князья – союзники или враги Мстислава. При этом земля в равной мере несла урон как от иноземцев, так и от русских, – даже сам Даниил Романович в отместку Мстиславу «воевавшю с Ляхы землю Галичкоюю» (там же.

Явно не в лучшем виде показал себя Мстислав и в битве русских князей с татарами на реке Калке. Его поступки вносили разлад в общие действия: послав вперед с войсками Даниила Романовича, он не поставил в известность об этом других князей «зависти ради», как выражается летописец, «бе бо котора велика межю ими»¹⁵⁰. К тому же Мстислав первым покинул поле битвы, спасаясь бегством: «преже всех перебеже Днепр» и «лоды посеши»¹⁵¹. Некоторые исследователи называют «удалого» князя главным виновником тяжелого поражения русских войск, гибели множества князей и «воев»¹⁵².

Крайне негативно воспринимали галичане постоянное использование Мстиславом в собственных целях половецких наемников – злейших врагов Руси. В период борьбы за Галич князь «наводил» половцев, чинивших «великое зло» земле: «...они же (половцы. – А. М.) бишася у града (Галича. – А. М.) половину дни и разыдошася по земли воевати, и много зла створиша, города и села пожгоша, и, многъ полонъ возьмеше, поидоша»¹⁵³. Неудивительно, что от такого претендента галичане отбивались всеми силами сообща с венграми и другими союзниками¹⁵⁴, предпочитая ему венгерского королевича.

И в дальнейшем галичане крайне настороженно и с подозрением относились к любым контактам своего князя с половцами, пусть даже мнимым, постоянно ожидая нападений с этой стороны. О крайнем недоверии и отчуждении между общиной и князем свидетельствует следующий факт. Некий «льстивый» Жирослав поведал галицким боярам: «Идеть Мъстиславъ в поле и хочеть вы предати тестевн своему Котяню на избитье»¹⁵⁵. И хотя Мстислав, если верить летописцу, даже не помышлял о таком вероломстве, Жирославу не составило никакого труда убедить галицких бояр, и князю, чтобы погасить конфликт, пришлось потом долго оправдываться перед ними¹⁵⁶.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов того обстоятельства, что

Стб. 746).

¹⁵⁰ Там же. Т. II. Стб. 743.

¹⁵¹ Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 342-343; СПб., 1910. Т. XX. Ч. 1. С. 153; М., Л., 1949. Т. XXV. С. 121.

¹⁵² Иловайский Д. И. История России. Становление Руси (Периоды Киевский и Владимирский). С. 506; Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории: Русские земли в XIII – XV веках. М., 1986. С. 50.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. VII. С. 128.

¹⁵⁴ Там же. С. 126; М., 2000. Т. X. С. 83.

¹⁵⁵ Там же. Т. II. Стб. 747.

¹⁵⁶ Там же.

Мстислав Удалой был уже далеко не молод¹⁵⁷ и, по-видимому, все больше слабел¹⁵⁸. Летописи не сообщают даты рождения Мстислава, но по целому ряду косвенных данных ее можно приблизительно установить. По подсчетам А. В. Эммаусского, в 1178 г., когда князь получил первый в своей жизни удел, ему было от пятнадцати до двадцати лет¹⁵⁹, следовательно, к моменту отставки (1227 г.) Мстиславу должно было исполниться 64 – 69 лет.

Старческая немощность уже не позволяла князю, некогда славному блестящими победами, участвовать в сражениях, даже когда дело шло о защите своей земли от внешних врагов. В последние дни пребывания у власти Мстислав почти не покидал Галича, несмотря на то, что в земле хозяйничали враги. Он так и не принял участия ни в изгнании венгров, ни в отражении поляков, – напрасными были настойчивые уговоры Романовичей и воеводы Глеба Зеремеевича¹⁶⁰. Галичане тогда, судя по всему, сражались с врагами под руководством волынских князей и своих воевод.

Престарелый князь не только не справлялся с внешними врагами, но и плохо рядил внутренние дела. В результате серьезно обострились противоречия между Галичем и его «пригородами», что создало реальную угрозу территориальному единству земли, фактически привело к отделению не только Понизья, но и «горной страны Перемышльско́й»¹⁶¹. Все это предопределило приговор общины князю, звучащий в летописи из уст бояр: «не можешь держать сам» Галича.

* * *

Подобные случаи бывали на Руси и прежде. И тогда немощные князья искали себе подходящих преемников-соправителей, как правило из числа своих близких родственников, нарекая их сыновьями. В 1151 г. престарелый киевский князь Вячеслав Владимирович обращается к своему племяннику Изяславу Мстиславичу: «Сыну! Богъ ти помози, оже на мене еси честь возложилъ, акы на своемъ отци. А я паку, сыну, тебе молвлю: я есмь оуже старъ а всих рядовъ не могу оуже ря-

¹⁵⁷ Этот факт, хотя и не оговаривается в источниках, признается исследователями. – Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 162; Котляр М. Ф. Галицко-Волыньский літопис... С. 37.

¹⁵⁸ Всего через год после своей отставки тяжело больной Мстислав умер, приняв перед смертью схиму. – ПСРЛ. Т. II. Стб. 752; СПб., 1843. Т. II. С. 336; Т. VII. С. 134.

¹⁵⁹ Эммаусский А. В. Мстислав Удалой. С. 9.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 749.

¹⁶¹ Беликова Т. В. События в Галицкой Руси... С. 263.

дिति. Но будеве оба Киеве. Аче на буде которыи рядъ или хрестьяных, или поганыхъ, а идеве оба по месту. А дружина моя и полкъ мой – а то буди обою нама, ты же ряди. Аче кде на будеть мочно обеима ехати, а оба едеве, паки ли, а ты еди с моим полкомъ и съ своимъ»¹⁶².

Через три года, в 1154 г., уже после смерти Изяслава Вячеслав с теми же словами обращается к его брату Ростиславу: «Сыну! Се оуже въ старости есмь а рядовъ всих не могу рядити. А, сыну, даю тебе, якоже брат твои держаль и рядиль. Тако же и тебе даю, а ты мя имеи отцемъ и честь на мне держи, якоже и брат твои Изяславъ честь на мне держаль и отцемъ имелъ. А се полкъ мой и дружина моя, – ты ряди»¹⁶³.

Всего случаев княжения в одной земле-волости двух соправителей (иногда даже имевших свои столы в одном городе) историки насчитывают немало. Б. А. Рыбаков говорит о шести таких случаях, П. П. Толочко прибавляет к ним еще один¹⁶⁴. Все они относятся к XII в. Впрочем, недавно Н. Ф. Котляр предложил начинать историю соправительства с конца XI в., с «дуумвирата Святополк - Мономах»¹⁶⁵. Более основательным представляется подход А. П. Толочко: исследователь признает только три случая соправительства в Киеве, когда были соблюдены все надлежащие формальности, – Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича, Вячеслава Владимировича и Ростислава Мстиславича, Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича, – эти случаи он квалифицирует как «законное», а прочие как «фактическое» соправительство¹⁶⁶.

Данное явление получило в литературе специальное определение «дуумвирата» или «диархии» как особой формы организации княжеской власти, вызванной к жизни политическими условиями своего времени¹⁶⁷. Не всеми современными исследователями признается суще-

¹⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 419.

¹⁶³ Там же. Стб. 470-471.

¹⁶⁴ Рыбаков Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 161-162; 2) Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 492-494; Толочко П. П. 1) Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности XII – XIII вв. Киев, 1980. С. 180-183; 2) Київська Русь. С. 207.

¹⁶⁵ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 226-230. – Правда, сам исследователь говорит о существенных различиях «дуумвирата Святополк - Мономах» и остальных случаев соправительства (второй половины XII в.).

¹⁶⁶ Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 46-54.

¹⁶⁷ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 168-169, 176, 205-207; Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 492; Толочко А. П. Князь в Древней

ствование дуумвирата как устойчивой системы организации государственной власти¹⁶⁸. Тем не менее, нельзя, на наш взгляд, отрицать фактов соправительства князей в Киеве, ставшего одной из характерных черт политической истории Руси второй половины XII в.

Попробуем выделить наиболее характерные признаки «диархии»:

- 1) непосредственной причиной обращения к ней является обострение политической ситуации, вызванное борьбой за княжеский стол нескольких сильных соперников;
- 2) формальное «старейшинство» одного из соправителей и реальное управление, как правило, в руках другого;
- 3) использование терминологии семейного родства в отношениях между соправителями – «отец» и «сын», – подчеркивающее формальное превосходство первого, старшего по возрасту;
- 4) соправителями «старейшего» князя становились только владельческие князья, сами правившие в какой-либо земле и обладавшие значительной политической и военной силой;
- 5) после смерти «старейшего» князя его единственным законным преемником становился младший («сын»), соправительство прекращалось.

Нетрудно заметить, что все эти общие определения вполне соответствуют политической ситуации, складывавшейся в Галиче на исходе княжения Мстислава. Старейший князь склонялся к решению передать стол Даниилу: «...наипаче хотящу дати Данилови»¹⁶⁹. Видимо, между ними существовала и какая-то договоренность на сей счет, – Мстислав явно пытался загладить свою вину перед Даниилом, когда впоследствии говорил ему: «Сыну! Сгрешихъ, не давъ тебе Галича, но давъ иноплеменьникоу Соудислава лъстьця светомъ»¹⁷⁰. Нельзя считать случайностью и то обстоятельство, что, еще оставаясь галицким князем, Мстислав предоставляет Романовичу оборону Галицкой земли от венгров и поляков (1227 г.). С этой задачей молодой князь успешно справился, имея под своей рукой, в том числе и галицкий полк, о чем судим по участию в боевых действиях воеводы Глеба Зеремеевича¹⁷¹.

Уступая часть полномочий Даниилу, Мстислав при этом не собирався покидать пределов Галицкой земли и отказываться от своих кня-

Руси... С. 46-54.

¹⁶⁸ См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 81-82.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 750.

¹⁷⁰ Там же. Стб. 752.

¹⁷¹ Там же. Стб. 749-750.

жеских прав¹⁷². Отдав Галич, он хотел «взять» себе Понизье, что и сделал впоследствии¹⁷³. А когда все-таки был вынужден покинуть пределы Галичины («оттоуду иде к Торьцкому»), то стал звать Даниила к новой войне за Галич, предлагая в случае успеха совместно управлять Галицкой землей: «Аще Богъ дасть его нама, ты возми Галичь, а азъ Понизье»¹⁷⁴.

Как и подобает князьям-соправителям, Даниил почитает Мстислава как отца, отсюда – отмечаемая исследователями необыкновенная лояльность молодого Романовича к, казалось бы, главному своему сопернику в борьбе за галицкое наследство; эту лояльность он сохранял до самой смерти последнего¹⁷⁵. Мстислав же, в свою очередь, обращается к Даниилу: «Сыне», вдобавок и сам летописец именуется Романовича «сыном» Мстислава¹⁷⁶. Наконец, Даниил Романович, к середине 20-х годов XIII в. уже отвоевавший значительную часть своей воынской «отчины»¹⁷⁷, представлял реальную политическую силу, на которую мог бы опереться слабеющий галицкий князь.

Таким образом, Мстислав в стремлении сделать Даниила своим соправителем и преемником действует достаточно традиционно, опираясь на сложившуюся на Руси практику. В пользу этого свидетельствует еще один факт, характерный для древнерусского соправительства вообще. Обязательным условием последнего является наличие близких родственных отношений, скрепляющих политический союз. Часто соправителями становились дядья и племянники¹⁷⁸. Если же родственные узы отсутствовали или были слишком слабыми, то их завязывали заново посредством браков. Так, уступая старейшинство в Киеве Святославу Всеволодовичу, Рюрик Ростиславич выдает свою дочь за сына Святослава Глеба¹⁷⁹, а впоследствии другую свою дочь выдает за Романа

¹⁷² Недаром он так легко позволил боярам уговорить себя отдать предпочтение королевичу – бояре посулили старому князю возможность в любой момент «взять» Галич назад.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 750.

¹⁷⁴ Там же. Стб. 752. – Понизье исторически воспринималось как часть Галицкой земли, хотя в первой половине XIII в. фактически уже было независимой от Галича территорией.

¹⁷⁵ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 40, 43.

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 732, 752.

¹⁷⁷ См.: Котляр М. Ф. 1) Данило Галицкий. Київ, 1979. С. 55 и след.; 2) Галицко-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 178-183.

¹⁷⁸ См.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве»... С. 161.

¹⁷⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 625.

Мстиславича, прежде чем разделить с ним власть в Киевской земле¹⁸⁰. Так же точно поступает и Мстислав Удалой, выдав дочь за Даниила¹⁸¹.

Заметим, что этот брак состоялся еще в 1217 г.¹⁸², в разгар напряженной борьбы за галицкий стол, где главными соперниками были как раз Мстислав и Даниил. Первый оказался проворнее: по совету польского князя Лешка он захватил Галич раньше, чем туда успел прибыть Даниил, которого, надо сказать, звали к себе «все галичане»¹⁸³. Имея несомненные преимущества перед чужим для горожан Мстиславом, Романович не только признал права соперника, но и стал оказывать ему военную помощь в борьбе с другими претендентами на Галич. Что же могло так умиротворить и расположить Даниила к его новому родственнику? Не обещание ли последнего сделать зятя своим преемником и соправителем?

Во всяком случае, является фактом, что Даниил принимает самое активное участие в галицких делах, когда в земле княжит его тесть. Это касается не только завершающего, но и начального периода галицкого княжения Мстислава. Вместе они отражают нашествие венгерско-польских войск (1219 г.), причем Романович оборонял столицу – Галич – и непосредственно возглавлял городское ополчение, остановившее агрессоров, в то время как Мстислав пребывал, судя по всему, в Понижье. «Старейшинство» и право принимать окончательные решения в этом союзе принадлежали Мстиславу: он велит Даниилу оставить Галич, и тот, несмотря на одержанную победу и отчаянное сопротивление горожан, не желавших отпускать своего «отчича», в точности выполняет его волю. И далее они действуют сообща, договариваясь отомстить за «сором» и вернуть себе власть над Галицкой землей: «Поиди, княже, в Володимерь, – говорит Даниилу Мстислав, – а язъ поidou в Половци. Мъстиве сорома своего!»¹⁸⁴.

Однако вскоре союз Мстислава и Даниила дал трещину. Когда в 1221 г. «удалой» воитель предпринял еще одну, решающую попытку захватить полюбившийся ему Галич, волинский князь остался в стороне и не поддержал своего тестя. Мстислав же, наоборот, незадолго до этого помог Романовичам отстоять их «отчину» в борьбе с поляками и

¹⁸⁰ Там же. Стб. 661, 708, 711.

¹⁸¹ Там же. Стб. 732.

¹⁸² ДР. С. 375. – М. С. Грушевский относит его к 1219 г. (Грушевский М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНГШ. Львів, 1901. Т. ХІ. С. 15).

¹⁸³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 731.

¹⁸⁴ Там же. Стб. 735.

примкнувшим к ним белзским князем Александром Всеволодовичем. Летописец, пропуская все подробности тяжелого для волынских князей испытания, тем не менее, не скрывает спасительную роль в их судьбе Мстислава Удалого: «Не бе бо има (Даниилу и Васильку. – А. М.) помощи ни от кого же, разве от Бога, дондеже приде Мьстиславъ с Половци»¹⁸⁵. Последний имел все основания рассчитывать на ответную помощь в предстоящей схватке за Галич. Однако Даниил, занятый своими делами, явился с небольшой дружиной, уже когда Мстислав праздновал победу: «Данилови же приехавшю в мале дружинне с Демьяномъ тысячкымъ, не бе бо приехалъ во время то, потом же приеха Даниль ко Мьстиславоу»¹⁸⁶.

Сказанное, на наш взгляд, проясняет, почему Мстислав очень скоро нашел себе другого преемника. В том же 1221 или 1222 гг.¹⁸⁷ он заключил мирный договор с венгерским королем Андреем II, о содержании которого известно из письма к последнему римского папы Гонория III: венгерский король признал переход галицкого стола к Удалому, а тот, в свою очередь, выдал дочь замуж за королевича Андрея-младшего и согласился в будущем передать галицкий стол своему венгерскому родственнику¹⁸⁸. Прав М. С. Грушевский, говоря, что «со стороны Мстислава это была добровольная уступка, так как он имел полную возможность диктовать условия венграм»¹⁸⁹. Но объясняется она не столько происками бояр, сколько изменением отношения к нерадивому «сыну» самого галицкого князя.

Об этом же говорит и летописец. Примерно к 1224 г. относится следующее сообщение: «...Мьстиславъ не имееъ любви к зятю своему князю Данилови»¹⁹⁰. Данным обстоятельством, как мы видели, воспользовался давний враг Романовичей белзский князь Александр Всеволодович, и ему не составило труда подбить Мстислава к вооруженному выступлению против владимирского князя. Видимо и последний, узнав, что тесть лишил его галицкого наследства, изменил к нему отношение, настолько, что, если верить словам белзского князя, готов был совершить убийство: «Зять твои оубити тя хочеть»¹⁹¹. Впро-

¹⁸⁵ Там же. Стб. 736.

¹⁸⁶ Там же. Стб. 738.

¹⁸⁷ К 1221 г. относит его В. Т. Пашуто (Внешняя политика... С. 249), М. С. Грушевский датирует его 1222 г. (Історія України – Руси. Т. III. С. 41).

¹⁸⁸ VMH. T. I. № 65.

¹⁸⁹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 41.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 746.

¹⁹¹ Там же. Стб. 746.

чем, дело тогда закончилось мирно. Князья нашли общий язык и восстановили прежние отношения. Мстислав опять назвал Даниила «сыном» и свой галицкий стол «наипаче хотящу дати Данилови».

* * *

Однако реализовать это решение Мстислав Удалой не смог, – в дело вмешались галицкие бояре. Под 1226 годом летопись сообщает: «Мьстислав же по совете льстивыхъ боярьъ Галичкихъ вда дщерь свою меншоую за королевича Андрея и дасть емоу Перемышль»¹⁹². Таким образом, у галицкого князя появился еще один «сын» – венгерский королевич.

В традиционном обществе не существует различий между родством и свойством. Это, в частности, нашло выражение на лексическом уровне. Славянская номенклатура родства дает немало примеров семантического тождества терминов, определяющих родственные отношения по крови и по браку¹⁹³. Слово «тесть» (слав. *tьstь) этимологически восходит к термину, употреблявшемуся для обозначения своих собственных родителей, так же, как «зять», обозначавшее когда-то различные степени свойства, первоначально использовалось в отношении кровных родственников¹⁹⁴.

Сущность архаических воззрений на значение родства отразилась и в ряде других древних терминов, выражающих брачно-родственные связи и отношения, таких как «свёкор», «свояк», «сват», «свадьба», а также «свойство». Все они содержат древний индоевропейский корень *sue-, *suo- – 'свой' и выражает идею принадлежности к *своему* социуму¹⁹⁵. Славянское «сват» первоначально значило 'свой близкий человек, сородич', а глагол «свататься» еще в древнерусском языке употреблялся в смысле 'сближаться, сговариваться, осваиваться'¹⁹⁶. Заключить брак с кем-либо – значит сделаться своим.

Посредством браков галицкий князь искал себе не просто союзни-

¹⁹² Там же. Стб. 748. – Как выясняется из дальнейшего изложения, это была только помолвка, сам брак состоялся позднее.

¹⁹³ Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959. С. 88-90.

¹⁹⁴ Там же. С. 126, 131.

¹⁹⁵ Лавровский П. Коренное значение в названиях родства у славян. СПб., 1867. С. 79-84; Трубачев О. Н. История славянских терминов родства... С. 118, 139-143; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. С. 570, 584.

¹⁹⁶ Трубачев О. Н. История славянских терминов родства... С. 142; Лавровский П. Коренное значение в названиях родства... С. 81.

ков, но соправителей-преемников, стремясь тем самым укрепить собственное положение. На роль таковых, в зависимости от обстоятельств, претендовали и русский князь Даниил, и венгерский королевич Андрей, оба ставшие зятями Мстислава. С древних времен существует хорошо известный этнографам и фольклористам обычай, согласно которому преемство власти осуществлялось не от отца к сыну, а от тестя к зятю, т. е. по линии свойства. «У некоторых арийских народов, — пишет Дж. Дж. Фрэзер, — на определенной стадии общественного развития, по-видимому, было обычным явлением видеть продолжателей царского рода не в мужчинах, а в женщинах и в каждом последующем поколении отдавать царство мужчине из другой семьи, нередко из другой страны. В народных сказках этих народов варьируется сюжет о человеке, пришедшем в чужую страну, который завоевывает руку царской дочери, а с ней половину или все царство. Не исключено, что это отголосок реально существовавшего обычая»¹⁹⁷. Дальнейшими исследованиями установлено, что такой обычай существовал не только у арийских народов, но (с различными вариациями) встречается практически у всех народов мира, ученые возводят его к матриархальным отношениям¹⁹⁸. Отголоски такого же обычая находит В. Я. Пропп, исследовавший исторические корни русской волшебной сказки¹⁹⁹.

Характерно, что главной причиной замены правителя была его старческая немощность, с точки зрения архаического сознания, представлявшая большую опасность для страны и народа²⁰⁰. В русской сказке царь сам «объявляет всенародный клич, что он отдает дочь и полцарства тому, кто решит ту или иную задачу»²⁰¹. Не такой ли «половиной царства», законной уступкой будущему зятю, могла восприниматься в Галиче передача Мстиславом Перемышля венгерскому королевичу Андрею? Ведь эта уступка не вызвала возражений галичан, наоборот, судя по летописи, она была инициирована лидерами общины — боярами²⁰², не усматривавшими в этом потери суверенитета старшего города над одним из «пригородов».

¹⁹⁷ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986. С. 153.

¹⁹⁸ См.: Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. М.; Л., 1948.

¹⁹⁹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. С. 332-341.

²⁰⁰ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 254 и след.; Пропп В. Я. Исторические корни... С. 334-335.

²⁰¹ Пропп В. Я. Исторические корни... С. 333.

²⁰² ПСРЛ. Т. II. Стб. 748.

Находит соответствие в действиях галицкого князя и другой отразившийся в русской сказке мотив испытания зятя-преемника «трудными задачами». Когда в 1219 г. союзное венгерско-польское войско двинулось на Галич восстанавливать права королевича Коломана, Мстислав покинул город, поручив оборону Даниилу: «Мьстиславоу же не могшоу битися съ Оугры и просяше зятя своего Данила и Олександра (белзского князя Александра Всеволодовича. – А. М.), да быста затвориласта в Галиче. Обещая емоу Даниль и Лександрь ити в Галичь, Даниль же затворися в Галиче, а Олександроу не смевьшоу»²⁰³. Под руководством Романовича галичане успешно отразили вражеский приступ, совершив, по-видимому, настоящий подвиг, так что многочисленные войска противника «не могли стояти» против них и отступили²⁰⁴. Даниил выполнил и другое «задание» тестя: по требованию Мстислава он, несмотря на блестящую победу, оставил Галич и, рискуя жизнью, пробился сквозь неприятельские войска к своему «отцу»²⁰⁵. За это последний «великою похвалоу створи Данилови, и дары емоу дасть великыи, и конь свои борзыи сивыи...»²⁰⁶.

Обращает внимание, что «брачная политика» Мстислава Удалого приводит к острым конфликтам князя с его зятями, как с Даниилом, так и с Андреем, пытавшимися лишить своего тестя стола и даже убить. Объяснить этот феномен можно как следствие рассматриваемого нами обычая престолонаследия по линии свойства. Согласно В. Я. Проппу, из двух способов передачи престола (от тестя к зятю и от отца к сыну), отразившихся в русской сказке, первый отличается конфликтностью: «Это – конфликтная ситуация, ведущая к убийству владельца престола...»²⁰⁷. Важно и другое замечание ученого: «...борьба за престол между героем и старым царем есть явление вполне историческое»²⁰⁸.

Иногда в сказке обычай передачи власти новому правителю действует в несколько смягченном виде: «Конфликт улаживается мирно. Царь отдает зятю полцарства, и оба продолжают царствовать – никакого убийства здесь нет. Или, женившись на дочери царя, герой мирно ждет смерти тестя и вступает на престол только после смерти царя»²⁰⁹.

²⁰³ Там же. Стб. 733.

²⁰⁴ Там же. Стб. 734.

²⁰⁵ Там же. Стб. 734-735.

²⁰⁶ Там же. Стб. 735.

²⁰⁷ Пропп В. Я. Исторические корни... С. 335.

²⁰⁸ Там же. С. 341.

²⁰⁹ Там же. С. 337.

Видимо, на это и рассчитывал Мстислав, уступая Перемышль Андрею, а затем, спустя несколько лет, предлагая Даниилу: «... ты возми Галич, а азъ Понизье».²¹⁰ Но без конфликта все-таки не обошлось. «Зять твои оубити ты хочеть», – сообщает Мстиславу белзский князь Александр о тайном замысле Даниила, и Мстислав без колебаний верит этим словам.²¹¹ Вскоре такой же конфликт вспыхнул между Мстиславом и его вторым зятем Андреем: «Андреи же, послоушавъ лестиваго Семьюнка (лстиваг семеона, – по *Хлебниковскому и Погодинскому стискама*. – А. М.) Чермьнаго, и бежа во Оугры и нача воздвизати рать».²¹² Отметим, что гибель старого царя от неприятельской армии – один из способов его умерщвления, известный сказке и имеющий свои исторические корни²¹³.

Зимой 1226/27 гг. венгерский король во главе большого войска вторгся в Галичину, однако воевать с Мстиславом и силой брать Галич не стал. Целью похода было заставить старого галицкого князя выполнять выданные ранее обязательства: соблюдать права королевича Андрея и обеспечить переход к нему как к единственному законному наследнику галицкого стола. Вот почему, достигнув соответствующей договоренности с Мстиславом, король направляет свои войска на Волынь. Это была попытка нейтрализовать главного соперника королевича в борьбе за галицкий стол – владимирово-волинского князя Даниила Романовича.

Войска короля тогда потерпели неудачу, и, казалось бы, уже ничто не сможет помешать Романовичу вернуться в Галич. Но тут в дело вступили наиболее влиятельные и авторитетные галицкие бояре Судислав Бернатович и Глеб Зеремеевич. Они, как мы уже знаем, убедили Мстислава, только что в очередной раз признавшего своим наследником Даниила, вновь переменить решение. Удалой отдал, наконец, свою младшую дочь за королевича и уступил ему галицкий стол.

Вмешательство бояр – еще одна черта, отличающая деятельность Мстислава и других русских князей, реализующих идею соправительства. Чтобы разобраться, насколько велика была роль галицких бояр в судьбе княжеского стола и оценить значение предпринятой ими акции, нам опять-таки не обойтись без сопоставления событий истории Галича с аналогичными общерусскими явлениями, без рассмотрения их в

²¹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 752.

²¹¹ Там же. Стб. 746.

²¹² Там же. Стб. 748.

²¹³ Пропп В. Я. Исторические корни... С. 337-338.

едином контексте.

Трудно признать правоту тех исследователей, которые, подобно Б. А. Рыбакову, утверждают, что «своеобразную политическую систему дуумвирата» «придумало» «хитроумное» боярство²¹⁴. Данное утверждение никак не доказано. Вместе с тем в рассуждениях историка заслуживает внимания мысль о том, что целью соправительства во многих случаях было «парализовать разрушительную силу княжеских усобиц», примирить «представителей двух враждующих княжеских линий»²¹⁵. Подобные цели должны были ставить перед собой отнюдь не только бояре, но, прежде всего, простые люди, «граждане», больше всех страдавшие от княжеских усобиц. Если инициатива в этом деле и принадлежала боярам, то лишь как выразителям интересов всей общины.

Нельзя согласиться и с утверждением А. П. Толочко, впадающего в другую крайность: «... во всей этой истории (речь идет о дуумвирате. — А. М.) совершенно нет места боярству, “придумывание” нового строя власти князя нельзя отнести на его счет. Речь шла только о княжеских взаимоотношениях и планах»²¹⁶. Княжеские «взаимоотношения и планы» для успешного осуществления нуждались в поддержке общины, особенно в условиях острых межволостных и междукняжеских конфликтов. Заслуживает внимания замечание авторов монографии «Города-государства Древней Руси», писавших по этому поводу следующее: «Князья строили свои отношения, исходя из соображений старейшинства, а не предписаний боярства, и эти соображения разделяла киевская община»²¹⁷.

Именно так, с оглядкой на общину, с учетом ее интересов и мнения выбирали князья соправителей: горожане могли внести существенные коррективы в личные планы и родственные счета князей. В 1150 г. «кияне» говорят вошедшему в город Изяславу Мстиславичу: «Гюрги вышел из Киева, а Вячеслав сидеть ти в Киеве, а мы его не хотим»²¹⁸. Услышав это, Изяслав заставил своего «отца» убраться из Киева²¹⁹. Когда же через несколько лет Вячеслав позвал в Киев для совместного княжения Ростислава Мстиславича, то, как явствует из летописи, фактически данное решение принимала киевская община: Ростис-

²¹⁴ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве»... С. 161.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Толочко А. П. Князь в Древней Руси... С. 50.

²¹⁷ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 82.

²¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 396.

²¹⁹ Там же. Стб. 397-398.

слава «посадиша Кияне», напутствуя такими словами: «Якоже и брат твой Изяславъ честиль Вячеслава, тако же и ты чести. А до твоего живота Киевъ твои»²²⁰.

В общем хоре «киян» отчетливо слышен и голос боярства, дающего князьям свой «совет», влияющий на принятие окончательного решения. Когда занявший Киев Юрий Долгорукий «поваби Вячеслава на столь Киеву, бояре же размолвиша Дюргя, рекоуче: “Братоу твоемоу не оудержати Киева. Да не боудеть его ни тебе, ни емоу”»²²¹. Заявление киевских бояр по своему содержанию и последствиям аналогично тому, что мы слышали в Галиче от тамошних бояр в адрес Мстислава Удалого: «...не можешь бо держати самъ (Галич. – А. М.), а бояре не хотять тебе». И точно так же, как, вопреки собственному желанию, Юрий Долгорукий «послушал» бояр киевских, Мстислав последовал «совету» бояр галицких²²².

Дело совсем не в том, что князь оказался «беспомощной игрушкой» в руках хитроумных и своекорыстных «лидеров боярской оппозиции». Ведь даже будучи на вершине могущества, выйдя победителем в борьбе с многочисленными соперниками, добившись своего силой оружия, князь ищет боярского «совета» и, «размыслив» с «мужами», решается уступить часть княжеских прав своему главному врагу. В 1180 г. Рюрик Ростиславич «победу возма» над Святославом Всеволодовичем, «размысливъ с мужи своими, оугадавъ, бе бо Святославъ старей лети, и оурядився с нимъ, съступився ему старешиньства и Киева, а собе возя всю Роускоюу землю»²²³. Летопись раскрывает и мотивы решения, подсказанного князю боярами: Рюрик «возлюби мира паче рати, ибо жити хотя въ братолюбьи, паче же и хрестьянь деля пленяемы по вся дни от поганыхъ и пролитья крови ихъ не хотя видити»²²⁴.

В чем же причина столь заметного влияния бояр на политику князей, заставляющего последних изменять собственные планы и даже отказываться частично или полностью от княжеских прав в пользу других лиц? Подлинную силу и основательность требования бояр приобрели только тогда, когда они выражали насущные интересы земли, когда за ними стояла вся община, готовая поддерживать и отстаивать эти требования. Мы видим, как вслед за призывом киевских бояр к Изяславу Мстиславичу выпроводить из города его «отца» Вячеслава,

²²⁰ Там же. Стб. 471.

²²¹ Там же. Стб. 394.

²²² Там же. Стб. 394, 750.

²²³ Там же. Стб. 623-624.

²²⁴ Там же. Стб. 623.

«великая сила» киевлян вышла на княжеский двор и заставила заупрямившегося «старейшего» князя подчиниться²²⁵, тем самым была исполнена воля общины, заявленная боярами. Подобные эпизоды мы неоднократно наблюдаем и в Галиче, когда бояре и простые люди действуют вместе и заодно, защищая политические интересы общины²²⁶.

Требование бояр к Мстиславу отдать галицкий стол королевичу, как мы уже видели, в конечном итоге поддержала вся галицкая община. Нельзя преувеличивать значение слов летописца, известного крайней тенденциозностью своих воззрений, о всеобщем желании горожан видеть у себя на столе Даниила. Это было не более чем одно из мнений, безусловно, имевшее немало сторонников, но, в конце концов, отвергнутое. Галичане, которые и прежде отнюдь не проявляли полного единодушия в отношении прав сыновей Романа на галицкий стол, имели немало поводов усомниться в кандидатуре Даниила, которые он сам создавал, не раз жертвуя интересами земли в угоду собственным политическим целям.

Так, незадолго до описываемых событий «Данилоу же князю воевашю с Ляхы землю Галичкоую..., Василкоу же князю многы плены приемшю, стада коньска и кобыля»²²⁷. Не могли забыть галичане и того, как Романович фактически бросил город на произвол судьбы в момент венгерского вторжения: тогда галицкие жители даже пытались силой вернуть князя, и тот вступил с ними в настоящее сражение, «бишася весь день о дне до ноши... и всю ночь бистася»²²⁸. Бояре и простые галичане выступают здесь в одном строю, отстаивая общие интересы, которые всегда были гораздо важнее и выше любых частных или групповых интересов, особенно в моменты, когда решались судьбы политического будущего земли.

Это происходит потому, что боярство и простой люд Древней Руси не были разобщенными и противостоящими друг другу сословиями, а составляли одну общинную корпорацию, всегда (вопреки текущим эмпирическим разногласиям) объединявшуюся вокруг своих главных по-

²²⁵ Там же. Стб. 397-398.

²²⁶ См.: Майоров А. В. 1) Бояре и общины Галича в событиях 50 – 70-х годов XII в. // ВСПбГУ. Сер. 2. 1995. Вып. 4. С. 5 и след.; 2) Бояре и община Юго-Западной Руси в событиях 1187 – 1190 гг. (к проблеме внутриобщинных отношений в домонгольский период) // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. ст. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. М. Воробьев, А. Ю. Дворниченко. СПб., 1996. С. 229 и след.

²²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 746.

²²⁸ См. выше с. 444-445.

литических целей. В Киеве середины XII в. таковыми являлись: восстановление суверенитета «старшего города» над «пригородами» – Киева над Вышгородом – и предотвращение новых межволостных и междукняжеских столкновений, кровопролитной борьбы за политическое преобладание и «старейшинство», чем активно пользовались внешние враги земли – половцы²²⁹. Те же, в сущности, задачи стояли и перед галичанами в 20-х годах XIII в., сочетавшиеся с необходимостью дать отставку состарившемуся и не справлявшемуся со своими обязанностями князю. Решая эти задачи, вечевая община вновь и вновь подтверждает свой суверенитет в отношении княжеского стола.

* * *

Итак, в результате проведенного анализа некоторых важных обстоятельств галицкого княжения Мстислава Удалого, мы приходим к выводам, во многом противоположным тем, какие делает большинство исследователей. Считаем необоснованным мнение о подчиненном положении галицкой вечевой общины, утратившей будто бы всякое политическое значение. Это противоречит общему ходу развития вечевых институтов Древней Руси в домонгольский период и ее юго-западного региона в особенности и, к тому же, не находит убедительного подтверждения в известиях, относящихся к рассматриваемому времени. Как и прежде, галичане сами решают судьбу княжеского стола, от них зависит, насколько успешным окажется пребывание в Галиче того или иного князя, какой будет проводимая им политика.

Другим чрезвычайно распространенным стереотипом, требующим решительного пересмотра, является представление о якобы глубокой социальной пропасти, разделявшей простых галичан и местное боярство, непримиримых политических противоречиях между ними, господстве одних и бесправии других. И бояре, и простые граждане принадлежали к одной социальной корпорации – вечевой общине. Сословные и ранговые различия в домонгольский период еще не имели той силы, чтобы разрушить это единство, разорвать и противопоставить друг другу составлявшие его элементы²³⁰. Поэтому политическая деятель-

²²⁹ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 265-266; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 81-82; Михайлова И. Б. Древнерусский Вышгород // Проблемы истории Северо-Запада Руси / Под ред. И. В. Дубова. И. Я. Фроянова. СПб., 1995. С. 107-108.

²³⁰ См.: Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории; 2) Древняя Русь; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства...; Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.

ность бояр, бывших постоянно в фокусе внимания летописца, находит одобрение и поддержку простых людей, отвечает интересам всей общины. Если же эта деятельность оборачивается против общины, наносит ей ущерб, виновника ждет суровая расплата.

Если говорить о политической деятельности галицкого князя, в частности, о его взаимоотношениях со своим главным союзником владими́ро-волы́нским князем Даниилом Романовичем, то эти отношения представляются далеко не столь безоблачными, как то принято считать исследователями. Не раз бывали случаи, когда их союз не выдерживал накопившихся противоречий, и князья становились врагами, решавшими свои разногласия на бранном поле. Престарелый Мстислав уступил напору полного сил Даниила, но в конечном счете сделал все, чтобы галицкий стол достался другому. Примечательна форма, в которую облеклись союзнические отношения Мстислава и породнившихся с ним Даниила и королевича Андрея: она напоминает практиковавшиеся в Киевской земле в середине – второй половине XII в. соправительства-дуумвираты, призванные стабилизировать внутри- и внешнеполитическую обстановку в условиях обострения межволостных и междукняжеских противоречий.

Что касается причины неудачи княжения Мстислава, то она видится нам не в пресловутых боярских кознях, «мятежах» и «изменах», а, прежде всего, в качествах самого князя: в неумении последнего наладить добрые отношения со всей общиной, в допущенных им ошибках, военных неудачах и под конец физической немощи. Среди наиболее важных промахов Удалого стоит отметить пугавшие общину чересчур близкие связи с половцами и галицкими «выгонцами», помощью которых он старался компенсировать недостаток поддержки со стороны галичан, многочисленные военные неудачи, в том числе печально известный поход на Калку, неспособность князя дать земле мир и покой, оградив ее от внешних опасностей и вражеских нападений. Бояре лишь возглавляли общее движение галичан против такого правителя и смогли убедить его по доброй воле, без кровопролития оставить стол и удалиться из земли.

Глава пятая.

БОРЬБА ЗА ГАЛИЦКИЙ СТОЛ ДАНИИЛА РОМАНОВИЧА: ПРОДОЛЖЕНИЕ МЕЖВОЛОСТНОГО КОНФЛИКТА (конец 20 – 30-е годы XIII в.)

С конца 20-х годов XIII в. главным фактором политической жизни Юго-Западной Руси становится развернувшаяся в полную силу борьба за галицкий стол Даниила Романовича. Продолжавшаяся несколько десятилетий, она носила исключительно упорный характер и стоила больших жертв. В этой борьбе участвовали самые широкие общественные силы, затрагивались коренные интересы галицкой и владимировольнской общин. Кроме того, внутриволостный конфликт являлся удобным поводом для нового вмешательства внешних сил, среди которых ведущую роль играли венгерские правители и союзные им черниговские князья.

Ценой огромных усилий победа в итоге досталась Даниилу, по праву считающемуся одним из наиболее видных политических деятелей Древней Руси. Но дело здесь, разумеется, не только в выдающихся личных качествах старшего Романовича, значение которых многие исследователи склонны преувеличивать, вероятно, поддавшись восторженным характеристикам придворного летописца. В основе происходящего лежало давнее соперничество двух соседних волостей – Галичины и Волыни, красной нитью проходящее через всю историю юго-западного региона. Не случайно решительный поход на Галич Даниил начинает только когда ему удастся объединить под своей властью большинство волыньских земель и мобилизовать всю мощь военной ор-

ганизации Волыни. Не случайно, поэтому, и то упорное противодействие, которое оказывали жители Галича, возглавляемые своими боярами волынскому пришельцу, который вплоть до самого татаро-монгольского разорения так и не смог сломить волю галичан.

Как уже было сказано, важнейшую роль в истории Галичины и Волыни играл внешнеполитический фактор и, в особенности, политическое влияние ближайшего западного соседа – Венгрии, правители которой не без успеха претендовали на галицкий стол, имея в глазах местной общины ряд важных преимуществ перед претендентами из числа русских князей. С рассмотрения этого вопроса мы начинаем заключительную главу настоящего исследования.

1.

**К вопросу о венгерском влиянии
на социально-политическое развитие
Юго-Западной Руси.
Золотая булла 1222 г.
и договорная практика венгров и галичан**

О традиции договорных отношений общины с иноземными претендентами на галицкий стол. – «Вольности» сервиентов Золотой буллы. – Золотая булла и договорные грамоты новгородцев с великими князьями: опыт сравнительного анализа. – Обязательства королевской власти и политическая практика галицкой общины. – Итоговые замечания.

В литературе неоднократно высказывалась мысль о значительном сходстве ряда важных социально-правовых институтов Юго-Западной Руси и соседних европейских государств. Зачастую это объяснялось влиянием аристократических порядков Венгрии, а также Польши, более всего отразившихся на положении и роли галицкого боярства. Однако при этом исследователи ограничивались, как правило, лишь самыми общими замечаниями¹. Звучали и скептические голоса, ставившие под сомнение роль внешнего фактора как не имевшего существенного значения². Наконец, существует мне-

¹ Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860. С. 112; Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси // Костомаров Н. И. Раскол. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 163; Иловайский Д. И. История России. Становление Руси (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. С. 247; Кордуба М. Суспільні верстви і політичні партії в Галицькім князівстві до половини XIII стол. // ЗНТШ. Львів, 1899. Т. XXXI-XXXII. С. 8; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 61; Багалея Д. И. Русская история. М., 1914. Т. 1. С. 262-263; Савич А. А. Борьба феодалов в Галицко-Волынской Руси // УЗ МГПИ. Серия история. 1937. Т. II. Вып. 1. С. 74; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 402; Голочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 172.

² Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным

ние, по которому указанное сходство есть результат не столько заимствования, сколько следствие одинаковых условий общественно-политического развития³. Что же касается возможных последствий для галичан издания королем Андреем (Эндре) II его знаменитой Золотой буллы, то историки, хотя и признавали важность королевского законодательства, но влияние его сводили лишь к области внешнеполитических отношений: ослабленный вследствие уступок своим подданным, король был вынужден отказаться от дальнейшей борьбы за Галич⁴.

Между тем эта борьба продолжалась и закончилась крупным успехом венгров. Сын короля Андрея II Андрей-младший, расположив к себе горожан, занял галицкий стол и удерживал его в постоянной борьбе со своими соперниками около семи лет, вплоть до собственной смерти в 1234 г. Объяснить это поддержкой извне, силой оружия венгерского короля, невозможно, поскольку ослабленная длительными войнами и внутренними противоречиями его власть сама нуждалась в поддержке. Удержаться на галицком столе мог, прежде всего, тот, кто сумел наладить и сохранить добрые отношения с городской общиной, ревниво оберегавшей свое право самостоятельно распоряжаться судьбой княжеского стола.

Чем объяснить то предпочтение, которое было отдано галичанами королевичу Андрею, какими доводами Судислав и Глеб смогли доказать согражданам преимущества Андрея перед Даниилом? Источники не дают прямых ответов на эти вопросы. Ответить на них можно только при детальном анализе всех имеющихся у нас сведений – русских и иностранных – с учетом сложившихся в конце XII – начале XIII вв. реалий во взаимоотношениях галицкой общины со своими князьями, в том числе венгерскими правителями, занимавшими галицкий стол.

Из венгерских документов мы узнаем, что еще в 1221 г. после долгих и трудных переговоров между галичанами и венграми был

известиям. Киев, 1873. С. 25; Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб., 1890. С. 183-184; Ефименко А. Я. История украинского народа. Киев, 1990. С. 80; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 518.

³ Дашкевич Н. П. Рыцарство на Руси в жизни и поэзии // ЧОИЛ. Киев, 1909. Кн. 15. Вып. IV. С. 136 и др.; Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952. Кн. I. С. 258; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 147 и др.; Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI – XIII вв. М., 1955. С. 54-55.

⁴ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 40; Пашуто В. Т. Внешняя политика древней Руси. М., 1968. С. 249.

заключен мирный договор⁵. О его содержании можно судить из другого документа, важного своей аутентичностью, непосредственно относящегося к рассматриваемым событиям, — письма римского папы Гоннория III к венгерскому королю Андрею II, датированного началом 1223 г.⁶ Письмо папы, как явствует из его содержания, было ответом на какое-то послание короля. Последний вследствие своего поражения в Галичине от Мстислава Удалого должен был согласиться со всеми условиями, выдвинутыми победителем относительно освобождения из плена королевича Коломана (Кальмана), а также будущего преемника галицкого стола. Эти условия настолько не устраивали венгерского короля, что он просил папу освободить себя от обязательств по данному договору и принесенной присяги, что и было сделано в ответном послании из Рима.

«К несчастью, — писал папа венгерскому королю, — сам король [Галиции Кальман] с невестой своей [Саломеей] (дочерью малопольского князя Лешка. — *А. М.*) и многими другими знатными мужами был пленен твоими недругами и до тех пор содержался под стражей за пределами своего королевства, пока, принужденный необходимостью, поскольку другим путем не мог их освободить, ты не дал обещания, скрепленного клятвой, что и... (далее в тексте следует пропуск. — *А. М.*)... сыну твоему, рожденному третьим (королевичу Андрею-младшему. — *А. М.*) мы сами уступили указанное королевство... (новый пропуск. — *А. М.*) ... дочь знатного мужа Мстислава ты дал ему в жены, сочетав узами брака, на что ты особо испросил одобрение прозорливости апостольского наместника...»⁷.

Галицко-Волынская летопись подтверждает факт брака, точнее, обручения королевича Андрея и дочери Мстислава Удалого, именуемой в позднейших источниках Марией⁸. При этом прямо указывается на причастность к договору галицкой общины в лице своих предводителей бояр и выясняется еще одно важное условие договора: «Мстислав же по совете льстивыхъ боярьъ Галичкихъ вда дщерь свою меншоую за королевича Андрея и дасть емоу Перемышль»⁹.

⁵ СДАС. Т. VI. P. 547. — К 1221 г. относит его В. Т. Пашуто (Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 249), М. С. Грушевский датирует его 1222 г. (Грушевский М. С. Історія України — Руси. Т. III. С. 41).

⁶ Текст документа, к сожалению, в ряде важных мест испорчен, в виду чего уменьшается его информативная ценность.

⁷ VMH. Romae, 1859. Т. 1. № 65.

⁸ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II. С. 334.

⁹ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 748.

Историки по-разному пытались объяснить удивительную уступчивость Мстислава, проявленную к побежденным венграм. М. С. Грушевский полагал, что все дело в «раздражении Мстислава на Даниила», иначе говоря, галицкий князь намеревался уступить стол венграм, чтобы тот не достался строптивому волынскому князю¹⁰. В. Т. Пашуто не ограничивался лишь междукняжескими отношениями, полагая, что Мстислава к соглашению с венграми побудило давление бояр: «На этом договоре чувствуется явное влияние провенгерской группировки галицких бояр»¹¹.

Нам представляется, что решающее слово при заключении договора с венграми, определявшего будущее княжеского стола в Галиче, принадлежало самой галицкой общине. Во всяком случае, она никак не могла быть в стороне от подобных решений, о чем свидетельствуют многочисленные факты политической активности галичан, добивающихся, подобно жителям других городов-государств Древней Руси права «вольности в князьях»¹². Заслуживает внимания одна важная деталь. Решение о браке княжны Марии с королевичем Андреем и передаче последнему Перемышля было принято, как свидетельствует летопись, на «совете» князя с боярами. Боярский совет или боярская дума, являясь наряду с вечем и князем одним из основных институтов общинной государственности, должна была выражать политическую волю и интересы всей общины; инициатива боярской думы, как правило, всегда находила одобрение и поддержку граждан, а князья, согласуя свою деятельность с боярами, обеспечивали себе поддержку общины – веча, а при необходимости – войска¹³.

Боярский совет (дума) – активный участник политической жизни галицкой и владимири-волынской общин в начале XIII в. «Со светомъ Галичкыхъ боярь» Владимир Игоревич потребовал от владимирцев выдать Романовичей и отдать княжеский стол своему брату Святославу¹⁴. Такой «совет» бояре дают неспроста: летописец прямо указывает, что

¹⁰ Грушевський М. С. Історія України – Русі. Т. III. С. 41.

¹¹ Пашуто В. Т. Впешня політика... С. 249.

¹² Об этом неоднократно шла речь в настоящей работе, – см., например, разделы «"Общинная революция" и начало становления демократического принципа государственного устройства» и «Внутриобщинные отношения в событиях 1187 – 1189 гг.».

¹³ В истории Юго-Западной Руси мы находим немало примеров, подтверждающих правоту данного вывода – см.: Майоров А. В. Бояре и община Галича в событиях 50 – 70-х годов XII в. // ВСПбГУ. Сер. 2. 1995. Вып. 4. С. 5-8.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 718.

намерение «искоренити племя Романово» вместе с боярами изъявили и «все безбожные галичане»¹⁵. Это значит, что боярская дума явилась выразителем воли всей галицкой общины, стремившейся подчинить своему влиянию давних соперников – владимирцев, – добиться политического лидерства в регионе. Владимирская община во главе со своими боярами не оставалась в долгу. Вместе с венгерскими войсками владимирцы «приводят» в Галич Даниила Романовича и его мать, и здесь венгерский король «светь створи со ятровью своею и с бояры Володимерьскими», на котором была решена судьба галицкого стола¹⁶.

Таким образом, боярская дума как бы санкционирует решения, касающиеся княжеского стола, сообщая им законную силу, подкрепленную политической волей всей общины. Этот вывод справедлив как для межобщинных отношений, – когда одна община пыталась утвердить на столе соперника своего ставленника, – так и для внутриобщинных коллизий, – когда дело шло о выборе между несколькими претендентами на княжеский стол более подходящего и противодействию заведомо неприемлемому.

Поведение галицких бояр в истории со Мстиславом Удалым вполне укладывается в рамки отмеченной традиции, нисколько не нарушая сложившихся норм отношений бояр с общиной и князем. Боярам и прежде принадлежала роль инициаторов в выборе нового князя, и в качестве представителей общины они вели переговоры с кандидатом и даже заключали с ним предварительный договор на условиях, приемлемых для общины. По свидетельству польских источников, «галицкая знать» или «первые люди Галиции» от имени «всех своих людей» обращаются к малопольскому князю Лешку и «добровольно избирают его королем и защитником своего спокойствия»¹⁷. При этом князю дается «всяческая гарантия» покорности, верности и выплаты податей¹⁸. Ясно, что определенные обязательства перед галицкой общиной принял на себя и Лешко. Польские хроники высокопарно преподносят это как милостивое изволение стать «защитником спокойствия» или «защитником спасения» галичан. Когда же польский князь своими действиями нарушил данные обязательства, галичане во главе с боярами с

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Стб. 728-729.

¹⁷ Хроника магистра Винцентия Кадлубка // Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 111; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. М., 1987. С. 136.

¹⁸ Там же.

оружием в руках встали против поляков¹⁹.

Таким же образом бояре ведут себя и в отношении венгерских королевичей, претендующих на галицкий стол. По сведениям В. Н. Татищева, почерпнутым из недошедшего древнерусского источника²⁰, перед прибытием в Галич Коломана его отец король Андрей II провел переговоры с «присланными вельможами галицкими»²¹. Никого из князей в Галиче в тот момент не было, – княживший незадолго перед тем в днестровской столице Володислав Кормильчич во время описываемых событий уже находился в венгерском плену²². Поэтому прислать «вельмож» могли только сами галичане, вечевая община. Король «договорился с ними» об условиях «принятия на королевство» Коломана. В дальнейшем они легли в основу договора общины с королевичем, в котором новый правитель обязывался перед галичанами «принять закон их», а также «папешство отвергнуть», согласно «обещанию своему и учиненному договору»²³. Нарушение венграми принятых обязательств побудило галичан обратиться за помощью к русским князьям²⁴.

Можно говорить о существовании определенной традиции, выработавшейся в конце XII – начале XIII в. в отношении галицкой общины с князьями-венграми. Чтобы получить галицкий стол и расположить к себе галичан, они должны были идти на известные политические уступки в пользу общины, каких ей трудно было бы добиться от русских князей. Так, в 1188 г. венгерский король Бела III прежде чем «посадить» в Галиче своего сына «дади весь нарядь Галичанамъ»²⁵. Историки видят в этом свидетельство предоставления каких-то более широких (по сравнению с существовавшей ранее практикой) прав галицким боярам²⁶. Однако правильней было бы сказать о вечевом договоре нового князя со всей галицкой общиной – «галича-

¹⁹ Там же.

²⁰ «Манускрипта Еропкина», как его называл В. Н. Татищев. – Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. Прим. 589.

²¹ Там же. С. 188.

²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 731.

²³ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 188.

²⁴ МРВ. Sclavoniae, 1914. Т. III. № 3; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 189, 200, 207, 210-212.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

²⁶ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 449; Пашуто В. Т. Очерки истории СССР XII – XIII вв. М., 1960. С. 59; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 85.

нами», как говорит сама летопись²⁷. Поэтому, когда венгры стали нарушать договор, вся галицкая община поднялась против них²⁸. В начале XIII в., как мы уже видели, подобная практика получила свое дальнейшее развитие.

Все сказанное дает нам основание предполагать, что в 1227 г., когда в очередной раз встал вопрос о замещении княжеского стола в Галиче, галицкие бояре, а следом и все горожане отдали предпочтение королевичу Андрею перед его главным соперником Даниилом Романовичем, поскольку первым были предоставлены общине и ее лидерам боярам такие политические права и гарантии, которые едва ли можно было получить от властного и честолюбивого Даниила или другого русского князя.

Безусловно, важнейшую роль в выборе общины сыграли бояре Судислав Бернатович и Глеб Зеремеевич как инициаторы соответствующего вечевого решения. Н. П. Дашкевич в свое время заметил, что еще с 1219 г., т. е. с самого начала княжения в Галиче Мстислава Удалого, галицкое боярство «усердно начало помогать» венграм, «потому что венгры... сделали бояр участниками в верховном управлении страной»²⁹. «Худо ли было боярам при Мстиславе? – спрашивает далее историк, – ... и однако они предпочли венгров; это потому, что последним они постоянно могли грозить русскими князьями и, таким образом, могли держать их несколько в своих руках, а русские князья не привыкли и не согласились бы играть при боярах второстепенную роль; они воспитаны были в других понятиях»³⁰.

Замечание Н. П. Дашкевича верно, на наш взгляд, улавливает настроение галицких бояр, однако в словах историка звучит преувеличенная оценка политической роли бояр в жизни общины. Непосредственное участие в «верховном управлении страной» принимала вся галицкая община, только общенародное вече могло решать судьбу княжеского стола и отдавать «предпочтение» тому или иному претенденту. Не следует также думать, что позиция Судислава и Глеба, ратовавших за королевича, безусловно распространялась на все галицкое боярство, и будто бы бояре выступили единым фронтом с целью навязать общине своего ставленника. Предложение передать княжеский стол

²⁷ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 570.

²⁸ Подр. см.: Майоров А. В. Бояре и община Юго-Западной Руси в событиях 1187 – 1190 гг. // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. ст. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. М. Воробьев, А. Ю. Дворниченко. СПб., 1996.

²⁹ Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 46-47.

³⁰ Там же. С. 47, прим. 9.

венгерскому королевичу было личной инициативой упомянутых бояр, сумевших убедить сограждан в необходимости такого решения, как отвечающего политическим интересам вечевой общины.

* * *

В то время, пока галицкие бояре добивались передачи стола венгерскому королевичу, в самой Венгрии происходили важные события, во многом повлиявшие на порядок взаимоотношений королевской власти со своими подданными. В 1222 г. королем Андреем II была издана Золотая булла – законодательный акт, ставший, по оценкам исследователей, «краеугольным камнем венгерской конституции»³¹.

Положения буллы касались, главным образом, социально-правового статуса так называемых «королевских слуг» (*servientes regis*), получивших целый ряд гарантированных королем «вольностей»³². Историки по-разному определяют социальный состав *servientes regis*. Но во всяком случае ясно, что речь идет о весьма широких слоях общества – не только чиновниках королевской администрации и дружинниках, но и о всех, кто, будучи в состоянии приобрести военное снаряжение, как член общенародного войска участвовал в военных предприятиях короля. Можно согласиться с теми исследователями, которые адресовали постановления Золотой буллы крестьянам и низшему дворянству³³. Ведь даже историки, доказывавшие узкоклассовый характер законодательства 1222 г., как представлявшего исключительные привилегии феодалской знати, признают, что к числу «королевских слуг» относили в том числе и способных к военной службе крестьян, что королевские дружинники, постоянно жившие в укрепленных замках, были в то же время членами крестьянских общин³⁴, а источником экономического благополучия *servientes regis* являлись вземельные доходы (вознаграждение за исполнение должностей, военная добыча и пр.)³⁵.

³¹ Marcza li H. Ungarische Verfassungsgeschichte. Tübingen, 1910. S. 21; Номáн В. Magyar történet. Вр., 1935. I. L. 490.

³² Текст памятника см.: СЛН. Вр., 1899. Р. 130-145. – Русский перевод см.: Хрестоматия по истории средних веков: В 3-х т. / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1963. Т. II. С. 710-714.

³³ Marcza li H. Ungarische Verfassungsgeschichte. S. 21 ff.; Номáн В. Magyar történet. L. 490 stb.

³⁴ Павлушкова М. А. К вопросу о классовом характере и значении Золотой буллы венгерского короля Андрея II // Из истории средневековой Европы (X – XVII вв.). Сб. ст. / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1957. С. 66, 74.

³⁵ Там же. С. 72-73.

Как известно, Золотая булла была издана в ответ на мощное народное движение, направленное против злоупотреблений знати и крупных государственных чиновников и явилась своего рода уступкой короля политическим требованиям, исходившим от самых широких общественных слоев. В послании к королю Андрею, написанном через несколько месяцев после издания буллы, папа Иннокентий III говорит, что «волнующаяся толпа народа требовала от короля трудно выполнимого и несправедливого, а именно, чтобы магнаты и все знатные королевства, против которых они выступают, были лишены своих должностей и сана и изгнаны из государства, и чтобы их имущество было роздано народу»³⁶. Такие требования не оставляют сомнения в демократическом характере всего движения, и удовлетворить их могло только законодательство, отвечающее гражданским интересам демократически настроенных слоев общества.

Положения буллы подтверждают сказанное. Прежде всего, король гарантировал своим подданным ежегодно устраивать день королевского суда, куда могли бы непосредственно обращаться все сервиенты (ст. 1). Король обязывался за себя и своих потомков «не хватать и не казнить» (иначе как по приговору суда) никого из сервиентов (ст. 2). обещал снизить налоги и не останавливаться «ни в домах, ни в деревнях, если нас туда не позовут» (ст. 3).

Булла содержит также положения, упорядочивающие военную службу сервиентов, предоставляя им ряд гарантированных прав: «Если король захочет вести войско в заграничный поход, то сервиенты не обязаны идти с ним, если король им не заплатит за это, и после возвращения король не может наложить на них военный штраф. Если же на королевство нападет вражеское войско, то все они обязаны выступить» (ст. 7).

Ряд статей специально посвящен защите гражданских прав сервиентов и простых людей вообще от посягательств со стороны магнатов – высших чиновников: «...если какой-либо ишпан комитата (глава королевской администрации округа – *A. M.*) будет вести себя недостойно своего сана или разорит людей своего замка, то, будучи уличен в этом, он должен быть перед лицом всей страны с позором лишен своего сана и он обязан возвратить взятое» (ст. 14); придворным магнатам запрещалось «угнетать и разорять бедняков» (ст. 13).

Особые гарантии король предоставлял гражданам по недопущению к власти, доходным должностям и приобретению имений иностранцев

³⁶ C.D.H. Budae, 1829. T. III. Vol. I. P. 390.

«Если в королевство придут госпиты (гости), т. е. люди с добрыми намерениями, то они не должны занимать высокое положение без согласия страны» (ст. 11); «Управляющие монетным делом, соляной палатой и сборщики пошлин должны быть из благородных нашего королевства. Мусульмане и евреи не могут быть ими» (ст. 24); «...имения нельзя даровать лицам, находящимся вне королевства» (ст. 26)³⁷.

Постановления Золотой буллы имели обязательную силу, как для королевской власти, так и для ее подданных, предусматривая взаимную ответственность; тем самым законоположения 1222 г. приобретали значение двухстороннего договора. Взаимные обязательства выражались в формуле: королевская власть дарует «свободы» гражданам – «благородным» и «другим» – в обмен на «верность» и «должное послушание». Королевскому наместнику вменялось в обязанность, четко следуя условиям договора, не позволять «уклоняться от высказанного» «ни королю, ни благородным, ни другим»³⁸.

Договором предусматривалась особая ответственность короля на случай нарушения своих обязательств: «Если же мы или кто-либо из наших потомков когда-либо захочет выступить против этого нашего установления, то пусть епископы, а также магнаты и другие благородные люди королевства все вместе и каждый в отдельности, настоящие, будущие и последующие, в силу этой грамоты будут иметь полное право оказать сопротивление и противоречить нам и нашим наследникам»³⁹.

* * *

К подобным отношениям с княжеской властью стремились и городские общины Древней Руси. Прежде всего, это было стремление поставить взаимоотношения с князьями на договорную основу, упорядочить и разграничить компетенцию сторон, определить взаимную ответственность. До нашего времени сохранилось только несколько документальных свидетельств, подтверждающих практику договорных отношений князя с вечевой общиной. Все они относятся к древнему Новгороду и древнейшими среди них являются договорные грамоты новгородцев с великим князем Ярославом Ярославичем, датированные 1264 – 1270 гг.⁴⁰

³⁷ Хрестоматия... Т. II. С. 710-713.

³⁸ Там же. С. 713.

³⁹ Там же. С. 713-714.

⁴⁰ ПРП. М., 1953. Вып. II. С. 133-159. – О датировке памятников см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII – XV вв. Хронологический комментарий.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что названные грамоты имеют сравнительно позднее происхождение и относятся лишь к одному из регионов Древней Руси. Как установлено исследователями, нормы дошедших до нас договоров выросли из предыдущей политической практики XII – начала XIII вв.⁴¹, по мнению А. А. Зимина, сам формуляр указанных договоров начал вырабатываться с середины XII в.⁴² Примерно с этого же времени традиция договорных отношений князей с вечевой общиной оформляется и в общерусском масштабе, о чем свидетельствуют многочисленные летописные известия, относящиеся ко всем важнейшим политическим центрам Руси⁴³. То же самое можно сказать и о Галицкой земле второй половины XII в., когда волостная община в напряженной борьбе реализует право «вольности в князьях», и между горожанами и претендентами на княжеских стол впервые заключаются политические соглашения⁴⁴. Еще одним важным подтверждением повсеместного распространения на Руси практики договорных отношений общины с князем, получившей документальное (уставное) оформление стал анализ происхождения Витебского и Полоцкого привилеев 1503 и 1511 гг., позволивший выявить свыше 10 статей древних договоров витебских и полоцких князей с местными общинами, по своему содержанию во многом совпадающих с положениями новгородских договорных грамот⁴⁵.

Практически все основные положения Золотой буллы закрепляют те отношения, установления которых добивались и древнерусские общины. Это же подтверждает и сравнительный анализ содержания па-

М., 1991. С. 142-146, 147-150.

⁴¹ Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада // Костомаров Н. И. Русская республика. М.: Смоленск, 1994. С. 97-98; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 31-32; Юшков С. В. Общественно-политический строй... С. 393; Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X – XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 161-162. – Анализ языка новгородских договорных грамот показал, что в их основе лежал какой-то общий текст XII в. (Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886. С. 229).

⁴² ПРП. Вып. II. С. 133.

⁴³ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 38-40; Дьяконов М. А. Очерки... С. 139-141; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 210 и след.

⁴⁴ Договоры галичан с Романом Мстиславичем и королевичем Андреем. – См. раздел «Внутриобщинные отношения в событиях 1187 – 1189 гг.» настоящей работы.

⁴⁵ Якубовский И. Земские привилеи Великого княжества Литовского // ЭМНП. 1903. № 6. С. 275-276.

мятников.

Обратившись к договорным грамотам Новгорода с великими князьями, мы находим в них статьи о том, что князь не может «без вины» мужа «волоости лишати»⁴⁶ (ср. ст. 2 Золотой Буллы (далее – ЗБ)), что «волоости новгородские» князь не может «держати своими мужи» (т. е. назначать на руководящие должности посторонних, пришлых людей)⁴⁷ (ср. ст. 11, 24 ЗБ). Ряд статей договоров посвящен ограничению повинностей в пользу княжеской власти, а также перемещений самого князя, его бояр и дворян по волостям, чтобы снизить возникающие в связи с этим издержки для населения⁴⁸ (ср. ст. 3 ЗБ). В договорах устанавливается время и порядок княжеского суда: «А судье слати на Покров день, тако пошло»⁴⁹; по некоторым делам новгородцы добивались личного суда князя непосредственно в Новгороде вместо суда «по волостям» (например, по делам купцов и беглых людей)⁵⁰ (ср. ст. 1 ЗБ).

Князю, а также его княгине, боярам и дворянам не разрешалось «держати села» и «ставить слободы» в Новгородской земле⁵¹, так как все они – люди пришлые, чуждые общине; в такого рода ограничениях исследователи отмечают стремление «предотвратить усиление княжеской власти»⁵² (ср. ст. 26 ЗБ). Все три грамоты содержат положения, запрещавшие придворным княжеским слугам («дворянам» и «тиунам») разорять население поборами (брать «погонь», «повозы» и пр.), превышающими установленные нормы⁵³ (ср. ст. 13 ЗБ).

Можно проследить еще одно соответствие в установлениях рассматриваемых документов. Во II и III новгородских грамотах содержится запрет князю облагать «повозом» (мобилизовывать подводы для собственных транспортных нужд) «купцов» в мирное время: «А дворяном твоим по селом у купцов повозов не имать, разве ратной вести»⁵⁴. Упомянутых здесь купцов исследователи не без основания считают «городским торгово-ремесленным населением в целом»⁵⁵. Это

⁴⁶ ПРП. Вып. II. С. 135, 138, 139 (I гр. ст. 4; II гр. ст. 13; III гр. ст. 13).

⁴⁷ Там же. С. 135, 137, 139 (I гр. ст. 6, 9; II гр. ст. 3; III гр. ст. 3).

⁴⁸ Там же. С. 136, 137, 139 (I гр. ст. 14, 15, 16; II гр. ст. 9, 10; III гр. ст. 9, 10, 11).

⁴⁹ Там же. С. 141 (III гр. ст. 35).

⁵⁰ ГВНП. М.; Л., 1949. № 7.

⁵¹ ПРП. Вып. II. С. 136, 137, 139 (I гр. ст. 12; II гр. ст. 7; III гр. ст. 7).

⁵² Там же. С. 147.

⁵³ Там же. С. 136, 138, 140 (I гр. ст. 20; II гр. ст. 17, 20; III гр. ст. 18, 20).

⁵⁴ Там же. С. 138, 140 (II гр. ст. 20; III гр. ст. 20).

⁵⁵ Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX – XV вв. // СА. 1979. № 3. С. 104; Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова // ИЗ. 1979. Т. 103. С. 246. – Данная терминологическая законо-

значит, что князь не мог беспрепятственно пользоваться частным транспортом, лошадьми и обременять свободных людей повозной повинностью, иначе как во время войны, когда земля подвергалась угрозе вражеского нашествия и требовалось обеспечить подвоз пешей рати к сборному пункту общеземского войска.

Напротив, если воевать нужно было за пределами своей земли, и военный поход предпринимался по почину князя или представлявшего его интересы посадника, новгородцы считали последнего не в праве обременять их какими-либо чрезвычайными повинностями, в том числе и «повозом», поскольку издревле на Руси «повозы... ассоциировались с зависимостью, унижающей свободного человека»⁵⁶. Свободные «мужи» Древней Руси, подобно сервиентам королевской буллы, не обязаны были участвовать в заграничных походах князя, который мог склонить их к этому только по доброй воле⁵⁷, сполна заплатив каждому воину за ратный труд.

Весьма показательны в этом отношении летописные известия о походе новгородцев в 1209 г. на Чернигов, а затем на Рязанскую землю по приглашению владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо и его сына Константина, княжившего тогда в Новгороде. Сделавших свое дело новгородцев князь отпустил, «одарив бещисла, и вда имъ волю всю и уставы старых князь, егоже хотяху новгородьци и рече имъ: “Кто вы добръ, того любите, а злых казните”»⁵⁸. Вернувшись из похода, новгородцы тотчас «створиша вече на посадника Дмитра и на братью его». Вина посадника и его «братьи» состояла в том, что «ти повелеша на новгородьцих сребро имати, а по волости куры брати, по

мерность подтверждается и материалами Северо-Восточной Руси XII – XIII вв. (См.: Кривошеев Ю. В. К вопросу о форме земских учреждений в Северо-Восточной Руси в начале XIII в. // ВСПбГУ. Сер. 2. 1993. Вып. 2. С. 25).

⁵⁶ Фроянов И. Я. Мятельный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 256.

⁵⁷ Известия за XII – начало XIII вв. свидетельствуют, что на Руси установился именно такой порядок отношений князя и войска. Когда Изяслав Мстиславич пригласил киевлян идти с ним против Юрия Долгорукого, то получил отказ и после долгих уговоров должен был довольствоваться лишь помощью добровольцев (ПСРЛ. Т. II. Стб. 344). Княжеские уговоры могли и вовсе не действовать на «людей», и тогда князьям приходилось менять или полностью отказываться от своих военных планов. Подобные случаи мы видим повсюду – в Киеве, Курске, Смоленске, Новгороде (ПСРЛ. Т. II. Стб. 321, 355-356, 647; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 53, 251).

⁵⁸ НПЛ. С. 50-51, 248.

купцемъ виру дикую, и повозы возити...»⁵⁹

Сопоставив эти известия со статьей о «повозах» договорных грамот, мы, как представляется, сможем точнее понять суть претензий общины к посаднику, который явно злоупотребил властью, когда заставил новгородцев выполнять чрезвычайные повинности, в том числе и унижительный «повоз» лишь для того, чтобы снарядить войско в заграничный поход, предпринятый князем в угоду собственным интересам. Новгородские договорные грамоты, как и венгерская Золотая булла (ст. 7) содержат специальные гарантии свободным гражданам на этот счет.

Как и в Золотой булле, в статьях новгородских договорных грамот фиксировались основные правовые нормы, касающиеся, с одной стороны, положения княжеской (королевской) власти и ее судебно-административного аппарата, а с другой – «вольностей» основной массы простых людей, свободных граждан, признававших себя подданными того или иного князя (короля). Эти документы имеют характер взаимного соглашения, скрепленного соответствующей присягой. В них подчеркивается равноправие сторон друг перед другом в отношении принимаемых на себя обязательств, добровольность соглашения. При этом, однако, княжеская (королевская) сторона в особом порядке дополнительно гарантирует свою добросовестность в выполнении условий договора: «На том ти на всеь хрьст целовати по любьви, без всякого извета, в правьду, при наших послех»⁶⁰ (ср. заключительную часть ЗБ). Последнее обстоятельство как бы намекает на вынужденный для княжеской (королевской) власти характер скрепленных в договоре обязательств, являвшихся уступкой давлению другой стороны.

* * *

Как уже отмечалось, новгородская договорная практика развивалась в рамках общерусской политической традиции. Добиться и юридически закрепить свои «вольности» в отношениях с княжеской властью стремились жители всех древнерусских городов, и Галич в этом смысле не был и не мог быть исключением. Важнейшие политические обязательства княжеской власти, зафиксированные новгородскими «докончаниями» или королевской буллой, отвечали насущным требованиям галичан, настойчиво выражаемым в перипетиях политической борьбы начала XIII в.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ПРП. Вып. II. С. 136 (I гр. ст. 23; ср.: II гр. ст. 18; III гр. ст. 33).

И булла и «докончания» содержат статьи, запрещающие правителю без установления вины в судебном порядке лишать жизни, свободы и должностей кого-либо из граждан – сервиентов Золотой буллы, которых король обещал «не хватать и не казнить» (ст. 2) и «мужей» новгородских грамот, которых нельзя было «без вины волости лишати» (I гр. ст. 4; II гр. ст. 13; III гр. ст. 13). Не таких ли узаконенных порядков в отношениях князя с городской общиной и ее лидерами боярами могли желать и добиваться галичане в период, когда князя, стремясь укрепить собственное положение и власть, неоднократно подвергали наиболее видных деятелей земства и общину в целом жестоким гонениям без выяснения вины и соблюдения моральных правил.

Лютым тираном изображает Романа Мстиславича современный его княжению в Галиче источник: князь «хватает и казнит» «галицких сатрапов и знатнейших бояр», «безвинных свергает и приказывает их замучить невыносимыми пытками», «став более жестоким врагом для своих граждан, нежели для врагов»⁶¹. Эту же линию в отношении своих подданных проводят и князья Игоревичи, когда оказываются на галицком столе: «Съветъ же створиша Игоревичи на бояре Галичкыи, да избьють и, по прилоучаю избьени быша. И оубьень же бысть Юрьи Витановичъ, Илия Щепановичъ, инии велиции бояре; оубьено же бысть ихъ числомъ 500, а инии разбегошася»⁶². Неудивительно, что когда среди галицких бояр распространился слух, будто княживший тогда в Галиче Мстислав Удалой хочет их предать половцам «на избитье», бояре, бросив все, бежали в страхе «в землю Перемышлешскоую, в горы Кавокасыския»⁶³.

Весьма болезненно реагировали галичане, когда князя открывали доступ к высшим административным должностям иноземцам, чужакам, посторонним общине людям, особенно же когда позволяли им обзаводиться недвижимым имуществом, каковое воспринималось как приобретенное в ущерб общине, за счет наследственной собственности коренных граждан. Одна из причин негодования галичан против Игоревичей состояла как раз в том, что северские князья сами «в управлении, распорядке и суде не прилежали», полагаясь во всем на своих «служи-

⁶¹ Х р о н и к а магистра Винцентия Кадлубка. С. 112. – Исследователи отмечают достоверность этих сведений (Щ а в е л е в а Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 140, прим. 11), которые перекликаются с известиями Ипатьевской летописи о гонениях князя Романа на галицких бояр Кормильчичей (ПСРЛ. Т. II. Стб. 722, 724).

⁶² Там же. Стб. 723-724.

⁶³ Там же. Стб. 747.

телей» (надо полагать, собственных дружинников, пришедших в Галич вместе с князьями из Чернигово-Северской земли), а эти «княжие служители», «ведая на князей великую ненависть», «обличали» и «казнили» галичан, дерзнувших сопротивляться насилию⁶⁴.

О насилиях и надругательствах, чинимых в Галицкой земле Игоревичами и их приспешниками, говорится и в летописи: «Не сии ли избыша отци ваши и братью вашу, а инеи имение ваше разграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша, а отчъствию вашими владеша инии пришельци»⁶⁵. «Томителем» галичан был и вошедший в поговорку наместник венгерского короля палатин Бенедикт, названный в летописи «антихрестом», «бе бо томитель бояромъ и гражаномъ, и блоуд творя, и оскверняхоу жены же и черници, и попадьи»⁶⁶. Верной гарантией от произвола княжеских слуг призван был стать обозначенный в Золотой булле принцип: чужеземцы «не должны занимать высокое положение без согласия страны» (ст. 11) или, по формуле новгородских «докончаний», «волости новгородские» князь не может «держати своими мужи» (I гр. ст. 6, 9; II гр. ст. 3; III гр. ст. 3).

Успокоить общественное мнение и предотвратить новые конфликты между общиной и князем могло предоставление галичанам гарантий, ограничивающих имущественное стяжательство княжеских слуг-чужеземцев, в том числе приобретение ими земельных владений в награду за службу, как о том трактуют булла и «докончания»: «...имения нельзя даровать лицам, находящимся вне королевства», – гласит Золотая булла (ст. 26); новгородские грамоты идут еще дальше, распространяя названные ограничения и на князя и его семью: «Ни сел ти держати по Новгородьской волости, ни твоеи княгыни, ни бояром твоим, ни твоим дворяном; ни свобод ставити по Новгородьской волости» (I гр. ст. 12; II гр. ст. 7; III гр. ст. 7).

Галичане, насколько можно судить, в данном отношении были настроены не менее решительно. Они подвергают жестокой расправе и казнят князей Игоревичей, и в числе предъявленных им обвинений – предоставление имений пришлым людям, княжеским слугам, в результате чего «отчъствами» галичан завладели «инии пришельци». Употребленный здесь летописцем термин «отчъствие» обозначает понятия *родное место, родная земля, отечество*⁶⁷, а в более узком смысле –

⁶⁴ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 185-186.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

⁶⁶ Там же. Стб. 722.

⁶⁷ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 244-246.

владение, полученное от предков, вотчинная земля⁶⁸. По всей видимости, в данном известии имеется в виду передача княжеским слугам земельных владений, отнятых у подвергшихся гонениям галичан, прежде всего бояр.

И другие положения Золотой буллы, находящиеся параллель с политической практикой древнерусских вечевых общин, в равной мере могут быть применены к взаимоотношениям со своими князьями галичан, стать юридической нормой, фиксирующей основные демократические завоевания общины. Булла фактически запрещает королю принуждать сервиентов к участию в заграничных походах против их воли – без соответствующего вознаграждения, а также взыскивать штраф с уклонившихся (ст. 7). В действительности и галичане стремились оградить себя от произвола князя в данном отношении. Не имевший достаточной поддержки в городе Мстислав Удалой не смог привлечь своих подданных к участию в предпринятом по инициативе князей походе против татар, закончившемся битвой на Калке, и должен был довольствоваться лишь воинством галицких «выгонцев»⁶⁹. А Даниилу Романовичу, чтобы получить военную поддержку галичан для похода против «своих врагов», пришлось просить об этом на вече, но, не смотря на все старания, князь собрал «мало ратникъ» и уповал только на помощь Богородицы и Михаила-архангела⁷⁰.

И последнее. 14-я статья Золотой буллы гласит: «...если какой-либо ишпан комитата (глава королевской администрации округа – А. М.) будет вести себя недостойно своего сана или разорит людей своего замка, то, будучи уличен в этом, он должен быть перед лицом всей страны с позором лишен своего сана, и он обязан возратить взятое». А в заключении королевской грамоты сказано, что если сам король нарушит установленный порядок, «то пусть епископы, а также магнаты и другие благородные люди королевства все вместе и каждый в отдельности... в силу этой грамоты будут иметь полное право оказать сопротивление...»⁷¹.

Еще за сто и более лет до издания буллы именно так поступали на Руси с нерадивыми правителями, – как с князьями, так и с боярами, исполнявшими высшие административные должности, – имущество которых при этом подвергалось разграблению, т. е. возвращалось общи-

⁶⁸ СлРЯ XI – XVII вв. М., 1987. Вып. 13. С. 238.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 741-742. – Подр. см. с. 446 настоящей работы.

⁷⁰ Там же. Т. II. Стб. 763-764.

⁷¹ Хрестоматия... Т. II. С. 712, 713-714.

не⁷². Подобные случаи нередкими были и в Галиче в конце XII – начале XIII вв. Вспомним о лишении галичанами стола и заточении Ярослава Осмомысла⁷³, а затем изгнании его сына Владимира⁷⁴. Та же участь постигла и венгерского королевича Андрея⁷⁵, и королевского наместника Бенедикта⁷⁶.

К «лишению сана» в Галиче могли привести политические преступления и просчеты как самих князей, так и их «служителей», облеченных властными полномочиями, повлекшие «разорение людей» или, как говорили на Руси, «погибель земли». После казни князей Игоревичей галичане «служителей их всех побили, а иных ограбя отпустили»⁷⁷. Столь же бесславно однажды прервалась карьера знаменитого галицкого боярина Судислава Бернатовича. Проводимая им линия поддержки венгерского королевича потерпела неудачу: Галицкая земля утратила мир и покой, став ареной кровавых столкновений между венгерскими войсками и ратями Романовичей, терпя разорения и людские потери. Более всего пострадали жители стольного Галича, против них поднялись «пригороды» и «вся земля» – «от Боброкуы доже и до реки Оушице и Проута», – и, «изнемогши» от осады, они сдались на милость победителя⁷⁸. Судислав, выражаясь словами Золотой буллы, был «перед лицом всей страны с позором лишен своего сана», – галичане забросали его камнями, говоря при этом: «Изииди из града, мятежниче земли»⁷⁹.

* * *

Таким образом, мы приходим к выводу, что основные положения Золотой буллы вполне соответствовали политическим интересам галицкой вечевой общины и могли удовлетворить выражаемые ею требования. Выработавшаяся на рубеже XII – XIII вв. практика договорных отношений общины и князя, претендовавшего занять галицкий стол, наибольшее развитие получила во взаимоотношениях с венгер-

⁷² Факты такого рода подробно разбираются в исследовании И. Я. Фроянова (Фроянов И. Я. Древняя Русь). Мы также обращались к данному вопросу в настоящей работе (см. раздел «Внутриобщинные отношения в событиях 1187–1189 гг.»).

⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 564.

⁷⁴ Там же. Стб. 659–660.

⁷⁵ Там же. Стб. 665.

⁷⁶ Там же. Стб. 722.

⁷⁷ Г а т и щ е в В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19–39. С. 195–196.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 759.

⁷⁹ Там же. Стб. 760.

скими королевичами, первыми вставшими на этот путь. Венгерский король, который с начала XIII в. официально титуловал себя «королем Галиции и Володимирии»⁸⁰ и тем самым считал галичан своими подданными наравне с прочими жителями королевства, должен был распространить пожалованные им в Золотой булле «вольности» на всех своих сервиентов, в том числе и галицких. Нам представляется, что именно этим обстоятельством можно объяснить поведение галицких бояр и всей общины в 1227 г., когда они неожиданно для многих приняли на княжение королевича Андрея и отвергли кандидатуру Даниила Романовича, изменив свое первоначальное намерение. Королевич Андрей и его отец король Андрей II предоставили общине такие права и гарантии, каких галичане не могли бы получить от Романовичей.

⁸⁰ CDH. T. III. Vol. I. P. 31-32.

2.

Борьба Даниила Романовича за галицкий стол с венграми в конце 20 – начале 30-х годов XIII в. Галицкая община и князь Даниил

Поход Даниила на Галич 1230 г.: галичане и «все бояры Галичкыи». – «Многие мятежь, великия лъсти, бещисленныя рати»; «вече» 18-ти отроков. – Осада венграми Ярослава и решение городского «совета». – Столкновение у Голых Гор; новое вокняжение королевича в Галиче. – Поход венгров на Волынь и «ряд» с воеводой Мирославом. – Итоговые замечания.

Уход из Галича Мстислава Удалого в 1227 г., как отмечают исследователи, развязал руки Даниилу Романовичу для начала решительной борьбы за возвращение галицкого стола, своей второй «пол-отчины»¹. Почитавший Мстислава как отца², Даниил долгое время должен был сдерживать свои устремления, но теперь он мог действовать в полную меру сил и возможностей. Тем более, что к этому призывал его и сам Мстислав, незадолго до смерти обратившийся к Даниилу с такими словами: «Сыноу! Сгрешихъ, не давь тебе Галича, но давь иноплеменьникоу Соудислава лъстыця светомъ, обольсти бо мя. Ажь Богъ восхотеть, иоидиве на ня... Аще Богъ дасть нама, ты возми Галичь, а язъ Понизье. А Богъ ти поможетъ!...»³.

Теперь Даниил мог рассчитывать не только на помощь Бога. Это был уже совсем не тот слабый и беспомощный сирота, которого легко мог обойти любой соперник. К концу 20-х годов Романовичи добились значительных успехов на Волыни: всего за несколько лет им удалось

¹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 44; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 94; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волинской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 142; Горский А. А. Русские земли в XIII – XIV вв. Пути политического развития. М., 1996. С. 20.

² ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 752.

³ Там же.

сильно потеснить своих врагов, в результате чего под властью Даниила и Василька оказалась большая часть волынских земель. От поляков они смогли отбить Берестье и «всю Оукраиноу», т. е. Берестейскую и Забужскую земли⁴, после смерти Мстислава Немого получить Пересопницу⁵, затем Луцк, отбитый у Ярослава Ингваревича⁶, наконец, Чарторыйск, захваченный было пинскими князьями⁷. Военные силы Романовичей оказались настолько значительными, что они могли активно участвовать в международных делах, добываясь на редкость крупных и громких успехов. Рассказывая с большими подробностями о походе войск Даниила в Польшу в помощь союзному князю, летописец отмечает: «...иньи бо князь не входилъ бе в землю Лядскоую толь глоубоко, проче Володимера Великаго, иже бе землю крестиль»⁸.

Настал черед Галича, где вокняжился главный конкурент Даниила – венгерский королевич Андрей. Но воевать с ним Романович не спешит. Проходят целых три года, пока он решается, наконец, взяться за дело. Похоже, случай на этот раз помог волынскому князю. По летописной хронологии, в 1229 г.⁹ Даниил, находясь в Угровске, неожиданно получил весть из Галича: «Соудиславъ шель естъ во Понизье, а королевичъ в Галичи осталъ. А поиди борже!»¹⁰. Рассчитывая, что после

⁴ Там же. Стб. 732.

⁵ Там же. Стб. 750, 751.

⁶ Там же. Стб. 750, 751.

⁷ Там же. Стб. 753. – Подробнее см.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 44-45; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. [Б. м.], 1950. С. 202, 206-207; Головко А. Б. Объединительные процессы на Руси в первой половине XIII в. (на примере Волыни и Галичины) // Вопросы истории СССР. Киев, 1983. Вып. 28; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 141-144.

⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 758. – Подробнее см.: Włodarski B. Polska i Rus'. 1194 – 1340. Warszawa, 1966. S. 103-107; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 252-253; Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 97.

⁹ М. С. Грушевский датирует это событие началом весны 1230 г. (Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Львів, 1901. Т. XXI. С. 23). Такую датировку принимают В. Т. Пашуто (Пашуто В. Т. Очерки... С. 211), И. П. Крипякевич (Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 94) и др. Н. Ф. Котляр относит рассматриваемое известие то к 1229 г. (Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 137), то к 1230 г. (Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // ДГ. 1995 год. М., 1997. С. 97).

¹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 758.

ухода Судислава с войсками Галич остался беззащитным¹¹, Романович, «собравшу вои воборзе», бросил их во главе с тысяцким Демьяном на Судислава, а сам «в мало дружинне» помчался к Галичу¹².

Н. Ф. Котляр усматривает в данном и подобных ему фактах обращения галичан к князю «выразительные свидетельства летописи о деятельности вечевых собраний»¹³. Говоря о тех, кто звал Даниила в Галич, историк полагает: «...вероятно, то было городское вече, а не бояре»¹⁴. Нам представляется, что при подобных обстоятельствах ни о каком призвании галичанами волынского князя говорить не приходится. Ближе к истине был В. Т. Пашуто, писавший, что Даниил всего лишь «получил тайное извещение от своих сторонников в Галиче»¹⁵. Об этом же свидетельствуют как характер полученного князем известия, где речь идет о благоприятной возможности для внезапного захвата города, так и суть предпринятых им действий, заключающихся в молниеносной военной операции, реализующей указанную цель.

Напористые действия волынского князя встретили решительный отпор жителей днестровской столицы: «Данилови же приехавшоу ко Галичю, Галичь бо бе ся затворилъ»¹⁶. Встретив сопротивление, непрощенный гость поспешил отступить за Днестр. А когда в Галич вернулся Судислав, его защитники перешли к активной наступательной тактике: «...выехавшимъ же Галичаномъ и Оугромъ и стреляшаяся на ледоу», а затем один из галичан, по имени Семен, поджег мост через Днестр, чем крайне раздосадовал откровенно симпатизирующего Даниилу летописца¹⁷. И только когда на помощь к Романовичу подошел другой волынский князь Владимир Ингваревич¹⁸, а с ним, как не без основания полагал А. М. Андрияшев, «подошли все силы Волыни»¹⁹, положение стало меняться. Наконец, собрав с помощью тысяцкого Демьяна воинство мятежных галицких «пригородов» и понизовских

¹¹ По всей видимости, целью похода Судислава было восстановление власти столярного города над понизовской вольницей, для чего требовались немалые воинские силы.

¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 758.

¹³ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 137.

¹⁴ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 97.

¹⁵ Пашуто В. Т. Очерки... С. 211.

¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 758.

¹⁷ Там же. Стб. 759. – Летописец награждает этого галичанина весьма характерными эпитетами: «безаконьны лихыи Семьюнькь, подобный лисици».

¹⁸ Там же.

¹⁹ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 163.

«выгонцев» – «от Боброky доже и до реки Оушице и Проута»²⁰, – Даниил осадил Галич «в силе тяжьске» и принудил «изнемогших» горожан капитулировать²¹.

Летописец особо подчеркивает тот факт, что в ходе борьбы на сторону Даниила перешли галицкие бояре: «И приде же Дьянь со всеми бояры Галичкыми: со Милославомъ, и со Володиславомъ, и со многими бояры Галичкыми»²². С какими именно боярами пришел Демьян и сколько их было? Источник говорит об этом как-то сбивчиво и противоречиво. Сначала в тексте фигурируют «вси бояры Галичкьи», но затем, как бы спохватившись, летописец поправляется – «многий бояры Галичкьи», однако назвать по именам он смог только двоих – Милослав и Володислав.

М. Кордуба не без основания находил данное известие испорченным, полагая, что фраза «Со всеми бояры Галичкими» «решительно является позднейшей вставкой, так как проходит между двух имен, которые непосредственно друг к другу относятся»²³. Современные же историки не сомневаются в правдивости данного известия и с удовлетворением отмечают переход на сторону Даниила бояр, стремясь при этом сгладить наиболее очевидные противоречия. В результате возникает новая версия событий, лишь отдаленно напоминающая сообщение летописи: «Успеху этого предприятия, – пишет В. Т. Пашуто о захвате Даниилом Галича в 1230 г.; – способствовало большое войско, которое князь собрал с территории, простиравшейся “от Боброка, даже и до реки Ушице и Прута”, т. е. помощь он получил и из Понизья, где воевода Мирослав разгромил силы Судислава; положительную роль сыграло и расслоение в лагере противника, – на сторону князя Даниила перешла часть галицкого боярства во главе с Володиславом Юрьевичем. Боязнь за свои “имения”, непрочность позиций в городе – вот что принудило этих бояр менять флаг»²⁴.

Еще более затемняют положение имена предводителей упомянутых бояр, особенно первого из них. В более исправных списках Ипатьевской летописи – Хлебниковском и Погодинском – вместо «со Милославомъ» читается «съ мирославомъ»²⁵. Мирослав – фигура достаточно

²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 759.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Кордуба М. Суспільні верстви і політичні партії в Галицькім князівстві до половини XIII століття // ЗНТШ. Львів, 1899. Т. XXXI-XXXII. С. 20.

²⁴ Пашуто В. Т. Очерки... С. 211.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 759, прим. 12.

известная. Это преданный Романовичам владимирский воевода, некогда бывший «дядькой» малолетнего Даниила²⁶. Его никак нельзя отнести к числу галицких бояр. Чтобы как-то свести концы с концами, В. Т. Пашуто разводит Мирослава и Володислава по разные стороны. Выходит, что Даниил получил поддержку галицких бояр дважды. Сперва то была «помощь» «из Понизья, где воевода Мирослав разгромил силы Судислава», а уже затем «на сторону Даниила, перешла часть галицкого боярства во главе с Володиславом Юрьевичем»²⁷. Нечего и говорить, насколько построения исследователя далеки в данном случае от первоисточника. Видимо, В. Т. Пашуто в большей степени опирался на столь же произвольное мнение Д. И. Зубрицкого, считавшего упомянутого Мирослава как и тысяцкого Демьяна воеводами вольнского князя, вторгшимися в Галичину вместе с Даниилом: «... Воеводы его Демьян и Мирослав, отправленные с полком на Судислава, со многими верными Галицкими боярами присоединились к нему»²⁸.

Между тем, в действительности владимирский воевода Мирослав не мог принимать участия в рассматриваемых событиях. Он, как свидетельствует летопись, перед самым походом Даниила на Галич отправился сопровождать князя Василька в Суздаль: «... еха Василко Соуждалю на свадьбу шоурина своего (Всеволода Юрьевича. – А. М.) ко великомуу князю Юрью, поемь Мирослава со собою и ины»²⁹. Свадьба состоялась 14 апреля 1230 г.³⁰ Следовательно, все то время, что Даниил воевал в Галичине, владимирское посольство должно было провести в Суздале или в дороге, если принять предложенную М. С. Грушевским дату похода Романовича на Галич – начало весны 1230 г. Вот почему князь Василько на этот раз не принимал участия в делах брата; по этой же причине рядом с Даниилом не оказалось и верного воеводы Мирослава.

Упомянутые в летописи Мирослав и Володислав могут быть с большим основанием отнесены к числу галицких бояр, но связанных не со стольным городом, а с землей, точнее – с отложившимися от Галича «пригородами», прежде всего (и в этом прав В. Т. Пашуто), с

²⁶ См.: там же. Стб. 718, 721, 725, 728, 733, 734, 752 и др.

²⁷ Пашуто В. Т. Очерки... С. 211.

²⁸ Зубрицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Львов, 1855. Ч. III. С. 110.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 758.

³⁰ Там же. М., 1997. Т. I. Стб. 454.

Понизьем³¹. Недаром ни Мирослав, ни Володислав никогда ранее не упоминались среди галицких бояр, их вообще не было в Галиче. Да и к Даниилу они переходят не из осажденного города, а из Понизья, откуда их привел победивший Судислава тысяцкий Демьян. Нам представляется, что «галицкими боярами», ставшими на сторону волынского князя, летописец, судя по всему, именуует понизовцев и понизовских бояр, с которыми только что начали воевать галичане во главе с Судиславом и которые теперь, разбив вместе с волынскими войсками галичан в Понизье, продолжили борьбу с Галичем, встав в ряды воинства Даниила.

* * *

В итоге Даниил одержал победу. Однако плоды ее не могли быть достаточно прочными и долговременными. Наоборот, можно думать, что вероломный поступок Романовича возбудил против него галичан, и они, как и всегда в таких случаях, стали искать способ избавиться от неугодного князя. Преданный Даниилу летописец пытается свести все дело к «крамоле безбожных галицких бояр», всячески подчеркивая их лживую предательскую сущность. Этой же незамысловатой версии придерживаются и большинство новейших исследователей, доказывая всеислие бояр и беспомощность полностью подчиненной ими общины, простых граждан. Из подобных построений также следует, что бояре и простые галичане настолько разошлись друг с другом, что занимали политически противоположные позиции. Первые, за малым исключением, ненавидели Даниила и вообще русским князьям предпочитали венгров, а вторые, наоборот, всячески сочувствовали Романовичу и только его считали своим законным князем³². Такие выводы расходятся

³¹ Пашуто В. Т. Очерки... С. 211.

³² Смирнов М. П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860. С. 109-111. 116. 118. 119-120 п др.; Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 46-48 и др.; Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Первый отдел: Господство дома Св. Владимира // Костомаров Н. И. Русь крещеная. М.: Смоленск, 1996. С. 110 и след.; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 475-477; 481-482; Т. III. С. 47 и след.; Кордуба М. Суспільні верстви і політичні партії...; Пашуто В. Т. Очерки... С. 211 и след.; Софроненко К. А. Общественно-политический сторой Галицко-Волынской Руси XI – XIII вв. М., 1955. С. 96-100, 112 и др.; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 94 и след.; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1993. С. 516-518; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 136 и след.; Толочко П. П.

с исторической действительностью и противоречат реальному ходу известных нам событий. Можно сказать, что и самому летописцу не удастся, как это уже не раз бывало, провести собственную версию до логического завершения, не избежав при этом противоречий, разоблачающих крайнюю односторонность его пристрастного взгляда.

Следуя летописному повествованию, мы видим, как против обосновавшегося на галицком столе Даниила один за другим сплетаются заговоры. Заговорщики не просто хотят лишить князя стола, но и покушаются на его жизнь. Однажды они пытались заживо сжечь Даниила вместе с братом Васильком в его собственном доме³³, в другой раз князь собиравшись убить на пиру, выманив из Галича в город Вишню³⁴. Подобное отношение и решимость во что бы то ни стало расправиться с негодным правителем в истории Галича имеет только один прецедент – расправу с вероломными Игоревичами³⁵. Как и в борьбе с Игоревичами, в заговорах против Даниила руководящая роль принадлежит галицким боярам. Однако было бы большой ошибкой думать, что эти бояре в своей ненависти к Романовичам совершенно одиноки, что перед нами малая горстка отщепенцев, сводящих с Даниилом личные счеты и действующих наперекор воле общины.

Инициатива заговора исходит от разных лиц, находящихся как в самом Галиче, так и за его пределами. Тут и «безбожные» Молибоговичи, и «неверный» Филипп, и Волдрис, и также ставший «неверным» Володислав Юрьевич³⁶. При этом одних, потерпевших поражение, тотчас сменяют другие и третьи. Так что «многим мятежам» и «великой лести» воистину не было конца, пока Даниил не покинул Галич. Заметим, что избежать неминуемой гибели князю помогли не «симпатизировавшие» ему галичане, а лишь случай³⁷, да верные слуги³⁸. Это и понятно, ведь даже прославляющий Даниила летописец не скрывает того факта, что его герой очень скоро вообще утратил всякую поддержку галичан, «оставьшоуса въ 18 отрокъ вернихъ и съ Демьяномъ, тысяц-

Київська Русь. Київ, 1996. С. 135.

³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 762.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Стб. 727.

³⁶ Там же. Стб. 762-763.

³⁷ Там же. Стб. 762. – Приготовление заговорщиков случайно обнаружил брат Даниила Василько.

³⁸ Там же. Стб. 762-763. – О готовящемся покушении Даниила предупредил верный тысяцкий Демьян.

кымъ своимъ»³⁹. Иными словами, в результате «боярских мятежей» в Галиче не осталось сторонников князя, кроме малочисленной дружины и тысяцкого, с которым он пришел в город.

Перед нами не просто литературный прием, использованный летописцем, дабы усилить остроту эмоционального восприятия⁴⁰. В этом убеждаемся, проанализировав сообщение о галицком вече 1231 г., из которого нами была взята фраза об отроках и тысяцком. Через год после своего вокняжения в Галиче Даниил созывает вече, чтобы спросить горожан: «Хочете ле быти верни мне, да изииду на враги мое?»⁴¹. «Необычным фактом» считал данное событие М. С. Грушевский⁴². Но эта необычность состояла не в том, что князь будто бы вообще избегал вечевых собраний и не считал для себя нужным обращаться непосредственно к общине⁴³. Своеобразие положения заключалось в том, что нелюбимый галичанами правитель, стремительно теряя ночь под ногами, как мог пытался выправить ситуацию, особенно угрожающую в канун предстоящей войны со «своими врагами».

Драматизм происходящего и глубину отчуждения между князем и его подданными, как представляется, имел целью выразить Б. А. Рыбаков. В предложенной ученым весьма смелой интерпретации рассматриваемого события галицкому князю, вследствие полного разрыва с местным боярством, «нужно было находить новую более надежную опору. И Даниил созвал “вече” отроков, служилых воинов, младших членов дружины, которые являлись прообразом позднейшего дворянства. Отроки поддержали своего князя»⁴⁴. Слово «вече» взято автором в кавычки неспроста. На нем совсем не слышно голоса галичан, на обращенный к ним призыв князя отвечают его собственные отроки: «Верни есмы Богу и тебе, господину нашему! Изииди с Божиею помощю!»⁴⁵. Эту особенность подметил еще С. М. Соловьев: «Из всей дружины у Даниила осталось только 18 отроков, на которых можно было положиться; он созвал их на вече вместе с Демьяном-тысяцким и

³⁹ Там же. Стб. 763.

⁴⁰ Ср.: Котляр М. Ф. Данило Галицкий. Київ, 1979. С. 84.

⁴¹ ПСРЛ. Т. II. С. 763.

⁴² Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 49.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 517. – Еще полтора столетия назад историками высказывалось мнение, что Даниил созывал не вече, а некое «собрание», состоявшее из «18 преданных ему бояр» (Зубрицкий Д. И. История древнего Галицко-Русского княжества. Ч. III. С. 112-113).

⁴⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 763.

спросил: “Хотите ли оставаться мне верными и идти со мною на врагов моих?” Те отвечали: “Верны мы богу и тебе, господину нашему, ступай с божиею помощью”...»⁴⁶.

Разумеется, вече не могло состоять только из отроков, да и князю незачем было искать поддержки у своих дружинников и без того «верных» ему⁴⁷. Созывать горожан на вече, чтобы спросить, хотят ли они оставаться верными своему князю, последний мог лишь в ситуации массового недовольства и разочарования его правлением, охватившего не только верхи в лице отдельных «изменников-бояр», уже потерпевших поражение и бежавших из города, но и самые широкие слои горожан. По сути дела, Даниил попытался заново привести галичан к присяге на верность, как это делали в свое время венгры, узнав, что недовольные королевичем граждане ищут другого князя⁴⁸.

Усилия Даниила, как и его венгерского предшественника, оказались тщетными. Как не зажигательно кричали на вече отроки князя, галичане остались глухи к его призывам. Это фактически означало отказ горожан участвовать в военных предприятиях князя. И действительно, Даниилу пришлось идти на «своих врагов» «со малом ратникъ», уповая лишь на «Божиею помощь»: «Помолившому же ся емоу и святеи пречистеи Богородици, Михаилоу архангелу Божию, оустремися изигити»⁴⁹. Рассчитывать на верность галичан при таких обстоятельствах тоже едва ли было возможно, ведь даже тем из них, кто выступил в поход вместе с князем, он не верил. Об этом свидетельствует летопись: «Невернии же вси на помощь емоу идяхоу, мнящесе, яко верни соуть, и с ними же (врагами Даниила. – А. М.) светъ створиша, люте бо бяхоу на не»⁵⁰.

⁴⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти книгах. М, 1988. Кн. II. С. 128.

⁴⁷ С аргументированной критикой взгляда на вече 1231 г. лишь как на совещание князя с 18 верными дружинниками выступил М. С. Грушевский (История України – Руси. Т. II. С. 476, прим. 2). Критику версии Б. А. Рыбакова см.: Беликова Т. В. События в Галицкой Руси накануне татаро-монгольского нашествия // Историческое познание: традиции и новации. Мат-лы Междунар. теоретич. конф-ции. Ижевск, 26-28 окт. 1993 г. / Сост. и общ. ред. В. В. Иванова и В. В. Пузапова. Ижевск, 1996. Ч. 1. С. 264.

⁴⁸ См.: Майоров А. В. Бояре и община Юго-Западной Руси в событиях 1187 – 1190 гг. (к проблеме внутриобщинных отношений в домонгольский период) // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. ст. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. М. Воробьев, А. Ю. Дворниченко. СПб, 1996. С. 237.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 763-764.

⁵⁰ Там же. Стб. 764. – Единственной надежной опорой Даниила (кроме собствен-

Неудовлетворенность ответом галицкого веча на просьбу князя выражает верный ему сотский Микула, недвусмысленно намекая на необходимость широких репрессивных мер в отношении слишком своенравных граждан: «Господине! Не погнетши пчель, медоу не едать»⁵¹. Мы не можем разделить мнение Н. Ф. Котляра, уверенно заявляющего: «Можно не сомневаться в том, что под пчелами имелись в виду бояре, и что этими словами отчетливо выявлена антибоярская позиция галицкого веча»⁵². Не убеждают нас и оценки А. Б. Головки, услышавшего в словах Микулы голос «торгово-ремесленного населения», возмущенного проявленной князем «снисходительностью к сепаратистам» и выступившего «с требованием беспощадного подавления мятежного боярства»⁵³.

Будучи сотским, Микула сам, по всей видимости, принадлежал к боярам. Но главное, в поступке сотского ничего не говорит, будто он выступает от имени веча, выражая волю собравшихся на нем галичан. Наоборот, заявление Микулы – реакция на позицию вечников, предупреждение князю об опасности уходить из Галича, не покончив с врагами, многочисленными и свирепыми как пчелиный рой. Смысловое противопоставление проводится здесь не по линии бояре – простые граждане (как это зачастую преподносится исследователями), а по линии «верные» – «неверные», т. е. сторонники и противники Даниила. Соотношение между ними определяет сам летописец, когда к первым относит княжеских дружинников и назначенных князем начальников галицкой тысячи – тысяцкого Демьяна и сотского Микулу. Всех же остальных – и участников веча, и даже тех, кто присоединился к войску Даниила – он числит «неверными», явными или тайными.

Таким образом, бояре и простые общинники Галича были едины в стремлении избавиться от Даниила, не желая участвовать в его военных предприятиях. И первые, и вторые в равной мере предпочитали Романовичам других претендентов на галицкий стол – венгерского королевича Андрея или белзского князя Александра Всеволодовича⁵⁴.

ной дружины) была, по-видимому, помощь, полученная с Волыни: «Миро슬авоу пришедшоу к нему на помощь с маломь отрокъ» (там же).

⁵¹ Там же. Стб. 763.

⁵² Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 137.

⁵³ Головки А. Б. Социальная функция городского населения в эпоху феодальной раздробленности (на примере южнорусских городов) // Древнерусский город. Мат-лы Всесоюзной археологич. конф-ции, посвященной 1500-летию города Киева / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1984. С. 30-31.

⁵⁴ С последним «безбожные» галицкие бояре дважды учиняли «совет» «на оубе-

Только так можно понять бессилие Даниила перед своими противниками, готовность снести их самые оскорбительные для княжеского достоинства выходки. Захваченные княжим сидельничим Иваном Михайловичем бояре Молибоговичи, заговор которых едва не стоил жизни Даниилу, «смерти не прияша, но милость полоучиша»⁵⁵. Продолжая тему боярского своеволия, летописец приводит совершенно вопиющий случай: «И некогда емоу (Даниилу. – А. М.) в пироу веселящоуся, единь от техъ безбожныхъ бояръ лице зали емоу чашею, – и то емоу стерпевшоу»⁵⁶.

Как полагает Н. Ф. Котляр, перед нами «распространенный в средневековом фольклоре символ самого страшного оскорбления, которое может нанести слуга господину»⁵⁷. Не только, добавим мы, символ, но и само оскорбление. Объяснить удивительную индифферентность князя без ущерба для его репутации панегирист-летописец мог лишь мотивами христианской набожности. Исполненный смирения, Даниил отвечал на обиды: «Иногда же да Богъ имъ возомздить»⁵⁸. Современный исследователь, щадя репутацию князя, вообще ставит под сомнение достоверность сообщаемого летописцем факта, поскольку «такой рыцарь, как Даниил, не стерпел бы публичного оскорбления от вассала»⁵⁹. Но это всего лишь догадка, порожденная повышенным эмоциональным отношением к личности героя. Историк к тому же совершенно не утруждает себя доказательствами насчет того, что обидчиком князя был его вассал.

В. Т. Пашуто, стремясь скрасить удручающее впечатление бессилия Даниила перед своими врагами в Галиче, которое никак не вяжется с декларируемым исследователем тезисом: «...политика Даниила Романовича... находила сочувствие в достаточно широких кругах городского населения»⁶⁰, прибегает к явному искажению содержания летописных известий. «Когда с помощью боярина Демьяна заговор в Галиче был раскрыт, – читаем у В. Т. Пашуто об одном из антикняжеских заговоров, – то князь Даниил предпринял первые карательные меры: семья Молибоговичей была арестована и у нее отняты земли на Волд-

ные» Даниила «пред(а)нее земле его» Александрю (ПСРЛ. Т. II. Стб. 762).

⁵⁵ Там же. Стб. 763.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 99.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. С. 763.

⁵⁹ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 99. – Ср.: Котляр М. Ф. Данило Галицкий. С. 83.

⁶⁰ Пашуто В. Т. Очерки... С. 212.

рисе..., видимо пострадал и боярин Филипп»⁶¹.

На самом деле о «карательных мерах» Даниила известно следующее: княжий сидельничий Иван Михайлович был послан в погоню «по неверных Молибоговичихъ и по Вольдрисе, и изимано бысть ихъ 20 и 8...»⁶². Ни о каких земельных владениях семьи Молибоговичей, а тем более об их изъятии здесь нет и помину. Фигурирующее же в тексте имя «Вольдрис» имеет отношение к физическому лицу (это один из участников событий), а не к географическому объекту, вообще неизвестному летописи⁶³. Правильный перевод этого известия на современный язык выглядит так: «Ивана же [Михалковича], сидельничего своего, [Даниил] послал вслед за неверными Молибоговичами и за [боярином] Волдрисом, и схвачено их было двадцать и восемь Иваном Михалковичем»⁶⁴. Однако схваченных бояр князь не решился предать какому-либо наказанию, проявив редкую в таких случаях «милость»⁶⁵. О «страданиях» же другого врага Даниила боярина Филиппа летопись, в отличие от В. Т. Пашуто, вообще не говорит ни слова.

Между тем Даниил отнюдь не был набожным пацифистом и, когда это было возможно, поступал со своими врагами без лишних церемоний. Узнав, к примеру, что бояре Доброслав и Григорий «не хотятъ по воли его ходити», а хотятъ «власть его иномоу предати», Романович «сомыслив же со братомъ... и повеле его (я, – по Хлебн. и Погод. сп. – А. М.) изоимати»⁶⁶. Однако действовать подобным образом князь начал только тогда, когда сумел переломить в свою пользу соотношение сил внутри галицкой общины, обеспечив себе решительный перевес над противниками. После Ярославской битвы 1245 г., принесшей ему окончательную победу, Даниил отдает приказание убить своего главного врага из числа галицких бояр – Володислава⁶⁷. Густынская летопись дополнительно сообщает, что «идеже многихъ бояръ Галицкихъ неприязненныхъ Данилу тамо побита, а других в живыхъ ята, но еди-

⁶¹ Там же. – В другом месте автор пишет, что семья Молибоговичей «имела владения по Волдрисе» (там же. С. 144).

⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 763.

⁶³ Муравьева Л. Л., Кузьмина Л. Ф. Именной и географический указатели к Ипатьевской летописи / Отв. ред. В. И. Буганов // ПСРЛ. Т. II. С. X.

⁶⁴ ЛР. Київ, 1989. С. 387.

⁶⁵ Вспомним, как расправлялись со своими врагами в Галиче предшественники Даниила – его отец Роман и черниговские Игоревичи (Щапельева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 112; ПСРЛ. Т. II. Стб. 723-724).

⁶⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 790-791.

⁶⁷ Там же. Стб. 804-805.

наче тыхъ всехъ повеле Даниль побити»⁶⁸. Столь же сурово он обошелся и с белзским князем Александром Всеволодовичем, соперником в борьбе за галицкий стол⁶⁹. В рассматриваемое же время прибегать к подобным мерам Даниил не мог лишь потому, что сам еще не имел твердой почвы под ногами: галицкая община в целом была настроена не в его пользу, и многочисленные враги князя находили поддержку в ее самых широких кругах.

* * *

Таким же неприязненным и враждебным было отношение к Романовичам некоторой части галицких «пригородов», прежде всего Перемышля, где нашли убежище бежавшие из столицы зачинщики неудавшихся заговоров. Сюда, к «своим советникам», перебрался Александр Всеволодович⁷⁰, готовый вступить в борьбу за Галич. На войну с ним Даниил безуспешно звал галичан и, как только что отмечалось, спрашивал на вече, будут ли горожане верны ему. В один ряд с Перемышлем встал расположенный неподалеку Ярослав, принявший сторону венгров, когда те начали войну с Романовичем. Об этом событии летописец говорит особенно подробно, что выдает в нем современника и, возможно, участника происходящего⁷¹. На это же указывает и яркая политическая тенденциозность автора в оценках случившегося.

Ярослав стоял на пути идущих к Галичу войск венгерского короля Андрея II, взявшегося восстановить права своего сына. Оборону города возглавляли бояре Давыд Вышатич и Василько Гаврилович, «от князя Данила во Ярославли»⁷², т. е. воеводы, поставленные Даниилом Романовичем. Как явствует из дальнейшего изложения, в городе имелись достаточные для успешной борьбы воинские силы. К тому же Ярослав был сильной пограничной крепостью, взять которую было непростым делом⁷³. Напротив, силы венгров и шедших с ними князя Александра Всеволодовича и боярина Судислава Бернатовича были не столь велики, да еще и военные действия складывались для них неудачно: «И бивъшимся Оугромь, оли и сонцю зашедшоу, отбившимся городоу имь»⁷⁴. После первого же дня боев венгерская рать понесла большие

⁶⁸ Там же. СПб., 1843. Т. II. С. 340.

⁶⁹ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 165.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 763.

⁷¹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 50.

⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 764.

⁷³ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 94.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 764.

потери и уже не могла взять город. Об этом свидетельствуют его защитники, руководители обороны – Василько Гаврилович («Рать си (венгерская. – А. М.) не можеть града сего прияти») и боярин Чак, приехавший «изо Оугорьскы полковъ» («Не можуть насъ оуже прияти, ибо соуть велми бьени») ⁷⁵.

Об осаде Ярослава сохранились сведения и в венгерских источниках, где тоже речь идет о трудностях и потерях с венгерской стороны. В грамоте короля Белы IV (старшего сына и соправителя Андрея II, также принимавшего участие в походе) некому Дионисию читаем: «Когда против Даниила, князя Лодомерии, отступившего от условий договора и пытавшегося захватить уже нам принадлежавшую Галицию, мы, несмотря на нежелание нашего отца, повели войско и уже приступили к осаде замка Ярослава, часто упоминавшийся Дионисий раньше прочих (таков уж был его нрав) вмешался в битву и ринулся штурмовать упомянутый замок, получил две смертельные раны от врага и уже почти скончался, когда был добит двумя вылетевшими из замка камнями» ⁷⁶.

И тем не менее город прекратил сопротивление и сдался венграм. Всю вину за это летописец возлагает на Давыда Вышатича, который-де пошел на поводу у собственной тещи, жены кормильца Нездила и верной сторонницы Судислава Бернатовича. Теща внушала Давыду: «Не можешь оудержати града сего», вселив тем самым «страх в сердце» воеводы, и тот, несмотря ни на что, сдал город ⁷⁷. Версия летописца не вызвала возражений исследователей. М. С. Грушевский даже пытался развить ее, высказав догадку о том, что упомянутая теща могла быть матерью Судислава. И тогда получается, что город был сдан вследствие «боярской конспирации», иначе говоря, очередной измены Даниилу бояр провенгерской партии, руководимой «партизанкой Судислава» тещей Давыда ⁷⁸. Еще произвольнее трактует показания источника В. Т. Пашуто, по которому всемогущая теща не только парализовала волю своего зятя, воеводы Давыда Вышатича, но и «принудила другого воеводу – Василия Гавриловича, служившего князю Даниилу, сдать Ярослав без боя венгерским войскам» ⁷⁹. Между тем эта версия представляется нам совершенно искусственной, внутренне противоречивой и недостаточно мотивированной.

⁷⁵ Там же. Стб. 765.

⁷⁶ СДН. Т. IV. Vol. I. P. 23-24.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 765.

⁷⁸ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 50.

⁷⁹ Пашуто В. Т. Очерки... С. 143.

Нельзя считать, что Ярослав был сдан врагу вследствие заговора бояр, как и нельзя сводить все дело к единоличному решению малодушного воеводы, предавшего князя. Согласно летописи, решение о капитуляции было принято на «совете». М. С. Грушевский называет его «военным совещанием Даниловых бояр»⁸⁰. Однако такое понимание противоречит смыслу летописного сообщения, где речь идет о защитниках города вообще, ярославцах, включая и бояр, и простых граждан. Ярославцы сперва отбили вражеский приступ, длившийся целый день, а затем «светь створиша вечероу»⁸¹. Переводчики Галицко-Волынской летописи не даром употребляют здесь соответствующую интерполяцию: «Вечером [ярославцы] учинили совет...»⁸².

Чтобы полностью отбросить сомнения и уяснить смысл происходящего, вспомним, что в подобных случаях судьба города решалась всеми его жителями, «гражданами», ставшими на время вражеской осады «воями» – защитниками, ведь решая судьбу своего города, они решали и собственную судьбу. Приведем только несколько примеров, непосредственно относящихся к Галицкой земле и в точности повторяющих ситуацию в Ярославе. В 1146 г. киевский князь Всеволод Ольгович начал поход на Галич против Владимирка Володаревича и осадил по дороге Звенигород. Жители его не хотели сражаться за галицкого князя и после первого дня боев уже готовы были сдаться. Летопись говорит об этом так: «А (въ) вѣторый день створиша вече Звенигородьчи, хотяче ся передати»⁸³. Точно так же, на общегородском вече решают свою судьбу осажденные венграми перемышляне, к которым обращается боярин Володислав Кормильчич с призывом отступить от вероломных Игоревичей: «Братье! Почто смышляетея? Не сии ли избыша отци ваши и братью вашу?»⁸⁴.

Именно общегородское собрание граждан, вечерую сходку, а не какое-то келейное «совещание бояр», носившее «партизанский» характер, следует разуметь в учиненном ярославцами «совете». Как и в других подобных случаях, руководящую роль здесь играют бояре – лидеры местной общины, Давыд Вышатич, прежде всего. Однако окончательное решение принимается отнюдь не единолично, как то представ-

⁸⁰ Грушевський М. С. 1) Історія України – Русь. Т. III. С. 50; 2) Історія української літератури. Київ, 1993. Т. III. С. 158.

⁸¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 764.

⁸² ЛР. С. 388.

⁸³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

⁸⁴ Там же. Стб. 724. – См. также: Беликова Т. В. Роль галицкого боярства в событиях 1211 – 1214 гг. // ВЛГУ. Сер. 2. 1989. Вып. 3. С. 82.

ляет М. С. Грушевский: «Давид... все-таки поддался на капитуляцию (очевидно, как старший воевода, он мог решать)»⁸⁵. Решение встать на сторону венгров было принято коллективно, в бескомпромиссной борьбе, развернувшейся на городском «совете». Открытое столкновение различных мнений и победа одного из них в результате острой полемики, где стороны выступают на равных, совершенно противоречит мысли о волевом единоличном решении, исходящем от какого-то верховного предводителя, как и идеи заговора, тайно сплетенного за спиной горожан.

Как попытка скомпрометировать Давыда, высказавшегося за сдачу города венграм и Судиславу, выглядит язвительное замечание летописца, что воевода попросту был под каблуком у тещи, послушав которую, он до того «оуполошивъшоуся», что уже никого больше «не слушавшоу», «оужасти во сердце имоушоу»⁸⁶. Давид открыто отстаивал свою правоту в споре с Васильком Гавриловичем, который тоже мог за себя постоять, ибо был «моужь крепокъ и храборъ» и «крепко борюшоу» с оппонентом, чтобы не «предати града». Ненависть летописца к Давыду и похвала Васильку имеют свое объяснение. Есть серьезные основания считать последнего волынским боярином, верой и правдой служившим Даниилу, подобно другим выходцам с Волыни – воеводе Мирославу и тысяцкому Демьяну⁸⁷. Данное обстоятельство должно было иметь немаловажное значение для местных жителей – защитников города.

В итоге победил тот, за кем пошли ярославцы – простые «люди», которые на время войны стали «воями». Таковым оказался Давид Вышатич, о чем прямо свидетельствует летописец: «Ономоу... самому же целоу (целю, по *Хлебн. и Погод. сп. – А. М.*) вышедшоу со всеми вои»⁸⁸. Хлебниковский и Погодинский списки содержат небольшое прибавление к тексту, придающее всему сообщению несколько иной смысловой оттенок: «Ономоу... преда градъ однако, самому же целоу вышедшоу со всеми вои»⁸⁹. Создается впечатление, что решение о предательстве исходило единственно от Давыда. Однако заключительная

⁸⁵ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 50. – Примерно так же рассуждает и К. А. Софроненко с той лишь разницей, что «сдал город Ярослав венгерскому королю Андрею» некий «бельзский боярин Давид Банатич» (Софроненко К. А. Общественно-политический строй... С. 99).

⁸⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 764-765.

⁸⁷ Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 40, прим. 7.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 765.

⁸⁹ Там же. Прим. 13.

фраза ставит все на свои места: за вышедшим из города воеводой последовали «вси вои», принявшие, таким образом, его сторону. Противники же Давыда остались ни с чем и потерпели полное поражение.

Какими же мотивами может быть объяснено решение ярославцев сдать город венграм и Судиславу? Летописный рассказ не содержит на сей счет прямых указаний (так как старается все свести к действиям одного человека), однако некоторые детали дают повод для размышлений. Противившийся сдаче города Василько Гаврилович, возражая Давыду Вышатичу, произносит примечательные слова: «Не погоубимь чести князя своего...». Иначе говоря, преданный Даниилу боярин призывает ярославцев сохранить верность прежнему князю, в то время как его оппонент предлагает принять сторону венгерского королевича и Судислава. Если учесть, что военная сторона конфликта была достаточно ясна и не вызывала никаких разногласий (все сошлись на том, что венгерская рать «не может града сего прияти»), то получается, что решение о капитуляции было обусловлено исключительно политическими мотивами. Дело шло о замене одного князя другим, на чьей стороне было больше симпатий.

Негативное отношение ярославцев к Даниилу и его ставленникам – явление не случайное. Ярослав, ближайший сосед Перемышля, входил в состав образуемой им волости (земли)⁹⁰. Город, основанный, вероятно, Ярославом Осмомыслом в качестве пограничной крепости, должен был прикрывать Перемышль с запада⁹¹. Неспроста привели сюда венгерские войска боярин Судислав и князь Александр, ведь Перемышль в это время был главным оплотом оппозиционных Романовичам сил в Галицкой земле⁹². К перемышлянам в начале 1231 г. бежал из Белза князь Александр, здесь же укрылись и галицкие бояре, с которыми он «светь створиша на оубьенье» Даниила⁹³. Дабы покончить с этим гнездом заговоров и вражды, последнему пришлось идти на Перемышль с войной. Ответом стало вторжение войск венгерского короля, за помощью которого обратился бежавший от Даниила Александр, поддер-

⁹⁰ Крип`якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 31; Войтович Л. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII – XVI ст. Львів, 1996. С. 58.

⁹¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 138; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 94.

⁹² Этот факт отмечается практически всеми исследователями: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. По указателю; Пашуто В. Т. Очерки... С. 149; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 40.

⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 762-763.

жанный боярином Судиславом⁹⁴.

* * *

Вслед за жителями «горной страны Перемышльской» сторону королевича приняли и галичане. О наступившей развязке источник говорит предельно кратко и невразумительно: «И приимь король Ярославль, и поиде к Галичю. Климьята же с Голыхъ горь оубежа от князя Данила ко королеви, а по немь вси бояре Галичъкеи предашася»; король беспрепятственно занял днестровскую столицу, «посадившоу сына своего Андрея в Галичи светомъ неверныхъ Галичань»⁹⁵. Первое, что бросается в глаза, вызывая недоумение исследователей, – это отсутствие Даниила в Галиче в момент, когда на город шли враги, и его полная бездеятельность в ситуации, требовавшей принятия самых энергичных и решительных мер. В рассказе летописца Даниил остается безучастным к происходящему, даже когда венгерские войска начали поход на Вольнь и осадили ее столицу⁹⁶.

Н. И. Костомаров высказал догадку, поддержанную впоследствии другими историками: «Данило должен был покинуть Галич и ушел в Киев набирать войско у своего союзника, киевского князя Владимира», а боярина Климьяту послал «с войском против венгров»⁹⁷. А. М. Андрияшев принимает данное объяснение в несколько уточненной редакции: «Этот поход Бельи был так удачен потому, что Даниила не было в Галицкой земле, он был занят на востоке, помогая Владимиру Рюриковичу Киевскому против Михаила Всеволодовича Черниговского»⁹⁸. «Вполне правдоподобным» считает это объяснение и М. С. Грушевский⁹⁹.

Между тем версия о вынужденном отсутствии Даниила в силу его «занятости» делами киевского князя, не выдерживает никакой критики. И это должны были частично признать даже те, кто ее придерживался. Так, М. С. Грушевский, отмечая внезапное исчезновение Даниила со страниц летописи, рассуждал: «Где он был во время похода, летопись не дает на то никаких указаний; Андрияшев думает, что в Киевщине, но его пребывание в Киевщине относится к более позднему времени,

⁹⁴ Там же. Стб. 764.

⁹⁵ Там же. Стб. 765, 766.

⁹⁶ Там же. Стб. 765.

⁹⁷ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях... С. 117.

⁹⁸ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 164.

⁹⁹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 49, прим. 3.

как видно из контекста»¹⁰⁰. Таким образом, в попытке истолковать действительно весьма туманное, состоящее из сплошных недомолвок известие о поражении Даниила, исследователи фактически заходят в тупик.

Видимо, этим объясняется и то обстоятельство, что впоследствии историки вообще обходили стороной данный вопрос. В опубликованном в 1979 г. популярном очерке о Данииле Галицком Н. Ф. Котляр пишет: «Ученые высказывали различные догадки по поводу того, где пребывал тогда (во время нашествия венгров. – А. М.) князь. Думаем, что он поехал в Киевщину улаживать отношения с надднепрянскими князьями»¹⁰¹. Констатировав наличие проблемы, автор лишь повторяет старую, уже обнаружившую свою несостоятельность версию, нисколько не приближаясь к решению поставленного вопроса, остающегося невыясненным до сих пор. Нам представляется, что поиск следует вести по другому пути.

Летопись не говорит ни слова об отсутствии Даниила в Галицкой, а затем Волынской земле во время вторжения венгров. Самое большее, о чем можно судить со слов источника, это то, что князя не было в Галиче, когда к нему подошли войска короля, поскольку исход борьбы был решен в другом месте Галицкой земли – у Голых Гор. Идея отправить Даниила в другие земли, подальше от галицких дел, порождена преувеличенным отношением историков к его полководческим талантам – такому доброму князю не пристало опускать руки перед врагом. Свою роль сыграла и неоправданная уверенность, будто бы Романович всегда пользовался поддержкой основного большинства галичан. На самом деле Даниил никуда не отлучался и, как мог, готовился дать отпор. Во всяком случае, князь был вместе с галицким войском у Голых Гор, т. е. в пределах Галицкой земли, когда в нее вторглись королевские войска. Так представляет дело летописец, указывая, что Климята и «вси бояре Галичькеи» с Голых Гор бежали к королю «о т к н я з я Д а н и л а».

Название «Голые Горы (Гологоры)» вызывало различные толкования у исследователей. Расположенную к северо-востоку от Галича одноименную местность не все считали населенным пунктом, иногда в ней видели только урочище¹⁰². Высказывалось также мнение, что Голые Горы – некое «владение» боярина Климяты¹⁰³, мнение, ничем,

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Котляр М. Ф. Данило Галицкий. С. 85.

¹⁰² Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 117-118; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 617.

¹⁰³ Пашуто В. Т. Очеркі... С. 144; Крип'якевич І. П. Галицько-Во-

впрочем, не обоснованное. Более предпочтительной, на наш взгляд, является интерпретация Голых Гор как города, небольшого пограничного поселения, одного из центров Звенигородской волости¹⁰⁴.

В летописном повествовании Голые Горы значатся неспроста. Этот городок находился на самой границе Галичины с Волынью¹⁰⁵. Если мы посмотрим на карту, то найдем, что он расположен на равном удалении от Галича и Владимира-Волынского, примерно посередине пути между двумя столицами. Все это наводит на мысль, что Даниил, по всей видимости, выбрал его в качестве сборного пункта для соединения галицкого войска с волынским, которое должен был привести его брат Василько. Выбранное расположение было выгодно и в военно-стратегическом отношении. Голые Горы возникли на месте Рожна Поля¹⁰⁶, удобного для больших сражений; здесь неоднократно галицкие князья давали бой своим врагам, вторгавшимся в пределы земли¹⁰⁷. Именно к этому месту подходили войска, наступавшие на Галичину с Волыни¹⁰⁸. Значит, галицкому и волынскому войскам легче всего было соединиться здесь и в качестве союзников.

Позиция, занятая на Голых Горах, предоставляла и важные тактические выгоды, обеспечивая значительное преимущество перед противником, благодаря особенностям ландшафта¹⁰⁹. К примеру, в 1144 г. галицкий князь Владимирко Володаревич сумел приостановить наступление превосходящей силами вражеской коалиции, не давая противнику реализовать свой численный перевес тем, что успел занять более выгодную позицию: «И на Рожни поли не могоша ся бити, зане Володимер стоя на Голыхъ Горах»¹¹⁰.

Однако все это не помогло Даниилу, поскольку тот не имел главного – поддержки жителей земли. В решительную минуту его стан покинули «вси бояре Галичъкеи», в результате чего князь остался фак-

линське князівство. С. 50.

¹⁰⁴ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 95-96; Войтович Л. В. Удільні князівства... С. 58.

¹⁰⁵ Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 34; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 95-96.

¹⁰⁶ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 96.

¹⁰⁷ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 178-179; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 311; Т. II. Стб. 315.

¹⁰⁸ Так было в 1098 г., когда на Теревовль наступал захвативший Волынь киевский князь Святополк Изяславич (ПВЛ. Ч. 1. С. 178-179), и в 1144 г., во время похода на Галич другого киевского князя Всеволода Ольговича, выступившего вместе с сыном Святославом, сидевшим тогда на Волыни (ПСРЛ. Т. II. Стб. 315).

¹⁰⁹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 464.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 311.

тически без войска, не мог более оказывать сопротивления и вообще как бы перестал участвовать в происходящем. Это значит, что вместе с Климьтой и остальными боярами, предводителями войска и лидерами общины, князя оставили галичане, «вои», бывшие с ним у Голых Гор. Акцент, в очередной раз сделанный летописцем на поведении «безбожных» галицких бояр, подчеркивает их видную роль в жизни общины, в данном случае военной, но отнюдь не отменяет участия в ней простых граждан.

Для Галицко-Волынской летописи вообще характерно несколько преувеличенное отношение к боярству и его роли в жизни земли; особенно это касается участия бояр в военных делах, где они нередко полностью заслоняют простых воинов и как бы олицетворяют собой все войско. Например, летопись говорит, что пошедшего на Галич киевского князя Рюрика Ростиславича, в войске которого были «Половци и Роуси много» встретили «бояре Галичкыи и Володимерьстии оу Миколуина не реце Серете, и бившимася има весь день»¹¹¹; а войско Даниила Романовича было сильно оттого, что «бяхоу бояре велиици отца его вси оу него»¹¹². Наличие в войсках значительного числа бояр – безусловно важный для победы фактор, но далеко не решающий, поскольку в конечном итоге исход любого сражения и большого военного предприятия зависел от численности и настроения простых воинов, составивших, как известно, основу древнерусского войска¹¹³.

Летописец стыдливо замалчивает роль Даниила и делает это скорее всего потому, что его роль весьма неприглядна. Не имея твердой поддержки галичан, князь не лучшим образом проявил себя и как полководец. Как представляется, он волей-неволей повторил печальный опыт другого галицкого князя Владимирка Володаревича. Тогда, в 1144 г., стоявшие на Голых Горах галицкие полки обошли с тыла неприятельские войска, создав тем самым угрозу захвата Галича: «Видивше же то Галичане, съчьноуша, рекоуче: “Мы сде стоимы, а онамо жены наша возмоуты!”». Владимирко ничего не оставалось, кроме как униженно просить мира¹¹⁴. Даниил оказался в таких же условиях, чему в немалой степени, надо думать, способствовало скорое падение Ярослава и стремительное продвижение венгерского войска к Галичу, направляемое опытным галицким воеводой Судиславом Бернатовичем.

¹¹¹ Там же. Т. II. Стб. 717.

¹¹² Там же. Стб. 729-730.

¹¹³ Фролов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. Очерк 6.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 315-316.

Когда вышедшие из города галичане узнали об этом, то тотчас бежали «от князя Данила ко королеви».

* * *

Столь же загадочно, сбивчиво и с явными недомолвками повествует летописец о походе венгров на Волынь, начавшемся сразу же после взятия ими Галича. Как и в предшествующем эпизоде, рукою книжника движет стремление любой ценой выгородить Даниила, спасти его поблекшую репутацию, переложив вину за новую неудачу на плечи другого. «Оттоуда (из Галича. – *А. М.*) король поиде ко Володимерю. Пришедшоу же емоу Володимерю, дивившоуся емоу, рекшоу, яко “така града не изобретохъ ни в Немечкыхъ странахъ”, – яко соущоу ороужьникомъ, стоящимъ на немъ: блистахоуся щити и ороужници, подобни солнцю. Мирославъ же бе во граде. Иногда же храброу емоу сущоу, Бог ведать, тогда бо смоутися оумомъ, створи миръ с королеми бе света (без совета, *по Хлебн. и Погод. сп., – А. М.*) князя Данила и брата его Василка, рядомъ же дасть Бельзь и Червень Олександроу»¹¹⁵.

И вновь из сообщения летописи невозможно понять, куда во время вражеского нашествия подевались волыньские князья – Даниил и Василько, и почему они не принимают участия в защите земли. Другой вопрос – отчего преданный Романовичам с детства воевода Мирослав, имея под своим началом «великое войско», многочисленность и вооруженность которого повергают в изумление выдавшего вида венгерского короля, не оказывает никакого сопротивления и без совета с князьями заключает с противником мир на его условиях? Летописец старательно уходит от ответа на эти вопросы, предпочитая оставить читателя в недоумении, нежели открыть правду, нелицеприятную для своего князя.

Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении сведения дают некоторую возможность приоткрыть завесу умолчания и прояснить кое-какие интересующие нас обстоятельства. Во-первых, нет оснований думать, что поход венгров застал Даниила врасплох, когда он был занят какими-то посторонними делами, и что не будь этого, враги не добились бы таких успехов. Подобные допущения, непригодные, как мы уже видели, для объяснения неудачи Романовича в Галиче, тем более не годятся для выяснения причин его поражения на Волыни. Летописец снимает любые сомнения на этот счет, когда говорит, что «князь же Даниль прия великъ пленъ, около Бозкоу (белза, *по Хлебн. и Погод.*

¹¹⁵ Там же. Стб. 765-766.

сп. – А. М.) воюя»¹¹⁶. Причем произошло это, когда «королю стоящую во Володимерея»¹¹⁷, т. е. еще во время осады города и мирных переговоров с Мирославом. Значит, в момент вражеского вторжения Даниил был где-то поблизости и, более того, внимательно следил за всем происходящим, раз он успел опустошить окрестности Белза, как только узнал, что город достался его врагу Александру, и сделал это еще до ухода войск венгерского короля с Волыни¹¹⁸.

Отсутствие Даниила в стольном Владимире, таким образом, могло быть лишь кратковременной отлучкой, не связанной ни с чем другим, кроме непосредственно происходящих на Волыни событий. Причину ее нетрудно понять, если вспомнить, как обычно действовал князь при аналогичных обстоятельствах. Несколько лет назад, в 1224 г., Романович успешно отразил совместный поход на Волынь Мстислава Удалого и все того же Александра Всеволодовича, для чего пришлось «поехать в Ляхи» и «привести князя Лешка»¹¹⁹. В конце 1228 г., когда против Романовичей выступила целая коалиция во главе с киевским и черниговским князьями, и уже был взят в осаду Каменец, Даниил, делая вид, что готов вести мирные переговоры, сам тайно «еха в Ляхы по помощь», а своего посла отправил за помощью к половцам и такими энергичными действиями добился благоприятного исхода¹²⁰. И летом 1230 г. Даниил, занимавший тогда галицкий стол, успешно отбил от венгерского короля, используя привычные уже средства: оставив в Галиче тысяцкого Демьяна, князь «приведе к себе Ляхы и Половце Котяневы»¹²¹.

Видимо, ту же тактику он попытался применить и на этот раз: оставив Владимир на попечение верного воеводы Мирослава, сам вместе с братом поспешил за помощью в соседнюю Польшу, – ведь неспроста первым делом Даниил обнаруживает себя поблизости от западных границ Волыни, «воюя» около Белза. Однако ни военные ухищрения опытного князя, ни многочисленность воинов, блистающих доспехами, «подобно солнцу», ни преданность и храбрость воеводы не спасли Романовичей от поражения и унижительного «рядя» с противником.

Второе. Требуется объяснения удивительная податливость владимирцев во главе со своим воеводой к миру с венграми, их фактический

¹¹⁶ Там же. Стб. 766.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Таков порядок событий по летописному изложению. – Там же.

¹¹⁹ Там же. Стб. 745.

¹²⁰ Там же. Стб. 753.

¹²¹ Там же. Стб. 761.

отказ от сопротивления, не смотря на то, что такой шаг наносил тяжелый ущерб интересам Романовичей. Единственным виновником случившегося летописец выставляет воеводу Мирослава: он де «помутился умом» и оттого заключил мир с королем, не посоветовавшись с князьями. За это Романовичи потом выговаривали своему старому «дядьке»: «Пошто миръ створи, соущю ти с великими вои?»¹²².

Данная ситуация как две капли воды похожа на ту, что возникла при осаде венграми галицкого «пригорода» Ярослава, прекратившего сопротивление и принявшего их сторону не в результате военного поражения, а как представляет летописец, единственно по вине местного воеводы, который «оужасти во сердце имоущю»¹²³. Перед нами ни что иное, как трафаретный прием, используемый придворным летописцем Даниила Романовича столь же часто, сколько сам Даниил оказывался в неудобном или затруднительном положении, – неудачи и промахи своего патрона усердный панегирист относит либо на счет козней «безбожных» галицких бояр, либо винит во всем нерадивых княжеских слуг.

Что же, однако, могло быть на самом деле? Думается, ответить поможет одна немаловажная деталь – участие в волынском походе венгров князя Александра Всеволодовича, давнего соперника Даниила не только в борьбе за Галич, но и за Владимир-Волынский. По сути дела, вся уступка владимирского воеводы венграм состояла в том, что последний «рядомъ же дасть Бельзь и Червень Олександрю». Князь Александр в прошлом неоднократно занимал владимирский стол, более, чем кто-либо, пользуясь при этом доверием и поддержкой горожан. Это позволяло ему успешно противостоять другим претендентам на владимирское княжение, в том числе и Романовичам¹²⁴. Весьма показателен такой пример. Однажды Александр, чтобы выбить засевшего во Владимире Святослава Игоревича, «навел» на город войска польских князей Лешка и Конрада. И когда «придоша Ляхове на Володимерь», «отвориша имъ врата Володимерци» только потому, что «с ними был» Александр¹²⁵.

Сама собой напрашивается параллель с рассматриваемым нами походом на Волынь венгерского короля. Не этим ли, с виду малоприметным, но много значившим для владимирцев обстоятельством – участи-

¹²² Там же. Стб. 766.

¹²³ См. выше, с. 516.

¹²⁴ Майоров А. В. Бояре и община Юго-Западной Руси в XI – начале XIII в.: Канд. дис. СПб., 1998. С. 306-307, 312, 325.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 720.

ем в походе князя Александра – объясняется их податливость к миру и отказ сильного и многочисленного владимирского войска от кровопролития? Владимирцы во главе с воеводой самостоятельно принимают такое решение наперекор своим князьям. Может быть, здесь сыграло роль то самое предпочтение, которое они еще недавно отдавали Александру перед Романовичами. Тогда, полтора десятилетия назад, сыновьям Романа, опиравшимся лишь на польскую помощь, в упорной борьбе удалось отбить у Александра всего два владимирских «пригорода», и они с бессильной завистью «на Володимерь призирающа»¹²⁶. И только когда польский князь, закончив свои дела в Галиче, со всеми силами сам «пошел» добывать братьям владимирский стол, Романовичи были «посажены» во Владимире¹²⁷.

* * *

Таким образом, представленный здесь летописный материал, относящийся к перипетиям борьбы за Галич конца 20 – начала 30-х годов XIII в., требует, на наш взгляд, пересмотра многих сложившихся в науке стереотипов.

Даниил Романович явно проигрываял в этой борьбе своим главным конкурентам, в том числе и венгерскому королевичу. Поддержка, которой Романовичи будто бы постоянно и безусловно пользовались у галичан, простых граждан, – не более, чем историографическая фикция. Ничем не обосновано и резкое противопоставление простых горожан боярству как неких политических антиподов. В этом, по-видимому, сказалось идущее еще от летописца крайне враждебное отношение к галицким боярам, «лживым», «безбожным» и «неверным», а усиленно выражаемое им сочувствие к делам князя было воспринято как проявление народной любви.

Между тем простые галичане гораздо чаще и охотнее следуют за своими боярами в их неприятии Даниила, нежели за самим Даниилом. Только с помощью извне ему удалось захватить галицкий стол, пребывание на котором стало подобным сидению на вулкане, в любой момент грозящему обернуться гибелью. Столь же враждебным было отношение к Романовичу жителей части галицких «пригородов». Списывая все на козни бояр, ни летописец, ни новейшие исследователи как бы не замечают, что простые граждане не только ничуть не противятся этому, но, более того, всякий раз, когда исподволь со страниц летописи

¹²⁶ Там же. Стб. 730.

¹²⁷ Там же. Стб. 731.

все же проступает позиция галичан, она оказывается той же, что и у боярства, – община и ее лидеры едины и вместе противостоят неугодному князю¹²⁸.

Ближайший пример – поход на Галич венгерского короля Андрея в 1232 г., когда вслед за «всеми галицкими боярами», бежавшими с Голых Гор «от князя Данила ко королеви», сторону последнего приняли и галичане: «Королеви же посадившоу сына своего Андрея в Галичи светомъ неверныхъ Галичанъ»¹²⁹. Вполне закономерно, что княжеский панегирист завершает повествование о поражении Даниила гневным выпадом в адрес всех галицких жителей, которых он называет «неверными». Подобным же образом придворный историограф не раз выражает свои чувства к своенравным жителям Галича¹³⁰, но в его повествовании не найдется ни одного случая, когда бы автор мог с удовлетворением отметить «верность» галичан князю Даниилу¹³¹.

Не имея поддержки жителей днестровской столицы, Романовичи делали ставку на помощь отколовшихся от Галича обитателей Понизья, галицких «выгонцев», как их называет летопись. Не случайно Даниил нападает на город именно в тот момент, когда галичане во главе с воеводой Судиславом выступили в поход против мятежных понизовцев, которые затем дружно переходят на сторону волынского князя, давая ему необходимый численный перевес. Тем самым действия Романовичей углубляли и обостряли внутриволостные противоречия в Галицкой земле, подрывали значение Галича как «старшего города», разрушали территориальное единство земли. Все это должно было еще более отворачивать от таких князей жителей стольного града, не только бояр, но и всей городской общины, чьим интересам непосредственно причинялся тяжелый ущерб эгоистической и недалководидной политикой наследников Романа.

¹²⁸ Дело здесь отнюдь не в пресловутом могуществе бояр, будто бы полностью подчинивших себе общину, политически господствующую над простыми гражданами. Достаточно будет вспомнить случай, когда галичане, раздосадованные неудачами боярина Судислава Бернатовича, фактически управлявшего городом при венгерском королевиче, невзирая на прежние заслуги и высокое положение с позором выпроваживают его, забросав камнями (там же. Стб. 759-760).

¹²⁹ Там же. Стб. 766.

¹³⁰ См., например: там же. Стб. 727.

¹³¹ «Верными» летопись называет только княжеских отроков и прибывших вместе с князем с Волыни тысяцкого и воевод. Никому из галицких жителей – ни боярам, ни простым горожанам – Романовичи не доверяли.

3.

Борьба за Галич в первой половине 30-х годов XIII в. Галицкая община и королевич Андрей

Перемены венгерской политики в отношении Галича. – Выступление королевича Андрея против Даниила в начале 1233 г., его цель и значение. – К вопросу об участии галичан в военных предприятиях королевича (поход на Киев и битва под Шумском). – Приграничные столкновения: захват Плеснеска и осада Перемышля. – «Галичане» и «большая половина Галича»: о внутриволостных противоречиях в Галицкой земле. – Галич и Звенигород. – Итоговые замечания.

Посмотрим теперь, насколько успешно складывались отношения с городской общиной у других соискателей галицкого стола – венгров. После неудачи королевича Андрея-младшего, уступившего стол Даниилу в марте 1230 г., за дело взялся его старший брат король Бела IV, «Бела-рикс», как его называет летопись. Такое необычное наименование имеет свое объяснение. Коронованный еще в 1214 г., Бела до смерти отца, короля Андрея II (1235 г.), носил специальный титул «младшего короля» (*rex unior*)¹. Как справедливо полагает В. П. Шушарин, автор летописной записи «опустил (или не прочитал) в титуле младшего короля... слово “юниор”»; вместе с тем, этот автор знал, что в Венгрии есть настоящий, полноправный король Андрей, и поэтому Белу словом «король» он обозначить не мог².

Прежняя линия в отношении Галича была в корне изменена. Вместо политики договора и уступок общине, практикуемой королем Андреем, решено было прибегнуть к военной силе и «взять» город «сильною рукою». С таким предложением обратился к венграм бежавший

¹ Magyarország történeti kronológiája. Bp., 1981. I. k. S. 131.

² Шушарин В. П. «Венгерские» известия Галицко-Волынской летописи // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18-20 апр. 1990 г. / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1990. С. 145.

вместе с королевичем боярин Судислав: «Изеидете на Галичь и примете землю Роускою»³. В ответ король Бела «изииде» «в силе тяжьце», сказав при этом: «Не имать остатись градъ Галичь. Несть, кто избавляя и от роукоу моею»⁴.

О перемене венгерской политики в отношении Галича судим по весьма красноречивому факту – впервые они прибегли к использованию половцев: «...оу короля беахоу Половци Беговарьсови». Этот факт заслуживает особого комментария. В то время, как в начале XIII в. половецкие набеги на Русь практически прекратились, Галицкая земля стала испытывать с особой остротой натиск степных кочевников, причинявших ей большой урон, постоянно участвуя в военных акциях многочисленных искателей галицкого стола⁵ и в первую очередь тех из них, кто не мог рассчитывать на поддержку галичан. Вместе с ордой хана Бегбарса, пришедшей, как полагает В. Т. Пашуто, с территории только что созданного Римом «Половецкого епископства»⁶, преодолевая неожиданные трудности, вызванные непогодой, король «оустремисшися прияти град и землю»⁷.

Захватнические намерения Белы недвусмысленно выражает его речь, обращенная через глашатая к галичанам; с неприкрытой угрозой король заявляет в их адрес: «Толико ходилъ на ины страны, то кто может одержати от роукоу моею и от силъ полковъ моихъ!»⁸. Как угрозу расценивает эти слова и летописец, когда говорит, что начальник обороны Галича тысяцкий Демьян «грозы его не оубояся»⁹. Кроме того, сама манера повествования, насыщенного яркими эмфатическими оборотами, библейскими аллюзиями, в частности, стилизованного под рассказ пророка Исаяи об осаде Иерусалима ассирийцами¹⁰, в котором к осажденному иудейскому царю Езекии с подобными словами обращается ассирийский царь Синахериб, служит той же цели – передать откровенно враждебные, захватнические замыслы венгерского короля, его неуклонную решимость силой захватить и подчинить себе Галич подобно тому, как ассирийский правитель хотел захватить и подчинить

³ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 760.

⁴ Там же.

⁵ Плетнева С. А. Половцы. М, 1990. С. 168-169.

⁶ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 155, 169.

⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 760.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Грушевський М. С. 1) Історія України – Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 48; 2) Історія української літератури. Київ, 1993. Т. III. С. 148.

Иерусалим, став злейшим врагом иудеев¹¹.

Перемена венгерской политики по отношению к Галичу сразу же сказалась на позиции горожан, сплотившихся вокруг Даниила и его тысяцкого Демьяна и сумевших дать достойный отпор: «Град же крепляшеся, а Бела изнемогаше и поиде от града»¹². Как злейших врагов преследуют галичане отступающих венгров, истребляя и пленяя отбившихся от основного войска: «Нападшимъ же на не гражданомъ, мнозимъ впадахоу в рекоу, инии же избъени быша, инии язвени быша, инии же изоимани быша»¹³.

Характерно, что в рассказе летописца галичане действуют совершенно самостоятельно. Демьян и Даниил вообще как бы стоят в стороне, их роль в обороне города и разгроме врага до крайности невыразительна. Непосредственно к горожанам, а не к князю и не к тысяцкому обращается королевский глашатай: «Слышите словеса великого короля Оугорьского! Да не оуставляеть васъ Дьмьянь, глаголя: “И земля изимьтъ ны Бог”, ни да оуповаеть вашъ Даниль на Господа, глаголя: “Не имать предати град сесь королеви Оугорьскомоу”...»¹⁴. Роль тысяцкого Демьяна сводится лишь к тому, что он «грозы его (венгерского короля. – А. М.) не оубояся», уповая на помощь Божию. И это все, что мог позволить себе рассказать о собственных подвигах Демьян, к перу или к устным сообщениям которого, как полагают исследователи, восходит описание неудачи короля Белы IV под Галичем, редакторски обработанное впоследствии церковником-летописцем¹⁵. А князя Даниила вообще тогда не было в Галиче, поскольку он отправился за военной помощью за границу и «приведе к собе Ляхы и Половце Котяневы», уже когда венгры, получив отпор галичан и жестоко страдая от какой-то эпидемии¹⁶, «изнемогали».

Крах попытки подчинить Галич силой оружия, стоивший венграм

¹¹ Четвертая книга Царств. XVIII. 28-30, 35; Исая. XXXVI. 13-15, 20.

¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 761.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Стб. 760.

¹⁵ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 74-75.

¹⁶ Летопись говорит об этом иносказательно, прибегая к библейским аллегориям – Бог напустил на венгров «раноу фараоновоу»: «Богъ бо попоустить беашеть раноу [и] ангель быашеть ихъ. Сице оумирающимъ: инии же изъ подъшевь выстоупахоуть, акы ис чрева. Инии же, во коне влезыше, изомроша, инии же, около огня солезышеся и мясь ко оустомъ придевоше, оумирахоу. Многими же ранами разными оумирахоу» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 761). Имеется в виду десятая «фараонова кара» – мор среди людей (Книга Исхода. VII-XII).

слишком дорого, вместе с тем выявил военную мощь и политическую сплоченность галицкой общины, ее способность отстоять и защитить собственные интересы. Все это вынудило венгерских правителей вернуться к прежней, уже не раз оправдавшей себя линии в отношениях с галичанами. Вскоре обстоятельства приняли благоприятный для них оборот. Как мы уже видели, Даниил Романович не смог наладить добрых отношений с галичанами, в городе еще сильна была память о королевиче Андрее, чье княжение обуславливалось предоставлением общине широкого круга «вольностей», отвечавших насущным потребностям ее политического развития, имело четкую правовую регламентацию¹⁷. Видимо, и в личном плане королевич Андрей более устраивал галичан, нежели Даниил или кто-либо другой. Поэтому в свой новый поход на Галич король Андрей II взял младшего сына – упомянутого королевича Андрея.

Собственно говоря, то не был поход на Галич, поход, изначально имевший целью отнять у Даниила галицкое княжение. За помощью к венграм обратился тогда волынский князь Александр Всеволодович, лишенный Романовичами белзского стола¹⁸, и король взялся вернуть ему утраченное. В итоге так и было сделано: король с войском отправился на Волынь и добился возвращения Александру Белза и Червена¹⁹. О цели похода говорит также маршрут следования венгерского войска: оно продвигалось вдоль галицко-волынской границы с запада на восток в направлении Голых Гор, далеко стороной обходя Галич. Здесь же, у Голых Гор, а не в Галиче расположился Даниил с войском, намереваясь дать венграм сражение.

Однако с первых же дней пребывания королевского войска на русской земле положение дел стало круто меняться, что внесло изменения и в планы венгров. На сторону короля перешли сперва жители пограничного Ярослава, а затем и основное галицкое войско, стоявшее у Голых Гор, покинуло князя Даниила и вслед за боярами переметнулось «ко королеви»²⁰. Наконец, король Андрей триумфатором вошел в Галич и «посадил» там своего сына Андрея-младшего. Летописец ясно дает понять, что то был не насильственный акт, попирающий суверенные права общины, подобный тому, что два года назад пытался совер-

¹⁷ См. с. 483-489 настоящей работы.

¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 764.

¹⁹ Там же. 765.

²⁰ Подробнее об этом речь шла в разделе «Борьба Даниила Романовича за галицкий стол с венграми в конце 20 – начале 30-х годов XIII в. Галицкая община и князь Даниил» настоящей работы.

шить другой венгерский король Бела IV, решительно и безусловно отвергнутый галичанами. Летопись говорит, что королевич Андрей вновь получил галицкий стол «светомъ неверныхъ Галичанъ»²¹, т. е. при согласии и, надо думать, по инициативе самой галицкой общины.

Не удивительно, что пребывание королевича на галицком столе находится в резком контрасте с галицким княжением Даниила, для которого оно означало лишь продолжение, новую фазу его изнурительной борьбы за Галич теперь уже с внутренними врагами, не менее жестокими и беспощадными, чем враги внешние. Напротив, венгерский королевич, сидя в Галиче, чувствовал себя, можно сказать, как дома. Летопись не знает ни одного случая за весь срок его семилетнего княжения, когда бы галичане проявили к нему «неверность», подняли «мятеж», пустили в ход «лесть» и «крамолу», словом, хотя бы малую часть того, что они непрерывно преподносили Романовичу.

* * *

Став галицким князем, Андрей начинает вести активную внешнюю политику, в том числе военными средствами. Это верный знак прочности внутреннего положения князя, так как ведение масштабных боевых действий на чужой территории требует надежного тыла, а, кроме того, невозможно без участия воинских сил земской общины. Бросив самый беглый взгляд на прошлое Галицкой земли, мы убедимся, что только те князья, которых община считала «своими» и которым удавалось снять ее доверие, могли позволить себе участвовать в «большой политике» – вмешиваться в междукняжеские и межволостные конфликты, воевать с соседними странами и т. п., становясь виднейшими политическими фигурами своего времени, такими как Ярослав Осмомысл или Роман Мстиславич²².

На Волыни таковыми мало-помалу становятся возмужавшие Романовичи, надежно упрочившие свои внутриволостные позиции и во второй половине 1220-х годов перешедшие к активной внешней политике. Это, в частности, выразилось в возобновлении их борьбы за Галич теперь уже с опорой на собственные силы (т. е. военную организацию волыньских общин), а не с помощью своих венгерских или польских покровителей. Действия Романовичей простираются и за пределы Руси: они заключают военный союз с польским князем Конрадом Мазовецким, ведшим борьбу за великопольский престол, предоставив ему

²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 766.

²² Разумеется, большое значение имели при этом и личные качества правителей.

«помощь великоу». Предпринятый ими поход особенно подробно описан летописцем, отметившим, что русские воины взяли тогда «плень велику», «многоу челядь и боярыне» и возвратились домой «с честью» и «со славою». То был действительно выдающийся успех Даниила, «иныи бо князь не входилъ бе в землю Лядскоу толе глоубоко, прочь Володимера Великаго, иже бе землю крестилъ»²³.

Не меньший успех был достигнут Романовичами на востоке, в отношениях с киевским князем Владимиром Рюриковичем. Когда-то последний произнес в адрес Даниила полные вражды и неприязни слова: «Бо бе отець его постригль отца моего»²⁴, объясняя этим свое участие в войне с Романовичами, где он вместе с черниговским князем Михаилом Всеволодовичем возглавлял обширную коалицию, вторгшуюся на Волынь²⁵. Волынским князьям удалось изменить это неблагоприятное для себя соотношение сил. Используя противоречия между киевским и черниговским князьями, Даниил принял сторону первого и, как говорит летопись, «пришедшоу створити миръ межи има», т. е. выступил посредником на мирных переговорах. Деятельность такого рода приносила немалые дивиденды: за свои услуги Романович «из Роуской земля взя собе часть – Торцький»²⁶.

Занявший галицкий стол королевич Андрей не остался в стороне от происходящих событий: «По тех же летехъ движе рать Андреи королевичъ на Данила»²⁷. Причину конфликта можно понять, если вспомнить о тесных союзнических отношениях венгров с черниговскими князьями. Исследователи говорят даже о существовании устойчивой венгерско-черниговской коалиции, направленной против Даниила и его союзников, главными деятелями которой были королевич Андрей, король Бела IV, князя Михаил Всеволодович и его сын Ростислав²⁸. Этот союз завязался еще в 1228 г., и когда киевский князь Владимир и черниговский Михаил направили войска на Волынь, сидевший в Галиче королевич повел себя как их союзник («миръ имеяше со Володимеромъ

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 755, 757, 758.

²⁴ Имеется в виду эпизод 1204 г., когда отец Даниила Роман Мстиславич силой лишил киевского стола и постриг в монахи Рюрика Ростиславича, отца Владимира (ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 420; НПЛ. М., Л., 1950. С. 240).

²⁵ Там же. Т. II. Стб. 753.

²⁶ Там же. Стб. 766.

²⁷ Там же.

²⁸ Да ш к е в и ч Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 48-49.

и Михаиломъ»)»²⁹.

Положение изменилось, когда киевский князь принял сторону Даниила и сам обратился к нему за помощью: «Идеть на мя Михайль. А помози ми, брате!»³⁰ Союз Волыни и Киева всегда представлял повышенную опасность для Галичины, и со времени обретения самостоятельности местные князья (если они не были выходцами с Волыни) изо всех сил противодействовали такому союзу. И Владимир-Волынский, и Киев имели с Галичем давние политические счета³¹, и поэтому союз между ними создавал опасный перевес сил, угрожающий суверенитету галицкой общины. Чтобы предотвратить развитие событий в неблагоприятном русле и в то же время оказать помощь своим союзникам в Чернигове, королевич Андрей пускается на весьма рискованный шаг и, вопреки обыкновению, первым начинает войну с Даниилом.

К этой войне галицкий князь подготовился достаточно основательно. Летописец говорит, что в войске Андрея помимо венгров и галичан, возглавляемых воеводой Глебом Зеремеевичем, участвовали также белзский князь Александр Всеволодович и безымянные болоховские князья: «Бе бо с королевичем Олександръ, и Глебъ Зеремиевич, инии князи Болоховьсци, и Оугоръ множество»³². Куда же направилось это войско? М. С. Грушевский, на наш взгляд, допускает ошибку, говоря, что то был поход на Волынь: «Воспользовавшись отсутствием Даниила, который пошел в Киевщину – спасать своего союзника Владимира, королевич Андрей где-то на второй год (1232/33) выбрался походом на Волынь»³³. Такая трактовка не учитывает особенностей войны Андрея с Даниилом как столкновения двух коалиций – венгерско-черниговской и киевско-волынской. Получается, что галицкий князь всего лишь изподтишка напал на волыньские земли, улучив подходящий для этого момент. Ближе к истине точка зрения В. Т. Пашуто, писавшего: «В том же году королевич Андрей, действуя, видимо, в контакте с черниговским князем, попытался напасть на восточную Волынь»³⁴. Но, как и

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 753. – По мнению М. С. Грушевского, союз галицкого с киевским и черниговским князьями возник еще при Мстиславе Удалом (Грушевський М. С. Історія України – Русі. Київ, 1992. Т. II. С. 243; Т. III. С. 45).

³⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 766.

³¹ См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. Гл. IV; Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. Гл. 13.

³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 767.

³³ Грушевський М. С. Історія України – Русі. Т. III. С. 50-51.

³⁴ Пашуто В. Т. Очерки... С. 214.

М. С. Грушевский, В. Т. Пашуто ошибочно направляет поход Андрея на Волынь, чем входит в противоречие с показаниями источника³⁵.

Летопись определенно указывает, что поход галицкого князя был направлен на Киев и имел целью войну с новоиспеченными союзниками – владимирским и киевским князьями, пребывавшими тогда в Киеве. Это отлично понимал Даниил; получив известие о наступлении войск Андрея, он обращается к своему союзнику Владимиру Рюриковичу: «Брате! Ведаюче обою наю, идуть наю»³⁶. О. П. Лихачева переводит эти слова так: «Брат, я знаю, что они идут на нас обоих»³⁷. Маршрут следования войск королевича также свидетельствует, что его целью был Киев, а не Волынь. Андрей «иде к Белобережью», а ему навстречу ехал «во стороже от Данила ис Кыева» боярин Володислав. «И стрете рать во Белобережьи, и бившимся имь о рекоу Солоучь». Здесь данилова «сторожа» остановила войска галицкого князя и оттеснила их до реки Деревны, ударив из Чертова леса³⁸.

Все перечисленные географические объекты – город Белобережье, река Случ и ее левый приток Деревна, а также начинающийся на ее берегах Чертов лес – находятся на исторической территории Погорынья, некогда входившей в состав Киевской земли³⁹, но во второй половине XII в. приобретшей политическую самостоятельность⁴⁰. Нет оснований относить эти земли к Волыни особенно после того, как здесь сложилась новая территориально-политическая общность с центром в Болохове,

³⁵ Так же на Волынь направляют его И. П. Крипякевич (К р и п ' я к е в и ч И. П. Галицко-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 94) и Н. Ф. Котляр (К о т л я р Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 153).

³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 766.

³⁷ ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 281. – Несколько иной вариант предлагает Л. Е. Махновец: «Брат! Зная про нас обоих, они идут на нас». – ЛР. Київ, 1989. С. 389.

³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 766.

³⁹ А н д р и я ш е в А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV стол. Киев, 1887. С. 37; Г р у ш е в с ь к и й М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV стол. Київ, 1991. С. 329; Н а с о н о в А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 51; Т о л о ч к о П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X – XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 11-12; Р ы ч к а В. М. Формирование территории Киевской земли (IX – первая треть XII в.). Киев, 1988. С. 71-72.

⁴⁰ М и х а й л о в а И. Б. Городские общины Погорынья в XI – середине XIII в. // ВЛГУ. Сер. 2. 1994. Вып. 4. – Свою самостоятельность общинам Погорынья приходилось постоянно отстаивать в борьбе с сильными соседями, поэтому данная территория неоднократно переходила из рук в руки, будучи яблоком раздора между Киевом и Владимиром-Волынским.

возглавляемая летописными «болоховскими князьями»⁴¹. «Болоховцы» не признавали над собой власти соседних князей, особенно же Даниила и всеми силами противились ему вплоть до конца 50-х годов XIII в.⁴² Возможно, этим объясняется их участие в походе королевича Андрея, выступившего против Романовича. По территории Болоховской земли через Белобережье и Чертов лес до Ушеска шла одна из дорог на Киев – так называемая «Лесовая сторона»⁴³, которой и воспользовались войска королевича.

Итак, войска галицкого князя в начале 1233 г. выступили в поход на Киев. Тем самым после длительного перерыва Галич вновь включился в политическую жизнь русских земель, пытаясь проводить активную наступательную внешнюю политику, свидетельствующую о преодолении внутреннего кризиса, в том числе о нормализации отношений между княжеской властью и вечевой общиной. Последнее нашло и более осязаемые проявления, отразившиеся в источниках.

* * *

Мы не можем согласиться с теми исследователями, кто утверждает, будто королевич Андрей проводил свою внешнюю политику с опорой на одних только венгров, кучку бояр и союзных князей. «Весьма показателен, – пишет, к примеру, В.Т. Пашуто, – состав войска венгерского королевича: венгерский гарнизон, войско князя Александра Белзского, Глеб Зеремеевич “и инии князи болоховьсци”, т. е. мелкое болоховское князье и вокняжившееся боярство, имевшее владения в районе между Галичиной, Волынью и Киевщиной, а также в Понизье»⁴⁴. По А. М. Андрияшеву, «ополчение» королевича имело несколько иной состав: «... кроме Венгров в его ряды стали: Александр Всево-

⁴¹ Большинство исследователей воспринимают Болоховскую землю первой половины XIII в. как самостоятельное политическое образование, отстаивающее свои позиции в борьбе с соседями. – Д а ш к е в и ч Н. П. Болоховская земля и ее значение в русской истории // Труды III Археологического съезда. Киев, 1878. Т. II; Г р у ш е в с ь к и й М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 156-157; М а в р о д и н В. В. Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории Древней Руси // УЗ ЛГПИ. 1939. Т. 19. С. 70; П а ш у т о В. Т. Очерки... С. 150-151; Р а п п о р т П. А. Города Болоховской земли // КСИИМК. 1955. Вып. 57; Т о л о ч к о П. П. Киевская земля. С. 13; М и х а й л о в а И. Б. Городские общины Погорынья...

⁴² Г р у ш е в с ь к и й М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 155-157; М и х а й л о в а И. Б. Городские общины Погорынья... С. 10-11.

⁴³ К р и п ь я к е в и ч І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 25, 45.

⁴⁴ П а ш у т о В. Т. Очерки... С. 214.

лодович, Изяслав Новгород-Северский и князя Болоховские»⁴⁵. Как видим, и здесь галичанам не нашлось места среди воинства галицкого князя, а боярин Глеб Зеремеевич оказался причисленным к болоховским князьям. У М. С. Грушевского Андрей выходит на войну вообще только с одними венграми⁴⁶. Согласно Н. Ф. Котляру, акция королевича была поддержана лишь «отрядами мятежных галицких бояр и феодалами Болоховской земли»⁴⁷. Подобные высказывания – результат явного недоразумения, затемняющего суть летописного сообщения.

В рассказах летописца о военных походах и сражениях наряду с именами князей постоянно фигурируют имена военачальников-бояр – тысяцких и воевод. Эти военачальники, выполняя поручение князя или действуя по собственной инициативе, возглавляют воинство земель и городов, ведут за собой целые полки, командуют войсками. Называя по имени того или иного боярина-воеводу в связи с каким-либо военным предприятием, летописец, конечно же, имеет в виду не боярина самого по себе, а войско, полк, с которым он идет на войну. Так, о походе галичан во главе с Судиславом Бернатовичем в Понизье летопись говорит: «Соудиславъ шель есть во Понизье»⁴⁸. Думать, что боярин отправился воевать с мятежными понизовцами в одиночестве, едва ли приходится. Речь здесь идет о походе галицкого войска, что ясно видно из последующего изложения: «Соудиславоу же тое ноци вобегъшу во городъ, яти бывше *от вои его людие* (курсив наш. – А. М.)...»⁴⁹.

Точно так же с «воями», с «галичанами» шли в поход другие галицкие воеводы – Коснятин Серославич⁵⁰ или Тудор Елчич⁵¹. И даже если летописец ничего не говорит о войсках, подчиняющихся воеводам, упоминая только имена предводителей, ясно, что речь идет о та-

⁴⁵ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 164. – В летописном перечне участников похода никакой новгород-северский князь Изяслав не значится; откуда исследователь получил подобные сведения, для нас остается непонятным.

⁴⁶ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 51.

⁴⁷ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // ДГ. 1995 г. М., 1997. С. 100.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 758.

⁴⁹ Там же. – Против Судислава Даниил «послал» своего тысяцкого Демьяна, и «Соудиславъ не стерпе передь Демьяномъ, по побеже в Галичь» (там же). Данное известие можно понимать только так, что войско Демьяна нанесло поражение войску Судислава и заставило его бежать в Галич.

⁵⁰ Там же. Стб. 488, 509, 548.

⁵¹ Там же. Стб. 507, 616.

ком предприятии, где непременно участвуют воинские силы земли⁵². Так, когда в источнике сказано: «Затворившю же ся Ярополкою и Яволоду в Галичи, а Володиславъ выеде съ Оугры и Чехы своими»⁵³, то это значит, что бояре Ярополк и Яволод остались начальствовать галичанами, готовясь к обороне города, а вокняжившийся Володислав Кормильчич повел свои войска в поход навстречу наступающему неприятелю.

Примерно такой же смысл имеет сообщение о том, как галичане преследовали бежавшего от них Даниила. Когда Романович и его дружина достигли города Толмача, их нагнал «неверный Витовичъ Володиславъ», а на другой день с беглецами сражался еще один галицкий боярин Глеб Васильевич⁵⁴. Из контекста данного сообщения явствует, что речь идет не только о личном поединке, но и о более масштабном и кровопролитном сражении: «Того же дни бишася весь день о дне до ноши». В составе сражающихся между собой ратников летописец называет еще целый ряд боярских и простых имен – тысяцкого Дмитра, Глеба Зеремеевича, Семена Коднинского, Глеба Судиславича, Гаврилу Иворовича, Перенежка и Янца⁵⁵. Значит, преследовали и атаковали Даниила не одинокие галицкие бояре, а предводители каких-то воинских сил, иначе такое преследование попросту не могло бы состояться.

Все сказанное заставляет нас отказаться от предложенного В. Т. Пашуто и другими исследователями толкования летописного известия об участниках похода на Киев. Едва ли значащийся среди них боярин Глеб Зеремеевич выступает лишь в личном качестве. Он – военачальник, ведущий за собой войско. В этом привычном для себя амплуа боярин не раз был запечатлен летописцем. В рассказе о выступлении против Володислава Кормильчича польского князя Лешка читаем: «Оуведавъ Лестко и посла на него Ляхы, а от Даниила же – Мирослава и Дъмьяна, а от Мъстислава – Глебъ Зеремеевичъ и Прокопъича Юрья»⁵⁶. Посланные на битву пересопницким князем Мстиславом Ярославичем Немым Глеб Зеремеевич и Юрий Прокопьевич (равно как и другие участники похода) идут, разумеется, не сами по себе, а возглавляют войска, – те войска, с которыми начали поход князь, выступавшие ка-

⁵² Майоров А. В. Воевода и земская община Древней Руси в XI – начале XIII в. // Мавродинские чтения. Мат-лы к докл. науч. конф-ции. С.-Петербург, 10-12 окт. 1994 г. / Отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб., 1994.

⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 730.

⁵⁴ Там же. Стб. 734.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Стб. 730.

ждый «со своими вои»⁵⁷.

Другой пример. В начале 1235 г. Даниил Романович, стремясь поддержать киевского князя Владимира Рюриковича, «оставил оу него Глеба Зеремеевича и Мирослава, иные бояре многы»⁵⁸. «Ясно, – комментирует это известие Н. Ф. Котляр, – что реальную помощь киевскому князю могли оказать не сами бояре (их было в лучшем случае один-два десятка), а сопутствовавшие им отряды воинов»⁵⁹. К сказанному нам остается только добавить, что речь здесь должна идти не о боярских феодальных дружинах, а о руководимых известными воеводами полках, в которых участвуют и «бояре многы», и простые «вои».

Таково, по нашему мнению, содержание всех подобных известий, для передачи которого не требовалось никаких дополнительных пояснений или специальных оговорок. Одного имени предводителя, помещенного в соответствующем контексте, было достаточно для сообщения сведений о выступлении целого войска. Перед нами весьма характерный для языка древнерусских летописей вообще стилистический прием, часто встречающийся и в современной речи, когда происходит своего рода персонификация образа – предводитель (прежде всего военный) олицетворяет собой возглавляемые им силы, наличие которых подразумевается само собой. Такой прием используется для достижения динамичности и сжатости выражения, передачи напряженной сменяемости действия и т. п.

Таким образом, летописное сообщение о выступлении на Киев в составе войск королевича наряду с белзским и болоховскими князьями также галицкого воеводы Глеба Зеремеевича должно восприниматься как свидетельство участия в походе галичан, галицкого войска, возглавляемого собственным военачальником. Но даже если правы те исследователи, кто, подобно А. М. Андрияшеву и В. Т. Пашуто, относят Глеба Зеремеевича к числу «иных князей болоховских» (что, на наш взгляд, требует специальных доказательств и отнюдь не следует из приведенного летописного отрывка⁶⁰), источник все равно не оставляет сомнений насчет участия галичан в военном предприятии своего князя, опровергая ложный стереотип. Описывая ход битвы под Шумском, где сошлись войска Даниила и Андрея, летописец называет имя еще одно-

⁵⁷ Там же. Стб. 729.

⁵⁸ Там же. Стб. 772.

⁵⁹ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 133.

⁶⁰ Точнее всего, как представляется, его смысл отражает перевод Л. Е. Махновца: «А с королевичем [Андреем] был Александр [Всеволодович], и [воевода] Глеб Зеремеевич, и другие – князья болоховские, и угров множество» (ЛР. С. 389).

го известного галицкого предводителя – Судислава Бернатовича, неоднократно возглавлявшего галичан на войне. В данном случае он также выступает как военачальник: в разгар битвы на воинов Судислава обрушивает свои полки тысяцкий Демьян, но получает достойный отпор. И вновь летописец говорит об этом в своей обычной персонифицированной манере: «Дъмьянови же сразившоуся со Соудиславом»⁶¹.

Битва под Шумском, принеся победу Даниилу, детально описывается княжеским летописцем⁶², смакующим каждую подробность, в которой хоть сколько-нибудь заметно личное участие его героя. Противники волынского князя, разумеется, представлены в совершенно ином свете, но и такого описания достаточно, чтобы сделать некоторые важные для нас наблюдения.

Из расположения сил и распределения обязанностей между военачальниками становится ясным, что помимо «Оугорь множества» в войске королевича были еще и другие «полки». Начиная атаку, Даниил разделил свое воинство на три части, причем против венгров действовал лишь его правый фланг во главе с Васильком Романовичем: «Василкови же идоушоу противоу Оугромь». Левым флангом командовал Демьян, а в центре войска шел сам Даниил: «А Дъмьяноу тысяцькомуу идуши и инемь полкомь многимь о шоуюю. Даниль же идяше полкомь своимь посредь»⁶³. При этом «многие полки» Демьяна и отборный полк Даниила, который «оустроены бо бе храбрыми людми и светлымь оружьемь», были брошены отнюдь не на венгров. Как следует из дальнейшего повествования, основная часть воинских сил волынских князей устремилась против основной же части воинства Андрея, – и то были «люди», во главе которых мы видим галицкого боярина Судислава, вступившего в единоборство с тысяцким Демьяном⁶⁴.

Кого здесь имеет в виду летописец? На наш взгляд, ответ вполне очевиден: «людьми» или «полком» королевича Андрея, в отличие от его венгерской дружины, источник именует галичан. Недаром во главе их сражается Судислав. Но еще более показательным следующее обстоятельство. Когда Демьян атаковал полк Судислава с фронта, Даниилу удалось прорваться неприятелю в тыл. И тут произошел неожиданный конфуз, спутавший все карты: «Дъмьянови же мняшоу, яко все ратнии

⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 768.

⁶² Там же. Стб. 767-769.

⁶³ Там же. Стб. 767.

⁶⁴ Там же. Стб. 768. – Этот факт заставляет думать, что Судислав занимал тогда в галицком войске примерно такое же положение, что и Демьян в волынском, т. е. возглавлял одно из главных его подразделений.

соуть, и возбегоша пред нимъ»⁶⁵. Иначе говоря, Демьян с войсками обратился в бегство, приняв полк Даниила за неприятельский. Подобное могло случиться лишь при одном условии: сошедшиеся войска своим внешним видом мало отличались друг от друга, говорили на одном языке, использовали одинаковое вооружение и тактические приемы. Будь на месте «людей» Судислава венгры, – подобное едва ли могло произойти. Следовательно, против волынського князя и его тысяцкого действовали галичане⁶⁶, чья рать действительно внешне мало чем отличалась от волынської⁶⁷.

Все это время на правом фланге волынских позиций продолжалось сражение Василька Романовича с венграми. Даниил сам видел «стягъ Василковъ стояще и добре борющъ и Оугры гонящоу»⁶⁸. Ничего не добившись в центре и на левом фланге, старший Романович решает направить главный удар против уже потесненных братом венгров. Соединившись с войсками еще одного волынського воеводы Мирослава, он отправился «братоу на помощь». Численный перевес принес временный эффект: «Онем же (венграм. – *А. М.*) не стерпевшим, оскочиша». Но тут за дело взялся Глеб Зеремеевич – главный воевода в войсках Андрея. «Собравъ Оугры», он «приеха на стягъ Василковъ»⁶⁹. В войсках Романовичей возникло опасное замешательство, едва не стоившее жизни Даниилу, – был момент, когда последний «никого не веде (виде, по *Хлебн. и Погод. сп.* – *А. М.*) въ нихъ (т. е. среди своих войск. – *А. М.*) воинника, но отрокы, держаща коне», и только Божий промысел да резвый конь спасли князя от острых вражеских мечей⁷⁰.

Далее в описании битвы возникает какая-то смысловая лакуна. Совершенно неясно, каким образом Романовичам в итоге удалось взять верх над противником. Картина ожесточенного боя, не сулившего, как

⁶⁵ Там же. – О. П. Лихачева переводит это место следующим образом: «Демьяну же показалось, что это все враги, и они бегут перед ним» (ПЛДР. XIII в. С. 281). Точнее, на наш взгляд, перевод Л. Е. Махновца: «Демьян же подумал, что то все враги, и побежали [люди Демьяновы] перед ним, [Даниилом]» (ЛР. С. 389).

⁶⁶ Упомянутые среди участников похода на Киев в составе войска Андрея белзский и болоховские князья в битве с Даниилом никак себя не проявили: в детальном рассказе летописи о ходе боевых действий о них вообще не упоминается.

⁶⁷ Военная организация Древней Руси строилась на общих для всех земель принципах, воинское снаряжение и тактика также были общими. Еще больше общих черт и совпадений наблюдалось, надо думать, в войсках ближайших соседей – Волынської и Галицкой волостей.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 768.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Стб. 769.

мы видели, никаких сколько-нибудь ощутимых преимуществ волынским князьям, внезапно сменяется сценой полного разгрома и бегства галицко-венгерского войска. Насколько удастся судить, победа была достигнута усилиями правофлангового полка Василька Романовича, действовавшего против венгров, не проявивших должной стойкости и отваги: «Василковъ полкъ гнаше Оугры до становъ, и стягъ королевич подъяти бяхоу, друзии же мнози Оугре бежаща, оли во Галичъ (в галичи, по Хлебн. и Погод. сп. – А. М.) становишася»⁷¹. Здесь мы имеем еще одно доказательство того, что войско королевича Андрея состояло из венгров лишь отчасти, и то была не основная его часть. Уже после бегства венгров с поля битвы, королевич начинает отводить к Галичу свои основные войска, так как они уже понесли слишком большие потери: «Королевичъ же обратися в Галичъ, зане бе оуразъ великъ в полкахъ его. Инеи же, Оугре, бежаша, оли в Галичи становишася»⁷².

* * *

Победа под Шумском привела к изменению соотношения сил в пользу Романовичей. К ним переметнулся вчерашний союзник королевича Александр Всеволодович Белзский, и они «прияста и с любовью»⁷³. Не теряя времени, волынские князья перешли в наступление.

Весной 1233 г., когда «траве же бывши», «Даниль же поиде со братомъ и со Олександромъ Плесньскоу. И, пришедъ, взя и подъ Арьбузововичи, и, великъ плен прия, обратися во Володимеръ»⁷⁴. Плеснеск – один из галицких «пригородов», расположенный на самой границе с Волынью⁷⁵. Важность его стратегического положения состояла в том, что он прикрывал дорогу на Звенигород⁷⁶. Значение этого рубежа, открывающего путь к центру Галицкой земли, хорошо понимали волынские князья. В свое время взять его пытался отец Даниила и Василька Роман Мстиславич, наступавший на Галич со стороны Волыни⁷⁷. Не случайно Плеснеск, упоминающийся даже в «Слове о полку Игореве»⁷⁸, обладал чрезвычайно мощными укреплениями, включавшими до

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. Стб. 770.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Крип'якевич И. П. Галицко-Волинське князівство. С. 16; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 96-97.

⁷⁶ Крип'якевич И. П. Галицко-Волинське князівство. С. 46.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 662.

⁷⁸ Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 19.

семи оборонительных рубежей, часть из которых существовала еще со скифских времен⁷⁹. Овладеть им было непросто. Неудачей закончилась попытка Романа Мстиславича захватить город в 1188 г., что предопределило провал его планов воевать за Галич⁸⁰. Эту же цель, скорее всего, преследовали и его сыновья, но сразу продвинуться дальше Плеснеска им не удалось. Тем не менее, большая война за галицкий стол была начата.

После непродолжительного перерыва стороны приступили к решающей стадии выяснения отношений, для чего были мобилизованы все имеющиеся ресурсы. Королевич Андрей получил подкрепление из Венгрии: войска привел воевода Дианиш, которого королевич вместе с боярином Судиславом Бернатовичем, по выражению летописи, «выведе на Данила»⁸¹. Последний тем временем «еха Киевоу и приведе Половце» хана Котяна, а также киевского князя Владимира Рюриковича и еще одного князя именем Изяслав⁸².

Личность этого князя, упоминаемого в Галицко-Волынской летописи только по имени, вызывает разноречивые толкования. Большинство исследователей принимает его за Изяслава Владимировича, сына княжившего в Галиче Владимира Игоревича⁸³. Неосновательность та-

⁷⁹ Кучера М. П. 1) Основні етапи розвитку стародавнього Пліснеська // МДАПВ. Київ, 1959. Вип. 2; 2) «Плеснеск» «Слова о полку Игореве» и древнерусский город Плеснеск // КСИА АН УССР. Киев, 1960. Вып. 9; 3) Древній Пліснеськ // АП УРСР. Київ, 1962. Т. XII; Раппопорт П. А. К вопросу о Плеснеске // СА. 1965. № 4.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661-662.

⁸¹ Там же. Стб. 770.

⁸² Там же.

⁸³ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II-III. Прим. 347; Полевой Н. А. История русского народа. М., 1997. Т. 2. Кн. III. С. 183; Погодин М. П. Исследования и заметки. Т. VI. С. 284; Арцыбашев Н. С. Повествование о России. М., 1838. Т. I. Кн. II. Отд. 1. С. 338, прим. 2183, 2212, 2216; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1988. Кн. II. С. 129-131, 321-322, прим. 268; Зубрицкий Д. И. История древнего Галицко-Русского княжества. Львов, 1855. Ч. III. С. 115, Родословная картина, № 232; Шараневич И. И. История Галицко-Володимерской Руси до року 1453. Львов, 1863. С. 92; Иловайский Д. И. История России. Становление Руси (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. С. 514; Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 186, прим. 1; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 165; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 76-79; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940. С. 287-288; Dimnik M. Russian

кого отождествления доказывал М. С. Грушевский, усматривая в упомянутом Изяславе смоленского князя Изяслава Мстиславича, сына княжившего в Киеве Мстислава Романовича⁸⁴. Эту точку зрения принимает В. Т. Пашуто⁸⁵ и ряд новейших авторов⁸⁶. Еще раз к выяснению данного вопроса недавно обратился Н. Ф. Котляр, предлагающий вернуться к старой точке зрения: Изяслав – это новгород-северский князь Изяслав Владимирович, внук главного героя «Слова о полку Игореве»⁸⁷. Удивляет, что исследователь преподносит принятое им решение как свое собственное открытие, развившее «интуитивную догадку львовского историка XIX в. Д. И. Зубрицкого»⁸⁸.

В последнее время предложено новое решение этого трудного вопроса: загадочный Изяслав Галицко-Волынской летописи – это один из трех сыновей Мстислава Удалого, так же, как и Даниил имевший права на галицкий стол⁸⁹. Такое решение имеет свои преимущества: оно не противоречит показаниям позднейших летописей, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., именующих данного князя Изяславом Мстиславичем⁹⁰. Составитель свода пользовался южнорусским источником, близким к Ипатьевской летописи⁹¹, поэтому сделанное им уточнение нельзя игнорировать. Кроме того, как показал А. А. Горский, и сама Галицко-Волынская летопись (под 1231 г.) в

Princes and Their Identities in the First Half of the Thirteenth Century // MS. Toronto, 1978. Vol. 40. P. 170-177; Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200-1304. М., 1989. С. 113-114, 133, 139.

⁸⁴ Грушевський М. С. 1) Нарис... С. 282-283, прим. 2; 2) Історія України – Руси. Т. III. С. 42.

⁸⁵ Пашуто В. Т. Очерки... С. 214-216, 219. – Впрочем, в другой своей работе исследователь именует этого князя Изяславом Владимировичем. – Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 273.

⁸⁶ См.: ЛР. С. 379, 382, 383, 390, 391, 404, 413, 414; Івакін Г. Ю. Історичний розвиток Києва XIII – XVI ст. Київ, 1996. С. 44; Павленко С. О. Князь Михайло Чернігівський та його виклик Орді. Чернігів, 1996. С. 22-24.

⁸⁷ Kotliar N. 1) Кто был Изяслав, враг Даниила Галицкого // Ex Oriente Lux: Mélanges Offerts en Hommage au J. Blankoff. Bruxelles, 1991; 2) Загадковий Изяслав Галицько-Волинського літопису // УІЖ. 1991. № 10.

⁸⁸ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 101.

⁸⁹ Шабига А. В. Опыт исследования Галицко-Волынской летописи методом контент-анализа: Канд. дис. М., 1991. С. 55-60; Горский А. А. Русские земли в XIII – XIV вв. Пути политического развития. М., 1996. С. 14-17.

⁹⁰ ПСРЛ. Л., 1925. Т. V. Вып. 1. С. 210; Пг., 1915. Т. IV. С. 214; М., 1997. Т. 1. Стб. 513.

⁹¹ См.: Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI – XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 196.

перечне участников киевского «снема» относит Изяслава к князьям, носившим отчество Мстиславичей⁹².

Однако отождествление Изяслава с одним из сыновей Мстислава Удалого, равно как и признание его сыном погибшего в битве на Калке киевского князя Мстислава Романовича имеет и свою слабую сторону. В одном из сообщений Галицко-Волынской летописи этот князь именуется Изяславом Новгородским: весной 1238 г. Даниил «возведе на Кондрата Литвою Минъдовга, Изяслава Новгородского»⁹³. По расчетам исследователей, «Изяславом Новгородским» мог быть тогда только новгород-северский князь Изяслав Владимирович, и этот факт для многих является решающим при установлении личности князя Изяслава как представителя младшей ветви черниговских Ольговичей⁹⁴. Возможно, впрочем, что под 1238 г. в летописи речь идет о каком-то другом князе, как полагают некоторые исследователи⁹⁵. Так или иначе, версия, по которой Изяслава следует считать одним из сыновей Мстислава Удалого, представляется нам наиболее правдоподобной.

Изяслав, вероятно, сам имевший виды на галицкий стол, был для Романовичей союзником ненадежным и в критическую минуту повернул оружие против позвавшего его Даниила: «Изяславъ же льсть створи и веле воевати землю Даниловою, и взяша Тихомль и возвратишася»⁹⁶. Подробности этого конфликта придворный повествователь по обыкновению скрывает. Возможно, первоначальный летописный текст здесь подвергся позднейшей правке, вследствие чего в нем возникли очевидные грамматические и смысловые несоответствия.

Прежде всего, нарушена связь между формами числа подлежащего и сказуемого в предложении: Изяслав, очевидно, не являлся единственным участником инцидента, поскольку о таковых говорится во множественном числе («взяша», «возвратишася»), к тому же Изяслав в приведенном сообщении выступает не столько сам по себе, сколько в роли организатора и руководителя неких неназванных сил, которым он «веле воевати землю Даниловою». Более чем странным и несоответствующим логике повествования является дальнейшее поведение Изяслава и его поспешников. Совершив враждебную Романовичу вылазку, они парадоксальным образом «возвратишася» в лагерь Даниила, и

⁹² Горский А. А. Русские земли... С. 15.

⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 776.

⁹⁴ См., напр.: Голубовский П. В. История Северской земли... С. 186. прим. 1.

⁹⁵ Пашуто В. Т. Очерки... С. 217, 318; ЛР. С. 392.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 770.

окончательно покинули его, только когда волынский князь решился начать поход на Галич: на военном совете под Бужском, читаем ниже, с Даниилом остаются его брат Василько и белзский князь Александр, «Володимеръ же, и Котянь, и Изяславъ воротишася»⁹⁷.

Все это говорит о более сложном и драматическом характере реальных испытаний, постигших Романовичей, об истинном значении которых можно только догадываться. Неспроста свой скупой и сдержанный рассказ княжеский летописец сопровождает полным внутреннею напряжения восклицанием, ставшим одной из самых ярких и выразительных его сентенций: «О лествъ зла есть, – якоже Омиръ (Гомер. – А. М.) пишеть, – до обличеня сладка, обличена же зла есть. Кто в ней ходить, конецъ золь прииметь. О злее зла зло есть!»⁹⁸. Как замечает Н. Ф. Котляр, «галицкий автор умело поддерживает высокое напряжение своего рассказа, придавая особое значение рядовому в сущности эпизоду политической жизни Южной Руси эпохи раздробленности»⁹⁹. Думается, дело здесь не только в литературном мастерстве древнего книжника. Едва ли рядовое и малозначительное происшествие могло бы вызвать в нем столь живую и эмоциональную реакцию.

Узнав о замешательстве в стане противников, первыми боевые действия начали королевич Андрей и воевода Дианиш. Летом 1233 г. их войска перешли галицко-волынскую границу и подступили к Перемылю, хорошо укрепленному городу, стоявшему на пути между Галичем и Владимиром-Волынским¹⁰⁰. Возле моста через реку Стырь их уже поджидали рати волынского и киевского князей. И «бишася о мость со Володимеромъ и Даниломъ, и отъбившиися имъ. Оугре же воротишася к Галичю и пороки пометаша»¹⁰¹. Новое поражение королевича прибавило уверенности Даниилу настолько, что он решил тотчас идти на Галич, даже несмотря на то, что почти все союзники оставили его, опасаясь, видимо, чрезмерного усиления владимирского князя¹⁰². Собравшись около Бужска с Васильком и Александром, Даниил отпра-

⁹⁷ Там же. Стб. 771.

⁹⁸ Цит. по: ПЛДР. XIII в. С. 282.

⁹⁹ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 102.

¹⁰⁰ О местонахождении Перемыля см.: Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 52-53.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 770-771.

¹⁰² В. Т. Пащуто дает этому другое объяснение, полагая, что киевского князя Владимира Рюриковича и половцев «заставил» вернуться черниговский князь Михаил Всеволодович «в союзе с венграми» (Пащуто В. Т. Очерки... С. 215). Однако свое утверждение исследователь никак не аргументирует.

вился в свой новый поход.

* * *

Дальнейшие события заслуживают самого внимательного рассмотрения. Летопись извещает, что как только Романович ступил на галицкую землю, «сретоша и болшаа половина Галича: Доброславъ и Глебъ, инии бояре мнози. И, пришедь, ста на березе Днестра, и прия землю Галичьскоую, и розда города бояромъ и воеводамъ»¹⁰³. И вновь княжеский бытописатель озадачивает своих читателей новым неожиданным и необъяснимым поворотом. Что же произошло тогда в Галиче, что так легко позволило волынскому князю «приятти» Галицкую землю? М. С. Грушевский объяснял все случившееся тем, что «среди галицкого боярства появилось полезное для Даниила движение и раздвоение: в то время как одни во главе с Судиславом продолжали стоять за Угров, значительная часть бояр отвернулась от Угров и начала переходить к Даниилу. К сожалению, – продолжает историк, – летопись не объясняет причин этого интересного явления; кажется, что их нужно искать в личных отношениях боярских предводителей: я бы высказал предположение, что собственно выступление на первый план Доброслава, доселе неизвестного среди боярских предводителей, и его эмуляция с Судиславом могли быть причиной этого раздвоения»¹⁰⁴. В. Т. Пашуто видит дело иначе: Даниил решил идти на Галич, «так как, видимо, поддерживал связи с галицким посадом. Он подступил к Галичу, и “сретоша и болшая половина Галича”, т. е. посад, а также часть бояр – Доброслав Судьич, Глеб Зеремеевич и “инии бояре мнози”. Это были новые руководители боярства, решившие, как показали события, изменить открыто провенгерскую политику, проводником которой был Судислав Бернатович»¹⁰⁵.

При всех различиях исследователи сходятся в одном – Даниил имел дело с какими-то новыми галицкими предводителями, отказавшимися подчиняться королевичу Андрею и боярину Судиславу. Историки в один голос утверждают, что то были галицкие бояре, прибывшие к Даниилу прямо из Галича¹⁰⁶ и приведшие с собой большую по-

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 51.

¹⁰⁵ Пашуто В. Т. Очерки... С. 215.

¹⁰⁶ См. также: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Первый отдел // Костомаров Н. И. Русь крещеная. М.: Смоленск, 1996. С. 117; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 165.

ловину его жителей. Как пишет Н. Ф. Котляр: «Какие-то бояре, можно думать, выбрались из обложенной Даниилом цитадели Галича и перебежали к нему, а другие, оставшиеся с королевичем, попытались помешать им... Как и в Новгороде Великом, в Галиче существовало несколько боярских партий»¹⁰⁷. Простой же народ все то время, пока в Галицкой земле «сидел венгерский марионеточный король», а «иноземные и местные бояре управляли краем жестоко и несправедливо», «стонал под властью больших и малых панов»¹⁰⁸ и, следовательно, видел в Романовиче своего избавителя.

Мы не можем согласиться с подобными трактовками. Из показаний источника следует, что Доброслав и Глеб с прочими боярами встретили Даниила в самом начале его похода, еще до того, как он приблизился к Галичу и «ста на березе Днестра». Причем Глеб Зеремеевич, как сказано в летописи, перешел на сторону Романовичей еще раньше, – об этом говорится особо в начале статьи 6742 г.: «Истоупи (отстоупи, по Хлебн. и Погод. сп. – А. М.) Глебъ Зеремеевичъ от королевича к Данилови»¹⁰⁹. По подсчетам М. С. Грушевского, этот переход состоялся весной 1233 г.¹¹⁰, т. е. за несколько месяцев до похода на Галич, значит, ни о каком бегстве из «обложенной Даниилом цитадели Галича» говорить не приходится. Также нет оснований утверждать, будто на сторону Романовича перешел галицкий посад, т. е. простой галицкий люд, изнывавший под гнетом иноземцев. Ничего подобного на самом деле не произошло. Наоборот, Галич и его жители до конца сохраняли верность королевичу и ни за что не соглашались покориться пришельцу с Волыни. Девять недель они стойко держали оборону, при этом сами «изнемогахоу гладомъ в граде»¹¹¹. Галичане даже собирались провести вооруженную вылазку против непрошеного князя и захватить если не его самого, то, по крайней мере, тех, кто встал на его сторону: «Галичани же доумахоу яти Галичане же, выехаша по Даниле»¹¹². И только внезапная смерть Андрея заставила их сложить оружие¹¹³.

¹⁰⁷ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 102.

¹⁰⁸ Котляр М. Ф., Смолій В. А. Історія в життєписях. Київ, 1994. С. 133.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 771.

¹¹⁰ Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Львів, 1901. Т. ХLI. Кн. 3. С. 24.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 771.

¹¹² Там же. – О. П. Лихачева дает этой фразе следующий перевод: «Галичане решили захватить галичан, выехавших к Даниилу» (ПВДР. XIII в. С. 285); ср.: ЛР. С. 390.

¹¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 771. – По данным венгерских источников, Андрей умер в начале 1234 г. (Szaia y L. V. Geschichte Ungarns. Pest, 1869. Bd. I. S. 32-33).

Чем другим, если не твердой решимостью галицких жителей защищать своего королевича и не отдать город врагу, можно объяснить упорство, с каким они отбивались от Даниила? Не венгерский гарнизон и не враждебные Романовичам бояре, а сами «галичане», как следует из летописного сообщения, являются главными участниками происходящего: «Галичани же доумахоу...», «Галичани же выехаша...», «послаша Галичане...». Что же касается венгров, то хотя король Андрей II в конце августа 1233 г. и предпринял попытку организовать поход на Галич в помощь сыну, но по каким-то причинам не смог довести до конца начатого дела¹¹⁴. В городе, таким образом, оставался лишь разбитый под Перемыслом отряд Дианиша, никак не проявивший себя в боевых действиях. А из бояр, заведомых противников Даниила, в осажденном Галиче не видно никого, кроме Судислава: не случайно он один покидает город после капитуляции¹¹⁵.

Где же в таком случае прошелся раскол среди галицких жителей, о котором говорит нам летопись? Из кого состояла «болшаа половина Галича», принявшая вслед за своими боярами сторону владимирского князя? Нам думается, что размежевание происходило по линии отношений стольного Галича с его мятежными «пригородами». Разлад между ними уже давно стал реальностью, что не ускользнуло от внимания исследователей. В 20 – 30-е годы XIII в. Галич фактически утратил контроль над Понизьем и «горной страной Перемышльской»¹¹⁶. Этот список, вероятно, можно было бы продолжить. Во всяком случае, мы видели, что когда Даниил в предыдущий раз (1230 г.) водил войска на Галич, то собрал под свои знамена «землю Галичкоую» – «от Боброky доже и до реки Оушице и Проута»¹¹⁷.

Обратим внимание на совпадение ряда деталей походов 1230 и 1233 гг. И в первом и во втором случае в них участвовали только волинские князья: помимо самих Романовичей – Владимир Ингваревич или Александр Всеволодович, союзники же из других земель остава-

¹¹⁴ CDH. T. III. Vol. 2. P. 324, 326.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 771. – Упомянутый среди защитников Галича боярин Семен (Семюнок) Чермный в числе первых становится на сторону Даниила и по поручению галичан идет звать его на княжение (там же).

¹¹⁶ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 40, 102, 105 и след.; Беликова Т. В. События в Галицкой Руси накануне татаро-монгольского нашествия // Историческое познание: традиции и новации. Мат-лы Международ. теоретич. конф. Ижевск, 26-28 окт. 1993 г. / Сост. и общ. ред. В. В. Иванова и В. В. Пузанова. Ижевск, 1996. Ч. 1. С. 263.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 759.

лись в стороне. Днестровская столица оказывала им самое упорное сопротивление: Галич «затворялся», и брать его приходилось силой. При этом сопротивлялись Даниилу не только венгры, но и сами галичане, городская община во главе с боярином Судиславом. Более того, именно галичанам, как показывает летопись, принадлежала ведущая роль: в рассказе о событиях 1230 г. они фигурируют на первом месте в формуле «Галичане и Оугры», в описании же событий 1233 г. «Оуграм» вообще не нашлось места. Невзирая на значительный перевес сил противника, жители Галича сражаются до конца: устраивают боевые вылазки, поджигают мост через Днестр, терпят голод и лишения и, только «изнемогшись» в неравной борьбе, покоряются силе.

Свою борьбу галичане ведут в гордом одиночестве. «Пригороды», «Галицкая земля» переходят на сторону их врагов и сверх того принимают непосредственное участие в войне со «старшим городом». В 1230 г. то была «земля Галичкая» от Боброки до Ушицы и Прута во главе, как выражается летописец, «со всеми бояры Галичкими»¹¹⁸. Последними, таким образом, источник именует не собственно галицких, «столичных» бояр (они, разумеется, оставались в стольном городе и возглавляли его оборону), а бояр Галицкой земли, «пригородов», взявших сторону Даниила. Следовательно, понятие «галицкие бояре» (а также более общее по значению – «галичане») в равной степени распространялись как на жителей «старшего города», так и тянувшей к нему земли-волости¹¹⁹. Жители столицы и всей земли традиционно мыслились на Руси как единое целое, как тождественные воспринимались понятия «город» и «земля». Сказанное нашло выражение в известной формуле Русской Правды: «А и своего города в чюжую землю свода нетуть»¹²⁰.

Историки давно обратили внимание на данную закономерность. «Где город, там Земля; где Земля, там город», – лаконично формулирует свой вывод Н. И. Костомаров¹²¹. Более обстоятельно высказывается по этому вопросу В. Б. Пассек: под словом «город» в летописях нередко понимается «целая страна, область, со всеми ее деревнями, селами и городами, бывшими под защитой главного или стольного города», по-

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ То самое можно сказать и о «кыянах», «новгородцах», «смольнянах» и проч. – Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 233-234.

¹²⁰ Пр. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 108.

¹²¹ Костомаров Н. И. · Начало единодержавия на Руси // Костомаров Н. И. Раскол. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 144.

нятие города «поглощало в себе понятие целой страны»¹²². К аналогичному решению приходит и Д. Я. Самоквасов, автор первого в отечественной историографии монографического исследования о древнерусских городах: город на Руси отождествлялся с территорией, «занятой известным племенем или общиной..., со всеми посадами, городами, пригородами, селами и починками, на ней находящимися»¹²³. Не все исследователи, надо сказать, в равной мере разделяли такие взгляды, но даже те, кто, подобно С. В. Юшкову, отрицал существование на Руси «городовых волостей», признавали: «Территориальный округ, тянувшийся к городу, так тесно с ним связан, что когда говорят о передаче города, то это означает и передачу всей городской округи. Город без окружающих его земель в этот период не мыслится»¹²⁴.

Современные ученые подтверждают правоту высказанных ранее положений, также указывая, что «главный город не мыслился без “области”, “волости”, т. е. без пригородов и сел. “Город и волость” – стандартное терминологическое сращение древнерусских источников... Действительно, факты показывают, что город и волость находились в единстве друг с другом, составляя одно территориальное целое»¹²⁵. С особой выразительностью это единство земли и города проявлялось во взаимоотношениях с внешним миром, будь то соседняя волость или пришедший из других краев князь. В таких случаях сказать «Киев», «Новгород» или «Галич» зачастую значило то же самое, что сказать «Киевская земля (волость)», «Новгородская» или «Галицкая». И когда летописец, выражающий позицию волынского князя, говорит, что осенью 1233 г. его патрона «сретоша болшаа половина Галича», это значит, что сторону Даниила тогда, как и тремя годами раньше, приняла большая часть жителей Галицкой земли, но не самого Галича.

Этот вывод подтверждается всем ходом событий, излагаемых летописью. Перебежчики встречают Даниила, еще когда он только переступил галицко-волынскую границу и вместе с ним идут дальше на Галич. Из самого же Галича, напротив, к волынскому князю никто не бежит – ни с «посада», ни из «цитадели». Да и сам побег этот был бы весьма затруднителен, поскольку Даниил стоял с войском на противо-

¹²² П а с с е к В. Княжеская и докняжеская Русь // ЧОИДР. 1870. Кн. 3. С. 73, 74.

¹²³ С а м о к в а с о в Д. Я. Древние города России. СПб., 1873. С. 48.

¹²⁴ Ю ш к о в С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 262.

¹²⁵ Ф р о я н о в И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 236-237.

положном берегу Днестра и ждал, пока станет лед¹²⁶, – очевидно, галичане, как и три года назад, уничтожили переправу.

Еще одно важное наблюдение: с помощью своих новых союзников, встречавших его на границе и представленных летописцем как «болшаа половина Галича», Даниил «прия землю Галичьскоую»¹²⁷. Сам же Галич еще продолжал оказывать сопротивление. Выражение «приятю» (в отличие от «взяти») говорит, скорее, о мирном характере принятия власти, добровольном переходе земли под руку нового князя. Следовательно, в данном случае понятия «болшаа половина Галича» и «земля Галичьская» (но без самого Галича) совпадают по смыслу.

Приняв под свою власть Галицкую землю, Даниил «розда города бояромъ и воеводамъ»¹²⁸. В числе последних, очевидно, были и те «бояре мнози», что во главе с Доброславом и Глебом переметнулись к вольнскому князю¹²⁹. Попробуем присмотреться к ним повнимательней. Историки, как мы видели, называют их «новыми руководителями боярства». Строго говоря, это относится только к Доброславу, действительно ранее неизвестному среди боярских предводителей. Зато мы хорошо знаем его напарника, Глеба Зеремеевича: судьба этого боярина прослеживается в летописи на протяжении не одного десятилетия, несколько раз мы видели его в Галиче, где он, бывало, играл весьма заметную политическую роль¹³⁰. Однако своими корнями боярин, насколько удастся судить, с Галичем связан не был, и может быть поэтому не задерживался надолго в стольном граде. Впервые Глеб заявляет о себе как воевода пересопницкого князя Мстислава Немого¹³¹; затем, появившись в Галиче, он вместе с Даниилом уходит в Понизье¹³², а еще через несколько лет вновь оставляет Галич и вместе с Мстиславом Удалым едет в Торческ¹³³. Напрашивается вывод, что, не имея непосредственной связи с галицкой общиной, этот боярин появлялся в городе только вместе с князьями, которым служил, и вместе с ними же покидал его.

В войсках королевича Андрея летописец ставит Глеба Зеремеевича рядом с таинственными болоховскими князьями: «...бе бо с королевичи»

¹²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 771.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Пашуто В. Т. Очерки... С. 215.

¹³⁰ См. с. 457-458 настоящей работы.

¹³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 730.

¹³² Там же. Стб. 734.

¹³³ Там же. Стб. 750, 752.

чемь Олександръ и Глебъ Зеремиевич, инии князи Болоховьсции и Оугоръ множество»¹³⁴. Историки, как мы видели, обращают внимание на связь этого боярина с Болоховской землей или Восточной Волынью¹³⁵. Более корректным представляется другое мнение, что Глеб, вероятно, не принадлежал к числу собственно галицких бояр¹³⁶. Мы бы сказали, что он был больше связан не со стольным градом, а с землей, с какой-то восточной ее окраиной. Скорее всего, таким же предводителем одной из местных общин Галицкой земли был стоящий рядом с Глебом Доброслав. И именно по этой причине он никогда прежде не был отмечен летописцем среди галицких бояр, хотя по своему положению, надо думать, превосходил Глеба, так как в сообщении источника имя Доброслава значится первым.

Если наши предположения верны, то вступившего в Галицкую землю Даниила встречали бояре, являвшиеся предводителями местных общин, «пригородов», отложившихся от стольного города. Нечто подобное уже случалось в истории Галицкой земли: в 40-х годах XII в. князь Владимирко Володаревич, чтобы подчинить Галич, привлек на свою сторону воинские силы части галицких «пригородов»¹³⁷. Тогда волостная структура земли переживала процесс перестройки, связанный с укреплением господствующих позиций Галича, и многие старые городские центры не желали мириться со скромной ролью галицких «пригородов»¹³⁸. Схожие процессы происходили и накануне татаро-монгольского завоевания, но теперь они, наоборот, были связаны с утратой Галичем былого могущества.

Умело играя на внутриволостных противоречиях, волинский князь с легкостью «приял» Галицкую землю, «большую половину Галича», и только жители днестровской столицы – «галичане» – оказали ему упорное сопротивление. «Бросается в глаза, – пишет Н. Ф. Котляр, – несоответствие подробного и эмоционального рассказа о подготовке штурма Галича краткой и невыразительной констатации факта утверждения Даниила на отцовском столе»; в летописном сообщении, «как

¹³⁴ Там же. Стб. 767.

¹³⁵ Помимо уже приведенных высказываний А. М. Андрияшева и В. Т. Пашуто см. также: Да ш к е в и ч Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 54, прим.

¹³⁶ Б е л и к о в а Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Канд. дисс. Л., 1990. С. 103.

¹³⁷ П а ш и н С. С. Боярство и зависимое население Галицкой (Червоной) Руси XI – XV вв.: Канд. дис. Л., 1986. С. 38; Б е л и к о в а Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 32-33.

¹³⁸ Ф р о я н о в И. Я. Древняя Русь. С. 549-550.

не удивительно, даже не упомянуто, что князь вошел-таки в Галич. Лишь из дальнейшего рассказа книжника узнаем об этом»¹³⁹. Нам представляется, что причиной тому являлось реальное несоответствие, можно сказать, противоположность отношения к Романовичу жителей земли, части галицких «пригородов», с одной стороны, и жителей самого Галича – с другой. Летописец восторженно повествует о триумфальном шествии своего героя по Галицкой земле и предпочитает не распространяться об обстоятельствах его вокняжения в Галиче. Антагонизм «галичан» – жителей земли и «галичан» – жителей столицы, доходящий до вооруженных столкновений – факт, отчетливо засвидетельствованный источником: «Галичани же доумахоу яти Галичани же, выехаша по Даниле».

Нужно заметить, что Галицкая земля в данном отношении не представляла какого-либо исключения. В конце XII – начале XIII вв. все земли-волости Древней Руси в той или иной мере испытывали подобные противоречия¹⁴⁰. Усиливающиеся «пригороды» начинали тяготиться зависимостью от «старшего города», стремились обзавестись собственными князьями, оказывали военную поддержку определенным претендентам на главный княжеский стол с тем, чтобы извлечь политические выгоды для себя. – Все это мы лучше видим на примере Киевской земли, где часть «пригородов» стояла за Ольговичей, другая – за Мономаховичей, а сам Киев все более и более терял политическое значение и вскоре утратил свою ведущую роль в «Русской земле». В итоге было нарушено территориальное единство и целостность Киевщины: земля распалась на несколько волостей, что окончательно подорвало ее силы в военном и политическом отношении¹⁴¹.

* * *

Ослабленная многочисленными внутри- и внешнеполитическими противоречиями, Галицкая земля к середине XIII в. фактически распалась на несколько особых волостей, готовых отстаивать свою самостоятельность в вооруженной борьбе с пошатнувшейся «метрополией». Таким положением активно пользовались многочисленные претенденты на галицкий стол, делая ставку на поддержку тех или иных мятежных галицких «пригородов». Мстислава Удалого поддерживало Пони-

¹³⁹ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 102.

¹⁴⁰ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси.

¹⁴¹ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Гл. 6.

зь, королевича Андрея – «горная страна Перемышльская» и Болоховская земля, кроме того, он имел прочные позиции в самом Галиче¹⁴²; Даниила Романовича – опять же Понизье и еще какая-то часть галицких «пригородов» в пределах, по выражению летописца, от Боброка до Ущицы и Прута.

Река Боброк (иначе Бобрка, Боберка, Бебрка), один из притоков Днестра¹⁴³, протекает в непосредственной близости от Звенигорода; впоследствии село Звенигород (которым стал древнерусский город) административно входило в состав Боброцкого повета¹⁴⁴, – название реки, надо думать, могло ассоциироваться с местностью, на которой стоял город. Сюда, к Звенигороду, как мы уже знаем, вела прямая дорога от Плеснеска, предусмотрительно захваченного Даниилом. Пройти дальше к Галичу, миновав Звенигород, было невозможно. Последний стоял на возвышенном месте среди сильно заболоченной низины, непроходимой для войск противника; мощные укрепления и выгодный рельеф местности делали его практически неприступным¹⁴⁵. Легкость, с которой Даниил преодолел эту преграду и тот факт, что своих сторонников в Галицкой земле он обрел, начиная от реки Боброка, заставляют думать, что звенигородцы добровольно приняли сторону волынского князя в его борьбе за Галич.

Известно, что Галич и Звенигород – давние соперники. Последний принадлежал к числу древнейших городских центров Червонной Руси¹⁴⁶, где собственный княжеский стол существовал задолго до галицкого. Еще в 1086 г., когда владимир-волинский князь Ярополк Изяславич начал войну с мятежными Ростиславичами, самовольно обосновавшимися в Поднестровье, то «иде Звенигороду»¹⁴⁷. Это дает историкам право предполагать существование в Звенигороде особого княжения, принадлежащего, видимо, одному из братьев Ростиславичей – Володарю¹⁴⁸. К такому же выводу склоняют и данные археологических

¹⁴² Возможно, Андрея поддерживали и жители Плеснеска во главе с боярами Арбузовичами, и по этой причине Даниилу пришлось брать город силой, да к тому же «великъ плен прия» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 770), тогда как другие галицкие «пригороды» перешли к нему добровольно.

¹⁴³ Впадает в Днестр слева по течению, сливаясь с рекой Лугом.

¹⁴⁴ Грушевський М. С. Історія України – Русі. Київ, 1992. Т. II. С. 464.

¹⁴⁵ Грушевський М. С. Історія України – Русі. Т. II. С. 464; Крип'якевич І. П. Галицко-Волинське князівство. С. 33-34.

¹⁴⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 334.

¹⁴⁷ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 176.

¹⁴⁸ Шелом'янцив-Терський В. С. З історії давньоруського міста Звенигорода // Київська Русь: культура, традиції / Відп. ред. Я. Д. Ісаєвич. Київ, 1982.

исследований, согласно которым звенигородский детинец был сооружен во второй половине XI в.¹⁴⁹ В нем обнаружены фундаменты княжеского дворца и трехнефного храма с усыпальницей, а среди погребений древнерусского времени открыты несколько в каменных ящиках и саркофагах¹⁵⁰.

В первой половине XII в. княжеский стол в Звенигороде также не пустовал: его поочередно занимали Владимирко Володаревич¹⁵¹ и Иван Ростиславич¹⁵². Примечателен такой факт: умирающий Володарь Ростиславич отдал звенигородский стол своему старшему сыну – Владимирко, тогда как Перемышль (еще один древнейший центр будущей Галицкой земли) достался младшему – Ростиславу¹⁵³. Подобный раздел свидетельствует о некоем приоритете Звенигорода. К тому же звенигородский князь проводил в этот период активную наступательную политику, превосходя своей мобильностью всех прочих потомков Ростиславичей, княживших в Перемышле и Теревовле. Опираясь на военную организацию звенигородской общины, Владимирко повел борьбу за подчинение соседних волостей, первым делом пытаясь взять под свою власть Перемышль¹⁵⁴. В конце концов это ему удалось¹⁵⁵, а в 1141 г. бывший звенигородский князь «прия» еще и Галич, «седе во обою волостью, княжа в Галичи»¹⁵⁶.

Едва ли успех Владимирко зависел только от его личных качеств – «предприимчивости» и нежелания «удовлетвориться скромным звенигородским столом»¹⁵⁷. В своих начинаниях князь «опирался на звенигородскую общину, которая при благоприятном обороте дела возвела

С. 20. – См. также: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 464; Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 33-34; Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 86.

¹⁴⁹ Терский - Шеломенцев В. С. Исследования детинца Звенигорода Галицкого // СА. 1978. № 1. С. 268.

¹⁵⁰ Ратич О. О. Літописний Звенигород // Археологія. [Київ] 1973. № 12

¹⁵¹ Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1969. Ks. 3/4. S. 370-371.

¹⁵² ПСРЛ. Т. II. Стб. 316-317.

¹⁵³ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. I. S. 187; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми тт. М., 1995. Т. II-III. С. 137.

¹⁵⁴ Jana Długosza Roczniki... Ks. 3/4. S. 165; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. С. 138.

¹⁵⁵ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 81.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 308.

¹⁵⁷ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 78.

бы своего ставленника на перемышльский стол»¹⁵⁸. Когда же это случилось, Владимирко, продолжавший ту же политику и далее, по видимому, получил возможность опереться еще и на силы перемышлян. Поэтому, как полагает Т. В. Беликова, «перемещение столицы из Перемышля в Галич... несло в себе, в первое время, распространение влияния перемышльской общины на галичан»¹⁵⁹, не только, впрочем, перемышльской, но и звенигородской.

Звенигород к середине XII в. был «городом с сильными вечевыми традициями»¹⁶⁰, местное вече заявляет о себе раньше, чем во всех остальных городах бассейна Днестра и Сана¹⁶¹. Этот факт нельзя оставлять без должного внимания, ибо он свидетельствует, что Звенигород в социально-политическом отношении принадлежал к числу наиболее развитых городских центров Юго-Западной Руси. Об этом говорят и данные археологии. В XII – XIII вв. площадь укрепленного города достигала 13 га, не считая нескольких открытых пригородных селищ-посадов¹⁶². Для сравнения, площадь городской территории Перемышля составляла 8 га, а древнее теребовльское городище не достигало и 3 га¹⁶³.

Звенигород плохо усваивал роль галицкого «пригорода», стремясь, как и Перемышль, к более самостоятельному положению. В 1146 г. во время вторжения войск киевского князя Всеволода Ольговича звенигородцы отказались стоять за Галич, собрались на вече и хотели сдать город; положение тогда спас «Володимира моужь», воевода Иван Халдеевич, сумевший повлиять на настроение горожан¹⁶⁴. В начале XIII в. звенигородцы вновь обзавелись собственным княжением: в 1206 г. здесь вокняжился Роман Игоревич¹⁶⁵. Прошло около года, и звенигородцы во главе со своим князем Романом начали воевать с Галичем в союзе с венграми. Летопись говорит об этом так: «...мятежь бысть между братома Володимеромъ и Романомъ. Романъ же еха во Оугры (и поем оугры, *добавлено по Хлебн. и Погод. сп. – А. М.*), и бися с братомъ,

¹⁵⁸ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 132.

¹⁵⁹ Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство... С. 33.

¹⁶⁰ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства... С. 135.

¹⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

¹⁶² Ратиц О. О. Літописний Звенигород: Терський-Шелом'янці в В. С. Дослідження посаду літописного Звенигорода // Археологія. [Київ] 1978. Вип. 27.

¹⁶³ Куза А. В. Малые города... С. 85, 86.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

¹⁶⁵ Там же. Стб. 718.

и, победы, взя Галичь. А Володимеръ бежа во Поутивль»¹⁶⁶.

Выступить против старшего брата и победить Роман мог только при условии решительной и твердой поддержки жителей Звенигорода. По сути дела, звенигородцы второй раз за историю своих отношений с Галичем смогли добиться утверждения собственного ставленника на галицком столе. Когда же галичане, призвав на помощь поляков и венгров, восстали против Игоревичей, и вся Галицкая земля приняла сторону Даниила, одни только звенигородцы не пожелали выдать своего князя и подчиниться галицким воеводам. Об остроте и ожесточенности конфликта свидетельствует летопись: «Звенигородцемъ же люте борющемся имъ с ними и не поущающимъ ко граду ни ко острожнымъ вратомъ»¹⁶⁷. Только после того, как Роман Игоревич попал в плен, они прекратили сопротивление¹⁶⁸. Видимо, этим настроениям общины отвечало произведенное Мстиславом Удалым назначение в Звенигород в качестве особого правителя Судислава Бернатовича¹⁶⁹. В данном отношении город встал в один ряд с Перемышлем, отданным в управление венгерскому королевичу¹⁷⁰. Но все эти уступки не удовлетворили главного – растущего стремления общины к самостоятельности, происходящего на фоне неумолимого ослабления Галича. Отсюда проистекает готовность «пригорода» поддерживать силы, враждебные галицкой общине.

Звенигородцы, как показывают события начала 30-х годов, сделали ставку на волынских князей и, прежде всего, на Даниила. Здесь позиции его были явно прочнее, чем в Галиче. Не случайно в 1232 г., когда поход на Галич начал венгерский король Андрей II с сыновьями, Даниил предпочел дожидаться его не в Галиче, а у Голых Гор¹⁷¹, ближайшем к Звенигороду пригодном для битвы месте¹⁷². Союзнические отношения Даниила со звенигородцами и, вероятно, жителями некоторых других галицких «пригородов» объясняют нам, почему этот князь на пороге Галицкой земли отказался от помощи киевского князя Владимира Рюриковича, а также половцев¹⁷³. Не сделай этого, волынский

¹⁶⁶ Там же. Стб. 719-720.

¹⁶⁷ Там же. Стб. 725.

¹⁶⁸ Там же. Стб. 726.

¹⁶⁹ Там же. Стб. 738.

¹⁷⁰ Там же. Стб. 748.

¹⁷¹ Там же. Стб. 765. – См. также с. 518-521 настоящей работы.

¹⁷² К р и п ' я к е в и ч И. П. Галицько-Волинське князівство. С. 34.

¹⁷³ С помощью половцев и войск киевского князя Владимира Рюриковича Даниил берет враждебный себе Плеснеск, а затем отпускает союзников по домам перед самым

князь наверняка оттолкнул бы немалую часть своих сторонников в Галицкой земле, рискуя выглядеть в их глазах обычным завоевателем.

* * *

Подведем некоторые итоги. Вопреки распространенному мнению, мы приходим к выводу, что правление венгерского королевича Андрея в Галиче опиралось на достаточно прочную поддержку городской общины. Не только галицкие бояре, приверженцы мнимой провенгерской партии, но и все галичане в массе своей отдавали предпочтение этому правителю, в особенности же перед лицом настойчивых попыток княжившего в соседней Волыни Даниила Романовича во что бы то ни стало вернуть свою галицкую «пол-отчину». Не только венгерский гарнизон и дружины «изменников»-бояр, но и галицкие полки принимают участие в военных действиях Андрея, предпринятых против Даниила и его союзников, участвуя в походах на Киев и на Волынь. Именно галичане, несмотря на крайне неблагоприятную для них обстановку (неравенство сил, измену части галицких «пригородов», лишения и голод), ведут самоотверженную борьбу за своего королевича и девять недель отбиваются от войск Даниила, осаждавших город; только внезапная смерть Андрея вынуждает «изнемогших» горожан капитулировать.

Борьба за Галич происходит на фоне обострения внутриволостных противоречий. Фактически Галицкая земля утрачивает политическое единство: значительная часть «пригородов» выходит из подчинения столице и вступает с ней в открытую вооруженную борьбу. Среди них особо стоит отметить сепаратистские настроения звенигородцев и обитателей Понизья; но этим, судя по всему, круг галицких «мятежников» не ограничивался. В целом они составляли весьма многочисленную и грозную силу, – недаром летописец называет их «большей половиной Галича», давая понять, что жители собственно Галича остались в меньшинстве. В то время как община стольного города насмерть стояла за королевича Андрея, «пригороды» во главе со своими боярами добровольно перешли под руку Даниила, что дало ему решающий перевес и позволило сломить сопротивление галичан.

Однако победа, добытая такой ценой, не приблизила Романовича к желанной цели, она означала лишь начало нового витка изнурительной и бесперспективной борьбы. Чтобы прочно обосноваться на галицком столе, необходимо было наладить и поддерживать добрые отношения с общиной, привыкшей решать судьбу княжеского стола «на всей своей

воле», расположить к себе галичан и в том числе авторитетных общественных лидеров – бояр, чего никак не удавалось властному и честолюбивому Даниилу. Накопив силы, галичане вновь выступили против неугодного правителя.

4.

**Вмешательство в галицкие дела
черниговских князей:
Даниил Романович
и Михаил Всеволодович**

Черниговский поход 1234–1235 гг.: противоречия источников. – Поражение Даниила под Торческом и тайные переговоры галицких бояр. – Переход галицкого стола к Михаилу Всеволодовичу: невыясненные и спорные обстоятельства. – Новый захват Галича Даниилом в 1238 г.: тенденциозность летописного повествования. – Роль епископа Артемия и дворского Григория в обороне Галича. – Итоговые замечания.

В начале 1234 г. захватив в очередной раз галицкий стол, Даниил с первых же дней пробует вести активную внешнюю политику, прибегая к испытанному средству добиться расположения общины за счет громких побед и богатых трофеев. Обстоятельства как будто благоприятствуют этому. В Галич присылает своего сына киевский князь Владимир Рюрикович с целью заключения военного союза против черниговского князя Михаила Всеволодовича и поддерживавшего его Изяслава Мстиславича¹. Последние, как поясняет

¹ Древнейшие летописи упоминают последнего без указания отчества (ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 772-774; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 74, 284), в более поздних сводах он фигурирует как Изяслав Мстиславич (ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. С. 214; Л., 1925. Т. V. Вып. 1. С. 210), Изяслав Мстиславич, внук Романа (там же. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 126), Изяслав Мстиславич Смоленский (там же. М., 1965. Т. X. С. 104; Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 229-230). Большинство исследователей относит его к новгород-северским князьям, полагая, что его отцом был Владимир Игоревич, а дедом Игорь Святославич – главный герой «Слова о полку Игореве» (см. также с. 542-543, прим. 83 настоящей работы); считается, что ошибка летописцев восходит к предполагаемому своду 1448 г., откуда она потом перекочевала в позднейшие летописи (Dimnik M. Russian Princes and their Identities in the First Half of the Thirteenth Century // MS. Toronto, 1978. Vol. 40. P. 167-170; Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200 – 1304. М., 1989. С. 133, прим. 64). Однако в последнее время высказано убедительное предположение, что Изяслав являлся одним из сыновей

летописец, «не prestaюща на нь (киевского князя. – А. М.) враждою»², несмотря на то, что Даниил уже отправил в Киев значительные силы: «Глеба Зеременча и Мирослава, инии бояре многы»³. В результате переговоров галицкий князь «прия» с киевским «братство и любовь великоу», и когда затем Владимир послал к Даниилу со словами: «Помози ми, брате!», Романович, «скоро собравъ полкы, поиде»⁴.

Поначалу ничто не предвещало беды. В декабре 1234 г.⁵ войска галицкого князя подошли к днепровской столице и отбросили полки черниговского князя Михаила Всеволодовича: «Михаиль же, не стерпеть, отиде»⁶. Окрыленные легкой победой Даниил с Владимиром, по выражению М. С. Грушевского, «решили dokonать противника»⁷: они перешли Днепр и двинулись к Чернигову, «пленичи землю, поимаша грады многы по Десне. Тоу же взяша и Хороборъ, и Сосницю, и Сновескъ, инии грады многии». К союзникам присоединился один из черниговских князей Михаил Глебович, и все вместе они подошли к Чернигову⁸. Далее летопись повествует о «лютом бое», разгоревшемся у стен Чернигова: «Оже и тарань на нь поставиша, меташа бо каменем полтора перестрела; а камень, якоже можаху 4 моужа силнии подъяти». Вскоре дело закончилось миром, который, по логике летописца, Владимир и Даниил принудили заключить осажденных, утвердив при этом на черниговском столе своего ставленника Мстислава Глебовича: «Створиша

Мстислава Удалого, что давало ему право бороться за галицкий стол (Шабага А. В. Опыт исследования Галицко-Волынской летописи методом контент-анализа: Канд. дис. М., 1991. С. 55-60; Горский А. А. Русские земли в XIII – XIV вв. Пути политического развития. М., 1996. С. 14-17).

² Причины конфликта между киевским и черниговским князьями, еще недавно бывшими добрыми союзниками, летописец не разъясняет. Современные исследователи выдвигают на этот счет различные версии. – См.: Горский А. А. Феодалная война в Южной Руси накануне монголо-татарского нашествия // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX – XIII вв.» (15-18 мая 1990 г.). Чернигов, 1990; Павленко С. О. Князь Михайло Чернігівський та його виклик Орді. Чернігів, 1996. С. 20-21.

³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 772.

⁴ Там же.

⁵ О датировке этого и последующих известий Галицко-Волынской летописи см.: Грушевський М. С. Хронологія подій Галицко-Волинської літописи // ЗНТШ. Львів, 1901. Т. XLI. Кн. 3.

⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 772.

⁷ Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця сторіччя. Київ, 1991. С. 284.

⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 772.

же миръ со Володимеромъ и Даниломъ Мьстиславъ и Черниговъчи»⁹.

Такова версия событий, представленная Летописцем Даниила Галицкого, пользовавшимся, по мнению исследователей, недошедшей до нас Киевской летописью¹⁰. Версия, надо сказать, крайне недостоверная, автор которой допускает грубое искажение действительности ради своих откровенно апологетических устремлений. В. Т. Пашуто с полным основанием мог назвать его рассказ «весьма тенденциозным повествованием»¹¹. Особенно неубедительно выглядит его концовка: «летопись..., – писал М. С. Грушевский, – в последнем обстоятельстве выражается как-то неопределенно и тем дает понять, что в действительности осада далеко не была так удачна»¹².

Вызывает недоумение и внезапное исчезновение из поля зрения летописца черниговского князя Михаила Всеволодовича, главного противника Владимира и Даниила. Кроме того, весьма подозрительно выглядит заключение мира не с Михаилом, державшим осажденный Чернигов, а с Мстиславом Глебовичем, который и без того был союзником киевского и галицкого князей, присоединившимся к ним в самом начале похода и, видимо, также участвовавшим в осаде. В этой связи М. С. Грушевский даже предлагал изменить чтение источника: «... может быть вместо *Мстислав* следует читать *Михаил*?»¹³. Такое изменение встречаем у позднейших летописцев, например, в хронике Феодосия Софоновича (XVII в.): «Еднакъ же князь Михайлъ и черниговцы учинили примире зъ Владимиром и зъ Данииломъ»¹⁴.

В распоряжении исследователей есть еще один источник, повествующий о черниговских событиях, более нейтральный и беспристрастный. По сведениям Новгородской Первой летописи: «Поиде князь Володимиръ Рюриковичъ съ кыяны и Данило Романовичъ с галичаны на Михаила Всеволодича Чермного къ Чернигову, а Изяславъ бежа в Половци; и много воева около Чернигова, и посадъ пожже, а Михаило выступи ис Чернигова; и много пустошивъ около Чернигова, поиде опять; и Михаило створивъ прелестъ на Даниле и много би галичан и бещисла, Данило же едва уиде; а Володимиръ пришедъ опять, седе в Кие-

⁹ Там же.

¹⁰ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 45; Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись. С. 103.

¹¹ Пашуто В. Т. Очерки... С. 216.

¹² Грушевский М. С. Нарис... С. 284.

¹³ Там же. С. 284, прим. 1.

¹⁴ Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. С. 140.

ве»¹⁵. Это сообщение практически дословно повторяет близкий к новгородскому летописанию Тверской сборник¹⁶.

Интерес новгородского летописца к черниговским делам нельзя назвать случайным, ведь черниговские князья, в том числе и Михаил Всеволодович, принимали активное участие в делах новгородских, особенно в конце 20 – начале 30-х годов XIII в.¹⁷ Не меньшее внимание в Новгороде было приковано и к Киеву, куда вскоре перебрался новгородский князь Ярослав Всеволодович¹⁸. В тесной связи с новгородской летописью находятся сообщения некоторых позднейших источников, яснее представляющие роль черниговского князя Михаила Всеволодовича, полностью замалчиваемую Галицко-Волынской летописью и не столь четко намеченную новгородской. В Густынской летописи читаем: «Князь же Михаил сотвори некую прелесть: изыде из града и поби многое множество галичан, Володимер же, видя сию победу и поразуме, яко уже не одолети ему Михаила, поиде со Данилом Романовичем и сяде в Киеве»¹⁹.

Новые подробности находим в своде В. Н. Татищева, рассказ которого отличается обстоятельностью и наибольшей полнотой: «Возмутили бо (некие «льстивцы» и «клеветники»). – А. М.) первее князя великого Владимира Рюриковича на князя Михаила черниговского и на Изяслава Мстиславича смоленского... призвал князь великий Данила Романовича галицкого с войском и, собрав войско великое... пришел к Чернигову, многое волости пожег. Михаил же и Изяслав, выступя противу их, учинили жестокий бой, но были сбиты и едва могли отступить к Чернигову. Тогда Изяслав смоленский поехал сам к половцам..., а Михаил, видя, что силою противиться не может, искал хитростию избавиться, послал к Данилу Романовичу якобы просить о мире, а при том подкупить бояр его и советников, чтоб он отстал от Владимира. Данил, советуя великому князю и прося о мире, но видя, что оной не приемлет такого, как Михаил хочет, отступил от Владимира по совету

¹⁵ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 73-74, 284.

¹⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 363.

¹⁷ См. об этом специальную работу: Захаренко А. Г. Черниговские князья в Новгороде // УЗЛПТИ. Л., 1947. Т. 61.

¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 777; НПЛ. С. 285.

¹⁹ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II. С. 337. – Как устанавливает А. А. Горский, одним из главных русских источников Густынской летописи в части до XIV в. был Тверской сборник, оба полных списка которого – Погодинский и Забелинский – также имеют украинское происхождение и датируются первой половиной XVII в. (Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли» (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Л.; 1990. Т. XLIII. С. 28-29, прим. 90).

злых своих советников. Михаил, уведав о том, тотчас выступил против им, но, не смея на Владимира нападения учинить, ночью напал на полки Даниловы, так оные разбил, что едва Данил сам спасся, а Владимир, не ожидая себе такого ж приключения, возвратился в Киев»²⁰.

Татищевский рассказ, как представляется, не должен смущать обилием оригинальной информации. В основных своих пунктах он полностью согласуется с сообщением новгородской летописи и ни в чем не противоречит ему. Оба источника согласно говорят о походе Владимира и Даниила к Чернигову против Михаила и Изяслава, о «пожжении» и «опустошении» Черниговской земли («посада» и «волостей»), о выступлении Михаила из города, суть которого разъясняет В. Н. Татищев – то была неудачная попытка остановить противника на подступах к столице. Благодаря татищевским дополнениям получает объяснение свидетельство о бегстве Изяслава к половцам, но самое главное – открывается смысл «прелести», которую «створил» Михаил «на Даниле», в результате чего пострадали галичане.

Показания источников совпадают не только по существу передаваемых сведений, но и в порядке их изложения, оба свидетельства близки друг к другу композиционно. В обоих случаях Михаил нападает на Даниила после того, как он, прекратив участвовать в боевых действиях, «пойде опять»; войска киевского и галицкого князей все время действуют совместно, а под конец расходятся порознь, и весь их поход, начавшийся вполне успешно, внезапно терпит тяжелую неудачу. Оригинальные известия В. Н. Татищева исключительно носят характер позитивного дополнения по отношению к варианту Новгородской Первой летописи, являясь необходимыми пояснениями к ее рассказу, улавливающему лишь общие контуры происходящих в Южной Руси событий. Возможно, оба они восходят к общему источнику южнорусского происхождения, альтернативного летописцу Даниила Галицкого.

Возвращаясь к версии черниговских событий Галицко-Волынской летописи, мы присоединяемся к тем исследователям, кто ставит под сомнение ее достоверность, отдавая предпочтение известиям Новгородской Первой летописи²¹. Нельзя согласиться с М. С. Грушевским,

²⁰ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 229-230.

²¹ Вместе с тем существует и другая тенденция – полностью игнорировать новгородские известия, оставляя рассказ Летописца Даниила Галицкого без всякой критики: «С значительными силами явился Даниил в Киев, – пишет А. М. Андрияшев, – соединился с Владимиром Рюриковичем и завладел самим Черниговом, где и посадил двоюродного брата Михаила Мстислава Глебовича» (Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 166).

предлагавшим «скомбинировать» показания этих источников, в результате чего получалось, будто Михаил «вышел из Чернигова, не выдержав тяжкой осады; тогда черниговцы сдались, а Даниил посадил здесь Мстислава Глебовича... Но когда Даниил с Владимиром после этой победы хотели возвращаться, на них неожиданно напал Михаил, “створивъ прелестъ на Даниле”, и сильно потрепал его полк, “побив Галичан без числа”, едва Даниил вырвался»²².

На наш взгляд, подобная трактовка есть результат «силового» подстраивания новгородских известий под рассказ Летописца Даниила Галицкого, потребовавшего от историка самому домысливать то, чего нет ни в одном источнике, – капитуляцию черниговцев и посажение Даниилом Мстислава на черниговском столе. Но как при этом быть со свидетельством новгородской летописи, что после «выступления» Михаила из Чернигова его защитники и не думали сдаваться: война продолжалась с прежней силой, а город так и не был взят. Утверждение же о передаче Даниилом черниговского стола Мстиславу и вовсе противоречит дальнейшим показаниям источника, сообщающего, что едва только успел Владимир Рюрикович вернуться из-под Чернигова в свой Киев, как «приде» вместе с Изяславом и половцами «Михаило с черниговци подъ Кыевъ и вша Кыевъ»²³. Значит, все это время Михаил был и оставался черниговским князем, и говорить о замене его кем-то другим совершенно не приходится.

О недопустимости подобных решений свидетельствует и проведенный специалистами анализ текста Галицкой летописи в части, касающейся черниговского похода. Л. В. Черепнин видит здесь «попытку комбинации» галицких известий «с известиями какого-то источника черниговского происхождения»²⁴. Родившийся в результате рассказ исследователь находит весьма безыскусным: «сам по себе он лишен композиционной стройности», изобилуя, в частности, многочисленными повторами²⁵. Схожие оценки делает Н. Ф. Котляр, считающий, вслед за В. Т. Пашуто, что в основе повествования галицкого летописца лежал киевский источник: «Это повествование, явно киевского происхождения, было обработано благосклонным к Даниилу редактором, попытавшимся придать ему ту идейную направленность, которая вообще присуща Повести о возвращении галицкого стола (по концепции

²² Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 247.

²³ НПЛ. С. 74.

²⁴ Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. 1941. Т. 12. С. 248.

²⁵ Там же. С. 249.

автора, одной из составных частей Летописца Даниила Галицкого. — А. М.). Настойчиво подчеркивается воинская доблесть Даниила, его полководческое искусство...»²⁶.

Но прославляющий Даниила панегирист-летописец, как ни старался, не смог скрыть того факта, что в результате столь успешно проведенного похода его герой совершенно «изнемоглся» и хотел поскорее уйти восвояси «лесною странною»²⁷, т. е. скрытым, идущим по глухим лесам, в стороне от больших дорог путем, соединявшим Киевщину с Галичиной и Волынью²⁸. Объяснить это одной лишь усталостью Даниловых «воев», «иструдившихся» за время долгого похода²⁹, едва ли возможно.

Таким образом, мы должны полностью отвергнуть как не заслуживающую доверия версию Галицко-Волынской летописи в части, относящейся к исходу черниговской кампании. Последняя завершилась тяжелым поражением галицкого и киевского князей, причем наибольшие потери понесли галицкие полки³⁰. Михаил Всеволодович как военачальник полностью переиграл Даниила, и этот нелицеприятный факт стыдливо замалчивает придворный летописец Романовичей.

* * *

Потерпевший тяжелое поражение под Черниговом Даниил хотел тихо вернуться домой потаенной лесной дорогой, когда к нему вновь обратился киевский князь с просьбой о помощи. К Киеву подошли «в силе тяжце» Изяслав с половцами и Михаил с черниговцами; Владимир же Рюрикович, не имея сил обороняться, оставил город и, видимо, уповал на помощь Даниила как на свой последний шанс³¹. Романович не спешил откликнуться на этот призыв, полагая, что «не подобить изити троуднымъ воемъ противоу целымъ». На выступлении настаивал владимирский воевода Мирослав, решительно поддержавший просьбу киевского князя: «Мирославоу же помогающеу емоу: "Изиидемъ на пога-

²⁶ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 103.

²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 773.

²⁸ Крип'якевич І. П. Галицко-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 45.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 773.

³⁰ К такому же решению в свое время пришел С. М. Соловьев: «...Михаилу удалось обмануть осажденных, выйти из города и побить галицкие полки» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1988. Кн. II. С. 130). Аналогичным образом решает проблему Дж. Феннел: «...Михаилу каким-то образом удалось победить Даниила в схватке, и последний едва спасся» (Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. С. 114).

³¹ НПЛ. С. 74; ПСРЛ. Т. II. Стб. 773.

ные Половце!"»³². Послушав Мирослава, своего старого «дядьку», Даниил вывел-таки войска навстречу половцам, преодолевая, по всей видимости, немалое сопротивление галичан – основной части его войска, – не желавших продолжать кампанию, которая уже не могла сулить никакого успеха.

Разногласия обострились при первой же встрече с врагом. Силы противника оказались столь внушительными, что заколебались даже вдохновители похода – князь Владимир и воевода Мирослав. Но теперь уже Даниил проявил твердость духа и волю к победе, решительно отвергая все сомнения: «Не подобаесть!» и произнеся зажигательные слова: «Воиноу, оустремившоуся на брань, или победу прияти, или пастися от ратных...»³³. Войска сошлись у Торческа, и «бысть сеча люта». Романович попытался увлечь войска личным примером: «Данилови же гонящоу Половцех», так что «инии Половци наворотили на бегъ». Но это не помогло: под князем вскоре был подстрелен конь, и он сам «наворотися на бегъ»³⁴.

Бегство князя с поля боя вызвало возмущение и гнев галичан и спровоцировало их на открытое выступление против Романовича и его окружения, не смотря на продолжающиеся боевые действия. Летописец в очередной раз все сводит к заговору «безбожных» галицких бояр, предавших князя и его верных слуг заодно со злосчастным союзником Владимиром Рюриковичем: «Володимероу же сятомуу (ятомуу, по Хлебнишковскому и Погодинскому спискам. – А. М.) бывшоу в Торцькомъ и Мирославоу светомъ безбожьнаго Григорья Василевича и Молибоговичевъ, инемъ боярьмъ многимъ ятымъ бывшимъ»³⁵.

Комментируя приведенное известие, Н. Ф. Котляр пишет: «Поражение у Торческа вдохновило боярских олигархов вновь выступить против своего сюзерена. Естественно думать, что во время битвы великие галицкие бояре, находившиеся в войске Даниила, изменили князю»³⁶. Подобные оценки встречаем и у других исследователей³⁷. Нам представляется, что, увлекаясь идеей боярского заговора, историки только отдаляются от сути дела, и без того весьма затемненной летописцем. Совсем упускается из вида, что выступление Григория Ва-

³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 773.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Стб. 774.

³⁶ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 104.

³⁷ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. II. С. 248; Пашуто В. Т. Очерки... С. 216.

сильевича и Молибоговичей было направлено не только против князя, но и против «иных бояр многих». Следовательно, перед нами событие несколько иного рода, когда одни бояре выступили против других. Первых можно с полным основанием отнести к галицким боярам: ими руководят известные в Галиче люди – Молибоговичи³⁸ и Григорий Васильевич³⁹. Вторых возглавляет разделивший с ними судьбу волынский воевода Мирослав, верный сподвижник Романовичей⁴⁰. Первых летописец клеймит как «безбожников», на стороне вторых его явное сочувствие.

Сказанное дает нам право предположить, что в результате нового поражения и позорного бегства Даниила прямо с поля боя в его войске произошел раскол. Галицкие полки во главе со своими боярами, вступившими в тайные переговоры («совет») с черниговским князем и нашедшими с ним общий язык, покинули Романовича. Последний вместе с сохранившими верность волынскими дружиной и полком, возглавляемым Мирославом, укрылся в Торческе. Здесь его, наверное, ждала бы печальная участь киевского князя Владимира, угодившего в половецкую неволю⁴¹, но каким-то чудом Даниил вырвался на свободу и «прибежал» в Галич⁴². Возможно, платой за это стали свобода и жизни Мирослава и «иных бояр многих». Как и подобает «доброму» воеводе, Мирослав до конца остается со своими «воями»⁴³, которые, спасая князя, шли, быть может, на верную смерть, – после описываемых событий имя воеводы Мирослава навсегда сходит со страниц летописи.

Высокая мобильность и самостоятельность воинских сил, способных полностью обходиться без участия князя, возглавляемых собственными (земскими) предводителями, была в традиции Галицкой земли⁴⁴. Решения, принимаемые галицкими воеводами во время военных

³⁸ Молибоговичи уже упоминались летописью как раз в связи с выступлением галичан против Даниила (ПСРЛ. Т. II. Стб. 762-763).

³⁹ Григория Васильевича некоторые исследователи даже считают главой всей боярской оппозиции в Галиче. – Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 104, прим. 71.

⁴⁰ Пашуто В. Т. Очерки... С. 216.

⁴¹ НПЛ. С. 74.

⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

⁴³ Подобные случаи были нередкими на Руси и заслуживали высокой оценки у современников. – См.: Майоров А. В. Воевода и земская община Древней Руси в XI – начале XIII в. // Исторический опыт русского народа и современность: Мавродинские чтения. Мат-лы к докладам 10-12 окт. 1994 г. / Отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб., 1994.

⁴⁴ См. с. 252-254 настоящей работы.

походов, могли прямо расходиться с волей князей, если того требовали интересы общины, войска⁴⁵. Данное положение еще более укреплялось, когда между князем и общиной возникали противоречия или не доставало взаимного доверия, когда князь не находил должной поддержки бояр и простых людей (как то было, к примеру, в княжение Мстислава Удалого)⁴⁶. Далеко не просто складывались отношения галичан с Даниилом, особенно с конца 20-х годов, когда князю приходилось силой брать галицкий стол, преодолевая растущее сопротивление общины⁴⁷. Галицкое боярство за время «мятежей» и «крамол» первых десятилетий XIII в. значительно укрепило свои политические позиции, расширяя роль и полномочия общественных лидеров: теперь бояре от имени горожан могли вступить в переговоры и заключать соглашения с правителями других земель и государств, в том числе и с претендентами на галицкий стол, нередко за спиной действующего князя, неугодного общине⁴⁸.

В этой связи вполне достоверными выглядят известия В. Н. Татищева о тайных переговорах «бояр и советников» Даниила с князем Михаилом, состоявшихся во время осады Чернигова. Едва ли в числе «советников» были воевода Мирослав и связанные с ним волынские бояре, – они, как мы знаем, твердо стояли за продолжение войны на стороне киевского князя. «Советники» же убедили Даниила отступить от последнего ради скорейшего заключения мира. Такой «совет», вероятнее всего, должен был исходить от галицких бояр и в значительной степени был обусловлен интересами стоявших за ними «воев».

⁴⁵ Так, воевода Коснятин Серославич, возглавлявший галицкий полк во время осады Вышгорода киевским князем Мстиславом Изяславичем, вопреки требованиям князей принимает решение прекратить боевые действия и увести галичан домой, поскольку, по его мнению, поход слишком затягивался и, видимо, уже не сулил галичанам больших выгод; никакие уговоры и доводы князя не смогли изменить решения воеводы (ПСРЛ. Т. II. Стб. 548-549).

⁴⁶ См.: Фроянов И. Я., Майоров А. В. Князь, бояре и городская община Галича в правление Мстислава Удалого // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию чл.-корр. РАН А. Н. Сахарова / Ред. кол.: А. Н. Быханов (и др.). М., 2000.

⁴⁷ См.: Майоров А. В. Борьба Даниила Романовича за галицкий стол с венграми в конце 20 – начале 30-х годов XIII в. Ч. I. Галицкая община и князь Даниил // ВСПбГУ. Сер. 2. 1999. Вып. 3.

⁴⁸ Первые такие случаи мы находим еще в конце XII в. (см.: Майоров А. В. Бояре и община Юго-Западной Руси в событиях 1187 – 1190 гг. (к проблеме внутриобщинных отношений в домонгольский период) // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. ст. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. В. М. Воробьев. А. Ю. Дворниченко. СПб., 1996). Подобным же образом в Галиче обращались и с самим Даниилом и его матерью (ПСРЛ. Т. II. Стб. 728).

Черниговский поход уже слишком затянулся: как говорит летопись, он продолжался от Крещения до Вознесения, т. е. более пяти месяцев, и «вои» за это время «иструдились», будучи отягощенными, к тому же, изрядными трофеями, ведь за время похода были «пленены» «все Черниговские страны»⁴⁹. Галицкие бояре, и в их числе Григорий Васильевич с Молибоговичами, через некоторое время, как говорит летопись, опять связались с перешедшим в наступление черниговским князем и «советовали» ему «взять» в Торческе волынскую дружину Даниила во главе с Мирославом, а, может быть, и самого Даниила⁵⁰.

* * *

Как видно, за время черниговского похода у некоторых влиятельных галицких бояр завязались тесные отношения с Михаилом Всеволодовичем. По мнению исследователей, именно эти бояре, среди коих особо подчеркивается роль Молибоговичей, вскоре призвали на галицкий стол черниговских князей – Михаила и его сына Ростислава⁵¹. Нельзя, впрочем, согласиться с утверждением, что Даниил лишился галицкого стола в результате очередного «боярского заговора», и что князь Михаил был «посажен» в Галиче боярами⁵². Доказывая этот тезис, новейший исследователь Галицко-Волынской летописи Н. Ф. Котляр с легкостью поправляет самого летописца: вопреки показаниям источника, где значатся «галичане», т. е. городские жители вообще, историк ведет речь лишь о боярах. В передаче Н. Ф. Котляра летописное сообщение об отставке Даниила приобретает следующий вид: «бояре галичести... воздвигоша крамолу. Судиславу же Ильичу рекшую: “Княже! Льстив глагол имеют галичане (т. е. бояре. – Н. К.), не погуби себе, пойди прочь”. Данилови уведавшу крамолу их, изиде во Угрь»; «не какие-то там безымянные “галичане”», – поясняет свою позицию исследователь, – а двуличный боярин Судислав «имел “льстив глагол” против Даниила, именно он вдохновлял и направлял боярские интриги

⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 773.

⁵⁰ Там же. Стб. 774.

⁵¹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Первый отдел // Костомаров Н. И. Русь крещеная. М.; Смоленск, 1996. С. 118; Иловайский Д. И. История России. Становление Руси (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. С. 513; Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 185-186; Пашуто В. Т. Очерки... С. 216; Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 104.

⁵² Грушевський М. С. Історія України – Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 52; Пашуто В. Т. Очерки... С. 216.

против законного властителя»⁵³.

Источник, как нам представляется, рисует совсем иную картину, где наряду с боярами, несомненно, действуют простые галичане, и отношение их к Даниилу такое же, как у бояр. Это значит, что против Романовича выступила вся община, и потому он был так легко повержен, без всякого постороннего вмешательства. Летопись говорит, что когда разбитый под Киевом князь «прибежал» в Галич, он застал там брата Василька, причем «Василкови же бывшоу в Галичи с полкомъ»⁵⁴. Следовательно, отправляясь в поход против черниговского князя, Даниил оставил в Галиче волынские войска во главе с собственным братом, самым верным своим союзником⁵⁵. Сказанное само по себе достаточно определенно характеризует отношения Романовичей с галичанам, говорит об уровне взаимного доверия. Подобным образом поступали только венгерские короли, державшие в Галиче постоянный гарнизон на случай возможного неповиновения жителей⁵⁶.

Вполне естественно, что галичане поспешили избавиться от засевшего в городе волынского полка. Бояре Доброслав Судыч и Сбыслав Станиславич подговорили межигбожского князя Бориса Ярославича послать к Даниилу ложное известие: «Изяславъ и Половци идоуть к Володимероу»⁵⁷. После этого младший Романович не мешкая отправился на Волынь «стеречь» Владимир⁵⁸. Как видим, волынский полк был удален из Галича хитростью, вопреки воле Даниила и его брата, что плохо согласуется с версией Н. Ф. Котляра о добровольном выводе волынского гарнизона «проницательным и гибким политиком» Даниилом Романовичем⁵⁹. Уход волынских войск стал сигналом к открытому выступлению, «воздвижению крамолы», как говорит летописец.

«Крамолу» возглавляли бояре, что являлось обычным и естественным делом. Но следом за ними пошли галичане, простые граждане, поддержавшие своих предводителей. На это обстоятельство как раз и указывал боярин Судислав Ильич, с сочувственной интонацией обращавшийся к князю Даниилу: «Княже! Льстивъ глаголь имею Галичане (имеют галичане, *по Хлеби. и Погод. сп. – А. М.*). Не погоуби се (себе,

⁵³ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 104.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

⁵⁵ Так объясняет появление волынских войск в Галиче и М. С. Грушевский. – Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 52.

⁵⁶ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 665, 722, 732 и др.

⁵⁷ Там же. Стб. 774.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 104.

по Хлебн. и Погод. сп. – А. М.), поиди прочь». И Даниил, «оуведавшоу крамолоу ихъ (т. е. галичан. – А. М.), изииде Оугры»⁶⁰. Если следовать логике летописного сообщения, Судислав Ильич должен быть отнесен не к врагам Даниила, как думает Н. Ф. Котляр⁶¹, а, скорее, наоборот, к числу его сторонников: боярин успел предупредить князя о смертельной опасности, и тот вовремя покинул город⁶².

Похожее предупреждение Даниил получил несколько лет назад от верного тысяцкого Демьяна, сообщившего о заговоре галицких бояр, звавших князя якобы на пир: «Пиръ золь есть, яко свещано есть безбожнымъ твоимъ бояриномъ Филипомъ и братоучадамъ твоимъ Олександромъ, яко оубьеноу ти быти. И, то слышавъ, поиди назадъ и содержи столъ отца своего»⁶³. Тогда князь избежал уготованной ему участи, но теперь «содержать» отцовский стол было уже нельзя, поскольку «льстивый глагол» и «крамолу» против Романовича «имели» не только «безбожные» бояре, но и «галичане», за что и были названы летописцем «неверными»⁶⁴. Используемый в источнике термин «галичане», в отличие от термина «бояре», подразумевает всю нерасчлененную массу горожан, общину в целом, включая и бояр, и простых людей⁶⁵. Поэтому мы имеем все основания заключить, что Даниил должен был покинуть Галич ввиду массового недовольства горожан, выразившегося в открытом выступлении, возглавляемом боярами.

Место Даниила в Галиче вскоре занял черниговский князь Михаил Всеволодович. Об этом мы узнаем из летописи постфактум⁶⁶. Летописец Даниила Галицкого вообще как-то старается игнорировать фигуру

⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

⁶¹ Совершенно расходится с показаниями источника стремление Н. Ф. Котляра выставить Судислава Ильича главным врагом Даниила, приписав ему одному «льстивъ глаголъ» галичан (Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 104). Таким способом исследователь получает новый «аргумент» в поддержку вывода о чисто боярском заговоре, где не было места простым горожанам.

⁶² К числу сторонников Даниила относит Судислава Ильича другой исследователь Галицко-Волынской летописи, Л. Е. Махновец (ЛР. Київ, 1989. С. 513).

⁶³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 762-763.

⁶⁴ Там же. Стб. 775.

⁶⁵ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 140-141; Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб. 1995. С. 565-566.

⁶⁶ О занятии Михаилом галицкого стола говорит только Новгородская Первая летопись (НПЛ. С. 74, 284). Дж. Феннел утверждает, что Михаил стал галицким князем лишь после того, как город покинули поляки, оказавшиеся там после бегства Даниила (Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. С. 114), однако в источниках, на которые ссылается автор, подобные сведения отсутствуют.

Михаила, явно пытаясь представить его второстепенным участником событий, выдвигая на первый план «безбожных» бояр и «неверных» галичан. В появлении Михаила на галицком столе, очевидно, не последнюю роль сыграли те галицкие бояре, что вели с ним тайные переговоры во время осады Чернигова, а затем «советовали» князю захватить укрывшихся в Торческе Мирослава и других владимирских бояр. Не исключено, что при этом инициаторы избрания Михаила могли руководствоваться эгоистическими, корыстными мотивами, связанными с личной выгодой, ведь, со слов В. Н. Татищева, они были подкуплены черниговским князем⁶⁷, а один из них, Григорий Васильевич, стал дворским при новом правителе⁶⁸. Однако не подлежит сомнению тот очевидный факт, что, вокняжившись в Галиче, Михаил Всеволодович, в отличие от своего предшественника, располагал твердой поддержкой галичан, в том числе военной, позволившей ему успешно противостоять натиску Романовичей.

А Даниилу для продолжения борьбы пришлось искать поддержки извне. С этой целью он отправился из Галича напрямик в «Оугры». Однако получить помощи у нового короля Белы IV так и не смог⁶⁹. Одновременно брат Даниила, Василько, поехал искать помощи в Польше, и его усилия увенчались успехом.

В конце 1235 г. Романовичи предприняли отчаянную попытку отбить Галич: «Зиме же приспевши, иде Василко Галичю, пойма Ляхы. Даниль же в то время приде ко братоу си изо Оугорь»⁷⁰. Как видим, то была заранее спланированная акция, в которой оба брата действовали согласованно. Ее откровенно враждебный характер в отношении Галицкой земли проявился в том, что против непокорных галичан была брошена иностранная военная сила. Но под руководством нового князя Михаила галичане успешно отразили эту атаку, так что войска Романовичей, «не дошедше Галича, воротистася домовь»⁷¹.

Одержав победу, галичане во главе со своим новым князем перешли к более активным действиям. Весной следующего 1236 г. они совершили ответный поход на Вольнь: «Придоша Галичане на Каменец и вси Болоховьсции князи с ними. И повоеваша по Хомороу, и поидо-

⁶⁷ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 229.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 777-778.

⁶⁹ Подр. см. раздел «Внешнеполитические факторы в соперничестве Романовичей и Михаила».

⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

⁷¹ Там же.

ша ко Каменцю, вземши полонь великъ, поидоша»⁷².

Война, таким образом, все больше приобретала черты межволостного конфликта, о чем свидетельствует и характер летописных сообщений, где на первый план выступают «Галичане», а о галицком князе долгое время вообще умалчивается. Между тем, многие современные историки не придают никакого значения этим фактам, а то и вовсе не замечают их, сводя все дело к борьбе нескольких боярско-княжеских группировок, использовавших иноземные войска⁷³. Можно встретить и такое утверждение, что в конце 1235 г. борьбу за Галич вели между собой поляки и венгры, что польскую помощь Василько Романович «использовал против захвативших Галич венгерских феодалов»⁷⁴. Это не соответствует исторической действительности. В Галиче тогда уже княжил Михаил Всеволодович, и главной его опорой в борьбе с Романовичами являлись сами галичане, отдавшие предпочтение черниговскому князю перед волынским.

* * *

Два с лишним года между Михаилом и его противниками шла напряженная борьба, стороны обменивались взаимными ударами и старались переиграть друг друга на дипломатическом поприще⁷⁵. Перевес сил неожиданно оказался на стороне Романовичей после того, как весной 1238 г. Михаил Всеволодович, передав стол сыну Ростиславу, переехал из Галича в Киев⁷⁶. Волынские князья перешли в решительное наступление, и вскоре Даниил вновь оказался на своем «отнем» столе.

Летописец повествует об этом с необыкновенным эмоциональным подъёмом, героизация образа князя, а, с другой стороны, уничижение его врагов достигают здесь наивысшего предела. В итоге и без того весьма пристрастный и тенденциозный рассказ почти полностью утрачивает связь с реальностью, выдавая желаемое за действительное. В своей обычной минере летописец преподносит действия Даниила как триумфальное возвращение в Галич со всеобщего согласия «горожан», «любивших его». На деле же произошел очередной захват города при

⁷² Там же.

⁷³ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 53-55; Пашуто В. Т. Очерки... С. 216-217.

⁷⁴ Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 94.

⁷⁵ Подробнее об этом речь пойдет в разделе «Внешнеполитические факторы в соперничестве Романовичей и Михаила».

⁷⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

помощи военной силы, как это уже не раз бывало в прошлом.

Все началось с того, что новый галицкий князь Ростислав Михайлович неосторожно покинул город, отправившись в поход «на Литвою со всеми бояры и сноузники»⁷⁷. Правда, несколькими строчками выше в летописи значится: «Ишедшю Ростиславою во поле»⁷⁸. Отсюда некоторые историки заключали, что Ростислав отправился воевать против половцев⁷⁹. Это в большей степени соответствовало бы традиционной политике галицких князей, однако нельзя упускать из вида, что литовский князь Миндовг недавно стал союзником Романовичей⁸⁰, и в силу этого поход на Литву мог быть в конечном счете направлен против последних. Так или иначе, в поход вместе с князем выступили значительные силы галичан – все бояре и конница⁸¹, т. е. главная и наиболее боеспособная часть войска. Город остался практически незащищенным.

Этим благоприятным для себя обстоятельством воспользоваться Даниил. Тайно получив сведения из Галича, что было для него большой удачей⁸², «изииде Даниль со вои со Хольма, и бывшю емоу третии день оу Галичи»⁸³. Действия князя как две капли воды напоминают события восьмилетней давности, когда он сумел отнять Галич у королевича Андрея, и тогда, и теперь по существу разыгрывался один и тот же сценарий. Оба раза Даниил напал на город, когда значительная часть галицкого войска находилась вне его стен, занятая войной с врагами. Первый раз, весной 1230 г., волынский князь улучил момент, в который «Соудиславъ шель естъ во Понизье, а королевичъ в Галичи ость»⁸⁴. И пока воевода Судислав бился с мятежными понизовцами, на помощь которым Даниилом был послан с войсками тысяцкий Демьян, сам Даниил уже осаждал днестровскую столицу⁸⁵.

Важно заметить, что как жители Понизья в 1230, так и Литва в 1238 г. являлись союзниками волынского князя. О союзе и совместных делах Романовичей с литовским Миндовгом мы уже говорили. Что же

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Зубрицкий Д. И. История древнего Галицко-Русского княжества. Львов, 1855. Ч. III. С. 126; Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1885. С. 282.

⁸⁰ См. с. 598-599 настоящей работы.

⁸¹ Выражение «сноузники» в древнерусском языке означает *всадники*.

⁸² Недаром летописец усматривает здесь божий промысел: «Богоу же поспевшю приде весть Данилоу» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 777).

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. Стб. 758.

⁸⁵ Подр. см. с. 502-503 настоящей работы.

до понизовцев, то в конфликте с галичанами они от начала и до конца выступали на стороне Даниила, действуя сперва в одном строю с тысяцким Демьяном, а затем влившись в основное войско волинского князя⁸⁶. Сказанное наводит на мысль, что выступления галичан против понизовцев и Литвы совпадают с внезапными нападениями на Галич Даниила неспроста, что эти выступления могли быть спровоцированы самими Романовичами, являясь ходами заранее рассчитанной комбинации.

В пользу этой версии говорит и характер действий Даниила, четких и подготовленных. Оба раза в преддверье своего выступления Романович находился примерно в одном и том же месте – в районе заложенного им города Холма. Вести из Галича, несмотря на кажущуюся их неожиданность, отнюдь не застают князя врасплох, – рядом с ним находится готовое к походу войско: «Данилови же собравши вои воборзе, посла Дмьяна на Соудислава». И то была не находящаяся всегда подле князя дружина, а значительно превосходящая ее численностью земская рать, так как князь «самъ иде в мале дружине к Галичу»⁸⁷. С готовым войском Даниил устремляется к Галичу и во второй раз: «изииде Даниль со вои со Хольма». Значит, благоприятные известия из Галича не могли быть неожиданными, а скорее, наоборот, с нетерпением ожидались. Примечательно, что, получив их, Даниил уже на третий день достигал Галича⁸⁸, преодолевая расстояние примерно в 240 – 250 километров по прямой.

Отмечая совпадение приемов, использованных волинским князем в борьбе за галицкий стол, агрессивный, захватнический характер его политики, мы должны заметить, что и галичане в ответ прибегали к вполне адекватным мерам, воспринимая Даниила как врага, оказывая ему упорное сопротивление и вынужденно подчиняясь силе, когда она значительно превосходила их собственную. Напрасно летописец, движимый апологетическими побуждениями, старается изобразить горячую любовь к Даниилу галичан. Не жалея красок, древний писатель повествует, что как только князь с войсками появился под Галичем, восплававшие любовью горожане («любяхоуть же и гражане») бросились к нему навстречу, «яко дети ко отчю, яко пчелы к матце, яко жажющи воды ко источнику»⁸⁹. Избыточный пафос этого звенящего как

⁸⁶ См.: Майоров А. В. Борьба Даниила Романовича за галицкий стол... Ч. 1. С. 3-5.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 758.

⁸⁸ Там же. Стб. 758, 777.

⁸⁹ Там же. Стб. 777.

торжественная струна известия говорит сам за себя: перед нами не объективное и беспристрастное описание событий, а переполненная эмоциями их субъективная оценка, преувеличенная и однобокая.

Но сквозь завесу славословия и художественной риторики все же проступают черты подлинной реальности, утаить и заглазить которые панегирист-летописец не смог. Говоря о всеобщем ликовании галичан по поводу прибытия Даниила, рассказчик как бы невзначай обнаруживает, что любимый и желанный всеми князь не может войти в город, несмотря на все усилия. Виной тому – противодействие епископа Артемия и дворского Григория, «возбранивших» князю путь в Галич⁹⁰. Сбивчивые и запутанные показания источника в действительности могут означать только одно: перед войсками волынского князя город «затворился», отказавшись принять его на княжеский стол.

Точно так же развивались события и во время всех предыдущих попыток Романовича овладеть Галичем. Весной 1230 г. он натолкнулся на дружный отпор «венгров и галичан», не только крепко державшихся в обороне, но и совершавших успешные вылазки против общего врага; и лишь получив помощь с Волыни и собрав под свои знамена «землю Галичкоую» – «от Боброки доже и до реки Оушице и Проута», т. е. войска мятежных галицких «пригородов», Романович «обседе» Галич «в силе тяжьсце», принудив его «изнемогших» защитников сдаться⁹¹. Зимой 1233/34 гг. войска Даниила, вновь подступившие к Галичу, «стояше же 9 недель воюя», и только внезапная смерть королевича Андрея, бывшего тогда галицким князем, заставила галичан покориться⁹².

В третий раз история повторилась во время описываемых нами событий конца 1238 г., за исключением разве того, что теперь в Галиче не было венгерского гарнизона, и его защитникам пришлось иметь дело с Даниилом один на один. Прежде всего, горожане вовсе не дожидались волынского князя с распростертыми объятьями. Поэтому Даниил, подойдя к Галичу, вступает с жителями, занявшими, надо полагать, оборону на городских стенах, в переговоры, пуская в ход все свое красноречие: «О моужи градьстии! Доколе хочете терпети иноплемьных князии державоу?»⁹³.

Ничего более из княжеских слов летописец не приводит, но и без того ясно, что Даниил пытается уговорить общину принять его сторо-

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. Стб. 759. – Подр. см. с. 502-506 настоящей работы.

⁹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 771. – Подр. см. с. 546-548 настоящей работы.

⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

ну, доказывая преимущества этого шага, намекая, по-видимому, на определенные выгоды, которые смогут получить горожане, если откажутся от «иноплеменных» князей и передадут «державу» ему, Даниилу. Князю, который, по справедливому замечанию М. С. Грушевского, «вообще не имел никаких демагогических симпатий и способностей, не умел наладить близких отношений с общиной, увлечь ее»⁹⁴, не пришлось бы пускаться на подобные ухищрения, имей он хотя бы малую долю той горячей любви галичан, о которой взхлеб говорит летописец. При таких условиях не может быть и речи о вечевом призывании Даниила в Галич, о котором пишет Н. Ф. Котляр⁹⁵. Для большинства галичан и их предводителей очередное появление претендента с Волыни было неожиданным и не предвещало ничего хорошего.

Уговоры князя нашли, впрочем, некоторый отклик, и в ответ на его призыв со стороны города раздалось: «Се есть держатель наш Богомъ даный!»⁹⁶ И вслед за тем кто-то из галичан действительно перешел на сторону Даниила, вызвав восторг придворного летописца. Но и после этого Романович не достиг цели: он по-прежнему не мог войти в город. На сей раз летописец объясняет причину замешательства – оказывается «пископу же Артемью и дворьскомуу Григорью возбраняющую емоу»⁹⁷.

* * *

В литературе сложилась неоправданно преувеличенная оценка движения галичан в поддержку Романовича и их антибоярских настроений. У Н. И. Костомарова читаем: «Простым жителям чересчур опротивели боярские смуты, и они приняли твердое решение не поддаваться более наущению бояр, а держаться крепко за Даниила для собственной пользы»⁹⁸. Немало потрудился для доказательства приязни галицких жителей к Даниилу и Романовичам вообще при полной антипатии к собственным боярам М. С. Грушевский⁹⁹, по мнению которого, «галицкая община... радостно приняла Даниила»¹⁰⁰. Схожие мысли

⁹⁴ Грушевський М. С. Історія України – Русь. Т. II. С. 477.

⁹⁵ Котляр Н. Ф. 1) Формирование территории... С. 155; 2) Галицко-Волынская летопись... С. 109.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях... С. 119.

⁹⁹ Грушевський М. С. Історія України – Русь. Т. II. С. 475-477.

¹⁰⁰ Там же. Т. III. С. 55.

встречаем у В. Т. Пашуто и И. П. Крипякевича¹⁰¹. «В противовес мятежному “неверному” боярству, – пишет Н. Ф. Котляр, – народ – в данном случае галицкое вече – поддерживает Даниила, видит в нем защитника земли, способного пресечь феодальные свары и дать людям возможность спокойно работать и жить»¹⁰².

Получается, что в конце 1238 г. горожане, весь простой люд, дружно перешли на сторону любимого князя-защитника, выражая тем самым протест против ненавистного «сварливого» боярства. Следуя этой логике, в Галиче должны были остаться лишь отвергнутые народом бояре, упорствовавшие в своей ненависти к Романовичу. Но ведь, как свидетельствует летописец, все галицкие бояре только что ушли из города в поход на Литву вместе с князем Ростиславом. Выходит, сопротивлялись Даниилу и принявшей его сторону общине одни только епископ и дворский, что выглядит уже как недоразумение.

Видимо, с целью как-то исправить создающееся впечатление историки сводят роль последних лишь к жалким попыткам остановить народ, сделавший свой выбор: «Епископ Артемий и дворский Григорий сначала удерживали народ, но, видя, что ничего не сделают... вышли к князю Даниилу, поклонившись...»¹⁰³ или «...члены боярской партии, которые были в городе, не сумев удержать этого движения, должны были подчиниться Даниилу»¹⁰⁴. Все подобные версии, однако, построены на слишком вольном толковании источника и в ряде важных пунктов прямо противоречат его показаниям. По летописи, епископ и дворский удерживали отнюдь не галичан, будто бы рвущихся из города к своему избавителю Даниилу, а самого Даниила, «возбращающую емоу» путь в Галич, и делали это уже после того, как в стан Романовича переметнулись все его сторонники из числа галицких жителей. Не имеет никакой опоры в источниках и мнение, будто «”мужи градъстии” вопреки воле дворского Григория Васильевича и епископа галицкого Артемия, служивших черниговскому князю, открыли городские ворота Даниилу Романовичу»¹⁰⁵.

Нам представляется, действительные события, связанные с откликом галичан на появление Даниила по своему масштабу были далеко не так значительны, не столь единодушным был и сам этот отклик. Ко-

¹⁰¹ Пашуто В. Т. Очерки... С. 217; Крипякевич І. П. Галицько-Волинське князівство. С. 95.

¹⁰² Котляр Н. Ф. Галицко-Волинская летопись... С. 109.

¹⁰³ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях... С. 119.

¹⁰⁴ Грушевський М. С. Історія України – Русь. Т. II. С. 476.

¹⁰⁵ Пашуто В. Т. Очерки... С. 217.

нечно, среди горожан были какие-то сторонники волынского князя, позвавшие его в Галич. Это они громче всех кричали с городских стен о своем «держателе», «Богом данным». Возможно, к ним присоединились и те, кто был разочарован черниговскими князьями, считая их «иноплеменными», особенно после того, как Михаил Всеволодович самовольно ушел в Киев, оставив в Галиче молодого сына Ростислава, променяв тем самым галицкий стол на киевский. Сторонники Даниила «поустишася» к нему, надо думать, прямо с городских стен, подобно тому, как некогда триста галицких смердов бежали к Ивану Берладнику, осаждавшему город Ушицу, «скачюч чересь заборола»¹⁰⁶.

Но город тем не менее продолжал сопротивляться, поскольку войти в него без борьбы князь так и не смог. Это значит, что отнюдь не все галичане желали возвращения Даниила и готовы были ему подчиниться. Во главе с епископом и дворским – руководителями общины – оставшиеся жители стойко держались перед превосходящими силами противника, но были вынуждены уступить в неравной борьбе. В летописи сказано: «Пископоу же Артемью и дворьскомоу Григорью возбраняюшоу емоу (Даниилу. – А. М.). Оузревшима же има, яко не може-та оудержати града, ико (яко, по *Хлеби. и Погод. сп.* – А. М.) малодушна блюдящася о преданьи града, изиидоста слезныма очима и ослабленомь лицемь, и лижюща оуста своя, яко не имеюща власти княженья своего, реста же с ноужею: “Прииди, княже Данило, приими градъ!”»¹⁰⁷.

Ошибкой было бы думать, что сопротивление Даниилу оказывала какая-то жалкая горстка отщепенцев, противопоставивших себя всей общине. Ведь в таком случае едва ли кто мог реально помешать князю войти в свой город, и ему не пришлось бы прибегать к военной силе, умиротворяя сопротивлявшихся «ноужею». Есть все основания предполагать, что оборона Галича продолжалась не один день, что военные действия растянулись на достаточно значительный срок и носили исключительно упорный характер. Об этом дает понять и сам летописец в свойственной ему образной манере, когда говорит, что предводители галичан епископ Артемий и дворский Григорий вышли к Даниилу с «ослабленными» лицами и иссохшими от жажды устами.

Среди исследователей вошло в правило поправлять летописца в его описании облика епископа и дворского: что вместо «ослабленомь» здесь следует читать «осклабленомь». Получается, что Артемий и Гри-

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 497.

¹⁰⁷ Там же. Стб. 777-778.

горий вышли к Даниилу в каком-то противоестественном состоянии – со слезами на глазах и улыбающимися (усмехающимися) лицами¹⁰⁸. Подобного чтения нет ни в одном из дошедших до нас списков Галицко-Волынской летописи. Оно – результат домыслов историков, увлекшихся неоправданным представлением, будто летописец обличает не врагов Даниила вообще, а занят каким-то изощренным высмеиванием «хищного и заносчивого, предательского и беспринципного боярства, заботившегося лишь о собственных эгоистических интересах и без тени сомнения бросающего свою землю в водоворот феодальных войн, “мятежей и ратей”»¹⁰⁹.

В академическом издании Галицко-Волынской летописи «ослабленомъ лицомъ» переводится как «с печальными лицами»¹¹⁰. В связи с этим, по-видимому, и в новейшем словаре древнерусского языка против термина «ослабленный» появилось новое значение: «3. Печальный, унылый», проиллюстрированное единственным примером – разбираемым нами текстом о событиях 1238 г.¹¹¹ Такое значение, разумеется, лучше вписывается в контекст сообщения об облике епископа и дворянского, более соответствует по смыслу предыдущей фразе о «слезных очах». Однако едва ли этого достаточно, чтобы отказываться в нашем случае от основного значения выражения «ослабленный», встречающегося в древнерусских текстах с XI в.: '*слабый; лишенный силы, твердости*', употребляемого как в прямом, так и в переносном смысле¹¹², и приписывать данному термину новое, несвойственное ему значение.

Ослабленные лица и пересохшие от жажды уста защитников Галича, подчинившихся Даниилу не по доброй воле, а «ноужею», исчерпав все средства и убедившись, «яко не можета оудержати града», как нельзя лучше подходят образу обессилевших в неравном бою, страдающих от голода и жажды воинов, до конца пытавшихся противостоять врагу. Точно так же измором смирял непокорных галичан волынский князь и прежде, во время всех предшествующих попыток завладеть Галичем. В конце 1233 г. Даниил с войсками обступил днестровскую столицу, «и беаше корма оу нихъ много, королевичъ же, и Дья-

¹⁰⁸ См.: Соловьев С. М. История России... Т. 3. С. 131; Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях... С. 119; Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 55; ЛР. С. 393, прим. 13; Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 109.

¹⁰⁹ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 109.

¹¹⁰ БДРЛ. СПб., 1997. Т. 5. С. 233. – См. также: ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 289.

¹¹¹ СлРЯ. М., 1987. Вып. 13. С. 104.

¹¹² Там же.

нишь (венгерский воевода. – А. М.), и Соудиславъ изнемогахоу гладомъ в граде»¹¹³. Измором брал Галич Романович и весной 1230 г., доведя его защитников до «изнеможения»: «И обьседе в силе тяжьсце, онем же, изнемогошимъ, передаша градъ»¹¹⁴.

Положение галичан усугублялось отсутствием князя, уведшего к тому же из города значительные воинские силы. Галичане держались, пока была жива надежда, что Ростислав с боярами успеют придти им на выручку, как в свое время успел вернуться в Галич из Понизья воевода Судислав¹¹⁵. Но слишком молодой и неопытный князь, которому едва исполнилось 15 лет¹¹⁶, не справился со своей задачей: уйдя в далекую Литву, он поздно узнал о случившемся, когда Галич был уже в руках Даниила, и не нашел ничего другого, как бежать в Венгрию¹¹⁷. Отсутствие в городе князя в минуту тяжелого испытания, несомненно, деморализующе действовало на его защитников, и они, как отмечает летопись, сложили оружие еще и потому, «яко не имеюща власти княженья своего».

Но и без князя, и без бояр галичане отбивались от незваных гостей сколько могли. Таким было решение вечевой общины, возглавляемой тогда епископом и дворским. Последние, разумеется, действовали не сами по себе, а именно как предводители общины, вокруг которых тесными рядами спланивались галичане, готовые следовать за ними. Так, спустя несколько лет вновь вынужденный воевать с галичанами, Даниил опять столкнулся с князем Ростиславом и епископом Артемием. Не выдержав осады, Ростислав «выбеже из Галича до Щекотова, и с ним бежа Артеми, епископъ Галичькыи, и инии Галичани»¹¹⁸. Роль епископа как лидера общины, возглавляющего сопротивление с неудобным князем, подтверждается примером перемышльского епископа Антония, с которым жестоко расправился Даниил¹¹⁹. Что касается дворского Григория, в котором исследователи усматривают известного галицкого боярина Григория Васильевича¹²⁰, то он неоднократно выступает в летописи как один из лидеров галицкой общины, впослед-

¹¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 771.

¹¹⁴ Там же. Стб. 759.

¹¹⁵ Там же. Стб. 758-759.

¹¹⁶ Ростислав Михайлович родился в 1223 г.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.

¹¹⁸ Там же. Стб. 793.

¹¹⁹ Пашуто В. Т. Очерки... С. 149.

¹²⁰ Там же. С. 217, 225-226, 227; ЛР. С. 393, 481.

вии ставший правителем «горной страны Перемышльской»¹²¹.

* * *

В результате проведенного анализа мы приходим к следующим выводам. Прежде всего, представляется необоснованным широко распространенное мнение, будто князь Даниил Романович в своей борьбе за галицкий стол пользовался неизменной поддержкой и симпатиями галичан, простых граждан, и только происки своенравного боярства не давали ему прочно обосноваться на «отнем» столе. Мы видели, что в достижении намеченной цели волынскому князю всякий раз нужно было использовать значительную военную силу, искать благоприятной минуты, когда Галич был ослаблен отсутствием большей части своего войска, занятого борьбой с врагами. Претенденту с Волыни приходилось держать город в изнурительной осаде, ломая сопротивление его защитников измором, используя для этого также силы мятежных галицких «пригородов». Нельзя доверять преувеличенным оценкам успехов Романовича придворного летописца, рассказ которого весьма противоречив, сплошь состоит из недомолвок и не выдерживает проверки данными других источников.

Отношения Даниила с галичанами оставались напряженными и в периоды его правления в Галиче, делая положение князя чрезвычайно неустойчивым. Община, возглавляемая своими лидерами боярами, всегда предпочитала ему других претендентов, будь то венгерский король или черниговские князья. Причина такого неприятия, думается, коренится в вековых противоречиях и вражде, разделявших общины соседних Волынской и Галицкой земель, в стремлении владимироволынских князей вернуть под свою власть червонорусские города, некогда отделившиеся от Волыни и решительном противодействии этому жителей последних, которые в противовес Романовичам искали опоры в правителях других земель и государств.

¹²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 789.

5.

Внешнеполитические факторы в соперничестве Романовичей и Михаила

Венгерские данные об отношениях Даниила с королем Белой IV. – Правители Венгрии, Мазовии и Киева, болоховские князья, торки и половцы в перипетиях борьбы за Галич. – Внешнеполитические успехи Романовичей (союз с Австрией и Литвой, победа над добжиньскими рыцарями). – Вмешательство в южнорусские дела новгородско-перемышльского князя Ярослава Всеволодовича: Михаил и Ярослав.

Особой страницей в истории галицкой общины второй половины 30-х годов XIII в. стало новое вмешательство в ее внутренние дела сразу нескольких внешнеполитических сил, представленных правителями целого ряда европейских государств, а также князьями крупнейших русских земель. В их числе были уже неоднократно участвовавшие в галицких «мятежах» венгерский король и польские князья; появились и новые участники, среди которых наиболее заметную роль играли киевский и владими́ро-суздальский князь.

В основе этих событий лежала борьба за галицкий стол, которую на протяжении уже не одного десятилетия вели князья соседней Волынской земли – Даниил и Василько Романовичи, борьба, в которой их главным противником стала сама галицкая община, возглавляемая своими боярами. Только с помощью силы, выбрав удобный момент, Даниилу, как мы уже видели, удавалось на короткое время захватить галицкий стол, но всякий раз его правление заканчивалось неудачей. Галицкая община не хотела оказаться под властью выходцев с Волыни, ведь Галичина и Волынь – давние соперники, в течение веков враждовавшие друг с другом. Отсюда стремление галичан найти нового сильного правителя, способного противостоять натиску Романовичей, будь то венгерский королевич или черниговский князь.

Последнее обстоятельство – вокняжение в Галиче в 1235 г. черниговского князя Михаила Всеволодовича – явилось непосредственным толчком к расширению конфликта и вовлечению в него новых внешнеполитических сил. Инициатором этого стали Романовичи, причем их действия в отношении галичан с самого начала приобрели ярко выраженный враждебный характер. Сразу после изгнания из Галича Даниил отправился напрямиком в «Оугры». Летопись умалчивает о пребывании Романовича при венгерском дворе, некоторые подробности узнаем из венгерских источников.

В самой Венгрии в это время происходили важные перемены. 21 сентября 1235 г. умер старый король Андрей II, и вскоре в городе Секешехерваре состоялась интронизация его сына Белы IV (стал королем еще при жизни отца, в 1214 г., будучи его соправителем)¹. В так называемом «Венгерском хроникальном своде XIV в.» («*Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*»), именуемом также «Иллюстрированной» или «Венской хроникой» («*Chronicon pictum Vindobonense*»), сообщается об участии Даниила в коронационных торжествах. Из описания церемонии явствует, что Даниил, названный «истинным русским князем», во время торжественной процессии вел коня Белы, а бывший галицкий «король» Кальман нес его меч: «Сын его (Андрея II. – *A. M.*) король Бела был коронован в первый праздник перед октябрьскими идами в кафедральном соборе блаженного Петра на Эльбе, который он сам освятил, [во время коронации] Коломан, брат [Андрея II], торжественно нес рядом [с королем] его меч, [а] Даниил, истинный русский князь, со всей почтительностью вел впереди [королевского] коня»². Это сообщение в последствии повторяет в своей «Венгерской хронике» («*Chronica Hungarorum*») Янош Туроци³.

Венгерские известия давно привлекли к себе внимание исследователей. Еще Н. М. Карамзин, воспринявший их с полным доверием, увидел в поступке Даниила стремление во что бы то ни стало получить военную помощь венгров: «Вероятно, что он тогда, надеясь с помощью Андреева преемника удержать за собою Галич, дал ему слово быть

¹ Подр см.: Szalay L. Geschichte Ungarns. Pest, 1869. Bd. II. Buch VII; Pauer J. Geschichte der ungarischen Nation unter den Arpaden. Budapest, 1900. Bd. II. Teil. III.

² «Rex Bela filius eius coronatus est pridie Idus Octobris feria prima in cathedrali ecclesia beati Petri Albe, quam ipse consecrare fecit, Colomano duce fratre eiusdem ense regalem ad latus ipsius honorifice tenente, Daniele vero duce Ruthenorum equum suum ante ipsum summa cum reverentia ducente». – SRH. Bp., 1937. V. I. P. 467.

³ Iogannes de Thurocz. Chronica Hungarorum. Bp., 1985. T. I.

данником Венгрии: ибо, участвуя в торжественных обрядах Белина ко-
ронования, вел его коня (что было тогда знаком подданства)»⁴. При-
мерно так же оценивали поступок беглого русского князя венгерские
историки⁵.

В дальнейшем, однако, возобладало критическое отношение к вен-
герским данным, прежде всего хроники Я. Туроци, которой и пользо-
вались тогда историки. Венгерский хронист, писавший свой труд во
второй половине XV в., был заподозрен в излишней тенденциозности и
«патриотической гордости». Первым такой взгляд высказал Д. И. Зу-
брицкий, писавший: «...мы сомневаемся и в утверждении Туроца, и в
предположении Карамзина... Дела Данииловы не находились тогда в
столь затруднительных обстоятельствах, чтобы он с уничтожением при-
бежал к сомнительной иностранной помощи»⁶. Не отрицая факт поезд-
ки Даниила в Венгрию, историк предложил связывать ее с другим со-
общением Ипатьевской летописи, совершенно противоположным по
тону известиям Туроци⁷. Это сообщение помещено под тем же 1235 г.,
но на самом деле относится к событиям более позднего времени и го-
ворит о совсем другой поездке Даниила, теперь уже вместе с братом
Васильком «во Оугры ко королеви, бе бо звалъ его на честь»⁸. Тем не
менее предположение Д. И. Зубрицкого нашло поддержку исследова-
телей⁹.

В итоге были полностью отвергнуты данные о том, что Романович
ездил в Венгрию просить помощи. Особо бурные эмоции вызывала
фраза источника о том, что Даниил вел королевского коня «*summa cum*
reverentia» («со всей почтительностью»): «Это, – писал Н. П. Даш-

⁴ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II-III. С. 505.

⁵ См.: Szalay L. Geschichte Ungarns. Bd. II. S. 33; Pauley J. Geschichte der ungarischen Nation... Bd. II. S. 189.

⁶ Зубрицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Львов, 1855. Ч. III. С. 124.

⁷ Там же.

⁸ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 776. – Летопись, несомненно, говорит о двух визитах Даниила в Венгрию, произошедших в разное время и при различных обстоятельствах, что подтверждается новейшими исследованиями (Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 257, 351; Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли» (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. XLIII. С. 27).

⁹ Szaranewicz I. Die Hypatios-Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichischen Geschichte. Lemberg, 1872. S. 123; Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 48, прим. 2.

кевич, – несогласно с свидетельством нашей летописи и с Данииловым характером. Даниил никогда бы не унизился до того, чтобы признать себя вассалом венг[ерского] короля»¹⁰. С еще большей ажитацией высказывался на этот счет Д. И. Зубрицкий: «Кто только внимательнее всмотрелся в благородный величавый характер нашего героя, тот убедился, что он скорее лишился бы последней пяди земли, как чтобы решился быть чьим-либо конюхом»¹¹. Свидетельство же Туроци, продолжает исследователь, «кажется нам быть хвастовством ревностного Мадьярского патриота»¹².

Однако в дальнейшем, по мере появления специальных источниковедческих работ, посвященных истории венгерских средневековых анналов, в том числе хроникального свода XIV в., взгляды исследователей вновь изменились. Было установлено, что создатель свода монах из Секешвехервара Марк Кальти, начавший свой труд в 1358 г., пользовался ранними аутентичными источниками XI – XIII вв.¹³ Это обстоятельство повысило степень доверия к «русским» известиям свода: «Нет никакой причины, – писал М. С. Грушевский, – отбрасывать эти известия»¹⁴. Тем самым был вновь подтвержден уже сделанный ранее вывод: «участие Даниила в коронационном параде... означало признание определенного превосходства (если не верховенства) венгерского короля»¹⁵. Целью поездки русского князя было уладить свои отношения с Венгрией, и он «отдался под протекторат короля, чтобы положить ко-

¹⁰ Да ш к е в и ч Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 48, прим. 2.

¹¹ З у б р и ц к и й Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. III. С. 125.

¹² Там же.

¹³ Опираясь на опыт исследователей конца XIX – начала XX вв. (Х. Марцали, Ф. Толди, Д. Шебенштена, Д. Паулера, Ш. Домановского), известный венгерский историк Б. Хоман воссоздает общую картину истории летописания в Венгрии, согласно которой труд Марка Кальти составлен на основе «Хроники венгров» («Chronica Hungarorum») первой половины XIV в., являвшейся продолжением свода, созданного при короле Андрее III (1291 – 1292 гг.), который в свою очередь основывался на «Деяниях венгров» («Gesta Hungarorum») Шпиюна Кезаи (1282 – 1285 гг.). – H o m a n B. A. Szent László-kori Gesta Ungarorum és XII-XIII. századi léaszarmazói. Bp., 1925. 69, 72, 93. o. – См. также: Ш у ш а р и н В. П. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках // Н о в о с е л ь ц е в А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 431-432; Н а з а р е н к о А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1998. С. 350.

¹⁴ Г р у ш е в с ь к и й М. С. История Украины – Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 53.

¹⁵ Там же.

нец вмешательству Венгрии в галицкие дела»¹⁶.

Данное объяснение ни в коей мере не противоречит «характеру» Даниила, чрезмерная героизация которого, идущая от придворного летописца, нередко подхватывается историками без должного критического анализа. Вспомним, что даже его отец, грозный Роман Мстиславич, нуждаясь в помощи, легко мог связать себя обязательствами «покорности», «вечным подданничеством» и «вечным данничеством»¹⁷. В годы своего малолетства и борьбы за Галич Романовичи и их мать постоянно обращались за помощью к венгерскому и польскому правителям, которые предоставляли ее, разумеется, не бескорыстно, – с 1206 г. венгерский король стал официально титуловать себя «королем Галичины и Володимирии»¹⁸. И теперь, потерпев новое сокрушительное поражение в борьбе за Галич, старший Романович, подобно своему отцу, вполне мог формально признать себя вассалом нового венгерского короля. «Старшим по отношению к Даниилу, – полагает М. С. Грушевский, – считал короля и галицкий летописец, что проскальзывает в его дальнейшем повествовании»¹⁹.

Нам представляется, что целью Даниила являлось именно получение венгерской помощи, без этого вести борьбу за Галич с черниговскими князьями было бы крайне трудно. Распространенное среди исследователей мнение, будто Романович всего лишь хотел добиться от короля невмешательства в галицкие дела²⁰, выглядит неосновательно. Согласно известиям В. Н. Татищева, после смерти королевича Андрея и новой победы русских войск над венграми король сам отрекся от Галича: «Даниил Романович имея о Галиче с королем венгерским войну тяжкую и победа венгров в горах, учинил с ним мир. Отрекся король по грамоте Мстиславлей Галича»²¹.

Обратиться за помощью к новому венгерскому королю Даниила располагали, надо думать, их давние личные отношения: они были

¹⁶ Там же.

¹⁷ Хроника магистра Винцентия Кадлубка // Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Текст, перевод, комментарий. М., 1990. С. 105, 110.

¹⁸ CDH. Budaë, 1829. Т. III. Р. 31-32.

¹⁹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 53, прим. 2.

²⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1988. Кн. II. С. 130; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Б. м., 1950. С. 217.

²¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. II-III. С. 228.

сверстниками и вместе провели детские годы²². Одновременно младший Романович отправился в Польшу и, как говорит летопись, «пойма Ляхы» для похода на Галич²³. Это лишний раз подтверждает, что главной целью братьев был поиск иностранной военной помощи, предоставление которой, разумеется, связывалось с определенными политическими условиями. Если Василько удалось справиться с такой задачей, то миссия Даниила прошла не столь успешно: венгерский король, как полагают исследователи, ничего не сделал для своего новоиспеченного вассала²⁴, опасаясь, по словам М. С. Грушевского, его слишком самостоятельного и непокорного нрава²⁵. Впрочем, возможно, какая-то незначительная помощь все-таки была предоставлена. Во всяком случае, сразу же по возвращении из Венгрии Даниил с братом немедленно приступили к осуществлению задуманного.

В конце 1235 г. Романовичи предприняли отчаянную попытку отбить Галич, бросив против непокорных галичан иноземных наемников²⁶. Но под руководством своего нового князя Михаила жители днепровской столицы успешно отразили эту атаку, так что войска Романовичей, «не дошедше Галича, воротистася домовь»²⁷. После этой победы инициатива перешла к галичанам. Весной следующего 1236 г. они совершили ответный поход на Вольнь: «Придоша Галичане на Каменец и вси Болоховьсции князи с ними. И повоеваша по Хомороу, и поидоша ко Каменцю, вземши полонъ великъ, поидоша»²⁸. Галичане, как видим, в летописном сообщении выступают на первый план: они осаждают Каменец и берут «полонъ великъ» в Волынской земле. Это подчеркивает межволостной характер конфликта. Именно жители Галича, городская община и ее военная организация стали главной опорой Михаила Всеволодовича в борьбе с Романовичами. Не вызывает сомнения, что галичане отдавали предпочтение черниговскому князю перед волынским.

²² Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 48; Котляр М. Ф. Данило Галицкий. Київ, 1979. С. 92.

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

²⁴ Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 48; Котляр М. Ф. Данило Галицкий. С. 92.

²⁵ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 53.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

* * *

Со временем орбита конфликта стала расширяться. На помощь Даниилу пришел его союзник Владимир Рюрикович, успевший к тому времени выкупиться из половецкого плена и вернуть себе киевский стол²⁹. «В то же время послалъ бѣше Володимиръ Данилови помощь – Торцькы и Данила Нажировича (воеводу. – *А. М.*). Данилови же бояре, выехавши ис Каменца, снемъшеся со отрокуы (съ торкы, по Хлебн. и Погод. сп. – *А. М.*), и постигоша е. И побежени быша невернии Галичане, и вси князи Болоховьсци изоимани быша, и приведоша е Володимеръ (въ Володимеръ, по Хлебн. и Погод. сп. – *А. М.*) ко князю Данилови»³⁰. И вновь летописец с полной определенностью указывает, что воевать Даниилу и его боярам приходилось с «неверными галичанами» и присоединившимися к ним князьями Болоховской земли.

Происхождение этих загадочных князей и болоховских жителей вообще, как и расположение самой Болоховской земли являлись предметом повышенного интереса и острых дискуссий историков³¹. При всех разногласиях в отношении этнической природы болоховского населения и его князей историки в большинстве сходились на том, что последние не могли принадлежать к Рюриковичам, равно как и быть их боярами, а, скорее всего, представляли собой выходцев из местной земской среды, предводителей городских общин Верхнего Побужья, возглавлявших их борьбу за политическую самостоятельность³². Поэтому политика болоховцев «в отношении татар и князей была, прежде всего, делом всех общин, а не одних только каких-то их руководителей

²⁹ О перипетиях борьбы за Киев в 1235 – 1236 гг. см. специальную работу: Dimnik M. The struggle for Control over Kiev in 1235 and 1236 // CSP. Toronto, 1979. Vol. XXI. P. 28-44.

³⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 774-775.

³¹ Подр. см.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 535-536.

³² Да ш к е в и ч Н. П. 1) Болоховская земля и ее значение в русской истории // Труды III Археологического съезда. Киев, 1878. Т. II. С. 99-102; 2) Новейшие домыслы о Болохове и болоховцах // КУИ. 1884. № 6. С. 184 и след.; Грушевський М. С. 1) Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст. Київ, 1991. С. 450-452; 2) Громадський рух на Україні – Руси в XIII в. // ЗНТШ. Львів, 1892. Т. I. С. 13 и след.; 3) Історія України – Руси. Т. III. С. 156-157. – Позднейшие исследователи видели в болоховских князьях представителей феодализирующейся местной племенной аристократии или бояр, присвоивших княжеский титул. – Пашуто В. Т. Очерки... С. 150-151; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX – XIII вв. Киев, 1985. С. 129.

или бояр»³³. Эти выводы подтверждаются и современными исследованиями³⁴.

Заслуживает серьезного внимания высказанное еще в прошлом веке предположение о смешанном этническом составе населения Болоховской земли. Многие исследователи усматривали в болоховцах и их князьях представителей тюркского этноса и этим объясняли их добровольное сотрудничество с татарами во время и после нашествия Батыея³⁵. Наиболее аргументированными представляются выводы М. С. Грушевского, согласно которым большинство жителей Болоховской земли издревле составляли восточные славяне, но со временем к ним примешался элемент черноклобуцкого населения, освоившего некоторые территории Киевской земли; об этом, в частности, свидетельствуют распространенные в топонимике Побужья названия, образованные от слов *торки* и *куманы*³⁶.

Все сказанное дает нам основание предположить наличие определенной взаимосвязи между выступлением болоховских князей и посылкой против них именно торков. Не случайным представляется нам и тот факт, что преследовать «неверных галичан» и болоховцев защитники Кременца решились только «снемьшеса съ торкы». Едва ли помощь торков могла иметь решающее значение в чисто военном отношении. Их воинство всегда использовалось русскими князьями как глубоко вспомогательная сила³⁷. Будучи главным образом пограничными стражами Киевской земли, торки вообще крайне редко действовали за ее пределами. Такое войско не могло разбить галичан и вернуть захваченный ими «полон». Важно другое: в результате преследования были взяты и доставлены во Владимир к Даниилу болоховские князья, причем, как утверждает летописец, «в с и князи Болоховьсдии изоимани быша (разрядка наша. – А. М.)».

Главных участников осады Кременца – «неверных галичан» – такая судьба не коснулась: они, судя по всему, благополучно вернулись до-

³³ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 158.

³⁴ Михайлова И. Б. Городские общины Погорынья в XI – середине XIII в. // ВСПбГУ. Сер. 2. 1994. Вып. 4. С. 10.

³⁵ Зубрицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. III. С. 138; Шараневич И. И. История Галицко-Володимирской Руси з найдавніших времен до року 1453. Львов, 1863. С. 83, 104; Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, 1885. Гл. V.

³⁶ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 155.

³⁷ Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 110-112; Голочко П. П. Кочевые народы и Киевская Русь. Киев, 1998. С. 90, 94-95.

мой. Следовательно, участие торков в боевых действиях на стороне Даниила с самого начала преследовало совершенно определенную цель – воздействовать на болоховцев и их князей, оторвать от галичан и, вероятно, вернуть в лагерь Романовичей. Решающую роль здесь играл, как нам видится, не фактор силы, а своего рода посредничество родственных племен, говоривших на одном языке и всегда уважительно относившихся к киевским князьям и их союзникам. Похоже, это до какой-то степени удалось: вскоре мы видим, как Романовичи заступаются за болоховских князей перед мазовецким князем Болеславом, хотевшим их «разграбить»³⁸. Отсюда М. С. Грушевский заключает, что «они (болоховские князья. – А. М.) должны были поддаться под главенство Романовичей, стали их подручниками»³⁹.

Тем временем к войне с Романовичами усиленно готовился новый галицкий князь Михаил Всеволодович. Вместе с бежавшим в Галич из Киева Изяславом Мстиславичем⁴⁰ он сколотил широкую коалицию и «возвел» на Даниила «Ляхь, Роусь и Половецъ множество»⁴¹. На сторону Михаила встал даже недавний союзник Романовичей Конрад Мазовецкий⁴². Михаил и Изяслав предъявили Даниилу ультиматум: «Дан нашоу братью, или придемь на тя воинною!»⁴³. Слова «нашоу братью» относятся к уведённым во Владимир болоховским князьям⁴⁴, может быть, впрочем, во время войны в плен попала и какая-то часть галичан. Не дождавшись ответа, союзники начали вторжение на Волынь, нанося удары с нескольких сторон. Конрад с войсками встал, «кде ныне город Холмь стоит», и отправил оттуда отряд «ко Червьноу воевати»⁴⁵. Михаил тем временем стоял на Подгорье (галицкое Прикарпатье), «хотя-

³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 792.

³⁹ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 156.

⁴⁰ Грушевський М. С. Нарис... С. 286.

⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 775.

⁴² Подробнее о перемене политики Конрада см.: Włodarski B. 1) Rola Konrada Mazowieckiego w stosunkach polsko-ruskich. Lwów, 1936. S. 47-53; 2) Polska i Rus'. 1194-1340. Warszawa, 1966. S. 108-111.

⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 775.

⁴⁴ На этом основании их даже считали родственниками черниговских Ольговичей. – Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. II-III. С. 634; Соловьев С. М. История России... Т. 3. С. 321, прим. 261; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 156-165; Горский А. А. Русские земли XIII – XIV вв. Пути политического развития. М., 1996. С. 10.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 775.

щю снятися с Кондратомъ и ожидающю Половци со Изяславомъ»⁴⁶.

Но пересечь границу Волыни и начать вторжение с юга галицкому князю так и не удалось. Виной тому были половцы, обманувшие Михаила и Изяслава. Вступив в пределы Галицкой земли, они «не восхотеша ити на Данила», а повернули оружие против галичан, и пока те готовились к походу на Волынь, степняки, «вземшю всю землю Галичккою, возвратишася»⁴⁷. Как полагают исследователи, половцы, скорее всего, были перекуплены волынскими князьями⁴⁸. Узнав об этом, Михаил ни с чем «возвратися в Галичъ». Провалом закончилось и наступление польских войск на западе. Отряд, посланный Конрадом к Червену, был разбит «Василковичами» (очевидно, воинами Василька Романовича⁴⁹), при этом последние «поимаша Лядские бояре, приведоша е пере (перед, по Хлебн. и Погод. сп. – А. М.) Данила во Городокъ»⁵⁰. Когда же полки Михаила Всеволодовича после измены половцев вернулись в Галич, войска Конрада обратились в паническое бегство: «А Кондрать побеже до Ляховъ чересь ночь (т. е. ночью. – А. М.) и топился (переправлено на *потопился*. – А. М.) бяшетъ от вои его во Вепрю множество»⁵¹. Эти события следует датировать осенью 1236 г., до наступления ледостава⁵².

В следующем 1237 г. военные действия развернулись с новой силой. Теперь в наступление перешли волынские князья – Даниил и Василько: «Летоу же наставшоу, собравъшася, идоста на Галич на Михаила и Ростислава (его сына. – А. М.), затворила бо ся беаста во граде, и Оугоръ множество бяшетъ оу него (Михаила. – А. М.)»⁵³. «Множество угров» – это, очевидно, военная помощь, предоставленная Михаилу и его сыну Ростиславу венгерским королем Белой IV. Такую помощь совсем недавно искал Даниил, ездивший ради этого в Венгрию и изья-

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 54; Котляр Н. Ф. Галицко-Волынська летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // ДГ. 1995 г. М., 1997. С. 105.

⁴⁹ Взрослых сыновей, способных командовать войсками у Василька, родившегося в 1203 г., по-видимому, еще не было. Возможно, вместо «Василковичем же сретившимъ е» в летописи следует читать «Василком же сретившимъ е» (Włodarski В. Polska i Ruś. S. 111).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 775.

⁵¹ Там же.

⁵² Грушевський М. С. Хронологія подій Галицко-Волинської літописи // ЗНТШ. Львів, 1901. Т. XLI. С. 26.

⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 776.

вивший готовность стать вассалом нового короля. Черниговские князья оказались гораздо удачливее: титул «галицкого князя» («*dux Galiciae*») король в итоге признал за Ростиславом Михайловичем и обещал даже выдать за него свою дочь⁵⁴.

Выбор короля можно объяснить традиционной политикой венгров в отношении Галича, сложившейся еще в XII в. В 1152 г. венгерские вельможи и архиепископ, по свидетельству В. Н. Татищева, говорят своему королю: «Лучше нам, что русских князей больше, а не один, и они, в несогласии друг друга воюя, нам не вредят, и нам их бояться не будет причины...»⁵⁵. По верному наблюдению Н. П. Дашкевича, венгры и теперь, почти столетие спустя, по-прежнему «не желали образования сильного государства в их соседстве»⁵⁶. Видимо, новый венгерский король Бела IV, в отличие от своего покойного отца мало интересовавшийся галицким столом, попросту решил вернуться к старой испытанной тактике. Важную роль, разумеется, сыграл и существовавший с конца 1220-х годов союз Михаила Черниговского с венграми: сидевший в Галиче королевич Андрей, как говорит летопись, «миръ имеяше со Володимеромъ (киевским князем Владимиром Рюриковичем. – А. М.) и Михаиломъ»⁵⁷.

Как своим будущим родственникам Бела предоставил Михаилу и Ростиславу упомянутую военную помощь, и вместе с венгерскими войсками последние успешно отразили наступление Романовичей, заставив их отойти от Галича. Не поддержали в этот раз Даниила и галицкие «пригороды», в частности Звенигород, жители которого, как мы знаем, несколько лет назад помогли волынскому князю взять Галич⁵⁸. Теперь за свою неудачу Романовичи решили отыгаться именно на звенигородцах, и, уходя из-под Галича, они «воеваста около Звенигорода, города же хотяща, и не взяста, бе бо святаа Богородица в ньмь, чудная икона»⁵⁹. Заступничество чудотворной иконы помогло, по мнению летописца, звенигородцам отстоять город, но не спасло от разорения его округу. Через некоторое время стороны заключили перемирие: «Тое же осени оумиристася»⁶⁰.

Дальнейший рассказ летописи до крайности сбивчив и противоре-

⁵⁴ См.: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 53.

⁵⁵ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19-39. С. 39.

⁵⁶ Дашкевич Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 49, прим. 1.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 753.

⁵⁸ См. с. 546-553 настоящей работы.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 776.

⁶⁰ Там же.

чив, «перебивается несколькими лаконичными вставками, которые вредят последовательности и цельности рассказа»⁶¹. Сообщив о походе Романовичей на Галич летом 1237 г., летописец вскоре вновь обращается к этому событию и говорит о нем как о новом походе: «Данилови же в томъ же лете пошедьшоу на Михаила на Галичь»⁶². Хотя в этом новом сообщении старший Романович фигурирует как единственный участник похода, и тем самым возникает ощущение какого-то нового мероприятия, исследователи Галицко-Волынской летописи справедливо полагают, что на самом деле оба раза речь идет об одном и том же походе, поскольку в противном случае нарушается вся последовательность событий 1237–1238 гг., восстанавливаемая по нескольким источникам⁶³.

В новом сообщении совершенно по-новому выглядят итоги похода. Оказывается, что перемирие Михаил и Ростислав выпросили у своего грозного противника, пойдя ради этого на значительные территориальные уступки: «Овем же мира просящим, даша емоу (Даниилу. – А. М.) Перемышль»⁶⁴. Летописец ни слова не говорит о причинах, заставивших галицких князей пойти на подобные условия, которые могли возникнуть только вследствие крупного поражения. Объяснить случившееся, на наш взгляд, можно лишь с учетом той роли, которую играли тогда венгерские правители в отношении галицкого стола, а также внимательно присмотревшись к активной внешнеполитической деятельности, развернутой Романовичами в конце 1236 – 1237 гг.

* * *

Не получив поддержки нового венгерского короля Белы IV, Даниил еще в 1235 г., сразу после участия в коронационных торжествах в Секешвехерваре завязал какие-то отношения с врагом Белы австрийским герцогом Фридрихом II Бабенбергом (Фридрихом Воинственным), враждовавшим тогда с Германией⁶⁵. Сохранилось письмо германского императора Фридриха II чешскому королю Венцеславу I, датированное июлем 1235 г., в котором изложены многочисленные провинности герцога перед императором, в том числе и такая: «он (гер-

⁶¹ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 106.

⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 776.

⁶³ Грушевський М. С. Хронологія подій... С. 26; ЛР. Київ, 1989. С. 392, прим. 9; Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 106.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 776.

⁶⁵ Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 53; Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 257.

цог. – А. М.) приказал... отнять дары, отправленные нам с послами князем Руси (ducem Rossiae)»⁶⁶.

М. С. Грушевский видел в упомянутом здесь «русском князе» Даниила Романовича⁶⁷. Но такое решение не согласуется с союзническим характером отношений волынского князя и австрийского герцога. Иное объяснение предлагает В. Т. Пашуто: «Соединение в одних руках Чернигова, Киева и Галича едва ли соответствовали видам Венгрии, и князь Даниил тогда завязал с ней, а также с Австрией переговоры с целью добиться невмешательства короля в волынско-черниговский конфликт. Может быть, еще в 1235 г. Даниил начал переговоры с австрийским Фридрихом II, если допустить, что именно черниговских послов с подарками к императору перехватил в Вене герцог Бабенберг»⁶⁸. Точку зрения В. Т. Пашуто принимает А. В. Назаренко⁶⁹.

В скором времени Даниил и Василько собрались в поход в помощь своему новому союзнику. Летопись говорит об этом так: «В то время пошель бяше Фридрихъ цесарь (германский император Фридрих II Гогенштауфен. – А. М.) на герцика (австрийского герцога Фридриха II Бабенберга. – А. М.) воиноу, и восхотеста ити Даниль со братомъ Василкомъ герцикови во помощь, королеви же (венгерский король Бела IV. – А. М.) возбранившоу, има возвратистася во землю свою»⁷⁰. Выступление Романовичей могло произойти в конце 1237 г.⁷¹, к этому времени германский император завоевал Штирию и большую часть Австрии и в январе 1237 г. был уже в Вене⁷². Дружественные отношения Даниила Романовича с австрийским герцогом выразились со временем в династическом браке: племянница герцога Фридриха Гертруда была выдана за сына Даниила Романа, что дало последнему право претендовать на австрийский престол⁷³. Пока же венгерский король, союз-

⁶⁶ MGH. LL. Hannover, 1896. Т. II. P. 272.

⁶⁷ Грушевський М. С. Історія України – Русі. Т. III. С. 53-54, прим. 3.

⁶⁸ Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 257.

⁶⁹ Назаренко А. В. Западноевропейские источники. С. 396-397.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 776-777.

⁷¹ М. С. Грушевский датировал поход Романовичей в Австрию весной 1237 г. – Грушевський М. С. Хронологія подій... С. 27.

⁷² Huber A. Geschichte Oesterreichs. Gotha, 1885. Bd. I. S. 414-415; Włodarski B. Polska i Ruś. S. 136-137; Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 258.

⁷³ Пашуто В. Т. Древняя Русь и Австрия // Ost-West-Begegnung in Österreich: Festschrift für E. Winter zum 80. Geburtstag. Wien; Köln; Graz, 1976. S. 237-238. – См. также: Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX – середина XIII вв.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Славяно-германские исследования. Т. I-II / Отв. ред. А. А. Гугнин, А. В. Циммерлинг.

ник германского императора, как говорит летопись, «возбранил» Романовичам вести войска в Австрию, заставив их вернуться «в землю свою».

Но усилия Романовичей не пропали даром. Цель их акции, насколько можно судить, сводилась к оказанию давления на венгерского короля демонстрацией военного союза с австрийским герцогом. И эта цель была достигнута: король оказался вынужден пойти на определенные уступки волынским князьям, скорректировав свою позицию в отношении Галича. Летом 1237 г. сразу после неудачной попытки захватить Галич Даниил и Василько отправились в Венгрию по приглашению короля, звавшего их, по словам летописи, «на честь»⁷⁴. О переговорах Романовичей с королем Белой ничего не известно, но результаты этих переговоров, как нам представляется, достаточно очевидны. Таковыми стали, во-первых, мирный договор Даниила с поддерживаемым венграми галицким князем Михаилом, по которому Романович получил Перемышль, и, во-вторых, отказ венгерского короля от дальнейшего вмешательства в галицкие дела, которому он следовал вплоть до окончания татаро-монгольского нашествия на Европу⁷⁵. Отказался король и от обещания выдать свою дочь за сына Михаила Всеволодовича Ростислава: «Король же не вдасть девкы своеи Ростиславоу и погна и прочь»⁷⁶.

Добившись своего от венгерского короля, Романовичи решили нанести удар по другому союзнику Михаила Всеволодовича Конраду Мазовецкому с тем, чтобы и его принудить к отказу от участия в галицких делах. Ранней весной 1238 г.⁷⁷ Даниил и Василько «в силе тяжьце» начали поход на союзных Конраду тевтонских рыцарей-крестоносцев. В летописи читаем: «Данилови рекъшоу: “Не лепо есть держати наше отчины крижевникомъ Тепличемъ, рекомымъ Соломоничемъ”. И поидоста на не в силе тяжьце, прияста град месяца марта, старешиноу ихъ Броуна яша, и во (вои, по Хлебн. и Погод. сп. – А. М.) изоимаша, и возвратися Володимерь (в володимерь, по Хлебн. и Погод. сп. – А. М.)»⁷⁸.

Н. П. Дашкевич первым установил, что летописец имел в виду рас-

М., 2000. С. 28, 59.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 776.

⁷⁵ Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 258. – См. также: Грушевський М. С. Історія України – Руси. Т. III. С. 54.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 783.

⁷⁷ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 106.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 776.

положенный на пограничье Волыни и Польши русский город Дорогичин, захваченный в числе прочих городов волынской «Украины» малопольским князем Лешком Белым в период малолетства Романовичей⁷⁹. В марте 1237 г. мазовецкий князь Конрад передал Дорогичин добжиньским рыцарям, о чем свидетельствует сохранившаяся жалованная грамота⁸⁰. Созданный в 1228 г. на территории Мазовии прибывшими из Риги рыцарями-меченосцами Добжиньский орден и его магистр пользовались всемерной поддержкой князя Конрада, рассчитывавшего с их помощью защититься от прусов и литвы⁸¹. В 1235 г. часть добжиньских рыцарей вошла в состав Тевтонского ордена, однако другая часть во главе с магистром Бруно пожелала сохранить самостоятельность. Этим последним 8 марта 1237 г. и был пожалован князем Конрадом русский город Дорогичин⁸².

Не исключено, что планы мазовецкого князя шли еще дальше, и с помощью добжиньских рыцарей он хотел укрепиться в западнорусских землях⁸³. Успешные действия Романовичей разрушили подобные замыслы: Дорогичин был отнят у рыцарей, и многие из них во главе с магистром Бруно оказались в плену. Взятие Дорогичина имело важное значение: «Будучи пограничной крепостью на польско-русском рубеже, – пишет Н. И. Щавелева, – город играл важную роль в контактах Руси с Мазовией и Литвой, был пунктом сбора союзных войск перед антипрускими походами. Кроме того, освобождение Дорогичина от немецких рыцарей означало избавление обширных территорий Западной Руси, Малой Польши, Мазовии и Ятвгии от беспардонного вмешательства немецких “божьих дворян”»⁸⁴.

Развивая успех, Даниил тогда же, весной 1238 г., «возведе на Кондрата Литвою Миньдовга, Изяслава Новгородского»⁸⁵, т. е. организовал ширококомасштабное наступление на Мазовию, в котором наряду с русскими полками участвовали литовские войска. Не известно, чем

⁷⁹ Д а ш к е в и ч Н. П. Княжение Даниила Галицкого... С. 14, прим. 4.

⁸⁰ КДКМ. 1863. Т. 1. № 366.

⁸¹ Подр. см.: Kętrzyński W. O powołaniu kryżaków przez ks. Konradasa // RPAU. Ser. II. 1903. Т. XX. S. 45; Polkowska-Morkowska W. Dzieje Zakonu Dobrzyńskiego // RH. Poznań, 1926. Roczn. II. Zesz. 2.

⁸² L o w m i a ń s k i Н. Początki i rola zakonów rycerskich nad Bałtykiem w wieku XIII i XIV // Polska w okresie rozdrobnienia feudalnego. Warszawa, 1974. S. 238.

⁸³ К о т л я р М. Ф. Волинська земля: З історії складання державної території Київської Русі // Історія та історіографія України. Київ, 1985. С. 28.

⁸⁴ Щавелева Н. И. Прусский вопрос в политике Даниила Галицкого // ДГ. 1991 г. М., 1994. С. 253-254.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 776.

именно закончился этот поход, но после него мазовецкий князь должен был прекратить вмешательство в русские дела и восстановить союзнические отношения с Романовичами⁸⁶.

Среди участников похода на Конрада значится Изяслав Новгородский. По мнению Н. Ф. Котляра, это – «заклятый враг» Даниила, новгород-северский князь Изяслав Владимирович, который «был вынужден отступить от своего сюзерена Михаила и двинуться под хоругвью Даниила в поход против недавнего союзника»⁸⁷. Не беремся судить, о каком Изяславе в данном случае идет речь⁸⁸. Если это тот самый князь, с которым Романовичи воевали уже несколько лет, то получается, что своими внешнеполитическими успехами последним в короткий срок удалось отвратить от галицкого князя всех его союзников в борьбе с Вольнью – сперва половцев, затем венгров и поляков и, наконец, Изяслава. Более того, Романовичи не просто нейтрализовали недавних противников, но, так или иначе, смогли привлечь большинство из них на свою сторону, а также приобрести нового союзника в лице Миндовга.

* * *

Не сидел, сложа руки, и галицкий князь Михаил Всеволодович. Он, как мы уже видели, пытался завязать отношения с германским императором, а также искал союзников в пределах Руси. Нам представляется, что в связи с этими шагами Михаила находится неожиданное вмешательство в южнорусские дела новгородского князя Ярослава Всеволодовича. Вопрос этот крайне запутан ввиду наличия разноречивых показаний источников и разногласия среди исследователей⁸⁹. Более предпочтительным выглядит решение М. С. Грушевского следовать показаниям Галицко-Волынской летописи как первоисточника для составителей позднейших сводов, старавшихся по-своему переосмыслить стремительный бег южнорусских событий⁹⁰. Галицкий летописец сообщает: «И потомъ приде Ярославъ Соуждальскый и взя Киевъ подъ Воло-

⁸⁶ Пашуто В. Т. 1) Очерки... С. 217; 2) Внешняя политика... С. 258.

⁸⁷ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 107.

⁸⁸ Л. Е. Махновец полагает, что к войскам Даниила и Миндовга присоединился княживший в Новгородке-Литовском Изяслав Микулич (ЛР. С. 392), и такая гипотеза не лишена некоторого основания.

⁸⁹ Наиболее полный и тщательный анализ летописных известий о времени и обстоятельствах вокняжения в Киеве Ярослава Всеволодовича см.: Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли»... С. 25 и след.

⁹⁰ Грушевський М. С. Нарис... С. 286-287, прим. 6.

димеромъ»⁹¹.

Это известие помещено в статье 6743 (1235) г.⁹², но в контексте событий, относящихся к 1238 г. Этим годом датируют взятие Ярославом Киева и новейшие издатели Галицко-Волынской летописи⁹³. Однако, на самом деле, упомянутое событие должно было произойти раньше. В Новгородской Первой летописи младшего извода находим несколько отличную от южнорусской версию похода Ярослава (правившего тогда в Новгороде⁹⁴) на Киев: «В лето 6744. Поиде князь Ярославъ из Новаграда къ Киеву на столъ, понявши съ (поимя со, – по Академическому и Толстовскому сп. – А. М.) собою новгородцовъ болших муж: Судимира въ Славне, Якима Влунковица, Костя Вячеслалича, а новоторжець 100 муж; а в Новеграде посади сына своего Александра; и, пришедши, седе в Киеве на столе; и державъ новгородцовъ и новоторжанъ одну неделю и, одаривъ, отпусти прочъ; и приидоша вси здрави»⁹⁵.

Достоверность датировки Новгородской Первой летописи (1236 г.) подтверждается другим сообщением, помещенным под тем же годом сразу после известия о походе на Киев: «Того же лета пришедше безбожныи Татарове, плениша всю землю Болгарьскую и град их Великыи взяша, исекоша вся и жены и дети»⁹⁶. Речь здесь идет, несомненно, о походе войск Батыея на Волжскую Болгарию, начавшемся осенью 1236 г.⁹⁷ Значит, поход и взятие Киева Ярославом Всеволодовичем следует отнести к весне – лету 1236 г.⁹⁸

⁹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

⁹² Таковую же датировку дает и связанная с Ипатьевской Воскресенская летопись. – ПСРЛ. М., 2001. Т. VII. С. 138.

⁹³ ЛР. С. 392.

⁹⁴ Ярослав Всеволодович княжил в Новгороде (со значительными перерывами) с 1215 по 1236 г. – Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII вв. М., 1977. С. 170-171.

⁹⁵ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 285.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 155-156.

⁹⁸ Историки по-разному датировали это событие: В. Т. Пашуто – 1235 г. (Пашуто В. Т. Очерки... С. 220), Л. Е. Махновец – 1238 г. (ЛР. С. 392), М. С. Грушевский – 1236 г. (Грушевський М. С. 1) Нарис... С. 286; 2) Історія України – Руси. Т. II. С. 249), последняя датировка подтверждается исследованиями Н. Г. Бережкова (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 91, 104, 109, 262-266, 270), ее принимают и новейшие авторы (Рапов О. М. Княжеские владения... С. 171; Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли»... С. 27; Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 107-108); Н. Ф. Котляр почему-то преподносит ее как свое собственное открытие, упрекая к

Историки давно заметили, что за вмешательством Ярослава в дела южнорусских князей кроется какой-то тайный сговор, и что переяславско-новгородский князь тем самым выступал на стороне одного из участников конфликта на Юге. Н. М. Карамзин полагал, что княживший в Киеве Владимир Рюрикович должен был уступить свой стол Ярославу «в следствие переговоров Данииловых с Великим Князем Георгием (Юрием Всеволодовичем. – А. М.)»⁹⁹. Историк, таким образом, дает понять, что Ярослав действовал на стороне Даниила. Более определенно эту мысль проводит Н. А. Полевой: Даниил «решился искать союза с Георгием Всеволодовичем и Ярославом новгородским, Василько, брат его, был женат на дочери Георгия... Даниил, Георгий и Ярослав объявили Владимиру, что он должен оставить Киев»¹⁰⁰. По мнению С. М. Соловьева, «в дела юга» Ярослав вмешался «не для того только, чтобы дать перевес Мономаховичам над Ольговичами», но и в собственных видах¹⁰¹. Союз Романовичей с Ярославом и Юрием Всеволодовичами, направленный против Михаила Черниговского, допускал и В. Т. Пашуто¹⁰².

Дальнейшее развитие это предположение получило у А. А. Горского: Ярослав занял киевский стол в результате договоренности с Даниилом Романовичем и Владимиром Рюриковичем, последний не мог в одиночку удержать Киев, поэтому не исключено, что «в 1236 г. было установлено нечто вроде дуумвирата конца XII столетия – Ярослав владел Киевом, а Владимир – Киевской землей»¹⁰³.

Для обоснования своей догадки историк утверждает, будто Ипатьевская летопись «упоминает о пребывании Владимира (после возвращения из плена) у торков»¹⁰⁴, однако это не соответствует действительности. На самом деле, ни о каком пребывании и тем более княжении Владимира у торков в источнике нет ни слова. Летопись говорит только, что Владимир (вернув себе киевский стол) отправил в помощь

тому же М. С. Грушевского и В. Т. Пашуто в некоем «буквальном понимании» известия о занятии Ярославом киевского стола, а, между тем, ни у М. С. Грушевского, ни у В. Т. Пашуто на страницах, отмеченных Н. Ф. Котляром, нет даже упоминания об этом.

⁹⁹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II-III. С. 506.

¹⁰⁰ Полевой Н. А. История русского народа. М., 1997. Т. II. Кн. 3. С. 184.

¹⁰¹ Соловьев С. М. История России... Т. 3. С. 131.

¹⁰² Пашуто В. Т. Очерки... С. 61.

¹⁰³ Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли»... С. 30, прим. 94.

¹⁰⁴ Там же.

Романовичам, воевавшим с Михаилом Всеволодовичем и болоховскими князьями, отряд торков во главе с воеводой Даниилом Нажировичем¹⁰⁵. Использовать воинство торков для целей своей политики было привилегией киевских князей. По словам В. Т. Пашуто, их «привлекали к внутренней междоусобной борьбе те из князей, которым довелось держать Киев. С разрешения магистрата их водили на Полоцк, на суздальцев, использовали и против половцев... Этот порядок дожил до монгольского нашествия: в 30-е годы XIII в. князь Даниил Романович держал Торческ, помогая Киеву против Чернигова, а киевский Владимир посылал торков ему на помощь»¹⁰⁶.

Не выдерживает критики и другой довод А. А. Горского в пользу союза суздальского и волынского князей: «В 1239 г., когда Ярослав вновь вмешался в южнорусские дела, у него были союзнические отношения с Даниилом»¹⁰⁷. Историк указывает на летописное сообщение, из которого совершенно неясно, о каком именно князе идет речь: «Яко бежалъ есть Михаилъ ис Кыева в Оугры, ехавъ, я княгиню его, и бояръ его поима, и город Каменецъ взя. Слышавъ же се, Даниль посла слы, река: “Поусти сестроу ко мне, зане яко Михаилъ обеима нама зло мыслить”. И Ярославъ оуслыша словеса Данилова, и бысть тако. И приде к нима сестра, к Данилоу и Василкоу, и держаста ю во велице чести»¹⁰⁸. Можно с полным основанием полагать, что в данном случае имеется в виду кто-то из южнорусских князей, носивших имя Ярослав, вероятнее всего – Ярослав Ингваревич¹⁰⁹.

Отмечаемый историками союз Даниила с владимиристо-суздальскими князьями на деле оказался направленным отнюдь не против Михаила или других Ольговичей; как раз наоборот, более других в убытке оказались сам Даниил и его верный союзник Владимир Рюрикович. Последний лишился Киева и более не мог помогать Романовичам. Кроме того, отправляясь обратно на север, Ярослав уступил Киев не «союзнику» Даниилу, как того следовало бы ожидать, а злейшему врагу Романовичей Михаилу. Правда, в позднейшей Густынской летописи говорится, что Ярослава «изгна» из Киева Владимир Рюрикович, и только затем на киевском столе обосновался Михаил Всеволодович¹¹⁰. Однако

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 775.

¹⁰⁶ Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 112.

¹⁰⁷ Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли»... С. 30, прим. 94.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 782-783.

¹⁰⁹ Грушевський М. С. Хронологія подій... С. 28; ЛР. С. 395.

¹¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II. С. 338.

такое известие вызывает серьезные сомнения: оно связано с помещенным в начале Ипатьевской летописи перечнем киевских князей, где Владимир фигурирует после Ярослава¹¹¹, сам же этот перечень содержит немало ошибок и пропусков¹¹².

Приобретение Михаилом киевского стола сразу же отразилось на состоянии дел в Галицкой земле: волынские князья лишились с трудом добытого Перемышля. Летописец не случайно связывает указанные события общей последовательностью: Ярослав «иде паки Соуждалю, и взя под нимь Михайль (Киев. – А. М.), а Ростислава, сына своего, остави в Галичи. И отяша от Данила Перемышль»¹¹³.

Попытка Н. Ф. Котляра отнести потерю Даниилом Перемышля к 1235 г.¹¹⁴ представляется малоубедительной. Исследователю кажется невероятным, «чтобы в 1238 г., зажатые со всех сторон владениями Романовичей и недавно ими разгромленные, Михаил с Ростиславом могли осмелиться (и были достаточно для этого сильны) отнять у Даниила Перемышль»¹¹⁵. Подобные доводы грешат против истины. Говорить о значительном (по сравнению с 1235 г.) территориальном росте владений Романовичей, «зажавших» будто бы Галичину, можно лишь в том случае, если признать уступку им Перемышля. Договор об этом, согласно принимаемой в современной науке хронологии, относится к осени 1237 г.¹¹⁶ Очевидно, этот договор и имеет в виду Н. Ф. Котляр, поскольку не указывает никакого другого события, повлекшего бы приобретение Даниилом Перемышля. В построениях историка, таким образом, присутствует явное противоречие: прежде чем утратить город, его следовало приобрести, и первое не могло произойти ранее второго.

Более основателен в своих выводах М. С. Грушевский, который, также как Н. Ф. Котляр и другие исследователи, обращал пристальное внимание на сообщение о потере Даниилом Перемышля и его связи с предшествующим повествованием. Фразу: «И потомъ приде Ярославъ Соуждальскый и взя Киевъ подъ Володимеромъ» ученый считает вставкой, помещенной в контекст известий 1238 г., причем начальное выражение «И потомъ...» относится не к последующему факту взятия

¹¹¹ Там же. Т. II. Стб. 2.

¹¹² Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли»... С. 29.

¹¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

¹¹⁴ Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись... С. 108.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Грушевський М. С. Хронологія подій... С. 26; ЛР. С. 392.

Киева Ярославом, а «к тому, к чему он (летописец. – А. М.), собственно, ведет свой рассказ: к отобранию Перемышля от Даниила, что привело к новому походу на Галич; его (летописца. – А. М.) рассказ о Киеве служит только вступлением, а “и по томъ” – не к месту вставленным переходом: Ярослав забрал Киев у Владимира..., но вскоре лишился его (весна 1238 г.), и Киев забрал Михаил (весна того же 1238 г.?), а в Галиче оставил Ростислава, – и только после этого, собственно, – рассказ, к которому относится то “по томъ”: “и отъяша отъ Данила Перемышль”. Это могло иметь место, судя по предыдущим датам, летом или во второй половине 1238 г.»¹¹⁷.

С выкладками М. С. Грушевского следует согласиться¹¹⁸. Захват Ростиславом Перемышля мог произойти, очевидно, только после нового изменения общего соотношения сил на Юге Руси в пользу черниговских князей. А это, в свою очередь, стало результатом приобретения Михаилом Всеволодовичем киевского стола. Уступка Киева Ярославом Михаилу должна была произойти, скорее всего, весной 1238 г., после того, как Ярослав, узнав о гибели старшего брата в битве с татарами на реке Сити, срочно выехал в Суздаль, чтобы занять его место¹¹⁹.

Сам собой напрашивается вывод – союзниками владимиро-суздальского князя на Юге были не Даниил и не Василько, а наоборот, их главный противник в борьбе за Галич Михаил Всеволодович. Трудно объяснить лишь случайным стечением обстоятельств, досадным недоразумением и т. п. тот факт, что, действуя в интересах Романовичей, Ярослав Всеволодович в конечном итоге все сделал для усиления их врагов и устранения союзников. И вообще говорить о каком-то тайном соглашении Даниила с северорусскими князьями нет достаточных оснований, что уже не раз отмечалось исследователями¹²⁰.

Не является доводом в пользу такого союза родство Ярослава и Даниила, принадлежавших к одной княжеской ветви потомков Мономаха, издавна боровшихся с черниговскими Ольговичами¹²¹. Новейшие

¹¹⁷ Грушевський М. С. Хронологія подій... С. 27-28.

¹¹⁸ Предложенную М. С. Грушевским хронологию событий 1235-1238 гг., в том числе и дату захвата Ростиславом Перемышля – 1238 г. – принимают новейшие исследователи (см.: Горский А. А. Русские земли XIII – XIV вв. С. 25).

¹¹⁹ В источниках существуют две версии прихода Ярослава во Владимир – из Киева и из Новгорода. О соотношении между ними см.: Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли»... С. 30-32.

¹²⁰ См.: Соловьев С. М. История России... Т. 3. С. 322, прим. 269; Грушевський М. С. Нарис... С. 286-287, прим. 6.

¹²¹ Этот довод выдвигался еще С. М. Соловьевым (Соловьев С. М. История России... Т. 3. С. 131).

исследования показывают, что в первой трети XIII в. борьба за три «общерусских» стола – Киев, Новгород и Галич – «могла вестись не только между князьями, принадлежавшими к разным ветвям, но и сопровождаться союзами представителей разных ветвей»¹²². К тому же, в более близком родстве, чем с владимиристо-суздальскими князьями, Романовичи пребывали с Михаилом Черниговским, женатым на их родной сестре¹²³, что нисколько не удержало князей от взаимных претензий и вражды.

В нашем распоряжении имеется немало прямых и косвенных свидетельств того, что переяславско-новгородский князь вмешался в спор Даниила и Михаила на стороне последнего, заведомо будучи его союзником.

Издавна галицкие князья пользовались поддержкой князей Владимиро-Суздальской земли, помогавших им бороться с притязаниями Волыни и Киева с тем, чтобы не допустить соединения Южной и Юго-Западной Руси под властью одного князя, близких родственников или союзников. Кроме того, Михаила и Ярослава связывали длительные личные отношения. Враждовав некоторое время из-за Новгорода, они в 1230 г. помирились при посредничестве киевского митрополита и черниговского епископа: «Послуша оубо Ярославъ брата своего старейшаго Гюргя и отца своего митрополита (Кирилла. – *А. М.*) и епископа Порфурья, и взя миръ с Михаиломъ, и бысть радость велика...»¹²⁴. Сближению Михаила и Ярослава, как видим, способствовал старший брат последнего великий князь Юрий Всеволодович, женатый на сестре Михаила¹²⁵.

В 1231 г. на княжеском съезде в Киеве отношения черниговского и владимиристо-суздальского князей оформились в военный союз, опираясь на который Михаил Черниговский начал свою борьбу за Галич¹²⁶. По сообщению Никоновской летописи, в 1235 г., когда Михаил и его союзник Изяслав в борьбе с Даниилом Романовичем и Владимиром Рюриковичем захватили Киев, Ярослав Всеволодович принимал в этом непосредственное участие, выступив на стороне черниговского кня-

¹²² Горский А. А. Русские земли XIII – XIV вв. С. 23. – См. также: Шабанга А. В. Опыт исследования Галицко-Волынской летописи методом контент-анализа: Автореф. канд. дис. М., 1991. С. 16-17.

¹²³ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 782-783.

¹²⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 456.

¹²⁵ Об этом браке летопись сообщает под 1211 г. – Там же. Стб. 435.

¹²⁶ См.: Грушевський М. С. Нарис... С. 281-282; Пашуто В. Т. Очерки... С. 58.

зя¹²⁷. И хотя данное сообщение может быть истолковано «как попытка согласовать известия двух разных источников»¹²⁸, некоторые исследователи на основании его заключают, что Ярослав Всеволодович был союзником Михаила, а не Романовичей¹²⁹.

Захват Киева Ярославом в 1236 г. отвечал интересам Михаила, так как разрушал враждебную ему киевско-волынскую коалицию. Вынужденный через два года покинуть южнорусскую столицу, Ярослав, несомненно, способствовал переходу киевского стола именно к Михаилу. Не случайно в Ипатьевской летописи эти два события связываются общей хронологической и смысловой последовательностью. Такая связь отмечается и в позднейшем памятнике московского летописания – Воскресенской летописи: «Ярославъ же, сынъ великого князя Всеволода Юрьевича, пришедь изъ Киева, седе на столе въ Володимире..., а по Ярославе седе на Киеве Михаилъ Всеволодовичъ Чръниговъ-скый»¹³⁰.

Передать киевский стол Михаилу Ярослава, надо думать, побуждало еще и то обстоятельство, что к его соперникам, Романовичам, будущий великий князь испытывал явную неприязнь. Когда в 1245 г. Даниил Романович прибыл в Орду к хану Батыю, к нему явился «человек Ярослава», некий Сонгур со словами: «Братъ твои Ярославъ кланялься кусту и тебе кланятись»¹³¹. Как попытку спровоцировать князя на отказ от выполнения унизительного для христианина религиозного церемониала монголов, обязательного для всех ищущих милости хана, рассценивают исследователи действия Сонгура¹³². О том, чем чревата такая провокация, без лишних слов свидетельствует трагическая гибель Михаила Черниговского, отказавшегося исполнить монгольский обряд¹³³.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. X. С. 104.

¹²⁸ Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли»... С. 25.

¹²⁹ Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1882. С. 188; Павленко С. О. Князь Михайло Чернігівський та його виклик Орді. Чернівці, 1996. С. 24.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. VII. С. 143-144.

¹³¹ Там же. Т. II. Стб. 807.

¹³² Пашуто В. Т. Очерки... С. 270.

¹³³ См.: Майоров А. В. Александр Невский и Даниил Галицкий (К вопросу о взаимоотношениях русских князей с татарами) // Князь Александр Невский. Мат-лы научн.-практич. конф-ций 1989 и 1994 гг. / Отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 23.

Заключение

Завершая анализ социально-политической истории Галицко-Волынской Руси, мы приходим к следующим выводам. Основным ее содержанием является процесс становления и развития внутриобщинных отношений – фундаментальной основы общественного и государственного устройства всех древнерусских земель-волостей в домонгольский период. Общественная жизнь и государственный порядок этого времени строились на принципах территориальной общины, а сословные и классовые разделения только начинали формироваться и еще не могли разрушить общинного единства, изменить демократический характер общественных и государственных институтов. Континуум общинных связей определяет положение княжеской власти, характер ее взаимоотношений с вечевой общиной, роль и значение бояр как общественных лидеров, наиболее авторитетных представителей общины.

В своем политическом развитии городские общины Юго-Западной Руси претерпевают значительную эволюцию. Нами выделены три главных этапа этого процесса, в рамках каждого из которых реализуются определенные тенденции и достигаются определенные результаты¹.

Первый этап (вторая половина XI – первая половина XII в.) характеризуется борьбой периферийных центров за полную независимость от Киева, являвшегося в X – начале XI в. гегемоном восточнославянского межплеменного «суперсоюза» и подчинившего своей власти

¹ См.: Майоров А. В. Об этапах развития внутриобщинных отношений в Древней Руси (на примере истории Юго-Западной Руси XI – начала XIII вв.) // Гуманитарное знание на пороге XXI века. Мат-лы междунаrod. науч. конф-ции. Тез. докл. Ижевск, 1997.

почти все население Восточной Европы. Городские общины Юго-Западной Руси вступают в эту борьбу во второй половине XI в. Более успешно она складывалась для жителей будущей Галицкой земли, фактически ставшей независимой к концу XI в. Владимирская община не смогла в силу ряда причин справиться с этой задачей, оставаясь под властью киевских правителей до середины XII в., что крайне негативно сказалось на политическом развитии Вольни. Внутриобщинные отношения на первом этапе отличаются высокой степенью консолидации основных общественных сил вокруг князя, усиление его общественно-политического значения как символа и гаранта самостоятельности земли, от личности которого тогда во многом зависело, насколько успешно будут реализованы задачи, стоявшие перед общиной.

Начиная с 80-х годов XI в., в истории Галичины и Вольни отмечаются факты активного участия бояр в политической жизни своих общин. Тогда же впервые заявляет о себе боярская дума («совет») – политический орган, пришедший на смену совету старейшин родоплеменной эпохи и являвшийся одним из основных институтов общинной государственности. Появление признаков функционирования боярского «совета» свидетельствует о завершении процесса формирования суверенной городской общины с присущими ей органами государственной власти – вечем, князем и боярской думой. Бояре-«советники» непосредственно участвуют в разработке и принятии важнейших политических решений, являясь своеобразным связующим звеном между князем и простыми людьми в системе внутривнутриполитических отношений.

«Совет» бояр решающим образом влияет на деятельность князя, так как одобрение и поддержка бояр означают одобрение и поддержку общины, «людей» и в случае необходимости – войска. Наоборот, отказ бояр в поддержке князю и отступление от него равносильны отказу и отступлению всей общины, так как обусловлены и свидетельствуют о негативном отношении к князю основной массы общинников. Но когда происходит последнее, наносится тяжкий вред делу политического самоопределения общины, возникает опасный внутренний кризис, которым успешно пользуются внешние враги. Бояре как и простые люди обеспокоены достижением и сохранением своей общиной государственного суверенитета, обеспечением ее территориальной целостности и соответствующим образом влияют на политику князя. Единство интересов и консолидация перед лицом внешней опасности – таков лейтмотив и, так сказать, идеальная норма внутривнутриполитического развития общины на первом этапе.

Второй этап (середина – вторая половина XII в.) характеризуется

усилением политической роли веча, которое превращается в высший орган власти города-государства и подчиняет себе князя. Этот «переворот» происходит не сразу, а постепенно, в напряженной политической борьбе, путем многочисленных выступлений горожан против негодных князей, ценой преодоления прежних стереотипов политического сознания. В результате вечевая община утверждает за собой право «вольности в князьях»: свободно распоряжаться судьбой княжеского стола и строить отношения с князьями «на всей своей воле». Необходимым условием торжества общинной демократии является наблюдаемый с середины XII в. интенсивный рост военной организации волостных общин Юго-Западной Руси, в особенности галицкой. Военские силы приобретают значительную мобильность и самостоятельность, не свойственные им в предыдущую эпоху. Отныне земское войско в состоянии обходиться без всякого участия князя, управляемое собственными военачальниками, и это никак не снижает его боеспособности. Воины в Древней Руси – в большинстве своем свободные граждане, т. е. полноправные участники веча, – поэтому вече могло собираться непосредственно во время похода. Отсюда – закономерная связь между ростом военной организации и утверждением внутривполитического суверенитета вечевой общины.

В этих условиях возрастает социально-политическая роль бояр. Бояре непосредственно участвуют в боевых действиях и вносят решающий вклад в общее дело. Они руководят войском в качестве тысяцких, воевод и командиров первичных подразделений, полностью заменяя собой князя и его дружинников. Войско, потерявшее бояр, погибших в бою или попавших в плен к неприятелю, теряет боеспособность и, оставшись без своего предводителя (тысяцкого), отказывается продолжать военные действия, даже несмотря на присутствие князя и его настойчивые уговоры. Вот почему так много значили «советы» бояр по военным вопросам для князя; простые воины доверяли мудрости и удаче своих «лучших мужей» и готовы были повсюду следовать за ними, тогда как князю, чтобы гарантировать участие войска в задуманном им военном предприятии, требовалось сперва заручиться поддержкой влиятельного боярства.

Как на поле брани, так и в мирные дни бояре – существенно необходимый элемент в системе внутривполитических отношений – руководители государственного управления и авторитетные общественные лидеры. Влияние бояр во внутривполитических делах растет по мере усиления веча, где они выступают инициаторами важнейших решений, касающихся судеб общины. Простые люди нуждаются в авторитетном

слове общинных лидеров, особенно в момент обострения политической обстановки, требующей принятия ответственных решений, и тесно сплачиваются вокруг своих бояр, когда возникает угроза интересам общины, исходящая, в частности, от князя, потерявшего доверие «людей». Бояре первыми заявляют об этом, и община чутко откликается на их голос, готовая делом поддержать своих «лепших мужей».

В рассматриваемое время приобретает четкие формы механизм ответственности бояр перед общиной за результаты их политической деятельности. Крупные просчеты, тяжелые неудачи, эгоизм и корыстолюбие, несовместимые с идеалами общинного коллективизма, влекут за собой ответственность, носящую персональный характер и распространяющуюся также на членов семей опальных бояр. В условиях постоянно возникавших конфликтов между вечевой общиной и князьями наиболее видные и уважаемые бояре, а также их дети становятся заложниками («талями»), лично гарантирующими лояльность общины и соблюдение условий договора с князем.

По сравнению с предшествующим временем заметно укрепляются позиции боярской думы: если князь пренебрегает «думой» с боярами, то это может стать основанием для лишения его стола. Укрепление статуса боярской думы, как и рост значения веча, отражает завершение процесса внутривластного самоопределения городской общины, торжество принципа непосредственной демократии как основы общественно-политических отношений.

Третий этап (конец XII – начало XIII в.) характеризуется значительным осложнением политической обстановки: обостряются старые противоречия и возникают новые. Возобновляется давний конфликт двух ближайших соседей – владими́ро-волы́нской и галицко́й волостей, ведущих борьбу за лидерство в регионе, истоки которой восходят ко второй половине XI в. и даже в более отдаленные времена. Остроты конфликту прибавляет то обстоятельство, что в конце XII в. в Галиче пресеклась прежняя княжеская династия и тем самым открылась благоприятная возможность для владимирских князей претендовать на галицкий стол. В эту борьбу активно вмешивались князья других русских земель, а также польские и венгерские правители, преследовавшие собственные политические интересы. Используя военную силу, они пытались жестко навязывать общине свою волю; для должного отпора такому нажиму собственных сил общине часто не хватало.

Активизируется противоборство вечевой общины и княжеской власти, особенно характерное для Галича: политически окрепшая община, имевшая сильную военную организацию, должна была вновь и

Заключение

вновь отстаивать свои демократические завоевания перед лицом опиравшихся на поддержку извне правителей. В итоге княжеский стол стремительно переходит из рук в руки, что сопровождается расправами политических противников друг с другом. Вдобавок ко всему усиливается напряженность в отношениях «старших городов» с «пригородами», стремившимися встать на путь самостоятельности.

В этой сложной и противоречивой обстановке происходит дальнейший рост общественно-политической роли и значения бояр. В условиях кризиса доверия к традиционным князьям из боярской среды выдвигаются общепризнанные лидеры, способные возглавить и повести за собой всю общину и в крайнем случае на какое-то время принять на себя княжеские полномочия. Расширяется функциональный спектр политической деятельности бояр. Отметим вновь возникающие внешне- и внутривнутриполитические ее аспекты.

Впервые бояре без князя и его дружины возглавляют войско, не только участвующее в завоевательных походах вдалеке от родных пределов, но и защищающее рубежи и суверенитет своей земли от агрессоров, равно как и демократические права вечевого общины в отношении княжеского стола. Боярами активно осваивается дипломатическое поприще, прежде бывшее прерогативой княжеской власти: виднейшие бояре от имени общины завязывают политические и военные союзы с правителями соседних государств и с успехом пользуются полученной от них помощью. От имени общины бояре призывают на княжеский стол того или иного претендента, предоставляют и берут взамен необходимые гарантии условий договора с ним и в случае их нарушения поднимают людей против отступника.

Растет активность бояр и во внутривнутриполитических делах, где им принадлежит роль организаторов и руководителей. Без их участия не обходится ни одно событие политической важности, внутривнутриобщинные противоречия и конфликты разрешаются при их деятельном участии. В событиях рассматриваемого периода отчетливо видна индивидуальная роль бояр как лидеров веча, способных силой личного авторитета и умением убеждать привлекать к себе большинство и таким образом влиять на принятие вечевого решения. Нельзя исключать в действиях некоторых бояр мотивов личной выгоды, стремления к доходным должностям, реализуемого с приходом к власти «нужного» князя. Но добиться своего можно было, только одержав победу на вече, убедив собравшихся там граждан в необходимости данного решения как полностью отвечающего интересам общины.

В моменты, когда вечевого община терпела тяжелое поражение в

борьбе с князем, использовавшим превосходящие военные силы внешних врагов, возглавлявшие общину бояре становились объектом жесточайших репрессий. Нельзя усматривать в этом только месть победителя. Терроризируя бояр, новый правитель стремился повлиять на умонастроения простых людей, сломить волю к сопротивлению и в итоге полностью подчинить общину своей власти. Это не всегда удавалось, и тогда община под руководством бояр расплачивалась с тиранами той же монетой.

Относительная стабилизация внутривластного положения наступает, когда перед общинами Юго-Западной Руси вновь, как и на первом этапе, возникает очевидная и безусловная внешняя угроза в лице монголо-татарских завоевателей. Основные общественные силы опять стремятся консолидироваться вокруг князя, внутренние разногласия отступают на второй план. Это объективно способствует усилению социально-политических позиций княжеской власти, отмечаемому в последний период княжения Даниила Романовича, принявшего под конец жизни королевский титул. С другой стороны, укреплению положения князя перед лицом вечевого общины способствовал переход русских князей под сюзеренитет ордынских ханов. «Тогда бяхоуть вси князи русции въ воли татарьскои», – говорит и повторяет летописец Владимира Васильковича в 70 – 80-х годах XIII в.²

Опираясь на военную поддержку татар, князя Галичины и Волыни начинают чувствовать себя независимыми от воли и поддержки местных общин: татары становятся для князей «действенным орудием при проведении внутренней политики»³. Все это ведет постепенно к изменению общественно-политического строя Юго-Западной Руси, как и большинства других древнерусских земель. Княжеская власть начинает приобретать монархические черты, боярство мало-помалу отделяется от общины и переходит под эгиду князя, превращаясь в военно-служилое сословие.

Но названные перемены происходят очень медленно, растягиваются на века и занимают целый исторический период, для которого характерно сохранение многих общинных традиций⁴. Оформившийся в

² ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 872, 888, 892, 897.

³ Пашии С. С. Червонорусские акты XIV – XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича. Тюмень, 1996. С. 33.

⁴ См.: Фроянов И. Я. О возникновении монархии в России // Дом Романовых в истории России / Отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб., 1995; Дворниченко А. Ю. 1) Бояре западнорусских земель в XIII – XV вв. // ВЛГУ. Сер. 2. 1986. Вып. 2; 2) Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки

домонгольское время земский строй, отмечает Л. В. Данилова, «при изменяющихся, конечно, его роли и месте в целостной общественной системе, пройдет через всю российскую историю вплоть до XX в. И после появления крупного привилегированного землевладения взаимоотношения государства и земского строя – одна из важнейших основ российского исторического процесса»⁵.

истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993: 3) К проблеме восточно-славянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995; Кривошеев Ю. В. 1) О средневековой русской государственности (к постановке вопроса). СПб., 1995; 2) Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. СПб., 1999; Пашин С. С. Червонорусские акты... Гл. 2; Петров А. В. О борьбе «старейших» с «меньшими» и выступлениях «крамольников» в Новгороде второй половины XIII в. // ВЛГУ. Сер. 2. 1991. Вып. 1; Михайлова И. Б. Бояре Северо-Восточной Руси во второй половине XIII - XIV веках (к вопросу об изменении социально-политической структуры общины в условиях татаро-монгольского ига) // Историческое познание: традиции и новации. Мат-лы Международ. теоретич. конф-ции. Ижевск, 26-28 окт. 1993 г. / Сост. и общ. ред. В. В. Иванова и В. В. Пузанова. Ижевск, 1996. Ч. 1.

⁵ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 102.

Список сокращений

- АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
- АП УРСР – Археологічні пам'ятки Української РСР
- БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси
- ВАН – Вісник Академії Наук Української РСР
- ВВ – Византийский временник
- ВДИ – Вестник древней истории
- ВИ – Вопросы истории
- ВЛГУ / ВСПбГУ – Вестник Ленинградского / Санкт-Петербургского университета
- ВМГУ – Вестник Московского университета
- ГВД – Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Тези доповідей і повідомлень. Галич, 19-21 серпня 1993 р.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова
- ГГЗ – Галич і Галицька земля. Збірник наукових праць / Ред. колегія: П. П. Толочко, В. Д. Баран (та ін.).
- ГДРЛ – Герменевтика древнерусского литературы
- ДГ – Древнейшие государства на территории СССР / Восточной Европы
- ДКУ – Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
- ЗНТШ – Записки Наукового товариства ім. Шевченка
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
- ИЖ – Исторический журнал
- ИЗ – Исторические записки

Список сокращений

ИОРЯС	– Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук
ИСССР	– История СССР
КСИА АН СССР	– Краткие сообщения Института археологии Академии Наук СССР
КСИА АН УССР	– Краткие сообщения Института археологии Академии Наук Украинской ССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
КУИ	– Киевские университетские известия
ЛЗАК	– Летопись занятий Археографической комиссии Российской Академии Наук
ЛИРО	– Летопись Историко-Родословного общества в Москве
ЛР	– Літопис руський: За Іпатським списком переклав Л. Махновець.
ЛХ	– Летописи и хроники
МДАПВ	– Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НИС	– Новгородский исторический сборник
НПЛ	– Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПЛДР	– Памятники литературы Древней Руси
ПР	– Правда Русская
ПРП	– Памятники русского права
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РД	– Русские достопамятности
РИБ	– Русская историческая библиотека
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СлРЯ XI - XVII вв.	– Словарь русского языка XI - XVII вв.
СМЛ	– Славяно-молдавские летописи XV – XVI вв. / Сост. Ф. А. Грекул
СЭ	– Советская этнография
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской Академии Наук
УЗ ЛГУ	– Ученые записки Ленинградского университета
УЗ ЛГПИ	– Ученые записки Ленинградского

Список сокращений

	государственного педагогического института
УЗ МГПИ	– Ученые записки Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта
УЗ СГУ	– Ученые записки Саратовского университета
УІЖ	– Український історичний журнал
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЧОНЛ	– Чтения в Обществе Нестора Летописца
ЭССЯ	– Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд
АН	– <i>Archeologia Hungarica</i>
BSGRT	– <i>Biblioteka scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana</i>
CDAC	– <i>Codex diplomaticus Arpadianus continuatus</i>
CDH	– <i>Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis</i>
CJH	– <i>Corpus Juris Hungarici Magyar Törvénytár 1000 – 1526 évi Törvénycikkek</i>
CSP	– <i>Canadian Slavonic Papers</i>
HRM	– <i>Historica Russiae Monumenta</i>
KDKM	– <i>Kodeks dyplomatyczny Ksiąstwa Masowieckiego</i>
MGH. SS	– <i>Monumenta Germaniae Historica. Scriptores</i>
MGH. LL	– <i>Monumenta Germaniae Historica. Leges</i>
MPH	– <i>Monumenta Poloniae Historica</i>
MPH. NS	– <i>Monumenta Poloniae Historica. Nova series</i>
MPV	– <i>Monumenta Poloniae Vaticana</i>
MS	– <i>Mediaeval Studies</i>
Och	– <i>Orientalia Christiana</i>
PH	– <i>Przegląd Historyczny</i>
PSB	– <i>Polski Słownik Biograficzny</i>
RB	– <i>Rocznik Białostocki</i>
RESI	– <i>Revue des Etudes slaves</i>
RH	– <i>Roczniki Historyczne</i>
RIR	– <i>Revista istorică Româna</i>
RPAU	– <i>Rozprawy Polskiej Akademii Umiejętności</i>
SCIVA	– <i>Studii și cercetări de istorie veche și arheologie</i>
SRH	– <i>Scriptores Rerum Hungaricarum</i>
SSASH	– <i>Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae</i>
VMH	– <i>Vetera Monumenta Historica Hungarum Sacram illustrantia</i>

Указатель имен

- Абрамович Д. И. (Абрамович Д. I.)* — 40, 169, 179
- Аверкиева Ю. П.* — 401
- Авраамий Смоленский, древнерусский проповедник — 397, 401
- Агнешка, сестра Казимира Справедливого — 312
- Адрианова-Перетц В. П.* — 233
- Александр, шумский тиун XIII в. — 364, 445
- Александр Всеволодович, белзский князь XIII в. — 349-350, 354, 357, 360, 364, 379, 443, 447-449, 454, 470, 473-474, 510-511, 513, 517, 522-525, 530, 533, 535, 538, 541, 545, 548, 552, 572
- Александр Ярославич Невский, новгородский и владимиросуздалский князь XIII в. — 40, 373, 600, 606
- Александров Д. Н.* — 79
- Алексеев Л. В.* — 94, 206
- Алексеев Ю. Г.* — 12, 493
- Алешковский М. X.* — 12, 493
- Алпатов М. А.* — 322
- Альмош, вождь венгров IX в. — 183
- Анбал, убийца Андрея Боголюбского — 398
- Андреев В. Ф.* — 19
- Андреев Ю. В.* — 114
- Андрей II, галицкий князь конца XII в., впоследствии венгерский король — 353, 355-357, 362-363, 366, 372, 374, 381-382, 385, 393, 412-414, 419, 442, 450-451, 483-484, 487, 489-490, 500, 513-514, 516, 526-527, 530, 548, 557, 585
- Андрей III, венгерский король XIII в. — 587
- Андрей, королевич, сын Андрея II, галицкий князь XIII в. — 83, 236, 281-283, 287-289, 291, 294, 296, 329-330, 416, 452-453, 458-459, 470-474, 479, 483-485, 488, 492, 499-500, 502, 510, 518, 526-527, 530-536, 538-542, 545-547, 551, 554, 558, 575, 577, 588, 594
- Андрей Владимирович, сын Владимира Мономаха, владимирово-волынский князь XII в. — 166
- Андрей Юрьевич Боголюбский, владимиросуздалский князь XII в. — 175, 226, 299, 398, 403
- Андряшиев А. М.* — 59, 93, 95-99, 102-103, 124, 163, 167, 191, 281, 287, 310, 312, 315, 324, 327-328, 332, 342, 349, 372, 381, 414, 437-438, 448, 465, 503, 513, 518, 534-536, 538, 542, 546, 552, 564
- Анна, жена Романа Мстиславича — 351, 355, 364-367, 374, 378, 381, 454, 456
- Антоний, перемышльский епископ XIII в. — 582
- Антонович В. Б.* — 59

- Арбузовичи, галицкий боярский род XIII в. – 541, 554
- Аристов Ф. Ф.* – 49
- Аркас М.* – 64
- Артемий, галицкий епископ XIII в. – 560, 577-580, 582
- Артамонов М. И.* – 115
- Арцыбашев Н. С.* – 542
- Арцыховский А. В.* – 18
- Аскольд, киевский князь IX в. – 408
- Аулих В. В. (Аулих В. В.)* – 168, 172-175, 179-180, 228
- Афанасьев А. Н.* – 144, 146, 150-151, 154, 345, 398-399, 425
- Багалей Д. И. (Багалій Д. І.)* – 64-65, 109, 279, 482
- Байбуриш А. К.* – 424
- Бальцер О. (Balzer O.)* – 312, 326
- Баран В. Д.* – 79, 179, 181-182, 185
- Бардах Ю.* – 113
- Барсов Н. П.* – 161, 224, 227, 230, 519, 575
- Басилов В. Н.* – 138
- Баскаков Н. А.* – 232
- Батый, монгольский хан XIII в. – 78, 411, 591, 600, 606
- Баумгартен Н. А. (Baumgarten N.)* – 220
- Бегбарс, половецкий хан – 528
- Бела III, венгерский король XII в. – 183, 281-284, 288, 290-291, 324, 487
- Бела IV, венгерский король XIII в. – 514, 527-529, 531-532, 573, 584-586, 593-597
- Белёвский А.* – см.: *Bielowski A.*
- Беликова Т. В.* – 83-85, 118, 130, 163, 190, 192, 195, 199-201, 204, 241-242, 255, 260, 285-287, 290, 298, 334-335, 352, 361-362, 364-365, 369, 394-395, 412, 414-415, 422, 434, 441, 454, 456-457, 465, 509, 515, 548, 552, 556
- Белов А. Е.* – 109
- Беляев И. Д.* – 109, 228
- Бенвенист Э.* – 425
- Бенедикт, венгерский палатин, правитель в Галиче XIII в. – 351-352, 356-357, 367, 385-386, 393, 432, 497, 499
- Бережков Н. Г.* – 255, 258, 600
- Беренди (Берендий), торчин, овчар Святополка Изяславича – 118, 156-157
- Берладничич – см.: Ростислав Иванович Берладничич
- Бертольд, аквилейский патриарх XIII в. – 411
- Бескровный Л. Г.* – 161, 237, 492, 534
- Бессонов П. А.* – 144
- Бестужев-Рюмин К. Н.* – 109
- Бибииков М. В.* – 225
- Благова Э.* – 208
- Бобржинский М.* – 113, 314
- Бобров А. Г.* – 234
- Богдан И. И. (Bogdan I. I.)* – 214, 219
- Бодянский О. М.* – 48
- Болеслав, мазовецкий князь XIII в. – 592
- Болеслав III Кривоустый, польский князь XII в. – 160
- Болеслава Святославна, жена Владимира Ярославича – 324
- Борис, новгородский тысяцкий XIII в. – 42
- Борис Владимирович, владимироволынский и ростовский князь конца X – начала XI в. – 156-157
- Борис Вячеславич, тмутараканский и черниговский князь XI в. –

- 95
- Борис Коломанович (Кальманович), венгерский королевич XII в. – 311
- Борис Ярославич, межибожский князь XIII в. – 571
- Боханов А. Н.* – 83
- Братичевский М. Ю.* – 204, 207, 215, 221, 228-229, 233
- Бромлей Ю. В.* – 149
- Бруннер Г.* – см.: *Brunner H.*
- Бруно, магистр Добжинского ордена XIII в. – 597-598
- Бубенок О. Б.* – 237
- Буганов В. И.* – 34, 79, 110, 192, 198, 512
- Будовниц И. У.* – 96
- Бузескул В. П.* – 442
- Буров В. А.* – 12, 339-340
- Бурыкин А. А.* – 233
- Бырня П. П.* – 223, 226
- Вайнштейн О. Л.* – 70
- Васецкий Н. А.* – 16
- Василевский Т.* – 26
- Василий, монах Киево-Печерского монастыря – 147
- Василь, владимирово-волинский боярин XI в. – 106-107, 117-118, 132, 134-137, 139, 141-144, 147-149, 154-156, 285, 398
- Василь, священник, автор Повести об ослеплении Василька Теребовльского – 122
- Васильев Л. С.* – 15, 114
- Васильев Ю. С.* – 432
- Васильевский В. Г.* – 225
- Василько Борисович, полоцкий князь XIII в. – 460
- Василько Владимирович, сын Владимира Ярославича – 324
- Василько Гаврилович, галицкий боярин XIII в. – 513-514, 516-517
- Василько Романович, владимирово-волинский князь XIII в. – 350-351, 354-355, 357, 359-360, 365, 372, 381, 450, 477, 502, 505, 507, 520, 522, 539-541, 545, 571, 573-574, 584, 586, 589, 593, 596-597, 601-602, 604
- Василько Ростиславич, теребовльский князь конца XI – начала XII в. – 93, 104-107, 109, 117, 119-127, 131-134, 137, 140, 143, 147, 153-158, 160-161, 169, 220, 285, 303, 398, 462
- Василько Теребовльский – см.: Василько Ростиславич
- Василько Юрьевич, сын Юрия Долгорукого – 224
- Василько Ярополчич, дрогичинский князь XII в. – 313-315, 319
- Васильковичи, сыновья Василько Ростиславича – 139, 143, 154-156
- Велес, восточнославянский бог – 143
- Велецкая Н. Н.* – 152
- Венцеслав I, чешский король XIII в. – 595
- Вернадский Г. В.* – 15, 35, 111
- Вечерка Р.* – 208
- Викторский С. Н.* – 344
- Винкельман И.* – 138
- Виноградова В. Л.* – 228
- Винокур И. С.* – 235-236
- Вишняков Е. И.* – 64
- Владимир Андреевич, владимирово-волинский, дорогобужский, пересопницкий и берестейский князь XII в. – 235, 252, 299-300, 303, 462

- Владимир Василькович, владими-
ро-волынский князь XIII в. –
58, 304-306
- Владимир Володаревич, минский
князь XII в. – 313-314
- Владимир Всеволодович Мономах,
черниговский, переяславский
и киевский князь конца XI –
начала XII в. – 39-40, 92-96,
98-101, 103, 115, 117, 119-123,
125, 128, 159-165, 170, 192,
231, 247-248, 298, 466
- Владимир Давыдович, чернигов-
ский, берестейский и дроги-
чинский князь XII в. – 167,
259
- Владимир Игоревич, путивльский
и галицкий князь XIII в. – 353,
356-357, 359, 363, 366, 376-
378, 382-387, 392, 402, 456,
485, 556-557, 560
- Владимир Ингваревич, волынский
князь XIII в. – 503, 548
- Владимир Мономах – см.: Влади-
мир Всеволодович Мономах
- Владимир Мстиславич, сын Мсти-
слава Владимировича, владими-
ро-волынский, луцкий, пер-
есопницкий, дорогобужский,
котельницкий, трепольский и
киевский князь XII в. – 167,
249, 253, 299, 313, 394, 402
- Владимир Мстиславич, сын Мсти-
слава Изяславича, берестей-
ский князь XII в. – 300-301
- Владимир Рюрикович, переяслав-
ский, смоленский и киевский
князь XIII в. – 448, 460, 518,
532-534, 538, 542, 545, 557,
560-568, 590, 594, 601-605
- Владимир Святославич, киевский
князь конца X – начала XI в. –
502, 532
- Владимир Ярославич, галицкий
князь XII в. – 32, 53, 255-256,
258, 265-266, 274, 276-279,
281, 283-284, 292-294, 296,
302, 309-310, 317, 319, 321,
323-324, 326, 331, 333, 335-
336, 343, 374-375, 377, 394,
402, 419, 432, 499
- Владимирко Володаревич, галиц-
кий князь XII в. – 168-169,
171, 179, 190, 193, 196-201,
202-206, 208, 211, 219, 222,
231, 243-244, 343, 385, 431,
434, 515, 520-521, 552, 555-
556
- Владимирский-Буданов М. Ф.* – 11,
15, 17, 23, 33, 57-58, 66, 97,
105, 110-111, 113, 118, 128,
152, 189, 214, 244, 247, 251,
258, 266, 272, 304-305, 339,
344, 371, 440, 482, 492
- Владислав, неизвестный русский
князь XII в. на Дунае – 224
- Владислав II Изгнанник, краков-
ский князь XII в. – 197
- Власенко И.* – 230
- Влодарский Б. (Włodarski B.)* –
325, 375
- Внезд, смоленский воевода XII в. –
39
- Войтович Л. В.* – 79, 220, 235, 517,
520
- Волдрис, галицкий боярин XIII в. –
507, 512, 542
- Волков Ф. К.* – 64
- Володарь Ростиславич, пере-
мышльский князь конца XI –
начала XII в. – 93, 106, 123,
126-127, 133, 143, 160-161,
165, 169, 220, 285, 398, 554-
555
- Володислав Витович, галицкий
боярин XIII в. – 362, 444-445,

- 537
- Володислав Кормильчич, галицкий боярин XIII в. – 83, 341, 351-352, 358, 360, 362-365, 367, 374, 387, 389, 391, 393, 407-422, 426-427, 430-432, 434-436, 457, 487, 515, 537
- Володислав Юрьевич, галицкий боярин XIII в. – 504-507, 512, 534
- Вольнкин Н. М.* – 237
- Воробьев В. М.* – 29, 83, 206, 477, 488, 509, 569
- Воронин Н. Н.* – 153, 307, 403
- Воротислав, белзский боярин XIII в. – 357, 366
- Всеволод Большое Гнездо – см.: Всеволод Юрьевич Большое Гнездо
- Всеволод Владимирович, сын Владимира Игоревича – 386
- Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Владимировича, новгородский и псковский князь XII в. – 41, 286-287
- Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Изяславича, владимиrowолынский и белзский князь XII в. – 284, 309, 313, 318, 360
- Всеволод Ольгович, черниговский и киевский князь XII в. – 42, 166-167, 193, 196-198, 200-201, 208, 211, 222, 246, 288-289, 402, 515, 520, 556
- Всеволод Святославич, трубецкой и курский князь XII в. – 375
- Всеволод Святославич Чермный, черниговский и киевский князь конца XII – начала XIII в. – 382, 393, 395
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, владимиrowсуздальский князь конца XII – начала XIII в. – 224, 257, 267, 292, 326, 377, 394, 402, 494, 505, 606
- Всеволод Ярославич, киевский князь XI в. – 39-40, 91, 93-101, 106, 121, 131, 165, 277
- Вышегородцев В. И.* – 432
- Вячеслав, новгородский тысяцкий XIII в. – 42
- Вячеслав Владимирович, туровский, вышегородский и киевский князь XII в. – 31, 248-249, 299, 465-466, 475-476
- Вячеслав Толстый (Вячеслав Владимирович), владимиrowолынский боярин XIII в. – 357-358, 365-366, 414, 416
- Гадло А. В.* – 153, 346
- Гаврила Иворович, галицкий боярин XIII в. – 537
- Гайдуков П. Г.* – 18
- Гамкрелидзе Т. В.* – 141
- Гарданов В. К.* – 374, 410, 419
- Гебхард Л. А.* – см.: *Gebchard L. A.*
- Гедиминовичи, династия литовский князей – 220, 235, 517
- Гейза II, венгерский король XII в. – 197
- Гейман В. Г.* – 22, 153
- Гейштор А.* – 419
- Генерозов Я. К.* – 144
- Геннеп А. ван* – 400
- Генсёрский А. И.* (*Генсёрский А. I.*) – 373
- Георгий (Юрий) Нестерович, киевский воевода XII в. – 213
- Георгий Шимонович, ростовский тысяцкий XII в. – 40
- Гербильский Г. Ю.* (*Гербильский Г. Ю.*) – 49
- Гернет М. Н.* – 143, 344

- Гертруда Бабенберг, австрийская герцогиня XIII в. — 596
 Гертруда Меранская, жена Андрея II, венгерская королева XIII в. — 363, 411, 413
Гильфердинг А. Ф. — 113, 346
Гиндин Л. А. — 149
Гладкова О. В. — 124
 Глеб Васильевич, галицкий боярин XIII в. — 444-445, 537
 Глеб Владимирович, муромский князь конца X — начала XI в. — 156-157
 Глеб Зеремеевич, галицкий боярин XIII в. — 455, 457-458, 465, 467, 474, 483, 488, 533-534, 536-538, 540, 546-547, 551-552, 561
 Глеб Ростиславич, рязанский князь XII в. — 394
 Глеб Святославич, сын Святослава Всеволодовича, черниговский князь XII в. — 289, 468
 Глеб Святославич, сын Святослава Ярославича, новгородский князь XI в. — 347
 Глеб Судиславич, галицкий боярин XIII в. — 537
 Глеб Юрьевич, переяславский и киевский князь XII в. — 271
Гнатевич Б. — 280
Гнебушев А. М. — 339
Голан А. — 151
Головацкий Я. Ф. — 50
Головин Н. — 220
Головко А. Б. — 79, 101-102, 123, 162-163, 194, 243, 256, 277, 294, 314, 316-317, 323, 326-327, 350, 355, 364, 370, 454, 502, 510, 574
Голубец М. — 81
Голубинский Е. Е. — 306
Голубовский П. В. — 214, 260, 542, 544, 570, 606
 Гоннорий III, римский папа XIII в. — 470, 484
Гончаров В. К. — 173
Горинский П. А. (Гориний П. А.) — 227, 236
Горовенко А. В. — 313-314, 318
Горский А. А. — 26, 34, 41, 110, 430, 501, 543-544, 561, 563, 586, 592, 599-606
Готье Ю. В. — 70
Грабовский В. — 79
Градовский А. Д. — 260
Гребенюк В. П. — 124
Греков Б. Д. — 18, 21, 23, 35, 65-66, 70-71, 73-74, 103, 113, 187, 189, 429, 440, 483, 600
Греков И. Б. — 464
Грибовский В. М. — 109
 Григорий VII, римский папа XI в. — 98
 Григорий, кардинал, глава папского посольства в Галиче — 356
 Григорий Васильевич, галицкий боярин XIII в., дворский Ростислава Мстиславича — 411, 560, 567-568, 570, 573, 577-580, 582
Грушевский М. С. (Грушевский М. С.) — 23, 46, 60-64, 67, 82, 91-92, 94-96, 98-99, 101-104, 109, 112, 118, 120-122, 124, 133, 141, 159, 161, 163, 167, 169, 171, 173-174, 179, 181, 189, 191-194, 197, 204, 230, 242, 245-247, 250, 258, 260, 265, 269, 275-279, 281-282, 284, 287, 290, 292-293, 297-298, 302, 305, 308, 310-312, 315, 322, 325-328, 332-335, 342-343, 349-350, 354-356, 360, 364, 372, 375-377, 379, 381-384, 387, 389,

- 393, 395, 409, 411, 421, 434,
438, 440, 442, 445, 448, 454,
466, 468-470, 483-485, 487,
501-502, 505-506, 508-509,
513-520, 528, 533-536, 543,
546-547, 555, 561-562, 564-
565, 567, 570-571, 574, 578-
579, 581, 587-597, 599-605
- Гугин А. А.* – 292
- Гумешок С. К.* – 235
- Гумилев Л. Н.* – 233, 237
- Гуревич А. Я.* – 423
- Гутнова Е. В.* – 114
- Гуцин О.* – 392, 395
- Гюрги – см.: Юрий
- Давлетов А. Р. (Давлетов О. Р.)* –
46
- Давыд Вышатич, галицкий боярин
XIII в. – 513-517
- Давыд Игоревич, владими́ро-во-
лынский и дорогобужский
князь конца XI – начала XII в.
– 93, 95-96, 99, 103, 105-107,
117-128, 133-137, 139, 147-
148, 156, 159, 164, 190-191,
200, 285
- Давыд Ольгович, черниговский
князь XII в. – 160
- Давыд Ростиславич, смоленский
князь XII в. – 226, 249, 290,
304
- Давыдовичи, черниговские князья
– 167
- Даниил Великий, киевский боярин
XII в. – 286
- Даниил Мстиславич, сын Мсти-
слава Удалого – 543
- Даниил Нажирович, киевский вое-
вода XIII в. – 590, 602
- Даниил Романович Галицкий, га-
лицко-волынский князь XIII в.
– 53, 57-58, 61, 81, 83, 88, 175-
177, 228, 236, 269, 291, 325,
332, 335, 341, 350-352, 354-
355, 357-367, 371-373, 376,
381, 389, 410-411, 413-414,
416, 420, 436-437, 440, 443-
450, 452-460, 463-464, 467-
474, 477-480, 482-483, 485-
486, 488, 498, 500-527, 529-
554, 557-599, 601-606, 612
- Данилевич В. Е.* – 260
- Данилевский И. Н.* – 17-18, 20, 27
- Данилова Л. В.* – 10, 12-13, 36-37,
44, 157, 207, 241, 264, 478, 613
- Даркевич В. П.* – 14, 24, 28,
- Дашкевич Н. П.* – 46, 51, 54-55,
192, 204, 214, 228, 237, 260-
261, 269, 191, 310, 335, 349,
389, 413, 440, 482-483, 488,
506, 516, 532, 535, 552, 586-
587, 589-590, 594, 597-598
- Дашкевич Я. Р.* – 235
- Дворниченко А. Ю.* – 11, 13, 25, 29,
43, 82-85, 91, 98, 102, 107,
115-116, 118-119, 124, 127,
133-134, 139, 163, 166-168,
170-171, 190-191, 193-194,
199, 201-202, 204-206, 241,
253, 257, 260-261, 263, 266,
269, 277-278, 285, 290, 298-
300, 308, 333-334, 337, 352,
358, 372, 378, 415, 422, 424,
426, 441, 456, 467, 475, 477-
478, 488, 509, 533, 553, 556,
569, 572, 612
- Демьян, галицкий тысяцкий
XIII в. – 357, 366, 470, 503-
508, 510-511, 516, 523, 528-
529, 536-537, 539-540, 572,
575-576
- Держикрай Володиславич, галиц-
кий боярин XIII в. – 238, 447
- Дерягин В. Я.* – 149
- Дёмин А. С.* – 426

Указатель имен

- Джеджора О.* – 172, 180
- Диакон Лев* – см.: *Лев Диакон*
- Дианиш (Дионисий), венгерский воевода XIII в.* – 514, 542, 545, 548, 581
- Дир, киевский князь IX в.* – 408
- Длугош Иоанн (Ян) (Joannis Dlugossii), польский историк XV в.* – 49, 95, 101, 130, 160, 165, 169, 171, 199, 321, 324, 332, 370, 555
- Дмитр, галицкий воевода и тысяцкий XIII в.* – 537
- Дмитр, новгородский посадник XIII в.* – 494
- Дмитр, конюх Давыда Игоревича* – 118, 156
- Дмитриев Л. А.* – 92, 143, 233, 351
- Доброгость, владими́ро-волы́нский боярин XIII в.* – 360
- Доброслав Судыч, галицкий боярин XIII в.* – 236, 411, 512, 546-547, 551-552, 571
- Добрыня, галицкий боярин XIII в.* – 361
- Добрыня, былинный персонаж* – 346
- Добрянский А.* – 50
- Довженок В. И.* – 176
- Довнар-Запольский М. В.* – 17, 23, 64, 109, 189, 339
- Домажиричи, галицкий боярский род XIII в.* – 447
- Домановский Ш.* – 587
- Дорошенко Д. И. (Дорошенко Д. Г.)* – 46, 81, 310
- Драгоманов М. П.* – 213-214
- Дубенский Д. Н.* – 232-233
- Дубов И. В.* – 139, 478
- Дьяконов И. М.* – 44, 114
- Дьяконов М. А.* – 11, 15-17, 23, 33, 35-36, 58, 66, 97, 111, 118, 128, 131, 189, 199, 244, 247, 258, 266, 271, 284, 304-305, 339, 371, 380, 440, 492
- Дьячан В.* – 113, 271
- Дюрги* – см.: *Юрий*
- Ежов В. А.* – 24, 208
- Езекия, иудейский царь конца VIII – начала VII в. до н. э.* – 528
- Елчев В. А.* – 16
- Епифанов П. П.* – 18
- Ершов А. (Ершов А.)* – 412
- Ефименко А. Я.* – 64-65, 196, 290, 310, 438, 483
- Ефросиния Ярославна, жена Игоря Святославича* – 375
- Жданов И. Н.* – 310, 342
- Жельвис В. И.* – 400
- Жирослав, галицкий боярин XIII в.* – 464
- Жирослав Нажирович, киевский воевода XII в.* – 39
- Забелин И. Е.* – 28
- Завид, котельницкий боярин XII в.* – 249
- Загоскин Н.* – 109, 344
- Зак С. Д.* – 14
- Захаренко А. Г.* – 563
- Заходер Б. Н.* – 150
- Збыслав Станиславич, галицкий боярин XIII в.* – 365
- Зелетин Д. К.* – 143, 146, 148-149
- Зимин А. А.* – 22, 183, 195, 215, 221, 492
- Зотов Р. В.* – 375, 542, 592
- Зубрицкий Д. И.* – 46, 48-51, 103, 279, 281, 289-290, 348, 408, 437, 505, 508, 542-543, 575, 586-587, 591
- Ибн Халдун, арабский географ*

- XIV в. – 232
- Ивакин Г. Ю. (Івакін Г. Ю.)* – 543
- Ивакин И. М.* – 92-94, 99, 165
- Иван Берладник – см.: Иван Ростиславич Берладник
- Иван Василькович, галицкий князь XII в. – 179, 196, 221
- Иван Владимирович, сын Владимира Ярославича – 324
- Иван Гоудинович, былинный персонаж – 346
- Иван Михайлович, сидельничий Даниила Романовича – 511-512
- Иван Ростиславич Берладник, звенигородский и «берладский» князь XII в. – 74, 155, 201-202, 205-206, 211-216, 219-224, 226-227, 238, 240, 262, 289, 343, 461, 463, 555, 580
- Иван Халдсевич, галицкий боярин XII в. – 200, 209, 253, 343, 556
- Иванко Станиславич, галицкий боярин XIII в. – 365, 454
- Иванов В. В.* – 139, 435, 441, 509, 548, 613
- Иванов Вяч. В.* – 137, 141, 146, 156-157, 361
- Иванов П. А.* – 59-60, 95-97, 99, 101-103, 124, 161, 191, 298, 315, 349
- Ивор Гюргевич, киевский боярин XII в. – 286
- Иглои Э.* – 184
- Игоревици, галицкие князья XIII в. – 83, 319, 352-353, 357, 363, 365, 367, 369-370, 374-375, 377, 381-395, 397, 399-407, 416-417, 419-422, 426-427, 430-431, 433-436, 455-458, 496-497, 499, 507, 512, 515, 557
- Игорь Ольгович, черниговский и киевский князь XII в. – 38, 42, 206, 272, 286, 394, 396-397, 399, 401-402
- Игорь Рюрикович, киевский князь X в. – 156
- Игорь Святославич, новгород-северский князь XII в. – 31, 228, 234, 375, 403, 406, 430, 459, 466, 468, 475, 541-543, 560
- ал-Идриси, арабский географ XII в. – 217-219, 222, 232
- Изяслав Владимирович, новгород-северский и теребовльский князь XIII в. – 386, 542-544, 599
- Изяслав Давыдович, черниговский и киевский князь XII в. – 40, 167, 212-213, 253, 259
- Изяслав Мстиславич, сын Мстислава Владимировича, владимирово-волынский и киевский князь XII в. – 21, 32, 39, 166-167, 196-197, 212, 231, 244, 246, 248, 252, 271, 286, 299-300, 302, 326-327, 465-466, 475-476, 494
- Изяслав Мстиславич, сын Мстислава Романовича, смоленский князь XIII в. – 543, 560
- Изяслав Мстиславич, сын Мстислава Удалого – 542-544, 560, 562-566, 592-593, 605
- Изяслав Микулич, новгородок-литовский князь XIII в. – 599
- Изяслав Ярославич, киевский князь XI в. – 39, 95, 200, 203-204, 206, 208, 225
- Изяславичи, потомки Изяслава Ярославича – 92, 94
- Иконников В. С.* – 322
- Иларион, киевский митрополит XI в. – 149

- Иловайский Д. И.* – 56, 106, 124, 133, 172, 215, 408-409, 438, 448-449, 464, 482, 542, 570
- Ильницкий В.* – 50
- Илья Щепанович, галицкий боярин XIII в. – 351, 367, 385, 387, 496
- Ингварь Ярославич, владимиrowольнский князь XIII в. – 350, 354, 357, 364, 454
- Иннокентий III, римский папа конца XII – начала XIII в. – 356, 490
- Инкин В. Ф.* – 105
- Иоанн (Ян) Длугош – см.: Длугош Иоанн (Ян)
- Иоанн, епископ владимиrowсуздальский XIII в. – 267
- Иоанн Киннам, византийский историк XII в. – 224-225
- Иоанн II Комнин, византийский император XII в. – 311
- Иоаннисян О. М.* – 177
- Иорданский А. М.* – 156
- Исаак II Ангел, византийский император конца XII – начала XIII в. – 239
- Исаевич Я. Д.* – 79, 199
- Исайя, библейский пророк – 528
- Итларь, половецкий хан XI в. – 156
- Итс Р. Ф.* – 139, 153
- Кабакова Г. И.* – 432
- Кадлубек Винцентий, польский хронист конца XII – начала XIII в. – 275, 277, 281, 292-293, 297, 310-318, 321-333, 336-342, 371, 416, 455, 486, 496, 588
- Казимир II Справедливый, краковский князь XII в. – 275, 277, 293, 310-312, 314-315, 317-318, 326
- Калачов Н. В.* – 113
- Калиновская К. П.* – 273
- Калмыков П. Д.* – 344
- Кальман, сын Андрея II – см.: Коломан
- Кальман, сын Бориса Коломановича – 311
- Кальти Марк, венгерский хронист XIV в. – 587
- Карамзин Н. М.* – 28, 47-48, 101, 104, 124, 133, 154-155, 314, 322, 362, 388, 413, 440, 442, 542, 585-586, 592, 601
- Каргер М. К.* – 115, 153, 173, 175, 307
- Кареев Н. И.* – 112
- Карлов В. В.* – 12
- Кацтанов С. М.* – 214
- Кезаи Шимон, венгерский хронист XIII в. – 587
- Кизилов Ю. А.* – 267
- Кий, восточнославянский князь, основатель Киева – 95
- Килидж-Арслан II, иконийский султан XII в. – 233
- Кирилл I, киевский митрополит XIII в. – 605
- Кирилл II, киевский митрополит XIII в. – 372
- Кириллин В. М.* – 323, 341
- Киртичников А. Н.* – 115, 606
- Кись Я.* – 50
- Клеванов А. С.* – 48-49
- Климкова Л. Н.* – 49
- Климьята, галицкий боярин XIII в. – 518-519, 521
- Ключевский В. О.* – 23, 32-33, 56, 58, 64, 66, 97, 109, 112, 118, 124, 129-130, 189, 242, 247-248, 269-270, 279, 408
- Кнабе Г. С.* – 423, 426
- Князький И. О.* – 223, 230, 237
- Ковалевский А. П.* – 149

- Ковалевский М. М.* – 64
Ковальский Н. П. – 412
Коган В. М. – 220
Козловский А. О. – 237, 461
Колесов В. В. – 425, 427-428, 497
 Коломан (Кальман), венгерский
 королевич, сын Андрея II,
 правитель в Галиче XIII в. –
 352-353, 356-357, 442-443,
 458, 473, 484, 487, 585
Колчин Б. А. – 339
Комша М. – 238
 Кондрат – см.: Конрад
Коновалова И. Г. – 213-214, 216-
 219, 224, 227, 231, 237
 Конрад I Мазовецкий, польский
 князь XIII в. – 349, 370, 524,
 531, 544, 592-593, 597-599
 Константин VII Багрянородный,
 византийский император X в.
 – 216
 Константин Всеволодович, новго-
 родский и владими́ро-суздаль-
 ский князь XIII в. – 267, 286-
 287, 494
 Константин (Коснятин) Серосла-
 вич, галицкий боярин XII в. –
 253, 255-256, 316, 536, 569
 Кончак, половецкий хан XII в. –
 228, 134
Кордуба М. – 63, 260, 276, 281,
 284, 290, 387, 389-390, 409,
 482, 504, 506
 Кормильчич – см.: Володислав
 Кормильчич
 Кормильчичи, галицкий боярский
 род XIII в. – 341, 370, 374-375,
 381, 405, 418, 447, 496
Королюк В. Д. – 113, 172, 184, 207,
 323
Кортаев А. В. – 15, 114
Корсунский А. Р. – 26
Корф С. А. – 109
Корчинский О. – 181
Косвен М. О. – 472
Косминский Е. А. – 70
Костомаров Н. И. – 46, 51-53, 102,
 200, 204, 206, 258, 260, 290,
 332, 348-349, 372, 389, 395-
 396, 404, 408, 416, 437, 442,
 444, 448, 482, 492, 506, 518,
 546, 549, 570, 578-579, 581
Коструба Т. – 81, 96, 99, 243
 Кость Вячеславич, новгородский
 боярин XIII в. – 600
Котельникова Л. А. – 11
Котков С. И. – 157
Котляр Н. Ф. (Котляр М. Ф.) – 26,
 29, 77-79, 95, 97, 103, 124, 163,
 167-168, 170-171, 173, 180,
 185, 194-195, 201, 211, 214,
 216, 220-221, 229-231, 237,
 243, 245, 269, 275-276, 281,
 294, 298, 308, 310, 312, 322-
 327, 332-333, 342, 361, 372-
 373, 410, 414-415, 420, 434,
 438-439, 442, 445, 448, 459,
 461, 465-466, 468, 501-503,
 506, 508, 510, 511, 513, 517,
 519-520, 532, 536, 538, 541,
 543, 545, 547-548, 552-553,
 555, 562, 565-568, 570-572,
 578-579, 581, 589-590, 593,
 595, 597-601, 603
Котляревский А. А. – 113
 Котьянь Сутеевич, половецкий хан
 XIII в. – 448, 455, 464, 523,
 529, 542, 545
Крадин Н. Н. – 15, 43-44, 114
 Крак, западнославянский князь,
 основатель Кракова – 182
Краснов Ю. К. – 16
Кривошеев Ю. В. – 13, 25, 38, 82,
 139, 202, 241, 257, 268, 277,
 286, 391, 403, 494, 613
Крижановский Л. – 59

Указатель имен

- Криль М. М.* – 49
Крипякевич И. П. (*Крип'якевич І. П.*) – 46, 51, 76-77, 81, 93, 95, 103, 124, 168-169, 171, 173, 192, 199, 201, 243, 266, 280-282, 290, 298, 308, 310, 323, 325, 327, 333, 342, 372, 381, 395, 410-411, 414, 434, 438, 442, 461, 487, 501-502, 506, 517, 519-520, 532, 535, 541, 555, 557, 566, 579
Кроммер М. – 324
Крупнов Е. И. – 184
Крушинский Л. – 59
Кснятин, новгородский боярин XII в. – 287
Куббель Л. Е. – 14
Кудряшов К. В. – 228
Куза А. В. – 12, 161, 434, 492, 555-556
Кузьмин А. Н. – 323
Кузьмин А. Г. – 199
Кузьмина Л. Ф. – 512
Кукушкин Ю. С. – 24
Курбатов Г. Л. – 13, 45, 83, 94, 96, 391
Кучера М. П. – 227, 542
Кучинко М. М. – 183
Кучкин В. А. – 213, 430
Кучковичи, владими́ро-суздальский боярский род XII в. – 398
Кытан, половецкий хан XI в. – 156

Лаврецкий Л. – 172
Лавровский П. – 471
Лазарь, владими́ро-волы́нский боярин XI в. – 106-107, 117-118, 132, 134-137, 139, 141-144, 147-149, 154-156, 285, 398
Латтин П. Ф. – 11
Латкин В. Н. – 268
Лашинюков И. В. – 96, 100, 103
Лебедев Г. С. – 182

Лев Данилович, во́лынский князь XIII в. – 83, 361, 388, 441
Лев Диакон, византийский историк X в. – 150
Левы-Брюль Л. – 136-137
Левицкий А. – см.: *Lewicki A.*
Левицкий И. Е. – 49
Левченко М. В. – 215, 225, 237, 239, 461
Ледяева С. Д. – 280
Ленин В. И. – 66
Леонтович Ф. И. – 113, 129
Лесподорский Б. – 113
Лешко Белый, краковский князь XIII в. – 314-315, 321, 325-331, 336-338, 340, 349-350, 353-355, 357-358, 360, 363-365, 370-371, 378, 381-382, 409, 414, 416, 418-419, 443, 448, 460, 469, 484, 486, 523-524, 537, 598
Лимберт А. – 17
Линиченко И. А. – 58-59, 66, 68, 100, 103-104, 322
Липец Р. С. – 28
Литаврин Г. Г. – 24, 149, 185, 216, 228, 239
Лихачев Д. С. – 92-94, 103, 122, 128, 133, 143, 165, 228, 233, 251, 310, 373, 376, 390, 446
Лихачева О. П. – 418, 534, 540, 547
Лонгинов А. В. – 59, 96, 228, 372, 448
Лукомский Ю. (Лукомський Ю.) – 177
Лурье Я. С. – 154-155, 543
Львов А. С. – 104, 208
Любавский М. К. – 64
Ляскоронский В. – 64, 96
Ляценок П. И. – 188

Мавродин В. В. – 12, 24, 67-68, 115-116, 192, 200, 204-206,

Указатель имен

- 208, 237, 242, 390, 403, 424,
461, 535, 542, 568
- Мазалова Н. Е.* – 424
- Майков А. А.* – 49
- Майоров А. В.* – 16, 31, 34, 38, 83,
170, 206, 236, 253, 316, 391,
398, 422, 429, 477, 485, 488,
509, 524, 537, 568-569, 576,
606-607
- Макарий (Булгаков)* – 124
- Маковский М. М.* – 425
- Максимов С. В.* – 141
- Малиновский И. А.* – 33, 111
- Мануил I Комнин, византийский
император XII в. – 224
- Маретина С. А.* – 14
- Маринка, былинный персонаж –
346
- Мария Мстиславна, дочь Мстисла-
ва Удалого – 484-485
- Марков Г. Е.* – 273
- Марцали Х.* – 587
- Марченко М. У.* – 412
- Массон В. М.* – 306
- Матей, владими́ро-во́лыньский боя-
рин XIII в. – 360
- Махновец Л. Е. (Махновець Л. С.)*
– 156, 177, 235, 418, 534, 538,
540, 572, 599-600
- Мейерович М. Г.* – 153
- Мельникова Е. А.* – 28-30, 98, 587
- Менгес К. Г.* – 232
- Мешко III Старый, великополь-
ский князь XII в. – 311
- Мецкерский Н. А.* – 233
- Микифор, владими́ро-во́лыньский
боярин XIII в. – 378, 381, 456
- Миколай, воевода Казимира Спра-
ведливого – 317
- Микула, галицкий сотский XIII в. –
341, 510
- Милюков П. Н.* – 66
- Миндовг, литовский князь XIII в. –
544, 575, 598-599
- Мирослав, владими́ро-во́лыньский
боярин XIII в. – 278, 286, 361,
357, 365-366, 501, 504-506,
510, 516, 522-524, 537-538,
540, 561, 566-570, 573
- Михаил Всеволодович, чернигов-
ский и галицкий князь
XIII в. – 518, 532-533, 543,
545, 560-566, 569-570, 572-
574, 580, 584-585, 589, 592-
595, 597, 599, 601-606
- Михаил Глебович, черниговский
князь XIII в. – 561
- Михаил Черниговский – см.: Ми-
хаил Всеволодович
- Михаил (Михалко) Юрьевич, вла-
дими́ро-суздальский и киев-
ский князь XII в. – 258, 282-
283, 286, 398
- Михайлова И. Б.* – 120, 161, 204,
462, 478, 534-535, 591, 613
- Михал, котельницкий боярин
XII в. – 249
- Мовчан И. И. (Мовчан I. I.)* – 178
- Могильницкий Б. Г.* – 11
- Молчановский Н. В.* – 230, 291, 591
- Молибоговичи, галицкий боярский
род XIII в. – 507, 511-512, 567-
568, 570
- Мономаховичи, потомки Влади-
мира Мономаха – 553, 601,
604
- Мончук, владими́ро-во́лыньский бо-
ярин XIII в. – 378, 381, 456
- Морозов И. А.* – 400
- Мохов Н. А.* – 214, 216, 221, 223
- Мстибог, владими́ро-во́лыньский
боярин XIII в. – 378-379, 381,
456
- Мстислав Глебович, черниговский
князь XIII в. – 561-562, 564-
565

- Мстислав Всеволодович (Всеволодкович), городенский князь XII в. – 253
- Мстислав Данилович, владимиро-волинский князь XIII в. – 268
- Мстислав Изяславич, сын Изяслава Ярославича, новгородский и полоцкий князь XI в. – 207
- Мстислав Изяславич, сын Изяслава Мстиславича, владимиро-волинский, луцкий и киевский князь XII в. – 40, 249, 252-253, 271, 299, 301, 303-304, 306, 312, 315, 326, 462, 569
- Мстислав Мстиславич Удалой, новгородский и галицкий князь XIII в. – 36, 69-70, 236, 240, 352, 357, 380, 437-455, 457-465, 467-474, 476-479, 484-486, 488, 496, 498, 501, 523, 533, 543-544, 551, 553, 557, 561, 569
- Мстислав Романович, киевский князь XIII в. – 460, 543-544
- Мстислав Ростиславич, ростовский князь XII в. – 394
- Мстислав Святополчич, владимиро-волинский князь XI в. – 147-149
- Мстислав Удалой – см.: Мстислав Мстиславич Удалой
- Мстислав Юрьевич, суздальский князь, правитель Аскалонии XII в. – 224, 286
- Мстислав Ярославич Немой, пересопницкий князь XIII в. – 351-352, 357, 360, 363-364, 367, 385-386, 409, 411, 414, 417, 454, 502, 537, 551
- Мстиславици, династия волинских князей XII – XIII вв. – 61, 313, 544
- Муравьева Л. Л.* – 155, 412, 512
- Мыцьк Ю. А. (Мицук Ю. А.)* – 412
- Назаренко А. В.* – 231, 233, 292, 587, 596
- Насонов А. Н.* – 91, 94, 101-102, 167, 215, 227, 230, 282, 403, 430, 461-462, 517, 534
- Настаська, незаконная жена Ярослава Осмомысла – 255-256, 266, 296, 316-317
- Настасья, былинный персонаж – 346
- Недков Б.* – 218
- Нежатин, новгородский боярин XII в. – 287
- Нездо, кормилец Даниила и Василька Романовичей – 514
- Нерадец, убийца Ярополка Изяславича – 102-107, 117
- Нидерле Л. (Niederle L.)* – 231
- Никита Хониат, византийский историк XII в. – 239
- Никитский А. И.* – 110, 339
- Николай, краковский воевода, советник Казимира Справедливого – 293
- Новицкая Т. Е.* – 12
- Новосельцев А. П.* – 22, 28, 34, 35, 110, 133, 169, 183-184, 195, 206, 250, 266, 390, 412, 527, 587
- Нудьга Г. Л.* – 79
- Один, скандинавский бог – 150
- Олег Вещий, новгородский и киевский князь конца IX – начала X в. – 150, 184, 282
- Олег Святославич, черниговский князь конца XI в. – начала XII в. – 94, 115, 123
- Олег Ярославич («Настасьич»), незаконный сын Ярослава Осмомысла – 178, 256, 266,

Указатель имен

- 270, 274-275, 296, 311, 316-317, 377
- Ольга, киевская княгиня X в. — 153, 156, 424
- Ольга, жена Ярослава Осмомысла — 256
- Ольговичи, черниговские князья XII—XIII вв. — 39, 167, 271, 308, 371, 373-374, 377, 382, 392, 395, 402, 553, 592, 601-602, 604
- Ольдерогге Д. А.* — 11, 14
- Ольшевская Л. А.* — 147
- Орлов А. С.* — 92, 128
- Орлов М. А.* — 141
- Павленко С. О.* — 543, 561, 606
- Павленко Ю. В.* — 15, 114, 306
- Павлов П.* — 214, 237
- Павлушикова М. А.* — 489
- Пакослав Войцехович, польский вельможа, воевода и каштелян XIII в. — 450
- Пакослав Лясотич, польский вельможа, воевода и каштелян XIII в. — 353
- Пассек В. Б.* — 28, 51, 53, 549-550
- Пастернак Я.* — 173, 175, 182, 184, 385
- Паук, посадник в Шумске, кормилец Владимира Андреевича — 303
- Паулер Д.* — 587
- Пауткин А. А.* — 341, 373
- Пашаева Н. М.* — 49
- Пашин С. С.* — 83-84, 192, 195, 201, 204-205, 241, 276, 351, 361, 369, 388-389, 415, 441, 552, 612-613
- Пашуто В. Т.* — 12, 28, 34-35, 46, 72-73, 98, 103, 110, 113, 162-163, 169, 183-184, 192, 194, 198, 200, 204-206, 209, 211, 214-215, 228, 233, 236, 243, 250, 256, 266-267, 269-270, 279, 281-283, 293-294, 308, 322, 326-327, 332-333, 343, 355, 360-362, 372-373, 375, 381-382, 384, 389-390, 393, 395, 409, 411-415, 421, 434, 438, 441-442, 447-448, 453, 459, 461-462, 470, 483-485, 487, 502-506, 511-512, 514, 517, 519, 527-529, 533-535, 537-538, 543-546, 551-552, 562, 565, 567-568, 570, 574, 579, 582, 586, 588, 590-591, 595-597, 599-602, 605-606
- Педич В.* — 50
- Перенежко, галичанин — 537
- Перети Й.* — 184
- Перун, славянский бог — 143
- Перфецкий Е. (Перфецький Є.)* — 199
- Перхавко В. Б.* — 169, 211, 213-214, 216-219, 224-225, 227, 231, 237
- Перициц А. И.* — 15
- Петегирич В. М.* — 184
- Петр Борисович (Бориславич), киевский боярин — 234, 243-245
- Петров А. В.* — 24-25, 139, 340, 613
- Петров Н. И.* — 59
- Петрухин В. Я.* — 24
- Петрушевич А. С.* — 50, 172, 218
- Пиетрчак М.* — 113
- Пичета В. И.* — 64, 70-71
- Платонов С. Ф.* — 23, 35, 64, 189, 267
- Плетнева С. А.* — 233-234, 237, 528
- Плоскыня, предводитель бродников в битве на Калке — 240
- Плюханова М. Б.* — 307
- Поболь Л. Д.* — 173
- Погодин М. П.* — 220, 542
- Покровский М. Н.* — 188

- Покровский С. А.* – 74
Полевой Л. Л. – 223
Полевой Н. А. – 542, 601
Полонская-Василенко Н. Д. (*Полонська-Василенко Н. Д.*) – 81, 243, 351
Померанцева Э. В. – 141
Попов В. А. – 13, 16, 114
Попова Л. М. – 275, 312, 321, 370, 416
Попович М. В. – 424
 Порфирий, черниговский епископ XIII в. – 605
Порфирьев И. Я. – 143
Поринев Б. Ф. – 424
Потин В. М. – 215
Преображенский А. Г. – 254, 429
Пресняков А. Е. – 23, 25-27, 64, 95, 120, 125, 171, 189, 244, 247, 395, 419
Приселков М. Д. – 94-95, 122, 128, 141, 154, 373
 Прокопий, белгородский тысяцкий XII в. – 40
Пропт В. Я. – 346, 472-474
Пузанов В. В. – 25, 29, 31, 82, 139, 361, 435, 441, 509, 548, 613
 Путята, киевский тысяцкий XII в. – 42
Пушкарева С. Г. – 189
Пшик В. – 370

Рабинович Р. А. – 215, 218, 220-221, 224, 226-227
 Рагуил Добрынич, котельницкий боярин XII в. – 249
 Разин Степан, предводитель казачко-крестьянской войны XVII в. – 344
Рапов О. М. – 101, 220, 256, 272, 321, 361, 600
Раппопорт П. А. – 115, 173, 177, 306, 535, 542

 Ратибор, киевский тысяцкий XII в. – 40
Ратич О. О. – 79, 173, 555-556
Робинсон А. Н. – 428, 430
 Рогволод Борисович, полоцкий князь XII в. – 39, 271
Рогачевская Е. Б. – 124
Рогов В. А. – 151, 266, 345
Рогозинский А. М. – 64
Рожков Н. А. – 260, 339
Розанов С. П. – 397
 Роман Владимирович, владимиро-волынский князь XII в. – 163, 165-166
 Роман Глебович, рязанский князь конца XII – начала XIII в. – 394
 Роман Данилович, сын Даниила Галицкого – 596
 Роман Игоревич, звенигородский и галицкий князь XIII в. – 351, 353, 356, 359, 365, 376-377, 379, 382-387, 392, 402, 556-557
 Роман Михайлович, брянский князь XIII в. – 40
 Роман Мстиславич, владимиро-волынский и галицкий князь конца XII – начала XIII в. – 53, 57-58, 61-62, 81, 88, 275, 277-278, 280-281, 283-285, 287, 305, 308-310, 312-313, 315, 321, 324-330, 332-336, 340-345, 349-351, 354, 357-359, 366, 368-375, 378, 382, 388, 405-406, 416-417, 447, 454-455, 463, 468, 477, 492, 496, 512, 525-526, 531-532, 541-542, 560, 588
Романов Б. А. – 94, 244
Романов В. К. – 446
 Романовичи, сыновья Романа Мстиславича – 350, 352, 354,

- 366, 372, 374-375, 377, 379, 382, 405, 448-452, 456-457, 465, 469-470, 499-502, 505, 507, 510, 513, 517, 522-526, 530-532, 540-541, 544-545, 547-548, 566, 568, 571, 573-576, 578, 583-585, 588-589, 592, 594-599, 601-606
- Романовы, династия московских царей и российских императоров – 96
- Ростислав (Григорий) Василькович, сын Василька Ростиславича – 155, 220
- Ростислав Владимирович, дорогобужский князь XII в. – 239
- Ростислав Владимирович, перемышльский князь (?) – 220
- Ростислав Володаревич, перемышльский князь XII в. – 169, 171, 196, 220, 555
- Ростислав Всеволодович, переяславский князь XI в. – 247
- Ростислав Иванович Берладничич, сын Ивана Берладника – 220, 262, 289-291
- Ростислав Игоревич, галицкий князь XIII в. – 351, 392
- Ростислав Михайлович, галицкий князь XIII в. – 532, 570, 573, 575, 579-580, 582-583, 594-595, 597, 603-604
- Ростислав Мстиславич, смоленский и киевский князь XII в. – 32, 39, 212-213, 220, 248, 262, 466, 475-476
- Ростислав Рюрикovich, киевский князь XIII в. – 237, 331, 335-336, 351, 384
- Ростиславичи, династия галицких князей конца XI – XII в. – 91-93, 95, 98-99, 101-104, 106-107, 117, 122-124, 126-128, 131-135, 140-143, 145, 148-149, 152-154, 158, 160, 170, 226, 284, 321, 333, 345, 374-375, 405, 416, 419, 554-555
- Ростиславичи, сыновья Ростислава Мстиславича – 308
- Рубинштейн Н. Л.* – 140, 412
- Русанова И. П.* – 223
- Руссов С.* – 47
- Рыбаков Б. А.* – 21, 24, 26, 77-79, 103, 120, 133, 142, 152, 159, 184, 199, 217, 228, 234, 237, 243-245, 258, 265-267, 269, 276, 287, 310, 361, 401, 403, 412, 424, 430, 459, 466, 468, 475, 483, 506, 508-509
- Рыбников П. Н.* – 346
- Рычка В. М.* – 161, 204, 534
- Рюрик, новгородский князь IX в., основатель династии Рюриковичей – 220
- Рюрик Ростиславич, киевский князь конца XII – начала XIII в. – 103-104, 117, 226, 234, 249, 275, 285, 289, 309, 324, 326-327, 330, 334-336, 371, 373-374, 377, 382, 393, 395, 430, 466, 468, 476, 521, 532
- Рюриковичи, династия древнерусских князей – 64, 213, 220, 235, 352, 416, 517, 590
- Рязановский Ф. А.* – 146
- Савич А. А.* – 67, 201, 206, 482
- Сайко Э. В.* – 18, 80, 423
- Саладин (Салах ад-дин), султан Египта и Сирии XII в. – 232
- Саломея, дочь Лешка Белого – 484
- Сальверигин, западнославянский князь, основатель Сандомира – 182
- Самоквасов Д. Я.* – 550

Указатель имен

- Сандулов Ю. А.* – 25
Санникова О. В. – 400
Сахаров А. Н. – 83, 93, 100, 236, 569
Сахаров А. М. – 140
 Сбыслав Станиславич, галицкий боярин XIII в. – 454, 571
 Сбыслава Святополковна, жена Болеслава Кривоустого – 160
Свердлов М. Б. – 12, 17, 19-21, 41, 65, 79, 231, 446
Свидерский Ю. Ю. (*Свідерський Ю. Ю.*) – 356
Свистун Ф. И. – 182
 Святополк, галицкий боярин XII в. – 254-257
 Святополк Изяславич, киевский князь конца XI в. – начала XII вв. – 39, 115, 117-127, 131, 147, 156, 159, 164, 169, 247, 466, 520
 Святополк Мстиславич, владимиро-волинский и луцкий князь XII в. – 302
 Святополк Окаянный, киевский князь XI в. – 157
 Святополк Юрьевич, туровский князь XII в. – 253
 Святослав Владимирович, дорогобужский князь конца XII – начала XIII в. – 239
 Святослав Всеволодович, черниговский и киевский князь XII в. – 166-167, 193, 224, 249-250, 259, 268, 288-290, 324, 466, 468, 476, 520
 Святослав Игоревич, сын Игоря Рюриковича, киевский князь X в. – 150
 Святослав Игоревич, сын Игоря Святославича, новгород-северский и перемышльский князь XIII в. – 349, 351, 363, 365-366, 377, 379, 384, 386, 392, 402, 420-422, 456-457, 485, 524
 Святослав Мстиславич, сын Мстислава Изяславича, владимиро-волинский и червенский князь XII в. – 255-256, 302, 312-313, 318
 Святослав Мстиславич, сын Мстислава Романовича, новгородский и смоленский князь XIII в. – 272
 Святослав Ольгович, новгород-северский и черниговский князь XII в. – 212, 239, 253, 259, 271, 288-289
 Святослав Ярославич, черниговский и киевский князь XI в. – 39
 Святославичи, сыновья Святослава Ярославича – 121
Седов В. В. – 231
Седова М. В. – 178
 Семен Коднинский, галицкий боярин XIII в. – 537
 Семен (Семюно) Чермный, галицкий боярин XIII в. – 452, 474, 503, 548
Сергеевич В. И. – 11, 14, 17, 20, 32, 35, 58, 66, 97-98, 109-110, 112, 118, 120, 125, 128-129, 191, 194, 199, 244, 247, 250, 260, 272, 298, 304-305, 339, 371, 440
Сергеевский Н. Д. – 344
 Сергей Колива, византийский историк XII в., секретарь императора Исаака Ангела – 239
Середонин С. М. – 228, 230
 Синахериб, ассирийский царь конца VIII – начала VII в. до н. э. – 528
Сказкин С. Д. – 489

Указатель имен

- Славина Т. А.* – 16, 422
Смирнов И. – 113
Смирнов М. П. – 46-47, 51-52, 96, 260-261, 269, 348, 372, 440, 482, 506
Смирнов П. П. – 432-433
Смолий В. А. – 439, 547
 Сновид Изечевич, конюх Святополка Изяславича – 118, 156
 Снорри Стурлусон, исландский писатель XIII в. – 346
Соболев А. Н. – 144
Соболевский А. И. – 214-215
Соловьев А. В. – 375
Соловьев С. М. – 64, 91-92, 95, 100-104, 117-118, 124, 133, 163, 191, 242, 254, 269, 275, 287, 290, 322, 413, 440, 442, 448, 508-509, 542, 566, 581, 588, 592, 601, 604
 Сонгур, посланец Ярослава Всеволодовича к хану Батью – 606
Сороколетов Ф. П. – 280
 Софонович Феодосий, украинский хронист XVII в. – 143, 246, 392, 562
Софроненко К. А. – 74-75, 209, 241, 261, 269, 276, 279, 298, 393, 409, 414, 438, 483, 506, 516
Срезневский И. И. – 92, 107, 155, 208, 254-255, 280, 422
 Станислав, переяславский тысяцкий XII в. – 40
Стеблій Ф. И. – 49
Стефанів З. – 280
Стоклицкая-Терешкович В. В. – 11
Столяр А. Д. – 115
 Стрыйковский Мацей, польский хронист XVI в. – 275, 341
Субтельный О. – 81
 Судимир, новгородский боярин XIII в. – 600
 Судислав Бернатович, галицкий боярин, воевода XIII в. – 175-177, 236, 362-363, 365, 367, 389, 407, 443, 452-453, 455, 457-458, 467, 474, 483, 488, 499, 501-506, 513-514, 516-518, 521, 526, 528, 536, 539-540, 542, 546, 548-549, 557, 575-576, 582
 Судислав Ильич, галицкий боярин XIII в. – 570-572
Сум П. Ф. – 47
Сухарева О. А. – 11
Тайлор Э. Б. – 141
 Тацит Корнелий, римский историк конца I – начала II в. н. э. – 112
Татищев В. Н. – 42, 93, 98, 100-101, 123, 126, 143-144, 148, 160-162, 164, 169, 171, 195-196, 199, 212, 231, 254, 276, 278, 283-284, 293-294, 297, 300-301, 303, 313-315, 318-319, 322, 324, 326-327, 331, 333-336, 351, 370, 376-379, 384, 386-387, 392-394, 396-398, 401-402, 442, 460, 487, 497, 499, 555, 560, 564, 569, 573, 588, 594
 Твердислав, новгородский посадник XIII в. – 272, 380
Творогов О. В. – 194, 233-234, 310, 375
Тельнов Н. – 230
Тертиловский Р. В. – 80, 180
Терский-Шеломенцев В. С. (*Терський-Шелом'яців В. С.*) – 555-556
Тимонин А. Н. – 29-30
Тимоцук Б. А. (*Тимоцук Б. О.*) – 12, 174, 176, 178-179, 223, 227, 230

- Тихомиров М. Н.* – 22-23, 46, 71-72, 74, 96, 105, 168, 170, 174-175, 180-181, 187, 189, 192-193, 198, 205, 223, 237, 239, 242, 298, 305, 307, 345, 434, 440
- Тихонравов Н. С.* – 143-144
- Токарев С. А.* – 141, 154, 423
- Толди Ф.* – 587
- Толочко А. П.* (*Толочко О. П.*) – 182, 412, 466, 475
- Толочко П. П.* – 77-79, 96, 161, 163, 174, 183, 185, 192, 195, 201, 204, 206-207, 211, 235, 242, 256, 266, 439, 459-460, 466, 482, 506, 510, 534-535, 591
- Толстой Н. И.* – 145-146, 400
- Томашеский С.* (*Томашівський С.*) – 80-81, 242
- Томенчук Б. П.* – 79, 80, 180-182
- Топоров В. Н.* – 146
- Трайде Д.* – 15
- Травников С. Н.* – 147
- Торчин, повар Глеба Владимировича* – 157
- Троян, славянский бог* – 143
- Трубачев О. Н.* – 471
- Тудор Елчич, галицкий боярин, воевода XII в.* – 253, 536
- Туроци Янош (Iogannes de Thúgosz), венгерский хронист XV в.* – 585-587
- Турык, владими́ро-во́лыньский боярин XI в.* – 106-107, 117-118, 134-135, 137, 139, 141, 147-148
- Турин А. Ф.* – 103-104
- Удальцов А. Д.* – 70
- Ужанков А. Н.* – 373
- Улеб, киевский тысяцкий XII в.* – 39, 42
- Успенский Б. А.* – 144-146, 149, 157, 400
- Успенский Ф. И.* – 239
- Фадеев Л. А.* – 12, 340
- Фасмер М.* – 137, 429, 471
- Федор Юрьевич, рязанский князь XIII в.* – 431
- Феннел Дж.* – 384, 442, 543, 560, 566, 572
- Феодор, монах Киево-Печерского монастыря* – 147
- Феодосий Софонович* – см.: Софонович Феодосий
- Филарет (Гумилевский)* – 95, 103, 234
- Филевич И. П.* – 57-58, 483
- Филипп, галицкий боярин XIII в.* – 363, 365, 367, 389, 407, 507, 512, 572
- Фишпичук М.* – 181
- Филппов А. Н.* – 64, 109
- Флоровский А. В.* – 215
- Флоря Б. Н.* – 323, 356
- Франчук В. Ю.* – 430
- Фрейденберг М. М.* – 11, 113, 225
- Фридрих I Барбаросса, германский император XII в.* – 292, 294
- Фридрих II, германский император XIII в.* – 595-596
- Фридрих II Воинственный, австрийский герцог XIII в.* – 595-596
- Фримен (Фриман) Э.* – 113
- Фролов Э. Д.* – 45, 94, 114
- Фроянов И. Я.* – 10-13, 17-26, 28-29, 34-39, 42-45, 65, 82-85, 88, 91, 94-102, 105-107, 112, 115-116, 118-119, 124-125, 127, 130, 133-135, 137-139, 152-153, 157-158, 163-164, 166-168, 170-171, 188-194, 197, 199-208, 236, 241, 244-245,

- 247, 253, 257-263, 266-269, 272-274, 277-278, 280, 283, 285-288, 290, 298-301, 303, 305, 307-308, 317, 327, 333-334, 337, 347, 352, 358, 371-372, 378, 380-381, 390-391, 393-394, 397, 399, 401-403, 415, 417, 422, 424-425, 429, 432-433, 440-441, 456, 461-462, 467, 475, 477-478, 488, 494, 499, 509, 521, 533, 537, 549-550, 552-553, 556, 568-569, 572, 612
- Фрэзер Дж. Дж.* – 137-140, 146, 150, 347, 404, 417, 423, 472
- Фюстель де Куланж Н. Д.* – 113, 428-429
- Хальвдан Высоконогий, норвежский конунг X в. – 345-346
- Харальд Прекрасноволосый, норвежский конунг X в. – 345
- Хачатурян Н. А.* – 114
- Хоман Б. (Hóman B.)* – 587
- Хоппе Й. А.* – см.: *Норре Ж. А.*
- Хорс, восточнославянский бог – 143
- Хруцов И. П.* – 141
- Худяков И. А.* – 396
- Цанкова-Петкова Г.* – 216
- Цейтлин Р. М.* – 208
- Циммерлинг А. В.* – 292, 596
- Цыганенко Г. П.* – 137, 157, 429
- Чак, галицкий боярин XIII в. – 514
- Чарговичи, приближенные Ярослава Осмомысла – 256
- Чекин Л. С.* – 235
- Черетин Л. В.* – 12, 22, 23, 34, 110, 128, 133, 140, 188-189, 260, 267, 373, 390, 440, 565
- Черных П. Я.* – 137, 157, 273
- Чернышев А. В.* – 113
- Чоловский А. (Czolowski A.)* – 172-173
- Чорна, восточнославянская княжна – 182
- Чубатый М.* – 64, 112
- Шаблага А. В.* – 543, 561, 605
- Шайкин А. А.* – 95, 103
- Шанская Т. В.* – 137, 157
- Шанский Н. М.* – 137, 157, 254, 429
- Шатино А. Л.* – 140
- Шараневич И. И.* – 48, 50-51, 172, 260, 437, 542, 591
- Шахмагонов Ф. Ф.* – 464
- Шахматов А. А.* – 128, 141, 154, 492
- Шварн, киевский воевода XII в. – 40
- Шебеишъен Д.* – 587
- Шеломенцев-Терский В. С. (Шелом'янцив-Терський В. С.)* – 554
- Шинаков Е. А.* – 29-31
- Шницъин Л. М.* – 83
- Шлёцер А. Л.* – 46-47
- Шляков Н. В.* – 93
- Штаерман Е. М.* – 15, 114
- Шталь И. В.* – 113
- Штамм С. И.* – 344
- Шушарин В. П.* – 183-185, 237, 240, 412, 527, 587
- Щатов Я. Н.* – 12, 22, 199, 266, 274, 339-340
- Щавелева Н. И.* – 98, 103, 106, 160, 275, 311-312, 315, 321-323, 326, 329-330, 340, 371, 416, 419, 455, 486, 496, 512, 588, 598
- Эйнар, норвежский ярл X в. – 345-346

- Эммаусский А. В.* – 69-70, 439, 442, 445-446, 448-450, 452-453, 465
- Энгель Й. Х.* – см.: *Engel J. Ch.*
- Энгельс Ф.* – 307
- Юдин Ю. И.* – 82
- Юдита, сестра Казимира Справедливого – 311
- Юрасов М. К.* – 185
- Юрий, перемышльский тысяцкий XIII в. – 450
- Юрий Витанович, галицкий боярин XIII в. – 362, 367, 387, 496
- Юрий Владимирович Долгорукий, ростово-суздальский и киевский князь XII в. – 32, 40, 213, 224, 248, 258, 271, 299-301, 475-476, 494
- Юрий Всеволодович, владимиросуздальский князь XIII в. – 267, 505, 601, 605
- Юрий Домажирич, галицкий боярин XIII в. – 238, 447
- Юрий Прокопъич, киевский боярин XII в. – 286
- Юрий Прокопъич, пересопницкий воевода XIII в. – 537
- Юрий Ярославич, туровский и пинский князь XII в. – 299
- Юшков С. В.* – 22, 34-35, 65, 68-69, 75, 110, 152, 271-272, 345, 482, 492, 550
- Яволод, галицкий боярин XIII в. – 358, 360, 364, 537
- Яким Влункович, новгородский боярин XIII в. – 600
- Якобсон В. А.* – 44
- Якубовский А. Ю.* – 71, 600
- Якубовский И.* – 492
- Якун, киевский воевода XII в. – 213
- Ян, галицкий боярин XIII в. – 448-449
- Ян Вышатиц, киевский воевода и тысяцкий XI в. – 39-40, 135, 152-153, 347, 398
- Ян Длугош – см.: Длугош Иоанн (Ян)
- Янец, галичанин – 445, 537
- Янин В. Л.* – 12, 18-19, 33, 80, 110, 321, 339, 492
- Ярополк, галицкий боярин XIII в. – 358, 360, 364, 537
- Ярополк Владимирович, киевский князь XII в. – 166, 169
- Ярополк Изяславич, владимировольинский князь XI в. – 91-104, 106-107, 117, 119, 123, 126-127, 156, 165, 303, 554
- Ярослав Владимирович Мудрый, киевский князь XI в. – 94, 96, 120, 247, 390, 395, 561, 590
- Ярослав Владимирович Осмомысл, галицкий князь XII в. – 54, 78, 178, 194-196, 202, 211-213, 219-220, 226, 228-229, 231-234, 241-246, 252-254, 256-257, 264-265, 268-270, 274, 278, 280, 299, 301, 303, 311, 316-317, 326-327, 343, 375, 377, 463, 499, 517, 531
- Ярослав Всеволодович, переяславский, новгородский, киевский и владимиросуздальский князь XIII в. – 36, 375-377, 405, 563, 584, 599-606
- Ярослав Изяславич, владимировольинский, луцкий и киевский князь XII в. – 235, 252-253, 258, 301, 303, 308
- Ярослав Ингваревич, луцкий князь XIII в. – 502, 602
- Ярослав Мудрый – см.: Ярослав Владимирович Мудрый

- Ярослав Осмомысл – см.: Ярослав Владимирович Осмомысл
 171, 321, 332, 370, 555
 Iohannes de Thúroc – 585
- Ярослав (Ярославец) Святополчич, владими́ро-волы́нский князь XII в. – 159-165, 170-171, 190-192, 200, 299
- Ярослав Ярославич, тверской, владими́ро-сузда́льский и новгородский князь XIII в. – 337
- Ярославна – см.: Ефросиния Ярославна
- Ясинский М. Н.* – 214
- Abgarowicz K.* – 312
- Balzer O.* – 312, 315, 326
- Bănesku N.* – 229
- Baumgarten N.* – 155, 324, 443
- Bielowski A.* – 51, 160, 311
- Bogdan I.* – 224
- Brunner H.* – 113
- Caban W.* – 312, 315
- Czolowski A.* – 50, 173
- Dąbrowski J.* – 322, 329
- Diakomu P.* – 229
- Dimnik M.* – 542, 560, 590
- Długossii J.* – см.: Joannis Długossii
- Długosz J.* – см.: Joannis Długossii
- Engel J. Ch.* – 46-47
- Gebhard L. A.* – 46
- Giuresku C. C.* – 229
- Gorski K.* – 277, 293, 314
- Homán B.* – 489, 587
- Hoppe J. A.* – 46
- Huber A.* – 596
- Ignatieff L.* – 112
- Joannis Długossii – 130, 160, 165,
- Korpela I.* – 220
- Kętrzyński W.* – 598
- Kotliar N.* – 543
- Kürbis B.* – 312, 318, 322, 329
- Lewicki A.* – 50-51
- Lewicki T.* – 218
- Lowmiański H.* – 329, 598
- Lozinskij G.* – 233
- Maleczynski K.* – 160
- Marczali H.* – 489
- Miller K.* – 217
- Mitkowski J.* – 315
- Niederle L.* – 151
- Panaiteşku P. P.* – 214
- Pasternak J.* – 184
- Pauler J.* – 586
- Peleński J.* – 177
- Polkowska-Morkowska W.* – 598
- Starczynski F.* – 47
- Smolka S.* – 277
- Spinei V.* – 214, 226, 229
- Stählin K.* – 112
- Stecki J. T.* – 59
- Strykowski M.* – 275, 341, 555
- Szalay L.* – 547, 585-586
- Szaranewicz I.* – 442, 586
- Wilkievicz-Wawrzyńczykowa A.* – 370
- Wittvogel K. A.* – 112
- Włodarski B.* – 315, 325, 327, 332, 355, 362, 370, 375-376, 414, 502, 592-593, 596
- Zubrzycki D.* – 48

А. В. Майоров
ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ
РУСЬ

Оригинал-макет подготовлен при участии

Арт-студии «ENoth.ru»

Главный редактор *С. Еременко*

Главный художник *В. Макаров*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.07.01

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 40. Тираж 1500 экз. Зак. № 4119

ООО Издательство «Университетская книга»

Лицензия ИД № 03896 от 30.01.01

г. Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 29, корп. 1, лит. Б

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12